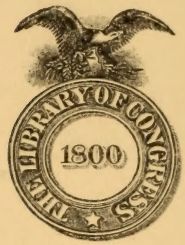

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

GPO

17579
3

КАРТИНА
ЧЕЛОВѢКА,

ОПЫТЪ

НАСТАВИТЕЛЬНАГО ЧТЕНІЯ О ПРЕДМЕТАХЪ САМОПОЗНАНІЯ ДЛЯ ВСѢХЪ ОБРАЗОВАННЫХЪ СОСЛОВІЙ,

НАЧЕРТАННЫЙ

А. Галичемъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1834.

Galich, Aleksandr Ivanovich.
Kartina cheloveka.

КАРТИНА ЧЕЛОВѢКА,

ОПЫТЪ

Наставительнаго чтенія о предметахъ самопознанія для всѣхъ образованныхъ сословій,

начертанный

А. Галичемъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1834.

BD 450
G 265

Печатать позволяется

Съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ, Іюля 8 дня 1833 года.

Цензоръ А. *Никитенко.*

TF Sept. 21.62

ВВЕДЕНІЕ

§§

Знакомитъ Читателя предварительно — съ понятіемъ, — важностію—съ отношеніемъ излагаемаго Человѣкоученія къ другимъ прикосновеннымъ Наукамъ, — со способомъ обработанія,—съ затрудненіями,— съ Исторіей онаго и литературой, — съ раздѣленіемъ . . . § 1 — 32.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Человѣкъ въ разумѣ общей природы.

ГЛАВА 1-я. Задачи и требованія Науки . . . . § — 33.
ГЛАВА 2-я. Приложеніе общихъ задачъ и требованій Науки къ отдѣльному быту нынѣшней
A) Жизни тѣлесной,
B) Свободно-духовной,
C) Общественной . . . . . § — 34.
ГЛАВА 3-я. Мѣсто человѣка въ великомъ Мірозданіи . . . . . § 35 — 48.

КНИГА ВТОРАЯ.

Составъ человѣческаго существа.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Тѣло.

ГЛАВА 1-я. Тѣлесная Дидактика.
Отдѣленіе I. Отправленія жизни тѣлесной, — зиждущія, двигающія, чувствующія . . . . . § 59 — 60.
Отдѣленіе II. Особенныя системы нашего организма, — сосудистыя, мышечныя, нервныя; . . . . . § 61 — 76.

§§

Отдѣленіе III. Главнѣйшіе отдѣлы или вѣдомства тѣла — голова, туловище, конечности . . . . § 77 — 87.

ГЛАВА 2-я. Тѣлесная феноменологія.

Отдѣленіе I. Здоровье и болѣзнь . . . § 89 — 93.

Отдѣленіе II. Бдѣніе и спанье . . . . § 94 — 99.

Отдѣленіе III. Уродливости человѣческаго организма . . . . . § 100 — 105.

ГЛАВА 3-я. Тѣлесная Семіотика = Темпераменты § 106 — 114.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Духъ.

ГЛАВА 1-я. Духовная Дидактика.

Отдѣленіе I. Теоретическая сторона духа, — познаваніе.

Грань 1-я. Чувственная или связанная дѣятельность познаванія.

Статья I. Чувственное созерцаніе . . § 129 — 156.

Статья II. Чувственное воображеніе и представленіе . . . . . § 157 — 164.

Статья III. Чувственная связь представленій — въ соображеніяхъ и мечтахъ . . . . . § 165 — 176.

Грань 2-я Способъ свободнаго познанія

Статья I. Полумысли.

Пунктъ 1-й. Мнѣнія. . . . . § — 181.

Пунктъ 2-й. Правдоподобныя догадки § — 182.

Пунктъ 3-й Вѣра . . . . . § 183 — 184.

Статья II. Полное мысленіе условное.

Пунктъ 1-й. Стихійныя созданія мысли § 189 — 194.

Пунктъ 2-й Категоріи, . . . § 195 — 198.

Пунктъ 3-й Науки, ... § 199 — 207.

Статья III. Полное мысленіе безусловное.

Пунктъ 1-й. Идеи, ... § — 209.

Пунктъ 2-й. Разумъ, ... § 210 — 213.

§§

Пунктъ 3-й. Философія или Метафизика, § 214 — 215.
Грань 3-я. Способъ посредствующаго или смѣшаннаго познаванія = Память, . § 216 — 225.
Грань 4-я. Перечневая — познаніе самаго себя.
Статья I. Внутреннее чувство, . . . § 228 — 229.
Статья II. Сознаніе, ... § 230 — 235.
Статья III. Самосознаніе . . . . . § 236 — 239.
Отдѣленіе II. Практическая сторона духа.
Грань 1-я. Общій неразвитый составъ духовныхъ силъ, движущихъ извнутри наружу,
Статья I. Чувственныя, связанныя побужденія, вожделѣнія, склонности, § 242 — 247.
Статья II. Воля . . . . . § 248 — 250.
Статья III. Свобода, ... § 251 — 256.
Грань 2-я. Особенное направленіе и развитіе практическихъ силъ духа.
Статья I. Привычки, ... § 258 — 260
Статья II. Страсти.
Пунктъ 1-й. Страсти одинокаго быта или чисто животнаго самолюбія . . . . § — 264.
A) Страсть къ многоразличнымъ услажденіямъ грубыхъ чувствъ.
I. Сластолюбіе,
II. Пьянство,
III. Вандализмъ.
B) Страсть къ забавамъ,
C) Любостяжаніе.
I) Корыстолюбіе . . . § — 265.
II. Страсть къ прибыткамъ § — 266.
III. Скупость . . . . § — —
Пунктъ 2-й. Страсть половая — любовь, ... § 268 — 274.

§§

Пунктъ 3-й. Страсти общежительныя.

А) Положительнаго качества.

I) Гордость . . . . § 272 — 274

II) Любочестіе . . . . § 275 — 278.

III) Властолюбіе . . . . § 279 — 280.

В) Отрицательнаго качества

I) Своевольство . . . . § — — 281.

II) Фанатизмъ . . . . § — — 282.

III) Ненависть . . . . § 283 — 287.

а) Зависть

б) Мстительность

в) Злоба.

Пунктъ 4-й. Перечневой = эгоизмъ § 290 — 292.

Статья III. Бытъ нравственный = характеръ, ... § 294 — 300.

Грань 3-я Перечневая = Совѣсть, . . . § 301 — 304.

Отдѣленіе III. Сердечная сторона духовной жизни.

Грань 1-я. Составъ жизни сердечной.

Статья I. Общія черты ощущеній . . § — — 307.

Статья II. Значеніе сердца въ ряду теоретическихъ и практическихъ сторонъ жизни . . . § 308 — 313.

Статья III. Законы сердечной жизни и порядокъ ея движеній . . . . § 314 — 324.

Грань 2-я. Сердечная жизнь въ частныхъ развитіяхъ и направленіяхъ ея дѣятельности.

Статья I. Ощущенія собственнаго нашего тѣла, ... § 327 — 328.

Статья II. Симпатія съ подобными себѣ тварями. . . . . § 329 — 333.

Статья III. Ощущенія высшаго, идеальнаго порядка жизни.

Пунктъ 1-й. Ощущеніе Истиннаго § 335 — 339.

§§

Пунктъ 2 й. Ощущеніе нравственное § 340 — 345.
Пунктъ 3-й. Ощущеніе эстетическое § 346 — 350.
Пунктъ 4-й. Перечневой — ощущеніе религіозное, . . . § 351 — 354.
Грань 3-я. Бытъ сердца.
Статья I. Причуды, ... § 359 — 361.
Статья II. Волненія или тревоги сердца.
Пунктъ 1-й Тревоги со стороны разсудительности, . . § — — 368.
A) Рвеніе или задумчивость.
B) Изумленіе.
C) Испугъ или переполохъ.
Пунктъ 2-й. Тревоги сердца со стороны воли,
A) Страхъ . . . . . § 369 — 373.
B) Гнѣвъ . . . . . § 373 — 376.
C) Ревность . . . . . § 377 — 379.
Пунктъ 3-й. Волненія, которыя сердце причиняетъ само себѣ,
A) Непосредственные порывы радости . . . . . § 381 — 394.
B) Непосредственные порывы печали § 395 — 397.
C) Посредственные или производные порывы безспокойства душевнаго.
I) Стыдъ . . . . . § 400 — 402.
II) Раскаяніе . . . . . § 403 — 404.
III) Мнительность . . . § — — 405.
Статья III. Энтузіазмъ, ... § 408 — 411.
Грань 4-я. Перечневая = самоощущеніе, . . § 412 — 413.
Отдѣленіе IV. Перечневое — свободное творчество.
Грань 1-я. Свободное творчество въ сношеніяхъ его съ потребностями чувствъ § 418 — 422.

§§

Грань 2-я. Свободное творчество, руководимое въ своихъ стремленіяхъ смысломъ . . . . . § 423 — 426.
Грань 3-я Творчество идеальное, ... § 427 — 436.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Соотношеніе между тѣлесною жизнію и духовною . § 437 — 447.
ГЛАВА 2-я. Духовная Феноменологія.
Отдѣленіе I. Врожденные недостатки и совершенства въ главнѣйшихъ отправленіяхъ духовной жизни.
Грань 1-я. Чрезвычайныя явленія въ области умозрительной.
Статья I. Чрезвычайныя явленія въ области умозрительной жизни отрицательнаго качества.
Пунктъ 1-й. Недостатокъ чувствъ — у слѣпыхъ и глухонѣмыхъ, . § 454 — 455.
Пунктъ 2-й Врожденная слабость воображенія — изувѣрство, . § 456 — 362.
Пунктъ 3-й. Слабость смысла — у несмыслей, ... § — — 463.
Пунктъ 4-й. Слабость разсудка — у глупцевъ, ... § — — 464.
Пунктъ 5-й. Недостатокъ благоразумія — у глупливыхъ, . . . § — — 465.
Пунктъ 6-й. Слабости сознанія вообще — у разсѣянныхъ и углубленныхъ, ... § 466 — 476.
Статья II. Чрезвычайныя явленія въ умозрительной жизни положительнаго качества.
Пунктъ 1 й. Совершенства ума формальныя, ... § 478 — 481.
А) Остроуміе.

§§

B) Проницательность.
C) Глубокомысліе.
Пунктъ 2-й. Совершенства ума матеріяльныя . . . . . § 482 — 489.
A) Наблюдательный талантъ.
B) Даръ гаданій.
C) Многообъятный умъ.
Грань 2-я Чрезвычайныя явленія въ дѣятельности практическихъ силъ духа . § 490 — 491.
Грань 3-я. Природные таланты и недостатки сердца . . . . . § 492 — 493.
Грань 4-я. Перечневая, — сплошныя явленія необыкновенныхъ состояній духовной жизни какъ со стороны отрицательной, (*Кретинизмъ*), такъ и со стороны положительной, (*Геній*), ... § 494 502.
Отдѣленіе II. Исторія сонной жизни.
Грань 1-я. Естественный сонъ . . . . . § 504 — 524.
Грань 2-я. Лунатизмъ . . . . . § — — 525.
Грань 3-я. Магнитизмъ животный . . . § 526 — 553.
Отдѣленіе III. Болѣзни душевныя,
Грань 1-я. Разстройство умственныхъ силъ § 540 — 546.
Статья I. Безсмысліе . . . . . § —
Статья II. Безразсудство . . . . . § —
Статья III. Безуміе.
Грань 2-я. Разстройство воли — бѣшенство. § 547 — 553.
Грань 3-я. Разстройство сердца — ипохондрія и меланхолія. § 554 — 558.
Глава 3-я. Духовная Семіотика.
Отдѣленіе I. Физіономика. . . . . § 571 — 579
Отдѣленіе II. Мимика. . . . . § 579 — 589
Отдѣленіе III. Языкъ. . . . . § 590 — 613

ВАЖНѢЙШІЯ ИЗЪ ЗАМѢЧЕННЫХЪ

ПОГРѢШНОСТЕЙ.

Напечатано					*Читать*
Стран.	34	*строка*	21	*біографическихъ*	*діологическихъ.*
—	58	——	2	ни	на
—	92	——	5	*Вдыханія*	*Вдыханіе.*
—	—	——	10	мокощію	помощію.
—	102	——	8	нестройныхъ	нестройнымъ.
—	148	——	15	свому	своему.
—	150	——	6	*запасовъ*	*запаховъ.*
—	152	——	3	слышленыхъ	смышленыхъ.
—	153	——	10	мамому	самому.
—	162	——	8	не смѣшаетъ	не мѣшаетъ.
—	168	——	15	друга	другъ.
—	177	——	11	сочетенію	сочетанію.
—	184	——	10	рора	рода
—	187	——	18	такою	такого.
—	212	——	3	*обоюной*	*обоюдной*
—	214	——	16	*матеріяльномъ*	*матеріяльномъ.*
—	229	——	17	какомъ	такомъ.
—	253	——	4	такъ	тамъ.
—	317	——	13	дущъ	душъ.
—	—	——	18	проистекаетъ	проистекаетъ.
—	321	——	23	Тапъ	Такъ.
—	330	——	18	неебходимымъ	необходимымъ.
—	353	——	8	опи	они.
—	361	——	20	поэзію	Поэзію.
—	367	——	17	.	,
—	368	——	15	вѣщей	вещей.
—	—	——	21	смихъ	самихъ.
—	370	——	25	*нагляднымп*	*наглядными.*
—	375	——	17	прироны	природы.
—	413	——	14	средства	средствъ.
—	425	——	3	съ *смятеніи*	въ *смятеніи.*
—	—	——	—	— *испухъ*	*испугъ.*
—	427	——	23	насѣдіемъ	наслѣдіемъ.
—	446	——	21	— на *обозрѣть*	ни *обозрѣть.*
—	513	——	18	мечтапелл	мечтателя
—	514	——	2	обыковенный	обыкновенный.
—	519	——	6	прключеніяхъ	приключеніяхъ.
—	545	——	13	пріобрѣтенныя	пріобрѣтенный.
—	547	——	13	Тѣпъ	Тѣхъ.
—	550	——	18	опп	онъ.
—	551	——	11	соповождается	сопровождается.
—	353	——	25	*тайномурые*	*тайномудрые.*
—	—	——	—	думюпціе	думающіе.
—	558	——	7	уклоненіхяъ	уклоненіяхъ.
—	560	——	7	юнопи	юноши.

—	567	——	22	въ	съ
—	572	——	24	чувствъ	чувствѣ.
—	589	——	29	чуонаго	чуднаго.
—	598	——	26	няружныхъ	наружныхъ.
—	607	——	9	цвѣта,	цвѣта.
—	638	——	14	ищейный	ищейный.

И сверхъ того *читать* въ текстѣ не *напечатанную* на страницѣ 254 надъ § 241-мъ *Гранъ 1-ю. Общій неразвитый составъ духовныхъ силъ, движущихъ изнутри наружу.*

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

Господину

Управляющему Министерствомъ

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

Присутствующему

ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СОВѢТѢ,

СЕНАТОРУ,

Императорской Академіи Наукъ

ПРЕЗИДЕНТУ,

Ученыхъ Обществъ Русскихъ и многихъ иностранныхъ

Члену,

Тайному Совѣтнику и разныхъ орденовъ

Кавалеру,

СЕРГІЮ СЕМЕНОВИЧУ

УВАРОВУ,

Высокому Покровителю Наукъ и общеполезныхъ ученыхъ трудовъ,

Въ засвидѣтельствованіе глубокопочитанія и сердечной признательности

УСЕРДНѢЙШЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ.

КАРТИНА ЧЕЛОВѢКА

ВВЕДЕНІЕ.

Понятіе излагаемой Науки, — важность ея, — отношеніе къ другимъ соприкосновеннымъ отраслямъ познанія, — способъ обработанія купно съ затрудняющими оный, обстоятельствами, — исторія и литература, — раздѣленіе.

§ 1.

Изъ всѣхъ предметовъ, подлежащихъ познанію человѣка, самъ онъ былъ и останется для себя важнѣйшимъ, — останется и первымъ и послѣднимъ. Пускай испытующій взоръ его по временамъ блуждаетъ, гдѣ ему угодно; пускай онъ, подобно голубицѣ Ноевой, воспаряетъ въ страны заоблачныя, либо зыблется надъ бездною дольняго бытія, — подъ конецъ онъ все таки возвращается въ свой ковчегъ, возвращается къ своему началу, — словомъ къ той точкѣ, съ которой былъ брошенъ. Этому и быть должно. Ибо

а) Человѣкъ занимаетъ средоточіе, извѣстнаго намъ, творенія; въ человѣкѣ вылилась идея послѣдняго вполнѣ, вылилась самымъ вмѣстительнымъ, самымъ удачнымъ образомъ; силы и стихіи природы

не только въ немъ повторяются, но и связаны въ цѣлое стройное, *уютное*. Всѣ радіусы, всѣ крайнія точки огромнаго круга, который мы называемъ Мірозданіемъ, находятъ въ его природѣ *сборное мѣсто*. Отъ того человѣкъ познаніемъ своимъ и принимаетъ въ себя все, что ему ни встрѣчается, да и съ своей опять стороны все, принятое душею, отпечатываетъ въ созданіяхъ мысли и рукъ, въ поступкахъ и въ рѣчахъ, въ нравахъ и учрежденіяхъ, — по своему образу и подобію.

б) Далѣе, онъ можетъ вполнѣ раскрывать или совершенствовать собственное свое бытіе, сообразно со, вложенною въ него, идеей, не иначе, какъ относя къ себѣ самому, не иначе, какъ прилагая къ своему сердцу всѣ свои познанія въ Природѣ, въ Исторіи, въ Художествахъ и Политикѣ: ибо сіи познанія не служатъ ли средствомъ для одной великой, святой цѣли, — для людскости, отъ которой Наука никакъ не увольняетъ, хотя можетъ уволить отъ тѣхъ, либо другихъ блестящихъ талантовъ?

в) Наконецъ человѣку одному на землѣ удѣленъ и даръ разумѣнія. Какъ же могъ бы онъ вообще и познавать что либо дѣйствительно, если бы въ своемъ мыслящемъ началѣ не находилъ единственной и послѣдней опоры для всѣхъ своихъ представленій и выводовъ? Потокъ, который любитъ разливаться широко по долинѣ, долженъ изсякнуть, когда ему пресѣкутъ сообщеніе съ *исходищемъ* водъ его.

§ 2.

По мѣрѣ того, какъ мы привыкаемъ заглядывать въ самихъ себя, образуется наконецъ, такъ называемое, *познаніе человѣка*, — историческое, опытное, житейское. Скудно сначала сіе познаніе у отдѣльныхъ лицъ, да и у цѣлыхъ народовъ; кой-какіе, однакожъ, слѣды онаго, едва замѣтные, поверхностные, находимъ мы вездѣ, гдѣ безспокойная пытливость дѣйствительно воспрянула. Оно сплошъ состоитъ изъ нескладнаго сбора случайныхъ замѣчаній и толковъ. Какъ можно и помыслить объ *опредѣленныхъ, устроенныхъ, рѣшительныхъ началахъ*, тамъ, гдѣ человѣкъ не успѣлъ еще оглядѣться въ свѣтѣ? Ибо Человѣкознаніе, какъ Наука, есть и относительно къ полному развитію его идеи и относительно къ попыткамъ, обработать послѣднюю, дѣло позжихъ временъ, дѣло народа, въ высокой степени образованнаго. Оно не только предполагаетъ богатый запасъ матеріяловъ, приведенныхъ въ порядокъ и выдержавшихъ повѣрку, но и требуетъ еще такого взгляда, который привыкъ уже двигаться между внѣшнею и внутреннею стороною вещей, привыкъ обнимать оныя во *всѣхъ трехъ* измѣреніяхъ.

§ 3.

Такая только Наука принимаетъ на себя обязанность, дать, по возможности, полное понятіе о человѣкѣ, т. е. показать, каковымъ онъ устроенъ

первоначально и каковъ въ слѣдствіе того является нашему наблюденію, — представить въ надлежащемъ, систематическомъ порядкѣ живую природу человѣка, сколько со стороны многоразличныхъ ея явленій, столько же и со стороны ея сущности, которая въ исторической жизни дѣйствительно выказываетъ свои силы, свои стремленія. Такимъ образомъ:

a) Человѣковѣдѣніе всестороннее не ограничивается одною какою нибудь частію нашего существа, не есть *Физіологія* въ обыкновенномъ смыслѣ, ни *Психологія* исключительно, ни чтолибо среднее между обѣими, а только полная картина быта человѣческаго, открытаго наблюденіямъ. Правда, если Психологію принимаютъ за ученіе о духовномъ характерѣ человѣка, и если сей духовный характеръ составляетъ сущность его жизни; то Человѣкоученіе должно быть Психологіей въ значеніи преимущественнѣйшемъ: однакожъ и тѣлесное бытіе наше необходимо входитъ въ составъ той живой природы, въ которой одна сторона объясняется другою; посему наука не въ правѣ *разлучать* то, что Богъ *сочеталъ*.

b) Въ составъ таковой картины принимается сколько то, что мы есть и значимъ отъ природы, столько и то, что мы дѣлаемъ изъ себя въ исторіи, или позволяемъ изъ себя дѣлать вліяніямъ общежитія, къ которому мы призваны.

c) Наблюденія остаются ближайшимъ источни-

комъ тою, что мы о себѣ сказать можемъ: человѣкъ принадлежитъ міру *явленій*. Но кто удовольствуется однимъ описаніемъ внѣшнихъ сторонъ, кои сами по себѣ, безъ отношенія къ высшему ихъ началу, вовсе непонятны? Впрочемъ и разсматривать одну *сущность* въ самой себѣ столь же противно цѣлямъ Науки, коей предметъ есть живой, дѣйствительный человѣкъ. И такъ пускай она познаетъ многоразличныя формы человѣческой жизни изъ идеи вѣчнаго *единства* ея, а сіе единство или значеніе въ безконечномъ *разнообразіи*. Только тамъ, гдѣ первый способъ разсматриванія встрѣчается съ послѣднимъ, происходитъ вѣдѣніе истинное, полное, отчетливое, словомъ *философическое*. Сей методъ присвоиваетъ себѣ и наша Наука.

§ 4.

Кто тщательно вникаетъ въ содержаніе Человѣкоученія, тому *важность* или *польза* онаго бросается въ глаза. Такой наблюдатель прежде всего и вообще удостовѣрится, что

1) Чрезъ сію только Науку онъ узнаетъ свое мѣсто на чредѣ творенія, и притомъ мѣсто *почетное*. Онъ чрезъ нее знакомится

2) И съ самимъ собою, а самопознаніе исконо считалось началомъ мудрости. По крайней мѣрѣ безъ сихъ двухъ условій нельзя ни цѣнить вещи и отношеніе ихъ къ человѣку, ни надлежащимъ образомъ употреблять свои силы, ни успѣшно подви-

заться въ домогательствѣ высокихъ цѣлей человѣческаго предназначенія. Онъ

3) Наконецъ замѣтитъ, что, если извѣстная Наука вообще происходитъ тамъ, гдѣ на горизонтѣ жизни съ какой либо стороны сверкнетъ яркая зарница, и если особенныя науки суть только особенныя направленія, отдѣлы, *пункты* сего *просвѣтленія*, то ясность жизни человѣческой для себя самой занимаетъ средину всякихъ вразумленій; отъ того свѣтъ самопознанія разливается на всѣ науки наши, да и самъ принимаетъ въ себя ясность всякаго рода, усматриваемую гдѣ либо въ области быта человѣческаго.

§ 5.

Еще же ощутительнѣе окажется важность Человѣкоученія, когда разсмотримъ *отношеніе онаго къ прочимъ прикосновеннымъ отраслямъ познанія.*

Во первыхъ: въ немъ нуждается самая *Философія*, въ которую оно и вводитъ, побуждая послѣднюю къ основательнѣйшимъ изслѣдованіямъ природы человѣческой и ея значенія въ мірѣ, показывая путь, какой предлежитъ избирать высшему умозрѣнію, когда оно находится въ опасности потерять свою цѣль изъ виду, предостерегая сколько отъ гибельныхъ наважденій фантазіи, столько же и отъ пустыхъ отвлеченностей кичливой систематики, наконецъ, возвращая средобѣжную мысль изъ *дальней чужбины во свояси*, отъ природы къ человѣку: ибо жизнь и сущность послѣдняго не стоятъ ли того, чтобы

быть предметомъ нѣжнѣйшей заботливости ума и сердца и воли?

§ 6.

Не менѣе важно Человѣкоученіе и для видовъ какъ догматической, умозрительной, такъ и дѣятельной, исполнительной стороны *Богословія*. Вопросы о свойствѣ Вѣры, о ея повсемѣстности и объ особенномъ отношеніи къ прочимъ явленіямъ жизни получаютъ отвѣтъ только отъ нашей Науки. Она же одна можетъ вразумить и въ рѣшительной силѣ прямо благочестивыхъ помысловъ, во вліяніи Религіи на жизнь и въ связи первой съ стремленіями человѣчества. Наконецъ Человѣкознаніе учитъ, какимъ образомъ истинной Религіи надобно удаляться съ одной стороны отъ праздной мечтательности и мистики, съ другой отъ бездушнаго умничанья, съ одной отъ гнуснаго фанатизма, съ другой отъ убійственной холодности къ Божественнымъ вещамъ, съ одной отъ ревниваго правовѣрія, съ другой отъ гибельной страсти къ буйному самоуправству въ дѣлѣ просвѣщенія. А сколько безъ познанія нуждъ и тайнъ сердца человѣческаго можетъ сдѣлать Законоучитель въ практикѣ — на этотъ пунктъ пускай отвѣчаетъ и собственная его совѣсть и голосъ его паствы.

§ 7.

Въ особенности много значитъ Человѣковѣдѣніе для Моралистовъ, Политиковъ, Педагоговъ. Всѣ практическія науки ихъ имѣютъ своимъ предметомъ

человѣка вообще и высшее его назначеніе; всѣ предполагаютъ короткое знакомство съ физическою и съ духовною его стороною, — знакомство какъ съ первоначальнымъ, естественнымъ его устройствомъ, такъ и съ тѣми формами, которыя онъ принимаетъ въ ходѣ Исторіи, всѣ завѣдываютъ высшими и низшими потребностями человѣка, его цѣлями и стремленіями, отношеніемъ его къ прочимъ вещамъ, вліяніемъ обстоятельствъ и судьбы на его развитіе, на возможное образованіе, — отношеніемъ разныхъ способностей сердца и воли другъ къ другу и къ ихъ предметамъ. При обработаніи означенныхъ Наукъ къ сожалѣнію слишкомъ часто оказывается, сколь грозно мститъ за себя пренебреженіе того, что должно служить имъ основой. Не изъ сего ли источника проистекаютъ одностороннія, тощія, для природы человѣческой *удушливыя* системы Нравоученія, проистекаютъ частію заносчивое, буйное вольнодумство, частію *ригоризмъ*, подавляющій всѣ свободные и высокіе порывы, происходятъ жалкія, неудачныя попытки въ законодательствѣ, въ конституціи, въ управленіи государствомъ, происходитъ часто пошлое, кривое, безсмысленное толкованіе и приложеніе законовъ и правъ, происходятъ наконецъ многочисленныя, преувеличенныя, выисканныя, механическія, вообще недостаточныя теоріи и методы воспитанія?

§ 8.

Стоитъ ли труда упоминать о томъ, сколь важ-

но Человѣкознаніе для нынѣшняго Врача, который съ каждымъ днемъ удостовѣряется болѣе и болѣе, что и его наука можетъ приближаться къ своей особенной цѣли, только разсматривая отдѣльное въ отношеніи къ цѣлому, только вникая во взаимную связь души съ тѣломъ, только принимая въ уваженіе естественное, равно какъ и историческое явленіе человѣка — вѣрные способы оградить себя и отъ механизма *пошлой дресировки* и отъ произвольной, безразсудной и пагубной страсти къ тѣмъ нововведеніямъ, за которыя мы платимъ жизнію?

§ 9.

Наконецъ особенную и самую близкую связь имѣетъ Человѣкоученіе съ искуствами и ихъ теоріей— съ Эстетикой. Мѣткій взглядъ на сущность Изящнаго, необходимое отношеніе искуства къ природѣ человѣческой, втеченіе его въ послѣднюю, откровеніе внутренняго въ наружномъ, тайна явленій жизни вообще, особливо въ искуствахъ изобразительныхъ, знакомство съ человѣческимъ сердцемъ и его стремленіями, знакомство съ правилами и характеромъ, съ особенными свойствами лицъ, сословій, націй, свѣта, особливо въ словесныхъ искуствахъ, — всѣ сіи и несмѣтныя другія условія какъ истинной и прочной зиждительности, такъ и основательной критики художественныхъ созданій — откуда могутъ они быть заимствуемы, если

не изъ тщательнаго и всесторонняго изученія самихъ себя и другихъ?

§ 10.

Что касается до *обработанія* Человѣкоученія; то упомянемъ какъ объ обстоятельствахъ, *затрудняющихъ* Науку, такъ и о тѣхъ, кои *способствуютъ* успѣхамъ оной.

А) Главнѣйшія трудности суть слѣдующія:

1) *Обширность самаго предмета.* Ибо, если вы непосредственно разсматриваете человѣка въ отдѣльномъ его бытіи, то въ какомъ разнообразномъ, въ какомъ измѣнчивомъ, въ какомъ загадочномъ видѣ является онъ наблюдательному взору вашему! Не легко въ семъ лабиринтѣ многосложнѣйшихъ явленій отыскать нить, которая привела бы васъ къ единству и къ основной формѣ жизни! Но Наука будетъ вамъ благодарна только вполовину, доколѣ наблюдательный взоръ вашъ останавливается на разсматриваніи отдѣльныхъ лицъ. Человѣкъ виденъ вездѣ, въ человѣкѣ и обратно всѣ созданія находятъ свой образъ и свое подобіе. Пускай же тотъ, кто хочетъ его изучить, пройдетъ напередъ всѣ сѣни, всѣ крытые, извилистые пути и преддверія огромнаго *храма природы*, чтобы доступить къ ея *домовладыкѣ*, чтобы проникнуть во святилище верховнаго жреца ея.

2) Другую трудность представляютъ самыя основанія Человѣкоученія, т. е. начала *опытныя*: а

что такое значитъ чистый, полный опытъ, это понятно тому только, кто умѣетъ отстранять произвольную игру ипотезъ, всегда готовый, *подручный*, такъ сказать, изворотъ высокопарныхъ затѣйниковъ—*верхоглядовъ*; кто слѣдилъ трезвенными взорами за ходомъ явленій, кто старался дознать ихъ степени и связи *изъ нихъ самихъ* (а не понаслышкѣ, да и не по догадкамъ чистаго ума), кто пытался въ измѣнчивыхъ, подвижныхъ формахъ жизни схватить и подмѣтить черты прочныя, общія, необходимыя, кто, при чувствахъ здравыхъ, имѣлъ терпѣніе обозрѣть и обсудить свой предметъ со всѣхъ сторонъ, кто искусился наблюдать спокойно и сличать безъ предубѣжденій. Такіе только опыты входятъ въ составъ Науки и ее обогащаютъ.

3) Но трудность надлежащаго опыта вообще оказывается особенно въ опредѣленіи отношеній между тѣлесною и духовною сторонами человѣка. По какому праву онъ называется малымъ міромъ? Точно ли въ его организаціи отражается жизнь Вселенной? Многосложность и связь, хитросплетеніе и значительность состава, пестрота въ явленіяхъ организаціи и жизни изумятъ наблюдателя самаго тонкоумнаго, неутомимаго. Какое вниманіе и умѣнье требуется здѣсь на тотъ конецъ, чтобъ съ одинакимъ участіемъ подмѣчать и малое и великое, и тайное и явное, чтобы дознавать общее

въ частномъ, постоянное въ измѣнчивомъ, необходимое въ случайномъ, единое во многомъ!

4) А что сказать о наблюденіи духовной, свободно дѣйствующей стороны человѣка? Несмѣтны образы, въ коихъ можетъ открываться глубокая, таинственная внутренность человѣка! Кто по гибкости его природы, измѣритъ здѣсь вліяніе безчисленныхъ обстоятельствахъ? Кто съ точностію отдѣлитъ чужое отъ своего, природу первую отъ второй т. е. отъ привычки? Кто найдетъ средоточіе въ богатствѣ и многоразличіи явленій душевныхъ, изслѣдуетъ игру страстей, обнажитъ притворство свое и чужое, расчислитъ всѣ случаи, въ которыхъ человѣкъ, часто безъ умысла, безъ сознанія является рабомъ привычекъ, обстоятельствъ, отношеніи? Наконецъ *Исторія* человѣка! Сомнѣніе и достовѣрность, сказки и быль, все это навязывается вниманію и суду Дѣеписателя. Взглядъ проницательный, знакомство съ происшествіями вообще короткое, испытаніе трезвенное, соображенія философическія, — вотъ что требуется здѣсь на тотъ конецъ, дабы безошибочно распознать существо съ призракомъ, отдѣлить свѣтъ отъ тьмы, вѣрное отъ невѣрнаго!

5) Затрудняется изученіе человѣка и тѣмъ, что здѣсь намъ предлежитъ *разлагать самихъ себя*, что *наблюдающій* бываетъ вмѣстѣ и *предметомъ* своихъ наблюденій—тѣмъ, что здѣсь таинственной, невидимой силѣ должно самой обозрѣ-

вать столь же невидимую, таинственную свою сущность. На сей конецъ требуется *самоотчужденіе*, на сей конецъ мы *совлекаемся* собственнаго своего Я въ жизни, чтобы усвоить и сберечь его для мысли, чтобы послѣ *настигнуть* его опять въ Наукѣ. Но какъ ограничена здѣсь точка, съ которой смотритъ наблюдатель! Только мгновенныя состоянія дозволяютъ себя подмѣчать, да и тѣ не въ цѣлости многосложнаго, часто противорѣчиваго нашего существа, а по частямъ, въ двузначительныхъ отрывкахъ, на *лету*. Ибо жизнь души и рвется и кипитъ и утекаетъ. Кто задержитъ быстроту сего бурнаго потока? Кто въ состояніи слѣдить за началомъ, срединой и концемъ своей дѣятельности въ пылу ея движеній? Но послѣдующія размышленія, воспоминанія? Они суть не иное что, какъ *брызги отъ водопада, который, съ шумомъ низвергаясь со скалъ, кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми*, и который бываетъ досягаемъ до нашего трезвеннаго, неоглушеннаго слуха только въ далекомъ отгулѣ. Да не ограничено ли *самонаблюденіе* по своему уже понятію? Не отказано ли оно нашему дѣтству и дряхлой старости, въ первый и въ послѣдній періоды бытія нашего? Не отказано ли уже закономъ природы? А какъ трудно для большей части людей, неоглушаемыхъ даже страстями, заглядывать въ себя глубоко! Съ дѣтства уже принимаетъ насъ внѣшняя, такъ называемая *свѣтская*

жизнь и неудержимо увлекаетъ легкомысленныхъ въ вихрь суетъ и треволненій. Наконецъ, сколько и такихъ случаевъ, въ которыхъ намъ пріятны самыя недоразумѣнія касательно нашего лица,—случаевъ, въ которыхъ мы любимъ обманываться на свой счетъ, любимъ обознавать иное явленіе потому, что не охотно въ немъ себѣ сознаемся.

6) Столь же ненадежно и наблюденіе другихъ, или употребленіе чужихъ наблюденій. Если человѣкъ, изучая уже самаго себя, часто подвергается опасности жестокихъ недоразумѣній, то какъ можетъ онъ читать безошибочно въ чужомъ сердцѣ? Данное положеніе, судьба, воспитаніе, образованіе, ремесло, служба, отношенія, приличіе, все это *сбиваетъ* его съ надлежащей точки зрѣнія. А многіе ли имѣютъ и даръ, дѣлать правильные и вѣрные опыты надъ мгновенными, бѣглыми, мимолетными метеорами? Многіе ли имѣютъ и терпѣніе и спокойствіе, и безпристрастіе и досугъ, и проницательность, разгадывать подобныхъ себѣ, изъ коихъ одни для нашего образа мыслей и чувствованій, для нашего даже возраста и темперамента непонятны, другіе боятся быть подмѣченными въ ихъ слабыхъ сторонахъ, третьи *морочатъ* насъ въ общежитіи благовидною наружностію, чиннымъ поведеніемъ?

§ 11.

В. Чтожъ? Не ужели намъ согласиться съ древнимъ *Гераклитомъ*, который говоритъ:« Кто бы

»ты ни былъ, мудрецъ, какъ бы далеко ни заходилъ, »какъ бы высоко ни воспарялъ мыслію, — смири »суетное свое любопытство предъ тайною своей »души, глубокою, святою, неисповѣдимою?» Чѣмъ извинился бы онъ предъ Дельфійскимъ богомъ, который отъ всѣхъ поклонниковъ своихъ требовалъ только—самопознанія? Какой вѣсъ дадимъ мы изрѣченію одного изъ новѣйшихъ мудрецовъ, что намъ нечего болѣе и изучать, какъ человѣка,—особливо же лучшую, благороднѣйшую часть его — душу? Не дарована ли человѣку, для познанія безсмертнаго существа сей души, безпредѣльность, даже вѣчность его рода? Ибо *ободримся* на трудномъ поприщѣ изысканій.

§ 12.

I. Велики упомянутыя трудности; необъятенъ предметъ; но ему соотвѣтствуетъ точно такая же безпредѣльность *силы и длительности неутомимаго любовѣдѣнія*, и изъ доблестныхъ бореній нашего рода съ упорною природой повсюду уже и притомъ все очевиднѣе, все побѣдительнѣе возникаетъ и разширяется самое *царство мыслящихъ душъ*, коихъ взоры вѣчно ищутъ и встрѣчаютъ другъ друга, дабы въ ихъ несмѣтныхъ, *призматическихъ* отливахъ постигнуть *единую сущность*, которая во всѣхъ равномѣрно, хотя, безъ сомнѣнія, болѣе или менѣе явственно, то въ яркихъ чертахъ и свѣтлыхъ образахъ, то въ тонкихъ намѣкахъ, обнаруживаетъ тайну своего значенія.

§ 13.

II. Подобный трудъ облегчаемъ еще бываетъ человѣку то воображеніемъ его, то производительными его силами, то внѣшнимъ представленіемъ явленій. Ибо во 1-хъ можно пройденное или извѣданное тотчасъ состояніе души обновлять въ мысляхъ, припоминая себѣ разныя *моменты* онаго, на пр. возбужденіе гнѣва, его порывъ и облегченіе, какое мы нашли въ рѣчахъ, либо въ дѣйствіяхъ. 2-е, зиждительность, примѣрно драматическаго Поэта, имѣетъ въ виду замѣнить жизнь, дабы потомъ сознаніе формы ея передать воображенію и памяти. Она все болѣе и болѣе дозволяетъ намъ входить въ чужія мысли, чувствованія и желанія. Такъ можемъ мы и сами собою, углубляясь, приводить себя въ положенія, далеко уклоняющіяся отъ нашего обыкновеннаго. — 3, Къ сему присоединяется внѣшнее изображеніе; Поэтъ даетъ намъ свои вымыслы, Философъ свои идеи, мечтатель свои химеры, глупецъ несообразности, помѣшаный свои Пиндаровы устраненія, такъ что формы сихъ дѣйствій предлагаются намъ на спокойное разсмотрѣніе и сравненіе. Историкъ показываетъ намъ характеры въ величайшемъ разнообразіи. Наконецъ 4 есть и явленія постоянныя, кои во всякое время у насъ во власти, *подъ рукою*, на пр. тѣ, кои мы встрѣчаемъ въ пространствѣ и времени, въ природѣ и исторіи.

§ 14.

III. Слѣдуетъ только держаться извѣстныхъ *частныхъ* правилъ осторожности и благоразумія, кои, при вышеупомянутыхъ условіяхъ, могутъ надежно вести къ цѣли, а именно:

a) Прежде всего знакомиться короче съ даннымъ явленіемъ въ бытѣ человѣческомъ, *какъ оно есть*, — безъ предубѣжденій;

b) Наблюдать произшествія *во всевозможной ихъ многосторонности*: ибо выводъ, который, собственно говоря, и есть только сосредоточенное изображеніе соотвѣтственнаго множества вещей, будетъ необходимо тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ лучше воспользуетесь вы предлежащими матеріялами;

c) Схватывать въ массѣ сихъ матеріяловъ особенно все *рѣзкое, характеристическое, плодовитое*: ибо человѣкъ въ необъятномъ богатствѣ опытовъ и явленій слишкомъ легко теряется, запутывается и потому часто не доходитъ вовсе до выводовъ;

d) Наблюдать *съ разныхъ точекъ зрѣнія, при разныхъ условіяхъ и положеніяхъ*; симъ только образомъ и удастся вамъ отдѣлить постоянное, существенное, необходимое отъ измѣнчиваго, бѣглаго, случайнаго;

e) *Сравнивать то, что подмѣтили въ самихъ себѣ, съ тѣмъ, что извѣдали на себѣ и другіе*: ибо слишкомъ часто особенная какая-либо встрѣча въ вашей жизни считается за общее явленіе во

внутреннемъ мірѣ. Человѣку *отдѣльному* трудно почерпнуть изъ одного себя полное понятіе о значеніи своего рода. Правда, всякое частное лице есть человѣкъ; но вмѣщаетъ ли оно въ себѣ обиліе быта человѣческаго и можетъ ли слѣдственно познать оный только изъ собственнаго своего устройства? И такъ пускай свѣдѣніе о самомъ себѣ, составляя источникъ и основу Человѣкознанія, будетъ такое, до котораго жизнь человѣческая достигаетъ въ совокупной массѣ людей, т, е. въ Исторіи, которая извнѣ безпрестано и возбуждаетъ и *дополняетъ* усилія нашихъ мыслей, занятыхъ собственнымъ своимъ назиданіемъ;

f) Не ограничиваться никогда одними *отрывками*, однимъ сборомъ наблюденій, а въ самомъ направленіи къ частнымъ случаямъ заботиться о связи и о цѣломъ: ибо такъ только, а не иначе, можетъ обнимаемо быть множество въ живомъ и необходимомъ его единствѣ;

g) Изъяснять, какъ можно, менѣе изъ *догадокъ чистаго ума*, развѣ тамъ, гдѣ опыты васъ покидаютъ, или гдѣ они столь многочисленны и столь разительны, что самое умоположеніе является необходимымъ произведеніемъ наблюденій: ибо, такъ называемое, *эмпирическое* познаніе есть только откровеніе идеальнаго или безусловнаго; требуется только, чтобы первое было полно, — обстоятельство, на которомъ и основывается достовѣрность заключеній по *аналогіи* и *наведенію*; но само

собою разумѣется, что таковая теорія есть не начальное, предварительное, а окончательное дѣло;

h) Наконецъ, при изученіи природы человѣческой, брать себѣ въ *пособіе* обширныя свѣдѣнія въ естественныхъ наукахъ, уединенное и спокойное размышленіе, обращеніе съ другими лицами и народами, знакомство со свѣтомъ, краткія отмѣтки, соображеніе того, что другіе думали и учили о человѣкѣ, чтеніе всякихъ книгъ философическихъ и историческихъ, чтеніе умныхъ Романовъ и Драмъ,

i) Остерегаясь, однакожъ, такъ называемыхъ *Автобіографій*, всегда пристрастныхъ.

§ 15.

Но *Исторія* самопознанія включается въ исторіи духовной нашей жизни, преимущественно же умозрительной, которая въ немъ всегда искала надежной опоры для дальнѣйшихъ своихъ движеній. Впрочемъ первоначальная пытливость устремляема была не къ самопознанію, а къ разсматриванію Вселенной. Человѣкъ *тонулъ* въ необозримомъ океанѣ божественной жизни.

Греки уже подозрѣвали извѣстную самостоятельность душъ, подозрѣвали ихъ жизнь за могилой; но и философія Грековъ сначала была преимущественно *физическая*. — Человѣкъ и его душа включались въ истолкованіи общей природы; душа входила извнѣ, была вдыхаема и выдыхаема, имѣла значеніе огня, воздуха и т. п. Встрѣчаемъ и нравоучительныя изрѣченія, основывающіяся на опы

тахъ общежитія. Важнѣе уже значеніе человѣка у *Пиѳагора,* который говорилъ о самообладаніи, объ очищеніяхъ, о гармоніи, о многоразличныхъ силахъ души; смѣлые *Элійцы* подмѣтили кажущееся противорѣчіе между дѣйствіями ума и чувствъ. Но *Софисты,* кои по произволу употребляли свою мыслящую силу и рѣшительно измѣряли всѣ вещи человѣкомъ, доказываютъ, что философія не нашла еще твердой опоры въ человѣкѣ. Сію прочность бытія даровалъ ей *Сократъ,* который училъ, что человѣку должно прежде всего удостовѣриться въ самомъ себѣ, должно самаго себя познать и овладѣть собою,—задача, рѣшеніемъ которой съ тѣхъ поръ исключительно занялась Греческая философія, тогда, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ противоположность сыну Софронискову, *Иппократъ,* тщательный естествоиспытатель, пролагалъ путь къ познанію тѣлесной стороны человѣка. Въ *Платоновыхъ* уже размышленіяхъ открылась глубочайшая, таинственная, дивная, божественная и вѣчная сила,— Разумъ, который идеями, вложенными въ насъ верховнымъ Духомъ, можетъ познавать міръ, и, при содѣйствіи благороднѣйшихъ движеній сердца, господствовать надъ грубою чувственностію. Внѣшней совокупной жизни людей,—Государству надлежитъ быть образомъ и подобіемъ гармоническихъ движеній внутреннихъ силъ. — *Аристотель* рѣзкими чертами обозначилъ формы смысла и добродѣтели; писалъ и о *душѣ,*

какъ о дѣятельной силѣ живаго тѣла и въ сей книгѣ своей особенно обработалъ теорію чувствъ. *Стоики* способствовали самопознанію своими ученіями о силѣ и немощи человѣка, о его добродѣтеляхъ и порокахъ. Они настаивали на безусловномъ уваженіи къ добру и, за всѣмъ тѣмъ, *вдвигали* опять сущность человѣка въ общую природу. Но сія природа была у нихъ проникнута духовнымъ началомъ; слѣдовать ей—значило слѣдовать духу, Разуму; воля ея была воля Божія. *Пирроники* и позжіе *Академики*, поясняя и подвергая критикѣ мнимое познаніе, предостерегали отъ опрометчивыхъ положеній и вовлекали въ сомнѣніе прочность всякой Метафизики, которая вздумала бы основываться на достовѣрномъ свидѣтельствѣ чувствъ. Философы—Врачи, каковъ *Галенъ*, искали (въ жизненныхъ духахъ) средняго звѣна между душею и тѣломъ, дабы изъяснить связь между ими, и тѣмъ ввели подобное изысканіе въ Человѣкоученіе, тогда какъ другіе Философы того времени силились постигнуть отношеніе души человѣческой къ низшимъ и высшимъ степенямъ жизни (въ лѣствицѣ существъ), въ Демонологіи.

§ 16.

Давно уже, а наиболѣе въ земляхъ Римской Имперіи пробудилась живая потребность человѣческихъ душъ, которая неудовольствовалась ни Греческою мудростію, ни Греческимъ, либо Римскимъ вѣроисповѣданіемъ. По сей причинѣ умы обрати-

лись опять къ древнимъ символическимъ формамъ религіи, и къ соединеннымъ съ ними, умозрѣніямъ; Философія Греческая слилась съ Восточною. Такъ вдохновенная догадливость выразумѣла коренное отношеніе человѣка и къ Богу и къ Его творенію. Здѣсь слышимъ о человѣкѣ первобытномъ, идеальномъ, о человѣкѣ — маломъ мірѣ. Но вмѣстѣ съ симъ распространилось здѣсь до самыхъ западныхъ краевъ стремленіе, сопровождаемое надеждою совершать, посредствомъ одолѣнія и порабощенія горнихъ силъ, дѣла свыше-человѣческія. Мысль трезвенная, отчетливая уступила мѣсто мечтаніямъ произвольнымъ, смутнымъ. Могло ли такое стремленіе вполнѣ удовлетворить ищущихъ?

§ 17.

Къ счастію то, что по истинѣ могло удовольствовать глубокіе, тайные, святые порывы и желанія *стало плотію и водворилось между нами и мы видѣли славу его.* Истинный, вѣчный Сынъ Божій и истинный сынъ *человѣчъ* явился съ идеей прославленнаго, превознесеннаго человѣчества, на землѣ, во времени—въ Іудеѣ. Души, къ нему обратившіяся, имѣли обѣтованіе вѣчной жизни. Онъ — то заповѣдывалъ не вдаваться въ суемысліе, а ходить — совѣстію — въ Богѣ и въ правдѣ. Такъ бытіе человѣка временное, конечное получило подкрѣпленіе свыше; оно опять обратилось къ вѣчному источнику жизни, изъ коего истекло первоначально. Въ особенности же подтвердилось тѣмъ и видимо оправдалось смутное, до то-

го нерѣдко шаткое, предчувствіе вѣчнаго нашего назначенія и временной цѣли нашей. Съ сихъ поръ главною задачей всякаго, кто хотѣлъ вразумиться въ самомъ себѣ, содѣлалось стремленіе, доводить до яснаго сознанія Науки то, что глубоко запечатлѣла въ сердцѣ крѣпкая Вѣра.

§ 18.

Дѣятельно окаказалась, да и понынѣ оказывается сія потребность съ одной стороны въ великихъ усиліяхъ Церкви, опредѣлительно и ясно выразумѣть вѣру *Христову* и слѣдственно развить идею Богочеловѣка, а также и въ изысканіяхъ о силѣ первобытнаго и нынѣшняго временнаго, ограниченнаго поколѣнія Адамова относительно къ добру. Съ другой сотроны обнаружилась и обнаруживается она въ появленіи множества *опытовъ* о человѣкѣ вообще. Таковы изъ временъ первыхъ еще Учителей Церкви писанія *Григорія Нисскаго* и *Немезія* о природѣ человѣка; это общепонятныя учебныя книги въ духѣ восточной нашей Церкви.

§ 19.

Въ среднихъ вѣкахъ Любомудромъ слылъ обыкновенно только тотъ, кто умѣлъ толковать Св. Писаніе; почему и Человѣкоученіе наше все почти поглощено было Богословіемъ и ограничивалось такими только изысканіями о человѣкѣ, кои предписывала ему послѣдняя Наука. Въ нихъ нерѣдко встрѣчаемъ много остроумія, даже глубокомыслія, какъ напр. *въ Сокращеніи* или въ Курсѣ *Богосло-*

вія, пресловутой книгѣ *Ѳомы Аквинейскаго*. Впрочемъ замѣчаніями, относящимся прямо къ внутренней жизни, изобилуютъ тѣ Схоластики, кои болѣе придерживались Платона, чѣмъ Аристотеля, напр: уже Іоаннъ *Скоттъ*, позже того *Гуго* и *Ричардъ* и вообще, при упадкѣ схоластическаго метода, такъ называемые, Мистики. Къ симъ послѣднимъ въ XVI и XVII вѣкахъ, наиболѣе во Франціи, примкнули Пирронисты, изъ коихъ одни, каковы *Монтань* и *Шаронъ* поучали мудрости житейской, другіе, каковы *Гюэ*, *Бель*, а изъ Нѣмцевъ *Гирнгаймъ*, хотѣли ненадежный разумъ привести обратно къ правовѣрію.

§ 20.

Вообще въ то время, когда солнце Греческаго и Римскаго ума, снова возсіявшее на западномъ горизонтѣ ученой Европы, долженствовало растопить льдяную Схоластику, Любомудріе, имѣвшее причину недовѣрять еще собственнымъ своимъ силамъ, прилѣплялось къ разнымъ формамъ Греческой Философіи. Впрочемъ мелькали и умы самостоятельные; таковъ былъ Испанецъ Луд. *Вивесъ*, сочинившій три книги о *душѣ* и *жизни*. Почти въ одно съ нимъ время написалъ о *душѣ* и *Меланхтонъ* полезную книгу, которая притомъ разсуждаетъ и о тѣлѣ. И Швейцарецъ Конр. *Геснеръ* издалъ книгу такого же заглавія — ученую, богатую мыслями, но неполную. За ними послѣдовали многочисленные *Учебники*, кои начали тутъ называться *Психоло-*

гіями и *Антропологіями.* Извѣстнѣйшій и первый изъ нихъ есть твореніе О. *Касмана.* Означеннымъ названіямъ надлежало съ сихъ поръ выражать понятіе особенной Науки, которая впрочемъ и въ тогдашнихъ протестантскихъ Университетахъ Германіи не сдѣлала существенныхъ успѣховъ. Ибо хотя преобразователи Римской церкви, сначала не *жаловавшіе* Философіи вообще за ея мечтательность, благопріятствовали введенію Аристотеля, болѣе близкаго къ опыту, преимущественно же введенію его Логики; но симъ только они и довольствовались какъ вообще, такъ и въ ученіи о человѣкѣ, особливо же о его душѣ. Съ сей стороны тогдашніе Тайномудры, *Парацельсъ, Флоддъ,* оба *Гельмонта, Я. Бемъ* и др. гораздо свободнѣе разсуждали и живѣе предчувствовали, какимъ образомъ духовная и тѣлесная жизнь человѣка вмѣщалась въ Богѣ, и, будучи малымъ міромъ, включалась во Вселенной.

§ 21.

Умный *Кампанелла* прямо отнесъ Человѣкоученіе въ Философію вообще, которая у него основывалась на несомнѣнныхъ опытахъ, именноже на томъ, что мы познаемъ и желаемъ. Но направленіе новое, рѣшительное далъ изысканіямъ о человѣкѣ Р. *Декартъ.* Ученіе о душѣ онъ совершенно превратилъ въ статью метафизическую, тѣмъ, что ставилъ душу въ рѣзкой, безусловной противоположности съ тѣломъ, понимая первую въ идеѣ существа мыслящаго, простаго, а второе въ идеѣ

вещественнаго, протяженнаго. Отъ того, частію развитіе понятія о духовности, частію изслѣдованія о возможности связи души съ плотію, особливоже о возможности познанія и свободныхъ начинаній сдѣлалось отнынѣ главнѣйшимъ предметомъ умозрительнаго Человѣкословія. *Гейлинксъ, Мальбранчъ, Спиноза, Лейбницъ* — вотъ глубокомысленные мужи, отличившіеся въ сей школѣ оригинальностію ипотезъ! Ближайшее отношеніе къ практикѣ имѣла вообще точка зрѣнія, съ какой тогда уже смотрѣли *Англичане* на жизнь человѣческую. Но противъ матеріялизма *Гоббса* возстали Р. *Кодуоровъ* и Г. *Моръ*, защищавшіе идеальную и духовную часть нашего состава. Куперъ *Шафтсбери*, въ своихъ *характеристикахъ* училъ самопознанію и мудрости житейской; онъ имѣетъ и понынѣ много послѣдователей. Но важнѣе всѣхъ сочиненій того времени былъ трактатъ *Локка* о *человѣческомъ разумѣніи*. Онъ не допускаетъ въ человѣкѣ ничего первоначальнаго, не допускаетъ никакого запаса наслѣдственнаго. Изъ чувствъ, а отчасти и изъ соображеній того, что они представляютъ намъ, происходитъ всякое познаніе.

§ 22.

Ученіе сіе особливо *во Франціи* продолжено и развито самымъ одностороннимъ образомъ. Чувствованіе, и только оно одно, опредѣляетъ у *Кондильяка* всѣ дѣйствія, всѣ состоянія жизни, — мысль, которую съ одной стороны *Гельвецій, Ламетри,*

Гольбахъ мало по малу исказили до грубѣйшаго матеріялизма, съ другой, особливо Швейцарецъ *Боннетъ* и новѣйшій послѣдователь его, *Бонстетенъ* смягчили и по возможности согласили съ вѣрою въ духовное. Впрочемъ и въ самой Франціи исключительное господство чувственности облагорожено до извѣстной степени ея, такъ называемыми, Идеологами, *Детю-Траси*, *Ларомигьеромъ*, *Азаисомъ* и др. тогда, какъ сочиненія С. *Мартена* противопоставляли имъ мистическій взглядъ на человѣка, сближающійся нынѣ то съ понятіями церковными, то съ Платоновыми.

§ 23.

Локкъ дѣйствовалъ и на своихъ соотечественниковъ столь сильно, что самый идеализмъ Епископа *Беркелея* не могъ ему повредить. Изъ его ученій съ одной стороны возникъ скептицизмъ Д. *Гюма*, съ другой, особливо въ Шотландіи при содѣйствіи *Рида*, *Готчезона*, *Фергюзона*, Адама *Смита* и *Стюарта*, образовалась Философія здраваго смысла, нравственнаго и эстетическаго чувства. Все это влекло къ изысканіямъ о душѣ, все это значительно подвигало впередъ нашу Науку.

§ 24.

Въ Германіи высокопарная Философія *Лейбница* получила и относительно къ человѣку составъ систематическій. Ученіе ея о душѣ представилъ Х. *Вольфъ* въ видѣ *умозрительной Психологіи*, от-

дѣливъ отъ нея еще *опытную*, какъ особенную науку, входившую въ общій составъ философическихъ. Сіе разлученіе со временемъ простерлось до того, что послѣдняя, сначала включавшаяся въ первой, едва не присвоила себѣ правъ единоначалія. Такую значительность дала она себѣ особливо съ того времени, когда ученіе Локка и, возбужденныя имъ въ Французахъ и Англичанахъ, дальнѣйшія соображенія и догадки распространились въ самой Германіи. Онѣ-то подали поводъ къ свободнымъ, школою не стѣсняемымъ наблюденіямъ надъ разными дѣйствіями человѣка и состояніями его жизни. Слѣдствіе сихъ новыхъ, собственныхъ попытокъ Нѣмецкаго ума видимъ мы то въ пространныхъ учебныхъ книгахъ *Тетенса*, *Стеба*, *Мейнерса* и *Тидемана*, то въ сборникахъ, магазинахъ, журналахъ, кои для успѣховъ Человѣкоученія издаваемы были нѣсколько лѣтъ сряду *Морицомъ Маухартомъ*, (*Мошаромъ*?) и *Чирнеромъ*.

§ 25.

Ревностно изучали тутъ и тѣлесную сторону человѣка; успѣхи по сей части значительно обогатили и нашу Науку и расширили ея виды. Въ особенности ипотезы *Декарта* о жизненныхъ духахъ, *Боннета* о мозговыхъ волокнахъ, *Гартлея* о сотрясеніяхъ нервовъ и объ эѳирѣ были Нѣмецкими Врачами и Философами возобновляемы въ многоразличнѣйшихъ формахъ; стремленіе отыскать

посредствующее звѣно между духовною и тѣлесною жизнію человѣка, либо найти переходъ изъ одной области въ другую, сдѣлалось господствующею, единственною, исключительною темой. Въ семъ отношеніи отличалась и остроуміемъ и опредѣлительностію понятій *Платнерова* новая *Антропологія для Врачей* и *Философовъ* (принимавшая двойной органъ души, высшій и низшій) тогда, какъ другіе, напр. *Итъ* изображали тѣлесныя и душевныя явленія въ совмѣстномъ, нераздѣльномъ, общемъ обозрѣніи или, каковы многіе новѣйшіе Врачи, напр. *Нейманъ* въ драгоцѣнной книгѣ своей *о природѣ человѣка* обработывали Психологію въ статьѣ о нервныхъ отправленіяхъ.

§ 26.

Но успѣхи тогдашняго времени въ Географіи и въ Путеописаніяхъ дали всему физіологическому обработанію нашей Науки рѣшительное направленіе къ познанію естественной разности народовъ и особенныхъ ихъ племенъ,—направленіе, съ коимъ обыкновенно соединяли (*Блуменбахъ, Кантъ, Лудвигъ* и др.) не только теорію разности душевныхъ свойствъ, поколику послѣдняя состоитъ въ связи съ внутреннею разностію организацій, но и другое смѣшанное ученіе о темпераментахъ, нравахъ, склонностяхъ и расположеніяхъ людей. Въ семъ духѣ, кромѣ многихъ другихъ, написана преимущественно книга *Либша*.

§ 27.

Умы двигались уже въ сихъ направленіяхъ, когда философія *Канта* общее вліяніе свое оказала и на Человѣкоученіе. Онъ самъ въ *практической* своей *Антропологіи* ограждаетъ ее отъ всякихъ покушеній, изъяснять ея задачи изъ силъ и законовъ органической природы. Нѣкоторые изъ его послѣдователей хотѣли исключить ее вовсе изъ вѣдомства Философіи. Но что сія страсть къ разлученіямъ и въ самой школѣ Кенигсбергскаго мудреца увлекла только немногихъ — это отчасти было слѣдствіемъ и потребностію основательнаго самопознанія, которая изъ самой природы Критицизма получила возбужденіе новое и сильное. Тутъ невозможно уже было довольствоваться поверхностными и ограниченными свѣдѣніями о человѣкѣ и выдавать оныя за Антропологію. И въ самомъ дѣлѣ, усилія основательныя, затѣйливыя, многообъятныя и вмѣстѣ съ тѣмъ никакою школою не стѣсняемыя, оказались во множествѣ, слѣдовавшихъ другъ за другомъ, учебныхъ книгъ *Каруса*, *Вейса*, *Шульца*, *Вейлера*, *Фриса*, *Свабедиссена*, *Салата*, *Гиллебрандта* и др.

§ 28.

Натуральная философія, которая, правда, поселила было сначала мысль, познавать человѣка не только *въ* природѣ, но и рѣшительно *изъ* природы, оказалась при изученіи человѣка, какъ части

огромнаго Мірозданія, въ сей даже односторонности своей весьма благодѣтельною. Сюда принадлежатъ въ особенности *третья часть* натуралной философіи Доктора *Окена* и *Антропологія* Генр. *Стефенса.* Сія послѣдняя старается изъ самой Исторіи нашей земли разгадать человѣка, какъ крайнее звѣно въ цѣпи ея существъ, какъ средоточіе нынѣшнихъ, въ безпредѣльность простирающихся ея развитій и какъ начальный пунктъ, какъ предтечу нескончаемой будущности.

Вообще же сей образъ мыслей возбудилъ въ Естествоиспытателяхъ — философахъ стремленіе особеннаго рода, а именно не такое, которое, связавъ себя однимъ механизмомъ, либо химизмомъ, принуждено, для собственнаго своего успокоенія, или для выдержки, принятыхъ имъ, началъ, отрицать жизнь, либо изгонять ее изъ общей природы, а такое, которое, начиная (какъ сдѣлалъ то *Бартельсъ* въ *начертаніи своей Физики*) съ простѣйшихъ дѣйствій природы, долженствовало простираться до организаціи отдѣльнаго существа, а оттуда до святилища мысли нашей, и слѣдственно восходить по ступенямъ природы до познанія идеальной жизни и тутъ только испрашивать себѣ вразумленій отъ духа. Вотъ источникъ, изъ котораго проистекли новыя, менѣе уже одностороннія изысканія о единствѣ души и тѣла, каковы напр. *Гартмановы* и *Бергеровы*!

§ 29

Не безъ особенныхъ вліяній на Человѣкоученіе осталось и, замѣченное въ послѣднія тридцать лѣтъ, благочестивое движеніе умовъ, которые пытались преимущественно разгадать отношеніе человѣка къ Богу,—которые твердятъ *о святыхъ предметахъ*, недоступныхъ вѣдѣнію и открытыхъ только Вѣрѣ,—твердятъ о Разумѣ, какъ о простомъ органѣ или чувствѣ сверхъ-чувственнаго. Ученія сіи изображены въ Психологіи *Эшенмайера* и въ *Гейнротовой* учебной книгѣ *Антропологіи*, объемлющей, впрочемъ, всѣ условія и отношенія жизни человѣческой а также и въ *Наукѣ самопознанія* или *Психологіи*, вышедшей въ свѣтъ нѣсколькими годами позже. Главная мысль послѣдней та, что наше Я или душа какъ посредствомъ тѣла — извнѣ — получаетъ возбужденія отъ общей природы, такъ точно и посредствомъ духа — извнутри — встрѣчаетъ *наитствованія* отъ Бога, но что и духъ и тѣло существенно отъ души разнятся.

§ 30.

Отъ всѣхъ поименнованныхъ направленій отличаются усилія *Гербарта*,—не столько тѣмъ, что онъ, безъ уваженія физіологіи, основываетъ ученіе о душѣ на (своей особенной) метафизикѣ, сколько тѣмъ, что онъ старается внутреннюю жизнь, какъ нѣкій механизмъ, обнять Математикою. Вмѣстѣ съ тѣмъ

онъ отвергаетъ привычный методъ, подводить безконечное многоразличіе формъ, въ какихъ проявляется жизнь души, подъ извѣстныя категоріи, т. е. способности, силы, въ чемъ, равно какъ и въ другихъ пунктахъ, слѣдуетъ ему и *Стиденротъ*.

Бенеке старается Науку о душѣ, а съ тѣмъ и Философію вообще, которая у него основывается на первой, обнажить отъ всѣхъ покрововъ метафизическихъ, очистить отъ всякихъ умозрѣній. Напротивъ того *Мусманъ* въ *учебной книгѣ Душесловія* сдѣлалъ опытъ, дать ему, началами *Гегелевой* Философіи, форму строгой Науки, что *Кайзерлингъ* вообще *прочилъ* для всего Человѣковѣдѣнія, тогда какъ *Зигвартъ* хотѣлъ послѣднее не поставить на новыхъ основаніяхъ, а только осторожными и отчетливыми изысканіями посильно усовершенствовать. И многія другія краткія Руководства то къ Психологіи, то къ Физіологіи, сопровождаемыя даже изданіемъ періодическихъ листковъ, которые имѣли цѣлію успѣхи той и другой, доказываютъ въ Нѣмецкихъ земляхъ и настоятельную потребность яснаго понятія о человѣкѣ и многоразличіе опытовъ, удовлетворить сему средостремительному влеченію.

§ 31.

Но воспользовались ли мы—Русскіе всѣми сими сокровищами иноземными? *Дѣтская Психологія Кампе*, (*Эрнестіевы*) *начальныя философическія статьи, касающіяся до существа и свойствъ души*

человѣческой, Мендельзоновы невещественность души и ея безсмертіе, Геннинговъ опытъ *о сновидѣніяхъ* и *Лунатикахъ*, курсы *Баумейстера, Снеля, Якоба*,—самыхъ пошлыхъ и бездушныхъ писателей именно о душѣ,—вотъ едвали не весь *переводный* нашъ *репертуаръ* Человѣкоученія! Правда, собственныхъ попытокъ мало; но онѣ рѣшительно не хуже того, что школьная промышленность пересадила изъ — за морей на нашу почву. Замѣтимъ *философическія предложенія Я. Козельскаго, Науку о душѣ* Діакона И. *Михайлова* и разныя разсужденія остроумнаго Вл. *Золотницкаго*. Предписаніе Правительства, преподавать Психологію въ Гимназіяхъ и Университетахъ, вызывало наставниковъ на трудъ новый, — пріятный и общеполезный. Тщетно! Одинъ П. *Любовскій*, возбужденный *Шадомъ* явился въ публику съ хорошимъ *краткимъ руководствомъ къ опытному душесловію*. — За то какъ обогащена наша литература физической части Человѣкоученія трудами *Амбодика*, П. А. *Загорскаго*, Е. Т. *Мухина*! Чтоже касается до *біографическихъ изслѣдованій природы* Д. М. *Велланскаго*; то они представляютъ цѣлую картину тѣлеснаго и душевнаго существа человѣческаго въ связи съ порядкомъ общей жизни. Тѣмъ грустнѣе смотрѣть на равнодушіе или безпечность ученыхъ соотечественниковъ, что мы въ своихъ Законахъ и въ Педагогикѣ, въ Запискахъ Русскихъ Путешественниковъ, (особливо прежнихъ Академиковъ),

что мы у своихъ Стихотворцевъ, у сочинителей Романовъ и Списателей нравовъ, въ журнальныхъ статьяхъ, въ публичныхъ Рѣчахъ, свѣтскихъ и духовныхъ, въ отдѣльныхъ разсужденіяхъ, *напр. Путеводителя* къ *истинному счастію* и *Размышляющаго человѣка* (о ходѣ образованія) имѣемъ весьма хорошіе матеріялы, которые ожидаютъ только *свода*, чтобы войти въ систему Науки.

§ 32.

Покушенія Европейскаго ума, разгадать человѣка, предостерегаютъ насъ отъ направленій односторонних; они поставляютъ намъ въ обязанность, признавать цѣну благонамѣренныхъ трудовъ, не увольняя, однакожъ, и отъ собственныхъ сужденій о предметѣ, столь близкомъ къ сердцу и столь доступномъ сознанію каждаго: но вмѣстѣ съ тѣмъ они указываютъ намъ и на первоначальный источникъ Человѣковѣдѣнія, — на жизнь, которая при всемъ многоразличіи формъ, остается сама себѣ равною, единою, нераздѣльною, — на жизнь, которая и можетъ и должна *схватывать*, или обнимать мыслію порядокъ, законъ и духъ временныхъ своихъ движеній. Дабы обращеніе къ сему живоносному источнику оказало и успѣхи вѣрные, обширные, предлежащая *Картина человѣка* какъ для опредѣлительности своего предмета, такъ и для прочности Цѣлаго, полагаетъ въ *трехъ* (предвари-

тельно въ *двухъ*) *Книгахъ* общее основаніе тщательному изученію

1. *Человѣка въ разумѣ общей природы,*

2. *Человѣка въ особенномъ устройствѣ и составѣ его существа,* имѣя въ виду разгадать

3. *Ходъ человѣчества въ Исторіи.* (*)

КНИГА ПЕРВАЯ.

Человѣкъ въ разумѣ общей природы.

ГЛАВА 1-я.

Общія задачи и требованія жизни человѣческой.

§ 33.

Кто не только имѣетъ *бытіе* или *существуетъ,* но и *дѣйствуетъ,* и не только дѣйствуетъ, двигаясь въ пространствѣ, но и *познаетъ* и притомъ какъ вещи внѣшнія, постороннія, такъ и себя самаго; тотъ общее начало и условіе всего, что онъ есть, чѣмъ бываетъ и чѣмъ быть можетъ, т. е.

(*) Сія *третья книга* входитъ въ *планъ,* но не въ *составъ* предлежащаго труда литературнаго.

свою жизнь выказываетъ во всевозможныхъ ея состояніяхъ. Таковъ человѣкъ.—Смутно первое чувствованіе сего особеннаго его устройства; но мысль свѣтлая, мысль свободная мало помалу вразумляетъ его по крайней мѣрѣ въ слѣдующихъ пунктахъ:

1) Я знаю, что и живу не иначе, какъ обнаруживая свою *дѣятельность*, (хотя бы то было и по поводу внѣшнихъ раздраженій), не иначе, какъ *проявляя* свою жизнь для себя и для другихъ, не иначе, какъ *выводя на позорище* временныя, отдѣльныя порожденія внутренняго моего, средобѣжнаго могущества, которое вездѣ и остается основаніемъ послѣднихъ, составляющихъ совокупность или сумму моего бытія историческаго. Сія жизнь моя никогда не изливается вся наружу. Въ противномъ случаѣ она не была бы обильнѣйшимъ источникомъ новыхъ, свѣжихъ, вѣчно-юныхъ чувствованій, мыслей, затѣй, поступковъ, характеровъ, идеаловъ, — тутъ она потерялась бы въ порожденіяхъ косныхъ, безцвѣтныхъ, мертвыхъ, для нея *чуждыхъ*. Такимъ образомъ пускай *мысль* дѣлаетъ различіе между внѣшнимъ и внутреннимъ; въ *практикѣ* мы дѣйствительно и существуемъ и знаемъ про себя лишь столько, сколько удается намъ выказать свои силы, выказать то, что мы есть и чѣмъ бы могли быть.

2) Подмѣчая въ себѣ жизнь, я вмѣстѣ съ тѣмъ подмѣчаю въ себѣ и жизнь не общую, да и не всеобъятную, а именно *человѣческую* и притомъ *опре-*

дѣленную, особенную — такую, въ которой иное есть, а многаго и нѣтъ. Это оказывается a) *со стороны внутренней.* Не она ли въ чувствѣ скудости своей принуждена домогаться того, въ чемъ имѣетъ еще нужду? Это оказывается b) въ моей *исторіи*: ибо и въ самыхъ проявленіяхъ моей личности, какова она есть, одно вылилось удачно и хорошо, другое недостаточно, худо. Это оказывается и c) *извнѣ и наружу*: ибо сколько такихъ случаевъ, въ которыхъ я значу и дѣлаю иное потому единственно, что вовлеченъ въ сношеніе съ другими тварями! Пускай сіе отношеніе и ограничиваетъ мои порывы въ идеальную даль, пускай оно и способствуетъ развитію моихъ силъ познанія и воли — все равно — тамъ и здѣсь, на томъ и на другомъ пути — оно вразумляетъ меня въ задачахъ моей жизни.

3) Но сія ограниченность бытія не *сплошная*, не *безусловная*. Можно принимать разныя свойства, внѣшнія и внутреннія, можно и противоборствовать враждебнымъ вліяніямъ; можно данную даже сумму силъ развивать до извѣстной степени. Слѣдственно и въ жизни моей особенной, удѣльной есть стороны неопредѣлительныя, есть величины неизмѣримыя: ибо она въ извѣстныхъ случаяхъ не только не подлежитъ, такъ сказать, давленію внѣшнихъ властей и имъ посмѣвается, но и сама въ свою очередь можетъ опредѣлять то, либо другое, словомъ, можетъ столько же здѣсь и *дѣйствовать*, сколько

при чувствѣ чуждыхъ вліяній, *страдать*. Впрочемъ сіи состоянія вездѣ переходятъ непримѣтно одно въ другое. Ибо не подмѣчаемъ ли мы, принимаемыхъ въ себя, ограниченій, а, встрѣчаясь съ ними, не отстраняемъ ли однихъ, не овладѣваемъ ли другими, такъ какъ и тамъ опять, гдѣ дѣятельно входимъ въ свои отношенія, не претерпѣваемъ ли отъ сопротивленія предметовъ?

4) Съ понятіемъ опредѣленной жизни неразлучно и понятіе нашей жизни *условной* и притомъ сколько относительно къ *сущности*, которая не сама же чрезъ себя такова, какова есть, столько и относительно къ *внѣшнему бытію*, всегда зависимому отъ бытія другаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ жизнь находитъ въ себѣ и начало *безусловныхъ* начинаній, сознавая, что она сама составляетъ, или, по крайней мѣрѣ, можетъ составлять основу своихъ проявленій. Непосредственная увѣренность, что я въ иныхъ случаяхъ самъ бываю виновникомъ своихъ дѣйствій, что самъ опредѣляю свою исторію, даетъ мнѣ право на лестное званіе твари *свободной, своевластной*.

5) Во всѣхъ поименованныхъ формахъ жизни, про которыя говоритъ всякому живая его вѣра въ самаго себя, нельзя не признать съ одной стороны чего-то *первоначальнаго*, съ другой опять чего-то и *производнаго*, временнаго, *пришлаго*. Тамъ я значу нѣчто по силѣ моего произхожденія, по силѣ, вложенной въ меня Богомъ, сущности или идеи;

здѣсь я значу то, чѣмъ бываю въ исторіи либо самъ отъ себя, либо при вліяніи внѣшнихъ обстоятельствъ, либо же отъ совокупнаго дѣйствія обѣихъ причинъ. *Разны* сіи стороны жизни, однакожъ другъ другу отнюдь не *чужды*.

6) Но подлинно ли мы все то и есть, къ чему наше существо или произхожденіе насъ назначило? Совѣсть при семъ вопросѣ смущается. Пускай и такъ; но доколѣ кипитъ *жизнь* въ сердцѣ, ей нельзя уже не стремиться къ тому, въ чемъ чувствуетъ нужду. Вотъ источникъ первоначальныхъ побужденій! Они требуютъ, чтобъ мое существованіе имъ соотвѣтствовало, и слѣдовательно, какъ *требованія*, соразмѣрнаго имъ, быта, имѣютъ значеніе первоначальныхъ законовъ для моей жизни, которая и оказывается въ качествѣ силы стремительной, въ качествѣ воли — затѣйливой, упорной.

7) Несмѣтны формы, въ которыхъ историческая жизнь является сознанію! Иныя изъ нихъ такого рода, что не только посмѣваются моему произволу, но что я не могу безъ нихъ и поддержать званіе существа живаго, дѣятельнаго, *суетливаго*. Онѣ, слѣдственно, составляютъ *первоначальное внутреннее разнообразіе* жизни человѣческой. Впрочемъ ни что не мѣшаетъ мнѣ и въ сихъ первоначальныхъ границахъ двигаться и дышать свободно;

8) Раскрывшееся сознаніе моей жизни исторической вмѣстѣ съ тѣмъ подаетъ мнѣ и способы,

распознавать свое лице съ другими отдѣльными лицами. Я и самаго себя, и всякаго другаго принимаю за особенное, опредѣленное существо однородное, и привѣтствую въ немъ *брата*. Ибо наружность его—вѣчная спутница внутренняго, обличаетъ въ немъ то самое, что заставляетъ меня во внутреннемъ чувствѣ вообще причислять къ существеннѣйшимъ принадлежностямъ жизни. Посему, признавая вмѣстѣ ихъ за людей же, я принимаю, что и въ цѣлой ихъ массѣ, да и въ каждомъ членѣ цѣлаго вмѣщается жизнь человѣческая со внутреннею существенною ея разновидностію, и что, слѣдственно, всѣ сіи—родныя мнѣ твари — каждая по своему особенному устройству и значенію составляютъ вмѣстѣ со мною общій *историческій бытъ* одного того же *человѣчества*.

9) Поелику и многоразличіе перваго рода и многоразличіе втораго принадлежатъ одной и той же жизни человѣческой; то не только въ каждомъ изъ нихъ порознь, но и тамъ, гдѣ они вступаютъ между собою въ связь, должно изображаться единство. Разнообразіе же, въ которомъ единство усматривается, есть *гармоническое, согласное*. Посему въ согласіи, въ гармоніи, въ единствѣ изображена первоначальная потребность, изображенъ первоначальный законъ для всѣхъ проявленій нашего существа.

10) Сей законъ требуетъ, а) чтобы существованіе каждаго человѣка, чтобы всѣ стороны и от-

ношенія его жизни, сами по себѣ разсматриваемыя, были согласны между собою или являли собою цѣлое, b) чтобы онѣ сообразовались съ общимъ существомъ человѣка, т. е. чтобы и въ той особенной формѣ, въ какой имъ суждено выказываться, были проникнуты первоначальнымъ единствомъ, были оживлены силою и духомъ людскости; чтобы c) общежитіе людей благопріятствовало ихъ назначенію, т. е. съ одной стороны, чтобы и родъ человѣческій являлъ на себѣ развитую цѣлость одной и той же живой идеи, съ другой, чтобы люди въ ихъ свободныхъ стремленіяхъ *уживались* между собою и дружелюбно содѣйствовали осуществленію истинныхъ цѣлей своего назначенія, d) чтобы жизнь всякаго человѣка отдѣльно и всѣхъ въ совокупности сохраняла необходимыя свои отношенія къ Вселенной, т. е. чтобы занимала въ ней свое мѣсто и слѣдственно была дѣйствительно тѣмъ, что ей и надлежитъ и хочется значить въ общемъ порядкѣ или въ организмѣ Мірозданія.—Сія гармонія четырехъ родовъ есть *единая* и оказывается совершенною тамъ только, гдѣ каждая часть подкрѣпляема бываетъ другою.

ГЛАВА 2-я.

Приложеніе общихъ задачъ и требованій жизни человѣческой къ отдѣльному нынѣшнему быту

нашему, тѣлесному, духовно-свободному и общественному.

§ 34.

Какъ же содержится нынѣшняя историческая жизнь человѣка вообще къ упомянутому ея закону?

А) Если человѣкъ прежде всего разсматриваетъ свою жизнь *въ отдѣльномъ ея устройствѣ,* то находитъ въ ней сторону *духовную* и *тѣлесную,* связанныя столь тѣсно, что онѣ могутъ другъ другу и мѣшать и благопріятствовать. Между тѣмъ потребность и законъ совершенной гармоніи здѣсь, какъ и вездѣ, неотразимы. Но отъ сей потребности и отъ сего закона весьма далеко нынѣшнее отношеніе тѣла къ духу. Первое не совсѣмъ подвластно второму; оно обращено къ внѣшней природѣ и увлекаетъ своего вожатаго, которому такъ же недостаетъ часто силъ, одолѣвать искушенія и приманки чувствъ. Вотъ почему либо духовная жизнь не рѣдко теряетъ свои державныя права и поступаетъ въ служеніе плоти, либо оба начала жизни раздираются стремленіями враждебными!

В) Далѣе,—если человѣкъ вникаетъ въ свойство отношенія своей временной, исторической, особливоже свободной жизни, вникаетъ въ отношеніе своихъ помысловъ и начинаній къ своей сущности, и къ, проистекающимъ оттуда, требованіямъ; то открываетъ, что, хотя его жизнь, по себѣ вну-

тренняя, таинственная, сверхъ—чувственная, при переходѣ въ видимый міръ, можетъ измѣнять первоначальнымъ стремленіямъ, потребностямъ и законамъ, но что она тогда только достигаетъ прямаго и прочнаго бытія, когда сію, такъ сказать, собственную свою, первоначальную волю принимаетъ за рѣшительное руководство во всѣхъ и производныхъ, временныхъ своихъ движеніяхъ. Но пользуется ли онъ теперь благословенными плодами свободы и міра Божія? Не продолжаютъ ли ссорить его съ общимъ порядкомъ вещей человѣческихъ и произволъ его,—слѣпой, безумный и эгоизмъ—алчный, всепоглощающій?

С) Самолюбивая чувственность не допускаетъ людей и въ общежитіи до единодушія. Какое здѣсь бореніе интересовъ и страстей! Натурально; сіи стремленія произтекаютъ не изъ сущности человѣческой, коей воля у всѣхъ одинакова, но изъ вожделѣній своевольной личности. Такъ—то и внѣшнее сообщество людей не соотвѣтствуетъ коренному закону гармоніи между частными членами и между цѣлымъ гражданскимъ тѣломъ.

ГЛАВА 3-я.

Мѣсто человѣка въ великомъ Мірозданіи.

§ 35.

Наконецъ требованіе, касающееся до отношеній человѣка къ общей природѣ, поставляетъ ему

въ обязанность, оглядѣться во Вселенной и ясно выразумѣть въ ней свое *мѣсто*. Здѣсь оказывается, что его существованіе *укоренено* въ опредѣленной планетѣ, что оно *вдвинуто*, вмѣстѣ съ послѣднею, въ общій чинъ огромнаго Мірозданія, въ которомъ и признаетъ свою *судьбу*, признаетъ рѣшительную зависимость дольняго отъ горнихъ силъ и *только* отъ горнихъ: ибо на землѣ онъ одинъ собираетъ вокругъ *своей вѣнчанной главы сіяніе славы и чести*, которое *малымъ чѣмъ умалило его отъ Ангеловъ*. Гдѣ съ чувствомъ сего превосходства соединяется сознаніе свободы, которая можетъ овладѣвать кругомъ своего бытія; тамъ человѣкъ въ правѣ признавать дольнюю природу *родовымъ* своимъ *достояніемъ*, а себя *властелиномъ*. Вотъ, что вообще можно сказать о значеніи жизни нашей во внѣшнихъ ея отношеніяхъ!

§ 36.

Точнѣе опредѣляется точка, на которой мы поставлены во Вселенной, отвѣтомъ на вопросъ: *какъ же именно включена жизнь человѣческая въ общей природѣ* и *какъ особенно въ нашей земной*? Природа есть первоначальная *цѣлость бытія*, въ *творчествѣ* неутомимаго. Внутренняя, *романтическая* сторона ея стремится вѣчно возникать и тѣмъ озабочивать внѣшнюю, *классическую*, которая любитъ порожденія зиждущихъ ея силъ задерживать и искать въ нихъ временнаго (относительнаго) успокоенія. Но что воздвигаетъ при-

рода, то не отдѣляется отъ ея лона материнскаго, то и остается въ ней и бываетъ еюже возбуждаемо къ дѣятельности; посему въ ней ничего нѣтъ такого, что укрывалось бы отъ ея промыслительности, какъ созданіе, ей чуждое, нѣтъ ничего такого, что не было бы проникнуто живительными ея вліяніями. Способы же или формы, въ какихъ она проявляетъ свою жизнь дѣйствительно, суть Пространство и Время, возникающія вмѣстѣ съ нею, и какъ въ природѣ бытіе и производство или рожденіе онаго неразлучны; такъ точно время и пространство *внѣдрены* одно въ другое. Отъ того вещи сколько *пребываютъ*, столько же и *преходятъ*, или, что все равно, *движеніемъ живыхъ силъ* въ своемъ видѣ и *составѣ обновляются*. Все въ природѣ связано то сопребываніемъ, то правильною, расчитанною послѣдовательностію. Отъ того-то въ ней вездѣ порядокъ, отъ того-то и она сама есть нѣчто Цѣлое, есть организмъ.

§ 37.

Въ семъ повсемѣстномъ благоустройствѣ надобно и различать, да и относить другъ къ другу общее и особенное въ несмѣтныхъ постепенностяхъ. Все же, что представляетъ природа наиболѣе общаго, есть *міръ пространства и міръ времени*, — неразлучные, впрочемъ, спутники всего, что *есть* и что *бываетъ*; тамъ видимъ совмѣстное существованіе, стройную цѣлость сотво-

ренныхъ вещей, организмъ, до безпредѣльной окружности разливающагося бытія; здѣсь видимъ такую же правильную послѣдовательность, такую же стройную цѣлость, такойже организмъ, въ безконечность простирающихся, рожденій; тамъ—въ *ветхой книгѣ бытія* — изображена природа почіющею отъ дѣлъ своихъ, здѣсь—въ *новозавѣтной книгѣ рождества* — мы слѣдимъ за успѣхами неослабной ея дѣятельности, но вездѣ, — на всѣхъ пунктахъ — и въ маломъ и въ великомъ видѣ — одна изъ сихъ начальныхъ *формъ естественнаго* откровенія жизни *вдвинута* въ другую, одна находитъ въ другой необходимое свое предположеніе. Самое же общее выраженіе сей *взаимной проницаемости* есть разновидное единство существованія *наличнаго* съ другимъ, вѣчно возникающимъ. Такъ и тѣла небесныя не однѣ только массы, наполняющія пространство эѳира; они проникнуты побужденіемъ, силой, дѣятельностію; они дышатъ жизнію и притомъ первозданною. Но внутреннее единство божественной ихъ сущности разверзаетъ изъ себя относительную противоположность болѣе пространственнаго, либо болѣе временнаго начала. Вотъ почему и въ чинѣ ихъ созданій особенные организмы, въ коихъ относительно преобладаетъ побужденіе къ зиждительной дѣятельности, т. е. собственно живые различаются отъ общаго пространственнаго бытія, служащаго имъ основой!

§ 38.

Къ симъ особеннымъ организмамъ относится человѣкъ своею жизнію тѣлесною. Онъ имѣетъ свое мѣсто въ обширной природѣ, принадлежитъ ей, продолжаетъ вмѣстѣ съ нею проходить земное свое поприще, вовлеченъ въ общій порядокъ ея движеній, удерживая, однакоже, за собою бытіе *самостоятельное*, *особенное*. Такимъ образомъ a) тѣлесное его существованіе, находясь въ гармоніи съ общею природой, состоитъ съ нею и въ противоположеніи, потому что должно въ ней и по ея же уставамъ выдерживать въ бореніи съ нею характеръ существа особеннаго; b) Оно состоитъ вмѣстѣ и въ зависимости отъ общей природы и подчиняетъ сію послѣднюю своимъ потребностямъ. Вотъ, почему тѣлесная жизнь человѣка, связанная посредствомъ земли съ цѣлымъ, особливо ближайшимъ Мірозданіемъ, *вообще* 1) подвержена вліянію годинъ и сутокъ и, послѣдующимъ изъ того, перемѣнамъ въ природѣ, кои состояніямъ ея то благопріятствуютъ, то вредятъ! Вотъ почему 2) она нуждается въ водѣ, въ воздухѣ, въ свѣтѣ и теплотѣ то для поддержанія себя, то для благосостоянія, почему, слѣдственно, степень свѣта и теплоты, свойство воды и воздуха въ разныхъ странахъ земли, и, зависящія отъ того, перемѣны, купно съ особеннымъ свойствомъ почвы и ея произведеній, имѣютъ сильное вліяніе на тѣлесную, (а посредственнымъ образомъ и на

духовную) сторону человѣка! Вотъ почему онъ 3) отъ общихъ производствъ тяготѣнія, магнитизма, электричества и химизма отнюдь не изъемлется тѣмъ, что сіи дѣйствія всемірной души получаютъ въ его утонченномъ организмѣ особенное измѣненіе.

§ 39.

Если затѣмъ вникнемъ въ отношеніе тѣлеснаго нашего состава къ природѣ *особенной, дольней, земной*, то означенное положеніе, по силѣ коего человѣкъ сосредоточиваетъ въ себѣ разсѣянныя совершенства однородныхъ съ нимъ тварей, приводитъ наблюдателя къ слѣдующимъ разсужденіямъ:

Особеныя естественныя произведенія нашей планеты представляются въ такой постепенности, которая во многихъ рядахъ, то совмѣстно дѣйствующихъ, то, для лучшей отдѣлки особеннаго бытія, въ рѣшеніи задачь опять и разрозняющихся, оказываетъ стремленіе все къ высшимъ совершенствамъ твари одушевленной. Проявляющаяся въ нихъ жизнь, кажется, еще связана *заматерѣлыми* формами, но, порываясь къ свободѣ, мало помалу приближается къ той цѣли, къ которой влекутъ ее первыя пробудившіяся заботы существа, брошеннаго въ Исторію; въ нихъ видны неудачныя, такъ сказать, *попытки воздвигнуть человѣка.*

Низшую степень занимаетъ здѣсь первое тѣлесное порожденіе образующей силы жизненной, первая осадка изъ нестройнаго смѣшенія земныхъ

стихій,—замаперѣлое бытіе, съ рѣзкою опредѣлительностію очертаній, съ прямыми, не-округленными, правильными плоскостями. Многоразличны формы сей производительности геометрической; но способъ образованія одинаковъ,— наращеніе новыхъ *кристалловъ* отвнѣ по *темъ*, заданной первыми направленіями возбужденнаго пункта—и только.

Сіе связанное бытіе искупаетъ извѣстную мѣру свободы тамъ только, гдѣ овладѣваетъ своею матеріей, которая утверждаетъ его существованіе въ пространствѣ,—искупаетъ въ тваряхъ органическихъ или живыхъ. Тутъ природа разные свои способы дѣйствованія принимаетъ въ себя, задерживаетъ и, проникая оные, устанавливаетъ въ общей, неопредѣленной массѣ, извѣстныя *центральныя, сборныя* мѣста, которыя и возвышаетъ въ достоинство самостоятельныхъ *вѣдомствъ* или *отдѣловъ* тѣмъ, что отсюда — изъ сихъ *точекъ исхода*—жизнь, *развивающаяся* посредствомъ присвоенія внѣшнихъ веществъ, возникаетъ не вдругъ, а мало по малу, въ качествѣ отдѣльнаго созданія и старается, въ сей опредѣленной сферѣ, дѣйствіемъ внутренняго начала, постоянно утверждать за собою благопріобрѣтенную *свою* (а не родовую) *собственность*.

§ 40.

Посему органическія существа различаются отъ неорудныхъ вообще и *устроеніемъ* и *способомъ дѣятельности* и *наружнымъ видомъ*. Ибо

А) Какая 1) *разнородность* уже въ стихійномъ ихъ сложеніи! Въ нихъ 2) оказывается и *опредѣленное отношеніе* между *жидкою* стихіей, удобообразуемою, и между *земляною*, началомъ твердой осадки. Изъ ихъ *студенистаго* вещества, мало по малу, развиваются отдѣльныя части. Наконецъ 3) *связь* ихъ частей, опредѣляемая внутреннимъ началомъ, есть не столько косное сопребываніе, сколько безпрерывный, легкій переливъ одной въ другую, —не столько случайная встрѣча, сколько особенное слѣдствіе тайныхъ какихъ — то цѣлей и потому необходимая соотносительность, словомъ—*тканъ*.

В) Замѣтны и *способы дѣятельности*. Ибо 1) кому не бросается въ глаза, что здѣсь самыя подчиненныя, даже, явленія притягиванія, отталкиванія, сродства и проч. опредѣляются внутренними, *динамическими* соотношеніями веществъ и частей — *отправленіями*, тогда, какъ въ другихъ случаяхъ жизнь довольствуется страдательными движеніями и перемѣнами, зависящими отъ всякихъ внѣшнихъ и случайныхъ обстоятельствъ? Кому не бросается въ глаза 2) и *самостоятельное стремленіе къ поддержанію своего существа*, къ обновленію его посредствомъ питанія, дыханія, возрастанія, расположенія? Кому не бросается въ глаза и 3) *особенная судьба* органическихъ тварей, въ продолженіе извѣстнаго только времени развиваться, цвѣсти, созрѣвать, а по истеченіи *срочнаго вѣка*, гдѣ онѣ знакомятся и съ уродливостями и съ

болѣзнями, обращаться, — путемъ всякія плоти т. е. путемъ *гніенія* — въ безобразную и неустроенную массу, изъ которой и возникли?

С) Наконецъ въ органическихъ существахъ видно

1) *Стремленіе и къ опредѣленному обличію*, какъ соотвѣтственному произведенію внутренняго благоустройства. Организація здѣсь не довольствуется только правильною *формою вообще*, а получаетъ *полный обликъ* отъ самой *связи частныхъ системъ*;

2) Вотъ почему мы и въ очертаніяхъ органическаго существа встрѣчаемъ тѣ *плавныя*, извивающіяся, волнистыя линіи, съ которыми такъ невыгодно разнообразятъ *рѣзкіе углы* кристалловъ;

3) Далѣе—они имѣютъ строеніе *звѣздное*, т. е. всѣ сродныя части ихъ въ отдѣльности, всѣ системы относятся къ извѣстному средоточію, изъ котораго выходятъ въ *лучеобразныхъ* направленіяхъ и во взаимной подчиненности, тогда какъ тѣла неорганическія образуются посредствомъ только *сцѣпленія, прилипанія, наращенія*;

4) Они въ пріобрѣтеніи наружнаго вида послѣдуютъ и опредѣленному *основному чертежу*, да и самодѣйствующему внутреннему началу, которое направляетъ ихъ развитіе не по общимъ законамъ Механики и Химіи, а по движенію особенной, средобѣжной *силы, зиждущей, пластической, строительной, животворной*;

5) Потому — то они и въ формѣ и во всемъ

устройствѣ своемъ представляютъ бытіе прямо недѣлимое, т. е. хотя состоящее во внѣшней природѣ, однакожъ опять и упорствующее противъ рѣшительныхъ насилій и отъ цѣлаго менѣе зависимое, тогда какъ произведенія неорудныя въ составѣ своемъ частію порабощены совершенно внѣшнимъ вліяніямъ, частію же и существуютъ, по видимому, для чего—то другаго.

§ 41.

Гдѣ только даны условія таковыхъ *отношеній къ себѣ самому*, гдѣ только сокровенныя силы жизни съ одной стороны въ ихъ неопредѣлительномъ, косномъ, дремлющемъ проводникѣ, во влажномъ веществѣ, съ другой въ воздухѣ и вмѣстѣ въ теплотѣ, либо свѣтѣ, вступаютъ съ надлежащею мѣрою и степенью возбужденія, на позорище игры стихійной, тамъ зиждительность природы оказывается въ первыхъ—*наливныхъ* зародышахъ, сѣменахъ, начаткахъ одушевленія. Миріады сихъ живыхъ, произвольно движущихся, атомовъ, то соединяясь между собою, то другъ друга отталкивая, вѣчно врѣются и въ атмосферѣ и въ водѣ и въ сокахъ органическихъ, даже, нетлѣнные, несгараемые—въ остывающемъ кипяткѣ. Вотъ тѣ Серафимы Жуковскаго,

Которыхъ тьмы кипятъ
Въ пылающей пучинѣ!

Явственнѣе, однакожъ, и опредѣлительнѣе жизнь стихійная тамъ, гдѣ возвышается до собственно

такъ называемыхъ *животнорастеній*; но и въ нихъ ей не удается совершенно овладѣть своею массою — землянистою или водянистою; отъ того такая рыхлость въ органическомъ составѣ; отъ того и отдѣленная часть можетъ образовать изъ себя опять цѣлое. Впрочемъ жизнь и здѣсь уже многоразлична какъ во внутреннемъ совершенствѣ, такъ равно и въ томъ, что иныя изъ сихъ тварей ближе подходятъ къ природѣ растеній, а другія ближе къ природѣ животныхъ служа, слѣдственно, общею основой высшему царству органическому: ибо отсюда жизнь, разрозняя то, что соединено безъ достаточнаго устройства внутренняго, простирается къ формамъ, болѣе выработаннымъ.

§ 42.

На одну сторону поступаютъ *растенія*. Правда, жизнь является у нихъ менѣе совершенною въ сравненіи съ тою свободою движенія, которой она достигла — было на предыдущей уже степени; она опять болѣе погрязаетъ въ своемъ бытіи; за то какъ сильно и выработываетъ она сіе послѣднее, устремляясь чрезъ многія степени и ряды развитія къ совершенствамъ высшаго рода! Но злаки укоренены въ землѣ, они срослись съ своею родимой почвой и вся задача ихъ жизни состоитъ въ образованіи, въ зижденіи, въ развитіи. Тутъ замѣтно a) образованіе средобѣжное и потому-то многоразличіе въ каждомъ растеніи видимо исходитъ изъ внутренняго его единства. Тутъ замѣтно b) зижденіе такое, которое совершается въ послѣдо-

вательномъ порядкѣ, которое принимаетъ свое направленіе къ свѣту солнечному и преимущественно любитъ поставлять сокровенное на видъ, — зижденіе, которое именно по сему самому и не доходитъ совершенно до сомкнутой наружности, а только до извѣстнаго очертанія или обличія, внутреннею необходимостію опредѣляемаго. Тутъ наконецъ с) Замѣтно зижденіе невольное, которое должно свои вещества безпрестанно осаждать въ органическихъ кристаллахъ. Такимъ образомъ жизнь растительная далека еще отъ вожделѣннаго самовластія. Она лишена произвольныхъ движеній и вся почти порабощена общей природѣ, которою одною и поддерживается въ своемъ—*состояніи невинности.*

§ 43.

Наряду съ растеніями являются, съ другой стороны, высшія, болѣе благородныя твари, — *животныя*, совершенствующіяся такъ же въ безчисленныхъ степеняхъ и породахъ. Но вообще животное избываетъ уже строгой, роковой зависимости отъ мѣсторожденія и отъ стихійной природы; оно вбираетъ свои корни въ собственный свой организмъ и поддерживаетъ существованіе свое безпрестаннымъ обновленіемъ органической машины извнутри. Такъ жизнь его все болѣе уединяется въ самой себѣ, все болѣе дѣлается свободною, самостоятельною, и способною совершать движенія произвольныя. Къ зиждительному ея могуществу, которое тутъ и само восходитъ на высшую сте-

пень совершенства, присоединяется нарочитая степень раздражительности и чувствительности и оба сіи способа рѣшительныхъ откровеній жизни въ благороднѣйшемъ разрядѣ животныхъ купно съ развитіемъ соотвѣтственныхъ системъ получаютъ значеніе высшее. Тутъ жизнь не оказывается уже въ качествѣ неопредѣленнаго только ощущенія своихъ силъ, въ слѣдствіе коего мы приписываемъ животному душу, не оказывается и наружу — въ одномъ только чувствованіи и вожделѣніи; она оказывается еще и въ особенныхъ орудіяхъ непосредственнаго познанія ближайшихъ вещей, въ органахъ голоса, въ памяти, въ склонностяхъ и отвращеніяхъ, въ извѣстной степени *смышлености*. Но до свободы не достигаетъ жизнь и въ высшихъ животныхъ, хотя они и *прообразуютъ* для баснописца разные характеры нашего быта человѣческаго. Ихъ сознаніе все еще остается только чувственнымъ; въ ихъ начинаніяхъ безусловно господствуютъ побужденія врожденныя; жизнь у нихъ не овладѣла своимъ бытіемъ; почему и душа ихъ предана въ распоряженіе тѣла. Вотъ причина и рѣшительной ихъ зависимости отъ внѣшней природы и предуставленнаго, неизмѣняемаго образа ихъ жизни!

§ 44.

Только *помазанника природы* вводитъ Духъ планетный во владѣніе богатымъ его достояніемъ. Кто снизу и снаружи разсматриваетъ многораз-

личныя степени и порядки одушевленнаго творенія, насъ окружающаго; тотъ долженъ и самое крайнее, самое удачнѣйшее превращеніе дольнихъ силъ и стихій — человѣка все еще причислять къ произведеніямъ естественнымъ и потому помѣщать въ послѣдній разрядъ высшихъ — сосцепитающихъ животныхъ, къ которымъ онъ такъ близокъ и потребностями и организаціей вообще, и самымъ способъ рожденія и смерти. Но именно потому, что онъ составляетъ верховное звѣно въ цѣпи земныхъ существъ, долженъ онъ и физическимъ уже устройствомъ своимъ не походить сплошь на другія твари однородныя. И дѣйствительно

А) *На взглядъ* уже онъ нынѣ различается отъ всѣхъ животныхъ

1) *Стамымъ положеніемъ,* свойственнымъ ему одному и по устройству лядвей и ногъ и по устройству заднихъ частей и таза и по устройству груди и брюха,

2) Отдѣлкою двухъ рукъ для утонченнѣйшаго осязанія и для разнообразнѣйшей движимости,

3) Одинаковою длиною плотно сдвинутыхъ зубовъ вертикальныхъ,

4) Величиною и округленіемъ черепа, — преимуществами, въ слѣдствіе коихъ божественное чело его выдвигается, а нижняя часть лица вдается и входитъ почти въ параллель съ хребтомъ,

5) Тонкимъ пушкомъ на гладкой кожѣ и волосами ни головѣ.

В. И *во внутренней организаціи* встрѣчаемся мы 1) то со счастливыми недостатками иныхъ частей, наприм. 13 пары ребръ, толстой сухой жилы или связки шейной, клинообразной кости въ верхней челюсти, куда у животныхъ вставлены зубы *рѣзуны*, то 2) съ разницею — въ помѣщеніи большаго затылочнаго отверстія, въ органахъ голоса, которые у самыхъ еще обезьянъ связаны, наконецъ, что и того важнѣе 3) въ дивномъ строеніи мякоти, наполняющей полость черепа, т. е. мозга, столь обширнаго спереди, столь сжатаго сзади, столь хитросплетеннаго!

С) Съ сими *первоначальными* признаками образованія состоятъ въ связи и другіе, именно тѣ *подчиненные, производные*, кои опредѣляются жизненными отправленіями. Кому не извѣстны нѣжность, гибкость и отмѣнная сжимаемость клетчатой, все тѣло облекающей ткани, которая дѣлаетъ человѣка — космополита толь способнымъ уживаться во всѣхъ климатахъ? Кому не извѣстны медленное его спѣяніе (напр. срастаніе черепныхъ костей, прорѣзываніе зубовъ), поздняя его зрѣлость и (въ сравненіи съ однородными высшими тварями), долгайшій вѣкъ, — независимость удовлетворенія движеній плоти и крови отъ временъ года, мѣсячное очищеніе женщинъ, дѣвственная ихъ перепонка? Кому не извѣстны наши болѣзни

(нервическія и душевныя), наша естественная безоружность, нашъ смѣхъ и плачь, нашъ языкъ, наконецъ выразительность наружнаго вида нашего, и красота того образа человѣческаго, въ который облекаются сами небожители, когда посѣщаютъ землю?

§ 45.

Существеннѣйшее же обстоятельство то, что въ организмѣ человѣческомъ жизнь на землѣ даетъ себѣ рѣшительные порывы къ свободѣ и тѣмъ достигаетъ цѣли, къ которой стремится чрезъ всѣ степени историческаго своего развитія, достигаетъ до той точки *всерадостнаго поворота весенняго*, съ которой начинаетъ всѣми своими постепенностями и превращеніями принадлежать — самой себѣ. Тутъ она прямо овладѣваетъ уже своимъ естественнымъ бытіемъ въ человѣкѣ, дабы потомъ посредствомъ онаго выказать, въ качествѣ духовной жизни, превосходство свое надъ внѣшнею природой и присвоить себѣ всѣ низшія формы своего развитія. Такъ-то человѣкъ является представителемъ своей планеты! Такъ-то всѣ формы, степени и породы послѣдней являются въ видѣ продолженныхъ, растянутыхъ членовъ его центральнаго, образцоваго тѣла. Посему, гдѣ разсматривается дольняя природа изъ среды духовной нашей жизни, тамъ первая является подвѣдомственною тому, кому суждено *дополнять землю и обладать ею*. Въ немъ господствуетъ другое

начало. Отъ того и самое тѣлесное или физическое бытіе его не въ такой мѣрѣ порабощено общей природѣ, какъ жизнь растеній и животныхъ. Отъ того Исторія человѣка не просто Исторія естественная. Отъ того онъ и хочетъ и долженъ домогаться самодержавія на землѣ, къ которому призванъ свыше.

§ 46.

Но вступилъ ли онъ дѣйствительно въ свои права державныя? Правда, онъ по нынѣ исполински подвизается на семъ великомъ поприщѣ; однакожъ обѣтованная земля далеко еще отъ глазъ его. Не предстоятъ ли ему еще боренія съ враждебными силами Вселенной? Этому и быть должно. Ибо 1) существо временное подлежитъ постепенному развитію; оно слѣдственно, не совсѣмъ еще то, чѣмъ ему, по идеи его, быть и хочется и надлежитъ. А 2) судьба земли? Ибо, какъ исторія жизни человѣческой, извнѣ разсматриваемая, включена въ судьбу ея планеты; то и всякая общая степень развитія нашего отвнѣ опредѣляется степенемъ развитія земнаго быта. Исторія же нашей планеты была бы понятна съ одной стороны изъ познанія того способа, какъ дѣйствуютъ общія силы природы на пунктѣ, занимаемомъ землею въ солнечной системѣ, съ другой изъ существующихъ, *наличныхъ* главныхъ формъ общаго бытія земнаго, и такъ же изъ основныхъ очертаній тѣхъ памятниковъ, кои свидѣтельствуютъ о продолжающихся

переворотахъ нашей планеты. Такъ Исторія земли включалась бы въ Исторіи солнечной ея системы, а сія опять въ Исторіи Мірозданія, въ коемъ человѣкъ теряется, какъ капля въ океанѣ.

§ 47.

И такъ жизнь человѣческая и сама по себѣ и въ своихъ отношеніяхъ разсматриваемая, находится въ такомъ состояніи, которое не соразмѣрно ея сущности, ея врожденнымъ потребностямъ и стремленіямъ, слѣдственно въ состояніи, которому бъ быть не надлежало. Отъ того и первоначальное желаніе и первоначальная заповѣдь, и важнѣйшая задача жизни—перейти отъ онаго даннаго, стѣсненнаго положенія къ другому, болѣе свободному болѣе гармоническому. Человѣкъ задачу сію рѣшить можетъ. Не прямо ли онъ произходитъ отъ того, кто есть и *путь* и *истина* и *животъ*? Не имѣетъ ли онъ способовъ, на своемъ мѣстѣ во Вселенной быть тѣмъ, къ чему призванъ? Не имѣетъ ли способовъ свергнуть съ себя иго тягостной зависимости, одолѣть превратныя отношенія и во временныхъ начинаніяхъ, дѣйствуя своею первоначальною волей, дать и своему быту историческому такое свойство, какого требуетъ его сущность? Но въ нынѣшнее время жизни человѣкъ можетъ удовлетворить сей задачѣ только въ той мѣрѣ, въ какой каждое отдѣльное лице, чистою и рѣшительною волей содѣлывается во внутреннемъ своемъ бытѣ все согласнѣе съ самимъ собой и во всѣхъ внутреннихъ опытахъ жизни пріобрѣтаетъ

упованіе постепеннаго шествія къ цѣли, а съ тѣмъ и внутренній миръ, въ той, — далѣе — мѣрѣ, въ какой всѣ люди стараются и въ *общественныхъ* сношеніяхъ водворять единодушіе справедливостію, и любовію и крѣпиться въ семъ священномъ союзѣ соразмѣрнымъ благоустройствомъ жизни. Положимъ, что мы и тутъ — во внѣшнемъ существованіи несовершено еще то, что намъ и хочется и должно значить; положимъ, что мы и тутъ не восходимъ еще на ту высоту жизни, которая намъ указана; — мы по крайнѣй мѣрѣ все таки примиряемся съ своими недостатками, а особливо со внѣшнею зависимостію; мы все болѣе и болѣе утверждаемся въ сердечномъ упованіи, въ теплой вѣрѣ, что развитіе природы и самой Исторіи, по единству божественной жизни, согласно и съ бытомъ истинной свободы нашей.

§ 48

Вотъ общее свойство, общее мѣсто, указанное жизни человѣческой, да и общая ея задача! Такъ-то предметъ Человѣкоученія въ его границахъ и во внутренней, нераздѣленной еще полнотѣ представляется нашимъ мыслямъ, требуя изысканій подробнѣйшихъ. Слѣдуя сему воззванію, а вмѣстѣ и внутренней потребности, Наука должна вступить въ обширный кругъ своего предмета и заняться разсмотрѣніемъ какъ общей, отвлеченной жизни *человѣка*, такъ-въ послѣдствіи-и самаго историческаго быта-*людей*!

КНИГА ВТОРАЯ.

Составъ существа человѣческаго.

§ 49

Поелику существованіе наше состоитъ въ проявленіяхъ жизни частію свободныхъ, духовныхъ, частію необходимыхъ, тѣлесныхъ, и поелику мы тамъ и здѣсь усматриваемъ многоразличіе, у всѣхъ людей одинаковое; то Наука пускай разсмотритъ сіе многоразличіе въ общихъ формахъ порознь,—однакожъ, по причинѣ односторонняго значенія каждой не иначе, какъ во (взаимномъ, дополнительномъ) ихъ соотношеніи; пускай представитъ, какимъ образомъ единая, нераздѣльная жизнь человѣка сколько на сторонѣ тѣлесной и на сторонѣ духовной *вообще*, столько же и въ *особенномъ* устройствѣ той и другой, выказываетъ рѣшительные свои порывы къ творчеству, выказываетъ ненасытимыя свои побужденія.

50

Не особеннаго ли свойства жизнь человѣческая? Нѣтъ. Она та же самая, общая, въ формѣ божественныхъ идей, отъ начала временъ, вылившаяся, таже самая, которая и *возбуждаетъ* эѳиръ и *движетъ* оный и *притягиваетъ*,—та же самая, которая, отчасти еще недовѣдомая, врѣется и кипитъ на днѣ океана, порхаетъ въ свободныхъ пространствахъ воздуха, прячется отъ лучей солнца въ

подземелья, ширится и роскошествуетъ въ растеніяхъ и животныхъ, не щадя своихъ трудовъ, —даже расточая свои сокровища, наконецъ, примиренная до извѣстной степени со стихіями, въ высшихъ, болѣе на человѣка похожихъ, тваряхъ, *въ слѣпыхъ спутникахъ странствующаго Одиссея* является такъ могучею, такъ значительною, такъ замысловатою! Тамъ и здѣсь,—вездѣ встрѣчаемъ мы дѣятельную, къ свободѣ и одолѣнію матеріи неослабно стремящуюся *силу*, встрѣчаетъ мерцающій умъ, глубоко сокровенную и въ оковахъ стонающую душу. Пускай мятежныя стихіи еще тревожатъ ее въ смутномъ снѣ; пускай она въ болѣзни еще рождаетъ чадъ; не измѣняя своему творческому назначенію, она подъ конецъ успѣваетъ все враждебное подчинять *себѣ* и приноравливать къ своей невидимой формѣ, успѣваетъ созидать себѣ приличную обитель.

§ 51.

Въ сей побѣдительной борьбѣ жизнь пробѣгаетъ цѣлые ряды *пробныхъ* созданій, которыя, какъ степени превращенія, дивно переплетаясь, то вмѣстѣ *пребываютъ*, то украдкой, медленно, робко, и какъ бы мало по малу, по вѣчнымъ законамъ, отторгаясь отъ общей массы, дѣлаютъ *покушеніе* къ побѣгу, и утекаютъ обратно, *подобно призракамъ*, въ довременный хаосъ ветхаго бытія. Ибо надобно же, чтобы душѣ, воспрянувшей къ чувству и къ разумѣнію самой себя, исторія многоразличныхъ ея превращеній предстала въ *насто-*

ящемъ, свѣтломъ видѣ, чтобы таинственное, неразгаданное основаніе ея жизни упрочено было для вѣчности.

§ 52.

Гдѣ сія общая, божественная жизнь задерживаетъ себя на опредѣленныхъ пунктахъ и учреждаетъ себѣ кругъ дѣятельности обозримой; тамъ она составляетъ внутреннее единство живыхъ тварей, преданное имъ въ собственное ихъ завѣдываніе, т. е. составляетъ ихъ *душу*, которая вмѣщаетъ въ себѣ не только *существенное* многоразличіе ихъ состава, но и сумму всѣхъ историческихъ, производныхъ явленій, только не отнюдь случайныхъ, внѣшнихъ, стороннихъ. Ибо идеальное начало существованія во времени и пространствѣ, Аристотелева *энтелехія*, которая приводитъ возможное въ дѣйствительность, живая *монада*, не возникаетъ изъ сліянія или въ слѣдствіе разныхъ откровеній жизни, но именно въ нихъ и выказываетъ то, что первоначально значитъ, потому и не есть сущность, примѣрно, отлученная отъ своего дѣйствительнаго бытія и ему чуждая; она составляетъ внутреннее, вѣчное его основаніе и какъ дѣйствительно живая, имѣетъ такой—то способъ существованія, а не иной.

§ 53.

Душа *человѣка*, какъ самосознающее и надъ проявленіями своими властное, внутреннее коренное единство жизни есть, по идеѣ своей, духъ, кото-

рый, западая къ намъ и будучи схватываемъ чувствомъ, сознаніемъ, составляетъ *Я* каждаго и возводитъ человѣка въ достоинство лица. Но сіе идеальное единство раскрывшейся, возбужденной, свободной жизни, не отлучено отъ массы прочаго Мірозданія; оно живетъ и дѣйствуетъ въ нашемъ мірѣ и слѣдственно имѣетъ наружу опредѣленное бытіе—имѣетъ свое тѣло, являетъ собою духовную сущность человѣка, коей движенія, дѣйствія и стремленія ощутительны въ природѣ. Вотъ почему душа и не есть духовное существо человѣка вообще или въ отвлеченномъ значеніи! Ибо вторгаясь своею жизнію въ природу вещей, она хотя не раздробляется, по сознанію каждаго, однакожъ такъ разнообразитъ, что вездѣ, гдѣ существуетъ въ мірѣ дѣйствительно, заключила себя въ свой особенный, удѣльный кругъ бытія, въ которомъ существуя и распоряжаясь, она и получаетъ званіе души—домостроительницы.

§ 54.

Посему понятіе *общей души* человѣческой состоятельно развѣ въ томъ смыслѣ, что она вообще выражаетъ мысль о духовности того существа, коего очертанія размѣрены, движенія опредѣлены, которому положенъ вѣкъ срочный. Скорѣе можно было бы говорить о душѣ особеннаго поколенія, семейства и т. п. Собственно же и непосредственно имѣетъ душу, или лучше сказать, *есть* душа только отдѣльный человѣкъ, какъ чувствен-

ный представитель родоваго нашего духа. Въ мысли: *я имѣю душу* общій во всѣхъ разумныхъ тварях, какъ ихъ сущность, дѣйствующій духъ жизни человѣческой объемлетъ недѣлимую, а съ тѣмъ и душевную жизнь, вслѣдствіе коей онъ и являетъ собою лице, отъ всякаго другаго различное. Ибо таково-то и есть отношеніе духовной сущности человѣческой ко всякой отдѣльной душѣ, что первая внѣдряется въ послѣднюю, есть ея основаніе и живительное начало. Вотъ почему и я и ты и онъ-всѣ мы чувствуемъ въ себѣ первоначальное стремленіе къ идеаламъ духовнаго совершенства—къ истинѣ, къ святости, къ свободному творчеству! Не мудрено. Духъ, составляющій нашу сущность, хочетъ здѣсь—во временномъ существованіи, выказывать себя и являться тѣмъ, что онъ значитъ въ божественномъ Разумѣ, въ которомъ и пребываетъ и живетъ и движется.

§ 55.

Изъ сего явствуетъ

a) Въ какомъ смыслѣ душа есть созданіе природы и въ какомъ нѣтъ. Она естественное произведеніе тамъ, гдѣ мы расматриваемъ ее со стороны ея бытія и дѣятельности въ чувственномъ мірѣ; она неземная гостья по своему основанію, по своей сущности—божественной, единой, простой, невещественной, безсмертной;

b) Отношеніе души какъ къ духу, такъ и къ тѣлу. Духъ есть ея сущность, тѣло—естествен-

ный способъ живаго ея значенія въ мірѣ; она есть во плоти дѣйствительный духъ. Какъ сей послѣдній составляетъ ея идею, такъ она составляетъ опять сущность тѣла. Оно получаетъ свою живость отъ ея благодѣтельныхъ наитій, а она имѣетъ въ немъ дѣятельнаго предстателя и посредника во внѣшнихъ своихъ сношеніяхъ съ природой, по всѣмъ дѣламъ земнаго своего посольства.

c) Отвѣтъ на вопросъ касательно *органа души.* Все тѣло есть ея органъ: ибо она чрезъ него въ мірѣ и внемлетъ и чувствуетъ и дѣйствуетъ. Такъ она вездѣприсуща въ немъ и проникаетъ всѣ его изгибы, не будучи отнюдь разрываема въ живомъ своемъ единствѣ ни разнообразіемъ положеній, часто противорѣчащихъ, ни періодическою измѣнчивостію стихійныхъ частей тѣла, но дѣйствуя въ разныхъ его системахъ и состояніяхъ то съ большею, ощутительнѣйшею мѣрою и силы и свободы и сознанія, то съ меньшею, смотря и по многоразличію потребностей жизни, и по годности орудій, и по участію сотрудницы—природы.

§ 56.

Какъ происходятъ души? По крайней мѣрѣ

1) *Не творятся всякій разъ прямо Богомъ и не вводятся имъ въ тѣла.* Ибо какимъ образомъ недавно *чудомъ* сотворенныя, безтѣлесныя души, успѣваютъ тотчасъ въ новомъ своемъ жилищѣ оглядѣться и прилично распорядиться? Какъ

можно имъ тотчасъ пещись о его сохраненіи, употреблять надлежащимъ образомъ органы,—двигать эту громаду костей, эти мышцы, приводить эту кровь въ обращеніе, этими нервами чувствовать? Далѣе—*однѣ* ли *человѣческія* души, непосредственно въ требуемый часъ творимыя Богомъ, имѣютъ сіе право быть *вводимыми* въ тѣла свои, или же и всѣ прочія души—червя, животнорастенія, инфузорій? Но положимъ, что это еще и не души—гдѣжъ начинается высшее царство?

2) Ни *предсуществуютъ* въ умственномъ, невѣдомомъ мірѣ, въ запасной храминѣ—между звѣздными кругами, между небомъ и землею, откуда (примѣрно въ наказаніе) *переводятся* въ тѣла человѣческія. Здѣсь встрѣчаемся съ тѣми же самими, да еще и съ новыми трудностями. Ибо кромѣ прочихъ чудесъ, здѣсь заставляютъ души *существовать* предварительно гдѣ-то, когда-то, какъ-то. Въ обоихъ сихъ умоположеніяхъ встрѣчаемъ мы трудности за трудностями: рѣшеніе задачи отсылается въ невѣдомые міры, въ безконечность, потому единственно, что верхогляды не умѣютъ *вопрошать самую природу*, которая *здѣсь — долу* равно какъ и *тамъ — горѣ* исполнена божественной силы и премудрости. Ибо и земля наша есть *мѣсто небесное* (первое, вѣчное въ вѣчномъ разумѣ); *верхъ* и *низъ* теряютъ свое значеніе въ безконечности, и если признается *жизнь духовъ* во Вселенной, то и наша планета, подобно всякой

другой, подобно самымъ солнцамъ, во всеобщей гармоніи имѣетъ право, быть мѣсторожденіемъ и позорищемъ сей духовной жизни.—Какъ же вслѣдствіе сего, именно происходятъ души?

3) Чрезъ *рожденіе*, которое, однакожъ, и само предполагаетъ опять жизнь и одушевленность, — предполагаетъ природу, проникнутую животворящими силами. Такъ души водворяются въ насъ только изъ царства душъ; ибо сіи однѣ (а не тѣла) дѣйствуютъ, творятъ и зиждутъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Тѣло.

§ 57.

Органическое тѣло есть самозиждущая, связная цѣлость, коей многоразличныя части — члены, сами опять живые, т. е. *органы* въ извѣстныхъ *системахъ*, по опредѣленнымъ законамъ, *дѣйствуютъ* другъ на друга и одинъ совокупно съ другими, для общихъ видовъ строительной *идеи*, клонящихся частію къ сохраненію и распложенію самаго существа, частію—въ человѣкѣ—къ познанію міра и къ облагороженію какъ подобныхъ ему тварей, такъ и собственнаго его лица, словомъ къ удовлетворенію внутреннихъ потребностей, вызываемыхъ его отношеніемъ къ внѣшнему міру.

ГЛАВА 1-я.

Тѣлесная Дидактика.

§ 58.

Дѣйствіе органовъ, ихъ *устроеніе* или составъ и наконецъ главные ихъ *отдѣлы* — вотъ существеннѣйшіе пункты физическаго Человѣкоученія!

Отдѣленіе I.

Отправленія тѣлесной жизни.

§ 59.

Тѣло существенно различается отъ духа перевѣсомъ вещественнаго бытія или массы. Но какъ *живое*, отвнѣ и извнутри возбудимое, раздражительное, оно совершенно проникнуто дѣятельностію. Пускай сія дѣятельность, разсматриваемая по себѣ, не властна еще, надъ даннымъ ей веществомъ, — довольно и того, если она усиливается *выработать* свое бытіе для себя и на чредѣ внѣшняго существованія удержать за собою. Не на сей ли конецъ дарованы намъ способности *зиждить, двигаться и чувствовать*, — способности, хотя распространенныя по всему тѣлу, однакожъ такъ, что каждая изъ нихъ въ особенной части послѣдняго дѣйствуетъ болѣе и замѣтнѣе прочихъ?

§ 60.

Дѣятельности перваго рода,—зиждущей, образующей одолжено тѣло наше своимъ произхожде-

ніемъ, ростомъ и безпрестаннымъ обновленіемъ своего существа; *дѣятельность втораго рода*, самая общая и всеобъемлющая, устремляетъ *силы* человѣческаго тѣла (то непосредственно сама собою, по влеченію внутренней необходимости, то по внушенію свободной воли) къ перемѣнамъ въ положеніи частей; наконецъ посредствомъ *дѣятельности третьяго рода* живое тѣло, *чувствуя*, принимаетъ само себя въ собственное свое завѣдываніе.

Отдѣленіе II.

Особенныя системы нашего организма.

§ 61.

Но сіи однородные, тѣмъ же самымъ цѣлямъ споспѣшествующіе, способы дѣятельности никогда не оказываются сами по себѣ или въ отвлеченномъ ихъ видѣ, а только въ связи съ вещественными ихъ условіями, т. е. съ порядкомъ соотвѣтственныхъ органовъ. — Изъ особенныхъ же системъ организма человѣческаго, прямо относящихся къ жизни, важнѣйшія суть a) *Система сосудистая* b) *нервная* и c) *мышечная*, — съ ихъ спутниками и покровами,—костями и кожей.

§ 62.

A.) Система сосудистая снабжаетъ тѣло питательными соками, т. е. въ *жилахъ* протекающею *кровію*, которая, то сими послѣдними—ожи-

вотворенная въ *легкихъ* атмосферическимъ кислородомъ, возвращаема бываетъ къ *сердцу*, то опять изъ сего *средоточія* распредѣляема по *принадлежности*, и которая дѣйствіемъ *всасывающихъ* сосудовъ (изъ пищи, изъ органовъ тѣла, изъ воздуха по средствомъ *алчной кожи*) накопляетъ то свой *общій* запасъ, то посредствомъ *железъ* — *особенный*.

§ 63.

Б) Надъ сосудистою системою крови вздымается, съ высшимъ значеніемъ для жизни, *система нервная*, питающаяся изъ запаса первой, но ею и управляющая. Здѣсь вмѣстилище чуствительности. Она опредѣляетъ жизненную дѣятельность всѣхъ, и движущихъ и образующихъ органовъ — наитіями своими духовными, идеальными. Ибо что такое желудокъ, сердце и легкіе, — что такое значитъ питаніе, кровообращеніе и дыханіе, — это *опредѣлительнѣе ощущаетъ* только рука, *ясно* и скоро *видитъ* только глазъ, наконецъ совершенно *представляетъ* себѣ только *мысль*, тогда какъ сердце или желудокъ не видитъ уже того, что такое значитъ рука и глазъ, а еще менѣе, что такое значитъ душа.

§ 64.

Но что вообще ближайшими проводниками чувствованія и произвольнаго движенія служатъ нервы, — это подтверждается многочисленными наблюденіями. Не вліяніе ли первыхъ дѣйствуетъ на самое питаніе тѣла? Перевязанные, либо разрушенные

нервы въ какомъ либо членѣ не приводятъ ли оный въ онѣмѣніе? Извѣстная часть тѣла не бываетъ ли тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ изобильнѣе нервами, кои, обнаженные и раздражаемые, причиняютъ жесточайшую боль и корчи? Не вездѣ ли смышленость животныхъ соразмѣряется совершенству чувствительной ихъ системы? Не получаетъ ли душа всѣхъ образовъ внѣшняго міра чрезъ посредство нервовъ, приставленныхъ къ чувствамъ? Не ощущается ли напряженіе умственныхъ силъ въ *мозгѣ* и независитъ ли совершенно отъ нормальной его жизни? Не доставляетъ ли живѣйшихъ чувствованій болѣе тонкая система нервная и пр?

§ 65.

Изъ главнаго средоточія нервной системы, — изъ мозга—головнаго и спиннаго, выходятъ нервы цѣлыми вѣтвями, теряясь въ безконечно — мелкихъ отрасляхъ и разливая повсюду чувствительность, или, что одно и тоже, изъ всѣхъ живыхъ частей тѣла выходя въ нитяхъ, а потомъ соединяясь въ вѣтвяхъ — входятъ въ мозгъ и становую жилу, гдѣ и теряются. Другіе же нервы учреждаютъ между собою, не отдѣляясь, впрочемъ, отъ главнаго средоточія, общія мѣста сборныя, и образуютъ подчиненныя *скопища* нервнаго существа,—*узлы*, либо же *переплетаются* между собою многоразличнѣйшими способами, особливо нервы тѣхъ органовъ, въ коихъ образующая дѣятельность имѣетъ главное свое мѣстопребываніе.

§ 66.

Такимъ образомъ, снаружи уже усматривается въ составѣ нервной системы двойственность, различающаяся не менѣе того и внутреннею дѣятельностію жизненною. Ибо, хотя цѣлая система способна чувствовать; однакожъ тамъ, — въ мозгѣ головномъ и становомъ, — способность сія оказывается опредѣлительно и ясно, а здѣсь въ системѣ узловатой — неопредѣлительно, смутно, глухо. Притомъ же только отъ первой произтекаютъ движенія *свободныя*, тогда какъ послѣдняя, хотя и управляетъ жизнію и всѣми движеніями образующихъ органовъ, распоряжается въ своей экономіи безъ нашей воли, безъ нашего вѣдома. Отъ того первая называется животною, высшею, свѣтлою а сія пластическою, нисшею, ночною. Впрочемъ разность ихъ состоитъ не столько въ устройствѣ или въ родѣ, сколько въ степени дѣятельности.

§ 67.

Пластическая система нервная имѣетъ свое средоточіе въ такъ, называемомъ, *солнечномъ клубкѣ*. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ узловъ и сплетеній, помѣщенъ въ срединѣ туловища позади желудка и пускаетъ отъ себя множество нервовъ, кои внѣдряются въ сосуды грудной и брюшной полости и погружаютъ послѣдніе концы свои въ образующіе органы.

§ 68.

Животная система нервная, которая состоитъ изъ нервовъ, по обѣимъ сторонамъ тѣла симметрически расположенныхъ, управляетъ органами чувствъ и всѣми, произволу подвластными, мышцами, да и цѣлою поверхностію тѣла. Ея центръ, ея точка соединенія и *исхода* есть мозгъ съ становой жилой; почему и она опять имѣетъ два отдѣла, смотря потому, берутъ ли ея нервы начало свое непосредственно отъ мозга головнаго, или непосредственно отъ становаго. Въ тѣхъ преобладаетъ дѣятельность чувствительная, такъ, однакожъ, что отъ нихъ происходятъ и движенія, а сіи хотя и всѣ равномѣрно вмѣщаютъ въ себѣ способность чувствовать, служатъ преимущественными проводниками движеній. Истинная же средина всякаго чувствованія и точка исхода для всѣхъ произвольныхъ движеній есть мозгъ. Посему, хотябъ и можно было смотрѣть на него, какъ на *цвѣтъ* становой жилы; однакожъ онъ по значенію своей жизни, не принадлежитъ первой, а самъ по себѣ составляетъ высшее созданіе, которому и становой мозгъ долженъ служить для изъявленія жизненныхъ дѣйствій, купно съ бо́льшею частію внѣшняго огранизма тѣлеснаго.

§ 69.

Нервы, выходящія—въ 30 парахъ—изъ *становаго мозга,* пускаютъ отъ себя отрасли въ мышицу грудобрюшную, къ наружнымъ частямъ ту-

ловища и въ оконечности тѣла. Отсюда уже явствуетъ, что самая большая сумма движущихъ его силъ и раздражительныхъ его членовъ подвѣдома симъ нервамъ. Впрочемъ каждый стволъ оныхъ исходитъ изъ двухъ корней, изъ коихъ заднему, какъ кажется, преимущественно подчинено чувствованіе, а переднему движеніе.

Изъ 12 паръ нервовъ, самымъ *мозгомъ высылаемыхъ* на *поиски*, важнѣйшіе для жизни, прямо духовной, тѣ, кои частію непосредственно, какъ собственные нервы чувствъ, опредѣляютъ дѣятельность зрѣнія, слышанія, обонянія и вкушенія, частію способствуютъ оной, управляя мышцами чувственныхъ органовъ въ ихъ высшихъ, благороднѣйшихъ отправленіяхъ,—далѣе тѣ, которыя лику человѣческому сообщаютъ духовную значительность, наконецъ тѣ, отъ коихъ зависитъ свободное движеніе органовъ рѣчи.

Особенную важность въ другомъ отношеніи имѣетъ 10 пара, или такъ называемый нервъ — *бродяга* потому, что онъ чрезъ шею пускаетъ въ грудь и ниже ея, переплетающіяся между собою вѣтви и сколько массою своею, столько же и способомъ дѣятельности входитъ въ пластическую систему, которой очевидно принадлежитъ нижними своими частями. Такимъ образомъ 10 пара составляетъ главное *посредничество* между головною системой и брюшною, узловатою, которая сверхъ

того съ нервами мозга, особливо съ становою жилой, связана многими нитями.

§ 70.

Чтожъ такое именно во время чувствованія происходитъ въ нервахъ? Безспорно движеніе, и притомъ такое, которое, возбужденное отвнѣ, (либо же и извнутри тѣла, коего каждая часть можетъ раздражать другую), входитъ въ сокровеннѣйшіе изгибы тѣлеснаго существа нашего, такъ что мы по сему самому и подмѣчаемъ въ себѣ возбужденіе, *чуемъ* таинственное вѣяніе духа жизни, словомъ *чувствуетъ*. Но нервную систему, со всѣми ея отправленіями, вмѣщаетъ въ себѣ мозгъ. Его жизнь вообще дѣятельна въ цѣломъ, принадлежащемъ ему, тѣлѣ, ближайшимъ же, непосредственнымъ образомъ дѣятельна тамъ, гдѣ бываетъ подкрѣпляема могущественнымъ предстательствомъ и живымъ участіемъ нервовъ! Такъ—то въ его жизни сосредоточивается и всякій *актъ*, посредствомъ котораго мы подмѣчаемъ въ себѣ возбужденіе. Жизненная дѣятельность растроганнаго нерва принадлежитъ равномѣрно къ жизненной дѣятельности мозга и въ ней включается; почему нельзя не представлять себѣ сего внутренняго производства въ видѣ какаго—то движенія, даже и тамъ, гдѣ хотятъ, чтобы нервы только предавали мѣстныя впечатлѣнія—по принадлежности—мозгу.

§ 71.

Чтожъ такое именно движется во время чувствованія?

а) Нѣчто въ нервѣ, тончайшая жидкость его проникающая и имъ проводимая,—особенная, такъ сказать, *накипь* нервнаго существа, (подобная отдѣленіямъ *напр.* печени, мочеваго пузыря, и т. п.) либо общій всемірный эѳиръ, невѣсомая, *пронзительная* и всякую дѣятельность передающая, коренная матерія, которая внѣдряется въ мозгъ и въ нервы, точно такъ, какъ и во всякое другое тѣло;

б) Самый нервъ, *толчокъ*, или удареніе въ его шарики, его сотрясеніе, напряженіе, т. е. раздраженное состояніе, въ какое живыя тѣла приводимы бываютъ тамъ, гдѣ внѣшній поводъ раскрываетъ внутреннюю ихъ,—полярную — противоположность;

с) То и другое вмѣстѣ, т. е. общій, вселенскій, однакожъ измѣненный *и переработанный* эѳиръ, движущійся отъ возбужденной части къ центральному органу *вслѣдствіе жизненной дѣятельности* самыхъ нервовъ.

Наконецъ и въ срединѣ, къ которой дѣйствіе простирается, да и опять изъ самой же сей средины относительно къ тому пункту, изъ котораго проистекаетъ дѣйствіе, происходитъ не иное что, какъ движеніе же, но уже такое, въ которомъ преобладаетъ дѣятельность обратная, принятое впечатлѣніе отражающая, либо невольно въ томъже самомъ направленіи, въ какомъ была возбужде-

на, либо же, при участіи *свободы*, и въ другихъ на правленіяхъ. Но какъ впечатлѣніе растроганныхъ нервовъ въ мозгѣ, такъ точно и обратное впечатлѣніе послѣдняго чрезъ первые, есть *жизненная дѣятельность*. Почему въ семъ производствѣ участвуетъ не простая только Механика, не простая Химія, хотя она *наружу* можетъ оказываться въ химическихъ дѣйствіяхъ и снаружи можетъ быть представляема слѣдствіемъ законовъ механическихъ. Это же самое разумѣть должно и о другихъ способахъ нервой дѣятельности. Одушевляйте здѣсь все эѳирною жидкостію, представляйте себѣ дѣятельность нервовъ питательной системы въ видѣ химическихъ производствъ, изъясняйте дѣятельность нервовъ движущей системы изъ законовъ Химіи и Механики, — только не думайте, будто тѣмъ вы постигли уже таинство жизни, которая посмѣвается школьнымъ разложеніямъ и которая, единая и нераздѣльная, столькоже въ каждомъ явленіи своемъ и дѣйствуетъ, сколько страдаетъ.

§ 72.

С) Нервной системѣ, для производства ея движеній, даны въ распоряженіе непосредственно *мышцы*, которыя и выказываютъ всякое дѣйствіе тѣлесныхъ силъ во внѣшнемъ мірѣ, особливоже мышцы, подвластныя волѣ, — въ противоположность другимъ, движущимся независимо отъ произвола, для видовъ тѣлесной экономіи, зиждительной и самосохраняющей.—Особенный способъ ихъ

жизни есть въ *собственномъ*, или въ *тѣсномъ* смыслѣ, такъ называемая, *раздражительность*, въ слѣдствіе коей онѣ, растроганныя стороннею силою, сжимаются и потомъ приходятъ опять въ состояніе напряженное.

Это живые проводники движенія, котораго и жаждутъ; но для обнаруженія своей *органической упругости*, они нуждаются въ раздраженіи, либо отвнѣ вообще (куда относится и раздраженіе со стороны крови), либо извнутри, т. е. со стороны нервовъ, кои при всякой произвольной перемѣнѣ въ положеніи частей тѣла являютъ господство рѣшительное.

§ 73.

И при свободной игрѣ мышцъ происходитъ въ нервахъ движеніе же, хотя неощутительное, т. е. совершается жизненное, волею навязываемое нерву, производство, которое съ быстротою молніи изъ среды общаго чувствилища простирается къ окружности и бываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ начала до самыхъ крайнихъ границъ нерва, сопровождаемо наитіемъ воли, вступая съ симъ значеніемъ свободной дѣятельности изъ нервнаго ствола не во всѣ его отдѣленія, не во всѣ, слѣдственно, и подвѣдомые органы движенія, а только въ *ту* вѣтвь, которая управляетъ игрою *чередной* мышцы. — И неумышленно послѣдуютъ явленія органической упругости отъ раздраженнаго нерва,

но послѣдуютъ уже безъ различія по всему протяженію чувствительныхъ органовъ.

§ 74

Мышцамъ для ихъ цѣлей подчинены — *кости*. Сами по себѣ разсматриваемыя, онѣ составляютъ очевидную основу всего физическаго существа нашего и *непосредственно* поддерживаютъ тѣло и охраняютъ внутренніе его органы, *посредственнымъ* же образомъ способствуютъ движенію, служа *точками опоры* для мышцъ, изъ коихъ наибольшая часть посредствомъ *сухихъ жилъ*, входящихъ въ существо костей, прикрѣпляется къ симъ послѣднимъ. — Жизнь костей есть самонижайшая въ тѣлѣ, потому что онѣ въ здоровомъ состояніи нечувствительны, да и лишены внутренней движимости; однакожъ какъ и назвать мертвымъ созданіемъ то, что ростетъ, обновляется и пополняетъ свое бытіе органически? Соединены кости другъ съ другомъ вообще, одѣвающею ихъ, плевою, изъ коей образуются и связки и вертлюги; въ отдѣльномъ же видѣ онѣ состоятъ между собою либо въ связи неподвижной, либо подвижной; послѣднія поддерживаются *суставами* разнаго рода, и совершенно подвѣдомы свободной жизни: ибо каждой дана въ помощь потребная сумма мышцъ то для сгибанія, то для вытягиванія, такъ, что всѣ движенія, связью суставовъ дозволяемыя, дѣйствительно могутъ быть производимы—обширное поле для разнообразныхъ положеній и извитій тѣла, если

только человѣкъ умѣетъ овладѣвать и симъ кругомъ своей самодѣятельности!

§ 75

Какъ нервы проводятъ чувствованіе, а мышцы движеніе; такъ точно *кожи* состоятъ въ вѣдомствѣ зиждущей, пластической дѣятельности тѣла и потому въ ближайшемъ сродствѣ съ системою сосудистой. Этаго мало. Не онѣ ли прикрываютъ органы всякаго рода, кромѣ зубовъ? Не онѣ ли поддерживаютъ и дѣйствіе ихъ другъ на друга и дѣйствіе на внѣшній міръ? Главнѣйшее отправленіе покрововъ *внутреннихъ* есть приготовленіе и выработка многоразличныхъ жидкостей, назначаемыхъ большею частію къ питанію тѣла, а частію и къ изверженію. *Внѣшняя* же кожа, облекающая всю поверхность тѣла, служитъ не только къ умѣренію или смягченію наружныхъ вліяній на организмъ, но и къ живому поддержанію взаимныхъ сношеній между естественною жизнію человѣка и между общею внѣшнею природой,— взаимности, которая ближайшимъ образомъ и по большей части оказывается въ испаринѣ, но также и во всасываніи веществъ и которая вмѣстѣ съ тѣмъ разнообразно дѣйствуетъ *динамически* въ возбужденіяхъ, принимаемыхъ тѣломъ то отъ свѣта, то отъ другихъ силъ природы.— Кожа — далѣе — служитъ и проводникомъ чувственныхъ познаній; она извѣщаетъ жизнь о внѣшнемъ, прикасающемся къ ней, бытіи, она *чуетъ* извѣстное свойство тѣлъ,

входящихъ въ ея атмосферу, а именно степень ихъ теплоты и качества поверхности, но безъ той опредѣлительности, какую мы находимъ въ каждомъ особенномъ чувствѣ. Въ ней дѣйствуетъ чувствительность тѣла въ общемъ отношеніи его къ внѣшнему міру и дѣйствуетъ потому, что она въ твердой своей ткани проникнута сколько кровію, пасокой и сосудами, столько же и нервными нитями и существомъ нервнымъ. Она въ семъ смыслѣ можетъ счесться за плоскость нервной системы, обращенную наружу и слѣдственно за общій органъ чувствованія. Но кожа, очевидно живая, образуетъ на поверхности тѣла, для ограниченія слишкомъ сильныхъ раздраженій, нечувствительный, роговой покровъ, *верхнюю кожу*, которую безпрестанно изъ себя и обновляетъ вмѣстѣ съ волосами и ногтями, непосредственно отъ сей послѣдней получающими и жизнь и питаніе.

§ 76.

Таково устройство нашего тѣла со стороны его *матеріи*! Чтожъ касается до *простыхъ формъ*, изъ связи коихъ образуются всѣ его системы и отдѣльные органы; то прежде всего можно различить *твердыя*, (болѣе, или менѣе плотныя) и *жидкія* его части, между которыми, однакожъ, трудно провести черту порубежную. Ихъ основныя очертанія суть форма *длины*, или линейная—въ волокнахъ, форма плоскости—*въ листѣ*, или *перепонкѣ* и форма *шаровидная*, *стереотическая*,—въ *яичкѣ*, или въ сѣмени, въ *цѣ-*

лыхъ органахъ, напр. въ мозгѣ, либо въ элементахъ, каковы нервные шарики и т. д. Но въ той же самой формѣ можетъ вмѣщаться различное существо или содержаніе. Впрочемъ сія внутренняя разность не есть только вещественная. Въ живомъ тѣлѣ матерія и форма вездѣ проникаютъ другъ друга. Пускай же любопытство изыскиваетъ свойство и смѣшеніе общихъ веществъ человѣческаго тѣла, на которыя оно разлагается; сила жизни все пересозидаетъ по своимъ видамъ, идеямъ и потребностямъ; посему Химія можетъ только показать, что именно дѣлается изъ живаго тѣла по его смерти, — по возвращеніи его въ общую массу стихійнаго бытія, и тутъ наблюденія единогласны. Бѣлая (известковая) земля, нѣсколько желѣза, сѣра и фосфоръ, животное масло, на конецъ вода и воздухъ—вотъ бренные останки того глубоко возбужденнаго, того гордаго существа, которое умственными очами недавно еще обтекало страны заоблачныя и измѣряло пути свѣтилъ небесныхъ!

Отдѣленіе III.

Главные отдѣлы или *вѣдомства тѣла.*

§ 77.

Каждая изъ поименованныхъ системъ, отправленій и соотвѣтственныхъ органовъ имѣетъ для своихъ сложныхъ производствъ въ большомъ видѣ и особые *Отдѣлы, Вѣдомства, Округи,* извнутри

поддерживаемые костями, а снаружи ограждаемые кожей. Вѣдомство орудій чувствованія есть *голова*, отдѣлъ питающихъ сосудовъ *туловище*, округъ мышечной движимости — *руки* и *ноги*, вообще *конечности*.

§ 78.

А) Отъ всѣхъ вѣдомствъ тѣлесной жизни выгодно отличается и *устройствомъ* и *значеніемъ* и *покровами* своими *голова*, въ которой мысль, воля и творческая фантазія имѣютъ свое *присутствіе*,—коей органы передаютъ духовныя сіи священнодѣйствія и внѣшнему міру, въ коей хранится *Ковчегъ Завѣта*,—мозгъ съ его нервами. Что касается а) до *массы* мозга; то въ бѣлое существо его съ прожилками внѣдряется существо сѣроватое, болѣе сплошное. Въ *строеніи* его сверхъ множества складокъ и таинственныхъ созданій, видны разные отдѣлы, виденъ 1) *передній* большой мозгъ, и 2) *задній*, малый, раздѣленные справа и слѣва на два равныя полушарія и симметрически связанные между собою какъ особенными созданіями, такъ и пещерами, кои дымятся влажнымъ паромъ *пиѳійскимъ*,—видимъ 3) *становую*, *продолговатую* чувственную жилу, которая снизу восходя своими двухпарными концами, все болѣе округляющимися къ верху, образуетъ ими стволы передняго и задняго мозга, оставляетъ на извѣстныхъ мѣстахъ своего пути нервные узлы, какъ особенные органы и при входѣ въ святилище

облекается, какъ *омофоромъ*, нарочитою частію мозга, явно головнаго. b) По *значенію* своему мозгъ составляетъ средоточіе чувствительной дѣятельности, живоносный источникъ движеній, ближайшее тѣлесное посредничество между міромъ невидимымъ и видимымъ, особливоже мозгъ передній, толь обширный у человѣка, толь соразмѣрный, толь выразительный. Особенные органы его еще загадка и для Галля; но нѣтъ сомнѣнія, что, если душа вообще въ тѣлѣ, а душа мыслящая, или разумная вообще въ мозгѣ; то и особенныя идеальныя ея отправленія, ея воображеніе, память, глубокомысліе, остроуміе и пр. должны имѣть свои особенныя вещественныя условія въ послѣднемъ,—идея, повѣрка коей предоставляется дальнѣйшимъ опытамъ. c) *Одѣтъ* мозгъ непосредственными кожицами, то защищающими его, то способствующими его питанію, именно же *мягкою*, которая содержитъ въ себѣ кровоносные его сосуды и внѣдряется во всѣ его углубленія,—тонкою, *паутинною* и наконецъ *плотною*, тѣсно прилегающею къ черепу, но вмѣстѣ составляющею и *средостѣніе* главныхъ частей мозга. Этаго мало. Мозгъ далѣе огражденъ еще и *черепомъ* т. е. къ верху округляющимся, твердымъ и плотнымъ, костянымъ щитомъ, который оставляетъ лишъ столько отверстій, сколько нужно для пропуска становой жилы, сосудовъ и мозговыхъ нервовъ. Съ черепомъ связываются и другія кости, кои, при помощи его, при помощи носа и рта, образуютъ спереди основаніе *облика*

§ 79.

Крѣпкими, гранитными стѣнами ограждено святилище души; однакожъ жизнь, которой служитъ оно ближайшимъ органомъ, отнюдь не отрѣзана отъ внѣшняго міра; она многоразлично съ нимъ сообщается посредствомъ, выходящихъ изъ мозга, нервовъ чувствъ и посредствомъ органовъ, кои она образовала себѣ изъ сихъ послѣднихъ, для принятія особенныхъ способовъ развернувшагося бытія и для надлежащей ихъ встрѣчи. Сіи вещественныя условія духовной дѣятельности суть слѣдующія:

a) Ближайшіе къ мозгу, глубоко сокровенные и крѣпко ограждаемые внутренніе органы слуха, распространяющіеся наружу въ органахъ вспомогательныхъ, т. е. внѣшнихъ ушахъ съ огромнымъ снарядомъ *раковинъ, проходовъ, барабанныхъ перепонокъ, пещеръ, трубъ, молотовъ, наковоленъ, стременъ, извилинъ* и отверстій наконецъ *слуховаго нерва*, который проникаетъ внутреннія стѣны улиткообразной кости безчисленными нитями, чувствительными къ малѣйшимъ потрясеніямъ.

b) Спереди лица человѣческаго представляются разсматриванію, преимущественно предъ всѣми другими органами, живыя орудія самаго всеобъемлющаго чувства, въ которомъ, сверхъ того, какъ въ самомъ вѣрномъ зеркалѣ, ярко отсвѣчивается душа во всѣхъ ея состояніяхъ. Природа тщательно охраняетъ *глаза* посредствомъ кожицъ; она лелѣетъ

ихъ на мягкомъ ложѣ изъ тука и мышцъ, даетъ имъ безопасный пріютъ въ крѣпкихъ глазныхъ *впадинахъ*, защищаетъ снаружи бровями, вѣждями или рѣсницами, содержитъ безпрестанно въ состояніи *влажномъ* и приводитъ извнутри въ движеніе самыми подвижными мышцами во всевозможныхъ направленіяхъ, проникая внутреннюю полость сѣткою *зрительнаго* нерва (второй пары).

c) Рѣзко обозначенъ и снаружи весьма просто устроенъ, между черепомъ лежащій, органъ обонянія,—*носъ*, который, однакожъ внутри состоитъ изъ двухъ полостей, раздѣленныхъ преградою сперва костяною, а при концѣ хрящеватою. Сіи полости его открываются и внутрь—въ гортань—и наружу, и каждая снабжена извилистыми пластинками костяными и переходами.—Это ноздри. Онѣ внутри одѣты кожицею, въ которой распространяется существенная часть органа, — *обонятельный нервъ* (1-я пара), многими отраслями изъ мозга чрезъ рѣшетообразную кость выступающій и нервами 5-й пары сопровождаемый.

d) Органы *рта* (губы, небо, зубы, языкъ), способные у человѣка производить движенія, болѣе разнообразныя, нежели у какого либо другаго животнаго, служатъ свободной дѣятельности жизненной на тотъ преимущественно конецъ, чтобы облагороживать ревъ звѣриный, чтобы возвышать голосъ на степень рѣчи. Они же и органы вкуса, особливо языкъ, самый подвижной и раздражитель-

ный мускулъ. Онъ одѣтъ слизистою кожей, усѣянною безчисленнымъ множествомъ *сосочекъ*, посредствомъ коихъ удѣльный *нервъ* его и чувствуетъ.

Но какъ и носъ уже не есть только органъ чувства, а вмѣстѣ подчиненъ той жизни, которая дышетъ въ легкихъ; такъ и впадина рта съ ея органами, служащая для видовъ рѣчи и вкуса, вовлечена еще болѣе въ отправленіе дѣятельности пищеварительной и потому составляетъ переходъ *къ второму* главному вѣдомству тѣла.

§ 80

В. Внутренніе органы сей второй главной области *средняго тѣла*, которую шея связываетъ съ головою, т. е. органы *туловища*, преимущественно зиждутъ и питаютъ организмъ, то измѣняя внутреннія вещества его кровообращеніемъ, то дополняя *недодержки* изъ запасныхъ храминъ общей природы, посредствомъ трехъ (впрочемъ нераздѣльныхъ) *актовъ присвоенія*, т. е. посредствомъ *пищеваренія*, посредствомъ *дыханія* и посредствомъ *плототворенія*, изъ коихъ одно истребляетъ особенныя свойства принимаемыхъ веществъ, другое превращаетъ оныя въ человѣческую кровь, а третье перерабатываетъ кровь для особенныхъ требованій каждаго органа. Живые проводники двухъ первыхъ отправленій суть внутреннія части обоихъ главныхъ вѣдомствъ туловища, которыя раздѣлены *грудобрюшною преградой* и соединены хребтомъ и его

мышцами, а внѣшнему міру открыты посредствомъ полостей рта и носа.

§ 81.

Верхній отдѣлъ, снаружи состоящій подъ защитою *грудной брони,* вмѣщаетъ въ себѣ непосредственно органы *дыханія,* а съ тѣмъ и органы не только голоса, но и рѣчи, т. е. многосложный каналъ, извнутри одѣтый кожею, крайне чувствительною къ раздраженіямъ всякаго другаго тѣла, только не воздуха. Онъ подъ корнемъ языка начинается *глоткою,* которая состоитъ изъ нѣсколькихъ хрящей, соединенныхъ крѣпкими связками и многими мышцами, такъ что здѣсь въ небольшомъ пространствѣ возможны движенія разнообразнѣйшія. Глотка при входѣ прикрываемая *язычкомъ,* способна и съуживаться и расширяться, способна натягивать и послаблять свои связки и тѣмъ самымъ, не безъ извѣстнаго, впрочемъ, содѣйствія и воли изъ бродящаго нерва, порождать, при проходѣ воздуха, громкое сотрясеніе онаго, — *голосъ,* какъ высокій, такъ и низкій, смотря потому, болѣе ли или менѣе гортанныя струны сжимаются, или напрягаются,—голосъ, коего звучность опредѣляется силою и обширностію всѣхъ орудій дыханія. Сей *воздушный* каналъ простирается и гораздо далѣе, — въ самую грудную впадину, гдѣ искривленные хрящи связываются между собою и кожами и тонкими мышцами такъ, что имъ не стоитъ труда и съуживаться и растягиваться. Этаго мало. Ды-

хательное *горло* пускаетъ отъ себя *двѣ вѣтви*, мельчайшія отрасли коихъ досягаютъ потомъ и въ существо *обоихъ легкихъ*.

§ 82.

Вдыханія совершается невольно вслѣдствіе потребности воздуха для тѣла. Нервная система, непосредственно ощущающая и сію потребность, какъ и всякую другую, принуждаетъ тутъ самыя легкія, особливоже мышцы грудныя и грудобрюшную преграду, производить, съ помощію внѣшняго воздуха, расширеніе груди, имѣющее своимъ слѣдствіемъ втеченіе сей упругой жидкости. Невольно происходитъ и *выдыханіе* по удовлетвореніи потребности преимущественно отъ сжатія легкихъ содѣйствіемъ окружныхъ мышцъ. Такъ жизнь гортанная есть жизнь чисто тѣлесная. Но и волненія сердечныя и самыя мысли и, до извѣстной степени, произволъ (гаеровъ, чревовѣщателей и проч:) имѣютъ на ея производства сильное вліяніе.

§ 83.

Дыханіе освѣжаетъ, обновляетъ, оживляетъ кровь, а съ нею и все тѣло: ибо атмосферическій воздухъ содержитъ въ себѣ эѳирное, для одушевленныхъ тварей столь питательное и столь живительное, существо, — кислородъ — растворенным въ такой пропорціи, какая именно и нужна для естественной жизни человѣка; вотъ почему послѣдуетъ неминуемая смерть отъ удушья, ко-

торое прекращаетъ главнѣйшія сношенія отдѣльнаго существованія нашего съ общею природой!

§ 84.

Что касается до внутреннихъ органовъ нижней *расправы* тѣла, собственно *живота* (расположеннаго между грудобрюшною преградой, между тазомъ и между позвонками чреслъ до тѣхъ наружныхъ и внутреннихъ членовъ, въ коихъ образующая дѣятельность обращена къ назиданію не отдѣльнаго лица, но цѣлаго рода:) то всѣ они заняты исправленіемъ *земскихъ*, такъ сказать, *повинностей—пищеваренія*. Ихъ представитель и есть *пищеварительный снарядъ*, съ его отдѣленіями, устроенный у человѣка сколько для животныхъ снѣдей, столько же и для растительныхъ. Начинаясь уже впадиной рта, гдѣ — въ *предварительномъ курсѣ* — жеванія снѣди бываютъ и растираемы и смѣшиваемы со слюной, онъ, покрытый слоемъ гибкихъ волоконъ мышечныхъ, продолжается чрезъ *утлую*, увлажающую *гортань* и чрезъ собственно *пищепріемный проходъ*, передающій дальнѣйшее обработаніе снѣдей невольнымъ, слѣпымъ силамъ, и простирается наконецъ, позади дыхательнаго канала, чрезъ грудобрюшную преграду, посредствомъ особеннаго устья въ *желудокъ*, — широкій, такъ сказать, мѣшокъ снизу и спереди выпуклый, сверху и сзади вогнутый, слѣва на право искривленный. Выдѣлка особеннаго *сока*, особенное *движеніе* частей, особенная, нервами опредѣляемая *жизнь*, — вотъ тѣ химическіе, механическіе и динамическіе

способы, коими здѣсь въ *положительномъ, догматическомъ курсѣ* желудокъ съ такою силою и съ такимъ успѣхомъ растворяетъ снѣди и чрезъ то истребляетъ ихъ чуждое, инородное качество. Довершается же пищевареніе въ послѣдней главной части пищеварительнаго канала, въ *кишкахъ* особливо въ верхнемъ ихъ отдѣлѣ, которымъ пища въ *кисель* превращенная, получается чрезъ правое устье желудка. Здѣсь — въ *окончательномъ курсѣ*, сверхъ сока, отдѣляемаго *слюнною железою брюха*, примѣшивается изъ *печени —желчь*, разлагая и сама себя и кисель, и тѣмъ способствуя, при содѣйствіи тайной и вѣрной *союзницы—селезенки*, а также и *почекъ*, изверженію *окалинъ*, уцѣлѣвшихъ отъ горѣнія, кои вторымъ главнымъ отдѣломъ кишокъ и возвращаются въ общую природу; чтожъ касается до веществъ годныхъ; то они, въ дальнѣйшемъ ихъ ходѣ бываютъ всасываемы, мало по малу претворяемы въ кровь и вовлекаемы въ ея круговращеніе.

§ 85.

С) *Третье* главное вѣдомство тѣла состоитъ *изъ рукъ и ногъ*, которыя служатъ человѣку для движенія во внѣшнемъ мірѣ, для дѣйствія, для *зиждения*, служа вмѣстѣ съ тѣмъ и точкою опоры на землѣ. Тутъ преобладаетъ дѣятельность движущая, коей преданы въ распоряженіе кости и мышцы. Сверхъ того крайнее ихъ членосоставленіе, особливоже верхнихъ конечностей, именно ладонь

и концы пальцевъ, гдѣ такъ явственно и въ такомъ количествѣ сосредоточились сосочки кожи, составляетъ, свойственный человѣку, органъ осязанія, употребленію коего способствуетъ нарочитая движимость и вообще все членосоставленіе человѣческой руки (отъ плеча чрезъ локоть и кисть до пальцевъ), столь благопріятствующее свободѣ: ибо основа всѣхъ сихъ отдѣловъ и суставовъ, — кости—состоятъ въ связи съ мышцами и сухими жилами столь многочисленными и столь крѣпкими, что во всѣхъ направленіяхъ, дозволяемыхъ вертлюгами, онѣ могутъ двигаться тѣмъ быстрѣе, тѣмъ разнообразнѣе, тѣмъ сильнѣе, что ихъ мышцы состоятъ въ распоряженіи воли посредствомъ нервовъ становой жилы. Такъ точно устроены и нижнія конечности, съ тою только разницею, что здѣсь меньшая движимость вознаграждается большею прочностію состава.

§ 86.

Такъ—то общія производства тѣлесной жизни осуществились въ особыхъ системахъ и членахъ тѣла, сообразно съ идеей сихъ отправленій и съ отношеніемъ жизни человѣческой къ внѣшнему міру! Такъ —то внутренняя экономія являетъ собою созданіе гармоническое и соразмѣрное! Ктожъ послѣ сего подивится и благолѣпной наружности и симметрическому расположенію членовъ съ обѣихъ его сторонъ и правильнымъ пропорціямъ его вели-

кихъ и малыхъ, главныхъ и подчиненныхъ отдѣловъ?

§ 87

Трудно не потеряться въ многосложности описанныхъ нами до сихъ поръ отправленій, органовъ и системъ тѣла! Она заставила иныхъ теоретиковъ допустить *три души* въ человѣкѣ, *растительную, животную* и *разумную*, и слѣдственно *разрознить* въ жизни то, что имъ надлежалобъ *различить* для отчетливыхъ понятій Науки. Ибо

а) *Разныя отправленія тѣлесныя, по значенію своему одинаковыя, тожественныя, необходимо состоятъ и во взаимныхъ сношеніяхъ.* Они не только сдвинуты, но и проникаютъ другъ друга такъ, что изъ каждаго порознь можно было бы (разумѣется только одностороннимъ образомъ) разсматривать цѣлое тѣло. Пускай тамъ, — въ извѣстной здравой системѣ, въ извѣстномъ здравомъ отдѣлѣ, въ извѣстномъ здравомъ огранѣ преобладаетъ такая, здѣсь другая дѣятельность, пускай сіе преобладаніе, какъ въ цѣлости тѣла, такъ и въ особыхъ частяхъ, при разныхъ состояніяхъ жизни, будетъ измѣнчиво, — никогда одно отправленіе не отдѣляется совершенно отъ другаго; — напротивъ каждое можетъ и утверждаться и надлежащимъ образомъ *дѣйствовать* не иначе, какъ при участіи обоихъ другихъ. Вездѣ (даже и тамъ, гдѣ нѣтъ особенной системы нервной) тѣло возбуждается чувствова-

ніемъ, оживляется движеніемъ, поддерживается питаніемъ; всюду текутъ живительныя струи крови, всюду — и въ голосъ и въ изверженіе и въ дыханіе вкрадывается произволъ. Вотъ причина не только взаимнаго сообщенія состояній тѣла, но и самой ихъ *противоположности*! Безпрепятственное отправленіе одной системы подкрѣпляетъ прочія, страданіе одной вредитъ свободному ходу другой. Но и то справедливо, что тамъ, гдѣ одна какая — либо дѣятельность жизненная беретъ рѣшительный перевѣсъ, прочія *отрицательныя* смиряются.

b) *Въ связи различныхъ главныхъ отправленій тѣлесной жизни и ея системъ усматривается такой опредѣленный порядокъ, въ которомъ не забыта и подчиненность.* Питаніе, зиждение, органическая кристаллизація даетъ всему основу; движеніе съ его системами беретъ на себя посредничество между внутреннею и внѣшнею жизнію; одушевленіе, возбужденіе, управленіе есть дѣло самой сокровенной, таинственной и высочайшей системы, — нервной, которая вмѣстѣ съ тѣмъ приводитъ и всѣ части тѣла въ сочувствіе.

c) *Какъ содержатся между собою органическое притягиваніе, движеніе и возбужденіе, т. е. чувствованіе вообще, такъ точно содержатся опять и главные отдѣлы нервной системы другъ къ другу.* Они во 1-хъ состоятъ въ тѣснѣйшихъ сношеніяхъ между собою и потому дѣйствіями

своими *дѣлятся, сообщаются.* Какъ легко система брюшныхъ сплетеній, да и система нервовъ движенія поражаются мозговою, и наоборотъ! Но отъ того происходитъ и *противоположность* между ими; чѣмъ живѣе дѣйствіе въ одномъ пунктѣ, тѣмъ слабѣе въ другомъ. Но во 2-хъ господствующее начало въ сихъ отдѣлахъ есть мозгъ, особенно же передній: ибо не изъ него ли исходитъ порядокъ и отчетливость въ удовлетвореніи побужденій жизни образующей? Не онъ ли умѣряетъ и направляетъ по извѣстнымъ цѣлямъ упругость самыхъ мышицъ и ихъ движенія?

ГЛАВА 2-я.

Тѣлесная Феноменологія.

§ 88.

Разсматриваніе физическаго бытія нашего познакомило насъ съ основными его расположеніями, съ запасомъ его силъ и способовъ. *Феноменологія* пускай пояснитъ главныя различія, или лучше сказать, *общія его состоянія,* коихъ кругъ описывается a) бытомъ *здоровья* и *болѣзни,* b) *бдѣнія* и *сна* и c) *уродливостями.*

Отдѣленіе I.

Здоровье и *болѣзнь.*

§ 89.

Здоровье и *болѣзнь* суть понятія соотносимыя; но оба предполагаютъ жизнь, коей они и выражаютъ

главныя состоянія,—ту жизнь, которую мы вездѣ находимъ, гдѣ опредѣленная сила внутреннимъ врожденнымъ началомъ приводится въ явленіе, слѣдственно находимъ хотя не исключительно, однакожъ преимущественно въ существахъ органическихъ, а тѣмъ болѣе въ человѣкѣ.

§ 90.

Каждому роду жизни служитъ основой опредѣленное понятіе недѣлимаго его бытія, такъ ощутительно выражающееся въ наружномъ образованіи твари, такимъ явственнымъ, такимъ четкимъ *стереотипомъ* отпечатанное въ ея физіономіи! Въ точности соотвѣтствовать сему понятію на самомъ дѣлѣ—вотъ чѣмъ озабочена жизнь съ минуты перваго, таинственнаго ея пробужденія до послѣдняго вздоха, отъ рожденія до смерти! Но органическое существо тогда только и соотвѣтствуетъ своему значенію, тогда только и приводитъ свои права въ силу, когда всѣ его отправленія совершаются въ естественной гармоніи, въ *дружной* взаимности по дѣлу общаго ихъ служенія первоначальному *единству* жизни. Сіе состояніе, въ которомъ твари такъ *любо* и существовать и дѣйствовать по предначертанію особеннаго ея бытія, есть то, что мы называемъ *здоровьемъ,* а противное тому, *т.* е. состояніе ея бытія несоразмѣрнаго, стѣсняющаго—*болѣзнію.* Но поелику здоровье именно и есть *нормальный,* естественный, положительный бытъ; то какъ бы оно

*

было предметомъ особеннаго понятія, если бы время не открыло состояній противныхъ, отрицательныхъ, еслибы здоровье нынѣ не оттѣнялось въ понятіи точно такъ же нездоровьемъ, какъ добро оттѣняется зломъ, истина заблужденіемъ, самая жизнь смертію, про которую она первоначально не знаетъ?

§ 91.

Пускай полная соразмѣрность физическихъ состояній опредѣляется *нормальною* зрѣлостію организма, такъ, что сей, самъ по себѣ однозначительный съ жизнію, есть только внѣшнее, ощутительное ея откровеніе въ пространствѣ;—за всѣмъ тѣмъ могутъ въ организмѣ происходить иныя уклоненія, не дѣлающія, впрочемъ, подрыва *нормальному* ходу особенныхъ отправленій жизненныхъ. А послѣдній сей пунктъ именно и опредѣляетъ сущность быта противоестественнаго. Почему

a) Всякая болѣзнь необходимо есть *внутренняя*, т. е. касающаяся *единства* и *гармоніи жизни*, хотябы причина была и внѣшняя. Отъ того—далѣе—

b) Не всякій органическій недостатокъ, да и не всякій ушибъ есть подлинная болѣзнь, потому, что съ нимъ не всегда сопряжено разстройство внутренней экономіи;

c) Противъ же допущенія состояній среднихъ вопіютъ первоначальные законы всякой естественной жизни существа недѣлимаго. Беременность, мѣсячные недуги женщинъ, упадокъ тѣла въ старости—

сіи и подобныя явленія въ физической жизни человѣка принадлежатъ къ *сущности ея понятія*, слѣдственно къ естественнымъ отправленіямъ, развѣ они дѣйствуютъ враждебно на внутреннія производства, бывая здѣсь впрочемъ не болѣзнями а *причинами* соотвѣтственныхъ болѣзней.

§ 92.

Важно въ другихъ отношеніяхъ вліяніе здоровья и нездоровья на производства умственныя. Но еще важнѣе—для видовъ нашей Науки—главныя *причины* и *главные виды* болѣзней, поражающихъ особенно тѣ стороны, которыми человѣкъ такъ дорожить долженъ!

§ 93.

Нѣтъ ли *общаго естественнаго расположенія* къ болѣзнямъ? Сія мысль подорвалабы вконецъ самое понятіе жизни. Но то правда, что *устройство нашей* природы дѣлаетъ болѣзненныя состоянія *возможными*. Она подлежитъ въ своихъ явленіяхъ такимъ же самымъ условіямъ, подъ какими состоитъ и всякое другое отдѣльное бытіе, подлежитъ сцѣпленію всѣхъ вещей, по силѣ коего каждая опредѣляется другими, всѣ же мѣстѣ опредѣляются только общимъ чиноположеніемъ Вселенной. Почему во всей обширной области естественныхъ произведеній единство Божественной жизни водворило взаимную относительность; ничто не существуетъ само про себя, а только въ опредѣленной естественной зависимости отъ ближайшихъ и отдаленнѣйшихъ своихъ околичностей.

Такъ всякое недѣлимое дотолѣ и находится въ своемъ соразмѣрномъ кругѣ бытія, (а слѣдственно и существо органическое въ состояніи здоровомъ) доколѣ сія соразмѣрность остается естественною, *нормальною*; гдѣ она бываетъ нарушаема, тамъ должны послѣдовать такія перемѣны, кои, подрывая предуставленный порядокъ удѣльной жизни, открываютъ входъ нестройныхъ движеніямъ органическаго произвола. Чѣмъ разнообразнѣе отношенія, чѣмъ многосложнѣе тварь, чѣмъ она выработаннѣе; тѣмъ скорѣе съ той, либо другой стороны можетъ равновѣсіе и нарушиться. Вотъ почему человѣку угрожаетъ болѣе болѣзней, нежели всякой другой твари! Ибо какъ отношенія его, такъ и причины болѣзней бываютъ сколько внѣшнія, столько и *внутреннія*, развиваясь непосредственно вліяніемъ то *общей природы*, то *діэты*, либо же проистекая посредственнымъ образомъ изъ противоестественнаго состоянія частей самаго организма, изъ несоразмѣрности соковъ, изъ безпорядочныхъ дѣйствій души на тѣло.

§ 93.

Изъ числа многоразличныхъ болѣзней иныя могутъ преимущественно поражать совокупное бытіе человѣка. Суда принадлежатъ a) всѣ тѣ, кои болѣе, или менѣе составляютъ условіе дѣйствій душевныхъ, именно же, такъ называемыя, *болѣзни развитія*, посѣщающія насъ въ дѣтствѣ и въ юности, d) извѣстныя болѣзни *пола*, именно женскаго,

особливоже c) нервическія вообще. Сіи послѣднія бываютъ

A) *Смѣшанныя,* т. е. такія, которыя болѣе посредственнымъ только образомъ поражаютъ систему чувствительную, напр. болѣзни, произходящія отъ разстройства пищеварительныхъ органовъ, или изъ задержанія производствъ плототворенія вообще. Въ *ипохондріи,* въ *глистахъ,* въ *истерикѣ,* въ *почечуйныхъ недугахъ* ближайшимъ образомъ страдаетъ система брюшныхъ сплетеній или симпатическая, которая, однакожъ, по связи съ мозговою, вовлекаетъ сію послѣднюю въ сочувствіе.

B) *Чистыя,* именно же a) *нервическія горячки,* коихъ разрушительная сила преимущественно устремляется на мозгъ, b) всѣ порывы истзупленной фантазіи, бреды, грѣзы, явленія животнаго магнитизма и т. п. наконецъ c) *нервическіе припадки,* изъ коихъ одинъ—параличъ лишаетъ извѣстную часть движенія, либо чувствованія, либоже и того и другаго, часто оставляя страдальца при его памяти; другой — пострѣлъ мгновенно подавляетъ самосознаніе и произвольное движеніе, погружая его въ глубокій сонъ съ храпѣніемъ, а третій—обморокъ (сильный, смертельный) останавливаетъ всѣ отправленія жизненныя, и сознаніе и пульсъ, и теплоту и дыханіе. Частыя отрыжки сихъ припадковъ влекутъ за собою меланхолію, даже сумасшествіе.

Отдѣленіе II.

Бдѣніе и сонъ.

§ 94.

Суточныя состоянія физическаго бытія нашего, понятныя только въ ихъ соотносимости, извѣстны подъ именемъ *бдѣнія и сна*, — тѣхъ, во всемъ царствѣ органической природы, замѣчаемыхъ явленій, которыми выражаются разныя *степени жизненной дѣятельности*, *то средобѣжной*, *порывающейся наружу*,—*то средостремительной*, *удаляющейся во внутреннюю рабочую свою храмину*. Разныя уже породы органическихъ тварей содержатся другъ къ другу почти такъ, какъ бодрствованіе ко сну. Въ сравненіи съ животнымъ растеніе спитъ, въ сравненіи со свѣтлою жизнію человѣка животное, по крайней мѣрѣ, дремлетъ.— Оба состоянія зависятъ отъ общихъ вліяній на дѣятельность жизни, каковы ясная, либо пасмурная погода, холодъ, либо зной атмосферы и т. п. Но никакая сила не дѣйствуетъ въ семъ отношеніи такъ замѣтно, какъ свѣтъ, съ періодическою перемѣною коего бдѣніе и сонъ на темной планетѣ нашей и состоятъ въ тѣснѣйшей связи, хотя не опредѣляются имъ исключительно. Напрасно иногда мы противимся влеченію сна и днемъ, напрасно иной страдалецъ и ночью проситъ у него благотворныхъ *маковъ* для отягощенныхъ своихъ вѣждей. За всѣмъ тѣмъ оный великій законъ природы отнюдь не

опровергается *изъятіями* ночныхъ животныхъ, либо людей, просиживающихъ до утра; они доказываютъ только ту *силу* жизненнаго начала, которая можетъ одолѣвать и превращать сію противоположность, доказываютъ также, что при первомъ развитіи организацій и *ночь имѣла свои права* и свое вліяніе, потому, что она способствовала особливо образованію *хищныхъ* животныхъ и для того, вообще говоря, человѣку не благопріятствуетъ.

§ 95.

Какъ лѣто и день состоятъ подъ благотворными вліяніями *краснаго солнца*, а зима и ночь изнываютъ въ оковахъ бытія планетнаго; такъ точно и въ бдѣніи болѣе дѣйствуетъ высшая или чувствительная сфера жизни, а во снѣ болѣе растительная, зиждущая, коей отправленія всѣ и совершаются здѣсь спокойнѣе, равномѣрнѣе, полнѣе. Выспаться значитъ — возродиться. Продолжительныя напряженія мозговыхъ нервовъ, а равно и всеобщее истощеніе организма, отъ значительной *напр.* потери крови благопріятствуютъ сну. Такое же дѣйствіе производятъ сильный холодъ и зной, одуряющія зелья, крѣпкіе напитки; обильная трапеза вообще, которою особенно занята бываетъ растительная жизнь организма, обыкновенно позываетъ къ спанью, подобно какъ умѣренность въ пищѣ и питіи поддерживаетъ бдѣніе. Механическое раздраженіе мозга (давленіе на обнаженное его

мѣсто) вообще однообразное, нѣсколькократкое потираніе лба, висковъ, затылка дѣйствуетъ на подобіе колыбельной пѣсни, а у человѣка скука и однообразіе извѣстныхъ занятій и даже продолжительныя, глубокія думы. Напротивъ того безспокойство духа, *заботы, тѣснящіяся вокругъ изголовья,* и всякое напряженіе умственныхъ силъ обыкновенно благопріятствуютъ бдѣнію.

§ 96.

Сонъ есть первое (и послѣднее) состояніе *жизни*; потому дѣти спятъ долѣе взрослыхъ, здоровые обыкновенно долѣе хворыхъ, но выздоравливающіе долѣе здоровыхъ. Люди въ бытѣ животной грубости склоннѣе къ спанью, нежели образованные, а равно и флегматики, у коихъ жизнь направлена преимущественно къ питанію плоти, сонливѣе сангвиниковъ и холериковъ; мужъ, чувствующій полное развитіе силъ, не можетъ довольно нарадоваться своей бодрости, но человѣкъ пожилой (въ нормальномъ состояніи) нуждается опять болѣе въ отдохновеніи, пока наконецъ вѣчный непробудный сонъ опускаетъ утомленную голову дряхлаго старца на лоно сестры своей — смерти.

Наконецъ замѣтимъ, что хотя у человѣка во снѣ собственное, свободное сознаніе прекращается; однакожъ онъ можетъ и умышленно продолжать состояніе сладкой дремоты.

§ 97.

Что касается до *изъясненія* сихъ явленій; то оно содержится въ слѣдующихъ пунктахъ:

Всякая жизнь состоитъ въ, опредѣленной извнутри, системѣ, совокупно дѣйствующихъ силъ, слѣдственно въ цѣлости отправленій. Далѣе—каждая недѣлимая жизнь, при всемъ единствѣ ея, имѣетъ двоякое направленіе, а именно къ *самой себѣ* и къ *другому*. Чѣмъ ниже жизнь; тѣмъ болѣе преобладаетъ оное первое направленіе, чѣмъ выше,—тѣмъ болѣе второе. Сообразно съ симъ дѣйствія жизненныя оказываютъ и двоякое стремленіе, внутрь и наружу. Но поелику оба направленія поддерживаются тѣмъ же самымъ кореннымъ единствомъ; то слѣдуетъ, что ни одно изъ нихъ не имѣетъ значенія и силы само по себѣ, но что оба они предполагаютъ необходимо другъ друга. Вотъ почему то состояніе жизни, въ которомъ преобладаетъ направленіе средобѣжное, а съ нимъ и дѣятельность чувствъ, къ общей природѣ обращенныхъ, должно назваться бдѣніемъ, а другое, въ которомъ беретъ у насъ перевѣсъ направленіе непосредственно къ самимъ себѣ, въ которомъ слѣдственно преобладаетъ внутренняя чувственность,—спаньемъ. Но всякая дѣятельность жизни, и внутренняя и внѣшняя, опредѣляется *нервною системой*, и притомъ та преимущественно *брюшными сплетеніями*, а сія *мозгомъ*. Почему, на яву особенно дѣйствуетъ послѣдній, а во время спанья дѣйствуетъ первые. Тутъ мозговая система, истощившаяся въ способахъ возбужденія и потребившая выработанный запасъ эѳира, обращает-

ся опять съ своими требованіями къ тому внутреннему пункту, изъ котораго она постепенно образовалась чрезъ длинный рядъ развитій, дабы изъ него, какъ изъ корня, получать суточное свое продовольствіе. Физическая жизнь человѣка во снѣ очевидно спускается изъ горняго міра въ дольній— на степень первоначальнаго своего бытія, чисторастительнаго, чему доказательствами служатъ и отмѣнная здѣсь сила плототворныхъ отправленій и бездѣйствіе наружныхъ чувствъ и самыя обаянія, которыя хотятъ представить внѣшнее въ видѣ внутренняго.

§ 98.

Поелику — далѣе — при склоненіи бодрой мозговой жизни къ *зимнему*, такъ сказать, *поворотному кругу*, при бездѣйствіи отдѣльныхъ, развлекающихъ впечатлѣній извнѣ *общее*, въ растеніяхъ уже предобразованное, органическое *ощущеніе* въ той же мѣрѣ усиливается; то ясно, какимъ образомъ оно остается во снѣ преимущественно раздражительнымъ; ясно, какимъ образомъ сей ночный, но благотворный геній, неусыпно наблюдающій за сохраненіемъ установленнаго порядка вещей, счастливымъ инстинктомъ своимъ вразумляетъ въ иныхъ пунктахъ и самаго бдящаго и *напр:* въ *сомнамбулизмѣ* часто дѣйствуетъ надежнѣе даже глазъ и ушей, замѣняя оныя также удачно, какъ сѣверное сіяніе въ ночи замѣняетъ намъ солнце на горизонтѣ октябрскаго дня.

§ 99.

Бдѣніе и сонъ очевидно основываются на соперничествѣ между брюхомъ и головою, такъ, однакожъ, что сіе *колыхательное движеніе*, сей періодическій приливъ и отливъ жизни уравнивается первоначальнымъ ея единствомъ. Вотъ почему сонъ крѣпитъ, освѣжаетъ душу и открываетъ ей, всегда готовой воспрянуть, обширное поприще для новыхъ познаній и подвиговъ! Вотъ почему свѣтлая жизнь ея, при соразмѣрныхъ напряженіяхъ, благопріятствуя спанью, благопріятствуетъ и внутреннимъ, отправленіямъ во время онаго! — Вотъ почему наконецъ тѣмъ явственнѣе и рѣшительнѣе выказывается противоположность между обоими коренными направленіями одной жизни, чѣмъ выше степень живыхъ созданій природы! Ибо самый сонъ не есть ли состояніе жизни и не спитъ ли въ прямомъ смыслѣ только то существо, которое можетъ *опредѣленными чувствованіями* и *сознаніемъ* бодрствовать?

Наконецъ замѣтимъ, что сонъ и бдѣніе имѣютъ свои эпохи, соотвѣтствующія эпохамъ самой жизни. Такъ крѣпкій *полуночный* сонъ походитъ почти на состояніе *невидимки*—зародыша, а *утренній* съ его грѣзами на безспокойное, суетливое дѣтство и т. п.

Отдѣленіе III.

Уродливости человѣческаго организма.

§ 100.

Всякое органическое тѣло, а съ тѣмъ и чело-

вѣческое, зиждется по опредѣленной идеѣ божественнаго Разума, которая и служитъ самымъ соразмѣрнымъ образцомъ для требуемаго, для *заданнаго* развитія. Согласно съ симъ предначертаніемъ должно отливаться и все образованіе опредѣленнаго существа. Гдѣ *природа* въ самомъ уже *развитіи* уклоняетъ образующуюся жизнь отъ нормальнаго понятія, тамъ встрѣчаемся мы съ *уродливостями*. Отмѣтимъ *общее* ихъ свойство, ихъ *причины* и главнѣйшіе *виды*.

§ 101.

А

1) Вездѣ, гдѣ только проявляется жизнь въ органическихъ созданіяхъ, мы встрѣчаемъ и рѣзкія отступленія: ибо природа не педантъ.

2) Въ царствѣ животныхъ замѣчается прямая пропорція между данною степенью организаціи и между множествомъ уродливостей, такъ что онѣ, подобно болѣзнямъ, возрастаютъ въ той мѣрѣ, въ какой классы животныхъ становятся благороднѣе. Этаго мало:

3) Опыты доказываютъ, что изъ животныхъ подлежатъ искаженію болѣе *домашнія*, изъ людей болѣе тѣ, которые живутъ въ гражданскихъ обществахъ, изъ половъ болѣе *женскій*.

4) Но всѣ уродливости имѣютъ опредѣленную *границу*; онѣ не простираются въ безконечность; ибо какъ бы велики ни были устраненія, все можно еще узнать тотъ разрядъ, къ которому при-

надлежитъ уродъ, какъ бы безобразны ни были органы послѣдняго, онъ никогда не срастется, не сочетается, не сольется совершенно съ существами инородными. Напротивъ мы видимъ и здѣсь вѣрные законы, предотвращающіе всякое *только случайное* разнообразіе. Вотъ ключъ къ истолкованію разительнаго сходства неудачныхъ созданій того или другаго рода,—ключь къ истолкованію извѣстныхъ формъ, какія попадаются въ опредѣленныхъ видахъ животныхъ, наконецъ ключъ къ истолкованію того явленія, что уродливыя состоянія обыкновенно переливаются мало по малу одно въ другое!

5) Въ особенности важно то, что на уродливостяхъ открывается и повѣряется общій законъ *постепеннаго развитія* природы, въ силу котораго не только всякой главной сторонѣ органическаго бытія земнаго служитъ основаніемъ одинъ коренной первообразъ, являющійся на разныхъ степеняхъ болѣе или менѣе полнымъ, выработаннымъ, но и всѣ благородные организмы прежде, чѣмъ достигаютъ, присвоенныхъ имъ, совершенствъ, прежде, чѣмъ дозрѣваютъ, должны проходить болѣе простыя и низшія степени образованія, на которыхъ остановилась, или *закоснѣла* жизнь мелкихъ тварей. Вотъ почему всѣ почти уродливости въ человѣчествѣ обличаютъ сходство наше съ какимъ либо звѣремъ, съ какою либо птицей, гадиной и проч. потому что онѣ сами по себѣ суть не иное что, какъ разные *знаки препинанія*, останавливающіе

зиждительность извѣстнаго органа на той животной степени, которая въ опредѣленную эпоху развитія зародышей человѣческихъ была для него правильною, нормальною.

6) Наконецъ, что уродливости часто бываютъ наслѣдственными и переходятъ изъ рода въ родъ, это подтверждается многочисленными опытами.

§ 102.

В

Причины уродливостей заключаются вообще въ задержаніи, или остановкѣ зиждительныхъ производствъ, коей особенный способъ— тайна. Наибольшая часть органическихъ карикатуръ, врожденныхъ и произшедшихъ по рожденіи, очевидно не производится вліяніемъ только механическихъ и внѣшнихъ причинъ. Пускай неразгаданная причудливость беременныхъ женщинъ, при всякой встрѣчѣ съ явленіями разительными, дѣлаетъ, что ей угодно, и искажаетъ плоды чрева такъ, или иначе,— уродливости первоначально произходятъ отъ *внутреннихъ* условій, образуются въ самомъ развитіи органическомъ и потому являются какбы *самозданными*. Свойство родотворныхъ *соковъ*, а равно и самый *актъ совокупленія*—вотъ главнѣйшія причины заблужденій образующей силы! Въ этомъ удостовѣряютъ насъ частію упомянутая *правильность* органическихъ *исключеніи*, частію и *наслѣдственность* оныхъ. Впрочемъ и внѣшнія вліянія, отъ которыхъ жизнь вообще остается въ разныхъ

отношеніяхъ ежеминутно зависимою, безспорно могутъ сколько способствовать, столько и мѣшать удачному зачатію.

§ 103

C

Разные *виды* уродливостей касаются непосредственно ихъ *происхожденія* и бываютъ въ семъ отношеніи либо *врожденныя*, либо *пріобрѣтенныя*, *пришлыя*, смотря потому, вкрадывается ли уродливость въ самое развитіе и образованіе зародыша, или же возникаетъ послѣ рожденія. Оба вида могутъ быть опять либо *первоначальными*, либо *случайно произшедшими*, смотря потому, заключается ли ихъ основаніе во *внутреннемъ* ходѣ самаго образованія, или же въ *механическихъ внѣшнихъ вліяніяхъ*. Наибольшая часть уклоненій, какъ замѣчено, бываетъ первоначальная.

Дальнѣйшее различіе (хотя и не существенное) можно постановить между собственно *уродливостями* въ *строгомъ смыслѣ* и между, такъ называемыми, *играми природы*. Тѣ относятся къ самому *нормальному*, внутреннему, либо наружному *строенію опредѣленныхъ органовъ*, сіи нестолько касаются непосредственно строенія въ частной его отдѣлкѣ, сколько основываются на *погрѣшностяхъ* органическаго образованія вообще, и потому болѣе или менѣе касаются *всего наружнаго* вида.

§ 104.

I) *Уродливости* въ строгомъ смыслѣ можно опять раздѣлить особеннымъ образомъ *на количественныя* и *качественныя*, смотря потому, касаются ли онѣ *числа* и *величины* извѣстныхъ органовъ, либо же ихъ *положенія* и *фигуры*.

Къ *количественнымъ* уродливостямъ принадлежатъ *вопервыхъ* тѣ, у коихъ замѣчается недостатокъ въ отдѣлкѣ организма, состоящій то въ совершенномъ отсутствіи нѣкоторыхъ органовъ, то въ неполномъ ихъ развитіи. Уродливости сего рода имѣютъ свое основаніе въ уменьшенной, ослабленной зиждительности и представляютъ разнообразнѣйшіе оттѣнки. Особенное вниманіе заслуживаютъ уроды не столько безрукіе, безногіе, безпалые, сколько a) *безголовыя*, у которыхъ тѣло обходится безъ верхняго вѣдомства, у которыхъ уцѣлѣла только система растительная и которые потому либо вовсе выходятъ на свѣтъ мертвыми, либо же вскорѣ послѣ рожденія умираютъ; b) *Безмозглые*, у которыхъ большаго и малаго мозга нѣтъ, тогда какъ все прочее правильно, и которые обыкновенно живутъ по нѣскольку сутокъ; c) совершенно *безпалые*.

Къ *количественнымъ* уродамъ принадлежатъ во *вторыхъ* (не тѣ баснословныя *вѣдьмы съ хвостами*, женщины съ *природными передниками* и пр:, но) тѣ, у которыхъ встрѣчаемъ органическую

роскошь, простирающуюся отъ лишней мышцы, либо кости, отъ лишняго пальца, языка, дѣтороднаго уда, носа, отъ лишней груди—до *совершенной почти двойственности всего тѣла.*

Многоразличныя *уродливости качественныя* заключаютъ въ себѣ всѣ тѣ жалкія созданія природы, которыя отличаются неумѣстнымъ положеніемъ органовъ, либо *искаженіемъ* наружнаго вида.

§ 105.

II) Къ играмъ глумливой природы отнесемъ

а) *Обоеполіе*, мужеженство, — разумѣется не *сплошное*, а только относительное, т. е. такое, въ которомъ характеръ одного, либо другаго пола *преобладаетъ*, или при которомъ оказывается разительное, *нормальному* начертанію несоразмѣрное, *сближеніе* обоихъ половъ въ одномъ и томъ же лицѣ. Впрочемъ *гермафродитизмъ* встрѣчаемъ мы во всѣхъ породахъ органическихъ тварей, особливоже въ растеніяхъ и въ *нижайшихъ* классахъ животныхъ, гдѣ онъ и составляетъ болѣе правило, нежели исключеніе, гдѣ твари двуснастныя даже *сами себя оплодотворяютъ*, — случай, котораго никогда не бываетъ у человѣка. Организація и жизнь тамъ вообще обозначена и явственнѣе и полнѣе, гдѣ оба пола находятся и въ величайшемъ разлученіи и въ тѣснѣйшемъ опять соединеніи. Вотъ почему мужеженство состоитъ съ постепеннымъ развитіемъ организмовъ въ обратномъ содержаніи!

Вотъ почему оно опять и съ другой стороны у человѣка означаетъ только остановку образованія пола на одной изъ низшихъ степеней организаціи, кои, какъ сказано, всѣ въ ходѣ развитія человѣческаго тѣла должны быть *бѣгло* пройдены;

b) Представитель *паѳологическихъ искаженій организма* не болѣзненныхъ, однакожъ противоестественныхъ, странныхъ, есть тотъ, во всѣхъ частяхъ свѣта встрѣчаемый у людей, даже у теплокровныхъ животныхъ и обыкновенно наслѣдственный — *какерлакизмъ*, который узнается по блѣдному, мертвому цвѣту кожи, по розовому зрачку, по вялости всего того, чему надлежалобъ дышать жизнію;

c) Уродливости *внѣшняго образованія кожи*, покрытой то длинными остроконечными *бородавками* на подобіе щетины дикобраза, то *чешуею*, то оленью *шерстью*.

ГЛАВА 3-я.

Тѣлесная Семіотика.

§ 106.

Первоначальное устройство органическихъ частей, ихъ отправленій и вѣдомствъ, измѣняемое здравыми и болѣзненными, бодрыми и сонливыми состояніями тѣла, и проникаемое большею, или

мѣньшею дѣятельностію возбужденной души, составляетъ *полный физическій бытъ* отдѣльнаго существа, — его *темпераментъ*, являющійся *Семіотикъ* въ яркихъ очертаніяхъ. Тутъ органическое домостроительство почіетъ отъ трудовъ своихъ; тутъ на долго упрочивается способъ и движеній и чувствованій и дѣйствій. Темпераментъ, подобно, какъ позже характеръ, обыкновенно и сопровождаетъ человѣка неотступно на всѣхъ стезяхъ земнаго его странствованія; но управленіе онымъ ввѣрено свободному вѣдѣнію духовной жизни, къ которой онъ дѣлаетъ переходъ; ибо сія послѣдняя такъ же точно его *возбуждаетъ*, какъ организація *зиждетъ* его.

§ 107.

Темпераментъ, по производству сего слова, означаетъ смѣшеніе, уравненіе крайностей. Пускай крайности сіи будутъ то общія — водяныя, воздушныя, огненныя и землянистыя — *стихіи тѣла*, (холодныя и теплыя, тяжелыя и легкія, влажныя и сухія,) то *соки* (слизь, кровь, желчь), то *твердыя части*, — *волокна* (крѣпкія, мягкія, хрупкія, вялыя), — всѣ онѣ только располагаютъ или наклоняютъ къ той, либо иной формѣ физическаго бытія, но не рѣшаютъ. Особенное свойство или *настроеніе*, особенная *температура* дѣятельной, *возбудимой* жизни, *расположенной то болѣе къ принятію внѣшнихъ вліяній*, то *болѣе къ воздѣйствію* — вотъ, что опредѣляетъ степень, про-

порцію, мѣру въ коренныхъ направленіяхъ органическихъ способностей! Сколько можно себѣ вообразить разныхъ отношеній между послѣдними, столько же возможно и первоначальныхъ темпераментовъ. А поелику недѣлимая жизнь получаетъ въ удѣлъ либо нарочитое и равно великое расположеніе какъ къ принятію чуждыхъ вліяній, такъ и къ движеніямъ отталкивательнымъ, либо при господствующемъ перевѣсѣ перваго расположенія малую мѣру воздѣйствія, либо при господствующемъ воздѣйствіи малое расположеніе въ переимчивости, либо наконецъ равно скудную мѣру одной и другой способности; то изъ сего отношенія развиваются слѣдующіе четыре основные темперамента, которые мы и назовемъ старыми именами.

§ 108.

Темпераментъ съ богатымъ запасомъ и чувствительности къ внѣшнимъ вліяніямъ и собственной самодѣятельности есть *холерическій*, или теплокровный, темпераментъ съ преобладающимъ расположеніемъ къ принятію впечатлѣній, но съ малою способностію воздѣйствій—*сангвиническій*, легкокровный, темпераментъ съ нарочитою силою воздѣйствія, но съ ограниченною чувствительностію — *меланхолическій*, тяжелокровный, наконецъ темпераментъ съ равно незначительною способностію принимать и давать—*флегматическій, хладнокровный*. Первый, порывающійся къ наружной дѣятельности, состоитъ въ завѣдываніи нервной си-

стемы, именно же мозговой и, связанной съ нею спиннымъ мозгомъ, системы органовъ движеній, или мышечной, второй, влекущій къ наслажденіямъ, въ завѣдываніи раздражительной системы боевыхъ жилъ и легкихъ, третій, довольствующійся тихою внутреннею дѣятельностію, въ завѣдываніи системы кровевозвратныхъ жилъ и ея главнаго органа — печени, четвертый, преданный *покою*, въ завѣдываніи системы плототворенія и ея сосудовъ и железъ. Съ сими постоянными признаками темпераментъ чистый, ничѣмъ неизмѣняемый, оказывается во всемъ наружномъ видѣ, въ объемѣ и строеніи тѣла, въ цвѣтѣ кожи, волосъ, въ пульсѣ и дыханіи, а равно (по природѣ своей двустихійной) и въ соотвѣтственныхъ движеніяхъ облагороженной, смышленой чувствительности.

§ 109.

А) *Характеръ темперамента холерическаго*, сухаго, огненнаго, теплокровнаго, стремительнаго, отличается и живою способностію къ принятію впечатлѣній и къ самодѣятельности. Основой служитъ ему съ одной стороны высочайшая живость мозга, нервовъ и мышцъ, съ другой сила и гармонія прочихъ системъ. Отъ того онъ выражается въ дюжемъ, упругомъ, сжатомъ и однакожъ уютномъ строеніи, не въ толстыхъ, *громоздкихъ*, однакожъ крѣпкихъ костяхъ, въ быстротѣ всѣхъ движеній, въ острыхъ чувствахъ. Отъ того проницательный взглядъ, большею частію черные глаза,

сплошъ почти густые, курчавые волоса. Очертанія верхней и передней части тѣла выразительны, рѣзки, однакожъ пропорціональны. Цвѣтъ лица и (упругой, но не жесткой) кожи смугловатъ. Тѣло холерика вообще болѣе сухощаво, чѣмъ тучно, —пульсъ полный и жесткій, дыханіе крѣпкое, голосъ звучный, рѣчь рѣшительная, походка скорая, твердая и прямая.

§ 110.

Отмѣнная возбудимость нервовъ и сила мышцъ изъясняетъ и прочія, *производныя* явленія жизни холерика, болѣе духовныя. Сердце его раздражительно, но не поражается всякою малостію, а только подвигается предметами и страстями великими. Любовь сего темперамента пылка, но далека отъ чувственной, не вѣтрена, а постоянна. Но онъ также точно и ненавидитъ, какъ любитъ, также точно и воспламеняется гнѣвомъ, мщеніемъ, ревностію, какъ готовъ въ другое время жертвовать жизнію для любимаго предмета. Въ природѣ и въ искуствахъ холерикъ услаждается затѣйливымъ, романтическимъ. Терпераментъ его влечетъ къ энтузіазму; онъ дышетъ свободою, рабство убиваетъ его. Сіи помыслы совмѣстны съ властолюбіемъ. Холерикъ охотно окружаетъ себя пышностію, но презираетъ тщету. Чувство силы располагаетъ его къ веселонравію, но не къ забавамъ, располагаетъ къ важности, но не къ грусти. Холерическій темпераментъ, изо всѣхъ богатѣйшій, всѣхъ и счаст-

ливѣе.—И умъ холерика пылокъ, быстръ, проницателенъ, подобно его глазу. Онъ обнимаетъ вещи и легко и съ разныхъ сторонъ, соображаетъ скоро, судитъ рѣзко и опредѣлительно и вездѣ имѣетъ дѣло не съ одними отвлеченными понятіями, но съ живыми картинами, кои пылкая его фантазія безъ труда созидаетъ и вполнѣ отдѣлываетъ. Отъ того, если къ холерику вкрадывается талантъ эстетическій, то онъ производитъ совершеннѣйшія издѣлія въ Музыкѣ, въ Живописи, въ Поэзіи.—Если онъ рожденъ для Наукъ; то предается знаніямъ *прагматическимъ*, непосредственно втекающимъ въ жизнь, военнымъ, государственнымъ; тутъ онъ тонкоумный человѣкъ свѣтскій. Хотя—далѣе—тѣлосложеніе не даетъ нравственныхъ началъ; однакожъ темпераментъ порывистый влечетъ вообще къ дѣяніямъ. Холерикъ въ хотѣніяхъ скоръ, настойчивъ. Но начало его поступковъ большею частію его любимое *Я*, эгоизмъ: ибо онъ въ чувствѣ своихъ силъ высокомѣренъ и взыскателенъ. Отъ того сіе настроеніе физической жизни творитъ героевъ, но и деспотовъ. Словомъ, холерикъ любитъ дѣйствовать сильно и притомъ въ большомъ кругѣ, и поелику всякая слабость вообще безнравственна; то онъ столькоже оказываетъ омерзенія къ мелочнымъ порокамъ, къ притворству, лжи, злорѣчію и пр., сколько склоненъ къ помысламъ великодушнымъ. — Хотя наконецъ нельзя сказать, чтобы тѣлосложеніе совер-

шенно зависѣло отъ пола, отъ возраста, отъ націй; однакожъ между мужчинами зрѣлыхъ лѣтъ встрѣчаемъ болѣе холериковъ, чѣмъ между женщинами и другими крайностями возрастовъ, а между націями болѣе у тѣхъ древнихъ Р*имлянъ*,—у тѣхъ новыхъ *Испанцевъ*, *Итальянцевъ*, *Поляковъ*, которыхъ мы столькоже уважаемъ, сколько и проклинаемъ за ихъ добродѣтели и пороки—темперамента.

§ 111.

В) *Характеръ темперамента меланхолическаго*,—тяжелокровнаго, скрытнаго—отличается недостаткомъ внѣшней чувствительности и богатствомъ внутреннихъ силъ жизни. Здѣсь преобладаетъ система печени и кровевозвратныхъ жилъ; отъ того сухая, сѣроватая, блѣдная кожа, вялыя, косныя мышцы, медленное обращеніе крови (и вслѣдствіе того частые застои, завалы во внутренностяхъ, склонность къ почечуямъ, къ ипохондріи), продолговатое, сплошь тощее строеніе тѣла, длинная шея, узкія плеча, плоская грудь, умѣренное, медленное дыханіе, слабое жилобіеніе, тягучій, перемѣжающійся, разрывчатый, *жиденькій* голосъ, складная, уютная, но продолговатая голова, гладкіе, темные, мягкіе волоса, томные, изсѣра зеленые глаза, коихъ тусклый, наружу холодный взглядъ занятъ, какъ кажется, тѣмъ болѣе разсматриваніемъ самаго себя, черты лица пропорціональныя, но не рѣзкія, скорѣе мягкія, плавныя,—размѣренность въ рѣчахъ, въ походкѣ, во всѣхъ

движеніяхъ, — вотъ физическая сторона меланхолика, которая даетъ намъ ключь къ истолкованію и другихъ его внутреннихъ свойствъ! Ибо кому не извѣстно, какъ мало его *сердце* заботится объ окружающихъ его предметахъ, вмѣщая само въ себѣ цѣлый міръ своеобразныхъ чувствованій, склонностей, идеаловъ, — какъ онъ расположенъ къ унынію, къ недовольству, къ *брюзгливости*, къ подозрѣніямъ, къ ненависти, къ уединенію, — какъ чуждается шумныхъ забавъ, веселыхъ обществъ, какъ любитъ высокое, мрачное, таинственное, грозное въ природѣ, въ искуствахъ, въ религіи, — какъ углубленъ въ самосозданныя свои, неземныя, заоблачныя химеры, какъ въ отвлеченныхъ наукахъ глубокомысленъ, неутомимъ, основателенъ, отчетливъ, подробенъ до мелочнаго педантизма, какъ въ художественныхъ своихъ произведеніяхъ мраченъ, дикъ, уродливъ, какъ въ дѣловой жизни остороженъ, мнителенъ, скупъ, нечувствителенъ къ внѣшнимъ нуждамъ, своимъ и чужимъ, но какъ и порывистъ въ страстяхъ, какъ склоненъ къ умерщвленію плоти, къ отшельничеству, къ однообразію въ житейскомъ бытѣ, въ занятіяхъ, въ поступкахъ? Ищите и сего темперамента болѣе въ мужскомъ полѣ, чѣмъ въ женскомъ, болѣе въ степенныхъ возрастахъ, нежели въ развивающихся, а между націями болѣе у Индѣйцевъ и Англичанъ.

§ 112.

С) Въ темпераментѣ *сангвиническомъ*, легкокровномъ, (женскомъ, юношескомъ, Аѳинскомъ, Французскомъ, любезномъ, безразсудномъ, шальномъ), расположеніе къ принятію вліяній беретъ, какъ сказано, верхъ надъ самодѣятельностію. Физически онъ узнается по свѣжему цвѣту, по бѣлой, мягкой кожѣ, по голубымъ, либо свѣтлокаримъ глазамъ, по бѣглому, живому взгляду, по бѣлокурымъ, либо русымъ волосамъ, по ясному челу, по сочнымъ частямъ лица, по длинной (обыкновенно) шеѣ, по узкой груди, по нѣжному, часто уютному строенію тѣла, по тонкимъ костямъ и мышцамъ, по быстрымъ, отрывистымъ движеніямъ, по торопливой, неровной походкѣ, по рѣзкому голосу, болѣе женскому, нежели мужскому, по *борзымъ* рѣчамъ, вообще по легкости тѣлоизвитій, по проворству въ пріемахъ, по непостоянству въ дѣйствіяхъ, по чувствительности къ жару и стужѣ, по расположенію къ грудчымъ болѣзнямъ, именно къ чахоткѣ. Нѣтъ ничего легче, какъ растрогать сердце сангвиника до слезъ и до смѣха; онъ веселонравенъ, слишкомъ *падокъ* къ наслажденіямъ, легкомысленъ, даже распутенъ; любитъ шумныя забавы и чувственныя удовольствія, вспыльчивъ, но всегда готовъ опять и мириться, пріятный собесѣдникъ, но ненадежный другъ, хорошій любовникъ, но худой мужъ; онъ скоро увлекается предметами и потому часто бываетъ въ обманѣ; онъ оплошенъ, безпрестанно питаетъ себя надеждами

рѣзовъ, чувствителенъ, имѣетъ вкусъ къ изящному; сердце его открыто для симпатіи; но благородныя сіи движенія сколько живы, столько же и непрочны. -- Что касается до умственныхъ его силъ, то онъ понятливъ, имѣетъ счастливое воображеніе, но боится важнаго, основательнаго, отвлеченнаго, судитъ скоро, соображаетъ съ трудомъ и отъ того въ мнѣніяхъ опрометчивъ; вдругъ затѣваетъ то и другое, но ничего не додѣлываетъ. Ему всего милѣе готовый уже запасъ наслажденій, романы, зрѣлища, концерты. Напрасно вы обѣщаете себѣ отъ сего темперамента что ни будь великое: ибо онъ вообще не дѣловой; его вѣжливые пріемы, его услужливость, радушье происходятъ единственно отъ его мягкосердія, а не отъ того, будто онъ побуждаемъ былъ къ нравственнымъ поступкамъ. Онъ оказываетъ много рвенія при началѣ предпринятія, но не способенъ выдерживать тонъ и легко впадаетъ въ уныніе.

§ 113.

D) Гдѣ преобладаетъ *темпераментъ флегматическій, хладнокровный, мокротный, (стариковскій, Голландскій)*; тамъ онъ отличается тѣломъ ноздреватымъ, кожею мягкою, цвѣтомъ блѣднымъ, волосами пепельными, глазами сѣроголубыми, тусклыми, взглядомъ спокойнымъ, частями лица мясистыми, щеками пухлыми, шеей короткою, круглою, жирною, вообще расположеніемъ къ дородству, отличается медленностію во всѣхъ от-

правленіяхъ и дѣйствіяхъ, въ кровообращеніи, въ дыханіи, въ рѣчахъ и въ походкѣ. Онъ любитъ долго ѣсть и спать, любитъ вообще нѣгу, хотя легко переноситъ усталость и перемѣны воздушныя. Впрочемъ склоненъ къ чревнымъ болѣзнямъ, именноже къ водяной, но обыкновенно *тягучъ и долголѣтенъ на земли.*—Сердце его холодно, недоступно живымъ чувствованіямъ и страстямъ, мертво для красотъ искуства и природы, для идеаловъ общеполезной дѣятельности, *застраховано* отъ радости и горя, отъ любви и отвращенія; оно любуется однимъ только благомъ въ свѣтѣ,—спокойствіемъ, но оно и ненавидитъ только напряженіе.—Степенный флегматикъ вникаетъ мало по малу и въ сужденіяхъ не торопится; онъ хорошій счетчикъ въ конторахъ, *дѣлецъ* въ Приказахъ, изрядный *механикъ* на заводахъ, въ школахъ и по части письмоводства; многое преодолѣваетъ медленностію, терпѣніемъ, *усидчивостію* и искуствомъ выжидать. Будучи недоступенъ легкомыслію и порывамъ, онъ стольже мало склоненъ и къ пороку; по службѣ чистъ, на исповѣди правъ, *чуть чуть не святъ*: ибо совѣстность и привычка къ тому, что введено нравами и законами, любовь къ порядку и опрятности обращаются у него во вторую природу. Только при перевѣсѣ грубости искажается естественное его хладнокровіе до безчувствія, до жестокосердія. Наконецъ, если флегматикъ посвящаетъ свои труды Изящному; то въ

искусствахъ словесныхъ стиль его будетъ ясенъ и сухъ, а въ искусствахъ изобразительныхъ онъ будетъ такъ же тщательно списывать съ простой природы, какъ тщательно снимаетъ и копіи съ дѣловыхъ бумагъ.

§ 114.

Вотъ и всѣ возможные идеалы общихъ темпераментовъ! Каждый изъ нихъ наклоняетъ человѣка болѣе, или менѣе къ извѣстному способу чувствованій, желаній, помысловъ, который въ обыкновенномъ положеніи вещей и остается его удѣломъ; но и чистѣйшему, лучшему изъ нихъ, удачнѣйшему, наименѣе одностороннему, равномѣрному, словомъ холерическому, къ которому всѣ другіе содержатся, какъ три возможныя искаженія прекраснаго образца, ничто не мѣшаетъ получать и примѣсь постороннюю, ничто не мѣшаетъ въ теченіе жизни принимать значительные оттѣнки. Темпераментъ и дѣйствительно измѣняется то невольнымъ образомъ отъ лѣтъ, отъ судьбы, отъ пищи и проч. то свободою—посредствомъ образованія, и однакожъ, какъ истребить совершенно то, что вложила природа и дала въ распоряженіе духу при первомъ его, историческомъ вступленіи во временную жизнь опредѣленной твари? Сильны движенія плоти и соковъ, однакожъ сіи порывы жизни не порабощаютъ; всякое тѣлосложеніе равно доступно и добру и злу, и какъ бы иная склонность физическая ни мѣшала исполненію обязан-

ностей, она и можетъ и должна уступать побѣдительной силѣ нравственной свободы; она не изъемлетъ отъ вмѣненія.

§ 115.

Такъ—безпрестанно озабочиваемый и требованіями возбужденной, свѣтлой и влеченіями мрачной, связанной, земной жизни, такъ—одолѣваемый часто враждебною силою наслѣдственныхъ *помѣхъ* со стороны стихійной природы и судьбы, со стороны болѣзней, уродливостей и неугомоннаго темперамента, утомленный подвижникъ совершаетъ срочное поприще, идя во срѣтеніе той великой мѣтѣ, которую нынѣ природа поставила ему *въ* 80 *стадіяхъ*,—къ мѣтѣ, для многихъ слишкомъ отдаленной. Сей *вѣкъ* нашъ безъ сомнѣнія опредѣленъ *закономъ природы*, т. е. состоитъ въ *отношеніи* частію къ общимъ силамъ и періодамъ послѣдней, частію къ долголѣтію прочихъ организмовъ, частію къ временамъ развитія самой жизни человѣческой. *Первое* и собственное отношеніе *коренное* покрыто еще таинственнымъ мракомъ; *второе* понятнѣе уже изъ того закона, что существо органическое, болѣе совершенное, требуетъ и болѣе времени для своего развитія или образованія, и слѣдственно должно вообще говоря и жить долѣе, какъ и дѣйствительно человѣкъ превосходитъ съ семъ отношеніи наибольшую часть сосцепитающихъ, хотя *съ исключеніемъ*—особенно старожиловъ нашей планеты, на пр. слона и другихъ. *Третье* отношеніе, Бюф-

фономъ найденное, есть то, что животное (въ нормальномъ порядкѣ) *можетъ* проживать почти *всемеро* столько, сколько ему нужно времени для *совершенной зрѣлости*,—отношеніе, которое находитъ (особливо въ царствѣ животныхъ) свою, довольно удачную повѣрку, но законъ коего подлежитъ еще толкованію.

§ 116.

Откудажъ возникла смерть, про которую жизнь, сама по себѣ, не знаетъ? Общая причина смерти та, что *чувственный* міръ можетъ выражать божественныя идеи только *во временныхъ*, измѣнчивыхъ, мимолетныхъ *символахъ*,—есть *косность* матеріи, неспособной продолжительно вмѣщать и отсвѣчивать въ себѣ всю силу и жизнь души,—*есть бренность сосуда*, которому суждено принимать, блюсти и лелѣять дары небесные. Въ *физіологическомъ же* смыслѣ смерть (естественная) есть постепенная окрѣплость тѣла, послѣдующая за удаленіемъ тѣхъ *огненныхъ атомовъ*, которымъ замысловатые Поэты—философы древнихъ временъ приписывали органическую жизнь и движеніе, приписывали чувствованіе и мысль. Разложеніе, приготовленное самымъ рожденіемъ, совершается мало помалу: ибо не всякійли день, не всякійли часъ приближаетъ насъ къ таинственной цѣли? Не умираемъ ли мы, рождаясь? Но—какъ будто было намъ дано здѣсь какое-то обѣтованіе—сперва изнемогаетъ дѣятельность низшихъ системъ органическихъ;

теплота и пульсъ, по причинѣ все болѣе затруднительнаго и слабаго дыханія, теряются въ конечностяхъ, между тѣмъ, какъ *сердце* еще чуть чуть колышется, либо же продолжаетъ биться перемѣжающимся тактомъ, пока затѣмъ и оно само сначала въ *лѣвой* камерѣ, куда отъ чахлой груди и чахлыхъ легкихъ не можетъ уже приливаться кровь, потомъ *и въ правой*, наконецъ и *все* изнываетъ, останавливая вмѣстѣ съ тѣмъ и отправленія самыхъ чувствъ, самаго мозга. Свѣтъ меркнетъ въ глазахъ, голосъ любви едва внемлется, какъ смутное сновидѣніе,—утомленная голова склоняется на грудь и неземная гостья, давно ожидавшая освобожденія,—душа съ глубокимъ, тяжкимъ вздохомъ улетаетъ изъ душной темницы въ свою свѣтлую, вѣчную отчизну.

§ 117.

Но гдѣ многосторонняя жизнь тѣлесная, уцѣлѣвшая отъ смерти, успѣла образоваться, созрѣть и во всѣхъ своихъ частяхъ устроиться; тамъ получаетъ она отношеніе къ самой себѣ, тамъ предлежитъ ей задача, оглядѣться въ своемъ домостроительствѣ. Сіе домостроительство и дѣйствительно поступаетъ въ завѣдываніе и самовластное управленіе нервной системы, коей дѣйствія совершаются собственными ея физическими силами. Къ чему тутъ и представленія? Тѣлесныя ощущенія не могутъ ли происходить то вслѣдствіе первона-

чальной игры органовъ, то вслѣдствіе ихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ?

§ 118.

Но всѣ ощущенія *растоплены въ горнилѣ* внутренняго, такъ называемаго, *общаго чувства*, по силѣ котораго организмъ способенъ бываетъ извѣщаться о собственномъ своемъ присутствіи или бытіи и о разныхъ состояніяхъ онаго во внѣшнемъ мірѣ. Ибо, дабы чувствовать сей послѣдній, душа по крайней мѣрѣ должна *существовать*, а потому, хотя безъ сомнѣнія, сперва еще и весьма смутно, сіе существованіе свое *ставитъ*, утверждать, удерживать за собою. Тутъ только — съ разсвѣтомъ самосозерцанія можетъ развернуться предъ нею позорище творенія. Почему, сіе общее и темное чутье вездѣ уже имѣетъ мѣсто, гдѣ непримѣтно еще ни глазъ, ни ушей, ни конечностей,— въ зародышахъ, въ которыхъ оно и обнаруживается безпрестанно увеличивающимися движеніями членовъ и явственнымъ обозначеніемъ того пространства, которое имъ занять надлежитъ. Но и въ человѣкѣ, воспрянувшемъ къ самосознанію, всеобщее сіе чувство жизни рѣшительно дѣйствуетъ еще на всѣ производныя явленія, съ нимъ одинаковыя; отъ того оно (въ симпатической системѣ) учредило себѣ хотя подчиненное, однакожъ часто и для высшихъ способностей неодолимое, особенное вѣдомство нервное, которое, какъ мозгъ души только тѣлесной или растительной, даетъ наро-

чистый ростъ и зародышамъ безголовымъ,—животнымъ созданіямъ низшаго рода, и въ разныхъ явленіяхъ свое слѣпое, подземное, темное могущество вообще обезпечиваетъ даже отъ высшихъ напастій, часто разрушительныхъ. Ибо гдѣ теряется общее ощущеніе; тамъ останавливается и всякая дѣятельность благородныхъ чувствъ, тогда какъ сія на оборотъ можетъ прекращаться, не подавляя чувства сплошнаго.

§ 119.

Впрочемъ, хотя общее тѣлесное ощущеніе гнѣздится въ симпатической, однакожъ вмѣстѣ съ тѣмъ и во всей системѣ нервовъ, и существенно состоитъ какъ бы *въ плавномъ, мелодическомъ чувствованіи* всѣхъ частей тѣла, которое, однакожъ, въ средоточіи души способно проясняться и подлежитъ различенію, или: оно есть сумма неопредѣленнаго множества безконечно мелкихъ частныхъ возбужденій, которыя тамъ, гдѣ жизнь развивается безпрепятственно, сливаются въ *одно*, но часто живое ощущеніе быта болѣе, или менѣе соразмѣрнаго.

§ 120.

Но относительный *перевѣсъ* какого либо отправленія извѣщаетъ особеннымъ чувствованіемъ въ мѣстныхъ органахъ о существованіи дѣятельности, дремавшей въ томъ безконечномъ хаосѣ, на который мы такъ мало обращаемъ вниманія, тогда какъ иныя настроенія самой души часто имѣютъ свое основаніе въ причинахъ физическихъ.

Незнаніе сихъ вліяній содержитъ человѣка въ опасномъ противорѣчіи съ самимъ собой: ибо не надлежалолибъ тѣлу быть для строительнаго духа, такъ сказать, *прозрачнымъ и сподручнымъ* органомъ? Вообще же великая власть внутреннихъ ощущеній жизни была необходима на тотъ конецъ, чтобы всякій разъ извѣщать душу о данномъ состояніи и данной потребности тѣла и вызывать ее на соотвѣтственную дѣятельность. Такъ изъ сего *глубокаго движенія жизни* возникаетъ всемогущее побужденіе, — инстинктъ, — съ неразгаданными его причудами, съ *идіосинкрасіями*, кои посмѣваются всякимъ правиламъ и въ коихъ такъ трудно дать отчетъ и другимъ, да и себѣ самому, —*съ предчувствіемъ* вещей, кои, повидимому, находятся внѣ атмосферы раздражительнаго тѣла. Сей благодатный инстинктъ, слѣпо и безотчетно, однакожъ для общихъ цѣлей единой жизни такъ вѣрно, такъ мѣтко дѣйствуетъ не только въ зиждении, въ возобновленіи нужныхъ частей и силъ тѣла, но и въ разныхъ родахъ сна, и не только здѣсь, но и въ таинственныхъ влеченіяхъ одного пола къ другому.

§ 121.

Возбужденная жизнь ищетъ простора для своей зиждительности, для своихъ раздраженій и чувствованій; она стремится къ разливу. Но сколько съ одной стороны порывы ея сильны, столькоже съ другой въ направленіяхъ своихъ неопредѣлительны,

смутны, шатки, доколѣ остаются только движеніями плоти и соковъ. Самое тѣлесное существованіе человѣка ненадежно, доколѣ чувствованіе, болѣе ясное, очищенное, свободное не получаетъ вразумленій, доколѣ вожделѣнія, мало по малу, расчитывая отношеніе предметовъ къ потребности, не умѣютъ ставить себѣ цѣлей; доколѣ рука еще не вооружена и въ дѣйствіяхъ своихъ безотчетна, въ издѣліяхъ груба. Всѣ вообще преимущества человѣческаго тѣла предъ тѣломъ животнаго были бы безъ отношенія ихъ къ духовности жизни ничтожны.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Духъ.

§ 122.

Жизнь тѣлесная является въ достоинствѣ духовной, когда принимаетъ себя въ собственное свое, отчетливое завѣдываніе, когда обнаруживаетъ способность, направлять чувствованія своихъ нервовъ мыслію, движенія своихъ мышцъ волею, зиждительность плототворныхъ органовъ своихъ свободными предначертаніями.

ГЛАВА 1-я.

Духовная Дидактика

§ 123.

Мышленіе, хотѣніе (съ его дѣяніями и поступками) — *сердце* (съ его ощущеніями), *фантазія* (съ ея *свободнымъ творчествомъ*), — вотъ четыре идеальные акта, коими описывается кругъ духовной жизни! Первый принимаетъ направленіе *къ вѣдѣнію* посредствомъ познаній; предметъ, къ которому онъ обращенъ, остается тѣмъ, что есть; второй актъ въ движеніяхъ своихъ имѣетъ направленіе *къ дѣйствованію*, къ поступкамъ; тутъ требуется существованіе предмета или явленія новаго, нашими силами опредѣляемаго; третій поддерживаетъ возбуждающія мысли и движущую волю въ сферѣ отдѣльнаго, самостоятельнаго существа живительными силами привлеченія; четвертый отливаетъ въ вещественныя формы умышленныя наши соображенія. Но вездѣ стремится жизнь овладѣвать, брать въ управленіе, присвоивать, обращать въ собственное свое достояніе вещи, кои въ противномъ случаѣ оставались бы безхозяйными.

§ 124.

Сіи четыре акта нераздѣльны. Пускай въ одномъ случаѣ чувствующая, созерцающая, представляющая, мыслящая душа *спокойно разсматриваетъ* предметы, которые ей навязываются, въ другомъ, движась и перемѣняясь въ самой себѣ,

ощущая свои потребности, стремится въ желаніяхъ и хотѣніяхъ переиначивать данные предметы своимъ представленіемъ, либо и производить оные вновь—разница въ *крайностяхъ*—въ спокойномъ созерцаніи звѣзднаго неба, въ богомысліи и въ какомъ либо поступкѣ, внушаемомъ порывами земной страсти—*небезусловная*: ибо живая душа никогда не можетъ находиться въ положеніи только страдательномъ. Разсматриваніе на пр. при ученыхъ наблюденіяхъ предполагаетъ *рѣшимость*; продолжительное вниманіе; познаніе предметовъ—*неприкосновенныхъ*—есть порожденіе духа. Такъ же точно и съ другой стороны всѣ, прямо человѣческіе, благородные поступки, всѣ идеалы фантазіи управляются познаніемъ, да и сами суть не иное что, какъ внутренняя дѣятельность соображеній, силу коихъ мы тутъ и созерцаемъ въ ощутительныхъ созданіяхъ.

§ 125.

Чтожъ связываетъ не только органическое тѣло съ невещественнымъ его началомъ, но и всѣ свободныя дѣйствія души? Что поддерживаетъ послѣднія въ гармоническомъ ихъ тонѣ, *какъ* не то посредствующее звѣно, высочайшее, крайнее въ организмѣ и начальное, основное во всѣхъ откровеніяхъ людскости? какъ не та дивная точка опоры, съ которой конечное существо мало по малу *возходитъ* въ духовную жизнь, образуется изъ безпредѣльнаго раствора стихій и увлекаетъ оныя въ

пучину своей средостремительной дѣятельности? — словомъ, какъ не та *сила чувствующая*, въ которой встрѣчаются оба міра? Ибо жизнь наша начинается *чувствованіемъ* или *ощущеніемъ*—опредѣленнымъ, прямымъ и невольнымъ принятіемъ міра въ душу, которая сама *способна* встрѣчать вліянія,—въ душу, дѣйствительно *существующую* и слѣдственно такую, которая на внѣшнія вторженія *и воздѣйствуетъ*. (*). Чувствованіе есть непо-

(*) Чувствованіемъ (отъ *чу*, *чую*, *чуйствую*) обыкновенно выражается болѣе вступленіе особеннаго, чуждаго, отдаленнаго явленія въ наше вѣдомство, *ощущеніемъ* (коимъ мы *ощупываемъ* непосредственное, къ намъ близкое) выражается болѣе внутреннее состояніе всего нашего лица, такъ что изъ чувствованія, совершающагося ближайшимъ образомъ въ наружномъ органѣ, происходитъ болѣе (опредѣленное) *познаніе*, изъ ощущенія, совершающагося ближайшимъ образомъ въ средоточіи жизни, болѣе (свободныя) *стремленія*. Всѣ могутъ и видѣть и слышать и читать занимательное, но какъ не многіе трогаются имъ! Какъ не многіе ощущаютъ сообвѣтственныя потрясенія! *Чувствуемъ* мы предметъ, который можемъ высказать, изобразить, указать, а ощущаемъ самихъ себя и внутреннее свое положеніе, часто смутное, безотчетное, неизрѣченное. Впрочемъ языкъ нашъ не установилъ еще значенія сихъ словъ, да и установить не можетъ: ибо оба момента въ естественномъ ихъ основаніи опять тѣснѣйшимъ образомъ связаны и

средственное откровеніе существеннѣйшаго, несомнѣннаго бытія, — сѣмя и начало *духовной* нашей *жизни*. Чрезъ всѣ степени высшихъ отправленій души съ шумомъ протекаетъ сей свѣжій, неизсякаемый источникъ внутренней ея жизни, который, то мыслію управляемый и свободою обуздываемый, струится свѣтло, плавно, звучно, то предоставленный собственнымъ своимъ дикимъ порывамъ, кипитъ на пр. въ юности глухо, нестройно, грозно. Въ ясныхъ чувствованіяхъ дитяти предобразованы познанія, кои въ нихъ содержатся уже своею возможностію, какъ въ органическомъ зародышѣ содержится богатство ожидаемыхъ развитій. Точно такъ же и первыя, болѣе свободныя движе-

---

часто переливаются непримѣтно одинъ въ другой. Именно *чувствованіе*, собственно говоря, и есть приличнѣйшее выраженіе непосредственнаго, первоначальнаго, таинственнаго единства или тожества между *бытіемъ и познаніемъ*. Оно намѣкаетъ на обѣ стороны понятія,—на *внутреннюю*, *производную*, гдѣ мы подмѣчаемъ въ себѣ какія то движенія, *ощущаемъ* въ себѣ перемѣны, и вмѣстѣ на *внѣшнее* ихъ *отношеніе*: ибо душа и можетъ только принимать въ себя дѣйствительное нѣчто, и если она ощущаетъ даже *собственное свое состояніе*, то и сіе состояніе превращается для нея нѣкоторымъ образомъ во *внѣшній предметъ*, которымъ она озабочена. Словомъ, чувствованіе есть внѣшнее ощущеніе, а ощущеніе внутреннее чувствованіе.

нія мышцъ, первыя мины возвѣщаютъ всѣ будущія дѣянія мужа. Трудно запасть въ душу и такому понятію, такому стремленію, которое своимъ корнемъ не утверждалось бы въ какомъ либо непосредственномъ раздраженіи чувствительности: ибо къ сему вѣчно *обновляющемуся* средоточію жизни приливаютъ всѣ силы и Вселенной и самаго духа, возбуждая въ послѣднемъ опредѣленную сумму мыслей и стремленій, кои послѣ приводятся въ порядокъ отчетливою наукой. Наконецъ чувствованіемъ, отъ котораго вступленіе наше на позорище свѣта получило первый привѣтъ, мы и оканчиваемъ всѣ свои подвиги земные.

Отдѣленіе I.

Теоретическая сторона духа = производство познанія.

§ 126.

Мысленіе есть тотъ способъ духовной дѣятельности, посредствомъ котораго истинная, полная жизнь, хотя свободная, однакожъ извѣстными законами опредѣляемая, старается овладѣть самой собою и своимъ міромъ какъ со стороны сущности, такъ и со стороны многоразличныхъ ея откровеній. Оно внушается *вѣдѣніемъ*, оно выражаетъ или осуществляетъ временныя, отдѣльныя, разрывчатые моменты вѣдѣнія; оно и *тяготѣетъ* къ послѣднему, какъ къ успокоительной цѣли, въ

коей движенія его находятъ свое удовлетвореніе, свою точку насыщенія. Направительная здѣсь идея есть *истина*, способъ дѣйствія *возбужденіе*, выводъ *увѣренность*.

§ 127.

Шагъ къ вѣдѣнію составляетъ мысленіе въ производствѣ *познаванія*. Ибо не тогда ли мы и познаемъ, когда мысли наши имѣютъ послѣдствіе, т. е. когда не только — предварительнымъ представленіемъ — схватываютъ, задерживаютъ свои предметы, но когда и оканчиваютъ свое производство, превращая послѣдніе въ идеальную свою собственность? Но поелику *первая посылка* = мысленіе можетъ имѣть успѣхи разныхъ степеней; то и *средній терминъ*—познаваніе — а съ тѣмъ и непосредственное слѣдствіе,—заключеніе, т. е. вѣдѣніе будетъ приниматься въ смыслѣ, болѣе или менѣе собственномъ, смотря по силѣ, по достовѣрности, по объему удачныхъ движеній. Различимъ въ семъ отношеніи a) *чувственную* дѣятельность познаванія, погрязающую еще въ бытіи, b) *свободную* и c) *среднюю* т. е. ту которая, служа обѣимъ первымъ, изготовляетъ, сохраняетъ и освѣжаетъ разныя статьи *идеальнаго продовольствія*.

Грань 1-я.

Чувственная или связанная дѣятельность познаванія.

§ 128.

Дѣятельность, устремленная къ познанію,

погружаетъ внѣшнія свои вѣтви въ природу и потому является здѣсь такою, которая, хотя по сущности своей и свободна, однакоже въ своемъ ходѣ или развитіи зависитъ отъ силъ постороннихъ и которая движенія свои скрываетъ въ тѣлѣ, словомъ — оказывается въ видѣ чувственной. Разсматриваемая въ сихъ, самыхъ крайнихъ ея, проявленіяхъ, она очевидно возникаетъ изъ чувствованія, коль скоро тутъ жизнь, опредѣляемая извнѣ и пробуждаемая — раздраженіями—къ дѣятельности, схватываетъ то, что попадается ей на *встрѣчу* и обработываетъ, какъ данный *предметъ* своихъ занятій, т. е. сперва усматриваетъ или созерцаетъ, какъ нѣчто, по наружности самостоятельное, затѣмъ вноситъ его образъ въ душу и во внутреннемъ, общемъ чувствилищѣ представляетъ, а наконецъ— поелику съ однимъ предметомъ и въ созерцаніи и въ представленіи сливаются другіе—данную массу матеріяловъ приводитъ въ связь. Посему въ чувственной дѣятельности познанія различаются *три* — тѣсно связанныя между собою — степени ея движеній, — чувственное *созерцаніе*, чувственное *воображеніе* или представленіе и чувственное *сцѣпленіе представленій*.

Статья I.

Чувственное созерцаніе.

§ 129.

Въ непосредственномъ созерцаніи самодѣятель-

ная душа озабочена, втекающими въ нее, предметами, кои предлежитъ ей принять, переработать и отнести къ самой себѣ или усвоить. На сей конецъ, какъ она созидаетъ себѣ опредѣленныя чувства, кои встрѣчаютъ и передаютъ ей впечатлѣнія удѣльныя, такъ и каждое изъ чувствъ опять само въ свою очередь созидаетъ себѣ свой органъ для сношеній съ отдѣльными формами, въ какихъ развилось общее, однородное бытіе стихійное *въ великомъ и въ маломъ мірѣ*. Но сіи тѣлесныя созданія отнюдь не составляютъ, для внутренняго ихъ начала, случайныхъ, чуждыхъ, стороннихъ *наростовъ*; въ чувствахъ и въ органахъ идеальное именно и вступаетъ въ жизнь дѣйствительную, историческую, вещественную, внѣшнюю, для себя самаго и для другихъ ясную; оно тутъ и является тѣмъ, *что есть*.

§ 130.

Если всѣ сіи чувственные органы, то центральные или мозговые, то периферическіе, окружные, зиждутся душею для сообщеній ея съ многоразличными откровеніями бытія, то первыя и въ устройствѣ и въ дѣйствіяхъ и въ числѣ не могутъ не направляться по существу послѣднихъ. Но мы знаемъ, что Вселенная изъ общаго, первозданнаго эѳира развилась въ *трехъ* разныхъ эпохахъ или порядкахъ горняго, солнечнаго, и въ трехъ же порядкахъ или эпохахъ дольняго превращенія божественной жизни; посему *и малый міръ* изъ общаго ощущенія или всечувствія долженъ открыть *два по-*

рядка тройственныхъ чувствъ, — одинъ для своего тѣла растительнаго, другой для своего тѣла животнаго: ибо, если мы на землѣ знаемъ *материкъ* съ его *сцѣпленіемъ* и *магнитными* силами, *море* съ его *химизмомъ*, *атмосферу* съ *электрическими* ея гасами, а въ жизни вселенской знаемъ производство тяготѣнія съ его тѣлами, движеніе съ его теплотою и звуками, наконецъ производство возбужденія съ его свѣтомъ и цвѣтами; то не должно ли душѣ быть *шестикрылымъ серафимомъ*, какъ называютъ ее Каббалистики?

131

Такъ и есть. Чувствующая душа, дѣйствуя въ связи съ особенными системами и вѣдомствами растительнаго организма, именноже въ связи съ общимъ *ячеистымъ* его строеніемъ, *ощущаетъ* сцѣпленіе и матерую осадку зиждущей, образующей земли *ногою*, въ связи съ пищепріемными и пищеварительными внутренностями влажнаго химика— *рта вкушаетъ* растворенныя вещества, въ связи съ сосудистою системой *обоняетъ* дышущимъ *носомъ* электрически разлагаемый воздухъ, въ связи съ особенными системами, органами и вѣдомствами тѣла *животнаго*, именно же въ связи съ *костями*, взвѣшивая *рукою* и поддерживая, *осязаетъ* тяжесть тѣлъ въ пространствѣ, въ особенной связи съ мышцами *слышитъ* движеніе, его теплоту и звуки— во времени—*ухомъ*, въ особенной связи съ нервами возбуждающимъ чувствомъ

глаза видитъ освѣщенную и цвѣтную поверхность тѣлъ и покоющихся и движущихся. Такъ — то весь міръ становится доступнымъ душѣ, такъ-то и душа для всѣхъ своихъ силъ,—и познающихъ и дѣйствующихъ и наслаждающихся, получаетъ свободный, открытый входъ въ обширную галлерею *шестидневнаго сотворенія.*

§ 132.

Всякое отправленіе чувства поддерживается наконецъ, болѣе или менѣе, *непосредственнымъ,* вообще *относительнымъ соприкосновеніемъ* или *взаимными сношеніями* между предметомъ и между органомъ (который и самъ дѣятеленъ), въ чемъ и состоитъ ихъ сходство! Но сія взаимообразность частію со стороны *времени* требуетъ извѣстнаго *продолженія,* дабы перейти въ чувствованіе (кто и схватитъ безконечно скорое?), частію объемлетъ извѣстную *сферу и пространства* (въ опредѣленное время). Здѣсь, однакожъ, оказывается обратное отношеніе сихъ обоихъ факторовъ, —начиная отъ дѣйствія конечностей, которое медленно шествуетъ и останавливается на каждой данной точкѣ, до того быстраго, одною мыслію досягаемаго чувства зрѣнія, которому нуженъ только мигъ, чтобы въ изумленную душу впечатлѣть образъ безконечности; съ этимъ состоитъ въ связи и постепенное *сосредоточеніе* чувствъ. Какъ широко ощущеніе, да и осязаніе, распространенныя по всей даже поверхности кожи! Какъ сокращена уже

площадь органовъ вкуса и обонянія! Чтожъ касается до мѣсторожденія звуковъ и образовъ; то оно ограничено такимъ пространствомъ, котораго нельзя почти и въ счетъ ставить.

§ 133.

А.) Органъ *ноги* обезпечиваетъ, утверждаетъ *подвижную* нашу *самостоятельность* на родимой планетѣ, извѣщая потому о разномъ способѣ сцѣпленія тѣлъ, находящихся на поверхности послѣдней, къ которой все наше дольнее бытіе и *тяготѣетъ*, въ которой мы именно нижними конечностями тѣла и укоренены. Простыя, чисто механическія ощущенія большей или меньшей твердости планетнаго вещества, съ которыми нога имѣетъ дѣло, служатъ, за всѣмъ тѣмъ, основой отправленіямъ и другихъ чувствъ такъ точно, какъ материкъ служитъ основой всѣмъ явленіямъ на морѣ и въ атмосферѣ. Не изъ нижнихъ ли *напр.* конечностей высвобождаются со временемъ переднія и верхнія, которыя первыми такъ удачно замѣняемы бываютъ въ нуждѣ уже у безрукихъ или сухорукихъ, даже у слѣпыхъ, а еще болѣе у шарлатановъ, гаеровъ, кудесниковъ, у которыхъ всякая часть тѣла, подвѣдомая произволу, должна быть готова на служеніе глупому любопытству, либо корысти? Не ногами ли поддерживается нашъ станъ со всею очаровательностію эстетическихъ его движеній? Не онѣ ли поднимаютъ лице и голову для безпрепятственнаго обозрѣнія чудесъ природы! Не ихъ ли

болѣзни дѣлаютъ насъ опять косною глыбою той земли, отъ которой мы первоначально взяты? Наконецъ что такое значитъ и *поставлять человѣка на ноги*, какъ *не упрочивать его земное существованіе*?

§ 134.

В) *Вкусъ* основывается на чувствительности (гортани, неба, даже десенъ и губъ, а особливо языка) къ стихійнымъ качествамъ, кои заключаются въ пищѣ и либо растворяемы бываютъ во влажномъ органѣ вкуса посредствомъ слюны, либо же размягчаемы, разжижаемы прежде, чѣмъ поступаютъ къ мѣсту своего назначенія. Главныя различія въ химическихъ чувствованіяхъ суть *смаки—кислотные*, горькіе, острые, *терпкіе*, вяжущіе (подвѣдомые болѣе толстымъ и тупымъ сосочкамъ задней части языка) и *щелочные*—сладкіе, соленые, мягчительные (болѣе подмѣчаемые мелкими и нѣжными сосочками передней остроконечности языка).

§ 135.

Вкусъ служитъ для видовъ желудочной системы; она-то поручила подвижному, чувствительному, *сторожевому* мускулу языка повѣрять и оцѣнивать доброту поступающихъ запасовъ: ибо что ему нравится и льститъ, то, *вообще говоря*, должно быть и всему тѣлу полезно. Такъ сіе, впрочемъ, рабское чувство выполняетъ вмѣстѣ и предназначеніе высшее. Тонкость его служитъ и другимъ, болѣе общимъ, цѣлямъ. Ибо различая бы-

стрѣе и непосредственнѣе всякаго другаго чувства мельчайшія *пропорціи въ смѣшеніи составныхъ* частей, подсудимаго ему, вещества, онъ вообще способствуетъ глубокому *аналитическому* изученію природы. Вотъ единственный *комплиментъ*, какой можно сказать прихотникамъ и гастрономамъ! Вотъ почему вкусъ употребляется въ переносномъ смыслѣ для означенія мѣткости нашихъ сужденій *эстетическихъ*! Вотъ почему самая *мудрость* Римлянъ заимствовала свое названіе отъ сего именно чувства!

§ 136.

За всѣмъ тѣмъ, сколько бы движенія вкуса ни были живы, тонки, усладительны, сколько бы ни порабащали голоднаго,—они всегда остаются темными, смутными, неопредѣлительными, потому что содержатъ въ себѣ только *простой моментъ* пріятства или непріятства; они же и быстротечны потому, что предметъ въ самомъ уже чувствованіи разлагается и познаніе о немъ можетъ быть повторено только новымъ разрушеніемъ другаго, третьяго и т. д. Отъ того-то *смаки*, если и оставляютъ по себѣ какіе либо слѣды (безъ чего нельзя бъ было и помнить прежнихъ впечатлѣній во вкусѣ); то оставляютъ не ясные образы и представленія въ мозговыхъ органахъ, а только *внѣшія вожделѣнія въ гортани*. Отъ того-то въ нихъ вообще нѣтъ высшаго и свободнаго интереса: ибо зубъ — тираннъ любитъ губить свои жертвы, не

дозволяя имъ *самостоятельнаго* бытія. Замѣтимъ, что сіе чувство раскрывается у высшихъ животныхъ не прежде, какъ тогда, когда прорѣзались уже зубы и когда извѣданы разныя яства, что оно— далѣе— получаетъ многоразличнѣйшія перемѣны съ лѣтами и привычкою, наконецъ, что способъ, какъ оно удовлетворяется, всегда имѣетъ важное вліяніе на образъ жизни, на организацію тѣла и на самое развитіе душевныхъ силъ: ибо аппетитъ не рѣдко пробуждалъ такія потребности, которыя влекли къ изобрѣтеніямъ.

§ 137

С) Какъ вкусъ различаетъ силы извѣстнаго вещества въ жидкомъ его состояніи; такъ *обоняніе* (позже развивающееся, да и ранѣе свому служенію измѣняющее) различаетъ оныя силы въ состояніи *летучемъ*, и если тамъ мы нашли отношеніе къ химическому производству пищеваренія, то здѣсь находимъ отношеніе къ производству *дыханія*, которое, слѣдственно, говоря вообще, сближаетъ обоняніе съ *существомъ воздуха*, вмѣстилищемъ *электричества*. Впрочемъ связь между обоими сими растительными чувствами узнается какъ изъ смѣжности, даже непрерывности ихъ органовъ, такъ и съ другой стороны изъ нѣсколькихъ наблюденій. Не страдаетъ ли тамъ и вкусъ, гдѣ потеряно или притупилось обоняніе? Не заключаемъ ли мы изъ запаха тѣлъ объ ихъ смакѣ? Не питаютъ ли пары до извѣстной степени? Не дѣйствуетъ ли

одинъ уже запахъ *на желудокъ*, причиняя тошноту — такъ, что и обоняніе, вмѣстѣ со вкусомъ, можно назвать *передовою стражею* пищепріемнаго снаряда? Но ближайшимъ образомъ, оно относится, какъ сказано, къ органамъ дыханія, коимъ возвѣщаетъ (иногда слишкомъ поздно) опасности тайныхъ заразъ въ воздухѣ. И какъ дыханіе выше пищеваренія; такъ и обонятельная полость расположена выше на планѣ лица, придвинута весьма близко къ мозгу и нервъ ея тѣснѣе, непосредственнѣе связанъ съ великимъ чувствилищемъ. Скоро и въ дальнемъ разстояніи схватываетъ, *ловитъ* носъ испаренія, коими вездѣ въ одушевленной природѣ *возвѣщается высочайшій процессъ и жизни и разрушенія.* Съ другой стороны и чувствованія его дѣйствуютъ рѣшительно на весь организмъ, особливо на нервную систему и мозгъ, кои они либо тихо возбуждаютъ и оживляютъ, либо оглушаютъ, коимъ даже причиняютъ не только удушье, но и смертельный сонъ. Вотъ почему усовершеніе сего чувства не стоитъ труда!

§ 138.

Но въ обоняніи мерцаетъ и заря высшей *душевной дѣятельности*, какъ потому, что съ повторенными ощущеніями запаха кажется и другія (собственно) *воспоминанія* легче связываются, такъ и потому, что благовонія освѣжаютъ, даже *чаруютъ* душу. Но раздраженія органа здѣсь вообще столь мгновенны, поражаютъ животную сторо-

ну столь сильно и дозволяютъ столь мало свободнаго вниманія и *различенія*, что хотя и возбуждаютъ душу къ дѣятельности, однакожъ не оставляютъ въ ней свѣтлыхъ образовъ, отчетливыхъ представленій и потому—то такъ затрудняютъ, такъ запутываютъ самую *терминологію запасовъ*, коихъ названіе обыкновенно заимствуется частію отъ сходныхъ чувствованій вкуса, частію отъ самыхъ тѣлъ пахучихъ (хотя *гальваническая* противоположность *кислаго* и *аммоніакальнаго* или летуче-щелочнаго моглабы послужить ключемъ къ истолкованію иныхъ *сокровенныхъ качествъ*). Обоняніе характеромъ своей бѣглости опять уступаетъ, спокойнѣе *дѣйствующему*, пытливому, въ свойства вещей проникающему вкусу. Вотъ почему съ именемъ сего послѣдняго сочетавается *высшее*, метафорическое значеніе, тогда какъ рѣченія: *пронюхивать, имѣть тонкій носъ, тонкое чутье* и т. п. кажутся менѣе благородными и мы приписываемъ человѣку, который получилъ счастливое расположеніе къ пріятному, изящному и чинному, не столько *обонянія*, сколько *вкуса*. Отдадимъ, однакожъ, справедливость и обонянію, отдадимъ справедливость его быстротѣ, безкорыстію, тонкости, предчувствію и (метафорически тѣмъ означаемому) *дару гаданій*.

§ 139.

Нога, ротъ и носъ,—ощущеніе, вкусъ и обоняніе имѣютъ въ своемъ завѣдываніи сцѣпленіе ато-

мовъ, вареніе соковъ и дыханіе,—дѣйствія, весьма достаточныя для земной или растительной жизни, занятой только поддержаніемъ и сохраненіемъ отдѣльнаго организма. Но животною стороною мы вовлечены въ сношеніе съ цѣлымъ великимъ Мірозданіемъ, которое не должно быть намъ чуждо. Вотъ, что возбуждаетъ потребность новыхъ *путей сообщенія* душевной дѣятельности, высшихъ, благородныхъ, кои сперва доставляютъ намъ, болѣе сложные, но вмѣстѣ съ тѣмъ и свѣтлые и прочные и живые и прекрасные образы, звуки, воспоминанія, тогда какъ ощущенія ноги, хотя и вѣрны но, вообще говоря, лишены животворнаго начала, а низшія чувства мозговыя — вкусъ и обоняніе, хотя и живительны, однакожъ слишкомъ просты, темны и бѣглы. Не таковы *созерцанія* трехъ высшихъ чувствъ; ихъ идеальная дѣятельность—и опредѣленная и продолжительная, способна сколько трогать, столько же и назидать, не погрязая совершенно въ плотоугодіи; посредствомъ ихъ мы познаемъ и существенность и силу и прелести природы, да и сами бываемъ возбуждаемы къ стройной и свободной зиждительности.

§ 140.

D) Въ порядкѣ сихъ благородныхъ чувствъ, первое встрѣчается намъ *осязаніе*, которое схватываетъ или *ощупью познаетъ* свойства тѣлъ, отдѣлившихся отъ общей массы планетной; почему сіе ясное, отчетливое чувство вселенское принадлежитъ не-

посредственно внѣшней системѣ подвижныхъ костей, именно же въ переднихъ конечностяхъ, кои долго еще остаются у животныхъ, даже слышленыхъ (у векши и бобра, у тушканчиковъ и обезьянъ, у самаго слона) органами движенія. Только у человѣка достигаетъ кожа высочайшей тонкости, только у него коленчатая, гибкая, высвободившаяся рука дѣлается совершеннѣйшимъ органомъ осязанія т. е. сосредоточеннымъ, усиленнымъ, опредѣлительнымъ, умышленнымъ, произвольнымъ ощущеніемъ связанной ноги.

§ 141.

Сфера сего чувства ограничивается матеріяльнымъ, въ величайшей близи и притомъ механически дѣйствующимъ, бытіемъ, или есть область тѣлеснаго міра, сильнѣе сопротивляющагося, непроницаемаго: ибо и *поддающіяся*, и подвижныя жидкости познаются осязаніемъ, потому что и онѣ (относительно) такъ же *тверды* или вообще оказываютъ сопротивленіе. Сообразно съ симъ упорнымъ предметомъ долженствовали и самые органы имѣть *напряженіе и твердость*, имѣть костяной, гибкій составъ и упругіе, дюжіе мускулы. Не удостовѣряемся ли мы и дѣйствительно въ вѣсѣ тѣлъ посредствомъ замѣтнаго напряженія носящихъ или подъемныхъ мышцъ? Не удостовѣряемся ли въ величинѣ и фигурѣ посредствомъ охватывающаго или описательнаго движенія? Дальнѣйшія качества, кои мы познаемъ ощупью, суть

строеніе и разность въ сцѣпленіи, встрѣчаемыя на поверхности тѣлъ, ихъ жесткость, либо мягкость, ихъ шероховатость или гладкость и т. д.

§ 142.

Чувствованія, осязаніемъ доставляемыя, безспорно суть самыя необходимыя и общія въ экономіи животной; они раскрываются съ первымъ вступленіемъ на позорище міра и прекращаются только со смертію; благонадежность ихъ такова, что они съ сей стороны служатъ повѣркою мамому глазу и живѣйшимъ образомъ убѣждаютъ въ дѣйствительномъ существованіи внѣшняго міра, хотя и нельзя сказать, чтобы истину бытія позналъ тотъ, кто *обнялъ ее* (руками), а не тотъ, кто ее *понялъ*. Но самое главное достоинство сего чувства, сверхъ опредѣленности и вѣрности его познаній то, что оно вызываетъ насъ, такъ сказать, *на рукопашный бой* со внѣшнимъ міромъ, вызываетъ то *досужество*, которое такъ удачно соревнуетъ природѣ и украшаетъ ея созданія, — сторона, выгодно отличающая осязаніе отъ прочихъ однородныхъ чувствъ, кои остаются только праздными зрителями дѣлъ Божіихъ.

§ 143.

Е) *Внутреннее*, къ святилищу души столь близкое, *ухо* ловитъ, собственно говоря, внутреннія движенія вещества тамъ, гдѣ они выступаютъ наружу и дѣлаются внятными въ раздражительной стихіѣ,— въ воздухѣ, какъ его сотрясенія, посред-

ственнымъ же образомъ ухо схватываетъ все, что проявляетъ силу, все динамическое, значительное, живое, дѣятельное, духовное въ природѣ,—частію простые и общіе *звуки*, частію современные и однородные—*тоны*, частію продолжительныя сотрясенія тѣлъ, болѣе плотныхъ и упругихъ — *звоны*, частію свободно вылетающіе изъ груди и періодически смѣняющіеся *вопли, голоса, клики*.

§ 144.

Слухъ самъ по себѣ не опредѣляетъ мѣста, гдѣ находится сотрясающееся тѣло; до сего познанія человѣкъ доходитъ мало по малу не безъ помощи зрѣнія, изучаясь искуству судить о близости или отдаленности предмета по извѣстнымъ свойствамъ его звука, такъ что первоначальныя внушенія слуха не указываютъ на вещи, намъ чуждыя и постороннія; но онъ возбуждается къ дѣятельности легче всѣхъ другихъ предыдущихъ чувствъ и созданія его могутъ въ самомъ быстромъ послѣдованіи быть распознаваемы съ точностію. Считается семь главныхъ тоновъ съ особенными измѣненіями дебелыхъ и мягкихъ, высокихъ и низкихъ; послѣдняя разность опредѣляется болѣе скорыми, либо болѣе медленными сострясеніями воздуха, и отношеніе сихъ сотрясеній, схватываемое чуткимъ ухомъ быстро и съ величайшею ясностію въ ихъ единствѣ или созвучіи, есть внѣшнее основаніе пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній, сопровождающихъ звуки, коихъ многораз-

личіе относительно и къ силѣ и къ способу и къ высотѣ неизчерпаемо, безпредѣльно. Напрасно силятся и богатѣйшіе языки выразить со всѣми постепенностями и оттѣнками то, что производитъ *шумъ, звонъ, говоръ, ревъ, пискъ, шорохъ журчанье, свистъ, громъ, клокотанье, пискъ, хлопанье, трескъ, вой, хрипѣнье и пр.*

§ 145.

Рѣшительно значеніе слуха для жизни, именно внутренней. Какъ съ одной стороны онъ дѣлаетъ насъ внимательными ко всѣмъ проявленіямъ силъ въ природѣ и *къ вѣщему гласу животныхъ* и къ *тихому шороху безплотныхъ* и тѣмъ всегда снова возбуждаетъ пытливость, предостерегая и отъ опасностей скрытыхъ, отдаленныхъ, невидимыхъ, такъ съ другой стороны чувствительность его къ чистотѣ и доброгласію тоновъ имѣетъ тѣснѣйшее отношеніе къ таинствамъ симпатической жизни. Ибо у животныхъ уже сильно дѣйствуетъ каждый звукъ и тонъ на совокупную систему нервную, а съ тѣмъ и на чувствованіе вообще. Не уязвляетъ ли сердца или по крайней мѣрѣ не потрясаетъ ли его слишкомъ глубоко звукъ разрѣзываемаго стекла, сланцовый доски или звукъ гудка — тиранна? Не причиняетъ ли судорогъ гармоника? Не смущаетъ ли насъ глухой шумъ стихій,

Вой псовъ,
Стенанье филиновъ и совъ?

Не возбуждаетъ ли болѣе *опредѣленныхъ* ощу-

щеній — унынія, либо радости собственная музыка своею на пр. мелодіей? Что *воспѣваютъ* Поэты *о силѣ пѣснопѣнія»* подвигающаго горы и лѣса, укрощающаго лютость звѣрей и смягчающаго душу преисподнихъ боговъ“ —всѣ сіи вымыслы имѣютъ простую физіологическую истину, которую мы усматриваемъ уже изъ скораго, едва замѣтнаго вліянія тоновъ на движеніе членовъ въ пляскѣ, въ мимикѣ, въ *маршахъ* и т. п.

§ 146.

Но изъ всѣхъ сихъ отношеній самоважнѣйшее есть отношеніе къ языку, который возникаетъ только изъ, понимаемой слухомъ, жизни внѣшняго творенія, какъ отвѣтственный, подражательный откликъ на ея вызовъ. Не должны ли *глухіе*, лишенные способности внимать голосу, посредствомъ котораго мы изливаемъ свою душу, всегда почти и *нѣмотствовать*, а съ тѣмъ оставаться на низшей степени людскости и сознанія? Вотъ отношеніе, по силѣ котораго слухъ оспариваетъ первенство у зрѣнія! Не мудрено: онъ принадлежитъ болѣе *смыслу* (подобно какъ зрѣніе болѣе принадлежитъ фантазіи) потому, что мы ухомъ всего легче внемлемъ чужія чувствованія и мысли и мало по малу научаемся *понимать*, *вслушиваясь*. Согласимся, однакожъ, что слухъ имѣетъ сіе преимущество не самъ по себѣ, а только по связи вообще съ чувствованіемъ, особливоже съ дѣятельностію *органовъ языка*. Ибо невольно мы пов-

торяемъ про себя то, что ухомъ принято къ свѣдѣнію; но какъ опять и воздержаться отъ *мыслей вслухъ*?

§ 147.

Наконецъ примѣчательно и отношеніе слуха къ зрѣнію и къ воспитанницѣ послѣдняго — къ фантазіи. Сіе отношеніе равномѣрно понимается вообще изъ связи нервовъ въ чувствилищѣ. Ибо рѣчь и пѣніе въ самомъ дѣлѣ запечатлѣваются прочно въ памяти тамъ только, гдѣ свободно зиждительное начало одѣло отвлеченные призраки въ извѣстные образы, въ извѣстныя очертанія, кои могутъ въ семъ видѣ подлежать внутреннему *отрожденію*: ибо значительность эстетическую, духовную сообщаетъ имъ не одно *послѣдованіе* словъ или тоновъ ,а цѣлость ихъ или *единство*—то возвышающихся, то понижающихся, медленнѣе, либо скорѣе слѣдующихъ другъ за другомъ тоновъ, и такъ, либо иначе раздѣленной рѣчи; *моменты* же сіи (возвышенія, паденія и. т. п.) снабжаютъ насъ и дѣйствительно *картинами движеній* даже тамъ, гдѣ слышанное не сдѣлалось вмѣстѣ уже видимымъ въ нотахъ, буквахъ, вообще въ символахъ. Не говоримъ ли мы *о мысли* мелодіи, объ ея ходѣ и движеніи? Не говоримъ ли и наоборотъ — *о фигурѣ*, которая *говоритъ* взглядами и минами? Изъ сего явствуетъ, что оба послѣднія высшія чувства получаютъ духовную силу только отъ совокупнаго ихъ дѣйствія, и что именно слухъ

тогда только и можетъ схватывать жизнь, гармонію и душу вещей, когда мы — либо медленнѣе, посредствомъ ощущенія и осязанія, либо скорѣе и короче посредствомъ зрѣнія успѣли предварительно уже запастись нужными представленіями и когда въ особенности, *глазомъ* возбуждаемое, воображеніе, которое *лелѣетъ душу*, дѣятельно участвовало уже въ накопленіи сокровищъ умственныхъ.

§ 148.

F) Когда нервъ *глаза*, (который у человѣка получаетъ и форму, болѣе сферическую и положеніе — спереди и сверху и цвѣта́ благороднѣйшіе и особенную выразительность взгляда), раздражаемъ бываетъ свѣтомъ; тогда *онъ возбуждаетъ себя къ зрѣнію*, которымъ непосредственно и схватываетъ какъ оттѣнки, такъ и разныя степени силы, съ какою дѣйствуетъ *духовное начало вещественной природы* отъ ослѣпительныхъ лучей солнца до едва замѣтнаго видѣнія впотьмахъ. Только посредственнымъ, производнымъ образомъ мы видимъ самыя *вещи* — тамъ, гдѣ онѣ различаются особенными цвѣтами или степенемъ освѣщенія и обозначаютъ тѣмъ свои *очертанія* — видимъ *форму поверхности* предмета въ его границахъ, съ одной стороны твердо опираясь на свидѣтельствѣ осязанія, съ другой соображая одинаковую, либо неравную степень освѣщенія частей предмета, — усматривая емъ *величину* послѣдняго изъ величины угла зрѣнія

въ связи съ сужденіемъ объ *отдаленности*, которую угадываемъ по множеству промежуточныхъ вещей, по степени ясности, по величинѣ угла зрѣнія, по чувству опредѣленнаго направленія глазныхъ осей. Наконецъ, что касается до нашихъ сужденій *о движеніи*; то здѣсь мы руководствуемся и перемѣною отношенія предмета къ другимъ въ пространствѣ и перемѣною направленія лучей свѣта отъ него къ глазу. Вотъ источникъ и частыхъ обольщеній оптическихъ! Человѣкъ и видѣть учится.

§ 149.

Чувство сіе, по близости его къ центральному органу души, по искуственному устройству, по отношенію къ свѣту, къ которому обращаются милліоны глазъ съ радостнымъ упованіемъ жизни и отрады, вообще по значенію его въ экономіи духовной, справедливо называется совершеннѣйшимъ, господствующимъ, всеобъятнымъ. Какое обширное вѣдомство его! Какая неутомимая дѣятельность! Какія опредѣлительныя впечатлѣнія, какіе ясные и полные образы доставляетъ оно душѣ и притомъ въ кратчайшее, едва замѣтное время! Пускай оно предостерегаетъ насъ такъ же отъ опасностей, издали угрожающихъ, пускай дѣлаетъ насъ способными научаться по письму,—сіе не столько важно, сколько то, что оно какъ бы мановеніемъ волшебнаго жезла розоблачаетъ предъ нами восхитительную картину Мірозданія, что чита-

етъ мысли Божіи, въ многоразличныхъ явленіяхъ и ликахъ воплотившіяся, что досягаетъ до немерцающаго свѣта, до тихаго движенія тѣхъ отдаленныхъ звѣздъ, коихъ жизнь не можетъ уже для насъ *оглашаться.* Далѣе — зрѣніе отъ простой потребности животнаго, относитъ все къ чувственному интересу — пріятнаго и непріятнаго и заботиться только о благосостояніи своей экономіи, свободнѣе всѣхъ другихъ чувствъ, свободнѣе даже самаго слуха. Правда, оно нуждается въ помощи сотрудниковъ, особливо ощущенія и осязанія, однакожъ, *имъ* преимущественно *освѣщаемое* и управляемое *искуство,* механическое и изящное (въ изобразительномъ его родѣ и въ мимикѣ) даетъ другимъ чувствамъ гораздо болѣе, нежели отъ нихъ принимаетъ, и всѣ прочія (исключая развѣ слухъ, по причинѣ непосредственнаго его отношенія къ языку) въ сравненіи съ нимъ бѣдны, ограничены, косны. А глубокая его *симпатія* съ цѣлымъ организмомъ? Ибо изъ цвѣта, изъ напряженія глаза, изъ тусклаго, вялаго, либо изъ яснаго, *маслянаго* взгляда не часто ли мы заключаемъ о состояніи человѣческаго здоровья также вѣрно, какъ по цвѣту неба и движенію облаковъ угадываемъ погоду? Наконецъ въ глазѣ не только чувство, но и откровеніе: ибо въ его зеркалѣ прямо *отсвѣчивается небесная* душа, или, лучше сказать, *она* смотритъ на тебя — *лучезарнымъ* окомъ — такъ, какъ не можетъ глядѣть никакое другое — нѣмое — *чувство*: ибо нель-

зя сказать, чтобы всѣ прочія (исключая руку, какъ органъ движенія) были въ собственномъ смыслѣ дѣятельны наружу. Сей-то живительный, свѣтящій, краснорѣчивый взглядъ мы прежде всего и стараемся ловить, даже въ младенчествѣ своемъ. Глазъ есть вѣрнѣйшій термометръ духовнаго нашего существа; тѣмже самыми путями, которыми втѣсняются къ намъ во *Святая святыхъ* образы видимаго творенія Божія, изливаемъ мы и нѣжнѣйшія, таинственнѣйшія свои ощущенія, кои посмѣваются всѣмъ усиліямъ слова и кои неодолимо проникаютъ изъ одной души въ другую. Любовь, благочестіе, гнѣвъ, спокойствіе — всѣ сіи и подобныя движенія внутреннія находятъ въ *живой азбукѣ всякихъ іероглифовъ* свое изображеніе, свой знакъ. Взоры обвораживаютъ и разочаровываютъ, радуютъ и устрашаютъ, трогаютъ и обезоруживаютъ, живятъ и мертвятъ. Кто вглядывается въ тѣ *пронзительные очи, кои свѣтлѣе дня, темнѣе ночи,* тотъ читаетъ въ глубинѣ души, и если существуетъ языкъ чистыхъ духовъ; то онъ долженъ походить на свѣтозарный, искрометный языкъ глазъ.

§ 150.

Такова-то жизнь нашихъ чувствъ! Въ ихъ устройствѣ, въ числѣ, въ способѣ дѣятельности ничего нельзя перемѣнить, доколѣ мы остаемся гражданами сего міра, а не инаго. Они взаимно пополняютъ себя, и удѣльное преимущество каждаго

теряется въ гармоніи цѣлаго, да и недостатки одного вознаграждаются до извѣстной степени усиленною дѣятельностію другаго. Удачно ногою (и зубомъ) замѣняется иногда рука, а еще удачнѣе замѣняется зрѣніе осязаніемъ — у близорукихъ и слѣпцовъ, кои *видятъ ощупью*, — видятъ не двумя, но десятью глазами, т. е. пальцами. Ибо ничто не смѣшаетъ чувствамъ, наровнѣ съ прочими дарованіями человѣка, *совершенствоваться* до удивительной дальновидности стрѣлка, до мелочной разборчивости музыкальнаго слуха, до уточненнаго, даже, обонянія тѣхъ дикарей американскихъ, которые *чуютъ* огонь гораздо въ дальнемъ разстояніи, нежели въ какомъ Европейцы могутъ его видѣть.

§ 151.

Чудеса сіи весьма понятны изъ здраваго, трезвеннаго состоянія органовъ, не оглушаемыхъ силою и натискомъ впечатлѣній многосложныхъ, сліянныхъ, слишкомъ быстрыхъ,—понятны изъ участія свободной внимательности къ явленіямъ, особливо интереснымъ, новымъ, рѣдкимъ, постепенно развертывающимся,—понятны изъ упражненія и навыка, изъ нужды, изъ благодатнаго вліянія суровой, неизнѣженной жизни патріархальной. Пускай въ игру чувствъ вмѣшиваются по временамъ то мечты воображенія, то страсти, то наконецъ толки опрометчиваго разсудка; — кто беретъ на себя трудъ и повторять свои наблюденія и соглашать съ свидѣтельствомъ другихъ людей и повѣрять

общими и частными законами природы; тотъ надежно здѣсь оградитъ себя отъ *искаженій и подлоговъ*, всегда причиняемыхъ силами посторонними: ибо мы обыкновенно созерцаемъ вещи такъ, какъ онѣ всякій разъ во внѣшнихъ своихъ отношеніяхъ намъ представляются; нельзя же предмету быть на взглядъ издали такимъ точно, каковъ онъ вблизи. Правда, мы должны понимать существенное значеніе вещей иначе, а не такъ, какъ видимъ послѣднія; но неужели это укоризна чувствамъ? Ибо отдѣльныя силы духа взаимно себя дополняютъ, но отнюдь не дѣлаютъ одна другой подрыва.

§ 152.

Отдадимъ же справедливость служенію чувствъ, *ходатаевъ* между душею и внѣшнею Вселенной. Не ими ли мы держимся въ своемъ мірѣ, не ими ли объемлемъ его со всѣхъ сторонъ? Не ими ли получаемъ вмѣстѣ и пищу и возбужденіе для высшей дѣятельности? Ибо, чѣмъ болѣе здравыхъ чувствъ, тѣмъ обширнѣе умъ, тѣмъ свѣтлѣе и сознаніе. Отъ того утрата какого либо изъ первыхъ всегда оставляетъ ощутительную пустоту въ области духовной жизни.

§ 153.

Чувства развиваются по мѣрѣ того, какъ совершенствуется организація. Чѣмъ болѣе животныя принимаютъ въ себя природу другихъ вещей; тѣмъ шире развертывается и картина Мірозданія для ихъ чувствъ, которыхъ, впрочемъ, ни одно животное не имѣетъ въ такомъ совершенствѣ,

какъ человѣкъ и которыхъ ни одно не можетъ употреблять такъ, какъ мы употреблять умѣемъ. Пускай, по стариннымъ наблюденіямъ, собака превосходитъ насъ обоняніемъ, рысь зрѣніемъ, птица слухомъ, обезьяна вкусомъ, паукъ осязаніемъ, — именно превозмогающее развитіе глаза, носа и проч. нарушаетъ у сихъ тварей *равновѣсіе* наружныхъ отправленій мозга. Но то, что всего выгоднѣе отличаетъ наши, прямо человѣческія чувства, отъ чувствъ животнаго,—это тѣснѣйшая связь первыхъ съ сознаніемъ и смысломъ, тогда, какъ послѣднія исключительно обрѣчены на рабское служеніе физическому самосохраненію. Вотъ почему человѣкъ и употребленію своихъ чувствъ долженъ—учиться!

§ 154.

Слѣдствія *поисковъ* нашихъ въ природѣ а) принадлежатъ къ несомнѣнно — истиннымъ познаніямъ, въ которыхъ и дѣйствующіе предметы и самый идеальный актъ, принимающій оные въ душу, составляютъ одно и тоже неразрывное цѣлое. Правда, гдѣ впечатлѣнія уже улеглись; тамъ дается разсудку полный просторъ для дальнѣйшихъ соображеній; но въ критическую, такъ сказать, *горячую* минуту назидательнаго созерцанія никто не отдѣляетъ видимыхъ обликовъ и внемлемыхъ звуковъ отъ самыхъ производствъ видѣнія и слышанія. Сія *непосредственность* бытія и дѣятельности весьма важна тѣмъ, что сближаетъ чувственныя познанія съ разумными. Не то ли мы только и знаемъ заподлинно, что нашло прямой доступъ къ душѣ?

Ибо всякое, по себѣ истинное, вѣдѣніе состоитъ въ однозначительности предмета съ его представленіемъ, а сей-то случай и возможенъ въ непосредственномъ способѣ познанія. Посему чувственныя созерцанія, да идеи разума — вотъ, что доставляетъ прочную увѣренность! Всякій же иной родъ познаній удовлетворяетъ пытливость развѣ въ той мѣрѣ, въ какой подходитъ къ онымъ первымъ все ближе. Если чувства вѣрно передаютъ намъ временныя явленія; то и разумъ есть не менѣе надежный руководитель въ отысканіи сущности вещей, и поелику та и другая сила, для полнаго познанія послѣднихъ, необходима; то онѣ имѣютъ и равно высокую цѣну. Дѣйствіе первой столь же мало противорѣчитъ дѣйствію второй, сколь мало и отдѣльное явленіе противорѣчитъ цѣлой системѣ, или сущности вещей: оба познанія взаимно себя дополняютъ и ниодно не увольняетъ васъ отъ другаго.

§ 155.

Второе свойство чувственныхъ созерцаній, вытекающее изъ предыдущаго, есть b) ихъ *необходимость*. Мы не властны познавать вещи чувствами иначе, а не такъ, какъ оныя дѣйствительно видимъ; тутъ мы связаны и находимся въ состояніи принужденія; сила, которая созерцаетъ, есть духъ, невольно въ насъ дѣйствующій. Такого же точно рода и высшее вѣдѣніе наше. Тутъ мы познаемъ необходимымъ образомъ, тутъ исключенъ всякій

произволъ въ движеніяхъ *гибкой*, причудливой мысли, тутъ нельзя уже утверждать, или отрицать что либо по благоусмотрѣнію.

§ 156.

Наконецъ созерцанія, сами по себѣ взимаемыя, довольно с) *опредѣлительны* и ясны, когда мы обращаемъ на нихъ полное вниманіе; но кто смѣетъ возложить на ихъ отвѣтственность и все уже то, что для совершеннаго обозрѣнія, подвѣдомственныхъ имъ, вещей необходимо? Ибо они вносятъ въ нашу душу являющіяся свойства предметовъ, даютъ познавать послѣдніе только въ отдѣльномъ ихъ бытіи. Но вѣдѣніе удовлетворительное, отчетливое, простирается еще и на сущность или внутреннее единство, на связь предмета съ другими, на взаимную связь всѣхъ, доступныхъ намъ, предметовъ; слѣдственно, кто смотритъ на сію сторону, въ которой созерцанію отказала сама природа; тотъ одинъ пускай и называетъ ихъ *сбивчивыми, темными, ограниченными*: ибо въ ихъ познаніи дѣйствительно нѣтъ ни единства, ни прочности; здѣсь видите вездѣ приливъ и отливъ случайныхъ впечатлѣній, —все возникаетъ и изчезаетъ; здѣсь вы не доходите еще и до представленія въ собственномъ смыслѣ.

Статья II.

Чувственное воображеніе и представленіе.

§ 157.

Не все то мы и представляемъ себѣ, съ чѣмъ

случай сводитъ наши чувства. Предметъ бываетъ *представленіемъ* тогда только, когда изъ внѣшняго міра переходитъ во внутренній. Способъ духовнаго *отрожденія* и здѣсь, какъ и вездѣ, тайна. Но поелику впечатлѣнія, для насъ не потерянныя, должны извѣстное время длиться; то и всякій разъ, когда свободная дѣятельность, прельщаемая особливо явленіями живыми, необыкновенными, пріятными, имѣетъ и побужденіе и досугъ, снова устремлять къ нимъ вниманіе чувствъ и въ семъ занятіи не только отдѣлять для сознанія извѣстные ихъ признаки, но и развертывать предъ внутреннимъ созерцаніемъ всѣ ихъ стороны, — идеальный ихъ отпечатокъ заступаетъ мѣсто ихъ бытія вещественнаго, настоящаго, чувственнаго; тутъ предметъ *воображенъ* въ душу, тутъ онъ содѣлался умственнымъ ея достояніемъ, тутъ онъ можетъ, какъ равный, быть доступнымъ равному. Высшая жизнь, которой дана власть, созидать такіе *образы* вещей, называется *чувственнымъ воображеніемъ*.

§ 158.

Посему

а) Образы не даются намъ отвнѣ, не навязываемы намъ бываютъ силою стороннею, а получаютъ свое бытіе отъ нашего зиждительнаго могущества, которое даетъ имъ значеніе *предметовъ внутреннихъ*, *набрасывая стереотипные ихъ очерки* на широкую *каньву пространства и вре-*

мени, первоначально *сросшуюся*, такъ сказать, съ жизнію души нашей. Но поелику изъ ничего ничто не бываетъ; то всякій образъ заимствуетъ свои стихіи или матеріялы изъ запаса дѣйствительныхъ чувствованій; и кто не видалъ бы ничего, кромѣ песка и воды, тотъ не могъ бы во всю жизнь свою составить себѣ понятія о зеленомъ деревѣ;

b) *Какъ исчадія чувственной мысли* т. е. такой, которая свое содержаніе превращаетъ въ самостоятельный предметъ, образы не принадлежатъ къ духовнымъ только созданіямъ, а вмѣстѣ и къ тѣлеснымъ. Ибо, происходя въ слѣдствіе и по поводу раздраженій въ чувственныхъ органахъ, не являются ли они внутреннему созерцанію съ опредѣленными *очертаніями*? Не *вытѣсняютъ* ли друга друга въ сознаніи силою *непроницаемости*? Не обольщаютъ ли насъ ликами или *призраками знакомаго намъ міра чувственнаго*? Не *трогаютъ* ли нашихъ нервовъ такъ точно, какъ и предметы вещественные, производя въ тѣлѣ, подобно послѣднимъ, и дрожь и отдѣленіе органическихъ влагъ и обмороки и увѣчья, накликая повѣтрія и прививая заразы? Наконецъ не возбуждаются ли они исключительно средствами *физическими*, каковы впиранья и мази, электризація и крѣпкіе напитки, усыпительныя зелья (настойки изъ мака и конопли) даже яды (мухоморъ, опіумъ и т. п).? Посему призраки, разсматриваемые болѣе со стороны духовной, означаютъ представленія, *картины предмета*,

внутреннія его созерцанія, а разсматриваемые болѣе со стороны тѣлесной, они суть перемѣны въ жизни мозга, оттиски, начертанія, слѣды впечатлѣнія въ напряженномъ и сотрясаемомъ эѳирѣ нервовъ, подобные тѣмъ живописнымъ *Хладніевымъ* фигурамъ, кои образуетъ смычокъ, ударяя по стеклу, мелкимъ пескомъ усыпанному;

c) По силѣ сего чувственнаго происхожденія образы должны имѣть и соотвѣтственные органы внутренніе, и сіи органы суть очевидно тѣ части мозга, изъ коихъ непосредственно выходятъ нервы наружныхъ чувствъ: ибо не теряются ли, по свидѣтельству опыта, иные ряды чувственныхъ представленій отъ частныхъ или мѣстныхъ поврежденій мозга?

§ 159.

Признаемъ, однакожъ, и *разницу* между чувствами и воображеніемъ:

a) Правда, скоротечность вещей не позволяетъ нашимъ чувствамъ *сего дня* быть свидѣтелями *вчерашнихъ* сценъ; — за то предъ внутреннимъ окомъ человѣка могутъ опять мелькать *его видѣнія*, могутъ *чутиться* прежніе, давно умолкнувшіе, знакомые ему звуки; онъ можетъ чрезъ нѣсколько часовъ и лѣтъ тѣмъ даже живѣе созерцать улетѣвшія явленія, которыя въ его внутреннемъ, *перечневомъ* чувствѣ не только продолжаютъ жить, но и созрѣваютъ, обновляя ветхій запасъ впечатлѣній, освѣжая блѣдныя, поблеклыя кар-

тины дѣтства, воскрешая жизнь полуистлѣвшую;

b) Воображеніе можетъ въ данное время представить себѣ гораздо болѣе вещей, нежели сколько чувства въ теченіе того же времени подмѣчать успѣваютъ;

c) Наконецъ дѣйствія чувствъ состоятъ даже въ обратномъ содержаніи къ дѣйствіямъ воображенія, которое, по сей причинѣ, обыкновенно и любитъ рѣзвиться болѣе впотьмахъ, въ уединеніи, во время усталости, — вообще тамъ, гдѣ наименѣе бываетъ развлекаемо впечатлѣніями настоящаго, особливо же сильными, разительными.

§ 160.

Многочисленныя представленія чувственныя различаются между собою во внутреннемъ ихъ составѣ неодинаковою степенью ясности, опредѣлительности и живости. Нельзя имъ не быть опредѣлительными и ясными тамъ, гдѣ мыслящій духъ принимаетъ дѣятельное участіе въ ихъ образованіи. Чтожъ касается до живости, то она бываетъ слѣдствіемъ чувствованія и тонкаго и сильнаго. Сія разность представленій зависитъ отъ извѣстныхъ условій — то *общихъ*, заключающихся въ существѣ и устройствѣ самыхъ вещей, то отъ *частныхъ*, содержащихся въ разположеніи лица, то отъ условій *смѣшанныхъ* или *сложныхъ*. Въ *первомъ* случаѣ много значитъ и здоровое состояніе и частое употребленіе органовъ, доставляющихъ воображенію нужные матеріалы; много значитъ

разность самыхъ чувствъ, болѣе или менѣе свѣтлыхъ и отчетливыхъ, много значитъ и неодинаковое разстояніе предметовъ отъ той точки, съ которой мы на нихъ смотримъ и свѣжесть, либо давность ихъ существованія въ душѣ. *Во второмъ* случаѣ рѣшительные *моменты* суть *и мѣра* самодѣятельности въ производствѣ созерцанія и воображенія—самодѣятельности, какую замѣчаемъ *напр.* у внимательныхъ, глубокомысленныхъ наблюдателей, *и* темпераментъ, особливо же большая или меньшая возбудимость каждаго и наконецъ интересъ, какой имѣли предметы для его видовъ и потребностей. *Въ третьемъ* случаѣ, т. е. въ случаѣ счастливаго сліянія общихъ и частныхъ, внѣшнихъ и внутреннихъ условій правило гласитъ: гдѣ вы, встрѣчая разительныя впечатлѣнія, схватываете оныя свободною дѣятельностію; тамъ и чувственныя ваши представленія живы и ясны (хотя не всегда опредѣлительны).

161.

Чувственныя представленія бываютъ тѣмъ *совершеннѣе*, чѣмъ болѣе они при внутренней ясности, соотвѣтствуютъ своимъ предметамъ, чѣмъ опредѣлительнѣе, чѣмъ менѣе общи, перемѣшаны съ другими подобными, чѣмъ вѣрнѣе въ нихъ отсвѣчивается только *былое*, произволомъ *не искаженное*. Весьма много совершенству сему способствуетъ *упражненіе* которое данныя чувствованія повторяетъ, которое сравниваетъ отпечатки

съ подлинниками и въ нужныхъ случаяхъ все видѣнное, слышанное и читанное обозначаетъ чертежами, буквами, вообще символами.

§ 162.

Многочисленны созданія воображенія. Ему принадлежатъ

a) Всѣ *отдѣльныя,* чувственныя представленія вещей, коими снабжаетъ насъ и видимая природа, и исторія, передающая и описывающая намъ происшествія, и наконецъ самое сознаніе, развертывающее предъ умственными очами картину дивныхъ откровеній собственнаго нашего духа;

b) *Чувственныя представленія родовыя* т. е. нѣсколькимъ сходнымъ вещамъ общія, — такія, которыя первоначально душа опредѣляетъ въ главныхъ очертаніяхъ или составляетъ во внутреннемъ созерцаніи изъ соображенія частныхъ чувственныхъ признаковъ и которыя потомъ прилагаетъ къ каждому сходному, отвнѣ являющемуся, предмету, отливая на семъ предметѣ основную его *схему* всякій разъ снова въ форму отдѣльнаго представленія. Посему общіе образы, (*схемы,* основные чертежи, *типы*) предварительно заступаютъ вездѣ мѣсто нашихъ понятій родовыхъ и видовыхъ, составляютъ основаніе первыхъ сужденій, а съ тѣмъ полагаютъ начало и развитію языка;

c) Всѣ же сіи образы, какъ отдѣльные, такъ и общіе, плаваютъ *во внутреннемъ пространствѣ.* Ибо не движутся ли они на горизонтѣ умствен-

наго созерцанія во всѣхъ направленіяхъ, подобно тонкимъ, свѣтлымъ облакамъ, то сгущаясь, то рѣдѣя? Напрасно для представленія сего внутренняго пространства ищете вы опять образа; здѣсь нѣтъ особеннаго предмета, нѣтъ опредѣленныхъ очертаній. Какъ пространство въ видимой природѣ образуется изъ сопребыванія вещей, выражая общую форму онаго; такъ и внутреннее пространство въ представляющемъ актѣ возникаетъ для сознанія непосредственно тамъ, гдѣ идеальные образы, кои тутъ во внутреннемъ мірѣ, въ глазахъ души, имѣютъ значеніе вещей, вступаютъ въ такое же точно соотношеніе между собою, какъ и сіи послѣднія, а потому и сопребываютъ и въ семъ совмѣстномъ бытіи своемъ движутся. Съ преспѣвающею дѣятельностію жизни возникаетъ общая форма всякаго постепеннаго рожденія и происхожденія, т. е. возникаетъ *время* и въ мірѣ чувственныхъ представленій, гдѣ господствуетъ еще замѣтнѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ въ мірѣ внѣшнихъ вещей, потому, что тамъ идеальная, неутомимая дѣятельность жизни извнутри проникаетъ и образы самаго *бытія замаетерѣлаго*. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ и *представленіе времени*, какъ отнюдь общее представленіе неудержимаго теченія или шествія впередъ, въ которомъ чувственныя мысли объ особенныхъ вещахъ имѣютъ свой приливъ и отливъ, въ которомъ онѣ движутся и измѣняются. Посему въ немъ внут-

ренніе образы вещей, избывая опредѣлительности величины, хотя не избывая опредѣлительности отношеній, (безъ чего они не былибы и образами) могутъ *напр.* въ самой важной, блестящей и смѣлой, геройской *операціи* воображенія—въ дифференціяльныхъ и интегральныхъ вычисленіяхъ, — какъ стягиваться до безконечно малаго, такъ и расширяться до безконечно великаго объема, а съ тѣмъ вмѣстѣ свободно и раздвигать и стѣснять внутреннее пространство и внутреннее время.

§ 163.

Таковыя картины воображенія для познанія вещей необходимы. Ибо a) каждая изъ нихъ есть уже извѣстное приобрѣтеніе; всякій новый образъ, западающій въ душу, умножаетъ идеальный ея запасъ. А не способствуютъ ли онѣ и b) высшему вѣдѣнію, перенося исторію и жизнь природы въ сознаніе человѣка, и слѣдственно руководствуя къ отысканію того, что въ ходѣ вещей есть постояннаго, существеннаго? Наконецъ c) не способствуютъ ли онѣ развитію свободы, которая здѣсь въ первый разъ и даетъ нашему духу извѣстную власть надъ внутреннимъ его міромъ?

§ 164.

За всѣмъ тѣмъ чувственныя представленія, свойственныя даже животнымъ, которыя и грѣзятъ и боятся, не составляютъ собственно познаній; они, какъ и чувства, схватываютъ только

отдѣльныя явленія, внѣшнія, мимолетныя; они такъ измѣнчивы, вытѣсняютъ другъ друга въ сознаніи и вмѣстѣ съ предметами возникаютъ и преходятъ. Посему ближайшая потребность жизни та, чтобы разрозненіе рушилось, чтобы отдѣльныя, разрывчатыя наблюденія являлись въ связи, — *въ чувственныхъ сцѣпленіяхъ представленій.*

Статья III.

Чувственная связь представленій.

§ 165.

Внутренній опытъ удостовѣряетъ насъ, что чувственныя наши представленія никогда почти не являются по одиначкѣ, а обыкновенно въ сопровожденіи нѣсколькихъ ближнихъ, либо дальнихъ *родственниковъ.* Весьма естественно, если *непрерывность* и *единство* души вызываютъ вслѣдъ за извѣстными образами другіе, коихъ матерія, сопряженная съ матеріей предыдущихъ, обнята была въ какомъ либо чувствованіи. Пускай сіе сообщество будетъ слѣдствіемъ встрѣчи представленій; одна кожъ мы знаемъ, что послѣднія принадлежатъ къ духовнымъ движеніямъ мысли; посему оная встрѣча и должна быть разсматриваема въ видѣ *сочетанія образовъ.* Но поелику сочетаніе дѣйствуетъ здѣсь неумышленно; то оно въ производствахъ своихъ почти такъ же связано еще или зависимо, какъ и всякій другой способъ чувственнаго познанія, и сцѣпленіе представленій есть не столько дѣятельное, сколько страдательное, т. е. представленія

болѣе сцѣпляются сами собою, безъ дальняго нашего участія, нежели *бываютъ нами сцѣпляемы* по произволенію. Человѣкъ въ живомъ сознаніи находитъ чувственныя свои мысли, какъ данныя явленія, какъ (историческія) *событія,* коихъ поставленъ онъ болѣе ближайшимъ зрителемъ и судьею, нежели производителемъ.

§ 166.

Здѣсь, гдѣ свобода борется съ необходимостію, мы въ направленіи чувственныхъ мыслей къ связи различаемъ двоякія движенія послѣднихъ, 1) такія, въ которыхъ сочетаніе оныхъ опредѣляется отвнѣ — законами самыхъ предметовъ и 2) другія, вслѣдствіе коихъ представленія вступаютъ между собою въ связь, не придерживаясь внѣшняго порядка, а дѣйствуя по слѣпому, но правильному инстинкту той поэтической силы, которая умѣетъ созидать и отдѣльные образы и цѣлыя картины, не умѣя, однакожъ, дать отчета въ игривыхъ своихъ движеніяхъ. Первыя назову я собственно *соображеніями*, вторыя *мечтаніями.* Но сколько сіе различіе нужно для видовъ Науки, столько же оно ничтожно въ жизни, которая безпрестанно *вдвигаетъ* соображенія въ мечты и мечты въ соображенія, такъ, что здѣсь трудно провести рѣзкую черту *порубежную*: оба сіи движенія чувственныхъ мыслей по равенству ихъ происхожденія, по единству природы и духа, по непрерывности

идеальной жизни другъ друга поддерживаютъ и оживляютъ.

§ 167.

I) Сцѣпленія перваго рода отнюдь не предоставлены слѣпому случаю. *Сродство, однокачественность, постепенный переливъ*—вотъ, что озаряетъ хаосъ разноцвѣтныхъ, смутныхъ, нестройныхъ образовъ, кои возникаютъ и врѣются, мелькаютъ и зыблются въ сознаніи, подобно блестящимъ атомамъ въ безпредѣльномъ пространствѣ! Вотъ ключъ къ загадочному сочетенію самыхъ уродливыхъ исчадій воображенія, самыхъ странныхъ выходокъ, мыслей, догадокъ, причудъ, которыя по временамъ посѣщаютъ здравую и больную душу, и о которыхъ часто мы не знаемъ, откуда онѣ берутся, и какъ входятъ въ составъ одной картины. Рѣшительна сила сего закона въ видимой природѣ; онъ дѣйствуетъ во всѣхъ *недѣлимыхъ* существахъ, которыя и связываетъ *единствомъ рода*, вмѣщающаго въ себѣ всякую разность. Сей законъ уравниваетъ и то, что мелькало передъ нами въ разрывчатыхъ образахъ, что встрѣчалось тамъ и здѣсь, что схвачено было при случайныхъ обстоятельствахъ. Онъ глубоко проникаетъ во *внутреннія точки соприкосновенія* между міромъ чувственнымъ и духовнымъ, кои держатся взаимнымъ ихъ дѣйствіемъ другъ на друга, однородностію, параллельнымъ ихъ развитіемъ въ пространствѣ и времени и особенными ихъ соотношеніями. Вотъ почему сила пла-

стическая и возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ сіи точки соприкосновенія бываютъ не только многоразличнѣе, но и необыкновеннѣе, непосредственнѣе, тѣснѣе! Вотъ почему юноша, мужъ съ глубокимъ чувствомъ, здравая женщина, имѣютъ такое счастливое воображеніе! Ибо всѣ сіи лица наиболѣе связаны съ *общею, всемірною* жизнію, принимаютъ искреннее, нераздѣльное участіе во *всемъ*, что ихъ окружаетъ, и не успѣли еще отчуждить себя отъ природы удаленіемъ въ область самосозданныхъ призраковъ!

§ 168.

Подъ симъ *главнымъ* закономъ для сцѣпленій состоятъ слѣдующіе *производные*, а именно: a) законъ *сопребыванія*, b) законъ *сходства* и c) законъ *групировки*.

§ 169.

A) По *тройственному* закону *сопребыванія* мы *либо* опять въ воображеніи *сочетаваемъ* и оживляемъ представленія *смѣжныхъ* предметовъ, т. е. такихъ, кои въ *пространствѣ* найдены другъ *возлѣ* друга, и потому попадаемъ, при видѣ и при имени извѣстнаго *мѣста*, на все, что тамъ было, судимъ о вещахъ и о человѣкѣ по *околичностямъ*, по *сосѣдству*, *либо*, держась *одновременности* воскрешаемъ въ умѣ происшествія синхронистическія, *либо* — увлекаемые *послѣдовательностію*, простираемся отъ начала явленія къ его срединѣ, отъ средины къ концу и пробѣгаемъ та-

кимъ образомъ мысленно полную его исторію, руководствуясь во всѣхъ сихъ движеніяхъ вышеозначеннымъ *сродствомъ* или *постепеннымъ переходомъ*. Внутреннее сочетаніе образовъ, соотвѣтственное тѣмъ вещамъ, кои связаны во внѣшнемъ бытіи, есть продолженіе того творческаго акта, которымъ мы вообще вселяемъ, *воображаемъ* въ душу отдѣльные предметы чувственные: ибо въ *слѣдствіе* сего акта не должны ли и представленія наши, отъ искаженій произвола огражденныя, сцѣпляться точно такъ между собою въ сознаніи, какъ и самыя явленія сцѣплены въ природѣ и въ Исторіи?

Б) Законъ *сходства*, (открывающій столь обширное поле поэтическимъ сравненіямъ, уподобленіямъ, метафорамъ, иносказаніямъ, притчамъ), гласитъ: представленія, коихъ предметы (лица, произшествія, сцены) имѣютъ между собою извѣстныя наружныя черты общими, возбуждаютъ другъ друга потому уже, что онѣ отчасти одинаковы. Отнесемъ сюдаже и законъ *контраста*, по силѣ котораго такъ часто печальное событіе напоминаетъ намъ о радостномъ, старость о младенчествѣ, необозримая равнина о горахъ, нищій о богачѣ и т. п. Почему? Потому, что всѣ представленія противоположенныя однородны; всѣ сходятся опять въ извѣстномъ пунктѣ и состоятъ въ завѣдываніи, общаго имъ, третьяго, высшаго. По крайней мѣрѣ *роскошная Италія* и *скудоу-*

*

міе не встрѣчаются въ одномъ и томъ же сознаніи. Вотъ источникъ и той общеупотребительной *ироніи*, которой никто ни понималъ бы, если бы данное представленіе не наводило его на *противное*!

В) По силѣ закона *групировки*, сочетавающаго иныя чувственныя мысли потому, что онѣ входятъ въ *тотъ же самый, нераздѣльный актъ соображенія*

1) Представленіями одного чувства бываютъ на позорище сознанія *выкликаемы* представленія другаго. Такъ (музыкальные) тоны указываютъ на свой инструментъ, рѣчь—на человѣка, стонъ на страдальца; такъ чувствованія обонянія влекутъ за собою образъ пахучихъ предметовъ, и наоборотъ. Сюдаже принадлежитъ и представленіе *означаемыхъ* вещей помощію ихъ *знаковъ*, представленіе огня посредствомъ дыма, чиселъ или суммъ посредствомъ цыфръ, представленіе лицъ, сословій, націй посредствомъ ихъ именъ, гербовъ, флаговъ, и т. д.

2) *Главное* представленіе *возгнетаетъ*, принадлежащія ему, *побочныя*, которыя и примыкаютъ или тяготѣютъ къ нему, какъ къ средоточію. Сими средоточными представленіями бываютъ вообще такія, которыя вступаютъ въ область сознанія съ нарочитою степенью дѣйствительности, —такія, которыя сопряжены съ сильными потрясеніями органовъ внутренняго чувства, — всего

обыкновеннѣе такія, которыя *навязались* первымъ нашимъ потребностямъ и желаніямъ, *интересамъ* и склонностямъ, и потому во всей духовной нашей экономіи содѣлались господствующими, неотразимыми;

3) Если, при участіи продолжительной дѣятельности умственныхъ силъ въ принятомъ направленіи, особливо же при вліяніи постояннаго расположенія души на ходъ соображеній, извѣстная чувственная мысль развивается въ послѣдованіи своихъ формъ и видоизмѣненій, либо же нѣсколько согласныхъ, однородныхъ представленій примыкаютъ другъ къ другу; то въ семъ случаѣ составляется цѣлая картина, цѣлая группа, тѣсно связанныхъ образовъ, изъ коихъ каждый бываетъ началомъ цѣлаго ряда, коль скоро, господствующее въ немъ расположеніе души, продолжаетъ дѣйствовать. Такъ мы рисуемъ въ воображеніи картины мѣстъ и временъ, картины разговоровъ и звуковъ, мечтаній и мыслей, переходя отъ одного члена къ другому, связывая послѣдующее съ концемъ предыдущаго и простираясь отъ причинъ къ дѣйствіямъ, отъ основаній къ выводамъ.

§ 170.

II) Въ противоположность симъ соображеніямъ, болѣе необходимымъ и отчетливымъ, сцѣпляются *игривыя* наши мысли, наши *грѣзы на яву*, словомъ наши мечтанія своевольно, наудачу, т. е. хотя и не безъ всякаго порядка, однакожъ посмѣваясь и благодѣтельнымъ ограниченіямъ внѣшней истины и

естественнымъ отношеніямъ представленій другъ къ другу и внутреннему законодательству свободнаго духа. Какъ часто извѣстная мысль чувственная, возбуждаемая то прелестью самаго содержанія своего, то особеннымъ пріятнымъ, либо грустнымъ расположеніемъ души, любитъ изъ даннаго или вымышленнаго запаса выкликать цѣлые ряды однородныхъ призраковъ, дабы водвореніемъ новаго порядка вещей обрисовать про себя, а не про другаго, для внутреннихъ видѣній, а не для внѣшнихъ, чувственную картину такого состоянія, котораго нѣтъ, но въ которомъ затѣйникъ нуждается!

§ 171.

Что мѣшаетъ такія движенія представленій, слѣдственно мыслей назвать движеніями духовной жизни? Вникните, однакожъ, въ механизмъ глумливыхъ соображеній. Хотите ли вы, или не хотите —яркіе образы сами собою—безъ вашего вѣдома и умысла, рисуются на *темной канвѣ сознанія.* Внутреннее чувство говоритъ вамъ, что вы ихъ не создали, что вы бываете тутъ свидѣтелями сценъ, кои, по видимому, представляются въ первый разъ, и кои, за всѣмъ тѣмъ, суть произведенія *скрытаго въ васъ Поэта*, суть игра жизненныхъ силъ, совершающаяся въ области чувственныхъ представленій, слѣдственно въ области духа тамъ, гдѣ послѣдній послабляетъ бразды правленія, дозволяя *фантасмогоріи* движеніе своевластное, предоставляя ее тѣмъ же самымъ физическимъ силамъ

тяготѣнія, по коимъ сцѣпляются атомы. Такъ-то въ состояніи, среднемъ между слѣпою необходимостію и свободой, завязываются небывалыя соотношенія чувственныхъ образовъ, которые, не поддерживаемые ничѣмъ, ни снаружи, ни извнутри, сцѣпляются часто въ новыхъ, дивныхъ, уродливыхъ созданіяхъ *досужаго*, но *легкомысленнаго* воображенія!

§ 172.

Обстоятельства, благопріятствующія мечтамъ, суть:

a) *Впечатлѣнія болѣе тихія, легкія и однообразныя*, нежели сильныя, грозныя. Сіи послѣднія тревожатъ, оглушаютъ и утомляютъ изумленную душу, а тѣ обращаютъ ее болѣе къ самой себѣ. Вотъ почему мы охотнѣе предаемся играмъ воображенія при плескѣ тихоструйнаго ручейка, нежели при шумѣ волнующагося моря, охотнѣе подъ дымкомъ табачной трубки, нежели при видѣ дымящагося Везувія, охотнѣе при трескѣ огонька въ каминѣ, нежели при сокрушительныхъ раскатахъ грома. Отъ того-то нерѣдко впечатлѣніе, *самое тихое* легко возбуждаетъ *отдаленнѣйшія* картины времени и пространства. Какъ пріятна для глазъ обширная равнина, плавающая въ тонкомъ туманѣ!

b) *Молодость*, коей всѣ отношенія слишкомъ еще неопредѣлительны, чтобы могли выдерживать силу строгаго разсудка. Какъ много здѣсь такого,

что мелькаетъ вдали, въ смутныхъ образахъ? Опытъ не ограничилъ еще видовъ возможнаго, такъ безпрепятственно развивающагося въ мысляхъ рыцарскихъ; пускай настоящая жизнь показываетъ молодому человѣку и другія явленія, менѣе утѣшительныя, — онъ смотритъ на нихъ, какъ на жалкое искаженіе порядка вещей, терпимое людьми безчувственными, и воображеніе его тѣмъ охотнѣе теряется въ идеалахъ противоположеннаго рора. Физическое развитіе поспѣшаетъ на помощь духовному. То и другое борется съ желаніями не удовлетворенными. Но сіе томленіе, исторгающее изъ тѣснаго, душнаго круга существенности, опять влечетъ юношу - поэта къ *золотымъ его снамъ*, которые, однакожъ, впослѣдствіи уступаютъ горькимъ, но спасительнымъ вразумленіямъ *житейской прозы*;

c) *Сумерки*. Поутру новыя чувствованія и наблюденія возвращаютъ насъ къ тому, что есть. Тутъ въ ясномъ видѣ представляются всякому личныя его отношенія, коимъ онъ долженъ посвятить заботы лучшей части сутокъ. Сномъ освѣженная, сила вызываетъ на подвиги, которые не находятъ уже сопротивленія со стороны нашей слабости. Пора развлекающихъ и утомительныхъ встрѣчъ далеко еще впереди; вниманіе дѣйствуетъ, не нуждаясь въ особенной помощи; посему утро есть время размышленій, время трудовъ производительныхъ. Но сіи размышленія, болѣе изъятыя отъ своеволь-

наго хода, сіи размышленія основательныя и отчетливыя, равно какъ и всѣ производительные труды напряженнаго бдѣнія, вообще ослабляютъ до извѣстной степени наше тѣло къ вечеру. Мечтательность въ своемъ ходѣ, болѣе своевольномъ, требуетъ менѣе напряженій. И такъ вечеръ по этой уже одной причинѣ есть время льготнаго движенія мыслей, которому онъ, однакожъ, благопріятствуетъ и съ другой стороны. Чувствованія, развлеченныя множествомъ предметовъ, здѣсь болѣе сосредоточиваются; темнота или полусвѣтъ дозволяетъ призракамъ безпрепятственный входъ въ рабочую храмину досужаго воображенія. И потребность отдыха, сама уже собою влекущая къ занятіямъ игривымъ, и бо̀льшая живость мечтательныхъ образовъ, не обличаемыхъ существенностію, благопріятствуютъ имъ такъ, что они роятся сами собою, коль скоро находятъ у насъ просторъ и не бываютъ задерживаемы другимъ интересомъ и нужною, либо *предположенною* работой. Вотъ почему вечерняя пора можетъ открывать доступъ къ душѣ такимъ представленіямъ, кои мы по утру, при содѣйствіи ясной существенности и въ чувствѣ обновленныхъ силъ, рѣшительно и съ негодованіемъ отвергаемъ, какова *напр.* мысль о мертвецахъ и привидѣніяхъ! Вотъ почему—далѣе—могутъ вечеромъ увлекать насъ иныя представленія такъ, что мы по утру сами смѣемся своему легкомыслію! Вотъ почему вечеръ благопріятствуетъ и

Поэзіи, которая, однакожъ, подлежитъ повѣркѣ дня! По той же самой причинѣ, по которой собственная наша мечтательность такъ рѣзва и глумлива въ вечеру, сіе время льготы и нѣги склоняетъ насъ и къ принятію чужихъ грѣзъ, отъ которыхъ дѣйствительность не отвлекаетъ и въ которыхъ *бездумье* можетъ совершенно теряться.

§ 173.

Но и невольныя сіи грѣзы имѣютъ свою хорошую сторону. Не онѣ ли воскрыляютъ насъ надъ пошлою, скучною существенностію? Не имъ ли одолжены мы сладкими часами отдохновенія? Не онѣ ли поддерживаютъ свободу идеальныхъ движеній, освѣжаютъ, даже расширяютъ наше бытіе? Не мечты ли прокладываютъ намъ путь и къ Романтикѣ жизни,—къ Поэзіи?

§ 174.

Еще же благодѣтельнѣе *втекаетъ* произвольное воображеніе во всю жизнь духовную, воскрыляя наше познаніе надъ внѣшними, либо внутренними чувствованіями животныхъ, да и простирая самыя желанія и движенія сердца за границу настоящаго: ибо

А) Что касается до *теоретической* стороны жизни, то здѣсь 1) воображеніе составляетъ единственное условіе всякаго пониманія: ибо познавать и разумѣть не значитъ ли *пересозидать* въ умѣ предметъ, намъ представляемый? Оно даетъ возможность, разумѣть и то, что сообщаютъ намъ посредствомъ языка: ибо рѣчь тогда только намъ

и понятна, когда мы можемъ *вообразить въ душу* ея содержаніе, связать оное съ членораздѣльными звуками и оба сіи момента обнять въ ихъ единствѣ. 2) Съ помощію сей только силы самозиждущей, производительной мы и можемъ въ совокупности представлять себѣ какъ отдаленныя въ пространствѣ, такъ и былыя, либо будущія временныя отношенія вещей. Чувства знакомятъ насъ съ частными только явленіями, воображеніе же связываетъ множество отдѣльныхъ образовъ въ одно цѣлое; съ помощію его мы можемъ, по указанію исторіи, обнимать свѣтлою мыслію какъ приключенія, коихъ мы сами не были свидѣтелями, такъ и отдаленнѣйшія страны земли, — можемъ, подкрѣпляемые то прошедшимъ, то настоящимъ, созидать себѣ образъ и самой будущности, *напр.* въ изобрѣтеніяхъ, гдѣ предварительно связываемъ части такою цѣлаго, которому еще произойти надлежитъ. 3) Наконецъ и уму воображеніе оказываетъ существеннѣйшія услуги, сообщая мыслямъ и понятіямъ опредѣлительность, ясность и изящество. Опредѣлительность мыслей состоитъ въ точной ихъ обрисовкѣ, по которой каждая бываетъ распознаваема въ отдѣльномъ ея содержаніи отъ другихъ; соразмѣрное обозначеніе представляетъ мысль въ ощутительной формѣ, ясности же способствуютъ *опредѣлительность* и наглядность, равно какъ сравненія и примѣры, вымышляемые на сей конецъ воображеніемъ по ру-

ководству законовъ сцѣпленія. Гдѣ же познанія истинныя излагаемы бываютъ въ опредѣлительномъ и ясномъ видѣ, тамъ происходитъ изящество въ выраженіи нашихъ мыслей. На семъ основывается навыкъ правильно и *красно* говорить навыкъ соединять рядъ мыслей въ пріятное цѣлое.

B) Столь же рѣшительно вліяніе соображеній и мечтаній на *практическую* сторону жизни, т. е. на склонности наши, побужденія и желанія. Не должны ли общія, смысломъ составляемыя, понятія получать напередъ чувственную ясность отъ воображенія, дабы въ слѣдствіе того подвигать насъ къ начинаніямъ и управлять нашею волей? Даже впечатлѣнія, производимыя въ душѣ человѣка приключеніями въ семействѣ, въ Государствѣ и въ мірѣ, оставались бы безъ всякаго вліянія на его стремленія и поступки, еслибы сему вліянію не служило проводникомъ воображеніе.

C) Наконецъ изъ воображенія почерпаетъ и *сердце* наибольшую часть своихъ радостей. Ибо, вымыслы, перенося насъ въ лучшій міръ изъ настоящаго, пошлаго, обнадеживая величайшими пріятностями въ будущемъ и заставляя насъ принимать участіе въ положеніи другихъ людей, доставляютъ намъ такія наслажденія, какихъ мы никогда не вкушали бы безъ обаяній мечтательности—чародѣйки. Этаго мало. Она усугубляетъ и удовольствія, простекающія изъ другихъ источниковъ, потому, что мы посредствомъ ея не только до-

ставляемъ себѣ сіи удовольствія напередъ или *предвкушаемъ*, но и въ послѣдствіи возобновляемъ оныя, т. е. наслаждаемся въ воспоминаніи.

§ 175.

Но сколько чувственное воображеніе успѣхамъ духовной нашей жизни благопріятствуетъ, столько же имъ *и вредитъ*: ибо

a) Хотя оно, предваряя нашу внимательность къ многоразличнымъ свойствамъ вещей, способствуетъ ясному и точному наблюденію; однакожъ не искажаетъ ли часто самыхъ чувствованій? Не заставляетъ ли то и видѣть и осязать, что намъ только мечтается? Не заставляетъ ли *напр.* въ движеніи облаковъ, тѣней, паровъ и пр. видѣть подобіе то зданій, то животныхъ? Пускай оно, схватывая сходное и современное, облегчаетъ уму отысканіе постоянныхъ законовъ природы, — не обольщаетъ ли оно насъ мнимымъ сходствомъ между вещами разнороднѣйшими?

b) Какъ естественно волѣ нашей плѣняться живыми картинами добра! Но воображеніе возобновляя при вторичной встрѣчѣ съ вещію въ природѣ, либо въ сознаніи первое, всегда рѣшительное ощущеніе, воспитываетъ постоянную склонность, либо постоянное отвращеніе не только къ ней, но и ко всѣмъ другимъ, невиннымъ созданіямъ, на нее похожимъ и потому совращаетъ волю. А откуда и всѣ страсти человѣческія заимствуютъ обильнѣйшую пищу, какъ не изъ дѣйс-

твій воображенія? Отъ чего льстецы, ораторы, заговорщики такъ удачно порабощаютъ слушающихъ, какъ не отъ того, что умѣютъ обладѣть *подкупнымъ, вѣроломнымъ* воображеніемъ?

c) Пускай воображеніе услаждаетъ наше бытіе надеждами, мечтами, воспоминаніями, — не оно ли отравляетъ намъ жизнь преувеличеніемъ золъ и страданій въ сей *юдоли плача*, возбужденіемъ безпрестанной боязни, пустыхъ опасеній на счетъ будущаго и ненавистнымъ толкованіемъ вещей безвредныхъ, даже полезныхъ?

§ 176.

Вотъ почему въ безчисленныхъ случаяхъ такъ полезно *обуздывать* порывы воображенія, часто опасные и для отчетливаго мысленія и для самыхъ нравовъ, особливо тамъ, гдѣ мечтательность, питаясь праздными желаніями, раздраженіями плоти и крови, нѣгой, отшельничествомъ или соблазнительными околичностями, порождаетъ полчище тѣхъ гнусныхъ пороковъ, кои мы называемъ тайными грѣхами. Для успѣховъ сего благодѣтельнаго ограниченія опытъ и Наука постановляютъ слѣдующее:

1) У каждаго мечтается всегда только одни какіе либо, а не всякіе образы получаютъ силу, вредную для его своевластія и притомъ получаютъ оную въ особенныхъ обстоятельствахъ и по предшествующему поводу. И такъ перемѣна сихъ обстоятельствъ, избѣжаніе того, что подало по-

водъ къ соблазну и обращеніе вниманія на другіе занимательные предметы — вотъ способы, вытѣснять роковую мысль изъ сознанія! Въ человѣкѣ, который ревностно занимается произведеніемъ въ исполненіе важныхъ предначертаній, воображеніе не можетъ получить стремительности, для разсудка вредной; — оживляйте только вкусъ къ истинѣ, къ Наукѣ, къ дѣловой жизни и тогда мечтательность потеряетъ для васъ половину тѣхъ прелестей, какія она имѣетъ для человѣка чувственнаго, либо, что все равно, для уединеннаго сластолюбца духовнаго. Пускай вамъ и не всегда удается помѣшать происхожденію докучливыхъ образовъ, которые, между прочимъ, зависятъ и отъ причинъ тѣлесныхъ, — по крайней мѣрѣ вы можете отстранить ихъ вліяніе на ваши склонности, — вліяніе тѣмъ болѣе неотразимое, чѣмъ картины въ сознаніи вашемъ и продолжительнѣе и живѣе и привычнѣе.

2) Кто подмѣчаетъ въ себѣ склонность къ *искусительнымъ* мечтамъ; тому благоразуміе совѣтуетъ избѣгать всякаго состоянія, въ которомъ воображеніе живо дѣйствуетъ: ибо въ семъ состояніи оно легко переходитъ къ любимымъ своимъ картинамъ, хотя бы напередъ занималось и другимъ чѣмъ либо.

3) Наконецъ нельзя ли самыми законами сцѣпленія представленій пользоваться на тотъ конецъ, чтобы соблазнительные образы дѣлать без-

вредными или даже превращать въ такіе, которые цѣлямъ разума способствуютъ? По крайней мѣрѣ если вы часто и живо представляете себѣ предметъ оныхъ образовъ съ дурной или невыгодной его стороны, которую воображеніе обыкновенно любитъ закрывать; то и роковой призракъ сочетается съ такою благотворною мыслію, которая легко подавляетъ пагубное его вліяніе на вашу волю.

Грань 2-я.

Способъ свободнаго познанія.

§ 177.

Дѣятельность, воображеніемъ и чувствами познающая, восходитъ на степень свободнаго *мысленія,* когда не ограничивается только обозрѣніемъ своей матеріи снаружи, либо извнутри, въ отдѣльныхъ, либо общихъ образахъ, не связывается по чувственнымъ только законамъ сцѣпленія, а въ духовномъ своемъ *подвижничествѣ,* объемля настоящую массу представленій *единствомъ смѣты, устроивая* сію массу, или приводя въ *порядокъ* по *собственнымъ* своимъ *правиламъ* и *проникая* запасъ умственный животворными своими наитіями, старается *выразумѣть предметы,* представленіе коихъ западаетъ въ душу,— старается сознать и обозначить *отношеніе* между содержаніемъ идеальныхъ созданій.

§ 178.

Отчетливое, трезвенное, основательное мысленіе далеко оставляетъ за собою своевольную игру воображенія. Ибо

a) Мысленіе связываетъ многоразличныя представленія по такимъ *необходимымъ законамъ*, которые мыслящая сила находитъ въ сознаніи собственныхъ своихъ потребностей или, лучше сказать, само себѣ постановляетъ для своихъ движеній;

b) Въ немъ дѣйствуетъ *намѣреніе*, отыскать нѣчто, намѣреніе мыслію *опредѣлить* предполагаемый предметъ такъ, либо иначе, дойти до извѣстныхъ послѣдствій или выводовъ, не положительныхъ только, но и тѣхъ отрицательныхъ, кои картинамъ воображенія вовсе недоступны;

c) Оно сопровождается *напряженіемъ* умственныхъ силъ, необходимымъ на тотъ конецъ, чтобы главную мысль оградить отъ вторженія постороннихъ, къ дѣлу неприкосновенныхъ;

d) Его созданія суть чисто идеальныя, отвлеченныя; тутъ лики изчезаютъ, тутъ *существа* значатъ *мысли*. Вотъ почему *и вещественныя вліянія*, вотъ почему и *раздраженія внутреннихъ органовъ*, для мечтаній Поэта столь живительныя, теряютъ свою силу! Мысленіе холодное, прозаическое питается и поддерживается само собою тамъ, гдѣ *и* накопленъ достаточный *запасъ* опредѣлительныхъ, многостороннихъ, ясныхъ представленій *и* возмужалъ духъ *и* пробудился тотъ *сво-*

бодный интересъ, который любитъ вникать въ настоящее, ободрять себя надеждами идеальныхъ пріобрѣтеній и умѣетъ приготовлять удачу рѣшительными начинаніями.

§ 179.

Напрасно слѣдитъ внутренній опытъ за *начальнымъ* мысленіемъ: оно бываетъ въ *ходѣ* гораздо ранѣе, чѣмъ успѣло пробудиться какое либо опредѣленное сознаніе. Да и въ послѣдствіи—при углубленіи въ содержаніе мы *имѣемъ въ остаткѣ* не столько *производство,* сколько *самыя произведенія,* основывающіяся на предуставленной взаимности между міромъ и тою внутреннею силою, которая встрѣчаетъ его вліянія. Мысли упреждаютъ даже и *бесѣду души съ самой собою*; какъ часто онѣ въ языкѣ ищутъ приличныхъ выраженій!

Статья I.

Полумысли.

§ 180.

Полная система удовлетворительнаго вѣдѣнія истины есть *идеалъ,* коего отдѣльныя и конечныя познанія нѣкоторымъ образомъ должны всегда оставаться еще условными, нуждающимися въ дальнѣйшей повѣркѣ какъ со стороны дѣйствительнаго бытія, такъ и со стороны согласія съ другими познающими существами. Вотъ почему къ сей

вожделѣнной, но далекой цѣли суждено людямъ идти путемъ то безсмертныхъ *мнѣній*, то *правдоподобныхъ догадокъ*, то *Вѣры*!

Пунктъ 1-й.

Мнѣнія.

§ 181.

Гдѣ два, три представленія приводятся въ извѣстную связь между собою и гдѣ человѣкъ принужденъ дѣлать приговоры *на удачу*, чувствуя и сознаваясь, что онъ не полный властелинъ всего идеальнаго запаса, который надлежало бы ему имѣть въ готовности для требуемыхъ выводовъ, тамъ онъ выводы сіи принимаетъ и выдаетъ за *мнѣнія*, кои посему стороною только формы принадлежатъ сужденіямъ, не будучи основаны на существенныхъ законахъ познающаго духа: ибо сей, для прочности своихъ движеній, требуетъ вездѣ согласія мыслей съ устройствомъ вещей и согласія оныхъ съ самими собою. И такъ *мнить* значитъ играть мыслями, произвольно допускать то, что можетъ сколько быть, столько же и не быть, значитъ бросать *предварительный* взглядъ на вещи, вразсужденіи коихъ намъ пріятно желать, чтобъ онѣ существовали такъ точно, какъ бы намъ хотѣлось и въ коихъ не *смыслить* любознательному *досадно*. Безъ внутреннихъ притязаній на дѣйствительность,

*

безъ постояннаго мѣсторожденія и жительства, воздушные сіи номады скитаются по людямъ, по школамъ и по вѣкамъ, мгновенно возникая тамъ, мгновенно изчезая здѣсь, сростаясь въ самомъ дѣлѣ съ привычными состояніями иныхъ душъ—вялыхъ косныхъ, мертвыхъ. Впрочемъ доколѣ мнѣніе, ни какимъ особеннымъ доказательствомъ не опровергается, дотолѣ позволено ему играть роль положительнаго вразумленія, хотя бы мы и ясно понимали разницу между имъ и между тѣмъ способомъ, какъ достается намъ въ удѣлъ истина, о которой мы знаемъ.

Пунктъ 2-й.

Правдоподобныя догадки.

§ 182.

Въ противоположность безотчетнымъ, бѣглымъ, перелетнымъ мнѣніямъ наши *догадки правдоподобныя* всегда имѣютъ свое основаніе,—только уже въ другомъ чѣмъ-то, а не въ самомъ предметѣ, до котораго непосредственно касаются (ибо тутъ онѣ уступили бы мѣсто вѣдѣнію), словомъ—онѣ получаютъ силу убѣжденія отъ того порядка и благоустройства, о которомъ свидѣтельствуетъ однообразіе вещей въ мірѣ. Посему заключенія по *сходству*, доказательства по *наведенію*, *ипотезы*—вотъ *законные извороты* ума, посредствомъ

которыхъ онъ доходитъ до познанія того, чему нѣкогда надлежало быть — въ Исторіи, что уже существуетъ, хотя нами еще не подмѣчено, что даже быть имѣетъ или чему быть скорѣе слѣдуетъ, нежели не слѣдуетъ,—какъ въ природѣ, такъ и въ мірѣ духовномъ: ибо и свободныя начинанія, напр. человѣка, или народа съ характеромъ не имѣютъ ли своего законнаго хода, своихъ правильныхъ, разчисленныхъ движеній? Но правдоподобны сужденія наши тамъ только, гдѣ мы знакомы съ особеннымъ устройствомъ и особенными законами того рода предметовъ, который подвергаемъ суду своихъ догадокъ, и чѣмъ оное знакомство короче, тѣмъ выводы наблюдателя касательно теперешнихъ или данныхъ отношеній основательнѣе, тѣмъ ближе они подходятъ къ истинѣ, измѣняясь, однакожъ, съ открытіемъ всякой новой стороны въ жизни вещей.

Пунктъ 3-й.

Вѣра.

§ 183.

Вѣруемъ и *исповѣдуемъ*, когда съ участіемъ сердечнымъ принимаемъ что либо за истину, не разгадывая, какимъ образомъ она достается намъ въ удѣлъ, не умѣя дать отчета въ законномъ способѣ умственныхъ пріобрѣтеній. Сею вѣрою и ходило человѣчество вообще и долго ходить бу-

детъ—тамъ, гдѣ имѣетъ причину уповать на себя и на другихъ, тамъ, гдѣ что либо представляется ему съ такою же неотразимою очевидностію и силою, какъ и собственное его существованіе, — тамъ, гдѣ мы безпрекословно принимаемъ и нѣкоторыя ученія, не только оправдываемыя жизнію не только имѣющія въ ней надежнѣйшее ручательство, но и вызываемыя всѣми потребностями возбужденной души, каково *напр.* ученіе о безсмертіи,—тамъ—далѣе,—гдѣ недовѣдомая, но вожделѣнная истина и щадитъ малѣйшее вѣдѣніе наше и обѣщаетъ дополнить недостатки онаго, — тамъ наконецъ, гдѣ человѣкъ о сверхчувственныхъ истинахъ и *знаетъ*, въ кои *вѣруетъ*. Вотъ та благодатная, разумная, основательная вѣра, которая овладѣваетъ убѣжденіемъ, которая сливается съ жизнію духа и *течетъ въ крови*! Она есть вѣдѣніе, только менѣе ясное и отчетливое,—такое, которое *не успѣло* еще развернуться въ мысляхъ до того, чтобы перейти въ *видѣніе лицемъ къ лицу*. Если нѣтъ сихъ существенныхъ условій, то особеннымъ вашимъ желаніямъ и склонностямъ, особеннымъ вашимъ видамъ и прихотямъ столь же мало слѣдуетъ созидать новое исповѣданіе, сколь мало вы, и основываясь на свидѣтельствахъ историческихъ, можете возвести въ достоинство истины то, что разстроиваетъ всю экономію жизни. Люди, оглушенные до того, что думаютъ вѣровать вопреки своему убѣжденію, жестоко оболь-

щаютъ самихъ себя, а если они еще, въ нѣчто подобное, по ихъ отзывамъ, вѣровать и хотятъ, то *не вѣрьте* симъ *вѣрующимъ*:—они безсовѣстно *глумятся*.

§ 184.

Говорятъ о вѣрѣ въ то, чего нельзя себѣ представить въ мысляхъ, нельзя взять, какъ говорится, въ *толкъ*. Такая вѣра очевидно не состоитъ ни въ малѣйшемъ отношеніи къ возможнымъ для насъ способамъ познанія; она рѣшительно подавляетъ всѣ движенія умственныхъ нашихъ способностей, слѣдственно ея содержаніе и предметъ ея теряютъ всякое значеніе для человѣка. Что дѣлаетъ такая лженменная вѣра при видѣ настоящаго произшествія, неимовѣрнаго, дивнаго? Она *изумляется* и *цѣпенѣетъ*, и тѣмъ самымъ заграждаетъ ему доступъ во святилище духа. Что дѣлаетъ, слыша благовѣстіе? Она отвергаетъ сердцемъ догматъ, который исповѣдуетъ устами тѣмъ охотнѣе, чѣмъ чаще оный бываетъ повторяемъ: ибо что вездѣ твердятъ, то правда, что всѣ дѣлаютъ, то хорошо; классическая именитость возбраняетъ изслѣдованія и повѣрки. Впрочемъ, гдѣ самъ Богъ непосредственно входитъ въ человѣка, тамъ, по неисповѣдимымъ законамъ своей благодати, онъ одинъ и дѣйствуемъ въ мысляхъ, желаніяхъ и чувствованіяхъ послѣдняго, измѣняя всѣ естественныя отношенія обновляемой твари, которая

должна *взимать свои врата—князи для встрѣчи Царя славы.*

§ 185.

Мнѣнія, правдоподобныя догадки, вѣра — все это суть только способы, разгонять тьму невѣдѣнія, столь тягостнаго для сыновъ Адамовыхъ, вкусившихъ уже отъ запрещеннаго древа, способы *просвѣщать* внутреннюю жизнь нашу, дѣлать ее ясною, *прозрачною* для себя самой и освобождать отъ рабскаго служенія. Но враждебныя силы чувственности, воображенія, произвольной мысли, то односторонней, то слишкомъ стремительною и поспѣшною, то превратною и неумѣстною своею дѣятельностію, *обольщая* и соблазняя оплошную душу, вовлекаютъ ее въ вихрь предразсудковъ и заблужденій. Пускай человѣкъ въ совѣсти своей проклинаетъ всякую ложъ; — онъ за всѣмъ тѣмъ, можетъ столь же мало избыть предразсудковъ и заблужденій, сколь мало можетъ и здоровый организмъ оградить себя отъ болѣзненныхъ припадковъ — и вотъ почему!

§ 186.

1) Дитя принимаетъ наставленія отъ тѣхъ, которые замѣняютъ ему и *совѣсть* и *провидѣніе*, — отъ взрослыхъ, довѣряя и познаніямъ ихъ и благонамѣренности. Безъ сихъ условій невозможно и воспитаніе. Точно такъ же и человѣкъ многосвѣ-

дущій имѣетъ сильное вліяніе на убѣжденіе скудоумнаго. Но именно сіе распоряженіе, столь благодѣтельное въ Исторіи, подаетъ поводъ къ тому, что предразсудки и заблужденія, подобно заразамъ, переходятъ, по большей части съ примѣсью, отъ одного поколѣнія къ другому;

2) Подмѣчать связь вещей въ природѣ и въ мірѣ человѣческомъ—это во многихъ случаяхъ требуетъ великаго напряженія и тщательности; попытки здѣсь многимъ и вовсе не удаются. Какой же просторъ для суевѣрныхъ толковъ!

3) А если извѣстное мнѣніе или ученіе льститъ желаніямъ, если страсти и склонности находятъ въ немъ свой расчетъ, то одно уже это обстоятельство признается за прочное основаніе истины. Напрасно тутъ твердятъ о прелести спасительнаго своемыслія, напрасно взываютъ къ свободѣ, напрасно напоминаютъ о священной обязанности, стремиться къ истинѣ и взыскивать ее для безусловнаго ея достоинства, ради ея самой; — упрямцы не терпятъ того, что тревожитъ ихъ совѣсть, лѣнь и привычка боятся новизны, закоснѣлая недобросовѣстность Софистовъ гнушается всякими вразумленіями. Хвала же и честь тѣмъ героямъ, кои пробуждаютъ человѣчество отъ дремоты, кои производятъ измѣненія къ лучшему въ косныхъ умахъ своего вѣка и воспитываютъ цѣлыя поколѣнія въ мысляхъ здравыхъ, свѣтлыхъ, плодовитыхъ!

Статья II.

Полное мысленіе условное или *относительное.*

§ 187.

Единство, вносимое въ хаосъ представленій *на авось*, состоитъ то изъ *стихійныхъ созданій мыслящей* силы, то изъ *категорій*, то изъ *Наукъ*. Вотъ дѣйствія, коими описывается кругъ полнаго нашего мысленія условнаго!

Пунктъ 1-й.

Стихійныя созданія мысли.

§ 188.

Стихійныя созданія мыслящей силы суть *понятія, сужденія и заключенія.*

§ 189.

А) Что касается до понятій; то они

1) Проистекаютъ изъ познанія внутренней связи многоразличныхъ элементовъ *одного* и *тогоже* предмета тамъ, гдѣ мы схватываемъ послѣдніе въ *удѣльной* совокупности ихъ существованія;

2) Понятія бываютъ и *общими*, когда выражаютъ одинаковые признаки, въ нѣсколькихъ вещахъ подмѣчаемые,—когда выражаютъ связь многоразличныхъ существъ и явленій извѣстнаго рода, по крайней мѣрѣ, наружную.—*Безъ дальняго труда составляете вы себѣ* предварительно сіи понятія изъ привычнаго уже сочетанія *общихъ*

образовъ, а еще легче и въ большемъ количествѣ изъ преданій Исторіи, изъ прививныхъ уроковъ школы, изъ свободной бесѣды съ современнымъ человѣчествомъ. Но вы образуете оныя и умышленно тамъ, гдѣ, *сличая* представленія многоразличныхъ предметовъ, частію *устраняете*, или нарочно помрачаете въ сознаніи разныя стороны, между которыми не видите соприкосновенія, единства, однородности; частію *схватываете* или *отбираете* тѣ свойства, силы, состоянія и отношенія, кои суждено имъ постоянно раздѣлять между собою во временномъ ихъ существованіи. Общее понятіе, на семъ пути добываемое, объемлетъ каждую изъ низшихъ, *подвѣдомыхъ* ему, вещей, представляя всѣ оныя въ сложномъ видѣ умственной, отвлеченной единицы. Оно выражаетъ невидимую ихъ сущность, выражаетъ ихъ силу, душу, входитъ въ ихъ *опредѣленіе*, какъ необходимое *знаменіе*, напечатлѣнное на каждой.

3) Наконецъ къ отдѣльнымъ и общимъ пониманіямъ присовокупляются еще и тѣ, кои занимаютъ между ими *средину*. Ибо не понимаемъ ли мы и тогда, когда узнаемъ нѣчто изъ другаго, *напр.* видъ и величину *проблематическаго* тѣла изъ очертанія и величины его тѣни?—Сія—*посредствующая*—мысль завѣдываетъ не столько существованіемъ предмета, сколько *способомъ* его происхожденія; она объемлетъ явленіе въ связи его съ прочими, объемлетъ въ цѣлости условій и вре-

менныхъ состояній его жизни. Всѣ такія посредствующія понятія основываются на предположеніи развитія и, проистекающей оттуда, связи какъ вещей въ природѣ, такъ и событій въ Исторіи.

§ 190.

Существенная принадлежность всѣхъ понятій та, что они приводятъ разнообразныя созерцанія, внѣшнія и внутреннія, къ одному *знаменателю*. Поелику множество понятій, добытыхъ только, но разрозненныхъ, *рапсодическихъ* не удовлетворяетъ той потребности, которая любитъ въ многоразличіи вещей отыскивать общее правило ихъ сопребыванія, то смыслъ и съ самыми начальными своими созданіями принужденъ бываетъ предпринимать дальнѣйшія *операціи*, посредствомъ коихъ то на восходящемъ пути—*отвлеченія*—онъ добываетъ изъ прежнихъ высшія, болѣе обширныя, то на нисходящемъ пути *ограниченія*—т. е. присовокупленія отличительныхъ признаковъ, образуетъ низшія, болѣе тѣсныя, то наконецъ, соединеніемъ сихъ дѣйствій, приводитъ понятія, какъ высшія и низшія, такъ равно и противоположенныя, другъ друга исключающія и другъ друга дополняющія, въ такую систему, въ которй не только всѣ они поступаютъ въ завѣдываніе общаго единства, но въ которой и каждое вмѣстѣ съ тѣмъ занимаетъ самостоятельную свою область, описываетъ особенный свой кругъ въ цѣломъ.

§ 191.

В) Такое разпредѣленіе запаса, накопляемаго смысломъ, предоставляется нашимъ *сужденіямъ*, имѣющимъ своею задачею, то вообще различать уже нѣчто въ представленіи, то въ особенности опредѣлять отношеніе разныхъ отдѣльныхъ мыслей другъ къ другу. Посему *разсудокъ* почти вездѣ участвуетъ, болѣе или менѣе, въ образованіи нашихъ понятій: ибо не происходятъ ли они вслѣдствіе раздѣла представленій, а раздѣлять съ одной стороны не значитъ ли съ другой совокуплять соотвѣтственное? Такъ-то мы и разлученіемъ связаннаго и связью разрозненнаго и сознаніемъ взаимной относительности между многоразличіемъ и единствомъ вносимъ *порядокъ* въ безобразную массу представленій.—

§ 192.

Неослабно дѣйствуетъ разсудокъ въ жизни человѣка. Вѣчный приливъ свѣжихъ впечатлѣній и образовъ принуждаетъ сію *распорядительную силу* либо *вдвигать* оные *въ рядъ* запасныхъ уже понятій, либо возводить въ достоинство новыхъ и *соподчинять* одни другимъ, поставляя опять въ необходимую зависимость отъ ихъ относительнаго цѣлаго.

§ 193.

Такимъ образомъ а) сужденія основываются на суммѣ удовлетворительныхъ общихъ представленій, и тотъ не въ правѣ *судить*, кто напередъ

не умѣлъ *понять*. Но b) сужденія, постановляя или выражая то, на что понятіями только намѣкается, сколько *поясняютъ* данныя познанія, столько и *расширяютъ* послѣднія, укрѣпляя за извѣстнымъ предметомъ разбирательства такія свойства и ограниченія, кои дѣйствительно ему принадлежатъ, или не принадлежатъ. — Важнѣйшее же обстоятельство здѣсь то, что c) сужденія не входятъ ни въ разрядъ родоваго, ни въ разрядъ пріобрѣтеннаго достоянія, а составляются вами всякій разъ вновь. Можно прививать понятія, можно прививать и Науки; что жъ касается до приложенія и оцѣнки; то сей пунктъ всегда предоставляется собственному благоразсужденію вашему. Вотъ почему встрѣчаемъ мы такое множество *ученыхъ глупцевъ*! Вотъ почему такъ лестно даже дѣтямъ и невѣждамъ—скорѣе толковать превратно, нежели вовсе воздерживаться отъ подачи голосовъ! Ибо какъ люди общими представленіями отличаются отъ воображенія животныхъ, такъ мѣткость и быстрота сужденій отличаетъ одного человѣка—смѣтливаго и проницательнаго, отъ вялыхъ и косныхъ *недоумокъ*. Наконецъ d) разсудокъ обуздываетъ безотчетные, слѣпые порывы мечтательности и страстей; онъ любитъ общеупотребительность, приложеніе, любитъ подводить встрѣчающіеся случаи подъ запасныя правила, пріискивать къ общему особенное, къ формѣ матерію, къ цѣлямъ приличныя средства, и потому пускаетъ

свои отрасли и въ эстетическій вашъ *вкусъ* и въ нравственную вашу *совѣсть*; его здравіе значитъ тоже самое, что и крѣпость или своевластіе воли, которая въ немъ и находитъ сильнаго, надежнаго союзника.

§ 194.

С) Сужденіе есть *центральный актъ* мыслящей силы; дѣйствуя въ понятіяхъ оно *входитъ* и въ *умозаключенія* тамъ, гдѣ вы изъ отношенія одной мысли къ другой развиваете дальнѣйшія соотношенія между ними, — тамъ, гдѣ выводите сужденія изъ сужденій, — тамъ, гдѣ правильность извѣстной связи представленій понимаете изъ ея основаній, т. е. изъ правильности предыдущей связи оныхъ и слѣдственно во всякомъ случаѣ *установляете* мысли разрывчатыя, одинокія, шаткія — не по произволу и не для умственной только игры, а по необходимымъ законамъ духа и сущности. Ибо какъ понятіямъ надлежитъ возникать на позорище мысленія въ видѣ прочныхъ предметовъ, такъ точно и сужденіямъ, коими они приводятся въ порядокъ, надлежитъ выражать постоянные законы разлученія и сочетанія сихъ умственныхъ существъ. Таково требованіе *категорій*!

Пунктъ 2-й

Категоріи.

§ 195.

Категоріи суть и понятія, но понятія высшаго, *энциклопедическаго* единства; это и сужденія,

но сужденія, для каждаго необходимыя; это и умозаключенія, но такія, которыми замыкается кругъ всѣхъ познаній *туземныхъ*. Несмѣтны стихійныя созданія мысли тамъ даже, гдѣ касаются одного и того же предмета, а категорій имѣется опредѣленное число; исключительно вмѣщаются первыя въ духѣ, какъ формы, коими онъ всякій разъ установляетъ ходъ своихъ мыслей, а сила категорій признается столько же и природой, сколько духомъ; вѣчно движутся стихійныя созданія вашей мысли, но отдѣлы, вѣдомства, границы для сихъ движеній встрѣчаютъ они въ *стереотипныхъ* рамахъ категорій; порознь возникаютъ и существуютъ ваши понятія, сужденія, умствованія, а категоріи вездѣ *идутъ попарно* въ *сопровожденіи* третьяго, необходимаго понятія, такъ что Наукѣ, къ которой онѣ прокладываютъ путь, слѣдуетъ только связывать одно данное, необходимое подлежащее съ другимъ, соотвѣтственнымъ оному, необходимымъ сказуемымъ, дабы въ *итогѣ*, — *въ выводѣ узнать общіе законы и правила жизни, общій порядокъ* какъ явленій, такъ и вашихъ связныхъ, основательныхъ познаній условнаго быта.

§ 196.

Раздѣлимъ категоріи a) на такія, коими вообще выражается *возможность* быть чему либо явленіемъ, а слѣдственно и предметомъ *опытнаго* нашего познанія, — такого, которое всѣмъ равно открыто и b) на другія, означающія способъ жиз-

ни явленій какъ въ отдѣльномъ ихъ бытѣ, такъ и въ связи между собою.

§ 197.

Категоріи *перваго* разряда суть *пространство, время и движеніе,* и здѣсь законъ гласитъ: всѣ явленія, доступныя нашему созерцанію, и возникаютъ и дѣйствуютъ и измѣняются во времени, оставляя въ пространствѣ ощутительные, *замаетерѣлые* слѣды или знаменія своего бытія. Пространство же, раздѣленное на время, даетъ *движеніе*; посему сила послѣдняго необходимо *поддерживаетъ* явленія въ той и другой формѣ чувственной ихъ жизни.

§ 198.

Вторый разрядъ заключаетъ въ себѣ тѣ категоріи, которыя руководствуютъ нашъ смыслъ на пути его къ познанію, и поелику мыслящая сила дѣйствуетъ на основаніи чувствъ; то и категоріи втораго разряда *примыкаютъ* къ первымъ, начальнымъ, и составляютъ ихъ продолженіе. Такъ въ пространствѣ развивается *количество,* во времени *качество,* въ силѣ движущей извнутри наружу, — *отношеніе* — каждое съ соотвѣтственными своими моментами.

а) Законъ *количества* гласитъ: всякое явленіе, въ отдѣльномъ его бытіи разсматриваемое, есть *единица,* а какое безчисленное *множество* отдѣльныхъ предметовъ въ нашемъ мірѣ! Но сіе множество отнюдь не отлучается отъ своей единицы;

оно и находитъ въ ней общую точку соприкосновенія. Вотъ что заставляетъ насъ однородность многоразличныхъ, или разнообразіе однородныхъ явленій обнимать въ идеѣ ихъ *всецѣлости*!

b) Значеніе категоріи *качества* слѣдующее: всякое явленіе, — единое, многое и всецѣлое, *утверждаетъ себя чѣмъ либо* на чредѣ бытія дѣйствительнаго; но овладѣвая извѣстною суммою *положительныхъ* свойствъ, оно отчуждаетъ т. е. *отрицаетъ* въ себѣ многія другія, которыя предоставляетъ прочимъ вещамъ, и слѣдственно въ степени содержанія силъ и способа дѣятельности признаетъ *ограниченія*, въ существѣ конечномъ неизбѣжныя.

c) Въ порядкѣ категорій *отношенія* смыслъ встрѣчается съ *сущностію* и случайными, временными ея *принадлежностями*, съ *причиной* и ея *дѣйствіями*, и наконецъ со *взаимною* жизнію вещей. Ибо

1) Всякой скоротечности являющихся вещей служитъ основой та непреложная самостоятельная сущность, которая, не подлежа перемѣнамъ, безпрестанно свои *состоянія* возобновляетъ. Сущность и временныя, отъ нея зависимыя, принадлежности или явленія содержатся между собою, какъ внѣшнее и внутреннее, какъ бытіе развернувшееся и другое, которое ожидаетъ еще развитія отъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Сіи стороны, слѣдственно, отнюдь не чужды другъ другу, но связаны тожествомъ значенія.

2) Бытіе живое любитъ дѣйствовать, производить перемѣны; оно вовлечено въ произшествія; но ни одно произшествіе не имѣетъ основаній своего временнаго существованія въ себѣ самомъ, ни одно не понятно само изъ себя, а только изъ другихъ произшествій, отъ него различныхъ. Явленіе, которымъ опредѣляется другое, есть *причина*, а слѣдствіе или произведеніе оной, называется *дѣйствіемъ*. Сей законъ *винословности* простирается на весь міръ, открытый нашимъ чувствамъ, нашему воображенію и смыслу, означая не особенное свойство *сущностей*, а только такое отношеніе ихъ состояній, по силѣ котораго *одни изъ послѣднихъ бываютъ тѣмъ, а другія инымъ*. Но какъ, при всемъ тожествѣ сущности съ ея состояніями, мы представляемъ себѣ сущность прежде ея принадлежностей или явленій; такъ точно въ порядкѣ нашихъ мыслей и причина составляетъ *посылку*, а дѣйствіе *заключеніе*, хотя, впрочемъ, связь обоихъ членовъ относительной зависимости неразрывна: ибо одинъ здѣсь находитъ въ другомъ необходимое свое предположеніе; дѣйствіе и есть не иное что, какъ проявленіе самой причины, съ нею однородное; оно и возникаетъ тамъ только, гдѣ что либо начинаетъ быть производителемъ;

3) Сущность съ ея явленіями, причина съ ея дѣйствіями — вотъ чѣмъ держится и крѣпится общая жизнь конечныхъ вещей! Какое явленіе при-

надлежитъ только самому себѣ? — Не всякое ли состоитъ опять съ другими одновременными и сопребывающими во взаимныхъ сношеніяхъ, *въ обоюной* винословной связи, которая ощутительнымъ образомъ выражаетъ общее единство вещей и существеннѣйшую однородность? Отъ того Вселенная во всякое время есть живое цѣлое, въ которомъ люди, государства, силы природы, тѣла небесныя и духи, словомъ всѣ члены органическаго Мірозданія, по особеннымъ свойствамъ и отношеніямъ каждаго, могутъ болѣе или менѣе опредѣлять другъ друга. — Въ категоріи взаимности или общенія теряются всѣ предыдущія.

Пунктъ 3-й.

Науки.

§ 199.

Достаточная сумма не только однородныхъ, но и свѣренныхъ понятій, сужденій и умствованій,— сумма не только расположенная по *топическимъ мѣстамъ*—категорій, но и связанная *общимъ началомъ*—вотъ что даетъ цѣлость познаній объ опредѣленномъ кругѣ предметовъ! Вотъ, что даетъ систему! Но здѣсь свободно дѣйствующее, *распорядительное мысленіе* оказывается *вообще* въ преобладающемъ направленіи либо къ *формальной, школьной* сторонѣ вѣдѣнія, либо къ *матеріяльной, свѣтской, дѣльной,* либо къ *безусловной.*

§ 200.

А) Гдѣ мыслящая дѣятельность устремляется къ своей цѣли путями формы; тамъ она схватываетъ сама себя въ своемъ полетѣ, развиваетъ внутренніе законы, по коимъ должна поступать, обработываетъ по симъ законамъ запасныя мысли и приводитъ оныя въ тѣсную связь. Что происходитъ вокругъ ея въ природѣ и въ Исторіи, — все то ей чуждо, враждебно. Если только созданія ея совмѣстны между собою, если они *сдвинуты* такъ, что здѣсь мы видимъ основаніе, а тамъ слѣдствіе, если они взаимно опредѣляютъ другъ друга; то они приведены въ такой порядокъ, какого требуетъ Наука; вещи разгаданы; отчетъ въ томъ, что найдено въ сознаніи, представленъ; свободное любовѣдѣніе *кабинетное* удовлетворено.

§ 201.

Но В) обработываемыя симъ *схоластическимъ* методомъ, мысли недолжны ли быть заимствуемы откуда либо, не должны ли быть заимствуемы изъ природы вещей? Не бываютъ ли отвлеченности тѣмъ пустѣе, чѣмъ залетаютъ выше? Не шествуетъ ли жизнь безпрестанно впередъ, оставляя системы понятій, классически установленныя, всегда запоздалыя, далеко позади себя? Вотъ почему смыслъ ищетъ болѣе прочной пищи въ существенныхъ, изъ опыта заимствуемыхъ, Наукахъ. Тутъ онъ обращается къ жизни, къ бытію, кои не только чувственною дѣятельностію познанія схва-

тываетъ въ возможной полнотѣ, такъ какъ они предлагаются ему на усмотрѣніе; но можетъ и обработывать богатый свой запасъ въ такой мѣрѣ, въ какой нужно оный обнять и устроить.

§ 202.

Симъ способомъ 1) Получаются не голыя, не мертвыя, не пустыя понятія, а такія, которыя вмѣщаютъ въ себѣ что то дѣйствительное, живое. Такъ 2) при помощи повѣренныхъ *свидѣтельствъ, безпристрастныхъ наблюденій* и *опытовъ*, при помощи *умствованій* чрезъ *наведеніе* и *аналогію*, при помощи предварительныхъ *ипотезъ*, мы на семъ пути доходимъ до *общихъ познаній*, вездѣ открывая свободный доступъ дальнѣйшимъ вразумленіямъ. 3) Такъ наконецъ при *формальномъ* содѣйствіи *Математики* и при *матерільномъ* участіи искуства—*разлагать* безконечно многосложныя существа на небольшое число простыхъ частей, мыслящій человѣкъ пріобрѣтаетъ твердое и благоустроенное познаніе того, что есть; — пріобрѣтаетъ *существенную науку—историческую, естественную, государственную, антропологическую* и про. обработывая, повѣряя и приводя въ порядокъ сколько данное внѣшнее бытіе, столько же и преданія, сколько явленія духовной нашей жизни, столько же и отношенія людей другъ къ другу.

§ 203.

Сей методъ, черпающій изъ *источника живой*

воды и руководимый при томъ законами мысленія, даетъ, какъ кажется, прочный составъ своимъ Наукамъ. Онъ предохраняетъ отъ пустыхъ отвлеченностей; онъ вмѣстѣ съ формами представляетъ и содержаніе оныхъ, не теряясь, однакожъ, въ разнообразіи данныхъ матеріяловъ. Ибо чувства и смыслъ дѣйствуютъ въ немъ нераздѣльно; что первыя порознь заемлютъ изъ богатой, неизчерпаемой сокровищницы творенія; то послѣдній обнимаетъ и приводитъ въ порядокъ, и если онъ тутъ—практически—обращается снова къ видимой Вселенной такъ, что его понятія, категоріи и правила становятся въ ней дѣятельными силами, зиждительными *энтелехіями*, то упомянутый методъ не вводитъ ли насъ, мало по малу, во владѣніе лестною собственностію, обѣтованною Владыкѣ природы? Такимъ образомъ познающая дѣятельность, въ семъ опытномъ ея направленіи, можетъ удовлетворить тѣмъ болѣе, что она и для чувствъ и для воображенія и для смысла получаетъ въ немъ все новую пищу и слѣдственно съ безпрестаннымъ удовлетвореніемъ, безпрестанно новый вызовъ на прибыльные поиски, въ такомъ объемѣ и въ такой степени, для которыхъ жизнь и сила одного человѣка недостаточны. И въ самомъ дѣлѣ, наибольшая часть Ученыхъ, для которыхъ Наука, въ обширномъ смыслѣ, есть потребность души, съ симъ способомъ и сею степенью *факультетскаго* познанія получаютъ свою *отпускную*, которая уволь-

няетъ ихъ отъ дальнѣйшихъ думъ, увольняетъ отъ *роскоши* познаній, отъ затѣй умозрительныхъ.

§ 204.

С) Какое, за всѣмъ тѣмъ, множество остается еще задачъ, отклоняемыхъ удѣльными, факультетскими, условными Науками и препровождаемыхъ ими, подъ названіемъ *леммъ*, куда-то далѣе, на смотръ и повѣрку! Какое множество задачъ, съ неотразимою силою навязывающихся той затѣйливой пытливости ума человѣческаго вообще, которая не довольствуется однимъ разпорядкомъ находимаго или даннаго запаса, но которая *смутными гаданіями* уже предвосхищая истину первоначальную въ ясномъ, живомъ, *неугомонномъ* чувствѣ пробудившихся потребностей высшаго рода, силится проникнуть во внутреннюю экономію вещей, разоблачить божественную ихъ сущность, силится дознать, что онѣ такое *значатъ сами по себѣ*, въ вѣчномъ ихъ основаніи, а за тѣмъ и во временномъ ихъ развитіи. Ибо сіе только свободное познаніе совершенно овладѣваетъ идеальными своими произведеніями; оно одно успокоиваетъ средобѣжную мысль на счетъ *загадочнаго* устройства общей жизни.

§ 205.

Гдѣ познающая дѣятельность человѣка, обращается съ сею потребностію и съ симъ стремленіемъ 1) къ внѣшнему міру, тамъ будетъ она

стараться досягать въ сущность явленій сквозь легкіе, туманные, мистическіе ихъ покровы и подмѣчать первоначальное устройство извѣстной вещи, извѣстнаго рода вещей, извѣстнаго отношенія, слѣдственно разгадывать то, что онѣ такое значатъ на своемъ мѣстѣ, въ *довременной* какой то *табели о рангахъ*, въ Божественномъ Разумѣ, и какими, въ слѣдствіе сего начала, надлежитъ имъ являться во временной жизни, — въ ихъ механическихъ движеніяхъ, въ химическихъ производствахъ, въ органическихъ порожденіяхъ.

§ 206.

Съ сею потребностію человѣкъ входя 2) *въ самаго себя*, старается ясною и опредѣлительною мыслію схватить то, что внутренняя жизнь возвѣщаетъ ему въ видѣ первоначальныхъ истинъ и то, что изъ оныхъ для его сознанія вытекаетъ, какъ необходимое слѣдствіе, — открыть то, что для его жизни въ свободныхъ ея проявленіяхъ и внѣшнихъ отношеніяхъ по первоначальному устройству необходимо; словомъ познать цѣль и законы своего хотѣнія и своихъ поступковъ и внѣшняго порядка общественной жизни, познать и внутреннее значеніе, цѣль и законы любопытныхъ движеній человѣчества въ Исторіи.

§ 207.

Но сущность жизни и историческихъ состояній особенной твари на указанномъ ей мѣстѣ по-

нятно только изъ 3) *всецѣлости*, однозначительной, неразлучной съ безконечнымъ разнообразіемъявленій подчиненныхъ и равночинныхъ. Смутная, хотя и правильная мысль, что Вселенная есть цѣлость — эта мысль хочетъ сама для себя сдѣлаться ясною. Вотъ почему пытливость проникаетъ до того единства основанія и сущности, по силѣ коего міръ есть огромное тѣло органическое. Устремляясь мыслію отъ разсматриванія міра, особенно же отъ созерцанія глубокихъ таинствъ собственной своей жизни къ послѣднему, безусловному началу всякаго условнаго бытія и устройства съ намѣреніемъ и упованіемъ познать оное такъ, какъ оно возвѣщается намъ въ природѣ и въ нашей жизни, человѣкъ сими стремленіями своими, не *праздными*, но производительными, плодородными, благоуспѣшными, познаетъ купно съ безусловнымъ основаніемъ и первоначальные законы всякой жизни, какъ той, которая въ своей сущности почіетъ, такъ и той, которая судьбою вовлечена во временныя, разрывчатыя, постепенныя откровенія своей сущности. Тутъ то наше познаніе о мірѣ и о самихъ себѣ получаетъ надлежащую *основательность*; только изъ единства безусловной вины проразумѣваемъ мы и необходимую гармонію между идеальнымъ и естественнымъ царствомъ,—гармонію, по силѣ коей не только одно отсвѣчивается въ другомъ и потому одно другому такъ доступно, но и оба, участвуя бытіемъ въ сущно-

сти божественной жизни, участвуютъ и способомъ дѣятельности въ формѣ ея откровеній.

Статья III.

Полное мысленіе безусловное.

§ 208.

Здѣсь-то изъ хаоса мыслей возникаютъ *идеи*, здѣсь-то вступаетъ и *разумъ* въ свои державныя права, здѣсь-то открывается позорище и той пре. словутой *философіи*, которая для однихъ соблазнъ, для другихъ буйство, для всѣхъ же потребность.

Пунктъ 1-й

Идеи.

§ 209.

1) *Мертвы* всѣ наши понятія, *добываемыя* посредствомъ отвлеченія, *живы* идеи, непосредственно созерцаемыя тою силою души, которой сообщено *чувство для вещей сверхъ-чувственныхъ.* 2) *Цѣлостію* бытія завѣдываетъ идея, поглощая въ себѣ всѣ противоположности, не раздвигая формъ жизни, а схватывая внѣшнее купно съ его внутреннимъ, схватывая сущность купно съ временными ея порожденіями; понятія же любятъ противопоставлять, разлучать; такъ идеѣ принадлежитъ *человѣчество*, а понятію предоставлены *люди* съ ихъ возрастами, полами, темпераментами, породами и пр: 3) Идеи непреложны,

всегда одинаковы, а понятія измѣнчивы. Не является ли идея *напр.* воды для понятій, то въ видѣ жидкаго вещества и пара, то въ видѣ твердаго льда, то въ видѣ воздухо-образнаго газа? 4) *Первоначально* внѣдрены идеи въ твореніе, а понятія всегда производны, зависимы и подлежатъ отвѣтственности; тѣ имѣютъ свое основаніе только въ самихъ себѣ, а сіи снимаются съ данныхъ предметовъ и потому 5) всегда образуемы бываютъ *отвнѣ*, тогда какъ *непонятныя, безотчетныя* идеи, *напр.* жизни, свободы и. т. п. и дѣйствуютъ и познаются *извнутри*. Видѣть въ Государствѣ *машину*, видѣть общество людей, уговорившихся ограждать безопасность своихъ правъ и видѣть въ немъ организмъ *человѣчества*, — какая разница взглядовъ! 6) Идеи зиждутъ, порождаютъ, влекутъ за собою соотвѣтственный предметъ, который понятія стараются выразумѣть и объяснить. Не предвосхитилъ ли *Колумбъ* творческою идеей существованія той Америки, о свойствахъ коей начали съ его времени имѣть понятіе Европейскіе Путешественники и Ученые? Такъ 7) идеи имѣютъ *повелительную* или *принудительную силу законовъ*. Пускай Наука, Искуство и жизнь являются съ свойственными имъ, ограниченіями; какая до того нужда идеямъ? Онѣ по крайней мѣрѣ неотступно *требуютъ* произведеній лучшихъ, совершеннѣйшихъ, образцовыхъ; что жъ касается до понятій, то они, холодныя, незатѣйливыя—сберегаютъ въ общихъ

формулахъ то, что есть. 8) Кто̀ имѣетъ понятія, какъ не *мы* — люди? А идеи пользуются независимостію бытія. Сіи самообразы существуютъ сколько въ насъ, столько же и внѣ насъ; каждая тварь, каждое тѣло небесное, каждый человѣкъ не есть ли живая мысль въ божественномъ Разумѣ? Не принадлежитъ ли *Ему*—жизнодавцу, какъ собственность верховному владыкѣ? 9) Смысломъ только созидаются понятія, а идеею *напр.* Изящнаго озабочена и фантазія, про идею *напр.* блаженства знаетъ и сердце. 10) Идея *выше* своего предмета, который никогда не бываетъ ей въ *мѣру*; а понятіе всегда *ниже* своего предмета и опредѣляетъ иныя только, а не всѣ стороны, съ какихъ онъ является; почему идея никогда не готова и способна развиваться въ безконечность, а *скоростѣлыя* понятія наши передаются въ опредѣленіяхъ изъ школы въ школу, изъ поколѣнія въ поколѣніе. 11) Идеи всегда *прямаго, положительнаго, истиннаго* качества, а понятій тьма и ложныхъ и превратныхъ и отрицательныхъ. 12) Понятія образуются *восходящимъ* путемъ, чрезъ подборъ общихъ признаковъ, а идеи образуются путемъ *нисходящимъ*; это, такъ сказать, *падшіе*, отъ Божественнаго сознанія отложившіеся, съ неба сверженные духи, изъ коихъ каждый получилъ въ свое и вѣдѣніе и въ управленіе и въ назиданіе особенный удѣлъ земныхъ тварей, то пребывающихъ, то движущихся, то познающихъ.

Пунктъ 2-й.

Разумъ.

§ 210.

Въ стремленіи, обнимать вещи идеями, выказывается духъ въ качествѣ *разума.* Не даръ ли это благодати избраннымъ? Не особенное ли направленіе, не особенный ли способъ идеальной жизни? Нѣтъ. Это 1) общій нашъ характеръ, это наше родовое достояніе; въ благословеніяхъ его позволено участвовать и тому, кто обиженъ смысломъ, разсудкомъ; отъ того мы говоримъ *о различіи умовъ,* но употребляемъ *разумъ* только въ единственномъ числѣ; 2) это высочайшее, всестороннее развитіе проницательной мысли, которую мы такъ любимъ чествовать: ибо не ей ли мы поклоняемся въ лицѣ Верховнаго Разума? Это 3) Божественная сила, въ коей живетъ, движется и пребываетъ какъ міръ съ своими *сущностями,* такъ и человѣкъ съ своими идеями.

§ 211.

Таковъ разумъ самъ по себѣ, въ возможности, въ идеѣ, въ значеніи *существительномъ.* Но въ явленіи, но въ смыслѣ *прилагательномъ*, въ значеніи силы туземной, дольней, дѣловой, служебной, онъ во временныхъ стремленіяхъ своихъ пытливый, мятежный, затѣйливый Романтикъ — есть *живительное начало свободныхъ движеній духа*

вообще. Тутъ онъ познаетъ не то, либо иное, не съ одной какой нибудь стороны, а внѣдряется во всѣ дѣйствія, во всѣ степени познанія. Онъ —то возбуждаетъ *осязаніе, слухъ, зрѣніе* и проч. къ внимательной и отчетливой встрѣчѣ тѣхъ явленій, коихъ натискъ едва допускаетъ новую гостью міра, немощную, дѣтскую душу нашу до смутныхъ чувствованій нѣкоего бытія — грознаго и оглушающаго; — онъ-то нестройную массу мечтаній, картинъ, призраковъ, *наводняющихъ воображеніе* и распредѣляетъ по произволу и одушевляетъ гаданіями существенной ихъ значительности; онъ то заставляетъ смыслъ, сперва приводить въ порядокъ богатыя свои пріобрѣтенія, дѣлать имъ обзоръ и управлять запасомъ представленій отвнѣ, а потомъ и досягать извнутри въ первоначальное единство жизни и бытія, проникать въ самыя стихіи понятій и сужденій и отыскивать начала умозаключеніямъ; онъ-то разгадываетъ и внутреннія движенія сердца, онъ-то постигаетъ и духъ всякихъ преданій сквозь таинственные ихъ покровы, удачно разбираетъ—посвоему—священные іероглифы и руническія письмена, которымъ не имѣетъ нужды изучаться, видя вездѣ собственныя свои откровенія, видя и въ физіономіи вещей и въ ходѣ исторіи не игру слѣпаго механизма или произвола, а такое благоустройство развивающейся жизни, которое по свойству и по идеѣ самаго духа необходимо.

§ 212.

Такимъ образомъ, разумъ изъ *возможнаго* бытія своего приходитъ въ бытіе *дѣйствительное*, историческое не иначе, какъ съ развитіемъ и упражненіемъ прочихъ дарованій душевныхъ, въ которыхъ и являетъ державную свою промыслительность и которыя всѣ понимаетъ, равно какъ понимаетъ и себя самаго, оставаясь однакоже для нихъ тайною неисповѣдимой. По сей причинѣ опасный врагъ ему есть всякая недозрѣлая, односторонняя сила, которая *берется* руководствовать жизнію. Воображеніе, самому себѣ предоставленное, смыслъ, ограничивающійся только поверхностнымъ сводомъ данныхъ *явленій и преданій*, слѣпой произволъ, не умѣющій подчинять себя законамъ необходимости, темныя ощущенія грубаго сердца — фанатика и т. п. — вотъ тѣ густыя и тлетворныя испаренія, которыя *заслоняютъ намъ живительный, благодатный зракъ всевидящаго солнца правды*! Ибо прямо созерцая внутреннее, первоначальное, необходимое устройство вещей, разумъ самъ по себѣ столь же мало обманываетъ, какъ и чувства, которыя доводятъ до нашего свѣдѣнія то, что являетъ имъ опытъ. Такъ-то всякое заблужденіе называемъ мы *недоразумѣніемъ*, всякое зло *неразуміемъ*; такъ-то вполнѣ постигать вещь или отношеніе значитъ *вразумляться*!

§ 213.

Впрочемъ пускай *пріискъ* идей принадлежитъ

разуму, — самое обработаніе и употребленіе сихъ сокровищъ предоставляется опять тому *разсудку*, который сравниваетъ, установляетъ и приводитъ въ порядокъ наши чувствованія, наши представленія, наши понятія, заимствуемъ ли мы оныя изъ дольняго міра, или изъ горняго. Вотъ почему сей *центральный актъ мысленія человѣческаго*, овладѣвая и самыми идеями, долженъ оныя, для отстраненія суемудрой глумливости, подводить подъ формы здравой логики, сближать съ нуждами всѣхъ и каждаго, пускать, по долгу хозяина не скупаго, въ *обиходъ* и обработывать по возникающимъ здѣсь *категоріямъ* высшаго рода, вдвигая всѣ вещи, содѣлавшіяся собственностію мысли, въ раму *Истиннаго*, вдвигая всѣ начинанія и всѣ свободныя отношенія жизни человѣческой, въ раму *Добраго* по требованію *благоразумія*, и наконецъ вдвигая соотвѣтственныя явленія или ощутительныя органическія формы удачно развернувшейся сущности въ раму *Изящнаго*.

Пунктъ 3-й.

Философія.

§ 214.

То, что на основаніи идей производитъ въ наше назиданіе разумъ по законамъ распорядительной силы мыслящей, есть *система истиннаго вѣдѣнія*, которая беретъ на себя священную обязан-

ность, *идеями* своими *вразумлять* возбужденнаго человѣка ближайшимъ образомъ или непосредственно въ послѣднихъ, окончательныхъ, а посредственнымъ образомъ и во всѣхъ необходимыхъ задачахъ многосложной его жизни. Посему a) Философія есть Наука не особенная, но всѣмъ факультетамъ, всякому роду занятій *общая*; отъ васъ зависитъ *отыскать* ее—безпріютную, въ массѣ предметовъ Ботаники и Законодательства, Медицины и жизни, Богословія и языка, Математики и туалета. Но b) никто не имѣетъ къ ней *прямаго* доступа, ни даже тотъ, на чьемъ челѣ она, при вступленіи его въ свѣтъ, успѣла *прежде матери напечатлѣть поцѣлуй любви*. Если разумъ выказывается только въ дѣйствіи прочихъ способностей, если сущность познается только изъ явленій; то и *умѣнье, глядѣть* на вещи *глазами Философа*, пріобрѣтается только тщательнымъ изученіемъ прочихъ Наукъ *существенныхъ*. c) Какъ же обширна, какъ безконечна задача любомудра и относительно къ объему его предметовъ и относительно къ предлежащему оныхъ усовершенію!

§ 115.

Разумная, богоподобная душа человѣка, стремясь къ совершенству, предоставленному ея свободѣ, старается мысленно овладѣть всѣми откровеніями жизни, — хочетъ утвердиться въ знаніи вещей *подлинныхъ*, вѣчно *истинныхъ*, достойныхъ *всякаго пріятія*, — тѣхъ *былыхъ*, *настоя-*

щихъ и *быть имѣющихъ*, кои съ силою и характеромъ *необходимости* вступаютъ въ область *дѣйствительнаго* либо тамъ, гдѣ самое уже бытіе прямо о себѣ *извѣщаетъ*, оказываясь такимъ, какимъ оно устроено, либо тамъ, гдѣ — производнымъ образомъ—въ мысляхъ и въ познаніяхъ извлекаемо бываетъ изъ чего-то другаго, какъ естественное слѣдствіе. — Чтожъ человѣкъ истинно *вѣдать* можетъ? То, что навязывается здравому, необманчивому его сознанію, слѣдственно a) то, что непосредственно мы усматриваемъ въ себѣ и внѣ себя, какъ чувствами внѣшними и внутренними, такъ и самыми идеями разума, b) то, что усматриваютъ другіе: ибо и чужому опыту, коль скоро онъ не опровергается другими своими или нашими наблюденіями, либо собственною неопредѣлительностію и нелѣпостію первыхъ, мы присвоиваемъ такую точно необходимость представленія, какую мы и сами въ себѣ подмѣчаемъ, c) наконецъ мы и то знаемъ, что можемъ *доказать* изъ содержанія другихъ представленій, по себѣ необходимыхъ.

Грань 3-я.

Способъ посредствующаго или смѣшаннаго познанія = Память.

§ 216.

Степень познающей дѣятельности, которая занимаетъ *средину* между косными, связанными чув-

ствами, и между подвижнымъ, болѣе свободнымъ мысленіемъ, которая и участвуетъ въ дѣйствіяхъ и укрѣпляетъ за собою всѣ созданія и первыхъ и послѣдняго, которая даже, въ качествѣ памяти сердца, вмѣщаетъ въ себѣ ощущенія и склонности, словомъ, всѣ состоянія жизни человѣческой, сопровождаемыя представленіями, извѣстна подъ именемъ *памяти*. Посему память имѣетъ своею задачей — какъ познавать познанное, т. е. сохранять тожество теперешнихъ явленій внутренняго быта съ прежними, такъ и возобновлять— по требованію — былыя положенія нашего Я, удерживать въ своей власти, пріобщать къ достоянію своей жизни, *увѣковѣчивать* и *обладаніе* и *распоряженіе* тѣмъ, что съ силою и ясностію вошло въ сознаніе путемъ чувствъ и смысла, путемъ сердца и воли, — оказывать, вообще говоря, *теоретическое присутствіе духа*.

§ 217.

Если чувства вещественными своими предметами, если воображеніе своими картинами *возбуждаютъ* только свободныя *движенія* нашей мысли, то слѣдствія или выводы и онаго возбужденія и сихъ движеній какъ бы *осаждаются* въ памяти. Вотъ почему она непосредственно принимаетъ въ свое завѣдываніе дѣйствительныя явленія внутренняго опыта, подобно чувствамъ, съ которыми раздѣляетъ и потребность особенныхъ органовъ! Вотъ почему дѣятельность ея придерживается отча-

сти тѣхъ же самыхъ условій и законовъ, коимъ подлежитъ воображеніе, различаясь, однакожъ, отъ сего послѣдняго обширностію своего вѣдомства, въ которое вовлекаетъ и отвлеченныя порожденія смысла и самыя идеи разума! Вотъ почему она примыкаетъ и къ мышленію тамъ, гдѣ занимается сравненіями, примыкаетъ и къ свободѣ тамъ, гдѣ нарочно или искуственно хочетъ *усвоить себѣ* извѣстныя вещи идеальнымъ актомъ завладѣнія или гдѣ *умышленно* воскрешаетъ требуемыя воспоминанія!

§ 218.

Любитель чистыхъ дѣвъ Геликона усердно чествуетъ и мать ихъ—*Мнемозину*, ту память, которая наблюдаетъ за сохранностію всѣхъ идеальныхъ дѣйствій: ибо, еслибы представленія находились въ какомъ теченіи, что ни одно прежнее не возвращалось бы въ душу, то внутреннее образованіе былобы невозможно, и жизнь, опираясь о рыхлую основу то чувствъ, то подвижныхъ, зыбкихъ, произвольныхъ, *летучихъ* мыслей, не имѣла бы прочности въ своемъ составѣ. Чтожъ видимъ на опытѣ? По творческому мановенію волшебницы,

По слову одному ростутъ
Полки ея изъ скрытыхъ становъ,
Какъ холмы въ морѣ изъ тумановъ.

Память блюдетъ опыты наши и познанія, въ которыя мы имѣемъ вѣру несомнѣнную: ибо мы столько и вѣдаемъ, сколько можемъ упомнить; па-

мять созидаетъ и *время*, въ которомъ предметы внѣшняго и внутренняго міра движутся, слѣдуя другъ за другомъ, памяти ввѣрено сознаніе единства и цѣлости личнаго нашего существа, ей ввѣрено и руководство самою мудростію житейскою, которая учреждаетъ свои поступки по правиламъ принятымъ, весьма извѣстнымъ и *памятнымъ* человѣку съ характеромъ.

§ 219.

Какъ сила, притягивающая атомы и осаждающая оные около своей оси въ заматерѣлыхъ созданіяхъ, не есть только страдательная, но живая, вѣчно дѣйствующая,—именно въ семъ *магнитномъ* производствѣ, такъ и память не задерживаетъ только представленія или чувствованія въ сознаніи, но возобновляетъ оныя, или пускаетъ опять накопленную массу капитала въ движеніе, извлекаетъ сокровища *изъ—подъ спуда*, выводитъ на позорище сознанія тѣ смутныя, темныя представленія, которыя хотя намъ и не чужды, но которыя либо не проникнуты мыслящею дѣятельностію, либо состоятъ вообще въ косвенномъ отношеніи къ теперешнему, къ данному порядку и ходу мыслей, либо же при встрѣчѣ съ разными направленіями духовныхъ движеній опять затмились.

§ 220.

И память, по свидѣтельству опыта, зависитъ отъ *тѣлесныхъ условій*. Но условіе не есть еще *причина дѣйствующая*. Напечатлѣваются ли въ

мозгѣ *памятливаго* извѣстные слѣды, входящіе въ связь съ представленіями, какъ *матеріальныя идеи*, сотрясаются ли нервныя волокна, или органическій эѳиръ, всякій разъ — по востребованію, группируются ли мельчайшія частицы мозговой мякоти отъ нѣсколькократнаго напряженія нервовъ — какъ бы то ни было—представленія, заронившіяся въ память и въ ней опочившія, отнюдь не переходятъ въ состояніе коснаго бытія; они и поддерживаются и приводятся въ оборотъ мыслящею силою и слѣдственно состоятъ все—таки въ вѣдомствѣ духовной жизни. Вотъ почему память и воспоминаніе начинаютъ замѣтно дѣйствовать тогда только, когда предметы приковали къ себѣ вниманіе наше, когда чувствованія переработаны уже до извѣстной степени мысломъ, когда мы пріобрѣли и навыкъ въ употребленіи словеснаго языка, когда человѣкъ остепенился и въ состояніи владѣть собою: ибо сколь мало благопріятствуетъ памяти жизнь слишкомъ поспѣшная и разсѣянная, при которой ничто неможетъ содѣлаться нашимъ достояніемъ, при которой напротивъ—мы сами бываемъ добычею чужой власти, добычею впечатлѣній или чувствованій столь же много съ другой стороны, развиваетъ ее спѣяніе силъ, болѣе медленное, равномѣрное, самостоятельное.

§ 221.

Память не имѣетъ ни особенныхъ предметовъ, ни особенныхъ законовъ. Вникая въ отправленія

всѣхъ силъ душевныхъ, она сообразуется то не вольно, то умышленно, съ порядкомъ движенія каждой. Сочетавается ли она съ чувствами? Въ семъ случаѣ она любитъ схватывать то, что сильно поражаетъ ихъ вниманіе, — любитъ схватывать предметы свѣжіе, огромные, рѣзкіе, блестящіе, въ теченіи гармоническіе, каковы напр. стихи. Сочетавается ли съ представленіями? Она всего охотнѣе подмѣчаетъ въ массѣ ихъ образы ясные, опредѣлительные, важные. Прилѣпляется ли къ мыслямъ? Она скорѣе отличаетъ между ими удобопонятныя, главныя, складныя, чѣмъ сбивчивыя, подчиненныя, неправильныя, безпорядочныя. Входитъ ли въ заговоръ съ волею? Она долго останавливается на томъ, что интересно для нашего эгоизма, что льститъ нашимъ склонностямъ, побужденіямъ и страстямъ, что согласуется съ любимыми мнѣніями каждаго, что способствуетъ доблестнымъ его начинаніямъ, что заботитъ его совѣсть. Обращается ли наконецъ къ сердцу? Она продолжаетъ воспоминанія о быломъ въ той мѣрѣ, въ какой послѣднее подстрѣкаетъ его къ новой дѣятельности. Поелику же скорбь глубоко внѣдряется въ душу и болѣе пробуждаетъ насъ къ чувству собственныхъ силъ нашихъ; то и оставляетъ по себѣ впечатлѣнія долѣе, нежели радость, которая заставляетъ насъ теряться въ предметахъ.

§ 222.

Совершеннаго безпамятства чужды и живот-

ныя, не только люди, — здоровые, взрослые. Но какъ не позавидовать тому счастливцу, который и въ *мигъ* обнимаетъ *множество* предметовъ и *долго* хранитъ то, что запало въ душу и *вѣрно*, такъ сказать, по первому требованію, по *предъявленію*, возвращаетъ запасъ, столь необходимый какъ для видовъ познанія, такъ и для мудраго направленія воли? Но это идеалы памяти: ибо одно уже изъ такихъ совершенствъ обыкновенно дѣлаетъ подрывъ другому; рѣдко простираются они и на всякіе предметы, а только на иные, любимые, избранные, да и между ими не столько на существенные, важные, т. е. на мысли, сколько на чувственные знаки послѣднихъ. Посему памятованіе длиннаго ряда словъ, звуковъ, чиселъ—вотъ талантъ, которымъ изумляютъ насъ люди многоязычные, умственные счетчики и т. п!

§ 223.

Какая разница между счастливою памятью Митридатовъ, и между вялою, ненадежною, крайне *слабою памятью*

a) Тѣхъ *недоумокъ*, которые предметъ свой, особливо по себѣ уже измѣнчивый, обнимаютъ неопредѣлительно, въ половину,—съ опущеніемъ многихъ свойствъ и съ произвольными *подлогами* досужей мечтательности,

b) Тѣхъ отшельниковъ, кои, привыкнувъ жить исключительно въ самихъ себѣ, равнодушно смо-

трятъ на свѣтъ, столь общій всѣмъ намъ и столь богатый поучительными опытами,

c) Тѣхъ вѣтрениковъ, особливо столичныхъ, коихъ шаткій интересъ на извѣстное только время— впредь до усмотрѣнія — бываетъ возбуждаемъ для того, чтобы вскорѣ *опять* смѣниться другимъ,

d) Тѣхъ *духовныхъ* сластолюбцевъ, кои въ книгахъ и концертахъ, въ проповѣдяхъ и спектакляхъ, въ путешествіи и въ обозрѣніи картинныхъ галлерей поспѣшаютъ все къ чему то новому, последнему, не успѣвая переработывать прежній запасъ,

e) Тѣхъ престарѣлыхъ, кои утратили и силу и расположеніе къ участію въ *дѣлахъ текущихъ*, наконецъ,

f) Тѣхъ больныхъ, у коихъ общее разстройство тѣла, причиняемое именно нервическими припадками и распутствомъ всякаго рода, влечетъ за собою повсемѣстное безпамятство, а разстройство внутреннихъ, *мѣстныхъ* органовъ памяти—частное забвеніе иныхъ только вещей, произшествій, навыковъ.

Впрочемъ есть и благодѣтельное *искуство* мудраю, *незлопамятнаго* мужа *забывать* то легкія свои боли, то слабыя стороны ближняго, то не пріятности житейскія, особливо причиняемыя ему врагами.

§ 224.

Талантъ изумительной памяти безъ сомнѣнія

есть знакъ особеннаго благоволенія Мнемозины къ ея любимцамъ. Не она ли сообщаетъ соразмѣрность *органическаго сопровожденія*, огражденную отъ препятствій и со стороны общаго ощущенія и со стороны излишней раздражительности? Однакожъ и обыкновенная, здравая память наша весьма много выигрываетъ отъ надлежащаго ея *упражненія*. Кто радѣетъ объ образованіи прочихъ силъ душевныхъ, кто часто обращается съ любопытнымъ предметомъ и нарочно посвящаетъ ему свое вниманіе, кто соблюдаетъ логическій порядокъ и держится разсудительнаго метода въ движеніяхъ мысли, желающей остановить въ полетѣ какое либо явленіе внутренней жизни, тотъ сими естественными, благоразумными, прямо человѣческими способами усовершитъ и память свою скорѣе, нежели затѣями той мелочной и удушливой *дресировки*, которую предала намъ древность подъ именемъ *Мнемоники*. Правда, отовсюду слышимыя нынѣ, жалобы на забывчивость, жалобы на необъятное множество познаній требуемыхъ и школою и службою и жизнію, свидѣтельствуютъ о необходимости лучшихъ, болѣе обширныхъ и надежныхъ пособій, нежели какія представляетъ намъ благодѣтельнѣйшее изобрѣтеніе самаго *письма*, самой *печати*. Но навязанное Педагогикѣ нашей то Софистами, то Актерами, то Проповѣдниками, *искуство затверживать роли*, столькоже ограничено въ цѣли своей, сколько скудно въ средствахъ. Въ чемъ состоитъ оно? Въ

томъ, чтобы безпамятный старался усвоить себѣ требуемые, искомые, *недоимочные* предметы вѣдѣнія, связывая оные съ другими, знакомыми уже и привычными, слѣдственно *аналогическими*,—звуками, начертаніями, именами, порядками размѣщенія и т. п. Не воспитываются ли тутъ *двѣ* памяти, изъ коихъ должна быть уже весьма счастлива и надежна та, которая беретъ на себя руководство другою? Не пріучается ли къ ребяческимъ играмъ воображеніе, принуждаемое сочетавать такія представленія, которыя не состоятъ ни въ малѣйшемъ сродствѣ логическомъ? Наконецъ частое употребленіе *умственныхъ чертежей* не порождаетъ ли въ воспоминаніи нашемъ извѣстнаго механизма, влекущаго за собою утрату всѣхъ свободныхъ движеній сей силы, особливоже подавляющаго способность, отыскивать въ сокровищницѣ души то, что всякій разъ намъ нужно?

§ 225.

Но какими бы способами и для какихъ бы видовъ мы ни изощряли память, — образованіе оной должно имѣть свои *границы*. Роскошь и памяти рѣшительно вредитъ прочимъ силамъ душевнымъ— въ томъ случаѣ, когда ея направленіе, отъ перваго ли ея образованія, отъ превратной ли воли, отъ недоразумѣній ли—дѣлается господствующимъ. Ибо

а) Гдѣ заставляютъ дитя вытверживать только уроки, не развиваемые ни имъ самимъ—по недостатку повода къ отвлеченнымъ занятіямъ, ни его на-

ставинками, то по недосугу, то по преступному равнодушію, гдѣ — далѣе — самая жизнь съ ея отношеніями, пособіями и возбужденіями слишкомъ пошла и незначительна, чтобы образовать разлагающую массу представленій; тамъ преобладательство памяти, осужденной принимать все къ свѣдѣнію, необходимо стѣсняетъ прочія направленія духовной жизни;

b) Но и въ послѣдствіи можетъ прежнее, естественное, лучшее направленіе духовныхъ силъ опять подавлено быть тяжестію памяти, именно тогда, когда уму не даютъ ни *отдыха*, ни *срока*,—не даютъ льготы, столь благотворной для опредѣленныхъ выводовъ, для зрѣлыхъ соображеній, и столь враждебной для полумыслей, съ которыми подъ конецъ не знаете, куда дѣваться. Ибо чему вы опять хотите дать законную силу и надлежащій вѣсъ; то слѣдовало вамъ напередъ довести до какой либо цѣли. Кто сдѣлалъ упущеніе по сему предмету, тотъ собственною виною затруднилъ себѣ дальнѣйшіе успѣхи идеальныхъ производствъ, тотъ воспрепятствовалъ накопленію предварительнаго запаса мыслей, кои вездѣ сами собою, а не другимъ чѣмъ либо, поддерживаются и ускоряются въ своемъ ходѣ, слѣдственно, чѣмъ привычнѣе поспѣшность, тѣмъ ощутительнѣе — въ противоположеніи съ легкостію занятій другаго рода, должна быть трудность обдумать что либо. Подобные люди, чувствуя въ безуспѣшныхъ попыткахъ и скуку и

досаду, охотно возвращаются къ тѣмъ начинаніямъ, которыя *идутъ* у нихъ *на ладъ*. Это зло почти неизбѣжно для юношества, которое, готовясь къ *выставкѣ* т. е. къ открытымъ испытаніямъ, должно дорожить пуще всего—массою *штатныхъ* познаній, требуемыхъ аттестатомъ. Вотъ почему самое то, что сначала было погрѣшностію образованія, можетъ сдѣлаться собственною погрѣшностію каждаго, т. е. жалкимъ плодомъ того алчнаго честолюбія, которое, съ неутомимою заботливостію накопляя только матеріалы, или обогащая себя *пошлыми* свѣдѣніями и отстраняя въ той же пропорціи всякое размышленіе, какъ напрасную трату времени, жестоко въ расчетахъ своихъ обманывается;

с) Точно также дѣйствуетъ наконецъ и заблужденіе, которое представляетъ себѣ, будто симъ способомъ всего легче воспарять въ идеальную высоту. Строгое мысленіе въ послѣдствіи находитъ подобныя головы праздными. Такъ возникаютъ люди съ изумительною памятью, столькоже исправные въ *поставкѣ ученыхъ припасовъ*, сколько *несостоятельные* тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о прочности выводовъ. Ибо сіи требуютъ, чтобы направленіе своемыслія дѣлало постепенные успѣхи и умѣло видамъ своимъ подчинять всѣ служебныя силы, которыя находитъ въ теоретической части души. Память обширная не можетъ употреблять своихъ запасовъ,

того же, что ей было бы нужно,—т. е. обработанія своихъ сокровищъ и расширенія познаній собственными своими трудами,—этаго преимущества она не имѣетъ. Слѣдственно она пуста, не способна схватывать и продолжать рядъ привитыхъ, чужихъ мыслей и нуждается въ разсудкѣ,—нуждается какъ въ дѣлателяхъ для облагороженія грубыхъ и сырыхъ продуктовъ, такъ и въ каналахъ и дорогахъ для споспѣшествованія внутреннимъ сообщеніямъ и сбыту, накопленнаго въ ея хранилищахъ, мертваго капитала.

§ 226.

Такъ познаніями посредствомъ чувствъ и воображенія, посредствомъ мысленія и памяти описывается кругъ *теоретической* жизни человѣка! Гдѣ сіи способы знакомства съ міромъ даются душѣ въ совокупномъ видѣ; тамъ она принимаетъ направленіе *средостремительное*, тамъ начинаетъ *вращаться около самой себя*, или изучаетъ собственное свое устройство въ разныхъ *актахъ самопознанія*.

Грань 4-я — *перечневая*.

Познаніе самаго себя.

§ 227.

Кто внимательно слѣдитъ за развитіемъ и откровеніями душевной жизни, тотъ на каждомъ шагу болѣе и болѣе удостовѣряется въ томъ, что

многоразличнѣйшія движенія оной всегда относятся къ какому-то, отнюдь внутреннему началу, въ которомъ она не только укоренена, какъ въ родной почвѣ, но изъ котораго получаетъ и питаніе для себя и силу — пускать стволъ и вѣтви, — начало, которое и встрѣчаетъ всѣхъ *грядущихъ въ мірѣ* и сопровождаетъ ихъ въ дальнѣйшемъ странствованіи, — начало, вслѣдствіе коего всякъ тотъ, кто подмѣчаетъ собственное свое бытіе, собственную свою жизнь, считаетъ себя въ правѣ, называть сіи явленія внутренняго міра достояніемъ *своей* души, а не слѣпою игрою общаго механизма, совершающагося хотя и *въ* насъ, однако жъ не *про* насъ.

Статья I.

Внутреннее чувство.

§ 228.

Но сіе сокровенное начало жизни каждаго можетъ разными способами отражать свою дѣятельность въ *призмѣ* внутренняго опыта. Ибо непосредственно подмѣчать *собственное свое удѣльное бытіе*, какъ неподвижную точку, къ которой примыкаютъ и въ которой постоянно встрѣчаются всѣ явленія общей и частной жизни, — вотъ дѣло *внутренняго чувства*, которое посему съ внѣшними своими *тезоименитыми* союзниками сходствуетъ въ томъ, что, подобно имъ, непо-

средственно обличаетъ существованіе чего-то дѣйствительнаго въ насъ, *внемля*, однакожъ, таинственный свой предметъ въ атмосферѣ *недѣлимой* или удѣльной *самости* каждаго. Оно есть источникъ и сродоточіе душевной дѣятельности помощію чувствъ, воображенія и памяти, равно какъ и выводовъ сей дѣятельности. Здѣсь устранено всякое различіе предметовъ, всякое соображеніе; здѣсь мы прямо схватываемъ самихъ себѣ въ такомъ точно видѣ, въ какомъ сами себѣ являемся. Но приписывать сію встрѣчу чисто случайному механизму, намъ чуждому, значитъ—юродствовать. Ибо кто самъ сводитъ первое знакомство въ свѣтѣ, тому *небезызвѣстна* та живая сила, которая принимаетъ мысли, чувствованія, желанія, сомнѣнія и пр., ею же созидаемыя, слѣдственно сила, которая сколько смутно, столько же и безпрерывно *дѣйствуетъ* въ сохраненіи и въ огражденіи нашего недѣлимаго бытія.

§ 229.

Но самодѣйствіе внутренняго чувства не есть отчетливое; это только бореніе *порывающейся* свободы съ чистою случайностію,—это попытка первей проявить свое могущество въ *чувственныхъ* своихъ направленіяхъ, въ низшей, хотя основной, сферѣ жизни! За всѣмъ тѣмъ внутреннее, *перечневое* чувство носитъ на себѣ печать, прямо человѣческую, потому что предполагаетъ душу, которой первоначально уже удалось утвердиться

на чредѣ творенія и которая умѣетъ находить или отыскивать себя въ массѣ прочихъ существъ: ибо у животныхъ отношеніе свободы къ самослучайности предуставлено однажды навсегда. Но чѣмъ болѣе мы любимъ двигаться во внутреннемъ мірѣ, непосредственно данномъ, навязанномъ нашему самосозерцанію; тѣмъ скорѣе можемъ и *потеряться*,— именно тамъ, гдѣ разстроиваемъ первоначальное отношеніе собственнаго недѣлимаго бытія къ бытію чуждому,—тамъ, гдѣ самость наша не имѣетъ другой опоры, кромѣ внутренняго чувства. Пускай сіе послѣднее нуждается въ упражненіи, подобно всякой другой силѣ,—однакожъ пускай и раздраженія будутъ здѣсь умѣренныя: ибо какъ тотъ, кто небрежетъ о воспитаніи сей способности, подвергаетъ себя опасности, почти утратить отдѣльное свое бытіе, или упустить оное изъ виду; такъ точно и тотъ, кто непомѣрно напрягаетъ внутреннее зрѣніе на счетъ другихъ способовъ знакомиться съ самимъ собою, избираетъ прямой путь къ гибельнымъ обольщеніямъ, къ изувѣрству, къ сумасшествію.

Пунктъ 2-й.

Сознаніе.

§ 230.

Какъ внутреннимъ чувствомъ недѣлимая самость подмѣчаетъ свои движенія смутныя, безотчетныя, неразгаданныя, такъ точно тамъ, гдѣ она

на *второй* степени переходитъ въ область опредѣленнаго представленія, возникаетъ въ порядкѣ средостремительныхъ нашихъ познаній то завѣтное *Я*, которое мы такъ поздно умѣемъ называть и коего звукъ такъ пріятенъ и слуху и сердцу! Сіе откровеніе первоначальной самости, въ которомъ она дѣлается для себя не только внятною, но и ясною,—сіе вѣдѣніе о нашемъ *Я*, какъ о представляющемъ внутреннемъ началѣ, которое умѣетъ различать себя отъ другой, подобному совершенству недоступной, половины своего существа, есть *сознаніе*. Такимъ образомъ, въ противоположность внутреннему, *глухому* чувствованію недѣлимаго бытія нашего, сознаніе оттѣняетъ *частные моменты* и направленія, оттѣняетъ основаніе и цѣль дѣятельности *опредѣленными* и яркими чертами отъ предметовъ, по временамъ посѣщающихъ оную.

§ 231.

Сознаніе, само по себѣ или въ формѣ идеальныхъ своихъ движеній разсматриваемое, являетъ собою простой актъ, вездѣ единообразный, поддерживаемый только самимъ собою и во всякое мгновеніе жизни снова порождаемый, но не первоначальный, а производный, основывающійся на противоположности между внутреннимъ дѣятельнымъ началомъ и между внѣшнимъ бытіемъ, наконецъ не общій и у всѣхъ людей равный, подобно математической точкѣ, одинаковой во всѣхъ кругахъ,

но актъ у каждаго человѣка особенно опредѣляемый даннымъ его бытіемъ; здѣсь каждый доступенъ и открытъ только самъ себѣ и притомъ не въ отвлеченномъ, а въ живомъ его качествѣ.

§ 232.

Но сознаніе, въ которомъ сливаются оба міра, въ которомъ очевидно мысль встрѣчается съ бытіемъ, есть откровеніе души себѣ самой не со стороны только формы, но и со стороны многоразличной матеріи или содержанія. Отдѣльные моменты, различаемые въ семъ послѣднемъ его направленіи суть

a) Непоколебимая увѣренность въ *существованіи* нашего *Я* и притомъ ограниченнаго *рамою* удѣльнаго тѣла, котораго оно въ здравомъ состояніи никогда совлечься не можетъ,—въ существованіи, предполагаемомъ даже тамъ, гдѣ возникаютъ сомнѣнія, самоотверженія: ибо кто, какъ не *Я*, и сомнѣвается и утверждаетъ что либо какъ въ самомъ себѣ, такъ и въ другихъ?

b) Увѣренность въ томъ особенномъ свойствѣ нашего *Я*, по силѣ котораго послѣднее *самостоятельность* свою въ мысляхъ и начинаніяхъ противополагаетъ всему тому, что на него не походитъ, всему тому, что составляетъ принадлежность другаго, что теряется въ общей массѣ существъ, живущихъ чужою жизнію. Но сей, для нашего *Я*, внѣшній міръ, есть, за исключеніемъ тѣла, первое истинное *Ты*. Какъ сознаніе, для произхожде-

нія своего, нуждалось въ разрозненіи, такъ оно требуетъ сего разрозненія и въ послѣдствіи. Поелику оно всегда находится въ такомъ, либо другомъ состояніи; то мысль о нашемъ *Я* не можетъ обойтись безъ представленія его опредѣлительности, которая опять предполагаетъ представленіе того, что къ познающему началу нашему не принадлежитъ. Слѣдственно, еслибъ отстранились всякія другія представленія, кромѣ *Я*, то мы и сіе послѣднее потерялибы изъ виду,

c) Увѣренность въ *единствѣ* и *тожествѣ* нашего *Я* среди безпрестаннаго обновленія стихійныхъ частей тѣла, среди вѣчнаго прилива и отлива какъ внѣшнихъ положеній, такъ и внутреннихъ, какъ настоящихъ, такъ и тѣхъ былыхъ, которыя хранятся въ архивѣ воспоминаній.

§ 233.

Сіи три,—*составные, существенные*—момента требуются вездѣ, гдѣ надлежитъ быть сознанію; однакожъ и то справедливо, что не всегда имѣются они въ *одинаковой степени и въ совершеннѣйшемъ соотношеніи.* Вотъ, на чемъ основывается *исторія сознанія*, которое человѣку не дано вполнѣ, а развивается имъ мало по малу! — Она начинается 1) *исходомъ изъ Египта*, — тамъ, гдѣ мы выступаемъ изъ сферы простаго чувства внутренняго, изображающаго первый способъ, знакомиться съ самимъ собой, или отыскивать себя въ хаосѣ окружныхъ предметовъ. Дитя очень хо-

рошо знаетъ, что оно живетъ собственною своею жизнію: ибо не относитъ ли оно *себя* къ другому? Не чувствуетъ ли *себя обиженнымъ*? Но оно незнаетъ, что сія *самобытность* есть созданіе собственной его дѣятельности. Кто въ первый разъ открываетъ въ себѣ дивную *двойственность въ единствѣ*, у того мерцаетъ заря сознанія. Но и тутъ сначала можно замѣтить только *вѣдѣніе* о собственномъ своемъ *существованіи*: отъ того съ сію эпоху мы и стремимся только къ утвержденію недѣлимаго бытія. Всякое оскорбленіе, наносимое послѣднему, и по сей причинѣ касающееся въ особенности до тѣла, а чрезъ него до души, (которая и является только посредствомъ тѣла въ формѣ недѣлимости) съ жаромъ бываетъ отражаемо; здѣсь заботливо ищутъ того, что можетъ удовлетворять побужденіямъ непосредственнаго бытія; здѣсь бываютъ чувствительны къ радости и къ печали, къ любви и ненависти, къ чести и къ обидамъ въ такой только мѣрѣ, въ какой все это непосредственно трогаетъ нашу самость. — 2) За тѣмъ, когда навязались разныя сравненія, когда многократныя представленія то о желаніяхъ и дѣйствіяхъ, возбуждаемыхъ снаружи и простирающихся опять къ внѣшнимъ предметамъ, то объ опредѣленномъ пространствѣ, которое мы привыкаемъ измѣрять, начиная уже съ самихъ себя, *выдвинули* нашу самость и поставили ее намъ на видъ,— возникаетъ вѣдѣніе о *самостоятельномъ* достоин-

ствѣ нашего *Я*. Удѣльному бытію, которое мы прежде чувствовали, но которое теперь ясно представляемъ въ мысляхъ, мы хотимъ тутъ дать силу и *значительность ради его самаго*; тутъ мы, *возвратясь*, такъ сказать, *восвояси*, начинаемъ болѣе и болѣе совлекаться непосредственно даннаго быта; съ сихъ поръ мы не довольствуемся уже настоящимъ; оно входитъ въ соображеніе съ прошедшимъ и будущимъ. Отъ того человѣкъ тутъ разсчитываетъ, взвѣшиваетъ, относитъ къ себѣ вещи все ближе, все тѣснѣе, не дѣлаетъ уже радостей и горя, любви и ненависти, чести и обидъ зависимыми отъ *минутнаго интереса*, ни относитъ оныхъ только къ *самосуществованію*, но возводитъ *эгоизмъ*, *знающій* уже *о себѣ*, какъ въ достоинство *центра*, такъ и на степень *начальной точки* всѣхъ его движеній. 3) Поздно, весьма поздно начинаемъ мы стремиться къ вѣдѣнію о *единствѣ* и *тожествѣ* духовнаго существа нашего, —поздно привыкаемъ держаться крѣпко при натискѣ, или вихрѣ явленій, вносить гармонію въ свои представленія, учреждать жизнь свою по плану, разчислять возможныя въ ней встрѣчи, стремиться къ единослѣдственности во всѣхъ дѣйствіяхъ и желать, чтобы они именно были *нашимъ* достояніемъ, а не принадлежностію какой либо сторонней силы. Опыты безъ теорій, пошлый взглядъ на вещи, познаніе безъ опредѣленныхъ выводовъ, легкомысліе и безхарактерность въ поступкахъ—вотъ

доказательства, что сія степень сознанія, столь рѣшительная въ воспитаніи и частныхъ лицъ и цѣлыхъ поколѣній въ училищахъ, въ государствѣ, въ церкви и жизни,—воспитаніи, любящемъ и постепенный ходъ и всесторонния направленія и собственное сердечное участіе каждаго—не только медленно развивается, но у иныхъ и вовсе почти не приходитъ въ ясность!

§ 234.

Развитіе и объемъ и тонъ сознанія опредѣляются благоуспѣшнымъ ходомъ всѣхъ силъ душевныхъ и тѣлесныхъ. Какъ же не ровно, какъ измѣнчиво оно, какъ зависимо!

I) Съ *физической* уже стороны ограничивается оно и *лѣтами* и *недостаткомъ*, либо *скудостію* наружныхъ чувствъ и *болѣзнями*, именно же нервическими, каковы обмороки, горячки, упіеніе, пострѣлы, сумасшествіе; жалко *искажаютъ* оное *грѣзы*, кои часто подмѣняютъ дѣйствительное наше *Я* чужимъ, вымышленнымъ; а что остается отъ сознанія въ *смерти*, которую мы не можемъ иначе представить себѣ, какъ въ видѣ сна, самаго глубокаго, непробуднаго?

II) Столько же ограниченій претерпѣваетъ сознаніе и со стороны *духовной*, и притомъ а) *теоретической*, какъ отъ углубленности уже, въ которой мы позабываемъ самихъ себя тѣмъ болѣе, чѣмъ живѣе сознаемъ предметъ нашихъ думъ, такъ и вообще отъ разныхъ понятій, какія долженъ

всякій по временамъ составлять о своей душѣ. Грубый, чувственный человѣкъ едва имѣетъ какое либо представленіе о духовномъ бытіи своемъ; матеріялистъ смотритъ на себя, какъ на существо тлѣнное, потому что не признаетъ никакихъ прочныхъ началъ; всѣ состоянія сознанія суть для него бѣглыя, случайныя сцѣпленія чувственно — представляющей дѣятельности, которая изчезаетъ вмѣстѣ съ ея органами; для Новоплатоника жизнь есть *лучъ Божества, возвращающійся въ первозданное солнце правды*; онъ приписываетъ душѣ всѣ принадлежности божественнаго существа, хотя къ сожалѣнію, не можетъ снабдить ее безусловною самобытностію послѣдняго, ни его всемогуществомъ. b) Со стороны *практической* изнемогаетъ сознаніе въ порывахъ *страстей*, кои насъ увлекаютъ, дѣлая не столько ненавистными, сколько жалкими жертвами карательнаго закона гражданскаго,—изнемогаетъ въ быстрыхъ, оглушительныхъ *переходахъ* изъ одного состоянія въ другое, въ которомъ мы не умѣемъ сообразиться, изнемогаетъ и въ (*чужихъ*) *роляхъ*, кои человѣкъ часто долженъ играть не только на сценѣ, но и въ самой жизни. c) А *со стороны внутреннихъ ощущеній* — несмущается ли сознаніе какъ мгновенными вспышками страха стыда, гнѣва, горести, изступленій; такъ и вообще разными эстетическими положеніями, кои фантазія облекаетъ всегда въ чувственные покровы? Ибо влюбленному является-

душа его въ образѣ *Пери*, въ розовой одеждѣ,—носимая на крылахъ зефира; отшельникъ набрасываетъ на нее власяницу, потому что безпрестанное изможденіе плоти обезображиваетъ его жизненное чувство и питаетъ оное только уныніемъ и грустью; мужу доблестному является она въ херувимскомъ ликѣ, подобно какъ сокрушенному, уничиженному нечестивцу въ видѣ фуріи.

§ 235.

Такъ-то сознаніе имѣетъ свои *границы*, двигаясь между точкою *кипѣнія* и точкою *замерзанія*. Живо дѣйствуетъ оно у человѣка трезвенно размышляющаго, у свѣтскаго хитреца, у благоразумнаго *Оронта*, у возбужденнаго художника въ *часы божественныхъ явленій*; но покидаетъ насъ совершенно тамъ, гдѣ мы хотимъ подмѣтить однообразныя сношенія нашего *Я* съ тѣломъ, происхожденіе понятій и темныхъ ощущеній, кои назидаютъ насъ втайнѣ,—подмѣтить священнодѣйствія Генія. Границы сіи даже благодѣтельны: ибо, еслибъ сознающая душа могла совершенно погрязнуть въ созерцаніи самой себя; то подобная безусловная самобытность разорвалабы связь ея съ тѣломъ и умертвила бы послѣднее. Посему здравіе сознанія усматривается тамъ, гдѣ наше *Я* постоянно и равномѣрно зыблется между двумя мірами, подобно той летучей рыбѣ, которой для благосостоянія совѣтуетъ баснописецъ *плавать близъ воздуха и летать близъ воды*: ибо глазу, вперяю

щему свои взоры въ извѣстный предметъ, не должно ли видѣть и околичностей послѣдняго?

Статья III.

Самосознаніе.

§ 236.

Отъ всѣхъ сихъ измѣненій, случаевъ и припадковъ безопасно *самосознаніе,* — то вѣдѣніе о насъ самихъ, которому внутреннее основаніе жизни раскрывается въ качествѣ *дѣйствительно свободнаго,* въ качествѣ *прямо первоначальнаго, чисто безусловнаго,*—та степень знакомства съ самимъ собою, на которой человѣкъ является себѣ въ такой формѣ, въ какую умѣлъ отлить свою жизнь. Ибо свобода въ собственномъ смыслѣ чужда всего того, что ее связываетъ и слѣдственно ограничиваетъ. Она конечно нуждается въ отношеніяхъ, но не для самой себя, а для чего то другаго, именно же для того, чтобы и въ развитіи, въ исторіи, въ жизни выказать ту чистую, безусловную самость, какую она подмѣчаетъ въ своей идеѣ. Здѣсь предъ умственными очами нашими мелькаетъ не удѣльное уже бытіе, и не *Я,* а та *свобода,* которая *узнала* свое лестное, превосходное *назначеніе,* т. е. мелькаетъ *личность,* которая и возвѣщается во всѣхъ движеніяхъ людскости, или, что все одно, которая видитъ въ себѣ истинную сущность духа.

§ 237.

Но поелику свободное начало ежеминутно должно составлять, утверждать и порождать само себя, поелику человѣкъ, вообще говоря, въ своей исторической, временной жизни никогда не можетъ совлечься ни самости, ни своего *смышленаго Я*; то и крайнему способу идеальнаго самосозерцанія не суждено быть состояніемъ совершенно чистымъ, продолжительнымъ, безпрерывнымъ; внутреннее чувство и сознаніе будутъ попеременно болѣе или менѣе тревожить, опредѣлять и сопровождать оное.

§ 238.

Впрочемъ, въ самосознаніи напрасно вы будете искать *особенныхъ моментовъ*. Это были бы *отношенія* единой сущности, исключаемыя чистою, дѣйствительною, непосредственною свободою. Отъ того здѣсь, — въ тѣ благодатныя минуты, когда *духъ восторженнаго Поэта - Философа разоблачается предъ нимъ въ сіяніи славы*, человѣкъ сознаетъ только чистое, безпримѣсное, истинно первоначальное свое единство, которое столь же трудно ему позабыть, сколь трудно и самой идеѣ утратиться въ божественномъ сознаніи.

§ 239.

Какъ легко сіе высшее самосозерцаніе отличить и отъ внутренняго чувства и отъ сознанія! Съ первымъ оно раздѣляетъ и характеръ непосред-

ственной извѣстности и отсутствіе размышленій; но сія прямая удостовѣрительность тамъ есть *данная*, намъ чуждая, навязанная, а здѣсь *самосозданная*; такъ господствуетъ смутное гаданіе того бытія, которое всякій человѣкъ первоначально получилъ изъ рукъ природы на свою долю, здѣсь ясное созерцаніе сей же самости, какъ дара свободы; тамъ предполагается чувственность, какъ ближайшее и первое условіе нашей дольней жизни, а здѣсь свобода нуждается въ самой только себѣ для проявленій богоподобной своей сущности. Чтожъ касается до мыслящаго *Я*; то важнѣйшая разница между имъ и самосознаніемъ состоитъ какъ въ *посредственности* того идеальнаго производства, которое требуется для сознанія, такъ и въ опредѣленной, рѣшительной связи съ предметами, безъ чего сознаніе не можетъ имѣть мѣста, слѣдственно въ такихъ свойствахъ *относительности* и *второстепенности*, которыя чистому понятію самосознанія совершенно чужды.

Отдѣленіе II.

Практическая сторона духа.

§ 240.

Посредствомъ познаній входитъ въ душу міръ, который хотя и *назидаетъ* ее, хотя и *возбуждаетъ* ея дремлющія, часто грозныя, исполинскія силы,

однакожъ не встрѣчаетъ обратныхъ ея вліяній, по крайней мѣрѣ видимыхъ, явныхъ. Но ходъ Исторіи рано раскрываетъ и ту *практическую* сторону, коей слѣды замѣтны уже были въ чувствованіяхъ, во внимательности въ размышленіи. — Здѣсь, гдѣ человѣкъ и воспрянулъ къ чувству, къ представленію, къ сознанію своей самостоятельности, и вступилъ во владѣніе своимъ тѣломъ вообще, преимущественно же членами произвольныхъ движеній, и внутреннихъ,—и обращенныхъ наружу,—именно органами языка и конечностями — здѣсь духъ его поставляетъ себя въ дѣятельныя сношенія съ предметами, которые и стремится опредѣлять по собственнымъ своимъ видамъ, стремится Исторію и природу приноровить къ задачамъ своей жизни.— Внутреннее—средостремительное начало сихъ движеній есть *хотѣніе,* которое во внѣшнихъ проявленіяхъ своей силы, т. е. въ поступкахъ или дѣяніяхъ *порывается* осуществить идею Добраго.

§ 241.

Духовная сила въ хотѣніяхъ, въ поступкахъ, въ начинаніяхъ стремится выказать себя и *надѣлѣ* точно такою, какова она въ первоначальномъ своемъ значеніи, или въ идеѣ,—стремится совершенно проникнуть жизнь благотворными своими вліяніями. Что она въ развитіи своемъ сообразуется съ ходомъ и порядкомъ жизни умозрительной—это такъ же естественно, какъ и то, что движеніе въ природѣ совершается только по

поводу или вслѣдствіе предварительнаго возбужденія. Вотъ почему чувственный способъ познаванія сопровождается — на практической сторонѣ духа — неотразимыми *влеченіями* своекорыстной *чувственности*! Вотъ почему условно мыслящая сила видна въ затѣяхъ *воли*! Вотъ почему идеальное вѣдѣніе отражается въ однообразныхъ и равномѣрныхъ движеніяхъ *свободы*, которая и укрѣпляется и преспѣваетъ не иначе, какъ одолѣвая слѣпыя и враждебныя силы инстинкта, произвола и полумыслей!

Статья I.

Чувственное хотѣніе.

§ 242.

Гдѣ практическіе порывы духа — наружу — встрѣчаютъ еще ограниченія со стороны чувственности; тамъ они обнаруживаются въ *побужденіяхъ*, въ *вожделѣніяхъ*, въ *склонностяхъ*—въ трехъ видахъ чувственнаго хотѣнія.

§ 243.

А) Пускай вся жизнь—и скопляющая минеральныя массы и прозябающая въ злакахъ и образующая солнца и планеты состоитъ только изъ *побужденій*,—мы въ *тѣсномъ* смыслѣ прилагаемъ сіе рѣченіе къ тварямъ *органическимъ*, преимущественно же къ *животнымъ*, означая тѣмъ порывы ихъ внутренней, въ стихіяхъ и отношеніяхъ разрозненной жизни, означая

стремленіе выказывать себя въ дѣйствіяхъ соотвѣтственно идеѣ земнаго назначенія. Посему для всякаго живаго существа есть постоянная, неизмѣняемая внутренняя основа проявленія силъ его, которая на всѣ его стремленія и налагаетъ общую печать. Побужденію предоставлено вырабатывать характеръ рода въ отдѣльной твари и до безконечности усовершать формы ограниченнаго быта.

§ 244.

Побужденіе есть первый порывъ духа, стонущаго въ оковахъ; оно не предполагаетъ никакихъ *другихъ* началъ или дѣйствуетъ безусловно, питаясь всегда ближайшимъ предметомъ, безъ котораго замираетъ. Скрыты, глухи, таинственны его начальныя движенія; часто они бываютъ обозначаемы и доходятъ поздно до свѣдѣнія. Побужденіе срастается съ врожденными потребностями и ощущеніями животнаго и находитъ своего представителя въ томъ неопредѣленномъ, безотчетномъ инстинктѣ, которому на низшихъ степеняхъ жизни позволено *играть роль* разума и который такъ деспотически любитъ распоряжаться въ дѣлахъ временнаго своего служенія. *Пища, питіе* и *сонъ* съ *одной* стороны, плотское *совокупленіе* съ *другой*,—потребность безпрепятственныхъ *движеній* съ *третьей*, питаніе отрадныхъ, по крайней мѣрѣ нескорбныхъ *чувствованій* бытія съ *четвертой*,—вотъ органическія *повинности*,

вынуждаемыя природой у тѣхъ тварей, которыя она озаботила то *самосохраненіемъ*, то поддержаніемъ ихъ *рода* и передачей онаго потомству!

§ 245.

В) Вожделѣнія относятся *прямо* къ своимъ *опредѣленнымъ* предметамъ, обладаніе коими такъ необходимо твари для пополненія недостатковъ ея бытія. Какое несмѣтное множество сихъ отдѣльныхъ предметовъ въ природѣ и въ общежитіи! Вотъ почему вожделѣнія *разнообразны* до *безконечности*, а побужденія, по устройству бережливой природы, крайне просты и немногочисленны! Вотъ почему вожделѣнія столько же *скоротечны*, сколько и самые ихъ предметы, и съ относительнымъ удовлетвореніемъ перестаютъ на извѣстное время заботить человѣка! Вотъ почему они—производныя, а не врожденныя—должны всякій разъ снова возникать или *перемѣжаться*, тогда, какъ побужденія неотлучно сопровождаютъ человѣка на всѣхъ путяхъ его жизни! Этаго мало. Какъ инстинктъ непосредственно примыкаетъ къ чувствованію, такъ вожделѣнія *состоятъ въ заговорѣ съ воображеніемъ* и по сей причинѣ стремятся не только къ удовлетворенію существеннѣйшихъ или первыхъ потребностей, но и къ удовлетворенію тѣхъ неугомонныхъ *прихотей*, которыя безпрестанно вытѣсняютъ другъ друга и увлекаютъ человѣка отъ желаній къ наслажденіямъ, а отъ наслажденій опять къ новымъ желаніямъ.

C) Гдѣ душа частію свѣдала о врожденныхъ своихъ побужденіяхъ, частію успѣла до извѣстной степени опредѣлить движеніе и ходъ какъ естественныхъ своихъ желаній, такъ и прихотей, тамъ встрѣчаемся мы съ тѣми *рѣшительными* ея направленіями къ внѣшнему міру, которыя извѣстны подъ именемъ *склонностей.—Посредственность* сихъ *одностороннихъ* стремленій, *временемъ* пріобрѣтаемое, постепенное, болѣе короткое знакомство съ вожделѣнными предметами, тѣснѣйшая связь оныхъ съ чувствованіемъ личнаго нашего бытія—вотъ характеръ склонностей! Пускай онѣ порываютъ или *увлекаютъ* насъ, подобно какъ желанія *манятъ*—онѣ, относясь къ своему предмету не иначе, какъ посредствомъ *представленій*, все—таки составляютъ болѣе удѣлъ человѣка вообще, нежели животныхъ, у которыхъ мы, въ замѣнъ того, примѣчаемъ извѣстныя *повадки*.

§ 246.

Таковы чувственныя влеченія въ первоначальномъ ихъ устройствѣ и въ производной разности. Правда, онѣ дѣйствуютъ отнюдь не по самосозданнымъ законамъ свободы, однакожъ дѣйствуютъ и не совсѣмъ случайно. Вотъ, по крайней мѣрѣ, что мы находимъ общаго въ порядкѣ ихъ движеній!

a) Желаемо быть можетъ такое только *отдаленное, будущее* состояніе, пріятность котораго намъ извѣстна. Что угрожаетъ ограниче-

ніемъ нашему бытію; то вызываетъ насъ на противодѣйствіе. Симъ же закономъ опредѣляется и желаніе всѣхъ вещей, служащихъ средствами къ достиженію пріятнаго положенія, которое намъ нравится само по себѣ или безусловно. Предметъ чувственныхъ влеченій *добро*, предметъ отвращенія *зло*. *Чѣмъ болѣе благъ и чѣмъ менѣе страданій; тѣмъ для животолюбиваго эгоизма лучше*;

b) Начальныя движенія практической стороны духа обнаруживаются безъ *дальнихъ* его усилій, обнаруживаются почти сами собою. Пружина ихъ —инстинктъ, управляющій всѣми перемѣнами въ экономіи животнаго, которое тогда только и дѣйствуетъ, когда отвнѣ, либо извнутри бываетъ къ тому понуждаемо минутными раздраженіями. Пускай у человѣка въ естественныя влеченія его вмѣшивается и *представленіе* предмета, обѣщающаго удовлетворить потребности; — они и въ сей связи съ духовнымъ началомъ обращены только къ *земной сторонѣ бытія*;

c) Весьма естественно то, чтобы желаемое было не только *по себѣ возможно*, но еще и силамъ каждаго *доступно*. Безъ того онъ, въ чувствѣ немощи своей, обольщаясь желаніями хотя благими, однакожъ *праздными*, мечтательными, изнуряется въ затѣяхъ *пустыхъ*, несбыточныхъ.

§ 247.

Сильно дѣйствуютъ порывы чувственнаго хотѣнія a) встрѣчая препятствія, которыя не ка-

жутся, впрочемъ, непреодолимыми; надежда устранить оныя поощряетъ *удальца*, которому самое преодолѣніе, самая даже попытка, самое *поползновеніе* къ вещамъ *запрещеннымъ* доставляетъ удовольствіе; сильно дѣйствуютъ b) у человѣка, который возбужденіе оныхъ въ правѣ приписывать болѣе самому себѣ, нежели случаю; сильно дѣйствуютъ c) и по наслажденіи тамъ, гдѣ предметъ самъ уже по себѣ обѣщаетъ много пріятныхъ послѣдствій или гдѣ мы чувствуемъ въ себѣ еще расположеніе и способность къ продолженію удовольствій, которыя вообще, не поддерживаемыя, не оживляемыя постоянною потребностію, теряютъ всю свою прелесть для пресыщенныхъ.

Статья II.

Воля.

§ 248.

Какъ изъ простыхъ дѣйствій наружныхъ чувствъ и воображенія возникаютъ познанія, движущіяся въ свѣтлыхъ понятіяхъ; такъ точно изъ хаоса естественныхъ влеченій происходятъ, при вліяніи высшихъ силъ, собственно *начинанія* или *поступки*. Ибо что для чувственнаго человѣка значатъ побужденія, желанія и склонности; то на степени жизни высшей т. е. *смышленой* изображается движеніями *воли*, коей первые слѣды мы и усматриваемъ тамъ, гдѣ мало по малу раз-

вился разсудокъ, — по крайней мѣрѣ не въ дѣтскомъ возрастѣ и не въ грубомъ состояніи дикарей. Но инстинктъ склоненъ къ положеніямъ страдательнымъ, и, насыщеный дарами природы, любитъ покоиться отъ дѣлъ своихъ, а неугомонная воля безпрестанно порывается къ дѣятельности, даже тамъ, гдѣ человѣкъ обезпечилъ уже себя со стороны первыхъ потребностей; смутны, слѣпы влеченія чувствъ, а въ хотѣніи человѣкъ ясно *сознаетъ* свое отношеніе къ предметамъ, стараясь, по сей причинѣ, совершенно и укрѣпить оные за своимъ *Я*, которое въ его глазахъ получило уже особенную цѣну; инстинктъ *увлекаемъ* бываетъ *сторонними* раздраженіями къ дѣйствіямъ *безразсуднымъ*, воля, въ противность и внѣшнему принужденію физическихъ силъ и порывамъ внутреннихъ движеній, *умѣетъ своевластно распоряжаться* въ своихъ начинаніяхъ *отчетливымъ представленіямъ побудительныхъ причинъ*, дѣлая не одно уже то, чего *хочется*, а то, чего она сама *хочетъ*; тотъ довольствуется всякимъ первымъ предметомъ, обѣщающимъ удовлетвореніе, сія *расчитываетъ*, взвѣшиваетъ; тотъ устремленъ къ *чувственнымъ пріятностямъ*, сей открыто и *полезное*, — открыты виды къ благамъ отдаленнѣйшимъ, къ наслажденіямъ отвлеченнымъ, къ играмъ воображенія и остроумія, къ блеску почестей, къ новости познаній и т. п. — Наконецъ, если инстинктъ человѣка дѣйствуетъ *рапсодически*, по минутному вдохновенію Поэта-юмориста;

то воля, въ качествѣ *практическаго разсудка*, начертываетъ себѣ не только извѣстные *планы*, но и цѣлую *систему правилъ* для учрежденія *порядка* въ стихійныхъ созданіяхъ своихъ и для водворенія онаго во *всякихъ данныхъ* положеніяхъ домашней и общественной жизни.

§ 249.

Въ составъ воли входятъ *три* существенныя части, а именно

1) *Выборъ*: ибо мы тогда только и *хотимъ*, когда, сличая двѣ стороны, присвоиваемъ одной, болѣе сильной или интересной, преимущество предъ другою, а въ этомъ-то и состоитъ выборъ, который можетъ направляться болѣе, или менѣе опредѣлительнымъ представленіемъ то однородныхъ, то разнородныхъ выгодъ;

2) *Рѣшимость*, или актъ, которымъ мы, по предварительномъ *совѣщаніи* съ самими собой, собственно и опредѣляемъ требуемый поступокъ. Она есть не иное что, какъ *выводъ* или *слѣдствіе* выбора, который потому всегда и служитъ ей необходимымъ предположеніемъ;

3) *Дѣяніе*, гдѣ оно *возможно* и состоитъ во *власти хотящаго*. Ходъ внутренняго расположенія, обнаружившагося въ выборѣ и рѣшимости, довершается дѣяніемъ точно такъ, какъ развитіе ростка довершается плодомъ.

§ 250.

Признавая *практическій разсудокъ* въ законной

его силѣ, Наука не упускаетъ изъ виду и *условной* его значительности.

1) Пускай воля, управляемая размышленіемъ, не дѣйствуетъ на подобіе слѣпаго произвола животныхъ, —она сама по себѣ отнюдь не составляетъ еще безусловнаго начала, прямо человѣческихъ, дѣяній. Ибо пріобрѣтаемое нами всякій разъ, познаніе цѣны вещей, временный, случайный перевѣсъ одной силы духа надъ другою, расчеты благоразумія, требованія долга, — вотъ что *ограничиваетъ* необходимымъ *закономъ* мнимое могущество выбора, который *долженъ* всегда падать на ту, или на другую изъ *данныхъ* крайностей,— не говоря уже о томъ, что въ роковыя мгновенія жизни, когда представленіе совершенно бываетъ подавляемо животною стороною, *напр.* жестокимъ голодомъ, жаждой, неудержимыми *порывами плоти и крови,* воля обыкновенно уступаетъ силѣ вожделѣній;

2) Воля, будучи *сама по себѣ* ни *добра* ни *зла,* можетъ получать опредѣленный характеръ нравственный смотря потому, рѣшается ли, при встрѣчѣ высшихъ *моментовъ* съ низшими, въ пользу первыхъ, или послѣднихъ;

3) Тѣсно связаны хотѣнія наши съ задачей людскости вообще. Не на нихъ ли отвѣтственности лежитъ благонравіе? Не имъ ли вмѣняемъ мы вину и заслуги? Не имъ ли присуждаемъ наказанія и награды? Не къ нимъ ли обращаемъ свои увѣщанія и совѣты? Ибо инстинктъ для сихъ вразумленій

глухъ, недоступенъ, а прямая свобода не нуждается ни въ какой сторонней помощи. За всѣмъ тѣмъ совершенно *одностороннее, исключительное* воздѣлываніе воли безполезно и можетъ воспитать — развѣ — *своенравіе,* развѣ тотъ гибельный, глумливый произволъ, который, отнюдь не управляемый никакими законами, ни отвнѣ, ни извнутри, любитъ дѣлать одно, либо другое потому единственно, что *хочетъ.*

Статья III.

Свобода.

§ 251.

Выше движеній инстинкта воля, выше воли *свобода,* которая обработываетъ сколько мысли наши, столькоже и самыя хотѣнія. Пускай свобода не срастается съ душою такъ, чтобы видна уже была въ дитяти, такъ, чтобы сохранялась и въ состояніяхъ упіенія, сна, помѣшательства, — на сіе безусловное, божественное начало жизни намѣкаютъ уже *вообще* или *теоретически* и многоразличныя движенія тѣла и каждый актъ умышленныхъ соображеній. Что, какъ не оно — и направленное къ *нравственной* сторонѣ въ особенности, выказываетъ творческую силу во внѣшнихъ своихъ начинаніяхъ, въ поступкахъ, въ ощутительныхъ своихъ произведеніяхъ? Что какъ не оно, изображаетъ и утверждаетъ на чредѣ временнаго, конечнаго бытія могущество того *безусло-*

внаго или *существительнаго* разума, которому болѣе *мы* принадлежимъ, нежели онъ намъ, и который въ *приложеніи* къ жизни слыветъ *дѣловымъ*, или *практическимъ*?

§ 252.

Сіе единственное положительное, прямое начало творящей дѣятельности почіетъ, какъ говорится, само на себѣ, и по идеѣ своей, ничего кромѣ себя не предполагая, умѣетъ обезпечить права своего величія отъ всякихъ наважденій, которыя такъ часто смущаютъ волю. Но входя въ сношеніе съ другими силами, болѣе или менѣе стѣсняющими его, т. е. отрицающими, оно можетъ, принимая въ себя порядокъ ихъ жизни, препобѣждать ихъ ограниченія и устремлять къ безконечнымъ цѣлямъ, *напр.* расширять мысль до безусловнаго вѣдѣнія, воображеніе до живительныхъ идеаловъ, сердечныя ощущенія до благодатной симпатіи съ цѣлымъ человѣчествомъ, съ природой. Будучи сама по себѣ отнюдь нравственною и *непричастною скверны, потому что рождена отъ Бога,* (*) свобода наитіемъ своимъ освящаетъ и волю, возводя оную тѣмъ самымъ въ достоинство свободной, т. е. благонамѣренной, потому что доброе только и свободно. Человѣкъ, преданный дурной волѣ, томится въ постыдномъ рабствѣ, которое и скрываетъ отъ другихъ, да и самъ въ спокой-

(*) Посланіе *Іоанна* 1, Гл. 3, ст. 9-й.

помъ расположеніи духа осуждаетъ. Ибо, кому не хотѣлось бы слыть героемъ, еслибы только возможно было достигнуть нравственнаго величія безъ дальнихъ усилій и безъ подрыва любимымъ склонностямъ и кто не желалъ бы видѣть въ другомъ такихъ доблестныхъ помысловъ, какіе, можетъ быть, ему самому чужды?

§ 253.

Но пробудившаяся свобода не дѣлаетъ уже того, что ей вздумается,—она позволяетъ себѣ рѣшаться не на то, что тебѣ или мнѣ угодно, а только на то, чего хочетъ отъ насъ первоначальная, общая, *божественная* жизнь, коей воля есть священный законъ для тварей, другими словами, она того только и позволяетъ себѣ хотѣть, что ей дѣлать должно,—не потому, однакожъ, будто подлежала чуждой власти, и не потому, будто увлекаема была причинами внутренними, а потому, что *сама собою* одолѣла всякое принужденіе и внутреннее и внѣшнее, потому что избыла вообще стѣсняющихъ оковъ, потому что совершенно исполнила законъ и тѣмъ самымъ поставила себя выше закона, въ которомъ не нуждается; она *подъ благодатію*. Какъ природа *должна* дѣлать то, что въ ней совершается; такъ точно долженъ дѣлать и человѣкъ свободный, для котораго нѣтъ уже ни выбора, ни умысла, ни своеобычныхъ затѣй. Разница только та, что сей послѣдній даетъ *самъ себѣ* законъ для своихъ движеній, *про-*

него знаетъ, слѣдственно свободно поступаетъ по необходимости такъ, а не иначе, а уставы природы предписываются ей стороннею властію, не даны ею самой себѣ и дѣйствуютъ безъ ея вѣдома и разумѣнія. Вотъ почему и *обязанности* нравственныя, купно съ причтеніемъ вины и заслугъ, существуютъ только для воли, да и предписываются ей опять свободою же, которая, по силѣ самодержавнаго своего качества, возносится надъ принужденіями всякаго рода, равно какъ и надъ произволомъ, которая изъемлетъ себя отъ устава и физическаго и умственнаго, предоставляя себѣ власть то давать уставы для всего прочаго, то *добровольно*, съ *полнымъ сознаніемъ* зависимости отъ верховнаго духа жизни и съ *любовію* возлагать на себя *золотыя цѣпи*. Ибо она хотя и возвышена надъ всякимъ даннымъ механизмомъ, связывающимъ бытіе тварей, однакожъ отнюдь не состоитъ *внѣ* закона, отнюдь не предана въ добычу слѣпой самослучайности. Какъ *создавшій око, видитъ*; такъ и животворное начало, которое вноситъ порядокъ въ хаосъ природы и Исторіи, есть, по идеѣ уже своей, безусловная стройность, чистѣйшая гармонія.

§ 254.

Объяснять происхожденіе нравственной свободы такъ же нелѣпо, какъ и объяснять происхожденіе жизни, разума, Бога,—происхожденіе всякаго существеннаго бытія, которое, не предполагая

ничего, кромѣ себя, посмѣвается и доказательствамъ: ибо сіи послѣднія всегда выводятъ одно—подчиненное—познаніе изъ другаго,—общаго, высшаго. А этого-то порядка въ свободѣ и нѣтъ. Разрывая ходъ внѣшней винословности, она сама умѣетъ начать цѣлый рядъ явленій, которыя потомъ и сцѣпляются между собою отношеніями зависимости, т. е. бываютъ необходимыми дѣйствіями своевластнаго начала. Не ея ли вѣяніе внемлемъ мы въ напоминаніяхъ нравственнаго гласа, которому въ поступкахъ мы слѣдовать *можемъ*, потому что онъ сего послушанія *требуетъ* отъ насъ даже тамъ, гдѣ строптивое сердце отказывается платить пріятный долгъ? Не являетъ ли она себя на самомъ дѣлѣ въ порывахъ доблестнаго энтузіазма и въ сознаніи каждаго образованнаго человѣка, который тѣмъ болѣе *старается быть свободнымъ*, чѣмъ крѣпче *вѣруетъ* въ самостоятельность свою, подобно какъ мыслящій непосредственно убѣждается въ существованіи своей мысли или бѣгущій въ дѣйствительности движенія? Да и самая мысль о возможности, своевластно распоряжаться въ кругѣ своихъ дѣйствій, не есть ли уже плодъ пробудившейся свободы, которая вообще стремится сама изъ себя овладѣть цѣлостію своего бытія?

§ 255.

Свобода, обращенная къ жизни, дѣлаетъ во всѣхъ внѣшнихъ отношеніяхъ своихъ и въ обхожденіи со всѣми предметами то, что соотвѣтствуетъ сущ-

ности сихъ отношеній и предметовъ, коихъ первоначальную волю или первоначальный законъ принимаетъ въ свои начинанія и поступки. Посему, что касается до особенныхъ сторонъ, накоторыхъ *самостоятельная необходимость* являетъ свое величіе; то ихъ столько, сколько разумъ представляетъ тѣхъ *практическихъ* идей, кои подмѣчаютъ въ вещахъ коренныя ихъ стремленія и цѣли. А какъ сихъ идей имѣется *три*, а именно Благое, Праведное и Изящное; то съ одной стороны нравственность, съ другой организмъ равномѣрныхъ движеній человѣчества въ гражданскомъ бытѣ, съ третьей искуства—вотъ и возможныя направленія творческой дѣятельности духа и вожделѣнныя блага ея. Далеко оставляя за собою и пріятство и пользу и пригодность для условныхъ цѣлей бытія, блага сіи имѣютъ въ виду только то, что необходимо въ жизни Богоподобнаго человѣка, который самъ изъ себя, по собственному внутреннему возбужденію любитъ подвизаться, зиждить и дѣйствовать въ разумѣ цѣлаго.

§ 256.

Но безусловное начало идеальной жизни есть только *возможное* или *обѣтованное* наслѣдіе разумныхъ существъ, коимъ они *дѣйствительно* пользуются тамъ только, гдѣ достигаютъ *образованія*, гдѣ чувствуютъ пріятную нужду въ *своемысліи* и гдѣ умѣютъ *владѣть собою*.

а) Кто погрязаетъ въ гибельныхъ заблужде-

ніяхъ; того хотѣнія и начинанія либо слѣпы, либо шатки и сомнительны, либо превратны. Воля тамъ только и образуется, гдѣ имѣетъ возможность развернуть свои способы, гдѣ удостовѣрена въ чистомъ, правильномъ и основательномъ образѣ мыслей. Посему практическая свобода вообще основывается на томъ дѣятельно—нравственномъ просвѣщеніи, которое, постигая устройство и ходъ вещей въ природѣ, въ жизни и въ Исторіи, да и ознакомясь съ собственнымъ запасомъ силъ и способовъ дѣйствующаго, ознакомясь съ особеннымъ его назначеніемъ въ общемъ раздѣлѣ задачъ, умѣетъ *благоразумно* употреблять приличныя средства для достойныхъ цѣлей. Въ семъ отношеніи мы, предоставляя совершенную свободу только Богу, признаемъ безчисленныя степени своевластія въ развитіи человѣчества; пускай одинъ герой, одинъ вѣкъ, одинъ народъ—на поприщѣ Наукъ и добрыхъ нравовъ, на поприщѣ политическаго устройства и искуствъ подвизается удачнѣе, другой менѣе удачно,—гдѣ успокоеніе для жизни, коей суждено не *пребывать*, а *стремиться*, да и *нажитыя* ею формы поддерживать опять безпрерывною дѣятельностію, вѣчными бореніями?

b) *Своемысліе* имѣетъ дѣло сколько съ предразсудками, кои могутъ совращать направленіе практическихъ силъ до того, что опредѣленная частная воля прямо поперечитъ общему, божественному порядку вещей, столько и съ тою гибель

ною неясностію, которая оглушаетъ волю при встрѣчѣ ея съ минутными прельщеніями, и приводитъ ее въ состояніе недоумѣнія. Но кто признаетъ необходимость своемыслія; тотъ долженъ и братій своихъ руководствовать къ тому, чтобы они научались разумѣть и принимать въ себя истинную волю всякаго существа. Только варвары и нечестивцы хотятъ насильственно подавить божественный даръ, который считаютъ столькоже для другихъ пагубнымъ, сколько для самихъ себя полезнымъ. Необходимость своемыслія легко узнается изъ тѣхъ заблужденій, коихъ мы избываемъ. Но совлекаясь прежнихъ погрѣшностей, мы можемъ впадать въ новыя; вотъ почему никто изъ смертныхъ не можетъ одинъ мыслить за всѣхъ! Какъ бы высоки ни были мнѣнія, догадки, идеи мудреца, — онѣ должны выдержать повѣрку общаго ума человѣческаго. Только бореніе мыслей обнаруживаетъ обоюдные ихъ недостатки, только симъ путемъ мы вообще и доходимъ до опредѣлительныхъ истинъ: ибо гдѣ воплощенный разумъ безусловный?

c) Вслѣдствіе познаній какъ гнусности того, къ чему влечетъ чувственность, такъ и красоты внушеній противоположеннаго рода возникаетъ мало по малу *господство надъ самимъ собою*, укрѣпляющее противъ искушеній и соблазновъ душу, которая безъ раздраженій такъ же коснѣетъ, какъ и всякая другая сила. Сему самооблада-

нію способствуетъ благородная гордость, ограждающая внутреннюю честь лица отъ оскверненій, — ему содѣйствуетъ воспитаніе, поддерживая мысль о санѣ человѣческомъ, именно тамъ, гдѣ духъ существующихъ учрежденій съ сей, даже, стороны облегчаетъ успѣхи людскости частныхъ лицъ, — ему благопріятствуетъ созерцаніе живыхъ примѣровъ и великихъ образцевъ, ему благопріятствуетъ наконецъ и самое упражненіе, которое, усиливая чувство собственной своей цѣны и оживляя оное довольствомъ, столькоже удостовѣряетъ человѣка въ побѣдительной силѣ его духа, сколько частыя низложенія ослабляютъ его вѣру въ самаго себя.

Грань 2-я.

Особенное направленіе и развитіе практическихъ силъ духа.

§ 257.

Движенія инстинкта съ его вожделѣніями и склонностями вообще получаютъ—наружу—рѣшительный тонъ или *закаляются* въ *привычкахъ* человѣка; воля, коей представляетъ разсудокъ на выборъ тѣ, либо другія полезныя цѣли условнаго быта, находитъ для себя просторъ въ *страстяхъ*, что же касается до свободы; то она торжествуетъ въ *характерѣ*.

Статья I.

Привычки.

§ 258.

Правило однообразныхъ дѣйствій, желаній и стремленій, нѣсколькократными повтореніями облегчаемое человѣку и укореняющееся на извѣстныхъ степеняхъ его жизни, называется *привычкой.* Человѣкъ *невольно* уже любитъ то, что, вытекая изъ внутренняго свойства его тѣлесной, либо духовной жизни, наклоняетъ его и къ соотвѣтственнымъ поступкамъ. *Завѣдомо* онъ *пріучаетъ себя* къ тому, съ чѣмъ часто долженъ встрѣчаться въ жизни; съ *умысломъ* и вмѣстѣ *неумышленно* люди перенимаютъ другъ у друга привычки или сообщаютъ оныя другъ другу,—то въ *примѣрахъ* и *общественномъ мнѣніи* или *вкусѣ* для возможности уживаться съ однородными существами, именно чувственными, то въ *воспитаніи,* которое почти сплошъ есть не иное что, какъ механическая *дресировка,* то въ народныхъ *обычаяхъ,* кои, образуясь изъ взаимнаго сообщенія, изъ одинаковаго, форменнаго воспитанія и наконецъ изъ преданій, составляютъ въ гражданскомъ бытѣ нашемъ *печатныя*, такъ сказать, правила жизни для людей, неспособныхъ руководствоваться собственнымъ размышленіемъ.

§ 259.

Какъ бы впрочемъ привычка ни образовалась — она сближается съ природой мало по малу, но отнюдь не есть вторая, какъ говорятъ природа, которая столько же неискоренима и единообразна, сколько правила, принятыя нашими вожделѣніями и склонностями, многоразличны и производны. Рѣшительно и сильно дѣйствуетъ привычка въ сферѣ связаннаго, чувственнаго хотѣнія, открывая все болѣе и болѣе точекъ прикосновенія для жизни и въ послѣдствіи почти срастаясь съ нею; однакожъ сей *искусственный инстинктъ* не дѣйствуетъ безусловно; онъ поддается и нуждѣ и высшему интересу, онъ уступаетъ и лѣтамъ и модѣ или страсти къ перемѣнамъ, не выходя изъ предѣловъ природы, которая всегда *беретъ свое*, да и не вторгаясь въ область свободы: ибо нельзя же привыкнуть *напр.* къ доблести, къ Генію. Ограниченность привычки явствуетъ уже изъ того, что она порабощаетъ болѣе страдательныя, слабыя и зависимыя души, нежели крѣпкія, порабощаетъ болѣе человѣка въ частной его жизни, нежели въ свѣтѣ, болѣе внѣшнія его отношенія, нежели внутреннія, наконецъ изъ того, что она состоитъ въ связи съ любимыми склонностями каждаго, равно какъ и съ мѣстнымъ его положеніемъ.

§ 260.

Пускай *вопіютъ противъ* привычекъ, явно ограничивающихъ свободу и ослабляющихъ вниманіе

къ впечатлѣніямъ предметовъ, а съ тѣмъ и къ хорошей сторонѣ послѣднихъ, — Наука отдаетъ искуственному инстинкту справедливость *и* въ томъ, что онъ облегчаетъ намъ трудное, дѣлаетъ сладкимъ горькое *и* въ томъ, что способствуетъ усовершенію искуствъ и ремеслъ, *и* въ томъ, что своевольство внуковъ—несмыслей обуздываетъ общимъ закономъ добрыхъ обычаевъ дѣдовскихъ.

Статья II.

Страсти.

§ 261.

Неудержимая и разсудокъ смущающая стремительность привычныхъ вожделѣній въ домогательствѣ произвольныхъ благъ вовлекаетъ человѣка въ вихрь *страстей*, коихъ существеннѣйшіе признаки суть слѣдующіе:

a) Страсти возникаютъ не вдругъ, онѣ рождаются мало по малу и не только съ каждымъ новымъ удовлетвореніемъ, но и отъ частаго раздраженія, за которымъ не слѣдуетъ удовлетворенія, усиливаются до того, что дѣлаются неискоренимыми, развѣ съ упадкомъ жизненныхъ силъ предметъ совершенно потеряетъ свою прелесть;

b) Онѣ даютъ душѣ продолжительное направленіе къ предметамъ извѣстнаго рода и, дѣйствуя по закону *привычныхъ сцѣпленій*, находятъ свою пищу во всѣхъ явленіяхъ и обстоятельствахъ, *прикосновенныхъ къ дѣлу*, подобно какъ съ другой

стороны всѣмъ тѣмъ и ожесточаются, что склонностямъ нашимъ чуждо; такъ для любящаго досадны преимущества соперника, такъ скупецъ терпѣть не можетъ издержекъ;

c) Въ страсти человѣкъ влечется къ *цѣли*, которую желаніямъ его указываетъ смыслъ и произвольный выборъ. Это требуетъ холодныхъ соображеній, требуетъ смѣтливости и притомъ быстрой: ибо въ изобрѣтеніи средствъ часто должны участвовать и остроуміе—софиста и фантазія, рисующая идеалы наслажденій и практическое познаніе людей и свѣта,—слѣды такого развитія душевныхъ силъ, какого не примѣчаемъ ни у животныхъ, ни у дѣтей. За всѣмъ тѣмъ справедливо говорится, что всякая страсть ослѣпляетъ. Ибо человѣкъ естественнымъ образомъ стремится къ тому, чтобы равномѣрнымъ удовлетвореніемъ потребностей способствовать своему благосостоянію, страсть же увлекаетъ его къ наслажденію удовольствіями *одного рода*, оглушая его разсудокъ и чувство ко всякому иному интересу или побуждаетъ его одной части благосостоянія жертвовать прочими. Отъ того онъ бываетъ рабомъ своихъ вожделѣній и знаетъ о вредныхъ послѣдствіяхъ безумной привычки, не въ состояніи будучи, однакожъ, противиться гибельнымъ приманкамъ.

§ 262.

Можно въ одно и тоже время раболѣпствовать нѣсколькимъ страстямъ, особливо сроднымъ, изъ

коихъ удовлетвореніе одной питаетъ отчасти и другую; но гдѣ потворство одной дѣлаетъ подрывъ требованіямъ другой; тамъ происходитъ между ими взаимное ограниченіе и ни одна въ полной мѣрѣ не раскрывается.

§ 263.

Сообразно съ главными отношеніями жизни *раздѣлимъ* страсти a) на *личныя*, кои устремлены къ выдержкѣ и укрѣпленію отдѣльнаго нашего *животолюбиваго* существа, b) на тѣ, кои развиваются въ сношеніяхъ одного *пола* съ другимъ, c) на *общежительныя*, свирѣпствующія въ дѣловомъ или гражданскомъ бытѣ нашемъ.

Пунктъ 1-й.

Страсти одинокаго быта, или чисто животнаго самолюбія.

§ 264.

Животолюбію природа поручила сохраненіе безскорбнаго бытія всякой твари. Но изъ сего благодатнаго источника вытекаютъ ручьи, кои въ дальнѣйшемъ разливѣ своемъ все болѣе мутятся; это *уединенныя* страсти *чисто животнаго самолюбія*; онѣ слѣдующія:

A) *Страсть къ многочисленнымъ услажденіямъ грубыхъ чувствъ*, именно же

1) Раздраженнаго *вкуса*. Потребность питанія, по себѣ естественная, доходитъ до неистовства у *обжоръ*, коихъ вся душа, какъ кажется, въ

желудкѣ. Продолжительный голодъ и болѣзненное состояніе внутренностей безъ сомнѣнія подаютъ первоначальный поводъ къ подобному *гортанобѣсію*, которое можетъ, однакожъ, и проходить и которое имѣетъ еще извиненіе въ стремительности инстинкта. Но гдѣ праздное приволье вынуждаетъ позывъ искусственными приправами, гдѣ услажденіе гортани бываетъ не средствомъ, а *цѣлію*, гдѣ вкушаютъ яства не для того, чтобы жить, а живутъ для того, чтобы ѣсть, гдѣ обѣды идутъ наровнѣ съ торжественными засѣданіями, гдѣ надобно привести въ движеніе всѣ части свѣта и всѣ царства природы, чтобы угостить прихотника, гдѣ самая Наука поступаетъ въ услуженіе Мамонѣ; тамъ во всей гнусности является то *сластолюбіе*, которое человѣка унижаетъ до скота, отягощая его тѣло на счетъ умственныхъ силъ и дѣлая негоднымъ орудіемъ послѣднихъ, которое заглушаетъ благороднѣйшія побужденія и, что еще грустнѣе, портитъ и вкусъ и нравы и здоровье цѣлыхъ поколѣній. Горьки сіи истины; но онѣ доказаны исторіей роскоши свирѣпствовавшей во времена Римскихъ Императоровъ; онѣ подтверждаются и быстрыми успѣхами *новѣйшей* нашей *гастрономіи*.

II) *Пьянство*. Склонность къ частому и обильному употребленію крѣпкихъ напитковъ и одуряющихъ зелій есть сколько порокъ, столько же и болѣзнь, сколько безумная страсть, столькоже и

несчастіе, потому что можетъ постигать и лучшаго изъ людей. Оно жалко, такъ какъ обжирство презрительно, ненавистно. Ибо одни животныя осуждены на сладкія муки пресыщенія; чтожъ касается до другихъ невинныхъ созданій, каковы злаки и цвѣты; то они любятъ только упиваться— *росою небесною, слезами Авроры.* Посему пьянство имѣетъ, какъ кажется, и свои не только извинительныя, даже хорошія стороны: ибо не вино ли оживляетъ чувствительность, воображеніе, остроуміе? Не оно ли располагаетъ къ словоохотству, къ веселію, къ симпатіи, къ дружелюбію? Но сіи *поэтическіе припадки* легкаго и минутнаго упоенія не выкупаютъ всѣхъ золъ, которыми сопровождается упоеніе привычное, хроническое: ибо на степени страсти оно помрачаетъ разсудокъ, память и сознаніе, отнимаетъ охоту къ занятіямъ, порождаетъ полчище упорныхъ болѣзней, заглушаетъ стыдъ и совѣсть, увлекаетъ къ звѣрскимъ поступкамъ и доводитъ до сумасшествія.

III) Къ страстному услажденію грубыхъ чувствъ надобно отнести и тотъ безотчетный *вандализмъ*, который губитъ и терзаетъ созданія Божіи изъ одного звѣрскаго удовольствія, выказывать торжество своихъ силъ и власти и любоваться мученіями невинныхъ жертвъ. Сія страсть, свойственная строптивымъ, злымъ дѣтямъ, дикарямъ, азіятскимъ тираннамъ и крамольникамъ дѣйствуетъ всего необузданнѣе и разрушительнѣе

тамъ, гдѣ прикрывается личиной нравственныхъ побужденій, *напр.* праведнаго воззмездія или священной ревности по вѣрѣ.

В) *Страсть къ забавамъ и потѣхамъ.* Какъ скоро человѣкъ снознался съ *злодѣйкой* — скукой, какъ скоро возчувствовалъ потребность наполнить убійственную пустоту сердца и *облегчить* себѣ *тяжкое бремя досуга,* жизнь *разгульная* переходитъ въ многосложную страсть къ забавамъ къ пляскамъ, гостьбищамъ, путешествіямъ, къ рыцарскимъ похожденіямъ, къ чтенію романовъ, альманаховъ и журналовъ, къ звѣриной и рыбной ловлѣ, къ зрѣлищамъ, къ картамъ, къ *азартнымъ* и суевѣрнымъ играмъ, каковы ворожба, клады и пр. Пускай здѣсь часто сь пользою заняты бываютъ силы, которыя безъ того оставались бы неразвитыми; пускай иныя игры образуютъ тѣло, другія изощряютъ умъ, третьи питаютъ отвагу, —люди за всѣмъ тѣмъ въ забавахъ и потѣхахъ бездѣлье предпочитаютъ дѣлу и жестоко обманываютъ самихъ себя, думая, будто *суетливость* ихъ направлена къ какой либо *цѣли.* Сія мнимая, смѣшная, жалкая цѣль, примѣрно поправить дѣла или заправить зайца, собственно говоря, ничего не рѣшитъ. Льготныя движенія сердца или чувствованія, кои питаются и поддерживаются сами собою безъ усилій, вѣчная смѣна надеждъ и опасеній, удачъ и промаховъ, — удальство — вотъ что составляетъ главнѣйшій интересъ игры! Размысливъ хорошенько, всякій

охотникъ до прибытка или рукоплесканій долженъ признаться себѣ, что онъ поступаетъ безумно, полагаясь *на авось*, потому что вѣроятность все —таки на сторонѣ проигрыша. А говорить ли уже о томъ, что страсть къ играмъ, сама по себѣ изнурительная, часто перерождается въ бѣшенство, не только *пуская въ ставку* все, что человѣку дорого, но и заглушая священнѣйшія чувствованія супружеской и родительской горячности у людей, которые, къ сожалѣнію, отличаются даже талантами ума и сердца?

С) *Любостяжаніе.* Человѣкъ властенъ 1) присвоивать себѣ для временныхъ и нуждъ и даже удовольствій внѣшнія вещи, кои всѣ содержатся къ нему, какъ средства къ самостоятельной цѣли творенія, 2) пріумножать достояніе и желать приращеній, 3) утверждать за собою собственность въ обезпеченіе своего бытія. Но любостяжаніе искажаетъ сіи невинныя и (животнымъ) естественныя склонности къ земнымъ благамъ, понуждая человѣка съ какимъ-то остервѣненіемъ алкать прочнаго, обширнаго, вѣковѣчнаго обладанія не столько для того, чтобы пользоваться достаткомъ, сколько для того, чтобы имъ любоваться. Причинъ сей страсти надобно искать a) въ пріумноженіи потребностей и прихотей, происходящемъ отъ успѣховъ семейственной и гражданской жизни, b) въ сознаніи *собственной слабости* каждаго, которая не всегда и не во всякомъ возрастѣ позволяетъ на

себя полагаться, c) въ боязни могущихъ встрѣтиться несчастныхъ случаевъ, особливо при ненадежномъ положеніи общественныхъ дѣлъ, d) въ гордомъ чувствѣ независимости богача, наконецъ e) въ самой прелести идеальныхъ, воображаемыхъ наслажденій.

§ 265.

Гнусныя исчадія любостяжанія суть:

I) *Корыстолюбіе,* — слѣпая жадность грабителей. Она захватываетъ вещи единственно для того, чтобы имѣть у себя; она не умѣетъ иначе обогащаться, какъ съ раззореніемъ ближнихъ, и тайно, по холодной смѣтливости своей, стремится къ выгодамъ не такимъ, кои получаются изъ рукъ счастія, или праведныхъ трудовъ, а такимъ, кои пріобрѣтаются всѣми средствами, ни тѣлесныхъ, ни душевныхъ напряженій не стоющими, т. е. *коварствомъ.* Почему промыслы, коими нынѣ обогащаются люди, умѣющіе жить въ свѣтѣ, и притомъ промыслы *частные,* о гнусности коихъ *позволяется* знать и говорить Наукѣ, суть

a) *Подлоги* — наслѣдниковъ, душеприкащиковъ, стряпчихъ, докладчиковъ, *подборныхъ кураторовъ* въ дѣлѣ небывалаго займа, по предмету безденежныхъ обязательствъ,

b) Подлая *лесть* — голодныхъ лисицъ сытымъ воронамъ — глупцамъ, выведенцевъ покровителямъ, ворожей тщеславнымъ и суевѣрнымъ женщинамъ,

бродягъ и переметчиковъ великодушному правительству, Біографовъ богатому покойнику,

c) Ученое *шарлатанство* — Натуралистовъ, Антикваріевъ, путешественниковъ, Врачей и пр.

d) Двусмысленное *родство* и *кумовство* со знатью и *особенныя* отъ нея *порученія* то *преслѣдовать скромныхъ свидѣтелей* нескромныхъ сценъ, то *сближать интересы партій*,

e) *Женитьба—блудныхъ сыновъ* на богатенькихъ уродахъ, женитьба *безталанныхъ молодцевъ* на дюжинныхъ, такъ называемыхъ, *воспитанницахъ* своего начальника, кои приносятъ въ приданое *штатныя* мѣста съ *отличіемъ* и въ добавокъ цѣлую колонію — *фонъ однодворцевъ*,

f) Тонкое воровство, извѣстное тѣмъ, кои *управляютъ* чужимъ имѣніемъ, именноже казеннымъ, сиротскимъ и имѣніемъ Баръ-пустодомовъ,

g) Постройки и поставки всякаго рода для публичныхъ заведеній, особливоже заготовленіе припасовъ *экономическимъ* образомъ,

h) Безотчетные сборы, концерты, спектакли, открытыя чтенія въ пользу бѣдныхъ, увѣчныхъ, погорѣвшихъ,

i) Исправленіе нѣсколькихъ публичныхъ должностей, съ твердою увѣренностію не успѣвать ни по одной и однакожъ получать по каждой то ежегодныя награжденія, то аренды, то пенсіи,

k) Нищенство — салопницъ, ополченныхъ, заштатныхъ чиновниковъ, бенифиціантовъ, издаче-

лей, которыхъ Аполлонъ пустилъ *по прокормежной*, т. е. на *подписку* или на сборъ *альманачныхъ статеекъ*,

l) Пошлое шутовство, которое въ силу привилегіи, данной ему чернію, величаетъ и подписываетъ себя—юмеромъ,

m) Продажа прелестей *гуртомъ* и *по мелочи* (*),

n) Злоумышленная несостоятельность въ платежѣ нахватанныхъ долговъ,

o) Наконецъ милое *мшелоимство*, которое,, колпаки и рекрутскія квитанціи, шоколадъ и сибирскій ревень, старое желѣзо и помаду, аттестаты и невѣстъ, просфоры и право на изданіе книги или газеты, гробы и клистирныя трубки, — все беретъ для перепродажи, все, подобно Миду, превращаетъ въ золото и снабжаетъ *оборотливыхъ* и экипажемъ и полнымъ гардеробомъ,,. (**)

§ 266.

II) *Страсть къ прибыткамъ*, какъ склонность къ пріумноженію благопріобрѣтеннаго достоянія путемъ трудовъ и удачъ, но склонность уже искаженная, питается *спекуляціями* всякаго рода,— игрою, именно лотереей, акціями, сбытомъ запрещенныхъ товаровъ, лихоимствомъ, безбожными поборами монополистовъ, откупщиковъ, подрядчиковъ, привилегированыхъ фабрикантовъ, Аптекарей во время

(*) *Le Miroir* pour l'an. 1832, No 58.

(**) Графъ Сен-Меранъ, переводъ Макарова, изданіе второе, часть II.

эпидемическихъ болѣзней,—*прижимками* стряпчихъ, экзаменаторовъ, слѣдственныхъ приставовъ, ревизоровъ, таможенныхъ досмотрщиковъ, торгашей во время затруднительнаго сообщенія по сушѣ и по рѣкамъ, маркитантовъ во время попятныхъ движеній арміи, коммисаровъ, полицейскихъ чиновниковъ, землемѣровъ и пр.—явнымъ плутовствомъ грамотеевъ-промышленниковъ, перепечатывающихъ книги или выдающихъ чужія за свои, наконецъ со введенія денегъ—*сребролюбіемъ*. Изобрѣтеніе монеты, которая представляетъ массу имуществъ, которая служитъ общимъ органомъ мѣны и которая такъ легко плодится сама собою, породило совершенно новый родъ корыстолюбія. Ибо тутъ въ *одномъ уже обладаніи* кроется такой талисманъ, который сокрушаетъ врата, запертыя для всякаго безденежнаго, такое могущество, которое едва ли не перевѣшиваетъ всякую иную власть на землѣ, да и такое, съ другой стороны, безумное и смѣшное удовольствіе, разсматривать, осязать, караулить и пересчитывать звонкіе червонцы, что *Плавты* и *Мольеры* всѣхъ временъ и націй истощали свой талантъ въ открытомъ посрамленіи сей нравственной уродливости, но, разумѣется, истощали понапрасну съ тѣхъ поръ, какъ и самое перо Комиковъ и Сатириковъ начало быть приводимо въ движеніе—*скверноприбыточествомъ*.

III) *Скупость*—по видимому а) страсть *трез-*

венная, обыкновенно и встрѣчающаяся въ лѣтахъ опытности и зрѣлаго разсудка и не знающая порывовъ, b) страсть *умѣренная,*—довольствующаяся тѣмъ, что уже *Богъ* ей *послалъ,* c) страсть, *едва ли не мудрая,* оставляющая въ покоѣ весь свѣтъ, который у нея въ сундукѣ, d) страсть даже *великодушная,* собирающая не для себя, а для другихъ. Но если она и не посягаетъ на чужое, какъ дѣлаютъ то корыстолюбіе и страсть къ прибыткамъ, за то уже съ другой стороны и не любитъ дѣлиться, подобно послѣднимъ, часто расточительнымъ, или же, если для извѣстныхъ видовъ и удѣляетъ ближнему отъ достоянія, которое поклялась хранить *вовѣки нерушимо*; то удѣляетъ обыкновенно *крохи,* да и тѣ неохотно и съ ропотомъ сердца, хотя вообще не любитъ таить своего богатства или, по крайней мѣрѣ, радуется, если другіе про то знаютъ. Скряга не только всячески избѣгаетъ прихотей, но ограничиваетъ (разумѣется дома) и самыя потребности существенныя, — до того, что и опрятность и сонъ и здоровье приноситъ въ жертву — не наслажденіямъ, которыя онъ, даже *утративъ сладострастье жизни*, все еще приберегаетъ про какой—то *черный* день, а наслѣдникамъ, кои — неблагодарные такъ же отъ души смѣются надъ безумцемъ по смерти его, къ чему нибудь да пригодной, какъ и презирали при жизни, для него самаго и для другихъ безполезной.

§ 267.

Какая разница между дѣйствіями врожденной

любви къ собственности и между дѣйствіями испорченнаго корыстолюбія! Оная любовь питаетъ изобрѣтательность, подаетъ поводъ къ тщательному обработанію и употребленію естественныхъ произведеній, утверждаетъ связи общежитія и самыя понятія о томъ, что справедливо и несправедливо, соединяетъ—торговлею—разсѣянныя части рода человѣческаго, съ которымъ дѣлится свѣдѣніями, опытами; сіе, хотя не рѣдко изумляетъ насъ сколько упорствомъ воли, столькоже и самоотрѣченіемъ, которое готово *нищенствовать* сего дня, чтобы не нуждаться завтра, однакожъ всегда остается омерзительнымъ порокомъ. Оно задерживаетъ ходъ высшихъ потребностей усовершенія, пригвождаетъ душу къ чувственному, настоящему, предаетъ санъ человѣка въ рабство *вещамъ* тлѣннымъ, ничтожнымъ, помѣщая *цѣль* жизни въ сихъ послѣднихъ *средствахъ* дѣятельности, а не въ самомъ *лицѣ* его, подрываетъ всякую довѣренность, внушаетъ дерзкія требованія, подавляетъ въ душѣ движенія прекраснѣйшихъ добродѣтелей, пускаетъ все въ продажу, женъ и дѣтей, отечество и Вѣру, друзей и самую Науку, которая воздоила отступника. Правда, лѣность, страхъ, чувство приличія, сатира—все это *обуздываетъ* до извѣстной степени звѣрскую алчность Гарпагона; но *совершенное уврачеваніе* сей нравственной заразы, свирѣпствующей особливо въ состояніяхъ среднихъ и высшихъ, невозможно до тѣхъ поръ, доколѣ Наука не вразумитъ

насъ въ высокости нашего назначенія, доколѣ людскость не воспитаетъ сердца для чувствъ любви и справедливости, доколѣ благородное честолюбіе не поселитъ въ человѣкѣ вкуса къ занятіямъ важнымъ, къ дѣятельности обширной, дальновидной, къ подвигамъ общеполезнымъ.

Пунктъ 2-й.

Страсть половая — любовь.

§ 268.

Кому не извѣстна страсть, развивающаяся въ сношеніяхъ между мужчиной и женщиной—*любовь*, сколько одними превозносимая, столько же другими проклинаемая? Сія, прямо человѣческая, склонность, возбуждаемая уже въ младенцѣ и возникающая, подобно разуму, вмѣстѣ съ жизнію, — склонность, которая обыкновенно дѣйствуетъ сильнѣе всякаго пристрастія къ животнымъ и вещамъ бездушнымъ, есть въ *большомъ видѣ* не иное что, какъ *тяготѣніе* къ сроднымъ частямъ одного цѣлаго, въ *маломъ видѣ*, т. е. въ человѣчествѣ— неудержимое стремленіе вступать съ существами, взысканными сердцемъ, въ тѣснѣйшія связи, для расширенія нашего бытія, для пополненія недостатковъ грустнаго одиночества, для споспѣшествованія обоюдному счастію и назиданію. Симъ святымъ чувствомъ дышетъ вся природа; ему поручено небомъ и творить и беречь и украшать бытіе земное.

§ 269.

Особенная, какъ сказано, отрасль симпатическихъ влеченій къ подобнымъ себѣ существамъ выражается тяготѣніемъ одного пола къ другому, которое приняло опять разныя формы отъ, сопровождающихъ оное, чувствованій и помысловъ.

А) Основаніемъ любви одного пола къ другому служитъ органическая потребность, удовлетвореніе коей, — случайное, бѣглое — тщется сначала для *нея* самой. *Движенія плоти и крови* въ состояніи дикости не возмущаются представленіемъ совершенствъ, выборомъ, расчетами,—не возмущаются прелестью запрещенныхъ благъ, обманчивымъ сравненіемъ своего положенія съ завидною участью другихъ счастливцевъ, томленіями романической тоски; отъ того сіе вожделѣніе не есть, собственно говоря, и любовь (тѣмъ менѣе страстная), а только животное побужденіе, подобное голоду, которое и бываетъ насыщаемо первою встрѣтившеюся снѣдью.

В) Но какъ скоро начало въ человѣкѣ раскрываться чувство *красиваго* или *пригожаго,* столь привлекательнаго для сердецъ, то оно получаетъ сильное вліяніе и на шаткую, слѣпую похоть, направляя ее къ опредѣленнымъ лицамъ другаго пола, украшеннымъ уже извѣстными совершенствами и притомъ такими, по которымъ одинъ полъ бываетъ не только пріятнымъ, но и необходимымъ для другаго. Здѣсь—то въ первый разъ встрѣчаем-

ся мы съ явленіями *людскости*, которая и приводитъ въ движеніе всѣ пружины *влюбленнаго домогательства*,—подарки, угожденія, вздохи, робкіе приступы, умильные взгляды, хитрости и пр. чтобы понравиться *избранной* и возбудить взаимную ея склонность, столь питательную для чувствъ домогающейся стороны. Впрочемъ и прикрашенная симъ образомъ чувственность всегда имѣетъ въ виду только сладострастіе: отъ того она обыкновенно съ достиженіемъ цѣли хладѣетъ и вовсе со временемъ угасаетъ, предавая разочарованнаго юношу въ добычу обманамъ и скукѣ.

§ 270.

Склонность мужчины къ женщинѣ, возбужденная и питаемая вліяніями прекраснаго, можетъ, при взглядѣ на совершенства *суженой*, при благопріятномъ расположеніи зрѣлой и роскошной чувствительности, вспыхнуть вмигъ, можетъ *взволновать* душу, коль скоро только одному лицу не мѣшаютъ съ полною свободой двигаться въ другомъ. Если ощущеніе подобныхъ влеченій часто возникаетъ; то, конечно, теряются порывы и разсудокъ вступаетъ въ свои права; за то сія *эстетическая* любовь къ другому полу принимаетъ характеръ страсти, сопровождаемой, однакожъ, особенными, природѣ ея соотвѣтственными, измѣненіями и оттѣнками *силы* и *неотразимости обаяній*, кои мы встрѣчаемъ особливо тамъ, гдѣ она искажена нравами вѣка, гдѣ раздра-

жаема бываетъ гражданскими ограниченіями, гдѣ избалована привольемъ и романическими бреднями и притомъ встрѣчаемъ гораздо чаще *на канунѣ* праздника, нежели въ самый *день ликованій,* по тойже естественной причинѣ, по которой Романъ обыкновенно бываетъ заманчивѣй Исторіи. Ибо сія любовь постоянно направляетъ и воображеніе и желанія къ своему предмету, который она такъ же возвышаетъ до Божественнаго идеала, какъ сѣроводородный газъ поднимаетъ аэростатъ едвали не до *втораго неба.* Съ любезнымъ только жизнь и блаженство, безъ любезнаго смерть и муки ада. Далѣе,—она глубоко западая въ душу и оживляя всѣ ея силы благодатными своими вліяніями, ухищряетъ и умъ въ изысканіи способовъ нравиться, даже въ изобрѣтеніи *Науки любить.* Но она вмѣстѣ съ тѣмъ и подавляетъ всѣ движенія мыслящихъ силъ, которыя не благопріятствуютъ ея желаніямъ и потому сколько ослѣпляетъ самый разсудокъ и къ *милымъ недостаткамъ* своенравной и жеманной вѣтреницы и къ препятствіямъ со стороны родни и неравенства отношеній и къ явной опасности, какою угрожаетъ *змѣя, таящаяся подъ цвѣтами,* столькоже сокрушаетъ и произволъ, такъ что любящій, не въ состояніи будучи противостать искушеніямъ, устремляется на явную погибель. Ибо сколько такихъ страстей, кои могутъ быть вытѣснены или, по крайности, умѣрены любовію, тогда какъ *милая склонность,* совершенно зани-

мая сердце однимъ благомъ, едвали найдетъ отраду въ другихъ инородныхъ! Всѣ прочія страсти имѣютъ обширный кругъ дѣйствія и сбитыя съ одной дороги, могутъ избрать другую, либо, обманувшіяся въ своихъ расчетахъ, могутъ еще надѣяться вознагражденія, а несчастная, *горемышная* любовь предоставлена только самой себѣ, предоставлена чувству своего сиротства, и потому порождаетъ слѣдствія тѣмъ болѣе пагубныя, чѣмъ страдалецъ чувствительнѣе, т. е. производя либо пустоту, а съ нею и лѣнь, либо отчаянную и безразсудную дѣятельность, либо сластолюбіе, которое тутъ ничѣмъ уже не ограничивается и которое, однакожъ, на время пріятно оглушаетъ чувства, либо, по обстоятельствамъ, порождая ненависть къ вѣроломному полу, ненависть къ извѣстному классу людей, ненависть даже къ человѣчеству.

С) Но любовь къ другому полу, опредѣляемая чувствомъ изящнаго, способна принимать еще и форму, болѣе благородную, какъ скоро, свойственныя каждому полу дарованія ума и сердца, образовались до такого совершенства, которое придаетъ мужчинѣ и женщинѣ особенную цѣну нравственную и дѣлаетъ ихъ предметомъ взаимнаго уваженія. Правда, она и въ семъ видѣ не отторгается совершенно отъ своего корня: ибо ей суждено служить точкою соединенія между натурой и безусловнымъ разумомъ, между свободою и необ-

ходимостію; однакожъ раздраженія органическія, коими любовь только возжигается, но не поддерживается, не питается, мало по малу стихаютъ, уступая лучшимъ побужденіямъ, кои дѣлаютъ честь нашей природѣ. Ибо здѣсь любящій, для котораго чувственный міръ потерялъ исключительную цѣну, восхищается не столько мимолетными прелестями тѣла, сколько душевною красотою милаго существа, которому пріятная наружность служитъ только символомъ, отблескомъ. Стараніе понравится таковой особѣ получаетъ вмѣстѣ и направленіе къ собственному нашему усовершенію нравственному, къ подавленію своекорыстныхъ склонностей; отъ того здѣсь обнаруживается доброхотство въ душахъ гордыхъ, строптивыхъ, обнаруживается у закоснѣлыхъ егоистовъ готовность къ пожертвованіямъ, стремленіе къ общимъ, отдаленнымъ, потомственнымъ благамъ человѣчества, къ безсмертію.

§ 271.

Идеалы таковой эстетической любви, облагороженной чувствомъ нравственныхъ совершенствъ другаго видимъ мы въ любви рыцарской, дружеской, благочестивой, — въ любви, разгаданной Платономъ, Петраркой, Клопштокомъ. Ибо между тѣмъ какъ похоть, возбуждаемая и питаемая только тѣлесными прелестями, изнуряетъ себя въ порывахъ, мучитъ взыскательностію и обидными претензіями, требуетъ безусловнаго повиновенія,

позволяетъ себѣ ложъ, притворство и обманы, имѣетъ въ виду только свое лице, употребляетъ другой полъ во зло, т. е. какъ средство для земныхъ утѣхъ, и готова каждый мѣсяцъ курить ѳиміамъ предъ новой богиней,—любовь нравственная, назидательная, какую находимъ только въ добродѣтельномъ супружествѣ,, милосердствуетъ изъ уваженія къ лицу и правамъ другой половины, воздерживается отъ докукъ ревности, умѣряетъ буйные порывы органическихъ раздраженій, являетъ въ отзывахъ и поступкахъ дружескую откровенность, назидаетъ только общее благо семейства, охотно снисходитъ къ слабостямъ и минутнымъ заблужденіямъ, надѣется всего отъ нѣжности; такая дружеская любовь супруговъ вѣрна до гроба; она переживаетъ вѣру и надежду.,, (*)

Пунктъ 5-й.

Страсти общежительныя.

§ 272.

Но самыя многочисленныя и самыя гибельныя страсти воспитываются въ общежитіи, гдѣ всякая склонность, естественная и искуственная, можетъ находить свой расчетъ, свой кругъ дѣятельности и свои идеалы. Онѣ бываютъ частію *положительнаго* свойства, каковы *гордость, любочестіе, властолюбіе*, частію *отрицательнаго*, каковы,

(*) Подражаніе 1-му Посланію къ Коринѳянамъ, Главѣ 13-й, стихамъ 4 — 8-му.

страсть къ своевольству, фанатизмъ и *ненависть*, теряясь всѣ—въ перечневомъ—*эгоизмъ*.

§ 273.

А

I. *Гордость*. Человѣкъ не только склоненъ отъ природы, но и обязанъ нравственнымъ долгомъ обезпечивать, поддерживать и даже возвышать значительность своего лица въ сравненіи съ другими. Это лестное право находитъ онъ въ отрадномъ сознаніи достоинства человѣческаго, и гдѣ онъ питаетъ уваженіе къ самому себѣ вслѣдствіе заслугъ, особливо пріобрѣтенныхъ; тамъ для него пріятно и лелѣять и усовершать дарованія существенныя, внутреннія, — ту людскость, которая одна и дѣлаетъ его досточтимымъ. Занимать видное мѣсто между гражданами царства свободы, отъ сердца гнушаться всѣмъ низкимъ, мелочнымъ,—не позволять себя наглецамъ вытѣснять изъ круга нравственной дѣятельности, отстранять связи, безъ коихъ обойтись можно, чувствовать въ себѣ довольно силъ, чтобы отказаться даже отъ милостей и отъ дружбы тиранна, коль скоро онѣ предлагаются на условіяхъ предосудительныхъ, въ тишинѣ и скромности назидать свое счастіе, ожидая благословеній болѣе отъ свидѣтельства своей совѣсти, нежели отъ свѣта, коего мнѣніе столькоже не надежно, сколько зависть опасна, — вотъ характеръ *почтенной* гордости, которая неразлучна съ честію и которую тѣмъ пріятнѣе видѣть въ жизни,

чѣмъ рѣже она встрѣчается! Но въ душахъ слабыхъ, мелкихъ сіе благородное побужденіе можетъ всего легче переходить въ страсть, принимая отъ ложнаго самопознанія, отъ незаслуженнаго счастія, отъ первыхъ удачь, отъ малодушія тѣхъ, кои терпятъ сію тиранку, искаженія то смѣшныя, то жалкія, то ненавистныя. Ибо

a) Гордецъ, болѣе влюбленный въ себя, нежели питающій къ себѣ уваженіе, не ожидаетъ уже, а нагло требуетъ, чтобы другіе преувеличенное мнѣніе его о своихъ преимуществахъ, истинныхъ, даже небывалыхъ признавали безусловно и въ слѣдствіе того не только держали себя въ почтительномъ отъ него отдаленіи, не только изъявляли готовность, жертвовать ему своими силами и достояніемъ, не только выражали свое ничтожество предъ нимъ такими поступками, которые для природы человѣческой унизительны и къ которымъ, однакожъ, онъ и себя самаго и другихъ считаетъ способными; но чтобы они такъ точно и гнушались собою, какъ онъ гнушается ими;

b) Гордецъ всегда восхищается ласкательствомъ и чествованіями; съ жалкой миной, съ презрѣніемъ смотритъ на чужое счастье, силу, заслуги, стремится къ вліянію, но обыкновенно посредствомъ такихъ только преимуществъ, которыя всегда, вездѣ и всякому бросаются въ глаза, т. е. посредствомъ наружныхъ, случайныхъ. Онъ любитъ *играть* въ публикѣ *роль* и потому

рѣдко является въ естественномъ видѣ; жизнь дѣйствительная имѣетъ надъ нимъ менѣе власти, нежели мечтательная; отъ того онъ въ своихъ замыслахъ высокопаренъ и затѣйливъ до сумазбродства;

c) Но подобно всякой другой страсти подвержена и гордость своимъ особеннымъ противорѣчіямъ и несообразностямъ, въ какія вовлекаемъ бываетъ разсудокъ худо направленною волею. Ибо 1) она съ одной стороны *мужественна* въ своемъ безмолвномъ долготерпѣніи и въ упованіи на свое счастье, съ другой *малодушна*, потому что добровольно поставляетъ себя въ зависимость отъ мнѣнія людскаго и не въ силахъ преодолѣть движенія ненавистной склонности; 2) гордецъ презираетъ всякую помощь отъ равныхъ себѣ, а тѣмъ болѣе отъ низшихъ, готовъ, однакожъ, будучи предъ высшими раболѣпствовать и пресмыкаться; 3) онъ хотя и домогается вліянія и значительности въ свѣтѣ; однакожъ скрытенъ, угрюмъ,—*въ людствѣ дикъ, въ семействѣ сиръ*; сердце его умерло для удовольствій общежитія, для прелестей любви и дружбы; онъ коснѣетъ въ бездѣйствіи и потому не только не подвигается впередъ на поприщѣ усовершенія, но не дѣлаетъ и ни одного шага назадъ въ поступкахъ, такъ что его трудно уличить въ несправедливости, или переувѣрить въ томъ, что онъ положилъ себѣ за правило; его вразумляютъ одни только горькіе, но поздніе опыты жизни; 4) не менѣе того напыщенный безумецъ

часто великодушенъ и щедръ, даже расточителенъ, гдѣ нужно то для поддержанія именитости, и однакожъ обыкновенно безсовѣстенъ тамъ, гдѣ требуется уплата долговъ; 5) высокомѣріе во многихъ случаяхъ совмѣстно съ униженіемъ самаго себя: ибо оно для достиженія своихъ цѣлей съ жаромъ хватается за всякія средства и пристаетъ охотно ко всякому обществу, даже къ подлой шайкѣ бродягъ и нищихъ, жертвуетъ всѣми прочими слабостями своими одному похвальному свойству, которымъ, однакожъ, дорожитъ непомѣрно, и столькоже ласково и снисходительно къ черни, (которая не оказываетъ ему сопротивленій), сколько строптиво и взыскательно въ обращеніи съ сословіями средними;

d) Наконецъ гордость есть безуміе, потому что домогается господства надъ ближнимъ и однакожъ дѣлается въ свою очередь орудіемъ всѣхъ намѣреній послѣдняго, коль скоро онъ только умѣетъ угодить, или польстить ей притворною униженностію.

§ 274.

Гордость бываетъ *свѣтская, школьная* (педантизмъ) и *духовная.*

Черты 1) *первой* суть a) смѣшное и безумное требованіе, чтобы всѣ люди имѣли равно высокое мнѣніе о титлахъ, о привѣскахъ и ливреѣ, b) нечувствительность къ сатирѣ и къ тонкимъ за-

мѣчаніямъ на маловажность сихъ суетныхъ отличій: ибо она въ чувствѣ самодовольства презираетъ и одобреніе и порицаніе, считая себя выше того и другаго, c) точнѣйшій размѣръ привѣтствій, смотря по различной постепенности сословій, d) странное мнѣніе, будто извѣстное число предковъ облагороживаетъ чорную кровь и даетъ ей право стоять наровнѣ съ заслугами e) сухое, холодное благоволеніе, а при упущеніи поклоновъ и чествованій *сіятельная грубость*, f) крутое обхожденіе съ служителями и подчиненными.

2) Своенравный *педантизмъ*, какъ спесь школьная, не только исключительно занимается вещами менѣе существенными, на прим. собраніемъ монетъ, Китайскихъ куколъ, фоліантовъ и про. но и навязываетъ свой односторонній вкусъ всѣмъ и каждому, не сносясь съ общимъ чувствомъ образованнаго человѣчества. Онъ обнаруживается въ преувеличеніи то мыслей своихъ и догадокъ, то своихъ чувствованій, то пристрастія своего къ избранному предмету. Правда, преобладающая любовь къ тому, либо другому роду духовнаго образованія, къ тому, либо другому званію есть потребность отдѣльнаго лица, коль скоро оно хочетъ значительно втекать въ жизнь;—правда, безъ восторговъ Поэта, безъ любовѣдѣнія земледѣльцевъ, художниковъ, ученыхъ, безъ досужества и навыка въ службѣ, безъ особенной склонности одного къ

повелительству, другаго къ распоряженію и исполненію, не моглобы преспѣвать ничто великое: за всѣмъ тѣмъ педантизмъ обманывается въ оцѣнкѣ вещей, слѣдственно въ томъ, что онъ либо вовсе не беретъ въ уваженіе истиннаго ихъ достоинства, либо своихъ понятій о семъ достоинствѣ не подвергаетъ повѣркѣ, либо же не разсматриваетъ своихъ занятій въ отношеніи къ цѣлому. Отъ того онъ коснѣетъ въ обветшалыхъ классическихъ формахъ, не слѣдя за успѣхами своей части; отъ того не только присвоиваетъ исключительную и безусловную цѣну вещамъ подчиненнымъ, но еще и съ жалкою, коварною и презрительною миной глядитъ то на случайныя недоразумѣнія и промахи нововведенія, то на другія лица *не его прихода*. Такъ смотритъ правовѣрный на своего сосѣда — еретика, такъ смотритъ дипломатъ и полицейскій чиновникъ на образованныхъ гражданъ, кои въ своемъ мнѣніи о дѣлахъ общественныхъ позволяютъ себѣ отступать отъ *форменнаго* способа мыслей и чувствованій. Педантизмъ возможенъ не въ одномъ бытѣ Ученыхъ, или, по выраженію Свифта, *ословъ, навьюченныхъ книгами*; мы встрѣчаемъ его даже въ формѣ довольно чинной и щеголеватой. Общій его признакъ—слабость, особливо разсудка; она — то изъясняетъ погрѣшности на счетъ того, что важно и неважно; люди скудоумные будутъ смѣшивать малое съ великимъ и прилѣпяться къ первому всѣми силами; люди слабаго сердца будутъ чувстви-

тельны только къ бездѣлкамъ. Правда, гдѣ педантизмъ проистекаетъ отъ стремленія, подробно и основательно обработать занимательный предметъ, тамъ и намѣреніе его столькоже похвально, сколько и постоянство; но гдѣ онъ переходитъ въ страсть и заражается честолюбіемъ и т. п., тамъ чистыя побужденія изчезаютъ, тамъ направленіе дѣлается несвободнымъ; посему единственное врачевство отъ педантизма—возвышеніе духа надъ всѣмъ пошлымъ.

3) Третій видъ гордости есть гордость *духовная*. Человѣкъ—Христіанинъ въ чувствѣ немощи своей охотно смиряется предъ святыней и притомъ только предъ нею, а отнюдь не предъ созданіемъ рукъ своихъ, ни предъ вещами житейскими, ни предъ людьми, съ которыми онъ имѣетъ одинаковую честь личную. Но эгоизмъ оскверняетъ сіе непорочное чувство, ссоритъ его, такъ сказать, съ нравственною силою и можетъ иного обуять до того, что униженіе и пресмыкательство, столь противныя природному самолюбію, обращаются въ пріятные навыки,—до того, что человѣкъ повергается въ прахъ предъ всѣми тѣми, отъ кого ожидаетъ благостыни или почестей. Ибо цѣль духовной гордости та, чтобы смиреніемъ стяжать величіе, нищетою богатство, презрѣніемъ къ самому себѣ славу праведнаго мужа, вышней волѣ безусловно преданнаго, и сколько обознаваемаго людьми, столькоже взысканнаго и покровительствуемаго Богомъ. Она глубоко нагибается, доколѣ ищетъ ключей

къ счастію земному, но грозно опять и выпрямляется, подобно вечерней тѣни — великану, когда достигла желаемаго; она (какъ поется въ простонародной пѣснѣ) *клонитъ голову ниже всѣхъ, садится выше всѣхъ.* Такъ особенно лжеименное смиреніе фарисейское въ общественной жизни для религіи исказило себя до пагубной страсти: ибо его личиной пустосвятство прикрываетъ свои козни, дѣлаетъ ханжу въ гражданскомъ бытѣ недобросовѣстнымъ и предаетъ толпу слабоумныхъ смиренниковъ въ обманъ пронырливымъ хитрецамъ, кои впрочемъ именуютъ себя *слугами слугъ Божіихъ.*

§ 275.

II *Любочестіе.* Высокомѣріе основывается на преувеличенномъ *чувствѣ* значительности своего лица, и человѣкъ бываетъ гордецемъ самъ чрезъ себя и по собственной винѣ; но *почтеннымъ* бываетъ онъ не иначе, какъ въ глазахъ свѣта, не иначе, какъ по силѣ признаваемыхъ заслугъ. Честь подобна сіянію вокругъ святаго лика, которое происходитъ однакожъ не отъ него самаго, а отъ другихъ и только въ немъ сосредоточивается. Ибо *честь* оказываема бываетъ человѣку другими и притомъ тогда, когда они словомъ или дѣломъ, т. е. похвалою или почестями изявляютъ не только лестное вниманіе къ нему, но и увѣренность въ отличныхъ его качествахъ, т. е. когда внѣшнимъ образомъ признаютъ его совершенства внутреннія. Стремленіе къ верховному благу человѣчества,

— къ достоичтимости,— предполагаетъ особенное чувство, которое столь живо дѣйствуетъ въ каждомъ неиспорченномъ человѣкѣ, даже въ душахъ младенческихъ, что болѣе имѣетъ нужду въ ограниченіи, нежели въ поощреніи Ибо по естественному устройству и независимо отъ гражданскихъ учрежденій похвала, намъ приписываемая и почести, намъ оказываемыя, порождаютъ пріятныя ощущенія, а порицаніе и презрѣніе — скорбныя. Благородная сія чувствительность къ наслажденіямъ умственнымъ первоначально обнаруживается то въ *боязни* обидъ со стороны сильныхъ, то въ *стыдѣ*, который съ нѣжною заботливостію блюдетъ и лелѣетъ божественные дары и ограждаетъ священный залогъ отъ оскверненій. Но стремленіе къ чести оказывается разно, смотря

А) По *предметамъ*, въ коихъ оно ищетъ достоинствъ. Здѣсь встрѣчаются либо 1) *наружныя* свойства, кои на высшихъ степеняхъ образованія кажутся мелочными, напр. тѣлесная сила, блескъ, наряды, ловкость, и пр. Слѣды сего ребяческаго честолюбія видны у народовъ не только дикихъ, но и образованныхъ: таково стремленіе выказывать свое удальство, ослѣплять глаза

„Избыткомъ животовъ
и челядинцовъ и скотовъ„

Таково стремленіе упоеннаго художника являться въ видѣ любимца Боговъ; либо 2) *внутреннія* отличія а) стараніе вкрасться въ любовь боль-

шаго свѣта, стремленіе къ благорасположенію друзей, къ уваженію въ семействѣ, въ сословіи, слѣдственно къ чести въ бытѣ *общежительномъ*, b) къ отличію въ своихъ познаніяхъ, — въ учености, въ глубокомысліи, въ изобрѣтательности c) стремленіе къ отличіямъ сердечнымъ,—въ великодушіи, благочестіи, человѣколюбіи.

B) *По объему.* Сперва заботится человѣкъ о томъ, чтобы занимать *видное* мѣсто въ кругу родныхъ и знакомыхъ, потомъ въ небольшомъ кругѣ избранныхъ, лучшихъ важнѣйшихъ особъ, на конецъ въ глазахъ одного только неподкупимаго — судьи — въ себѣ самомъ, —или предъ судомъ своей совѣсти.

C) По *способу* отличія; и тутъ встрѣчаемъ уваженіе условное, либо безусловное.

§ 276.

Поелику мысли о совершенствахъ природы человѣческой направляются по потребностямъ, нравамъ и образованію народовъ; то честолюбіе избрало столь многоразличныя и другъ другу противоположенныя, столь даже гнусныя средства для своихъ цѣлей, да и столь смѣшные способы, изъявлять уваженіе, что наблюдатели хода дѣлъ человѣческихъ и люди умные считаютъ честь едва ли не химерой. За всѣмъ тѣмъ Наука должна судить о человѣкѣ снисходительнѣе именно на семъ пунктѣ, съ котораго онъ начинаетъ возвышаться надъ грубымъ чувственнымъ своекорысті-

емъ и дѣлается почтеннымъ потому уже, что старается заслужить почтеніе. Ибо не хорошее ли мнѣніе, какое другіе о насъ имѣютъ, способствуетъ удачѣ нашихъ сдѣлокъ съ ними и склоняетъ ихъ на нашу сторону? Не оно ли повѣряетъ и усиливаетъ собственныя мысли о нашихъ личныхъ преимуществахъ? Не рѣдкая ли крѣпость духа потребна къ тому, чтобъ устоять противъ порицаній цѣлаго свѣта? Не любочестіе ли производило въ человѣческомъ мірѣ все доблестное и великое? Не оно ли предъ прочими пружинами дѣяній имѣетъ то преимущество, что дѣйствуетъ продолжительнѣе всѣхъ и, заставляя соревновать *славѣ* отличныхъ предковъ, простираетъ свое вліяніе за предѣлы гроба? Не болѣе ли восхищаемся мы замыслами подобнаго честолюбца, нежели гнушаемся холодною, бездушною флегмой ханжи, который хвастаетъ тѣмъ, что *избѣгнулъ молвы*, а съ нею и *эпиграммы*? Не любочестіе ли искони участвовало во всѣхъ общеполезныхъ предпріятіяхъ? Не оно ли подымало изъ праха народы угнетенные? Не оно ли подвигало впередъ Искуства и Науки, поощряло робкую посредственность къ попыткамъ похвальнымъ, къ трудамъ почтеннымъ,—удерживало отъ грубыхъ пороковъ и преступленій и все еще дѣлало человѣка надежнымъ къ исправленію, доколѣ въ немъ оставалось чувство чести, не убитое наказаніями позорными? Вотъ *блестящія черты* честолюбія,

гдѣ оно поддерживается уваженіемъ сана человѣческаго въ себѣ самомъ и въ другихъ, гдѣ умѣряется благоразуміемъ и нравственнымъ долгомъ и гдѣ требуетъ только признанія дѣйствительныхъ преимуществъ и повѣрки оныхъ отзывами публики.

§ 277.

Но любочестіе имѣетъ и свои стороны *жалкія*, *ненавистныя* и *смѣшныя*.

Оно 1) *страсть жалкая*, тамъ, гдѣ, по легковѣрію, предаетъ себя въ совершенную зависимость отъ другихъ, гдѣ ищетъ подпоры своему лицу и подтвержденія своей досточтимости не въ самомъ себѣ, а извнѣ, *напр.* отъ виднаго мѣста въ обществѣ, гдѣ жадничаетъ почтенія, какъ верховнаго блага, гдѣ безпрестанно изнуряетъ себя блестящими надеждами, гдѣ хочетъ удивлять наружными отличіями и доводимо бываетъ до того, что одному роду пріятныхъ чувствованій готово жертвовать всѣми другими, готово призракамъ жертвовать существенностію;

2) *Страсть ненавистная*, когда дѣйствуетъ столь необузданно, что пренебрегаетъ уже и мнѣніемъ современниковъ и предосудительностію средствъ для полученія знаковъ чести, когда въ низкомъ опасеніи, чтобы почести, другому оказываемыя, не помрачили собственнаго его блеска, силится *сбить* соперниковъ на *берегъ*, когда вооружаетъ самый разсудокъ софизмами противъ напо-

минаній совѣсти и нравственнаго чувства, когда напр. исправно платитъ карточные долги, (которыхъ не беретъ законъ подъ свою защиту), оставляя честнаго заимодавца въ нуждѣ, когда держитъ безразсудное и противозаконное обѣщаніе, чтобы прослыть благонадежнымъ, когда самою женскою стыдливостію жертвуетъ чести — раздѣлять ложе съ какимъ нибудь Визиремъ;

3) Страсть *смѣшная*, именноже тамъ, гдѣ переходитъ въ *тщеславіе*, т. е. въ самолюбіе, которое сопрягаетъ съ своимъ лицемъ преувеличенное уваженіе вещей случайныхъ, незначительныхъ, или, какъ говорится, *дуетъ изъ всего рта въ тоненькую свирѣлку*. Сила его направляется а) по разсудку и вкусу, по разнымъ предметамъ чувственнаго міра, по степени самолюбія, которое сперва интересуется своей особой, а потомъ восхищается.—Тщеславный подобно гордецу, хочетъ, чтобы выгодное его о себѣ мнѣніе признаваемо было другими. Но онъ никогда, подобно послѣднему, не требуетъ, чтобы другіе презирали себя въ сравненіи съ нимъ. Поелику онъ прилѣпленъ только къ чувственнымъ отличіямъ, то и не заботится о пріобрѣтеніи заслугъ существенныхъ, и даже можетъ иногда сознаться, что ихъ не имѣетъ. Его притязаніе состоитъ только въ томъ, чтобы ему предоставили быть великимъ въ мелочахъ, въ случайныхъ преимуществахъ, въ которыхъ онъ не виноватъ. Такъ дѣвица дорого цѣнитъ свое красивое личико, юноша

свое удальство, старикъ многолѣтніе свои опыты, *мѣщанинъ во дворянствѣ* чинъ, купецъ богатство, негодяй—предковъ, которые *Римъ спасли*, націю, даже сословіе, къ которымъ онъ имѣетъ честь принадлежать, не дѣлая имъ чести и т. п. Мелочный герой дорожитъ каждою похвалою, каждымъ удивленіемъ, хотябы онѣ происходили отъ невѣждъ. Лесть, къ коей онъ пріучилъ себя, дѣлаетъ его столь счастливымъ, что самолюбіе не позволяетъ ему даже замѣчать прониі,— такъ важно для него *настоящее впечатлѣніе*! Въ его глазахъ всѣ люди такіе же чтители или поклонники его кумира, какъ и самъ онъ. — Тщеславные всегда остаются людьми поверхностными, потому что ожидаютъ цѣны любимому предмету извнѣ и довольствуются уже призраками оной; отъ того, если гордецы ненавистны, то суетные вообще, по сердцу незлобивые, сговорчивые и доброхотные, крайне смѣшны, такъ что болѣе совѣстные изъ нихъ иногда смѣются надъ собой вмѣстѣ съ нами.

§ 278.

Суетность есть вообще слабость ребяческихъ душъ, и потому съ одной стороны страсть женщинъ, съ другой стариковъ, остроумцевъ и художниковъ. *Женская* суетность любуется своею наружностью, дорогимъ убранствомъ, коими думаетъ удивить, съ завистью смотритъ на совмѣстницъ, щеголяетъ досужествомъ, знаніемъ свѣтскихъ приличій, намѣкаетъ въ сообществѣ сверст-

ницъ на полученныя похвалы, коварно подшучиваетъ надъ всѣми немодными, выбираетъ въ одѣяніи цвѣта яркіе, болѣе замѣтные, покрой необыкновенный, твердитъ безпрестанно о катаньяхъ, театрахъ, новыхъ стихотвореніяхъ, умалчивая о хозяйствѣ, пускается въ кокетство, которое манитъ, но не привязываетъ, потому что весьма трудно найти охотника на подъмятый товаръ, который такъ много ходилъ по рукамъ. — Суетность *мужчинъ* касается болѣе талантовъ, умѣнья, знанія общественныхъ дѣлъ, удальства; она услаждается знаками славы и одобренія, особливо отъ иноземцевъ и вельможъ, любуется сознаніемъ малѣйшихъ преимуществъ, кои всѣ поставляетъ на видъ и вноситъ въ *послужной списокъ*, ненавидитъ тѣхъ, кои въ ея достоинствѣ сомнѣваются и даже позволяютъ себѣ противорѣчить,—присвоиваетъ себѣ въ дѣлахъ вкуса и Науки голосъ рѣшительный, необманчивый, твердитъ безъ умолку о томъ, что ея мнѣнію и положенію благопріятствуетъ, прибѣгая къ хвастовству и лжи, чтобы вынудить удивленіе, но *прикидываясь* и негодяйкой, чтобы оттѣнить контрастъ и услышать противное изъ чужихъ устъ, приноравливаясь къ сужденіямъ другихъ, чтобы выиграть въ ихъ мнѣніи, но и вдаваясь въ споры тамъ, гдѣ хочетъ выказать свое превосходство,—строго придерживаясь того, что въ свѣтѣ имѣетъ вѣсъ, но и давая себя обычаямъ увлекать отрицательно, дабы отсту-

пленіями и странностію обратить на себя глаза и прослыть лицемъ достопримѣчательнымъ.

§ 279.

III. Кто имѣетъ способы управлять поступками другихъ по своему произволу; тотъ надъ ними *властенъ*. Желаніе сего рода вездѣ обнаруживалось въ общественныхъ связяхъ, и возрастало по мѣрѣ того, какъ сіи связи становились тѣснѣе. Первымъ поводомъ къ господству надъ людьми служитъ естественное ихъ отвращеніе отъ зависимости, а сладкое сознаніе превосходства моихъ силъ надъ силами другихъ и многоразличныя выгоды, доставляемыя множествомъ рукъ, кои я могу однимъ мановеніемъ приводить въ движеніе для своихъ цѣлей,—вотъ что въ грубомъ бытѣ распаляетъ желанія душъ гордыхъ и честолюбивыхъ до того, что онѣ желаютъ подчинить себѣ нетолько внѣшніе поступки другихъ, но посягаютъ даже на дѣла внутреннія, на помыслы и на совѣсть, прибѣгая ко всему тому, чѣмъ можно переломить эгоизмъ—къ просьбамъ, ласкамъ, обѣщаніямъ, къ хитростямъ, наущеніямъ, угрозамъ, насилію.

§ 280.

Желаніе господствовать, обратившееся въ страсть, есть *Властолюбіе*, въ которомъ соединяется все то, что надменность и любочестіе имѣютъ въ себѣ ненавистнаго. Сообразно съ характеромъ страсти оно дѣйствуетъ тамъ только, гдѣ счастливый удалецъ, возвысившійся въ обществѣ, либо же извѣстная привилегированная

каста, секта, и т. п. хочетъ управлять всею жизнію другихъ противъ ихъ воли или насильственно. Ибо тутъ святы всякія средства, если только ведутъ къ цѣли. Почему оно далѣе всѣхъ другихъ буйныхъ движеній эгоизма простираетъ свою несправедливость и презрѣніе къ природѣ человѣческой. Оно сверхъ того ненасытимо и разрушительно; ибо находитъ удовлетвореніе только въ неограниченной власти надъ толпою рабовъ, и потому всегда мѣтитъ на совершенное угнетеніе всѣхъ тѣхъ, кто вздумалъ бы противиться. Изъ сознанія же, сколько оно съ одной стороны тягостно, съ другой обидно, возникаетъ опасеніе, чтобы подчиненный не покусился свергнуть иго, судьбою на него возложенное. Почему для предупрежденія подобныхъ попытокъ, властолюбіе, вѣчно бдительное, стремится къ вліянію все бо̀льшему, неотразимѣйшему, доходя наконецъ до бѣшенства въ страсти *къ завоеваніямъ*. По вдохновенію сей Фуріи предводители дикихъ ордъ, упоенные величіемъ и лишенные духа общественнаго, свирѣпствуютъ противъ рода человѣческаго и противъ вѣковыхъ учрежденій образованнаго быта; она, къ нещастію, отравляетъ тлетворнымъ своимъ дыханіемъ и дѣлаетъ извергами даже такихъ честолюбцевъ, кои знали уже цѣну Искуствамъ и Наукамъ, гражданскому порядку и мирному счастію, но кои, обольстясь идеей *великаго характера*, умѣющаго *свободно*

направлять свои силы къ благу человѣчества, поставляютъ свое величіе въ томъ, чтобы „*свистѣть грозой народамъ въ уши*“.

§ 281.

В.

Изъ *отрицательныхъ* страстей общественнаго быта

I) Первая есть независимость въ употребленіи нашихъ силъ отъ принудительнаго произвола другихъ людей, т. е. *внѣшняя свобода* или *своевольство*. Оно часто внушало слѣпое отвращеніе отъ всякихъ ограниченій своего произвола законами здраваго разсудка и производила то, что нравственно доброе приносимо было въ жертву чувственнымъ услажденіямъ и совокупное благосостояніе человѣчества въ жертву одной части. Въ семъ видѣ является своевольство *напр.* у дикаря, который ненадежное и жалкое свое состояніе естественное, безъ соединенія силъ и безъ распорядительной власти, предпочитаетъ болѣе прочному, гражданскими законами обезпеченному, который очень хорошо понимаетъ выгоды благоустроеннаго общества и за всѣмъ тѣмъ, чувствуетъ себя счастливымъ только въ старыхъ привычкахъ, хотя знаетъ, что тѣже самыя благословенныя степи, въ которыхъ онъ свободенъ, какъ *птица небесная*, какъ *вихрь пустынный*, словомъ, которыя увольняютъ его отъ всякой подчиненности гражданскому порядку, дѣлаютъ его касательно удовлетворенія существеннѣйшихъ нуждъ житейскихъ,

тѣмъ зависимѣе отъ внѣшней природы, отъ ея теченія и мѣстныхъ свойствъ.

§ 282.

II) Мы знаемъ *мечтательность*, которая любуется созидаемыми ею картинами пріятныхъ состояній, но которая и въ затѣяхъ своихъ бездѣйственна и въ помыслахъ невинна; знаемъ *изувѣрство*, которое позволяетъ себѣ *скромныя попытки* для осуществленія цѣлей мечтательности, но которое столькоже добродушно, сколько въ своихъ взглядахъ на вещи ограничено; знаемъ *энтузіастовъ*, которые умѣютъ благодѣтельно согрѣвать свою душу идеями въ существенныхъ занятіяхъ, уважая какъ потребности чужія и свои, такъ и данный порядокъ вещей; знаемъ *глумливыхъ юмористовъ*, которые всѣмъ идеямъ одинаково доступны, но всѣми равно и умѣютъ играть, да и дѣлая собственное свое лице игралищемъ идей. Чтожъ послѣ сего значитъ *фанатизмъ*? Распаленное изувѣрство тѣхъ лженменныхъ энтузіастовъ, которые въ рѣшительной, преобладающей строптивости сердца увлекаемы бываютъ односторонними, недозрѣлыми, хотя высокими мыслями до буйныхъ, звѣрскихъ порывовъ священной ревности не по разуму, —словомъ это мудрость коей искры заронились, къ сожалѣнію, въ душу ожесточенную, *злохудожную*. Такъ

а) *Ученые* фанатики не только съ презрѣніемъ смотрятъ на того, кому трудно слѣдовать за

быстрымъ полетомъ ихъ ума, не только стараются силою навязать свой лучшій, новый образъ мыслей, свой вкусъ; но и преслѣдуютъ всякаго разномыслящаго, запоздалаго классика—старовѣра или Романтика—раскольника, какъ личнаго своего врага, позволяютъ себѣ явно посягать на его честь, ронять имя его во мнѣніи другихъ образованныхъ сословій и преграждать ему всѣ пути, къ такъ называемому, счастію, къ отличіямъ, къ пожатію плодовъ общеполезной дѣятельности; такъ

b) *Политическій* фанатизмъ, одушевляемый идеями свободы, равенства и безопасности правъ, въ порывахъ къ мечтательнымъ крайностямъ покушается съ нечестивою дерзостію водворять уродливыя исчадія лжеименнаго энтузіазма — съ низпроверженіемъ существующаго порядка, съ обидою законнаго правительства и съ пролитіемъ крови согражданъ. Ужасно свирѣпствовалъ онъ тамъ, гдѣ долженъ былъ исполненіе безумныхъ замысловъ своихъ предать въ руки своекорыстнымъ бродягамъ. Въ семъ случаѣ онъ попиралъ священнѣйшія права человѣка, воздвигалъ эшафоты для гражданскихъ и домашнихъ доблестей, открывалъ безпрепятственный ходъ гнуснымъ страстямъ, дабы предоставить всякому лестное право, воспользоваться плодами его державной свободы и предавалъ государство въ добычу внѣшнимъ врагамъ, либо въ руки хитраго деспота, котораго волны междоусобій выбросили на берегъ; такъ наконецъ

c) *Религіозный* фанатизмъ, обуянный святыми идеями о Богѣ и о вещахъ Божественныхъ, съ сатанинскою кровожадностію одичалыхъ душъ, во имя Отца Небеснаго—свирѣпствуетъ противъ земныхъ чадъ его, то сокрушая анаѳемами, то истязуя отборнѣйшими муками—въ инквизиціяхъ—то при *псалмѣхъ* и *пѣніяхъ* и *пѣснѣхъ духовныхъ* —сжигая на кострѣ безвинныхъ, заблудившихся, невразумленныхъ собратій своихъ — Христіанъ,—во славу того Искупителя, который на крестѣ простилъ врагамъ,—за дѣло того Бога, который призвалъ учениковъ своихъ на святое служеніе любви, кротости, милосердія,—того Бога, который имѣетъ тысячу способовъ защитить, сохранить и возлелѣять истины, Словомъ его посѣянныя для всѣхъ вѣковъ и народовъ земли.

§ 283.

Своевольство и фанатизмъ дышатъ

III) *Ненавистію,* въ коей часто соединяется рѣдкая дерзость съ такимъ же рѣдкимъ безсиліемъ, и которая безъ нужды причиняетъ себѣ скорбныя чувствованія. Она противоположена любви, съ которою и развивается параллельно, возникая впрочемъ ранѣе ея. Обѣ выражаютъ стремленіе, но та отверзаетъ сердце къ присвоенію сроднаго, а сія убѣгаетъ того, что ей чуждо. Происхожденію ненависти *предшествуютъ* особенныя приготовленія, а именно *отталкивательная сила*, слѣпой *инстинктъ, антипатія* и *омерзеніе* къ вещамъ и ли-

цамъ, или къ наружности напр. уродливой. Въ антипатіи выражается отвращеніе невольное, темное, безотчетное; посему она, собственно говоря, и не составляетъ сужденій о цѣнѣ намъ подобныхъ. Какъ *низкая*, она внушается боязнію будущаго зла, испытаннаго, либо еще невѣдомаго. Эгоизмъ, оскорбленное тщеславіе, стремленіе къ покою, физіономическія и другія предубѣжденія и *примѣты* могутъ быть ея посредниками. Но всегда она основывается на дѣйствіи перваго, особливо сильнаго впечатлѣнія, на контрастѣ склонностей и характеровъ и на открытіи слабостей, кои часто болѣе всего привлекаютъ. Если сильной антипатіи преодолѣть и нельзя, или, покрайней мѣрѣ, трудно: то все же она, увлекаемая смутными и стремительными ощущеніями, не найдетъ доступа къ образованнымъ; здѣсь встрѣтимъ только разныя степени неодобренія.

Симъ образомъ приготовленная ненависть обнаруживается a) въ видѣ *вспышки*, въ коей мгновенно возникаетъ отвращеніе отъ извѣстныхъ *несовершенствъ* человѣка. Это припадокъ, который можетъ переходить въ благородное негодованіе; b) подъ видомъ *страсти*, которая не только питаетъ продолжительную, привычную вражду къ человѣку, либо сословію, нами презираемому, но еще и услаждается его страданіями, даже *любитъ* наносить ему вредъ, c) въ видѣ рѣшительной, *изсту-*

пленной злости къ людямъ, напр. неестественнаго отвращенія къ дѣтямъ.

§ 284.

Причиною ненависти не одинъ истинный или мнимый контрастъ въ понятіяхъ, въ помыслахъ,— не одно *сопротивленіе*, а только неблагорасположеніе къ намъ другаго, или вредныя, враждебныя его намѣренія относительно къ намъ, которые по видимому не находимъ въ себѣ довольно способовъ, отразить угрожающія нападенія. Такъ гордецъ и человѣкъ сильный будутъ болѣе презирать, чѣмъ ненавидѣть; такъ и мужъ доблестный не будетъ презирать, а развѣ жалѣть о заблужденіяхъ сердца и гнушаясь дурными поступками, щадить человѣка. Посему ненависть есть удѣлъ вообще душъ мелкихъ, завистливыхъ, корыстолюбивыхъ и т. п.— слѣдствіе слабой довѣренности къ самому себѣ и къ людямъ. Она проистекаетъ изъ побужденія не къ расширенію своихъ силъ, а къ сохраненію самаго себя, именно же свободы и сопровождается тягостнымъ чувствомъ вражды къ притѣснителю, которое ей предшествуетъ, какъ боязнь и омерзеніе къ лицу ненавистному, и которое послѣдуетъ за ней, какъ досада на гонителя. Прибавимъ, что всякое отвращеніе происходитъ отъ скорбныхъ ощущеній и что мы предаемся первому, дабы оградить себя отъ послѣднихъ. Посему человѣкъ суровъ и жестокъ *не самъ по себѣ*; онъ дѣлается нелюдимомъ, такъ какъ съ другой стороны онъ отъ природы и довѣрчивъ: ибо без-

престанныя опасенія и подозрѣнія отравляютъ бытіе. Чтожъ касается до *ненависти къ людямъ*; то она можетъ происходить частію отъ любви (ибо, чѣмъ болѣе мы сосредоточиваемъ свое участіе въ одной особѣ, представляющей намъ образецъ земныхъ совершенствъ, тѣмъ болѣе оно съ утратою сего единственнаго идеала можетъ быть и подавлено), частію отъ встрѣчъ съ тѣми горькими опытами, съ тѣми частыми, на небо вопіющими несправедливостями, которыя заставляютъ насъ смотрѣть на человѣческій родъ съ презрѣнной, гнусной его стороны. Ненависть къ людямъ есть разстроенное состояніе души: ибо иначе мизантропу надлежалобы съ родомъ человѣческимъ ненавидѣть и собственное свое лице а слѣдственно, поелику онъ удалиться или уйти отъ себя не можетъ —надлежалобы разрушить собственное свое бытіе.

§ 285.

Гнусныя исчадія ненависти суть : *зависть, мстительность* и *злоба.*

а) *Зависть,* основывающаяся на недостаткѣ симпатіи, любитъ постоянно терзаться явною, либо скрытною досадой какъ на собственныя свои неудачи, такъ и на видимое, замѣтное счастіе ближняго, т. е. на чувственныя блага чужія, которыхъ она желалабы для себя, хотябы они были ей даже и ненужны, и притомъ на случайныя блага не только того, или другаго лица, *равнаго* съ нами пола и сословія, но и счастливцевъ всякаго рода, выражая

сію слабость мелкихъ душъ и взглядами — *косыми*, и рѣчами — продерзостными, ропотомъ, жалобами на судьбу, богохульствомъ, злословіемъ, и поступками — человѣконенавистными. Извинительная сторона есть частію соревнованіе, которое однакожъ проистекаетъ отъ удивленія великому, тогда какъ зависть раздражается и всякими блестящими малостями, частію благородное негодованіе при видѣ глупца, пользующагося счастіемъ незаслуженнымъ и заносчиваго. Но вообще она 1) страсть столь *постыдная*, что никто не хочетъ въ ней сознаться, 2) *немощная*, потому, что еслибъ человѣкъ чувствовалъ въ себѣ достатокъ силъ, онъ не сталъ бы порочить и уменьшать достоинствъ другаго злословіемъ и клеветою, а старался бы самъ быть скорѣе завиднымъ, нежели жалкимъ и презрѣннымъ; страсть 3) *безумная*, потому, что мучитъ только сама себя, не въ состояніи будучи повредить счастію другаго; 4) страсть *изнурительная*, потому, что отнимаетъ позывъ на ѣду, причиняетъ безсонницу и лихорадочную дрожь и безобразитъ наружность.

§ 286.

b) *Мстительность* ищетъ удовольствія въ своевластной отплатѣ истинныхъ, либо мнимыхъ обидъ и въ обезпеченіи своего лица отъ нападеній на будущее время, выражая движенія своего сердца сперва грозными взглядами, потомъ словами, наконецъ дѣломъ. Гибельная склонность сія современна чело-

вѣчеству и воспламѣняется скорѣе прочихъ. Слѣды ея видны уже въ гнѣвѣ дитяти и животныхъ, которыхъ учитъ инстинктъ обороняться отъ произвольныхъ ограниченій сильнаго, и спасать себя въ критическія минуты, чѣмъ и какъ могутъ. Она и здѣсь уже и у людей раздражительныхъ вообще откровенна и непродолжительна, и имѣетъ въ виду только возстановленіе разстроеннаго состоянія. Но ужасно свирѣпствуетъ мстительность у дикарей, для коихъ истязаніе плѣннаго непріятеля муками отборнѣйшими есть праздникъ народный, у полуобразованныхъ Номадовъ азіятскихъ, у коихъ преслѣдовать обидчика мечемъ Немезиды въ *сынахъ сыновъ*, несмотря на время, охлаждающее всѣ страсти, поставляется въ священнѣйшую обязанность,—въ нашей просвѣщенной даже Европѣ, гдѣ нерѣдко поединки, войны, карательные законы въ политикѣ и церкви внушаются болѣе безщадною ненавистію, нежели чувствомъ справедливости. Наконецъ не предоставлялиль себѣ лестнаго, сладкаго права мстить древніе Боги? Почему надобно удивляться доблести воли и побѣдительной силѣ разума, если человѣкъ, прельщаемый обидами къ отомщенію, подавляетъ въ сердцѣ звѣрскіе порывы и обидчика, уже безвреднаго и вразумленнаго, щадитъ во уваженіе хорошихъ его сторонъ и пристыжаетъ великодушіемъ. Причины же, почему мстительность такъ далеко распространяется, понятны изъ ея источниковъ. Сюда принадлежитъ не только гнѣвъ и ненависть, возбуждаемые чувст-

вомъ оскорбленнаго эгоизма, безпрестанными ограниченіями невиннѣйшихъ желаній, глупою привычкою дразнить и пр. но и желаніе оградить свою честь, внушая отплатой уваженіе къ нашему лицу. Отъ того месть такъ легко принимаетъ на себя личину праваго дѣла, для собственной обороны нужнаго. Гдѣ же она входитъ въ заговоръ съ любочестіемъ, тамъ порождаетъ тоже самое удовольствіе, которое всегда сопряжено съ насыщеніемъ послѣдняго. Сладкое сознаніе торжества своихъ силъ, пріятная игра ума, занятаго изобрѣтеніемъ новыхъ и замысловатыхъ способовъ вредить, — мысль, что мы умѣли отвратить грозившую опасность и смирить дерзость обидчика заслуженными страданіями и раскаяніемъ, удача вообще,—вотъ что здѣсь усиливаетъ *злорадство*! Впрочемъ, если обиженный сознаетъ въ себѣ еще и слабость, то же сточайшее мщеніе, требующее не выкупа, а крови, получаетъ видъ необходимой осторожности, чтобы однажды навсегда обезпечить себя отъ вторичныхъ посягательствъ. По сей причинѣ, чѣмъ человѣкъ немощнѣе, тѣмъ онъ въ гнѣвѣ лютѣе. Тамъ люди, кои въ правѣ ожидать снисхожденія и пощады, напр. поруганная женщина, изможденный рабъ, бѣднякъ, человѣкъ, лишенный чести, больной, ожесточенный въ душѣ страданіями незаслуженными и прч. сперва озлобляются, а потомъ, собравъ послѣднія силы, съ отчаяннымъ остервѣненіемъ приступаютъ къ рѣшительному

удару. Наконецъ всеобщему распространенію мстительности способствуетъ и то обстоятельство, что она совмѣстна съ прочими буйными вожделѣніями, раздражается всякимъ сопротивленіемъ тому, чего мы пламенно желаемъ и служитъ средствомъ къ удовлетворенію многихъ страстей, напр. любочестія, зависти и властолюбія. До какой же степени привычная мстительность ослѣпляетъ разсудокъ, который, впрочемъ, съ другой стороны, умѣетъ методически обдумывать свои нападенія и притомъ на чувствительнѣйшіе пункты, — это доказывается ея дѣйствіями. Ибо она не только увлекаетъ человѣка къ преступленіямъ, гибельныя послѣдствія коихъ онъ видитъ и самъ, но заставляетъ его изливать безумный гнѣвъ свой на существа невинныя, даже свирѣпствовать противъ собственнаго своего лица (въ самоубійствѣ,) дабы терзать обидчика, по крайней мѣрѣ, грызеніями совѣсти. Такъ она, происходя отъ величайшей раздражительности, можетъ заглушить всякое чувство.

§ 287.

c) *Злость*,—всегда враждебная, завистливая и мстительная, — хотя питаетъ уже и приводитъ въ зрѣлость всѣ, не только отрицательныя, но и положительныя, страсти общественнаго быта, преимущественно же, такъ называемыя, *великія*; однакожъ она основала себѣ и особое царство, продолжая кипѣть и тогда, когда буйныя вожделѣнія

умолкаютъ: ибо здѣсь надобно разумѣть не тѣ, либо другія частныя вспышки грубаго эгоизма, а постоянное расположеніе падшей души, самостоятельное начало превратной жизни. Какъ въ добродѣтели восходитъ человѣкъ на высоты; такъ здѣсь онъ погрязаетъ все болѣе въ самомъ себѣ,— въ безднѣ отверженнаго бытія: ибо злоба вездѣ стремится къ средствамъ и случаямъ вредить, дѣлая зло ради самаго зла, или изъ любви къ нему, т. е. она направлена рѣшительно противъ нравственнаго порядка вещей и старается притомъ губить не столько отдѣльное, сколько цѣлое; любитъ напередъ — прельщеніями и соблазнами развращать людей вокругъ себя, *напр: нарочно воспитывая ихъ въ невѣжествѣ, въ грубомъ вкусѣ и въ рабскихъ помыслахъ*, кощунствуя надъ разумомъ и его усиліями и осрамляя въ возмутительныхъ романахъ подъ названіемъ бродягъ—*жилблазовъ* всѣ сословія благоустроеннаго общества гражданскаго въ глазахъ сосѣдей и современниковъ, дабы потомъ вовлечь цѣлое поколѣніе въ разрушительную свою систему. Въ Политикѣ она искони играла блестящую роль, поглощая интересы всѣхъ частныхъ лицъ и народовъ, дабы они, подобно нулямъ, служили только къ возвышенію достоинства единицы. Этаго мало. Если злобѣ удалось водвориться; то она мерзости свои безстыдно уже выставляетъ на позорище и въ семъ открытомъ нечестіи попираетъ все святое и ругается надъ обольщенными своими жертвами.

*

Но то, чего она желаетъ наконецъ и самой себѣ, есть—уничтоженіе. Таковъ, конечно, Сатана; однакожъ и самый идеалъ превратной жизни имѣетъ въ исторіи, если не своихъ виртуозовъ, по крайней мѣрѣ, дилеттантовъ.

§ 288.

Откуда такое множество страстей? Къ *какому общему пункту* онѣ устремлены и *какъ обходиться* съ сими явными руинительницами нашего спокойствія и врагами нравственнаго нашего усовершенія? Вотъ задачи, которыя, въ заключеніе трактата о страстяхъ, сами собою навязываются Наукѣ!

§ 289.

А) Наблюдатель удивляется несмѣтному полчищу страстей человѣческихъ; теорія находитъ сіе явленіе весьма естественнымъ: ибо не всякій ли изъ насъ въ разныхъ обстоятельствахъ и познаетъ и цѣнитъ вещи по своему? Это, однакожъ, малость въ сравненіи съ тѣми *внѣшними вліяніями*, отъ коихъ буйныя вожделѣнія и склонности получаютъ свою пищу. Вотъ, что здѣсь принимается въ уваженіе:

а) *Родина*, равно какъ и все то, что съ нею состоитъ въ связи, — климатъ, пища, легкость, либо затруднительность продовольствія и весь образъ мѣстной жизни. Если климатъ вовсе не благопріятный, если окружающая природа дика и мертва, то духовной жизни трудно раз-

вернуться; она по неволѣ ограничиваетъ себя физическимъ служеніемъ;

b) *Нація*; — происходя изъ нѣдръ семейства, она будетъ выказывать общій характеръ и *знаменовать* онымъ частныя лица. Ея новоселье, принятіе ею чужихъ составныхъ частей, сліяніе ея съ сосѣдями должны производить измѣненіе въ народныхъ нравахъ;

c) *Государство* съ его учрежденіями и сословіями. Что могутъ производить оныя *первыя* — тому разительный примѣръ представляютъ иныя древнія Державы. *Образъ правленія* рѣшительно втекаетъ въ особенное свойство гражданъ, стѣсняя, либо облегчая развитіе ихъ практическихъ силъ. Въ *сословіяхъ* важна противоположность между свободою и рабствомъ, которая портитъ обѣ стороны, и господина и раба. Ибо первому внушаетъ она обидную заносчивость, даетъ полную волю буйнымъ порывамъ низкаго эгоизма, искажаетъ его понятія о человѣческомъ санѣ, а чрезъ то мѣшаетъ и ему самому быть человѣкомъ; втораго она подавляетъ тяжкимъ, убійственнымъ сознаніемъ вѣчной зависимости его и силъ и достоянія и жизни отъ своевольнаго деспота, дѣлаетъ его лѣнивымъ, подлымъ, коварнымъ и злымъ и предаетъ въ добычу скотскому наслажденію;

d) *Вѣра*—исповѣдующая многобожіе, невзыскательна; монотеизмъ строго держится идеаль-

наго своего ученія и по природѣ уже своей располагаетъ къ священнымъ восторгамъ;

e) Много значитъ самое *время*, въ какое кто родился: ибо не только подвинулась Исторія, нетолько все образованіе подвинулось къ сей эпохѣ— но въ постепенномъ ходѣ дѣлъ и отношеній человѣческихъ духъ всякаго времени приноситъ съ собою и опредѣленный *движущій элементъ* или господствующее начало народной жизни—религіозное, воинственное, торговое и т. п., которое *застигаетъ* гражданина въ частномъ его положеніи и вовлекаетъ его въ общую судьбу современнаго быта;

f) *Классъ* общества, прежняго или теперешняго, равномѣрно налагаетъ на своихъ членовъ особенную печать;

g) *Семейство* и его благотворныя, либо вредныя вліянія, его привычки, любимый его способъ воспитанія оставляютъ слѣды, тѣмъ болѣе глубокіе, оставляютъ впечатлѣнія, тѣмъ болѣе сильныя, чѣмъ ранѣе началось домашнее образованіе, чѣмъ долѣе оно длится, и чѣмъ мягче душа дитяти;

h) Что—далѣе—касается до *обращенія нашего съ другими*: то рѣдкому удается найти сосѣда по нраву, по вкусу; мы должны довольствоваться такимъ, какого судьба намъ посылаетъ, и потребность сообщества дѣлаетъ сію встрѣчу весьма важною;

i) А публичныя должности и занятія? Не овла-

дѣваютъ ли они у иного всѣми движеніями его воли? Не подаютъ ли, можетъ быть, повода лучшимъ силамъ и дарованіямъ искать себѣ другихъ изворотовъ? Не часто ли склонность состоитъ въ противоборствѣ съ нуждою? Какой тѣсный, по видимому, кругъ для свободы и какой просторъ для привычныхъ вожделѣній!

§ 290.

В) Пружина, приводящая всѣ страсти въ движеніе, есть *эгоизмъ*, т. е. *вообще* всякое (по себѣ извинительное, естественное и безгрѣшное) вожделѣніе, стремленіе, начинаніе, коего цѣль заключается въ самомъ лицѣ желающемъ, а не внѣ сего лица,—въ *тѣсномъ* смыслѣ—исключительное или непомѣрное домогательство *относительныхъ благъ* на счетъ добра безусловнаго, которое властно то обуздывать оное домогательство, то подчинять высшимъ потребностямъ и видамъ общежительной людскости. Съ разныхъ и притомъ весьма несходныхъ сторонъ получаетъ свою пищу эгоизмъ, какъ *слѣпой* или неразумѣющій себя, такъ и тотъ, который о себѣ знаетъ. Что касается до причинъ перваго; то здѣсь преимущественно замѣтны

а) *Избалованность*. Баловень рано привыкаетъ ставить свое лице средоточіемъ и отовсюду ожидать чествованій, рано привыкаетъ требовать услугъ отъ ближняго, а не быть для него дѣятельнымъ. Лишеніе бѣситъ его, потворство радуетъ. То и другое простираетъ онъ на виновниковъ своей

причудливости, которыхъ и понимаетъ весьма превратно и обидно. Но чѣмъ взыскательнѣе и наглѣе становится баловень: тѣмъ менѣе цѣны въ глазахъ его получаетъ и самый его угодникъ, потому что своекорыстные расчеты не позволяютъ любоваться хорошею стороною другихъ и все представляютъ себѣ въ видѣ средствъ для своей цѣли. Подобный человѣкъ потерянъ для дружбы. Онъ нуждается въ ближнихъ, но роковая встрѣча съ грубымъ самолюбіемъ мѣшаетъ короткости и разрываетъ всякія связи. Гдѣ эгоистъ пріемами своими оттолкнулъ отъ себя друга; тамъ онъ досадуетъ на то только, что теперь не кому уже его *тѣшить*; онъ чувствуетъ пустоту въ сердцѣ и дѣлается въ обращеніи крайне холоднымъ;

b) Эгоизмъ можетъ проистекать и отъ причинъ, прямо противоположенныхъ предыдущей. Какъ часто мы встрѣчаемъ его у бѣдняка, который имѣетъ, однакожъ, стремительныя желанія! Какъ часто встрѣчаемъ у человѣка угнетеннаго, отверженнаго, безпріютнаго! Обстоятельства уже обращаютъ *горемыку* къ единственному его убѣжищу, — къ его *Я*; онъ безпрестанно долженъ желать только для себя; ему ли помышлять о тѣхъ, которыхъ онъ считаетъ счастливцами и которые напоминаютъ ему только о томъ, что онъ многаго не имѣетъ, тогда какъ прочіе живутъ, по видимому, въ привольѣ? Берегитесь часто раздражать человѣка и лишать его законной

доли въ раздѣлѣ общихъ благъ. Онъ по неволѣ хладѣетъ къ вамъ. Ненавистное расположеніе духа дѣлаетъ его нелюдимомъ; напрасно тутъ требуете вы участія и радушія, которое ничѣмъ не согрѣвается. — Самая застѣнчивость можетъ благопріятствовать эгоизму тамъ, гдѣ сопряжена съ гордостію. Она также уединяетъ и, питаемое ею, одиночество въ многолюдномъ мѣстѣ дѣйствуетъ весьма вредно тогда, какъ уединеніе въ сельской пустынѣ, пріятно возбуждаемое рѣдкою встрѣчею съ подобными себѣ, настроиваетъ душу къ доброхотству и къ человѣческому участію;

c) Ищите рѣшительныхъ эгоистовъ между тѣми именно горожанами, которые не любятъ сидѣть дома, а вѣчно живутъ въ шумныхъ обществахъ, гдѣ участіе скользитъ на поверхности и развлекаемо бываетъ до того, что всякій наконецъ видитъ необходимость, опять остаться при надежнѣйшемъ, при лучшемъ, т. е. при себѣ самомъ. Особливо пагубенъ для сихъ людей тотъ *совѣтъ нечестивыхъ*, въ которомъ господствуютъ лѣнь, совмѣстничество и интрига. Тутъ предосудительныя желанія сплошнаго своекорыстія находятъ столь мало препятствій, и соблазняются столь сильно примѣрами, что рѣдкое требуется образованіе отъ того, кто захотѣлъ бы устоять противъ искушеній, такъ называемаго, большаго свѣта и сохранить благородную простоту нат-

ріархальнаго быта среди отношеній житейскихъ, до безконечности запутанныхъ и оглушительныхъ.

§ 291.

Но есть своекорыстіе и такое, которое о себѣ знаетъ, есть своекорыстіе съ умысломъ.

a) Какъ легко эгоизму слѣпому и безотчетному вразумиться чужимъ примѣромъ, какъ легко ему посредствомъ наставленія, чтенія и наблюденій открыть разницу въ правилахъ, по коимъ *онъ* поступаетъ и по коимъ поступаютъ *другіе*? Если за всѣмъ тѣмъ, онъ не отстаетъ отъ любимыхъ привычекъ; то продолжаетъ уже существовать съ сознаніемъ, продолжаетъ существовать въ качествѣ смышленаго, стараясь въ семъ случаѣ, такъ или иначе, оправдать свои поступки, примѣрно отношеніями, либо введенными обычаями общежитія, которое въ нынѣшнемъ, де, положеніи вещей дѣлаетъ эгоизмъ необходимымъ для тѣхъ, кому *надобно же какъ нибудь да жить въ свѣтѣ*;

b) Смышленый эгоизмъ можетъ—далѣе—возникать при стеченіи съ сильнымъ своекорыстнымъ желаніемъ. Если эгоистъ безъ дальней нѣжности нравственнаго чувства, но съ умомъ, то оное стеченіе внушаетъ ему извѣстныя (условныя) правила поведенія. Дабы тутъ избѣгать впередъ подобныхъ встрѣчъ и вездѣ *брать свое*, онъ расчитываетъ отношенія, сличаетъ всѣ опыты, дѣлаетъ сводъ наблюденіямъ и методически идетъ къ своей цѣли, пользуясь и обстоятельствами и людьми. Тутъ об-

разуется система эгоизма, столько же простая въ своихъ началахъ и немудреная для головы наставниковъ, сколько легкая и пріятная въ своемъ приложеніи для воспитанниковъ, — система, которая учитъ вездѣ искать только собственныхъ своихъ выгодъ, потому что единственное *ремесло* есть *умѣнье жить*;

c) Наконецъ сей эгоизмъ бываетъ слѣдствіемъ и какаго-то *отчаяннаго* образа мыслей. Если человѣкъ, особливо такой, у котораго ничто постоянно не питаетъ доброхотныхъ чувствованій и помысловъ, ежедневно видитъ, какъ всякій въ свѣтѣ старается только *взять свое*, какъ мало отдаютъ справедливости познаніямъ, заслугамъ, правдѣ, какъ успѣшно, подъ разными благовидными предлогами, дѣйствуетъ обманъ, притворство, глупость и подлость, какъ проклинаютъ благодѣтелей и дружески жмутъ руку заклятому врагу, какъ любуются нелѣпыми сужденіями, охотно слушаютъ скучныя росказни, хвалятъ литературныя и художественныя произведенія, которыхъ не желалибы получить и въ подарокъ и пр: то сей мрачный взглядъ на картину образованнаго общежитія легко можетъ удостовѣрить односторонняго наблюдателя въ томъ, что вовсе не стоитъ труда заботиться о другихъ и оказывать имъ услуги, что всякій *благоразумный Оронтъ*, если не хочетъ быть *притчею посмѣянія* и прослыть чудакомъ, долженъ ограничиваться только самимъ собою и

помышлять о собственномъ своемъ благосостояніи и спокойствіи. Эгоистъ вѣрно отсталъ бы отъ сихъ ненавистныхъ толковъ, еслибы его виды могли разширяться, еслибы онъ умѣлъ убѣгать отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ свирѣпствуютъ страсти и хотѣлъ отыскивать человѣчество въ формахъ, болѣе простыхъ, въ отношеніяхъ болѣе естественныхъ.

§ 292.

Пагубенъ эгоизмъ страстей. Ихъ односторонность разстроиваетъ гармонію внутренняго образованія, увлекая въ роковое ихъ направленіе лучшія, благороднѣйшія чувствованія и мысли. Пускай онѣ возбуждаютъ силу къ упорной дѣятельности, именно при видѣ сопротивленія; ложно, однакожъ, утверждаютъ, будто онѣ однѣ производятъ дѣла похвальныя, будто безъ нихъ ничего великаго не бываетъ: ибо здѣсь и внутреннія побужденія нечисты и цѣли мелочны и свобода ума связана; какъ же не сказать, что и самое добро и самый героизмъ воли суть только мнимыя совершенства? какъ не сказать, что человѣкъ, обуреваемый буйными вожделѣніями, есть жалкое игралище призраковъ? Страсти, какъ извѣстно, охлаждаютъ къ другимъ людямъ, которые тутъ либо дѣлаются предметомъ преступнаго равнодушія, либо получаютъ значеніе средствъ для нашихъ цѣлей, либо представляются намъ въ видѣ *камней претыканія*. Вотъ источникъ раздоровъ, чувстви-

тельнѣйшихъ обидъ, безчинствъ и злодѣяній! Если страсти не находятъ еще для себя довольно простора; то терзаютъ душу и причиняютъ въ ней судорожныя сотрясенія. Если онѣ несчастны, то помрачаютъ сознаніе, отчуждаютъ отъ свѣта и подавляютъ всякую свободную и общеполезную дѣятельность.—Наконецъ, какъ состояніе умственныхъ силъ въ иныхъ формахъ оказываетъ гибельное вліяніе на тѣло; такъ опять и страсти тамъ, гдѣ обращены къ сторонѣ физической, не только отпечатываютъ жалкіе слѣды искаженія въ тѣлодвиженіяхъ, въ *замашкахъ*, въ голосѣ, но и дѣлаютъ организмъ коснымъ, вѣроломнымъ и мятежнымъ рабомъ духа.

§ 293.

C) Есть, однакожъ, врачевство и отъ нравственныхъ недуговъ. Вотъ оно!

a) Берегитесь первыхъ движеній склонности, особливо такой, которая способна усиливаться. Она можетъ непримѣтно получить надъ вами власть и тутъ уже съ трудомъ преодолѣвается. Для того благоразуміе совѣтуетъ отказывать себѣ иногда въ удовольствіяхъ, даже невинныхъ и обуздывать игру очаровательницы—фантазіи, которая представляетъ земныя блага въ видѣ небесныхъ;

b) Правда, въ борьбѣ съ усилившимися уже склонностями похвально твердое намѣреніе заглушить оныя въ сердцѣ, хотя бы то стоило и напряженій; однакожъ нельзя полагаться на однѣ пер-

выя удачи. Мгновенное обращеніе есть дѣло энтузіазма, а страсть — дѣло привычки. Возрастая мало по малу, она можетъ и утихать не иначе, какъ въ томъ случаѣ, когда человѣкъ постепенно отучаетъ себя отъ дурныхъ *повадокъ*;

c) Весьма нужно отвлекать вниманіе отъ любимыхъ предметовъ, направлять оное къ другимъ, не менѣе интереснымъ и избѣгать всякаго повода и случая, который опять можетъ распалить желаніе; однакожъ никто не надѣйся избыть сильной страсти однимъ забытьемъ. Тотъ только изцѣлился совершенно, кто не имѣетъ уже нужды бояться самыхъ соблазновъ. Наука не совѣтуетъ *страстотерпцамъ* употреблять подобные опыты; но кто выдерживаетъ оные, не дѣлая себѣ перелома; тотъ одинъ и являетъ здравіе душевное. Ибо извѣстно, что въ противномъ случаѣ человѣкъ, долго и съ напряженіемъ противившійся страсти, а потомъ предающійся ей снова или вкушающій сладость *стараго кваса*, пускается въ бой, весьма опасный, если онъ спокойнымъ и постепеннымъ противодѣйствіемъ не старался искоренить *злое сѣмя* мало по малу;

d) Страсть какъ мы видѣли, состоитъ въ томъ, что вожделѣніе дѣлается господствующимъ интересомъ жизни. Посему, гдѣ рѣчь идетъ о надежныхъ способахъ, предостеречь человѣка отъ нравственныхъ недуговъ; тамъ надобно признаться, что празднолюбца увлекаетъ страсть неудержимо,

что онъ погибъ безвозвратно. Интересныя занятія, великія цѣли, идеалы душевной красоты и доблести — вотъ вѣрнѣйшее предохранительное средство, тамъ, гдѣ идеалы сіи возбуждены заблаговременно, гдѣ юношѣ, оживленному ими, сообщаются *лучшія понятія* о цѣнѣ и значеніи жизни!

Статья III.

Быть нравственный = характеръ.

§ 294.

Какъ въ страстяхъ созрѣваетъ и торжествуетъ разсудительный произволъ самолюбиваго человѣка, такъ въ *характерѣ* проявляется вся сущность разумной его свободы. Ибо отъ него требуется не только то, чтобы онъ вѣчно *суетился* и *дѣйствовалъ*, но чтобы и *былъ* чѣмъ — либо, не только, чтобы воспарялъ къ безконечному, но чтобы умѣлъ и *задерживать*, или *останавливать* себя въ своемъ полетѣ. Люди измѣнчивы потому, что цѣль указана имъ *безпредѣльная*, а силы дарованы *ограниченныя*. Но подлежа неровностямъ въ ходѣ жизни, всякій имѣетъ въ себѣ и нѣчто неизмѣняемое среди вѣчнаго прилива и отлива чувствованій, помысловъ, склонностей, и гдѣ онъ, приходя въ требуемое сознаніе сего единства и тожества, старается *нажить* и способъ или форму бытія, соотвѣтственную своей задачѣ или идеѣ; тамъ пролагаетъ себѣ путь — къ характеру, ко-

торымъ, потому, выражается упорное бытіе и пребываніе въ самомъ себѣ, такъ что, если человѣкъ страстями бываетъ развлекаемъ; то характеромъ онъ входитъ въ собственную свою стихію; если тамъ опредѣляется вещами, для него чуждыми, и есть произведеніе того, что дѣлаютъ изъ него обстоятельства, есть бреніе въ рукахъ сторонняго зиждителя; то здѣсь онъ физіономію нравственную даетъ самъ себѣ, — собственною своею рѣшительностію, неуклонно послѣдовать извѣстнымъ практическимъ началамъ житія. Касательно подобныхъ людей вы знаете уже напередъ, чего отъ нихъ ожидать и что они во всякомъ положеніи дѣлать будутъ. Напротивъ того въ человѣкѣ безхарактерномъ (каковъ каждый изъ насъ отъ природы) нѣтъ единства и однообразія въ поступкахъ; все направляется у него по случайнымъ впечатлѣніямъ, особливо по примѣру, хотя онъ сію слабость нерѣдко прикрываетъ своенравіемъ и причудливостію.

§ 295.

Смотря потому, на какой точкѣ развитія *остановили себя* люди, будутъ они являть и соотвѣтственные характеры, а именно,

1) Кто *закалилъ себя* въ грубѣйшемъ эгоизмѣ и *напр.* дозволяетъ себѣ всякія средства, если они ведутъ только къ цѣли, не дѣлаетъ ничего даромъ, старается болѣе брать, нежели давать, никакой

обиды не оставляетъ безъ отмщенія и т. д.; тому приписываемъ мы характеръ *дурной*.

2) Напротивъ, если правила поведенія вытекаютъ изъ предписаній нравственнаго долга, если человѣкъ *напр.* привыкаетъ всегда согласовать рѣчи съ чувствованіями, свято держать данное обѣщаніе позволенное, нуждающемуся помогать посильно, ни за что не поддерживать злыхъ умысловъ и пр; то сими чертами обозначается *добрый* характеръ, согласный сколько съ самимъ собой, столько же и съ условнымъ порядкомъ образованнаго общежитія. Тамъ и здѣсь мы видимъ силу, и притомъ, поелику природа даетъ только расположеніе, а не навыки, видимъ силу умственную, весьма, впрочемъ, совмѣстную съ нравомъ гибкимъ, уклончивымъ. Но сила не есть еще величіе .Ибо

3) Правила характера *великаго* касаются уже не домашняго, или гражданскаго благонравія, не видовъ честолюбія, но осуществленія идей разума о споспѣшествованіи прочному благоденствію человѣчества распространеніемъ истины, Религіи, либо уменьшеніемъ заблужденій, разврата и проч. Здѣсь — то, гдѣ помыслы честные, мужественные и мудрые вступаютъ между собою въ священный союзъ, видимъ мы людскость во всей ея славѣ. Ибо сей характеръ относительно къ волѣ есть тоже самое, что относительно къ умственнымъ силамъ — Геній; онъ даже значитъ и болѣе, потому что послѣдній есть даръ природы, а доблесть — пріобрѣтенная заслуга. Но

сколько выспренни и почтенны предметы великаго характера, столько же непоколебима и его рѣшимость, всегда готовая на святое служеніе,— рѣшимость, недоступная прельщеніямъ и подкупамъ,—рѣшимость, посмѣвающаяся угрозамъ и опасностямъ. Чѣмъ болѣе предстоитъ ему борений; тѣмъ крѣпче и спокойнѣе уповаетъ онъ на самаго себя. Ему чужда боязнь, влекущая къ побѣгу, къ отпаденію и онъ готовъ скорѣе разстаться съ жизнію, нежели съ правилами.

§ 296.

Правда, характеръ не истощается одною желательною способностію; онъ свободно входитъ во всѣ сферы душевной жизни, заимствуя пищу и матерію отъ каждой, особливо отъ умозрительной: ибо истинное въ теоретическомъ отношеніи есть въ поступкахъ доблестное, и высокія идеи разума указываютъ самымъ стремленіямъ предметы достойнѣйшіе, такъ что существенное условіе характера есть просвѣщеніе ума и основательный, по крайней мѣрѣ, опредѣленный, образъ мыслей. За всѣмъ тѣмъ умъ, отличный въ Наукахъ, въ Искуствѣ, въ соображеніи трудныхъ дѣлъ и пр. не даетъ еще права на лестное званіе доблестнаго, геройскаго характера, который преимущественно вмѣщается въ практической части нашего существа, состоя, однакожъ, не въ упрямствѣ ребяческомъ, не въ строптивости удальца, не въ механизмѣ привычекъ, не въ минутныхъ даже востор-

гахъ, а въ *своевластіи* души, которая пришла въ полное сознаніе своей свободы и сама себя воспитываетъ для общихъ цѣлей жизни.

§ 297.

Поелику постоянство воли, предполагаемое въ характерѣ, касается особенныхъ преимуществъ личнаго существа, т. е. его самодѣятельности, и за всѣмъ тѣмъ принадлежитъ къ явленіямъ, такъ сказать, *высокоснымъ*, то мы оному упорству готовы удивляться и въ натурѣ самаго Сатаны, именно при *большихъ* его *выходахъ*, не столько для какого нибудь *Барона Брамбеуша*, сколько для *Мильтона*. Впрочемъ, къ счастію рода человѣческаго, подобные эгоисты—герои въ высочайшемъ совершенствѣ встрѣчаются весьма рѣдко: ибо иначе мы гораздо болѣе претерпѣвали бы бѣдствій, нежели сколько претерпѣваемъ дѣйствительно, еслибъ добро не имѣло такой силы, предъ которою блѣднѣетъ и трепещетъ зло,— еслибъ *извергъ съ характеромъ* не находилъ въ тайномъ союзѣ доблестныхъ мужей опасныхъ для себя противниковъ, которые разрушаютъ гнусные его замыслы.

§ 298

Хотя образованіе характера есть собственное дѣло каждаго; однакожъ надобно согласиться, что сіе образованіе требуетъ и благопріятныхъ расположеній, *напр.* уже темперамента, а еще болѣе требуетъ благопріятныхъ обстоятельствъ. По крайней мѣрѣ, если съ богатствомъ, либо завое-

ваніями и подражаніемъ вкрадывается роскошъ и нѣга, хилость тѣла,—негоднаго органа воли — и мнимая крѣпость духа въ стремленіи къ высшему, многостороннему просвѣщенію, если съ сими жалкими пріобрѣтеніями изчезаетъ общественный духъ, если изглаживаются различія сословій, если ниодно изъ нихъ не хочетъ въ наслажденіяхъ отстать отъ другаго, если всѣ ослѣплены наружнымъ блескомъ, если даже колеблется политическое основаніе жизни, если готовы расторгнуться всѣ внѣшнія узы, коими до сихъ поръ связывалось общество, если благородныя стремленія подавляемы бываютъ силою чувственныхъ раздраженій и соблазновъ, то подобныя времена лелѣятъ и распложаютъ постыдное легкомысліе въ нравахъ.

§ 299.

Посему крѣпкое тѣлосложеніе, беззатѣйливость въ отношеніяхъ и въ образѣ жизни, вкусъ къ трудолюбію, религія, дѣйствующая теплою вѣрою, познанія одностороннія, но сообразныя съ даннымъ бытомъ, живость общественнаго духа, строгое разрозненіе гражданскихъ классовъ, отличающихся другъ отъ друга особенными свойствами, блаженное невѣдѣніе блестящихъ случайностей, въ коихъ человѣкъ выходитъ изъ самаго себя и отчуждаетъ собственное свое существо, обычай, изъявлять уваженіе личнымъ достоинствамъ, наконецъ прочность политическаго бытія—вотъ положеніе вещей, дозволяющее частнымъ лицамъ развернуть

всю силу благороднаго ихъ характера, который точно такъ образуется въ суетахъ свѣтской или дѣловой жизни, какъ талантъ зрѣетъ въ тиши или въ уединеніи.

§ 300.

Но если имѣются и сіи послѣднія условія — все же, для самостоятельной свободы потребная крѣпость и постоянство, не тотчасъ порождаются одною рѣшимостію, пріобрѣсть оныя. Здѣсь нужны упражненія въ послѣдованіи принятымъ началамъ и въ мужественномъ преодолѣніи всего того, что можетъ прельщать къ измѣнѣ, или, по-крайней мѣрѣ, въ безропотномъ терпѣніи при видѣ препятствій неотразимыхъ. Справедливоже замѣчаютъ, что самовластіе составляетъ преимущество возраста зрѣлаго и притомъ такого, который равномѣрно развивался при помощи соотвѣтственныхъ вліяній: ибо въ образованіи характера господствуетъ законъ *постепенности. Куда* и съ *какою степенью* силъ обратилась свободная воля, — это рѣшительно для ея самостоятельности. Направленія же сіи угадать не трудно: благо тому, кто привыкаетъ къ простотѣ и независимости отъ нуждъ и прихотей, отъ любимыхъ склонностей, кто рано научается видѣть все своими глазами, дѣйствовать собственными силами, довѣрять болѣе самому себѣ, кто съ юности умѣлъ утвердить себя въ помыслахъ и предначертаніяхъ опытами тяжкими, лишеніями горькими!

Грань 3-я

Перечневая = совѣсть.

§ 301.

Побужденіями, склонностями, желаніями, — волей и свободой вообще и особенными, усиленными и постоянными явленіями сихъ способовъ бытія,— привычками, страстями, характеромъ, описывается кругъ практическаго быта, въ которомъ возбужденная жизнь внутренняя движется изъ средоточія къ окружающимъ предметамъ. Гдѣ всѣ сіи дѣйствія и явленія даются нравственной душѣ въ совокупномъ видѣ; тамъ происходитъ ея вращеніе около самой себя, тамъ возникаетъ нравственное самосознаніе, —*совѣсть*,—одна изъ самыхъ дивныхъ силъ человѣка. Въ ея зеркалѣ мы усматриваемъ самихъ себя и сами краснѣемъ предъ собою, когда ликъ нашъ обезображенъ печатію пороковъ. Человѣкъ здѣсь и отвѣтчикъ и истецъ и судья. Во всѣхъ же случаяхъ она возлагаетъ на насъ отчетливость высшаго рода.

§ 302.

Не въ духѣ мыслящемъ вообще, а и того менѣе въ ощущеніяхъ *гнѣздится* совѣсть, хотя состоитъ въ тѣсной связи съ явленіями смысла, воображенія, сердечныхъ чувствованій и воли. Она имѣетъ явное направленіе къ *дѣятельности идеальной, отнюдь свободной*, которую непосредственно и возвѣщаетъ. То, что иные приписы-

ваютъ хотѣнію, а именно будто оно есть откровеніе свободы, принадлежитъ не ему, а совѣсти, которая производитъ надъ нимъ самимъ судъ высшій, окончательный, прямо потому что, *изъемля себя отъ закона*, сводитъ оный на волю нашу. Между тѣмъ, поелику совѣсть судитъ о нравахъ и поведеніи человѣка, она *должна* быть свободой, которая безпрестанно *напоминаетъ самой себѣ* о возвышенности своей надъ всѣми ограниченіями извнѣ, надъ всѣми движеніями произвола. Относительно въ *волѣ*, подчиненной ея вѣдомству, она въ *особенномъ* своемъ званіи имѣетъ власть — *не давать законы* (это дѣла разума), а только *управлять* оными, и какъ въ гражданскомъ порядкѣ вещей законы безъ управленія остаются недѣйствительными, такъ точно и во внутреннемъ бытѣ нравственныя предписанія не получаютъ законной силы безъ участія совѣсти. Поеликуже надлежащее управленіе довершается двумя существенными *актами*, а именно *возвѣщеніемъ* или *обнародованіемъ* общихъ правилъ житія и *судебнымъ приговоромъ*; то и совѣсть частію *предъявляетъ* волѣ законъ, частію же объ отношеніи послѣдней къ закону *судитъ*. Наказаніе, поколику оно не состоитъ уже въ осужденіи самаго себя, и награда, поколику она не вмѣщается въ отрадномъ чувствѣ, проистекающемъ отъ самосознанія свободы, изъемлютъ себя отъ суда совѣсти.

§ 303.

Симъ образомъ совѣсть имѣетъ свое *основаніе* въ развивающейся свободѣ и содержится къ *разуму*, какъ *подчиненіе* къ верховному своему *правилу*, и притомъ не логическое, а *дѣйствительное, живое.* Къ свободѣ въ *тѣсномъ значеніи*, или къ *практической* содержится она, какъ *внутренняя сущность къ внѣшнему откровенію, съ нею, впрочемъ, однозначительному.* Ибо, въ самомъ дѣлѣ, поступки, истинно свободные, — въ Нравственности, въ Политикѣ, въ Поэзіи, суть только непосредственное осуществленіе того, что внушаетъ безусловный разумъ, а съ нимъ и совѣсть, — осуществленіе такое, до котораго *законъ не досягаетъ*, или другими словами, здѣсь совѣсть опять сливается съ разумомъ: ибо въ томъ случаѣ, когда мы поступаемъ прямо по вдохновенію свободы, и слѣдственно несносясь съ закономъ, возвѣщеніе послѣдняго и управленіе не имѣютъ мѣста. Мудрецъ, представляемый въ видѣ идеала, поступаетъ въ жизни, какъ и художникъ въ созданіи прекрасныхъ призраковъ, *безъ совѣсти*, — не въ томъ смыслѣ, будто она въ нихъ не дѣйствовала, а въ томъ, что они въ творческихъ движеніяхъ духа, возвышенные надъ сферою хотѣній, въ ней не нуждаются; они исполняютъ уже и уставъ на самомъ дѣлѣ, являя свободу. Мудрость и искусство чуждому закону недоступны.

§ 304.

Изъ сихъ замѣчаній явствуетъ, что *совѣстью свобода сама себя сохраняетъ* во временномъ, конечномъ бытіи, подобно какъ *разумомъ сама себя внемлетъ* или *познаетъ*. Подробнѣйшія черты ея слѣдующія:

1) Совѣсть не образуется изъ *опытовъ*, не есть слѣдствіе наблюденій, привычекъ; за всѣмъ тѣмъ въ сравненіи съ собственно такъ называемымъ разумомъ она составляетъ дѣятельность *производную*. Ибо разумъ, какъ способность, познающая свободу и въ слѣдствіе того способность законодательная, долженъ естественнымъ образомъ представляемъ быть въ мысляхъ ранѣе другой силы, которая занимается *примѣненіемъ* предписаній;

2) Совѣсть по природѣ своей *только добра*: ибо она есть возвѣщеніе добраго во временной жизни, *благовѣстіе*. Такъ называемая *добрая* и *злая* совѣсть, означаетъ не иное что, какъ освобожденіе и одобреніе, сопровождаемое исполненіемъ обязанностей во всѣхъ дѣлахъ житейскихъ, либо осужденіе и порицаніе со стороны внутренняго гласа, послѣдующее за учиненіемъ проступковъ, пороковъ, грѣховъ. Въ семъ второмъ случаѣ мы чувствуемъ, что дурныя послѣдствія дѣяній суть наша вина и что мы по своей должности сдѣлали упущеніе. Неизвѣстность, будемъ ли мы въ состояніи утаить отъ внѣшняго судьи то, въ чемъ обвиняетъ насъ внутренній голосъ, бываетъ причи-

ной тѣхъ робкихъ, тоскливыхъ и смущенныхъ взглядовъ, кои легко обличаютъ *душу нечистую*;

3) Совѣсть *сама по себѣ необманчива*; она хочетъ только разумнаго и добраго, а слѣдственно и истиннаго, несомнѣннаго, — можетъ, даже, преслѣдовать самый смыслъ во всѣхъ тайныхъ его изгибахъ, и вмигъ разрѣшаетъ всѣ недоумѣнія, разсѣваетъ всѣ лжемудрованія, выдумываемыя для благовиднаго прикрытія нашихъ поступковъ. Почему, собственно говоря, совѣсть *заблуждающая* столь же мало возможна, какъ и злая, и надлежитъ обыкновенно обращать человѣка всегда къ его совѣсти, какъ путеуказательницѣ начинаній. За всѣмъ тѣмъ она, какъ сказано, можетъ входить въ тѣсныя сношенія и съ *представленіями* смысла и съ чувствованіями сердечными. А поелику сіи могутъ обольщать; то и совѣсть по связи съ ними подлежитъ заблужденіямъ, именно же тамъ, гдѣ *напр.* самая вѣра искажаема бываетъ положительною формою исповѣданія, гдѣ человѣку навязываются ученія, противныя чистому духу религіи, — случай, который бываетъ въ фанатизмѣ и въ гоненіи на еретиковъ. — Но если она и погрѣшаетъ; то не столько касательно своей дѣятельности, своего *стремленія* къ выполненію законовъ разума, сколько относительно къ *предмету* стремленій или къ самому закону. Изъ сего слѣдуетъ, что совѣсть допускаетъ образованіе, или лучше сказать, развитіе, которое преимуществен-

но состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ вездѣ въ познаніи отыскивалъ начала *разумныя*, не довольствуясь наставленіями чувствъ, да и остерегаясь *одностороннихъ* внушеній смысла и сердца. Отсюда слѣдуетъ далѣе, что всякъ долженъ быть судимъ не только по *общей* совѣсти человѣческой, но и по *его особенной*, хотя погрѣшности оной не всякому равно извинительны;

4) Въ совѣсти, — является ли она въ первоначальной своей свободѣ и чистотѣ, или же бываетъ искажаема понятіями ложными, видно вездѣ *направленіе идеальное*, видно напоминаніе о чемъ-то высшемъ, *тяготѣніе* къ неземному, къ божественному; она *голосъ съ того свѣта*;

5) Совѣсть, по разнымъ отношеніямъ, можетъ представлять разныя явленія, на которыхъ потомъ основываются многоразличныя названія оной, а именно a) *спокойная*, — внутреннее убѣжденіе, что мы въ поступкахъ, оставляющихъ худыя послѣдствія для насъ и для другихъ, не дѣйствовали по причинопобужденіямъ корыстолюбивымъ, нечистымъ, и по дурному умыслу, b) *оглушенная*. Въ людяхъ гласъ небесный вообще не умолкаетъ; но онъ тихъ и человѣкъ чувствуетъ нужду убѣгать отъ шума свѣтскаго, и обращать вниманіе на самаго себя, если хочетъ слышать благовѣстіе въ важнѣйшихъ положеніяхъ жизни. Когда мы вопрошаемъ сіе прорицалище, оно отвѣчаетъ громко и внятно и притомъ отвѣ-

чаетъ на всякіе вопросы. Но оно слышно и тамъ, гдѣ его не вопрошаютъ. Это гласъ стража въ часы безсонницы; всего ужаснѣе вопль его при близкой кончинѣ,—въ нуждѣ, въ опасностяхъ, въ искушеніяхъ. Но онъ можетъ быть заглушенъ свѣтскимъ шумомъ и искуственными развлеченіями, въ коихъ человѣкъ думаетъ укрыться отъ самаго себя. Правда, нѣтъ грѣшника, который бы вдругъ закоснѣлъ; однакожъ, если проложенъ уже путь къ порокамъ, — онъ *ускорительнымъ паденіемъ* низвергается въ бездну. Тщетно тутъ вопіетъ голосъ; онъ теряется въ пустынѣ, c) *совѣсть, сама себя карающая.* Есть дѣянія, кои не подлежатъ внѣшнему суду, *напр.* упущеніе дѣлъ человѣколюбія, но кои тѣмъ болѣе отвергаются судомъ внутреннимъ и человѣкъ наказываетъ самъ себя отчасти сердечными муками, кои претерпѣваетъ, отчасти готовностію вознаградить учиненную несправедливость, если то возможно, d) *отчаянная* выражаетъ душевную тоску, которою мучитъ насъ сознаніе тяжкихъ и тайныхъ злодѣяній. Окровавленный образъ умерщвленной или поруганной жертвы преслѣдуетъ виновнаго, подобно привидѣнію, не даетъ ему покоя, еслибъ онъ даже скрылся въ пропастяхъ подземныхъ. Карающее правосудіе медлитъ, будущее воззмездіе ожидаетъ преступника, который потерянъ для спасенія.

6) Наконецъ замѣтимъ, что совѣсть сливает-

ся и съ состояніемъ *блаженства*, когда человѣкъ ясно сознаетъ, что онъ *выше* закона, что *самъ* усиліями своими *стяжалъ* безцѣнное сокровище— свободу. Посему блаженство значитъ тоже самое, что и добродѣтель, тоже самое, что и мудрость житейская, тоже самое наконецъ, что и *любовь* въ высшемъ смыслѣ: ибо прямая, доблестная любовь и есть то свободное состояніе, въ которомъ мы не по слѣпому влеченію родственнаго уже какого-то инстинкта, а добровольно и охотно умѣемъ дѣлиться своимъ *Я* со всѣми прочими существами, объемля оныя сердцемъ и помыслами не столько въ конечной, ограниченной, разрозненной ихъ жизни, сколько въ одномъ и томъ же высочайшемъ, коренномъ бытіи, или въ *единствѣ идеи*. Въ семъ благодатномъ настроеніи души, которое *пріобрѣтается* только и вѣдѣніемъ безусловнымъ и стремленіями, прямо разумными, всякое разгласіе въ твореніи претворяется для человѣка въ гармонію; онъ и въ вещахъ внѣшнихъ и въ самомъ себѣ находитъ Творца, *духомъ* котораго *всякое дыханіе живится*. *Сія* любовь есть *примиреніе съ Богомъ*.

Отдѣленіе III.

Сердечная сторона идеальной или *внутренней жизни*.

§ 305.

Между жизнію умозрительною и дѣятельною занимаетъ *средину* въ духовномъ смыслѣ, подобно

какъ и въ тѣлесномъ, *жизнь сердечная.* Здѣсь *возбужденія* первой и *движенія* второй встрѣчаютъ постоянную точку опоры, собирающую оныя вокругъ себя и устанавливающую или, такъ сказать, *осаждающую* въ видѣ новыхъ созданій, въ которыхъ дѣйствія противоположенныхъ силъ доходятъ до успокоенія. Сіе *ядро планетнаго тѣла,* сія *тяжеловѣсная* точка *самостоятельности* каждаго есть *сердце*, а явленія притягивательныхъ ея силъ извѣстны подъ названіемъ *ощущеній,* которыми такъ тѣсно связано идеальное, безконечное съ земною жизнію организма.

Грань 1-я.

Составъ сердечной жизни.

§ 306.

Ощущать значитъ a) *первоначально* удостовѣряться въ присутствіи вещи посредствомъ легкаго прикосновенія къ ней рукою, — *ощупывать* ее, b) въ *пространномъ* смыслѣ подмѣчать въ себѣ впечатлѣнія какъ внѣшнихъ чувствъ, такъ и внутренняго, противополагая сіе дѣйствіе производству размышленія или представленія, c) въ *тѣсномъ* и собственномъ смыслѣ (настоящей Грани) сознавать внутреннія, отъ многоразличнѣйшихъ причинъ проистекающія, перемѣны, состоянія нашего лица, движенія сердца, посредствомъ коихъ вообще жизнь наша принимаетъ свое бытіе въ собственное свое завѣдываніе (сравн. *примѣч.* къ § 125).

Статья I.

Общій характеръ ощущеній.

§ 307.

я душа, не тревожимая волненіями и болѣзненными припадками, достаточный запасъ впечатлѣній, устраненіе какъ всего мечтательнаго, такъ и всего вынужденнаго, искуственнаго, поддѣльнаго — вотъ условія, при какихъ въ первоначальной чистотѣ и безпрепятственно обнаруживаются слѣдующія главныя черты или общіе признаки ощущеній!

1) Ощущенія, какъ жизнь *возвышенная, усиленная,* отличаются нарочитою и притомъ выразительною движимостію мышицъ, крови и ограновъ дыханія;

2) Продолжительныя и замѣтныя ощущенія никогда не бываютъ въ своемъ составѣ и ходѣ *сплошными,* подобно мыслямъ и желаніямъ; они состоятъ изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ, *перемѣжающихся* и непосредственно другъ за другомъ слѣдующихъ движеній одинаковаго рода; не отъ того ли они оглашаются въ звукахъ *отрывистыхъ*? не отъ того ли зыблются между удовольствіемъ и скорбію?

3) Они объемлютъ или поражаютъ не отдѣльную какую либо сторону, а *цѣлость* нашего тѣлесно-духовнаго существа, какъ единства, мало заботясь о вещахъ стороннихъ и боясь раздробленій;

4) Чувствованія сердечныя содержатъ въ себѣ не общее что либо, для всѣхъ ясное и Наукѣ доступное, а совершенно особенное, личнымъ существомъ каждаго опредѣляемое и потому такъ трудно передаваемое словами, тѣлодвиженіями, дѣйствіями; они любятъ *тяготѣть* къ средоточію собственной жизни каждаго, любятъ *таиться въ глубинѣ* сердца, не чуждаясь, однакожъ, того, что къ нему близко. Вотъ почему они носятъ на себѣ необходимо печать *мистическую*, т. е. живая дѣятельность ихъ для отвлеченныхъ понятій *неуловима*!

5) Но, если жизнію въ самомъ обширномъ значеніи слова назовемъ тѣснѣйшее сцѣпленіе многоразличныхъ движеній, кои свое опредѣленное соотношеніе величинъ подчиняютъ высшему правилу и познаются разумомъ въ необходимой, т. е. органической связи; то сія жизнь вообще, а съ нею и сердечная въ особенности, состоящая равномѣрно изъ послѣдовательнаго порядка движеній впередъ, тѣмъ доступнѣе досужеству и обаяніямъ *Музыки*, которая одна и составляетъ естественный, общепонятный, непосредственный языкъ сердца, которая одна въ состояніи разгадать его тайны, одна умѣетъ плавнымъ, тихимъ теченіемъ тоновъ выражать сладкія томленія любви, хаосомъ разнородныхъ аккордовъ—изступленіе, смѣлыми интервалами—силу бранноносную, быстрымъ, стремительнымъ переходомъ отъ одного тона къ дру-

гому — фугами — пареніе благоговѣйныхъ помысловъ;

6) Ощущенія просты, неразложимы на части, и хотя проистекаютъ отъ разныхъ причинъ, однакожъ въ каждое данное мгновеніе возвѣщаютъ *опредѣленную* какую-то перемѣну, одно какое-то состояніе;

7) Наконецъ они непосредственно удостовѣряютъ всякаго въ томъ, или другомъ данномъ видѣ бытія, составляя единственное, надежнѣйшее ручательство въ дѣйствительномъ существованіи

a) Нашего *Я* — въ томъ прочномъ и неизмѣняемомъ существованіи, которое посмѣвается всякимъ сомнѣніямъ школы, всякимъ софизмамъ,

b) Въ существованіи другихъ. Не отсюдали проистекаетъ *величайшее* довѣріе къ людямъ въ человѣкѣ съ душою нѣжною? Не онъ ли живо сочувствуетъ подобнымъ себѣ и скоро на ихъ голосъ откликается?

c) Въ существованіи верховнаго, отнюдь *истиннаго* и *благаго, божественнаго* и *вѣчнаго* начала вещей; не отъ того ли проистекаетъ чувство свободы, коею выражается наше отношеніе къ сему сверхчувственному міру? Не отъ того ли проистекаетъ благодатное дѣйствіе ощущеній? Не отъ того ли въ практической жизни сердце всегда слыло *первѣйшимъ* путеводителемъ, *напр.* нѣжной, добронравной женщины?

Статья II.

Значеніе сердца въ ряду теоретической и практической сторонъ жизни.

§ 308.

Жизнь сердечная по своему *происхожденію* есть *первоначальная*, по *объему* своей дѣятельности *неизмѣримая*, по *устройству* или значенію своему — *самостоятельная*.

I) Для ощущеній мы не можемъ указать никакой высшей дѣятельности, отъ которой бы они зависѣли; они развиваются сами изъ себя, — развиваются непосредственно изъ органическихъ силъ здравой природы; отъ того люди съ *грубыми, скотскими* чувствованіями и люди *слабоумные*, расточившіе производительную свою силу, столькоже сердцемъ бѣдны, сколько умные богаты. Ощущеніе есть первое дѣйствіе или движеніе жизни, возвѣщающееся сознанію, первый внятный голосъ изъ бездны бытія, первый предметъ внутренняго чувства. Оно знакомитъ насъ съ самими собой и тамъ, гдѣ мы не научились еще разумѣть себя и цѣнить свое отношеніе къ другимъ вещамъ, свое значеніе въ мірѣ; оно сообщаетъ *интересъ* всему тому, чѣмъ могутъ заниматься прочія силы человѣка; оно искони сближало людей между собою, тогда, какъ мнѣнія и склонности разрозняли ихъ и вѣчно разрознять будутъ. Прежде, нежели мы начинаемъ соображать, мы

внемлемъ уже тайныя движенія и желаемъ, но прежде, нежели и стремимся къ чему либо, мы чувствуемъ потребности. Какъ сердце анатомически уже и старѣе головы и внутренностей и долговѣчнѣе ихъ; такъ точно мы скорѣе можемъ позабыть о драгоцѣнномъ благѣ, скорѣе можемъ не желать его, чѣмъ не грустить о утратѣ того, что мило. Да и тамъ, гдѣ требуется расположить человѣка къ принятію и развитію высокихъ идей, куда мы обыкновенно и отсылаемъ его, какъ не къ тому внутреннему чувствованію, которое дѣйствуетъ тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ оно здравѣе, т. е, чѣмъ менѣе испорчено предубѣжденіями и дурными склонностями, и которое часто теплою вѣрою замѣняетъ Науку, мѣткимъ инстинктомъ изящнаго и благаго вразумляетъ знатоковъ и посрамляетъ правила школы?

§ 309.

II) Для изображенія *безмѣрности* или внутренней силы ощущеній, которая мертвитъ и живитъ, скудны понятія, бѣденъ языкъ. Не прямо ли *поэтическія* лица нѣжныя дѣти и женщины, вообще люди чувствительные? Не приписываемъ ли мы человѣку, который разсуждаетъ, говоритъ и дѣйствуетъ съ чувствомъ, не приписываемъ ли души въ преимущественномъ значеніи? Не слабѣетъ ли ощущеніе, когда обнаруживается? Не перестаетъ ли говорить *душа* тамъ, гдѣ говоритъ за нее слово? Не *тупѣетъ* ли *жало скорби*, а бурная *радость* не дѣ-

лается ли *сносное*, когда можетъ только излиться въ грудь друга? Слѣдственно величайшая сила ощущеній вмѣщается въ ихъ сознаніи; они тѣмъ глубже, чѣмъ сокровеннѣе; отъ того тамъ, гдѣ насильственно бываютъ задерживаемы или подавляемы, могутъ *погружать* въ опасную *задумчивость*, такъ какъ и вообще слабѣютъ, переходя въ область мысли и выраженій: ибо истинная чувствительность не имѣетъ нужды въ многословіи; она безмолвно терпитъ, такъ какъ безмолвно и наслаждается.

§ 310.

III) Наконецъ *самостоятельность* сердечной жизни видна изъ того, что ощущеніе являетъ собою, по крайней мѣрѣ, такой же *независимый актъ въ сознаніи*, какъ и представленіе, какъ и желаніе, хотя легко *можетъ* въ иныхъ пунктахъ встрѣчаться и не встрѣчаться съ дѣйствіями того и другаго. Оно *не есть вѣтвь познавательной способности*: ибо мы посѣщаемы бываемъ множествомъ предчувствій, причудъ, ощущеній *безотчетныхъ*; мы часто тоскуемъ и радуемся, *не зная о чемъ*; иногда мысли даже втѣсняются къ намъ въ сердце, какъ что-то, совершенно ему чуждое, *постылое*, враждебное. Свойство всякаго познанія въ томъ именно и состоитъ, что оно указываетъ на внѣшнія вещи различимыя. Посему оно содержится къ *ощущенію*, какъ *предметъ*, являющійся съ многообразными признаками, къ *простому состоянію*,

которое я могу усматривать въ себѣ, не распознавая его частей. Притомъ же не часто ли бываетъ, что мы и видимъ и слышимъ и понимаемъ вещи одинаково, а ощущаетъ всякій изъ насъ по-своему? Но ощущеніе не есть и *побужденіе*; сіе последнее всегда влечетъ къ внѣшнему міру для пополненія недостатковъ собственнаго бытія, между тѣмъ, какъ первое — самодовлительное — любитъ почивать въ себѣ самомъ, дѣйствуя даже у тѣхъ жалкихъ Кретиновъ, коихъ умъ и воля неподвижны. А не любуемся ли мы извѣстными существами, которыя коротко знаемъ, но обладанія коими не домогаемся, по тому ли, что они уже *наши*, или потому, что нашимъ видамъ вообще не служатъ? Наконецъ въ совершеннѣйшемъ духѣ, въ которомъ всевѣдѣніе и всемогущая воля, отъ вѣка уже *насыщенныя, почіютъ отъ дѣлъ своихъ*, что исключительно дѣйствуетъ, какъ не сладкое чувство — богоблаженства?

§ 311.

Вообще отношеніе сердца къ силамъ тѣла и духа слѣдующее, на законѣ *взаимности* основанное и потому частію положительное, частію отрицательное: 1) ощущенія, *поражая* или *потрясая* средоточіе жизни, дѣлаютъ подрывъ ходу особенныхъ производствъ, духовныхъ и тѣлесныхъ, либо даютъ ему направленіе одностороннее, а 2) *трогая* или *подвигая* душу, оживляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ все наше существо, слѣдовательно и особенныя отправле-

нія тѣлесной и духовной жизни. И наоборотъ a) высшая степень духовной или тѣлесной дѣятельности *ослабляетъ* ощущенія, отвлекая жизненную силу отъ центральной точки бытія, b) значительное напряженіе духа, либо тѣла, досягая въ средоточіе существа, *оживляетъ* и самое сердце. —Что сіи законы не противорѣчатъ другъ другу —это подтвердится *особенными приложеніями* оныхъ.

§ 312.

A.) *Положительно* отношеніе сердца

1) Къ *тѣлу*, частію потому, что первое силою и стремительностію своихъ движеній задерживаетъ или ослабляетъ или истощаетъ отправленія органическія, либо устремляетъ къ одной какой нибудь сторонѣ, во вредъ другимъ, частію потому, что пріятныя и вмѣстѣ съ тѣмъ благорастворенныя, гармоническія и въ безпрерывныхъ переливахъ измѣняющіяся ощущенія оживляютъ тѣмъ самымъ и тѣло, совершенно душою проникнутое, частію потому, что, дѣйствуя посредственнымъ образомъ на отправленія организма, заставляютъ его то удерживать, то отстранять состоянія, съ коими они связаны;

2) Положительно дѣйствуетъ сердце на *духъ* и притомъ a) на *познающую* его *сторону*: ибо не тревожатъ ли нашихъ думъ сильныя и живыя ощущенія? Но опять и не способствуютъ ли ихъ дѣятельности тамъ, гдѣ обращены бываютъ къ ихъ

предмету, гдѣ жизнь цѣлою, такъ сказать, массою входитъ въ линію нашихъ размышленій? По крайней мѣрѣ всякому извѣстно изъ собственнаго опыта, что хорошее расположеніе облегчаетъ ученыя, да и всякія другія занятія, а отвращеніе, требующее болѣе усилій, затрудняетъ оныя. b) Что касается до *воли*; то здѣсь ощущающая сила, вырываясь изъ глубины сердца, отдвигаетъ, такъ сказать, границы побужденій, склонностей и желаній все далѣе къ окружности и въ семъ развлеченіи естественнымъ образомъ ослабляетъ ихъ могущество; извѣстно такъ же и то, что непомѣрная чувствительность дѣлаетъ въ начинаніяхъ косными, мнительными, либо напрягаетъ силу хотѣній одностороннимъ образомъ; за то опять люди съ чувствомъ, съ душою даже желаютъ и наче, нежели люди страстные, иначе, нежели бѣдные сердцемъ; что, какъ не жаръ сердечнаго участія сообщаетъ и нашимъ благимъ дѣламъ, нашимъ геройскимъ подвигамъ такую неизъяснимую очаровательность тамъ, гдѣ они растворяемы бываютъ любовію, великодушіемъ, людскостію? c) Наконецъ кому неизвѣстно, какъ буйный, дикій *Байронизмъ* мутитъ ясность созерцаній поэтическихъ и мѣшаетъ опредѣлительности идеальныхъ созданій, но какъ и облагороживаетъ, какъ одушевляетъ издѣлія свободнаго искуства, сообщая имъ именно то, что плѣняетъ сердце?

§ 313.

В) Но сердце содержится *страдательнымъ* образомъ

1) Къ *тѣлу* уже, какъ потому, что сильное напряженіе сего послѣдняго предотвращаетъ стремительность ощущеній и ограничиваетъ силу настоящихъ или данныхъ, такъ и потому, что умѣренныя его раздраженія, сообщаясь душѣ, пробуждаютъ ея чувствительность и располагаютъ къ принятію благодатныхъ вліяній; вотъ почему человѣкъ здоровый охотно отверзаетъ для ощущеній свое внутреннее, однакожъ не такъ скоро подвергается *вспышкамъ* гнѣва, ревности, страха и пр. какъ человѣкъ хворый.

2) Всего чаще содержится сердце страдательнымъ образомъ къ *уму*, хотя сіе положеніе сколько тягостно, столькоже и благотворно. Ибо мысленіе всегда остается болѣе одностороннимъ ограниченіемъ внутренней дѣятельности, нежели самое хотѣніе, такъ что ощущеніе дѣйствуетъ долѣе и замѣтнѣе въ *побужденіи*, нежели въ *мысляхъ* т. е. начинаніями скорѣе передается тонъ сердечныхъ потрясеній, нежели продолжительными дѣйствіями холоднаго созерцанія, частыми воспоминаніями и внимательными представленіями; ощущенія, по природѣ уже своей въ руслѣ времени

Такъ тихо льются,
Такою млечною рѣкой влекутся,

Что святотатственная рука, раздѣляющая

волны, всегда задерживаетъ ихъ теченіе; ощущеніе, вмѣщающееся въ первоначальномъ *моментѣ* бытія живетъ и благодатно дѣйствуетъ только въ цѣлости нераздѣльнаго существа нашего, такъ что умъ разбирая свои предметы по частямъ необходимо симъ химическимъ дѣйствіемъ нарушаетъ единство, тогда какъ фантазія завлекаетъ его несчастное расположеніе къ безконечному въ область мечтаній; ощущеніе любитъ прямо, безусловно предаваться извѣстному образу или идеѣ, а размышленіе любитъ сей образъ или сію идею *схватывать* и тѣмъ превращать въ свое умственное достояніе, отнимая оное у того, кто умѣетъ имъ пользоваться лучше; чрезъ раздробленіе *выигрываютъ* ощущенія со стороны обширности, теряя со стороны степени или силы, выигрываютъ даже со стороны ясности, похожей, впрочемъ, на ясность зимняго солнца, которое свѣтитъ, но не грѣетъ; наконецъ познанія вообще разочаровываютъ теплую вѣру дѣтскаго сердца и поэзію жизни. За всѣмъ тѣмъ не возникаютъ ли извѣстныя ощущенія только отъ опредѣленныхъ мыслей? Не часто ли внимательное разсматриваніе предметовъ, мимо которыхъ мы прежде проходили безъ участія, подмѣчаетъ въ нихъ стороны интересныя? Не знакомятъ ли остроуміе и фантазія съ новыми источниками идеальныхъ и радостей и страданій? Не отъ думъ ли—важныхъ и продолжительныхъ—получаетъ сердце обезпеченіе внутренняго своего спокойствія,—

получаетъ мудрое равнодушіе, не дозволяющее ни чрезмѣрно радоваться, ни чрезмѣрно сокрушаться? Не отъ нихъ ли получаетъ оно глубокость и прочность ощущеній по связи съ идеями, безъ которыхъ бываетъ пустымъ, вялымъ, водянымъ и непріятно разногласитъ съ головою?

3) Въ благодатной зависимости состоитъ сердце отъ *воли*, коей крѣпость и рѣшительность какъ удерживаетъ отъ сильныхъ потрясеній сердце людей, занятыхъ какою либо великою цѣлію, такъ и предохраняетъ отъ изнѣженности характера.

4) Наконецъ сердце страдательно содержится и къ свободному творчеству тамъ, гдѣ фантазія созерцаніемъ идеаловъ вразумляетъ оное въ смутныхъ и дикихъ его движеніяхъ.

Статья III.

Законы сердечной жизни и порядокъ ея движеній.

§ 314.

Но сердце сколько въ сей связи съ разными вѣдомствами, столько же и тамъ, гдѣ бываетъ занято только назиданіемъ самаго себя, живетъ и дѣйствуетъ не иначе, какъ сообразно съ первоначальнымъ своимъ *устройствомъ*. Вотъ *общій порядокъ* и *ходъ* въ его движеніяхъ! Вотъ общія *условія* и *законы* его жизни *отдѣльной*, независимой!

1) Ощущеніе какъ и все первонанальное, въ

характерѣ своемъ неопредѣлительно, однообразно, просто; но, переходя изъ общаго состоянія въ историческія отношенія дѣйствительной жизни, оно открываетъ замѣтную *разность*, которая, впрочемъ, не заключается въ немъ самомъ, а пробуждаема бываетъ первою его встрѣчей съ внѣшними раздраженіями. Если сіи раздраженія дѣйствуютъ согласно съ особеннымъ нашимъ способомъ бытія и ходу его благопріятствуютъ; то мы сіи сродныя, дополнительныя части нашего существа любимъ привлекать т. е. *принимать* къ сердцу и чувствуемъ *усладу* жизни, подобно какъ *скорбимъ* тамъ, гдѣ бытіе наше бываетъ стѣсняемо или ограничиваемо чѣмъ-либо, ему чуждымъ. Почему какъ *добро* и *зло* суть явленія воли, начинающей своими желаніями и поступками вникать въ жизнь; такъ *удовольствіе* и *скорбь* суть двѣ формы являющейся жизни *сердца*, которое въ каждое мгновеніе дѣйствительно и находитъ себя посредствомъ внутренняго чувства, въ какомъ—либо одномъ изъ сихъ состояній. Такимъ образомъ

а) Нѣтъ ощущеній *сложныхъ* или *смѣшанныхъ*, т. е. такихъ, которыя проистекалибы не только изъ разныхъ родовъ удовольствія и неудовольствія, но еще изъ взаимныхъ дѣйствій разнородныхъ представленій, какова, говорятъ *напр.* скука,—нѣтъ такихъ, кои состояли бы изъ противоположныхъ частей удовольствія и неудовольствія, въ коихъ пріятное и скорбное доходилибы *вмѣстѣ* или въ одно время до сознанія, такъ,

чтобы мы чувствовали *сладкую грусть* и *горькую радость*. Ибо *во первыхъ* многоразличныя *причины* ощущеній не влекутъ за собою и многоразличія въ самомъ составѣ послѣднихъ, *во вторыхъ*—разныя состоянія, изъ коихъ всегда одно какое либо бываетъ господствующимъ въ сознаніи, могутъ столь непримѣтно и столь быстро переливаться въ другія противоположныя, что онѣ, смѣняясь мгновенно, для внутренняго наблюденія сливаются, по видимому, въ одну массу, въ одинъ моментъ *двуличневой умилительности*.

b) Нѣтъ въ строгомъ смыслѣ состояній *среднихъ, безкачественныхъ*, т. е. ни пріятныхъ, ни скорбныхъ; ибо не вѣчно ли волны жизни колышутъ сердце? Не безпрестанно ли состояніе наше измѣняется? Но то справедливо, что иные предметы производятъ въ насъ потрясенія легкія, слабыя, что бываютъ ощущенія *шаткія*, не установившіяся въ своемъ ходѣ, бѣглыя, смутныя, развлеченныя. Вотъ состояніе сердца *среднее*, называемое такъ не въ *безусловномъ* значеніи, а только въ *относительномъ, частномъ*, т. е. такое, въ которомъ мы не сознаемъ явнаго интереса, въ которомъ не чувствуемъ замѣтной радости или скорби. Оно всегда граничитъ, по крайней мѣрѣ, съ *безчувствіемъ*, т. е. съ слабостію сердца, такою-же, какъ и женская *изнѣженность*, которая сильно раздражается всѣмъ.

c) Нѣтъ *равновѣсія*, т. е. такого состоянія,

въ которомъ удовольствія и неудовольствія умножаемы бываютъ состояніями противными, враждебными, въ которомъ сердце *неподвижно*, потому что не можетъ *рѣшить*, болѣе ли ему слѣдуетъ радоваться, или болѣе сѣтовать? Но подобное состояніе какъ въ мысляхъ и въ движеніяхъ воли, такъ и въ ощущеніяхъ есть мнимое; оно едвали существуетъ въ физическомъ мірѣ, а тѣмъ менѣе въ духовномъ. Извѣстный предметъ не можетъ доставить равно *великаго* удовольствія и неудовольствія: ибо что въ природѣ вещей совершенно равно другому? Это надлежало бы принимать въ уваженіе и мнительному. Но еслибъ даже сердце и способно было биться равно громко какъ для блаженства, такъ и для страданій, то всежъ мы не можемъ устремлять къ обоимъ своего вниманія въ тотъ же самый мигъ съ одинаковою силой. Слѣдственно, по сравненію такъ называемое, равновѣсіе значитъ не иное что, какъ *быструю смѣну* движеній противоположенныхъ. Мы не всегда *замѣчаемъ* тутъ удовольствія или неудовольствія, хотя они и есть, часто даже мы и не *хотимъ* себѣ въ томъ или другомъ сознаться.

§ 315.

II) Чтожъ именно бываетъ причиною удовольствія и скорби? По крайней мѣрѣ не то, что насъ окружаетъ, что предлежитъ нашимъ чувствамъ: ибо радость и горе простираются и на

прошедшее и на будущее, и бываютъ сколько дѣйствительныя, столько же и мнимыя. Правда, всякое ощущеніе, состоя въ связи съ нашимъ *Я*, состоитъ и въ *отношеніи* къ какому нибудь предмету; оно указываетъ на внѣшнія вещи, которыя однакожъ, не *испаряютъ*, такъ сказать, намъ въ душу ощущеній съ поверхности своей, подобно запахамъ, а только подаютъ *поводъ* къ развитію внутреннихъ движеній сердца и возбуждаютъ оныя *вообще*, отнюдь не *причиняя*, отнюдь не *вынуждая* ощущеній *опредѣленнаго*, и притомъ *постояннаго, одинаковаго* рода, а по разнымъ отношеніямъ мѣста и времени разныя, противорѣчивыя и досаждая сего дня тѣмъ самымъ, что вчера насъ восхищало. Причина ясна. Всѣ предметы, *сами по себѣ*, чужды сердцу, которое живетъ только на собственный свой счетъ. По сему, дабы извѣстный предметъ могъ найти *доступъ къ сердцу*, онъ необходимо долженъ посредствомъ какихъ либо представленій, ясныхъ или смутныхъ, съ нимъ *сблизиться*, *сродниться* и потому получить *нашу* печать, нашу физіономію. Не то, что предметы значатъ независимо отъ насъ и въ первоначальномъ ихъ устройствѣ, а то, какъ и чѣмъ они человѣку и притомъ всякому съ особенности *кажутся* — вотъ рѣшительное для ощущеній обстоятельство!

§ 316.

III) Но наше *Я* имѣетъ свою особенную сущность, свои особенныя силы, свойства, законы, по-

бужденія, состоянія разныхъ достоинствъ. Ужели всѣ сіи предметы сами по себѣ, каковы они есть, равно утѣшительны, или всегда, каковы есть, равно скучны, печальны, противны? Нѣтъ. *Пріятно только то состояніе, которое питаетъ нашу самость, а сія питается живымъ сознаніемъ не случайнаго, а самодѣятельнаго, свободнаго и постепеннаго спѣянія, расширенія и усовершенія собственныхъ нашихъ благороднѣйшихъ силъ*, подобно какъ съ другой стороны *страдательность, задержка и ограниченіе сего спѣянія, сего свободнаго хода сопровождается ощущеніемъ скорбнымъ*, именно тамъ гдѣ мы сознаемся, что тѣхъ, либо другихъ несовершенныхъ состояній моглибы избѣгнуть. Посему, чѣмъ менѣе мы и значимъ и дѣйствуемъ *сами собою*, тѣмъ болѣе лишаемъ себя удовольствій существенныхъ, вѣрныхъ и прочныхъ. Блаженъ тотъ, кто *умѣлъ овладѣть* предметомъ. наслажденіемъ, истиной и кто умѣетъ по произволу располагать *своимъ благопріобрѣтеннымъ* достояніемъ. Какъ пріятно уже сознавать въ себѣ освобожденіе отъ стѣсняющихъ узъ настоящаго! Какъ забавно видѣть смѣшныя стороны другаго тамъ, гдѣ мы успѣли не только избыть оныхъ, но и замѣнить противоположенными преимуществами! Какъ дороги каждому *его* мысли, издѣлія, открытія—какъ дороги средства, имъ самимъ придумываемыя! Какъ отрадны успѣхи всякой способности,

особливо тамъ, гдѣ направлены къ цѣлямъ, прямо человѣческимъ!

§ 317.

Подъ симъ верховнымъ закономъ удовольствія и скорби состоятъ всѣ тѣ частные и подчиненные, кои приводятъ какимъ либо образомъ представленіе стороннихъ существъ въ ближайшее сношеніе съ рѣшительною мыслію объ особенныхъ совершенствахъ нашего *Я. Внѣшніе предметы, стороннія лица, собственное тѣло* — вотъ тѣ точки соприкосновенія, кои, по случайной связи съ нашимъ лицемъ, открываютъ ему *особенные источники* наслажденій и страданій!

§ 318.

А.

а) Представленіе *цѣны вѣщей* необходимо сцѣпляется съ мыслію о нашемъ *Я*, для котораго только онѣ и предполагаются пригодными или не пригодными. Сія связь столь естественна, что мы при всякой мысли о чемъ либо полезномъ или вредномъ принуждены бываемъ спрашивать самихъ себя: *а къ чему бы это послужило* — пока не дойдемъ до послѣдняго, высочайшаго блага, т. е, до совершенствъ, которыя пріобрѣтаются нами самими или принадлежатъ къ заслугамъ нашего лица. Что симъ совершенствамъ способствуетъ, то мы цѣнимъ и любимъ, но не по себѣ, а только относительнымъ образомъ. Вотъ почему тѣже самыя *напр.* деньги, которыя *Крезъ* любитъ ко-

пить, какъ средства для достиженія разныхъ благихъ цѣлей, презираетъ неподкупимый *Курій*, видя въ нихъ искушеніе для своей патріархальной добродѣтели!

b) Человѣкъ любуется произведеніями своей дѣятельности, если они удались и обнаруживаютъ умъ и искуство, а на неудачныя смотритъ уныло. Тѣ указываютъ на дѣлателя мудраго, а сіи на *недоумку*, — на человѣка малоискуснаго, ограниченнаго, несовершеннаго. Нужно ли упоминать о самообольщеніяхъ, которыя мы встрѣчаемъ почти на каждомъ шагу въ жизни? Удачное дѣло рѣдко доказываетъ совершенства, свободно пріобрѣтенныя, такъ какъ *промахъ* часто можетъ свидѣтельствовать о доблести нашихъ начинаній. Здѣсь должны рѣшать намѣренія и правила. Пускай удаются иныя затѣи ребяческія и сумасбродныя; какъ по совѣсти и отъ души порадоваться тому, что было дѣломъ болѣе суетности и неразумія, нежели дѣломъ свободы и доблести? Съ другой стороны напрасно и сѣтуетъ тотъ, кто слѣдитъ благородную цѣль, но не можетъ оной достигнуть. Успѣхъ предпріятій рѣдко зависитъ отъ насъ самихъ; мы не боги, которые могли бы по волѣ своей управлять благопріятными обстоятельствами;

c) Все, что, по мнѣнію нашему, свидѣтельствуетъ о достоинствѣ нашего *Я*, возбуждаетъ

отрадныя ощущенія—самодовольства, — обильный источникъ радостей химерическихъ. Тотъ — то богатъ, слѣдственно можетъ много дѣлать — добраго; того-то чествуютъ и величаютъ, слѣдственно онъ долженъ быть человѣкъ съ честію, а доброе имя (думаетъ онъ) не есть ли пріобрѣтенная заслуга? Щеголиха является на балѣ въ новомодномъ, и слѣдственно въ прекраснѣйшемъ нарядѣ. Она увѣрена, что будетъ очень мила, что знатоки не преминутъ отдать справедливость ея вкусу, что прекрасная наружность есть только отблескъ изящества душевнаго. Сочинитель, получившій отъ вельможи богатую табакерку, которую кладетъ предъ собою на столъ, крайне досадуетъ на васъ, если вы не любуетесь его драгоцѣнностію; естественно! Ибо тѣмъ вы явно отвергаете свидѣтельство другихъ объ изобрѣтательномъ его талантѣ, который есть отличіе—нравственное.

d) Въ человѣкѣ господствуетъ побужденіе, представлять неощутимые предметы такъ, какъ будтобы они проявлялись внѣшнему чувству, а равно и побужденіе представлять самыя формы или образы сверхчувственнаго формами *наглядными*. Такъ онъ желаетъ видѣть и свою нравственную доблесть въ отраженіи, или въ зеркалѣ предметовъ внѣшняго чувства. Такъ онъ охотно сравниваетъ себя со всѣмъ, что ему встрѣчается, пользуясь на сей конецъ и предметами внѣшней

природы и животными и людьми,—только предпочитая послѣднихъ первымъ потому, что предметы человѣческаго міра могутъ гораздо болѣе, нежели предметы животнаго міра и прочей природы, облегчить признаніе нравственности. Вотъ почему вздымается грудь наша при видѣ высокихъ горъ! Вотъ почему улыбающіяся долины настроиваютъ сердце къ ощущеніямъ умилительнымъ! Вотъ почему мы съ удовольствіемъ читаемъ сцены сказочнаго міра! Вотъ почему Генрихъ IV увлекаетъ насъ за собою, тогда какъ сердце наше съ негодованіемъ отвращается отъ Нерона: ибо мы въ образѣ послѣдняго усматриваемъ только нашу собственную будущую гнусность, которой, однакожъ, можно, къ утѣшенію,—избѣгнуть. Въ прекрасныхъ образцахъ мы видимъ собственное свое, пріобрѣтенное уже, либо будущее величіе душевное, а въ извергахъ—омерзительную сторону нравственной нашей природы.

е) Самая обильная жатва ощущеній собирается на нивѣ Эстетики, гдѣ такъ удачно произрастаютъ злаки и туземные и заморскіе. Тутъ любители обнаруживаютъ многоразличнѣйшій вкусъ; тутъ иные полагаютъ, что природа вездѣ матерински печется о доставленіи человѣку пріятностей; тутъ одинъ любитъ только отечественные цвѣты, а другой — только иноземные и притомъ такіе, которые пересажены къ намъ съ почвы Греческой, либо Латинской. Нигдѣ такъ

легко, какъ здѣсь, не можетъ быть помрачена, даже подавлена увѣренность, что мы во всемъ ощущаемъ только самихъ себя. Ибо непримѣтно ощущенія наши обращаются здѣсь къ такимъ предметамъ, которые по себѣ неощутимы; съ радостію мы даемъ себя Художнику увлекать въ міръ фантазіи, гдѣ предъ восхищенными глазами нашими мелькаютъ призраки то милые, то величественные. Если сіи картины сами уже по себѣ плѣняютъ наше сердце, и если мы вдали—на самомъ, такъ сказать, послѣднемъ ихъ планѣ, видимъ собственный *свой* ликъ, и потому переносимъ ощущенія свои на *дорогихъ двойниковъ*; то къ сему присоединяется еще и другое, важное обстоятельство, а именно, что силы наши, занимающіяся предметами эстетическими, приводимы бываютъ въ движеніе легкое, либо трудное. Но сіе легкое, либо трудное движеніе указываетъ опять на совершенство, либо несовершенство умственной дѣятельности, что естественнымъ образомъ и порождаетъ либо пріятныя, либо скорбныя ощущенія. Ибо все то, что легко занимаетъ наши силы, доставляетъ намъ удовольствіе, которое бываетъ тѣмъ живѣе и сильнѣе, чѣмъ оное занятіе продолжительнѣе и чѣмъ бо́льшее число душевныхъ способностей участвуетъ въ дѣлѣ. Состояніе, сему противное, насъ печалитъ.

§ 319.

В.

Столь же богатый *пріискъ* отрадныхъ ощуще-

ній, которыя мы переносимъ на вещи, сердцу чуждыя, открывается тамъ, гдѣ человѣкъ существа, представляющіяся съ извѣстными совершенствами или несовершенствами, присвоиваетъ себѣ, ощущая ихъ преимущества и недостатки, какъ свои собственные (разумѣется нравственные). Дѣти уже съ гордостію говорятъ одно другому: *мой отецъ достаточнѣе твоего, моя мать природная дворянка, а твоя купчиха.* Но лучше ли ихъ мыслятъ и чувствуютъ на сей счетъ и самые взрослые тамъ, гдѣ въ свою очередь восхищаются пригоженькими своими дѣтками, которыхъ наряжаютъ, какъ куколокъ, и выставляютъ гостямъ на показъ сихъ прекрасныхъ *собирателей подаянія* для суетности родителей? Какъ часто охотники до лошадей пользуются заслугами своихъ рысаковъ, жены заслугами мужей своихъ, мужья талантами своихъ женъ—аристократъ, негодяи—славою своего отечества, своихъ предковъ, знакомцевъ, учителей, шарлатаны—Чиновники иной Коммисіи трудами, умомъ и заслугами своего Президента, приговаривая: вотъ каковы *мы*! Подлинно

„Чувствительна душа и вчужѣ веселится.„

Но не такъ же ли часто мы и страдаемъ за шалости своихъ сослуживцевъ, однополчанъ, за пороки своего сословія, за дурныя привычки членовъ своего семейства, словомъ за вину людей, съ которыми наше лице находится въ сношеніяхъ?

§ 320.

C.

Наконецъ важную роль въ семъ отношеніи играетъ наше тѣло, которое природа, по мудрымъ и благимъ намѣреніямъ такъ тѣсно связала съ нашимъ *Я*. Тѣло служитъ орудіемъ, при помощи коего мы первоначально и ближайшимъ образомъ являемъ, нравственною нашею природою необходимо требуемыя отъ насъ, личныя совершенства. Удивительно ли, если мы съ одной стороны особенно заботимся о томъ, чтобы сіе, по крайней мѣрѣ для настоящей жизни необходимое орудіе нашей дѣятельности всегда пребывало въ хорошемъ состояніи и никогда не отказывало въ услугахъ, а съ другой, если мы его силу и слабость, его совершенства и недостатки сознаемъ и чувствуемъ, какъ совершенства и недостатки нашего лица? Высокая степень внимательности требуется на тотъ конецъ, чтобы разныя состоянія тѣла и души надлежащимъ образомъ отдѣлять одно отъ другаго. Впрочемъ сіе искуство не требуетъ утонченнаго образованія. Мы видимъ тутъ виртуозовъ уже въ дикаряхъ, которые при ужаснѣйшихъ мученіяхъ тѣла являютъ мужество и неизмѣняемое спокойствіе души. Кто не замѣчалъ, что дитя, падая и въ паденіи ушибаясь, плачетъ, когда видитъ, что предстоящіе ахаютъ, но проворно встаетъ и съ веселымъ лицемъ говоритъ,, *ничего*,, когда хочетъ либо приласкаться къ другимъ, либо показать удальство,

либо боится выговора? Гдѣ сознаніе сливаетъ душу и тѣло въ одно существо или въ одинъ моментъ бытія; тамъ всѣ состоянія тѣла, всѣ его совершенства и несовершенства принимаются за свойства и явленія душевныя. Сіе сознаніе подаетъ тутъ поводъ къ животнымъ ощущеніямъ, различнымъ, однакожъ, отъ тѣхъ движеній суетнаго сердца, къ которымъ тѣло можетъ равномѣрно подавать поводъ. Ибо сіи послѣднія возникаютъ тогда, когда человѣкъ дорожитъ преимуществами своего тѣла, его силою, гибкостію, красотою, считая все это за свои преимущества личныя. Такъ можетъ иной понѣскольку часовъ стоять передъ зеркаломъ, любуясь своею наружностію и говоря про себя: *молодецъ*! Такъ мы стараемся придать своему тѣлу болѣе прелестей, нежели сколько оно отъ природы уже имѣетъ, либо *укомплектовать свою разбитую фигуру новымъ ремонтомъ туалетнаго снадобья*. Весьма естественно; человѣкъ, разсматриваемый какъ духовное существо, хочетъ и долженъ имѣть благолѣпіе внутреннее; т. е. ему должно хотѣть всѣхъ совершенствъ душевныхъ въ равной мѣрѣ, въ каждое мгновеніе, словомъ хотѣть оныхъ, какъ гармоническаго, прекраснаго цѣлаго; онъ не можетъ ни одному изъ нихъ дать предпочтеніе предъ другимъ, либо обладать такою-то выгодною стороною исключительно, жертвуя остальными; но онъ и своего личнаго или душевнаго безобразія, т. е. несовершенствъ, коихъ

онъ самъ виновникъ, по устройству нравственной своей природы, отвращается, какъ цѣлой системы разстройства, проникнувшаго во внутреннюю экономію жизни.

§ 321.

Такъ—то подтверждается утѣшительная, для Науки и жизни равно важная истина, что человѣкъ *можетъ* пріобрѣсть полное господство и надъ своимъ сердцемъ и что блаженство и осужденіе каждаго въ собственной груди его. Ибо онъ способенъ познавать истинную цѣну вещей вожделѣнныхъ и ненавистныхъ, способенъ всѣ начинанія свои растворять любовію и доблестными помыслами; ему предоставлено вездѣ самому назидать свое благосостояніе и черпать чистыя и прочныя наслажденія изъ источника неизсякаемаго: ибо пускай изчезнутъ всѣ образы съ лица земли, —сердце не изсохнетъ въ дикой пустынѣ такъ, какъ не обѣднѣетъ въ нищенской ролѣ Діогена или Ира. Этаго мало. Человѣку открытъ и весь внѣшній міръ, который онъ можетъ ощущать, какъ ему угодно, находя въ степи Эдемъ и видя въ образѣ разрушенія и смерти благовѣстіе юной, новой жизни, если только умѣетъ встрѣчающіеся случаи прилагать къ самому себѣ, а не думаетъ въ безуміи пожинать плоды тамъ, гдѣ не сѣялъ. Но онъ можетъ во всякомъ положеніи сохранять спокойствіе и веселонравіе, если всегда имѣетъ предъ глазами и въ сердцѣ нравственный санъ свой,

какъ единственное, неотчуждимое, нетлѣнное сокровище, которое совершенно въ его власти, которое онъ можетъ пріобрѣсть *гдѣ* и *когда* ему только захочется,—какъ благо, которому все прочее въ мірѣ должно служить и отъ котораго внѣшнія вещи получаютъ свою цѣну и пріятность.

§ 322.

Но ощущенія разнятся между собою и *силою* и *длительностію* и *объемомъ* или *степенемъ наслажденія*. Сіи *моменты* равномѣрно подлежатъ извѣстному порядку въ своемъ ходѣ и движеніи. Ибо

A) Что касается до *внутренней великости* ощущеній какъ въ душѣ *спокойной, здравой,* сопровождаемой движеніями *чистыми,* безпримѣсными, такъ и возмущаемой болѣзненными потрясеніями; то *они бываютъ тѣмъ мятежнѣе, чѣмъ a) вообще неяснѣе, безотчетнѣе, слѣпѣе.* Таковы—грозные и разрушительные порывы *плоти* и *крови,* таковы всѣ ощущенія неопредѣленныя, многобъятныя, всѣ, оглушающія насъ въ полуснѣ, въ разсѣяніи, при внезапностяхъ. Не менѣе того b) и тамъ, гдѣ радость прилагается къ радости, горе прилагается къ горю, добавокъ къ господствующему расположенію, даже незначительный, усиливаетъ количество *цѣлаго* ощущенія, коего онъ составляетъ однородную часть. Наконецъ c) ощущенія усиливаются и отвнѣ—всѣми впечатлѣніями чрезвычайными, рѣдкими, неожиданными, новыми,

до контраста разнообразными, слабѣя отъ встрѣчъ обыкновенныхъ, предугаданныхъ, однообразныхъ, пошлыхъ и—старыхъ, хотя сіи послѣднія всегда ограждаютъ отъ бурь душевныхъ. Такъ восторги юношескіе теряютъ со временемъ свой пылъ, не теряя, однакожъ, благодѣтельной теплоты.

B) *Длительность* ощущеній означаетъ не иное что, какъ прочное расположеніе сердца къ принятію и сохраненію оныхъ, и здѣсь правило гласитъ: *сколько тѣлесныя наслажденія кратковременны и мало по малу притупляютъ чувствительность: столько же умственныя, отъ насъ однихъ зависящія, прочны и для сердца живительны.* Но гдѣ равная сила и равная длительность встрѣчаются въ одномъ пунктѣ; тамъ онѣ дѣлаютъ себѣ взаимный подрывъ: ибо *чѣмъ ощущенія стремительнѣе; тѣмъ они скоротечнѣе, и чѣмъ слабѣе, тѣмъ продолжительнѣе, тягучѣе, средняя* же, *умѣренная температура даетъ глубокость чувствованій,*—отличный талантъ и завидное совершенство богатаго, образованнаго сердца.

C) Что касается до самаго *объема* ощущеній; то *человѣкъ утопаетъ въ блаженствѣ*, когда *не только наслаждается всѣми возможными чувствами,* какъ отдѣльными, такъ и *общимъ* чувствомъ жизни, но и *роскошествуетъ въ прихотяхъ воображенія и въ затѣяхъ творческой мысли.*

§ 323.

Уважительна и *скорбь* въ особенномъ своемъ ходѣ и значеніи. Она *коренное чувство, первоначальное* раздраженіе какъ для побужденій, такъ посредственнымъ образомъ—и для мыслей. Не старшая ли она сестра радости, хотя и болѣе вѣтреная, болѣе бѣглая? Ибо a) первоначальная неопредѣлительность ощущеній *нарушается* помѣхами со стороны бытія *неудовлетвореннаго*. Скорбію выражается первое положительное чувствованіе; не изъ ночи ли возникаетъ день, не изъ хаоса ли стройность? Скорбь b) есть и необходимое условіе наслажденій, кои въ безчисленныхъ случаяхъ проистекаютъ единственно изъ устраненія того, что тяготило душу; скорбь c) пробуждаетъ всѣ потребности человѣческія, слѣдовательно предшествуетъ и вожделѣніямъ, такъ, какъ жажда и голодъ предшествуютъ отрадному чувству насыщенія. Но если скорбію оглашается первое, то d) ею же оглашается и послѣднее, хотя болѣе уже тихое, движеніе сердца, съ какимъ человѣкъ покидаетъ свѣтъ, спѣша во срѣтеніе чувствованіямъ очищеннымъ, благодатнымъ.

§ 324.

Симъ образомъ, если удовольствія размножаются по мѣрѣ того, какъ человѣкъ съ одной стороны образуетъ, утончаетъ и совершенствуетъ свои силы тѣлесныя и духовныя, а съ другой разширяетъ свои отношенія; то неразлучная спут-

ница удовольствій—скорбь усиливается съ размноженіемъ видовъ и потребностей. *Чѣмъ ограниченнѣе и простѣе жизнь человѣка, тѣмъ менѣе онъ и претерпѣваетъ. Ибо*

a) Инстинктъ *сладокъ*; но переходъ изъ душной темницы необходимости въ свѣтлую атмосферу свободы—томителенъ. Кто первый простеръ руку къ древу познанія добра и зла, тотъ возчувствовалъ и первый *стыдъ*. Отъ того человѣкъ только злополученъ, такъ какъ онъ же одинъ и блаженъ. Завидно *невѣдѣніе* дитяти и человѣка слабоумнаго. Легко и скоро удовлетворяются побужденія природы и чувственныя вожделѣнія, но труднѣе и медленнѣе *затѣи* склонностей и воли, прихоти страстей, праздныя желанія полуобразованныхъ, пытливость и надежды пылкихъ юношей; тамъ за удовлетвореніемъ слѣдуетъ насыщеніе, пустота, приторность, здѣсь вѣчная, неутолимая жажда Тантала;

b) Вѣдѣніе положительное, догматическое, рѣшительное удовлетворяетъ не надолго; оно для лѣнивыхъ Классиковъ, кои боятся быть выведены изъ состоянія покоя и нѣги противорѣчіями, такъ благотворными. Умные трудно уживаются между собою. Кто имѣетъ только школьное образованіе, тотъ часто чувствуетъ недостатокъ въ ловкости, въ практическомъ познаніи, въ умѣньи примѣнять то, чему изучился или что придумалъ. Отсюда проистекаетъ его, нерѣдко мнительная,

жалоба на близорукость, на ограниченность памяти, на медленное спѣяніе таланта, особливо когда онъ сравниваетъ себя съ людьми свѣтскими;

c) Но и *подлинная людскость* не есть ли также жизнь возвышенная, расширенная? Это обнаруживается и въ ощущеніяхъ. Она усиливаетъ вниманіе къ вещамъ, по видимому, мелкимъ, усиливаетъ вниманіе совѣстнаго и къ самому себѣ, къ громкимъ напоминаніямъ внутренняго гласа; она все тонѣе и все съ бо́льшимъ участіемъ подмѣчаетъ ограниченія всякаго рода, встрѣчаетъ на каждомъ шагу трудности и боренія, въ коихъ ей развиваться суждено и благоговѣйно смиряется предъ недосягаемою высотою идей. Сіе чувствованіе огромнаго разстоянія между безконечною задачей и между скудостію способовъ ввергаетъ человѣка въ *романтическое уныніе*, въ тихую, почтенную, святую скорбь великаго сердца. Именно тотъ, кто образованнѣе многихъ своихъ современниковъ, видитъ, что онъ и разумѣетъ и значитъ едвали не менѣе всѣхъ другихъ, что его начинанія и предпріятія ничтожны. Здѣсь господствуетъ чувство всесторонних границъ, чувство обманутыхъ надеждъ, несбывшихся желаній, обознанныхъ заслугъ, которымъ суждено, можетъ быть, дозрѣвать—въ могилѣ.

§ 325.

Въ сердцѣ жизнь; посему нѣтъ и ни одной одушевленной твари, нѣтъ ни одного человѣка безъ

ощущеній; однакожъ сила и объемъ послѣднихъ не одинаковы. Сія разность зависитъ *частію* отъ естественнаго расположенія нервовъ, *частію* отъ возрастовъ, *частію* отъ образованія прочихъ способностей, *большею же частію* отъ умышленнаго возбужденія и упражненія сердечныхъ дарованій. Во всякомъ случаѣ человѣкъ *грубъ* a) если тѣ, либо другія ощущенія дѣйствуютъ весьма слабо, какъ *напр.* благородныя у эгоистовъ, b) если только при иныхъ предметахъ извѣстнаго рода обнаруживаются соотвѣтственныя движенія, а при другихъ нѣтъ, если *напр.* участіе ограничено одними родственниками, пріятелями, земляками, единовѣрцами; если c) внутреннее чувствованіе не довольно глубоко *западаетъ* въ душу, а *скользитъ* на ея поверхности, какъ *напр.* у холодныхъ остроумцевъ, d) если всегда состоитъ въ связи съ порывами и стремительными вожделѣніями, слѣдственно нечисто. Ибо что *здравый смыслъ* значитъ относительно къ производству познанія; то самое значитъ и *здравое сердце* относительно къ своему особенному способу жизни; e) если ощущенія вдругъ разрываются въ мѣрномъ своемъ ходѣ, т. е. если одни мгновенно смѣняются другими, совершенно противоположенными, *напр.* кротость суровостію, любовь къ извѣстному лицу—рѣшительною ненавистію къ нему, какъ бываетъ это у дикарей, у ревнивцевъ, у обманутыхъ начальниковъ и *пр.*; f) если сила ихъ сопровождается немощію

ума и воли. Въ состояніи сей *милой слабости*, сего блаженнаго бездѣйствія, которымъ столько отличаются вѣка́ роскоши и разврата, *любезные баловни* убѣгаютъ всего того, и пренебрегаютъ всѣмъ тѣмъ, что требуетъ напряженій; они любятъ дремать въ сладкой нѣгѣ, любятъ забавляться смутными чувствованіями, любятъ погружаться въ таинственную—пустоту своего сердца.

Грань 2-я.

Сердечная жизнь въ частныхъ развитіяхъ и направленіяхъ ея дѣятельности.

§ 326.

Ощущенія объемлютъ всю жизнь; посему они, сообразно съ тройственнымъ направленіемъ послѣдней, могутъ имѣть своимъ предметомъ a) *насъ* самихъ, b) *подобныя* намъ твари, c) высшій порядокъ *идеальнаго* быта.

Статья I.

Ощущенія собственнаго нашего тѣла.

§ 327.

Ощущенія собственнаго нашего бытія, коими и начинается людскость и невидимо сопровождается на всѣхъ путяхъ развитія, проистекаютъ изъ настоящихъ положеній органической жизни, и бываютъ *простыя* ощущенія либо благосостоянія, льготы, либо тяготы тѣлесной, — услажденія и

боли, посредствомъ которыхъ возвѣщается намъ либо свобода, либо ограниченность нашихъ сношеній съ физическими силами. Ибо человѣкъ здоровый чувствуетъ себя непринужденнымъ, безъ внутренней противоположности въ своихъ движеніяхъ, слѣдовательно чувствуетъ единство своего существа. Ощущеніе сіе отрадно; чрезъ него мила намъ жизнь; мы не боимся обольщеній съ его стороны, а принимая его за истинное выраженіе мѣры нашихъ силъ, бодро вступаемъ во внѣшнія отношенія, дабы поставить оныя по нашимъ мыслямъ.

§ 328.

Услажденія и страданія относятся либо ко всему составу нашего существа, либо къ извѣстной части онаго. Ощущеніе перваго рода есть *общее*,—тѣлесное выраженіе сердечной дѣятельности, которое въ темныхъ, сліянныхъ образахъ представляетъ сознанію (немногія) внутреннія состоянія организма, сколько они намъ подвѣдомы и подвластны. Ибо какъ съ одной стороны судьба души опредѣляется, между прочимъ, и состояніями тѣла; такъ точно съ другой стороны и сама душа свободными дѣйствіями на свое орудіе оказываетъ явную власть надъ тѣмъ, что его услаждать, либо изнурять можетъ. Внутренняя теплота и холодъ, сила и слабость, легкость и затруднительность въ движеніяхъ, зудъ, щекотанье,—вотъ явленія общаго, *сплошнаго* ощущенія! Другой родъ внутреннихъ перемѣнъ можетъ быть приписанъ ему развѣ въ томъ только смыслѣ,

что она въ отдѣльныхъ органахъ тѣла особеннымъ образомъ измѣняется. Ибо *напр.* чувство свободнаго дыханія и стѣсненія, чувство голода и жажды, сытости и освѣженія, чувство при *натискахъ* разнаго рода и облегченіяхъ, чувство крѣпости въ мышцахъ и усталости, бодрости и вялости,—все это подлежитъ вѣдомству частныхъ системъ и органовъ. Къ послѣднимъ принадлежатъ и тѣ ощущенія, кои тѣсно связаны съ дѣйствіями внѣшнихъ чувствъ и здѣсь правило гласитъ: *чѣмъ грубѣе чувство, тѣмъ услажденія его живѣе, сильнѣе,* но вмѣстѣ и *неявственнѣе* и *скоротечнѣе* (таковы вкусъ и осязаніе); *чѣмъ благороднѣе, тѣмъ движенія его,* конечно, *равномѣрнѣе, плавнѣе*; но за то и *отчетистѣе и прочнѣе,* (таковы удовольствія зрѣнія и слуха); тамъ мы только наслаждаемся, вкушаемъ, здѣсь можемъ и любоваться. Наконецъ, что касается до *боли,* то она *досаждаетъ* тогда, когда органы претерпѣваютъ помѣху отъ какой либо превозмогающей дѣятельности, но становится несноснымъ бременемъ обыкновенно тамъ только, гдѣ бываетъ слѣдствіемъ разстройства жизненныхъ силъ во всемъ тѣлѣ.

Статья II.

Симпатія съ однородными существами.

§ 329.

Сочувствіе съ подобными себѣ — прелестная тайна первоначальнаго единства божественной

жизни. Не оно ли 1) дѣйствуетъ въ тяготѣніи тѣлъ небесныхъ, въ общемъ и частномъ магнитизмѣ, въ химическомъ сродствѣ, въ производствѣ плототворенія, въ инстинктахъ, въ связи души съ тѣломъ, въ предчувствіяхъ, въ неразгаданной причудливости мыслей при разныхъ сценахъ природы, при перемѣнахъ въ воздухѣ, при перемѣнѣ временъ года и даже сутокъ? Не оно ли 2) заставляетъ насъ любоваться безпрепятственнымъ, удачнымъ и пріятнымъ развитіемъ органическихъ существъ, такъ какъ съ другой стороны и трогаться страданіями животныхъ? Но 3) *сознаніе всей силы* тайныхъ влеченій предоставлено только человѣку, который можетъ при видѣ, при воплѣ, при одной уже мысли о состояніи дѣйствительныхъ, даже воображаемыхъ членовъ одного великаго семейства Божія настроивать свое сердце къ принятію ихъ радостей и страданій, настроивать и взгляды и движенія и помыслы на *чужой тонъ*, смѣяться съ веселящимися и дарить сѣтующихъ— слезою. Чего хочетъ здѣсь природа—это видно изъ слѣдствій симпатіи, т. е. изъ стремленій способствовать благу тѣхъ, съ которыми сближаетъ насъ сердце, и гдѣ она сопровождаема бываетъ сими прекрасными движеніями; тамъ мы встрѣчаемъ *людскость*, учреждающую общежительныя связи, полагающую первое основаніе добрымъ нравамъ, дружбѣ и любви, и простирающую свое участіе на всѣ одушевленныя твари, даже на отдаленныя

и будущія поколѣнія, о судьбѣ коихъ нѣжно заботится.

§ 330.

Соболѣзнованіе и *сорадованіе* суть двѣ формы симпатіи. Но первое старѣе потому, что со скорбію вообще человѣкъ спознается и ранѣе и долѣе, нежели съ радостію; оно же кажется и безкорыстнѣе: ибо не легчель смѣяться съ другими, чѣмъ горевать? Но въ немъ много *физической* примѣси, которой непричастно сорадованіе — великодушное, благородное. Впрочемъ и соболѣзнованіе должно быть *сладко* для нѣжныхъ душъ, кои столькоже любятъ отыскивать трогательныя сцены страданій человѣческихъ, сколько *чувствительные эгоисты* убѣгаютъ подобныхъ сценъ, чтобы — избавить себя отъ непріятныхъ ощущеній.

§ 331.

Живость сочувствія опредѣляется не столько *побужденіемъ къ жизни*, не столько *природнымъ добродушіемъ*, сколько

a) Особеннымъ расположеніемъ тѣла, нѣжнымъ строеніемъ или временною раздражительностію нервной системы, *напр.* сангвиническаго темперамента и женскаго пола; тутъ оно сопряжено съ глубокостію ощущеній и веселонравіемъ и потому часто составляетъ *удѣлъ прекрасныхъ душъ*,

b) Живостію *воображенія* — пылкихъ юношей и мечтателей,

c) Легковѣріемъ, возвышеннымъ внутреннимъ

*

расположеніемъ къ принятію впечатлѣній и милою привычкою—жить не столько въ себѣ, сколько внѣ себя, именно въ ближнихъ. Чѣмъ явственнѣе представленіе предметовъ; тѣмъ смутнѣе представленіе собственнаго нашего лица. Тутъ мы теряемся въ другомъ и чувство самости умолкаетъ. Злополучный кажется такимъ человѣкомъ, который лишенъ всѣхъ способовъ къ существованію, который готовъ даже изнемочь въ борьбѣ съ механизмомъ природы. Сіе его убожество, сія слабость его возвышаетъ цѣну нашего достатка, которымъ подѣлиться—мы чувствуемъ потребность. Такъ и всякая картина разрушенія—свидѣтельство торжества грубой натуры надъ свободою разумной твари возбуждаетъ чувство унынія, и тутъ одна уже смутная, или ясная мысль, что страждущее существо есть человѣкъ, которому предназначено господство надъ природой, даетъ ему право на все то, что мы имѣемъ;

d) Возможностію, ясно представлять себѣ свойство и великость чужихъ ощущеній, и тутъ много значитъ уже 1) *возрастъ*; отъ того дѣти вовсе не понимаютъ *иныхъ состояній страждущаго человѣчества*, да и побужденіе къ самосохраненію дѣйствуетъ въ семъ періодѣ сильнѣе влеченій общежительныхъ. Много значатъ тутъ 2) *собственные опыты каждаго*: ибо кто никогда не страдалъ, или не любилъ, тому менѣе понятны муки страдальцевъ; отъ того люди, взросшіе въ при-

вольѣ, обыкновенно жестокосерды; много наконецъ значитъ 3) *знакомство* и *родство*. Кто не выѣжжалъ изъ своего околотка; тотъ всякому пришлецу врагъ, тому врагъ и всякій пришлецъ. Вотъ почему дикари сурово обходятся съ иноземцами! Вотъ почему намъ отмѣнно пріятны лица, на насъ похожія или къ намъ близкія, — родители и друзья! Вотъ отъ чего мы гармонируемъ съ тѣми, кого любимъ! Вотъ отъ чего любящій выискиваетъ сходства съ милымъ существомъ!

e) *Очевидностію* интереснаго состоянія, въ которомъ другой находится. Такъ при видѣ опасности, которая угрожаетъ его жизни, мы можемъ броситься въ волны или въ пламя;

f) *Новостію*: ибо привычка, обходиться съ страждущими, можетъ легко ослабить сочувствіе, а явленіе рѣдкой скорби свободно возвышаетъ нашу фантазію;

g) Наконецъ сочувствіе усиливается, когда замѣчаемая или мыслимая скорбь представляема бываетъ болѣе 1) въ видѣ унылой, *тихой, скрытной*, которая является немощною, слѣдственно безпомощною. Явное и *гласное* страданіе менѣе трогаетъ насъ потому, что оно не довольно еще глубоко проникло, что обнаруживаетъ извѣстныя притязанія и вообще не выказываетъ никакихъ свойствъ прекрасной души. Далѣе—сочувствіе усиливается, когда страданіе 2) *напраслина*: ибо въ виновной скорби мы равномѣрно предполагаемъ болѣе

вреднаго; оно усиливается даже и 3) тогда, когда горесть *заслуженная* безропотно предается своей судьбѣ и слѣдственно обнаруживаетъ слабость;

h) Наконецъ, хотя нельзя чувствовать *совершенно* одинаково съ другими, хотя нельзя и передавать себя *всего* наблюдателю; однакожъ симпатія должна дѣйствовать тѣмъ сильнѣе, тѣмъ обширнѣе, чѣмъ болѣе мы стараемся *присвоить* себѣ людей и мыслію и сердцемъ. На сей конецъ требуется какъ глубокое познаніе человѣка, такъ и горячая любовь къ нему. Ибо

§ 332.

Къ совершенно образованной, *благовоспитанной* симпатіи принадлежитъ не только быстрая раздражительность, но частію и такой кругъ дѣятельности, который обнималъ бы всѣ роды пріятныхъ и скорбныхъ ощущеній другаго, частію же и такая сила, которая можетъ обуздывать слѣпые порывы страстей. Много участвуетъ въ успѣшномъ ея развитіи ласковое уже обхожденіе съ дѣтьми, благовременное знакомство съ нещастливцами, семейственная жизнь,—а еще болѣе религіозная мысль о назначеніи всѣхъ чувствующихъ тварей къ бытію несгорбному и о связи ихъ съ милосердымъ Промыслителемъ.—Есть даже идеалъ сочувствія; это—невидимая *гармонія* праведныхъ душъ съ небожителями; —*блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ.*

§ 333.

Глубоко запечатлѣно сочувствіе въ сердцѣ че-

ловѣка; ревностно печется природа о возбужденіи его и развитіи; какъ же не содрогнуться при мысли о жестокостяхъ, какія оказываемы бываютъ людьми другъ къ другу при случаяхъ часто весьма маловажныхъ, ничтожныхъ? Но многочисленныя явленія звѣрства отнюдь не доказываютъ, что человѣкъ отъ природы равнодушенъ къ благу и страданіямъ ближняго. Ибо совершенной нечувствительности къ чужимъ нуждамъ, по крайней мѣрѣ, не встрѣчаемъ мы ни въ какомъ племени людей, сколько бы оно впрочемъ грубо ни было. Варвары гостепріимны. Далѣе—безчувствіе въ сильной степени открывается не иначе, какъ при особенныхъ обстоятельствахъ, имѣющихъ вредное вліяніе на развитіе сердечной жизни. Къ симъ обстоятельствамъ принадлежатъ недостатокъ того чувства, посредствомъ котораго одна душа откликается на вызовъ другой, т. е. чувства слуха, какъ доказывается то жестокосердіемъ глухонѣмыхъ, далѣе—*горькое житье*, собственныя бѣды каждаго, частая встрѣча съ человѣческими страданіями, наконецъ недостатокъ благодѣтельнаго вліянія нѣжныхъ чувствій женщины на жизнь домашнюю; отъ того равнодушіе холостяковъ, отъ того большая наклонность къ жестокостямъ у всѣхъ народовъ, у которыхъ женскій полъ томится въ рабскомъ состояніи. Случайнымъ образомъ притупляется также чувствительность и *зрѣлищами звѣрскихъ потѣхъ*, вошедшихъ въ обычай у народовъ, даже

просвѣщенныхъ, — зрѣлищами травли животныхъ, публичныхъ казней, кулачныхъ боевъ, войнъ и т. п. Къ жестокостямъ же рѣшительнымъ увлекаютъ человѣка сильныя, непреодолимыя раздраженія, а именно 1) порывы *скотскихъ* вожделѣній, *напр.* голода, который можетъ въ крайности доводить до людоядѣнія, 2) *страсти*, изъ коихъ одичалый эгоизмъ скряги ледѣнитъ сердце, а своевольство, властолюбіе, ревность ожесточаютъ до того, что *извергъ* считаетъ обязанностію, какъ бы, отплатить другимъ за зло, которое онъ самъ претерпѣлъ, либо до того, что онъ готовъ еще болѣе удручать страдальца, который *тихонько несетъ уже свой крестъ*, 3) усиленіе своекорыстныхъ склонностей *вздорными мыслями фанатизма*. Ибо сіи поселяютъ ужасную увѣренность, что всѣ губительства и мерзости, внушаемыя подлою страстію къ прибыткамъ, суть дѣла богоугодныя. Отъ того священныя войны и междуусобныя искони отличались неслыханнымъ безчеловѣчіемъ.

Статья III.

Ощущенія высшаго, идеальнаго порядка жизни.

§ 334.

Но самый смѣлый *размахъ* даетъ себѣ и сердце въ ощущеніяхъ идеальнаго порядка,—въ *умственномъ, нравственномъ, эстетическомъ* и въ *перечневомъ—религіозномъ*.

Пунктъ 1-й.

Ощущенія умственныя.

§ 335.

Ощущенія *умственныя* происходятъ тамъ, гдѣ познающая сила обращена къ внѣшнему міру. Прочное, твердое вѣдѣніе есть первоначальная потребность духа, который хочетъ быть яснымъ или другими словами, по возможности вразумиться въ своемъ бытіи. Вотъ причина тѣхъ отрадныхъ чувствованій, кои первоначально сопряжены съ внутреннею ясностію жизни! Вотъ причина, почему здравый, неиспорченный человѣкъ такъ ревностно и съ такими удивительными пожертвованіями изыскиваетъ истину! Вотъ почему онъ такъ расположенъ ею любоваться — ради ея самой! Безпрепятственный и благоуспѣшный ходъ мыслей, не задерживаемый ни другими представленіями, ни самыми предметами, занимающими наше сознаніе, непосредственно связанъ здѣсь съ удовлетвореніемъ жизни; не онъ ли расширяетъ духовную область? Не онъ ли укрѣпляетъ чувство собственныхъ нашихъ силъ? Но сколько сознаніе духовныхъ пріобрѣтеній сладко; столько же съ другой стороны частая неудача нашихъ стремленій къ познанію, частая встрѣча съ сомнѣніями досаждаетъ такъ, что приводитъ не только въ уныніе, но и въ отчаяніе.

§ 336.

Что, какъ не умственное удовольствіе заставляетъ человѣка

a) Предпочитать истину, даже горькую, всѣмъ заблужденіямъ, какъ бы они сладки ни были? Это не одно слѣдствіе легкихъ и безпрепятственныхъ движеній ума; сей свободно можетъ дѣйствовать и въ хитромъ сплетеніи лжей, которыя, однакожъ, не пользуются одинаковымъ одобреніемъ съ истиною?

b) Что, какъ не умственное удовольствіе заставляетъ *вѣровать* и въ дѣйствительность того, чего мы сами не испытали, но что *передается* намъ другими,—вѣровать въ существенное бытіе вещей невидимыхъ, сверхчувственныхъ?

c) Что, какъ не умственное удовольствіе заставляетъ насъ склоняться сердцемъ къ принятію и одобренію мыслей, близко подходящихъ къ истинѣ, т. е. правдоподобныхъ *ипотезъ* и огорчаться явными нелѣпостями?

§ 337.

Пытливый умъ не менѣе любуется и самымъ способомъ, облегчающимъ ему производство его познанія, особливо тамъ, гдѣ *формальныя* сіи совершенства бываютъ плодомъ собственныхъ его усилій, собственныхъ его открытій въ Наукахъ или изобрѣтеній въ искусствахъ, т. е, любуется

a) *Ясностію* мыслей, *систематическимъ порядкомъ*, вообще *вразумительностію*, которая впрочемъ даетъ уму ни слишкомъ *много* работы, да и не слишкомъ *мало*,

b) Умѣреннымъ *разнообразіемъ* познаваемыхъ вещей, такъ усладительнымъ для гармоническаго дѣйствія душевныхъ силъ,

c) Наконецъ *новымъ*,—не столько потому, что оно отвнѣ сильно возбуждаетъ дремлющую, лѣнивую душу, сколько потому, что болѣе, нежели какое либо обыкновенное явленіе, подаетъ поводъ къ развитію стороннихъ мыслей, которыя съ прежнимъ запасомъ не были еще связаны.

§ 338.

Едвали нужно побуждать къ умственнымъ удовольствіямъ; любовь къ нимъ развивается и благодатно дѣйствуетъ сама собою. Пускай ощущеніе истины и не служитъ надежнѣйшимъ, единственнымъ ручательствомъ за послѣднюю, потому что оно сопровождаетъ увѣренность какъ одну, такъ и другую, прямо противоположенную первой. Но что значитъ *живое*, хотя *шаткое любовѣдѣніе сердца* въ сравненіи съ врожденнымъ, или пріобрѣтеннымъ *тупоуміемъ*, не тревожимымъ докучливою пытливостію? Что значитъ оно въ сравненіи съ буйными движеніями *страстей*, которыя все представляютъ въ превратномъ видѣ и находятъ свою пищу въ обольщеніяхъ? Что значитъ оно наконецъ въ сравненіи съ дѣйствіемъ той презрѣнной *лѣни*, которая довольствуется мнѣніями и мечтами? Ибо *мнить* гораздо легче, нежели изслѣдовать; чтожъ касается до мечтаній; то онѣ тѣшатъ воображеніе и пріятно занимаютъ сердце. Вотъ почему мы встрѣчаемъ множество празднолюбцевъ, которымъ туманное или сумрачное состояніе души, и притомъ именно

тамъ, гдѣ дѣло идетъ о самоважнѣйшихъ задачахъ и отношеніяхъ жизни, отраднѣе дневнаго свѣта и которые даже остерегаютъ отъ стремленія къ ясности, какъ будто бы она могла когда либо сдѣлаться слишкомъ великою, а съ тѣмъ и опасною.

§ 339.

Но не столько жалки сіи слабости умственнаго ощущенія, сколько ненавистны *искаженія* онаго, усматриваемые тамъ, гдѣ стремленіе къ *духовному пріобрѣтенію* сопровождаемо бываетъ недостаткомъ трезвеннаго, умѣреннаго и отчетливаго метода. Тутъ похвальная пытливость переходитъ либо въ алчность, которая хочетъ поглотить всѣ знанія, которая обременяетъ голову запасомъ учености часто не переработаннымъ, либо въ склонность къ безпрестаннымъ думамъ, кои погрязаютъ въ самихъ себѣ, погрязаютъ въ хаосѣ уродливыхъ бредней схоластическихъ, либо наконецъ въ гибельную *страсть извѣдывать тайны творенія* и даже *разгадывать будущее*. Безпорядочная, своевольная игра мыслей, въ связи съ мятежными надеждами или опасеніями можетъ въ семъ случаѣ возрасти до того, что открываетъ глупѣйшему суевѣрію входъ въ оплошную душу, до того, что она ищетъ вразумленій отъ прорицалищъ, отъ сновъ, отъ заклинанія мертвецовъ, отъ полета птицъ, отъ внутренностей жертвенныхъ животныхъ, отъ положенія звѣздъ, отъ линій на рукахъ и на лбу, отъ метанія жеребьевъ, отъ гаданія по

картамъ, — до того, что *недоумка* пытается искуственными — оглушительными, либо возбуждающими — средствами выйти изъ границъ обыкновеннаго своего бодрственнаго сознанія и воспарить въ заоблачныя страны льстивыхъ предчувствій, до того, что часто покушается овладѣть горними Силами посредствомъ волхвованій.

Но не одно *пріобрѣтеніе*, а и самое даже *обладаніе духовное* подвергается порчѣ тамъ, гдѣ или гордится своимъ богатствомъ, или цѣнитъ оное слишкомъ дорого, или скрываетъ подъ спудомъ.

Пунктъ 2-й.

Ощущенія нравственныя.

§ 340.

Чувство *нравственное* имѣетъ своимъ предметомъ свободныя дѣянія или явленія разсудительной воли, которымъ опредѣляетъ и цѣну. Внутреннія, хотя смутныя движенія его не безызвѣстны тому, кто долженъ иные поступки *одобрять*, другіе *охуждать*, кто нуждается въ откликахъ *симпатіи*, въ удовольствіяхъ *взаимности*, въ довѣріи, кто чувствуетъ иногда *самодовольство* и *миръ* Божій въ душѣ, иногда *презрѣніе къ самому себѣ*, *стыдъ* и *раскаяніе*, кто подмѣчаетъ въ себѣ стремленіе, *значитъ* что либо на чредѣ разумныхъ существъ и во *мнѣніи* подобныхъ себѣ, кто питаетъ невольное какое-то *уваженіе* къ *враж-*

денному уже *сану* человѣка, кто *любуется пріобрѣтенными* совершенствами послѣдняго, кто наконецъ расположенъ *воздавать* всякому *должное.*

§ 341.

Нравственное ощущеніе есть a) *первоначальное*; имъ руководствуется не только воспитываемое дитя, но и взрослый человѣкъ, которому не удалось познакомиться ни въ Государствѣ съ узаконеніями, ни въ школѣ съ теоріями, ни въ церкви съ преданіями и догматами: ибо всѣ сіи позжія, положительныя вразумленія имѣютъ къ намъ доступъ не иначе, какъ чрезъ предстательство нравственнаго чувства и всѣ подлежатъ его повѣркѣ; b) оно есть ощущеніе *самостоятельное* и *предвосхищаетъ* такія истины, которыхъ для мыслящей силы *нѣтъ* еще *на лице*, но которымъ тѣмъ не менѣе быть надлежитъ; къ нему относятся и теоретическія, по себѣ холодныя, *неутральныя*, познанія, которыя отъ него только получаютъ и силу и значеніе въ жизни; оно опредѣляетъ направленіе и выборъ ученыхъ занятій, какъ свободныхъ движеній ума; оно вмѣшивается въ дѣла и чувства эстетическаго тамъ, гдѣ проникаетъ послѣднее извнутри, гдѣ требуетъ свободы въ производствахъ зиждительной фантазіи, гдѣ воспрещаетъ изображеніе предметовъ грубыхъ и низкихъ. Оно есть c) ощущеніе и самое выспреннее, святое: ибо къ нему, какъ въ послѣднюю *инстанцію* отсылаемъ мы человѣка при всѣхъ

сомнительныхъ встрѣчахъ въ жизни, при всякомъ стеченіи должностей, для котораго ни теорія, ни гражданскіе законы не могутъ постановить правилъ и которое подлежитъ только завѣдыванію *суда совѣстнаго.*

§ 342.

Какъ многосложно чувство нравственное! Его встрѣчаемъ мы и въ формѣ *любви* и въ формѣ *справедливости* и въ формѣ самаго *благоприличія.*

a) Коренное, для всѣхъ движеній нравственности рѣшительное чувство—любовь находитъ свою пищу въ устроеніи блага тѣхъ однородныхъ существъ, кои взысканы сердцемъ. Взаимность ихъ еще болѣе воспламѣняетъ ея священное рвеніе. По сему любви только доступна нѣжность нравственнаго чувства и доступна тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе первая свободна отъ своекорыстныхъ вліяній и чѣмъ болѣе она уже успѣла получить и вѣса и силы въ сношеніяхъ съ подобными себѣ;

b) Но и тамъ, гдѣ нѣтъ положительныхъ сердечныхъ сближеній, преданная, уступчивая любовь предоставляетъ другимъ извѣстныя притязанія, которыя охотно уважаетъ и сама, сколько—въ пожертвованіяхъ великодушная, столькоже—въ требованіяхъ—правосудная, справедливая. Такъ любовь же, вездѣ питающаяся соотвѣтствіемъ, порождаетъ мысль объ уравненіи или воззмездіи, — сколь-

ко въ признательности къ одолженіямъ или въ отплатѣ любовью за любовь, столькоже и въ отраженіи зла на главу преступную. Не требуется ли сіе послѣднее 1) чистою уже противоположенностію нравственнаго долга воздавать за добро добромъ? Не поддерживается ли оно еще болѣе 2) внѣнравственнымъ и даже животному свойственнымъ негодованіемъ и враждебнымъ расположеніемъ какъ къ личному нашему обидчику, такъ и къ нарушителю общаго порядка вещей, — расположеніемъ — наносить вредъ тому, кто не уважаетъ правъ другаго, кто нагло вытѣсняетъ его изъ круга законной дѣятельности и обузданіемъ буйныхъ порывовъ эгоизма чувствительно вразумлять заблудившагося? Наконецъ 3) не состоитъ ли оное требованіе въ связи съ нравственными представленіями о заслугѣ и съ отвѣтственными тому мыслями о награжденіи и наказаніи, которымъ должно послѣдовать рано или поздно, въ томъ мѣстѣ, или въ другомъ, отъ чужой ли руки, или отъ своей собственной? Ибо человѣкъ находитъ массу благъ и золъ въ мірѣ то внѣ себя, то въ себѣ самомъ. Но какъ у него нравственный поступокъ влечетъ за собою довольство, а безнравный противное тому чувство, такъ и изъ естественныхъ слѣдствій добра и зла составляется *мѣрило* для распредѣленія радостей и страданій вообще. Посему касательно благъ и золъ, всѣмъ предлежащихъ, нравственность является въ видѣ заслуги, а без-

правіе въ видѣ вины, и *вмѣненіе* даетъ только свидѣтельство въ томъ, что одна пріобрѣла себѣ притязаніе на извѣстную долю первыхъ, а другая на извѣстную долю послѣднихъ.

§ 343.

c) Но нравственное ощущеніе простирается и на такіе (положительные или отрицательные) поступки, которые сами по себѣ не имѣютъ никакой цѣны, но которые въ сношеніяхъ нашихъ съ другими предписываются отчасти нѣжнымъ уваженіемъ къ сану человѣка, возвышеннаго надъ другими тварями,—уваженіемъ, возбраняющимъ все то, что можетъ возбудить противныя воспоминанія, отчасти обычаями, освященными тайнымъ согласіемъ членовъ образованнаго общества, гдѣ извѣстные промахи, основывающіеся только на незнакомствѣ съ условными, пустыми и обманчивыми символами, ставятся на счетъ недостатка въ воспитаніи. Отъ чего, по крайней мѣрѣ, люди гораздо чаще краснѣютъ, сдѣлавъ что либо неприличное, чѣмъ сдѣлавъ дурное? Отъ того, что сіе послѣднее можетъ быть еще сомнительнымъ, а неучтивость бросается всякому въ глаза; въ первомъ отношеніи мы всѣ, болѣе или менѣе, ограничены, несовершенны, а свѣтское обращеніе имѣетъ своихъ виртуозовъ—именно изъ тѣхъ *Загорецкихъ*, кои, будучи „плутами, обманщиками, ворами, умѣютъ угодить„; то простирается чрезъ всѣ классы, а здѣсь тотчасъ роняетъ себя во мнѣніи об-

щества тотъ, кто уважаетъ только доблесть, конечно всегда почти героическую, но вмѣстѣ съ тѣмъ часто и такую, которая пугаетъ Грацій.

§ 344.

Нравственное ощущеніе способно сколько утончаться, столькоже и портиться. Блаженъ тотъ, кому удалось заблаговременно воспитать въ своемъ сердцѣ любовь, изощрить практическій разсудокъ, пріобрѣсть навыкъ въ безкорыстномъ служеніи друзьямъ, отчизнѣ, человѣчеству, воспользоваться примѣрами доблестныхъ мужей и узнать цѣну той идеальной жизни, которая, безъ мечтательныхъ изступленій, безъ глупаго и смѣшнаго высокомѣрія, умѣетъ къ данному порядку вещей прилагать высокія свои мысли, умѣетъ разсматривать *человѣка* съ выспренней точки зрѣнія, умѣя, однакожъ, обходиться и съ *людьми* такъ, какъ находитъ ихъ на дѣлѣ, или въ исторіи. Въ семъ только состояніи мы встрѣчаемъ *нѣжность* нравственную, которая проникаетъ всѣ помыслы и начинанія мудраго и которая способна любоваться всякою благородною чертою, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ знаетъ и свои страданія, недоступныя ни грубому сыну природы, ни холодной душѣ свѣтскаго хитреца и паркетнаго героя.

§ 345.

Посему нравственное ощущеніе слабѣетъ, притупляется, даже замираетъ

1) Во всѣхъ тѣхъ положеніяхъ, которыя не

благопріятствуютъ возбужденію любви въ юной душѣ, а окружаютъ ее—несмысленную и безпомощную — сценами холодности, злословія, ненависти, злобы,

2) При ранней избалованности, которая—безумная—привыкла уважать только собственное свое лице, привыкла вездѣ начинать съ себя, да и все опять относить къ себѣ же,

3) Въ самонадѣяніи и, въ порождаемой имъ, строптивости, которая, въ случаѣ нарушенія нравственныхъ требованій, не хочетъ признавать своихъ проступковъ и *коснѣетъ*,

4) При укорененіи извѣстныхъ желаній, которыя такъ легко овладѣваютъ душею и заглушаютъ разсудокъ,

5) При рѣшительномъ упадкѣ добрыхъ нравовъ и Религіи, который, питая скрытую злость въ душахъ одичалыхъ, потушаетъ, въ связи съ сластолюбіемъ, послѣднія искры людскости. Ибо страсть къ наслажденіямъ смотритъ на другихъ людей, какъ на вещи, подавляетъ всякое нравственное направленіе, всякое нѣжное вниманіе и дышетъ презорствомъ, которое тѣмъ бываетъ сильнѣе, чѣмъ болѣе она имѣетъ причину — гнушаться самой собою,

6) При вліяніи самыхъ учрежденій, благопріятствующихъ извѣстнымъ родамъ безнравія, именно тѣхъ учрежденій, особливо освященныхъ, которыя хотя и не искореняютъ частнаго благорасположе-

нія къ членамъ своего сословія, но стѣсняютъ виды любви, равномѣрно раздѣленной,

7) Наконецъ отъ превратнаго, односторонняго, поверхностнаго и обиднаго взгляда на жизнь, —отъ суемудрія, которое либо находитъ законы для поступковъ человѣческихъ въ игрѣ склонностей каждаго, во влеченіи слѣпой необходимости, либо, схватывая для безутѣшныхъ своихъ поученій пошлую тему—о суетѣ суетъ, о всеобщей непотребности, о жалкомъ состояніи вещей подъ луною и т. п., искажаетъ чистыя понятія о человѣчествѣ, подрываетъ вѣру въ его добродѣтель, въ побѣдительную силу свободы и которое, для отклоненія соблазновъ, позволяетъ себѣ быть не только смѣшнымъ вмѣстѣ съ прочими, но и быть презрѣнною тварію въ томъ *проклятомъ родѣ, къ которому мы принадлежимъ.* (*)

Пунктъ 3-й.

Ощущеніе эстетическое.

§ 346.

Третій главный родъ ощущеній духовныхъ состоитъ изъ *эстетическихъ,* слишкомъ знакомыхъ сердцу человѣка тамъ, гдѣ онъ то врожденнымъ своимъ расположеніемъ къ прекрасному — въ природѣ и въ искуствахъ, то силою собственной своей,

*) Изрѣченіе вѣнценоснаго Софиста „vous ne connaissez pas la maudite race, àla quelle nous appartenons.„

свободной зиждительности втекаетъ во внѣшній міръ. Изящному нельзя не нравиться; въ немъ дышетъ *жизнь* и притомъ *гармоническая*; въ немъ *отсвѣчиваются* первоначальныя *идеи*. Вотъ источникъ, изъ котораго проистекаютъ благодатныя дѣйствія изящнаго! Ибо оно a) освѣжаетъ наше бытіе, одушевляетъ насъ, знакомитъ съ чистыми восторгами и такимъ образомъ *подвигаетъ, трогаетъ*. Оно b) исхищаетъ насъ изъ тѣсныхъ границъ пошлаго быта, въ которомъ мы часто осуждены бываемъ довольствоваться карикатурами, и тѣмъ *освобождаетъ* насъ отъ рабства, давая чувствовать не то, что должны, а чего мы хотимъ; оно наконецъ c) примиряетъ насъ съ противоборствующими началами жизни и тѣмъ—*успокоиваетъ* душу.

§ 347.

Ощущенія эстетическія принадлежатъ къ самымъ естественнымъ, къ самымъ общимъ. Кто не благоговѣетъ предъ выспреннимъ, не поражается трагическимъ, геройскимъ, не любуется милымъ, не забавляется смѣшнымъ, и притомъ безъ дальняго вниманія и къ назидательности и къ благосостоянію? Кто и самъ не чувствовалъ въ себѣ порывовъ къ произведенію чего либо такого, что стоило бы благосклоннаго, лестнаго воззрѣнія другихъ? Наконецъ для чего мы усиливаемся приправлять свои удовольствія и забавы, украшать свои околичности, (жилища, одѣяніе, утвари)? Для

чего стараемся о пріятномъ выраженіи истинныхъ мыслей на рѣчахъ и на письмѣ, о чинной наружности самыхъ добродѣтелей, — какъ не для того, чтобы принести дань тѣмъ *затѣйливымъ идеямъ сердца,* кои требуютъ пищи и жертвъ даже тамъ, гдѣ, по видимому, удовлетворены всѣ нужды тѣлесныя и духовныя?

§ 348.

Но ощущенія прекраснаго, по причинѣ многообъятности сей идеи и по связи ея съ образованіемъ всѣхъ силъ душевныхъ, развиваются и созрѣваютъ позже прочихъ однородныхъ, т. е. умственныхъ и нравственныхъ. Развитіе ихъ предполагаетъ и особенныя, благопріятныя обстоятельства; по крайней мѣрѣ у весьма многихъ народовъ, кои общею людскостію нисколько не отстали отъ сосѣдей, находимъ мы явное безвкусіе, находимъ нечувствительность, именно къ простотѣ высокой и къ красотамъ умилительнаго рода. Наконецъ эстетическое чувство отличается отъ прочихъ благородныхъ и многоразличіемъ измѣненій или формъ, въ какихъ оно отливается: ибо господствующій вкусъ вѣка опредѣляется и впечатлѣніями окружающей насъ природы, (Іонійской, либо Скандинавской) и образованіемъ и духомъ народной жизни и понятіями нашими о вещахъ божественныхъ.

§ 349.

Рѣшительно вліяніе эстетическихъ чувствованій

на облагороженіе человѣка. Ибо) вкусъ состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ нравственнымъ образованіемъ по причинѣ однородности Изящнаго съ Истиннымъ и Благимъ, кои отъ него и получаютъ соотвѣтственное выраженіе; b)прекрасныя картины занимательныхъ и достойныхъ предметовъ плѣняютъ возбужденную душу, закрываютъ для нея — пеленою благоприличія—все глупое и низкое, знакомятъ съ наслажденіями чистыми, живительными, неисчерпаемыми, настроиваютъ къ движеніямъ безкорыстнымъ; искусное же c) изображеніе неразумія и зла дѣлаетъ разгласіе оныхъ съ истинною жизнію очевидными и устрашаетъ отъ гибельныхъ послѣдствій. Посему люди и народы чувственные, грубые могутъ доводимы быть до людскости, до нравственной свободы содѣйствіемъ искуства, особливо тамъ, гдѣ оно на сей конецъ прибѣгаетъ къ разительному, къ потрясающему.

§ 350.

Но эстетическія чувствованія, кои роднятъ насъ съ небожителями, подлежатъ и *порчѣ* едвали не болѣе, чѣмъ другія благородныя движенія сердца. Такъ любовь къ прекрасному въ природѣ искажена уже тамъ, гдѣ приковываетъ пустой, *бездушный* глазъ къ *пурпуру заходящаго солнца*, къ *изумрудной зелени луговъ*, къ *серебрянымъ отливамъ луны* и пр., гдѣ питаетъ мечты неопредѣлительныя, бродящія, шаткія, гдѣ отнимаетъ охоту къ трудамъ отчетливымъ. Такъ и

удовольствіе, находимое въ красотахъ искуства, можетъ обратиться въ утонченное сладострастіе. Еще же смѣшнѣе и омерзительнѣе бываютъ здѣсь упоенія произвольныя, вынужденныя, поддѣльныя: ибо какъ лестно для иныхъ слыть людьми чувствительными! Сильно дѣйствуетъ и суетность у знатоковъ художественныхъ произведеній, кои охотно выставляютъ оную на показъ. Но кто самъ имѣетъ творческій талантъ: тому трудно не увлечься своимъ энтузіазмомъ. Посему, сколько истинный Художникъ будетъ гнушаться тщеславіемъ въ своихъ занятіяхъ и рабскимъ служеніемъ то модѣ, то прихотямъ Сибарита: столькоже и прямой любитель прекраснаго будетъ избѣгать женоподобной нѣги въ наслажденіяхъ.

Пунктъ 4-й.

Перечневой = ощущеніе религіозное.

§ 351.

Какъ въ Богѣ почіютъ и движутся всѣ вещи, а въ Религіи всѣ идеи, для Наукъ, искуствъ и для жизни направительныя, такъ точно и всѣ прочія духовныя, высшія ощущенія — умственнаго, нравственнаго и эстетическаго рода теряются въ *перечневомъ* ощущеніи—набожномъ или *религіозномъ*.

§ 352.

Человѣкъ, сообщенною уже ему природою, поставленъ въ отношеніе къ Богу, котораго онъ,

не *понимая*, можетъ, по крайней мѣрѣ, *проразумѣвать*: для того Религія, по первоначальному устройству его существа сдѣлана ему не только возможною, но и необходимою. Есть Божественное *въ* насъ,—высшая натура, которая предчувствуетъ свое происхожденіе и указываетъ на совершеннаго Творца,—натура, которая, воспаряя къ высочайшей, старается вступить въ тѣсныя связи съ нею; есть и *надъ* нами божественная жизнь, открывающаяся въ отблескѣ своей славы—въ мірозданіи. Гдѣ человѣкъ, въ чувствѣ рѣшительной *зависимости* ограниченнаго своего быта отъ властей небесныхъ *смиряется* предъ грознымъ могуществомъ, которое подавляетъ его силы и заслуги, въ чувствѣ же *самосознающей свободы* и по сообщенной ему мысли о Творцѣ съ *дерзновеніемъ любви* и *почтенія* возносится къ созерцанію *нравственныхъ* Его совершенствъ, *благоговѣетъ* предъ *святымъ* величіемъ, спокойно *предаетъ* себя вожденіямъ верховнаго Разума и премудраго Промыслителя, *умиляется* предъ Подателемъ благъ,—гдѣ въ чинѣ вещей и въ ходѣ Исторіи признаетъ откровенную Его волю, признаетъ перстъ, направляющій все къ спасительнымъ цѣлямъ, гдѣ принимаетъ сердцемъ соприкосновенныя ученія, вразумляющія его въ высшихъ отношеніяхъ его жизни, и гдѣ, наконецъ, привыкаетъ сосредоточивать и мысли свои и чувствованія и желанія въ идеѣ Вѣчнаго; тамъ встрѣчаемъ мы *направленіе души къ Богу*, — встрѣ-

чаемъ истинную Религію, которой не было бы, если бы человѣкъ являлъ собою существо самобытное или зависѣлъ только самъ отъ себя. Сіе направленіе съ одной стороны опредѣляется свободою человѣка, возвышающагося надъ земнымъ, надъ тлѣннымъ и вліянія горнихъ силъ съ сознаніемъ пріемлющаго, съ другой зависитъ отъ самаго Бога, который благоволилъ *проявить* или сообщить себя намъ въ небесныхъ дарахъ разума, совѣсти и свободы: ибо идея Божества, какъ высочайшая, крайняя въ познаніи не можетъ быть выведена ни изъ какой другой; она дѣло откровенія, хотя и навѣвается отовсюду.

§ 353.

Религіозное чувство во всѣхъ формахъ благодатной зависимости, при всемъ разнообразіи догматовъ и обрядовъ богопоклоненія западаетъ въ сердце столь глубоко, что не можетъ быть искоренено ни мечемъ, ни огнемъ; оно имѣетъ сильнѣйшее вліяніе на образъ мыслей, увлекая оный къ первоначальнымъ идеямъ, имѣетъ сильнѣйшее вліяніе на поступки, смягчая любовію къ общей или божественной волѣ строптивость эгоизма, укрощая звѣрскіе порывы страстей, и укрѣпляя слабыхъ духомъ въ дивныхъ подвигахъ самоотверженія,—имѣетъ сильнѣйшее вліяніе на самыя искуства, вдыхая въ Пѣвцевъ возвышеннѣйшіе Гимны и созидая лики херувимскіе.

§ 354.

Благочестивые помыслы, о *живляемые* то дома-

шнею уже нравственностію, то дѣтскимъ довѣріемъ къ положительному ученію предковъ, то разсматриваніемъ стройнаго теченія природы и исторіи, то внимательностію къ тайному гласу совѣсти, подвержены многочисленнымъ опасностямъ и искушеніямъ;

a) Они *страдаютъ* отъ преступной суеты житейской, которая, увлекая человѣка къ естественному — всепожирающему — плотоугодію, не дозволяетъ воспарять мыслію къ сверхчувственнымъ идеаламъ и принимать оные сердцемъ;

b) Они дѣйствуютъ *недостаточно*, *односторонним*ъ образомъ тамъ, гдѣ овладѣваетъ ими какоелибо опредѣленное направленіе души, *напр.* либо преобладающій умъ кичливаго Софиста думаетъ совершенно понять то существо, которое любитъ оставаться неразгаданнымъ, непостижимымъ, либо преобладающая благонамѣренная воля въ слѣпотѣ своей отвергаетъ вразумленія и глумится надъ основательнымъ, отчетливымъ знаніемъ, либо преобладающія внутреннія чувствованія *потопляютъ сердце въ океанъ божественной жизни*;

c) Они *мутны, нечисты, скверны,* когда въ ихъ движенія вмѣшивается духовное сластолюбіе, которому надобно *вкушать* и *осязать Господа,* чтобы увѣриться, сколь онъ *благъ*;

d) Они жестоко *искажаются* эгоизмомъ сердца, который то играетъ святыми чувствованіями, то выставляетъ оныя на показъ, то въ фарисейскомъ

смиреніи питаетъ духовное высокомѣріе, то внушаетъ изступленную ненависть къ *сынамъ вѣка*;

е) Они *ожесточаются* и *едвали не замираютъ* у того отчаяннаго, который въ исторіи человѣчества и въ своемъ вѣкѣ не усматриваетъ ничего, кромѣ мерзостей и страданій, хотя счастіе, въ коемъ человѣкъ, какъ кажется, самъ по себѣ нѣчто значитъ и самъ чрезъ себя нѣчто имѣть можетъ и которое вовлекаетъ его въ вихрь свѣтской жизни, вообще говоря, рѣже напоминаетъ о Богѣ, нежели напасти, заставляющія ожидать помощи свыше.

§ 355.

Богатый, неизсякаемый источникъ наслажденій — сердце человѣческое. Куда бы оно съ притягивательными своими силами ни обратилось, — къ собственному ли своему средоточію, къ подобнымъ ли себѣ тварямъ, къ порядку ли божественной жизни,—вездѣ встрѣчаетъ оно то, чего ищетъ, вездѣ находитъ свой расчетъ, отовсюду устремляются на него вліянія благодатныя. За всѣмъ тѣмъ *жалобы* на множество непріятностей въ жизни слышны искони, слышны повсемѣстно; онѣ излетаютъ изъ устъ и тѣхъ *баловней*, кои менѣе многихъ тысячь собратій имѣютъ причину роптать на судьбу. Правда, опредѣлить *отношеніе сладкаго къ горькому* весьма трудно; здѣсь рѣшатъ особенныя мысли каждаго о цѣнѣ вещей, рѣшитъ особенное чувство; по крайней мѣрѣ то достовѣрно, что

a) природа уготовила человѣку возможныя удовольствія во всѣхъ странахъ, во всѣхъ возрастахъ и состояніяхъ, b) что она, для уменьшенія суммы страданій дала человѣку множество средства, каковы

1) Проистекающая отъ привычки безчувственность, для коей тяжкое дѣлается сноснымъ,

2) Спасительное легкомысліе, которое не всѣ вещи принимаетъ *къ сердцу*, а иныя и *къ свѣдѣнію*,

3) Мудрое терпѣніе при встрѣчѣ золъ неизбѣжныхъ, неотразимыхъ,—терпѣніе, которое даетъ вкушать человѣку особенный родъ удовольствія, доставляемаго ему чувствомъ побѣдительной крѣпости его силъ,

4) Надежда, которая закрываетъ грустную существенность пріятными призраками будущаго блаженства,

5) Наконецъ благоразуміе и разсудительность, кои могутъ разными способами украшать жизнь нашу; ибо вожделѣнныя для насъ вещи должны болѣе быть плодомъ собственныхъ нашихъ трудовъ, достояніемъ истиннаго образованія нашихъ силъ, нежели даромъ случая. Сіи вожделѣнныя вещи заключаются не въ тѣхъ, либо другихъ мимолетныхъ утѣхахъ, но въ прочности житейскихъ радостей; возвышать же радости до непрерывнаго ряда положительныхъ удовольствій — это не въ силахъ ни человѣческой воли, ни самой способ-

ности къ наслажденіямъ,—это *идеалъ благополучія,* недостижимый ни по теченію природы, которая такъ же разрушительно дѣйствуетъ на своего *мнимаго любимца,* какъ и на прочія созданія свои, ни по устройству гражданскихъ обществъ, гдѣ одинъ отравляетъ другому радости, ни по самому ходу Исторіи, или судьбы, коей виды весьма разнятся отъ видовъ нашего эгоизма.

§ 356.

Впрочемъ человѣкъ безъ сомнѣнія можетъ устранить отъ себя, или по крайней мѣрѣ уменьшить сумму непріятныхъ ощущеній, можетъ не допустить мучительной грусти овладѣть собою и сохранить завидное *веселонравіе*

a) Когда не разжигаетъ сластолюбія: ибо чѣмъ болѣе усиливается вкусъ къ наслажденіямъ, особенно тѣлеснымъ, тѣмъ чувствительнѣе становится сердце къ лишеніямъ; и поелику мы не всегда властны жить такъ, какъ бы жить хотѣлось; то лучше пріобрѣтать такое равнодушіе, въ силу коего мы ни о чемъ не радуемся слишкомъ, да и ни о чемъ чрезмѣрно не сокрушаемся,

b) Когда вкушаетъ блага въ такой *постепенности,* что наслажденіе можетъ еще быть и возвышено—бережливостію, предвкушеніями. Кто (по пословицѣ) *разомъ испилъ сладкую чашу бытія; тому остается на днѣ-горькая осадка.* Совсѣмъ другаго рода-обхожденіе съ людьми образованными, любовь къ классическому, къ великому, изящному.

Бережливость, предвкушеніе, отлагательство доводитъ даже до того благороднаго *цинизма*, для котораго пріятно уже—не нуждаться въ пріятностяхъ,

c) Когда предполагаетъ себѣ какую нибудь *цѣль интересную, важную*, и старается достигнуть оной приличными *трудами*. Отъ наслажденій раннихъ, незаслуженныхъ, слишкомъ легкихъ дѣти знатныхъ и богатыхъ родителей сперва изнѣживаются, вслѣдъ за тѣмъ получаютъ омерзеніе ко всякимъ напряженіямъ, вкусъ къ лѣности; потому предаютъ себя въ *кабалу* своимъ собственнымъ прислужникамъ, избѣгаютъ срочныхъ, правильныхъ, сидячихъ, отчетистыхъ *занятій*, а вдаются въ смѣшную, презрѣнную и безумную *суетливость*, въ причуды. Ни одно удовольствіе не *изнуряетъ* столько, какъ дешевое, *даровое*, пріобрѣтаемое *наслѣдствомъ*, *властію* и *сномъ*, тогда, какъ нужда и горе оживляютъ дѣятельность, сосредоточиваютъ жизненную силу и укрѣпляютъ вкусъ къ новымъ удовольствіямъ,

d) Когда на непріятныя послѣдствія виновнаго своего неразумія онъ смотритъ, какъ на нѣчто такое, что принадлежитъ уже къ былому, на нѣчто конченное, чего нельзя поправить,

e) Когда отъ жизни не требуетъ слишкомъ многаго, или когда въ своихъ надеждахъ умѣренъ: ибо чѣмъ затѣйливѣе у него послѣднія, тѣмъ мучительнѣе ему — обманываться,

f) Когда укрѣпляетъ свою душу противъ пре-

вратностей жизни благочестивыми мыслями о нравственномъ Міроправленіи.

§ 357.

Но есть и страдальцы невинные? Чтожъ

a) Пускай они отклоняютъ свое вниманіе отъ постигшаго ихъ зла къ другимъ предметамъ и притомъ болѣе занимательнымъ,

b) Пускай открываютъ себѣ виды въ лучшую будущность и занимаются *посильными* средствами, достигнуть оной;

c) Говорятъ о злости того человѣка, который находитъ нѣкоторую отраду въ сравненіи своего горя съ такимъ же, или и еще большимъ горемъ другихъ. Несправедливо: изъ подобнаго сравненія мы научаемся только, что счастіе и злоключеніе, что наслажденія и страданія принадлежатъ къ обыкновенному жребію человѣчества, которому суждено развиваться въ Исторіи;

d) Для *горемыки* утѣшительна отчасти и та уже мысль, что его моглабы постигнуть *горшая* невзгода.

e) А увѣренность, что жизнь получаетъ цѣну не отъ радостей, кои достались на нашу долю, но отъ дѣлъ, кои были нами предпринимаемы и творимы для высшихъ цѣлей бытія,—эта увѣренность не должна ли и всякаго многострадальнаго Іова примирить съ судьбою?

f) Наконецъ Наука мудраго знаетъ и еще одно, — рѣшительное врачевство отъ унынія, но

врачевство, конечно для *немногихъ* а именно воспитывать себя въ тѣхъ *мужественныхъ* помыслахъ, кои не нуждаются въ утѣшеніяхъ, требуемыхъ *душами дѣтскими*.

Грань 3-я.

Бытъ сердца.

§ 358.

Какъ вожделѣнія, вполнѣ развитыя, утверждаются привычками, воля страстями, свобода характеромъ: такъ точно и сердце *являетъ особенное свое развитіе* со стороны чувствованій недѣлимаго бытія нашего въ *причудахъ*, со стороны движеній его, болѣе об-щежительныхъ, въ *волненіяхъ* или *вспышкахъ*, со стороны идеальной, высшей, божественной его жизни — въ *энтузіазмѣ*.

Статья I.

Причуды.

§ 359.

Говорятъ о причудливости остроумцевъ, говорятъ о причудливости женщинъ и больныхъ, о причудливости даже *Бароновъ*. Не мудрено. Сердце внушаетъ и мысли неразгаданныя и вожделѣнія странныя. Оно не рѣдко и само ощущаетъ что - то *свыше* теперешняго своего состоянія и притомъ безъ ясныхъ и удо-

влетворительныхъ причинъ, — смутно, неопредѣлительно. Противоположенное сему состояніе есть *трезвенное, отчетистое*, замѣтное уже на первыхъ степеняхъ, какъ сознаніе внѣшнихъ предметовъ. Сія трезвенность пробуждается довольно рано; отъ того причуды имѣютъ нужду и въ благовременномъ руководствѣ, безъ котораго превращаются въ уродливость. *Естественны* онѣ въ *томъ только* смыслѣ, что нельзя же человѣку не предаваться игрѣ силъ, именно въ періодѣ неопредѣлительныхъ грѣзъ, во время прилива новой, свѣжей жизни.

§ 360.

Причуды оказываются въ *постоянномъ непостоянствѣ*, въ безпрестанной *измѣнчивости*, въ непонятномъ переходѣ отъ пріятныхъ ощущеній къ грустнымъ, отъ твердаго упованія къ отчаянію, отъ ненависти къ любви. Правда, удовольствіе вездѣ смѣняется скукой и наоборотъ; однакожъ сія смѣна становится у причудливаго ненатуральною отъ того, что онъ тутъ не принимаетъ дѣятельнаго участія, что остается только празднымъ зрителемъ явленій, кои въ немъ происходятъ, что тутъ нѣтъ *опредѣленнаго*, твердаго направленія движеній, нѣтъ расчисленныхъ, сообразимыхъ постепенностей. Далѣе—причудливость оказывается въ разныхъ родахъ господствующихъ ощущеній, а именно, она бываетъ и *хорошаго, игриваго* рода; но здѣсь веселое располо-

женіе души смѣняется такою рѣзвостію, которая шутитъ неосторожно, обидно; болѣе же и чаще встрѣчаемся мы съ причудливостію *дурнаго* рода. Сіе послѣднее расположеніе сердца переходитъ отъ важности въ угрюмость, сопровождается вздорными, химерическими мыслями и питаетъ любовь къ мелочамъ, питаетъ уныніе. Недовѣріе къ собственнымъ своимъ силамъ или къ благонамѣренной волѣ другихъ, брюзгливость, даже безчувствіе и ожесточеніе къ самому себѣ, — вотъ его спутники! Причудливый отличается безхарактерностію; онъ любитъ пользоваться малѣйшими впечатлѣніями для возбужденія въ себѣ грустныхъ мыслей, находитъ въ ничтожныхъ приключеніяхъ поводъ къ тому, чтобы себя мучить и съ большимъ трудомъ бываетъ доводимъ до увѣренности, къ которой не склоненъ. Здѣсь сочетавается вялость души съ недовѣрчивостію; здѣсь часто мелькаютъ *свѣтлые* только *промежутки*, кои надлежитъ тщательно подмѣчать, если хотимъ, чтобы подобные люди были къ чему либо годны. Отъ причудливости только шагъ до презрѣннаго своенравія *шальныхъ*.

§ 361.

У дитяти уже съ *приливомъ* возбужденныхъ силъ замѣтны причуды, сначала въ чистомъ видѣ, а позже — искаженныя кривымъ направленіемъ и *баловствомъ*. Тягостнаго чувства скуки силится избыть его побужденіе къ безпрестанно но-

вымъ состояніямъ. Въ расположеніи къ пріятному и непріятному кроется главная причина позжей вѣтрености. Доколѣ сердце еще мягко; до тѣхъ поръ оно должно быть доступно всякому впечатлѣнію; но гдѣ сіе страдательное состояніе длится долѣе, нежели слѣдуетъ; тамъ возникаютъ баловни. Конечно мы живемъ въ перемѣнахъ; однакожъ не надлежало ли бы намъ имѣть объ нихъ и сознаніе?

Статья II.

Волненія или тревоги сердца.

§ 362.

Силу и стремительность иныхъ ощущеній, которая быстрымъ приливомъ невольныхъ представленій чувственнаго рода нарушаетъ внутренній покой, т, е. задерживаетъ, ослабляетъ, или на извѣстное время и вовсе подавляетъ дѣятельность разсудка, свободы и даже языка, такъ что человѣкъ не въ состояніи бываетъ ни правильно судить о настоящемъ своемъ положеніи, ни сохранить нужнаго благоразумія въ поступкахъ и приличной связи въ рѣчахъ, назовемъ *возмущеніемъ, восторгомъ, порывомъ, волненіемъ, потрясеніемъ, тревогой, изступленіемъ, вспышкой* (affectus).

§ 363.

Духовная важность сердечныхъ возмущеній въ томъ именно и состоитъ, что они въ роковую минуту овладѣваютъ всѣмъ сознаніемъ и вмѣстѣ

дѣйствуютъ на внутреннее чувство, — разстроиваютъ душу въ многосложной ея экономіи, въ цѣлости естественныхъ ея движеній, а потому являются и въ периферическихъ оконечностяхъ организма, *возвышая*, либо *подавляя* жизненную его силу т. е. обнаруживаются не только въ измѣненіяхъ лица и въ тѣлодвиженіяхъ, но еще въ смѣхѣ и плачѣ, въ румянцѣ и блѣдности, въ біеніи сердца и въ разливѣ желчи, въ льготѣ и стѣсненіи дыханія, въ вооруженіи и въ разслабленіи мышцъ и т. п.

§ 364.

Сердце *обуревается* непосредственно возбужденіями чувственными; отсюда происходитъ то, что потрясенія его весьма рѣдко бываютъ продолжительны, что они оставляютъ по себѣ слѣды изнеможенія, — даже, при необычайной стремительности, легко переливаются въ настроенія противоположныя, и что каждое изъ нихъ имѣетъ свой особенный, размѣренный порядокъ движеній или музыкальный *ладъ*,—живой, быстрый, медленный, бурный, томный, торжественный. Отъ того рѣшительная власть музыки надъ потрясеніями сердца. Не она ли извлекаетъ слезы умиленія, окрыляетъ ноги человѣка веселаго, распаляетъ мужество воина, восхищаетъ молящагося—въ горнее? (Сравн. § 307).

§ 365

Восторги въ порядкѣ сердечной жизни значатъ тоже самое, что *страсти* въ порядкѣ жизни

практической. Посему, гдѣ дѣйствуютъ страсти; тамъ участвуютъ и возмущенія; однакожъ

1) Гдѣ много послѣднихъ; тамъ мало бываетъ первыхъ;

2) Восторги происходятъ, какъ сказано, изъ движеній сердца, страсти болѣе изъ представленій ума; тѣ болѣе изъ непосредственныхъ *впечатлѣній*, сіи болѣе изъ привычныхъ соображеній;

3) Отъ того порывы сердца быстротечны, опрометчивы, буйны, безразсудны и обнаруживаются безъ дальняго умысла; они по своему началу невинны, по духу безкорыстны; нравственный законъ судитъ объ нихъ снисходительно; напротивъ того страсти въ движеніяхъ своихъ медленны и постоянно устремлены къ опредѣленнымъ цѣлямъ, рѣшительно своекорыстнымъ, виновнымъ;

4) Сердце приходитъ въ волненіе *внезапно*; страсти мало по малу располагаютъ оное въ свою пользу;

5) Отъ того вспышки *минутны*; страсти продолжительны и укореняются все сильнѣе; тѣ подобны горному потоку, который въ кипучемъ стремленіи своемъ расторгаетъ оплоты и быстро утекаетъ; сіи подобны рѣкѣ, которая роетъ себѣ глубокое русло; тѣ бываютъ измѣнницами, предательницами человѣка, и потому откровенны, даже честны въ отношеніи къ другимъ людямъ; сіи *бдительны*, коварны и всегда дѣлаютъ человѣка обманщикомъ.

§ 366.

Разныя *степени* восторговъ, отъ тихаго дыханія любви въ Идилліи до слѣпыхъ, грозныхъ изступленій Диѳирамба, опредѣляются 1) свойствомъ причины, 2) постояннымъ настроеніемъ или временною только раздражительностію души, и наконецъ 3) повтореніями; такъ человѣкъ, котораго часто дразнятъ, дѣлается сердитымъ.

§ 367.

Сердце можетъ приходить въ волненія при содѣйствіи *представленій*, можетъ возмущаемо быть *желаніями*, всего же чаще потрясается оно силою *собственныхъ ощущеній* своихъ, — безъ дальнихъ сношеній съ мыслями, безъ сношеній съ внутренними силами воли. Вотъ почему мы различаемъ a) тревоги внимательности или разсудительности, b) тревоги практическихъ *силъ* или *стремленій*, и c) *собственные порывы сердечныхъ движеній, пріятныхъ и скорбныхъ.*

Пунктъ 1-й.

Волненія сердца со стороны разсудительности.

§ 368.

Для высшаго порядка мыслей возмущенная внимательность или разсудительность составляетъ основу всѣхъ прочихъ восторговъ. Различимъ три степени въ способѣ, какъ наши мысли *мятутся*:

A) *Рвеніе* или *углубленность быстро устремляетъ* наше вниманіе къ извѣстному предмету,

коимъ присутствіе духа насильственно ограничивается. Такъ мы въ размышленіи, въ рукодѣльяхъ, въ поэтическихъ мечтаніяхъ ,въ поступкахъ часто можемъ весьма удачно слѣдить за предметомъ своихъ занятій; но восторгъ не дозволяетъ озираться въ сторону. Увлекаемые рвеніемъ, мы легко подвергаемся и сужденіямъ одностороннимъ и поведенію неосторожному.

В) Въ *удивленіи* или въ высшей его степени— въ *изумленіи* подавляема бываетъ разсудительность внезапными впечатлѣніями великаго, необычайнаго, грознаго, необъятнаго въ физическомъ и нравственномъ мірѣ, такъ что они мѣшаютъ дѣятельнымъ нашимъ силамъ безпрепятственно развертываться и оставляютъ насъ въ *недоумѣніи*, считать ли поразительный предметъ за призракъ, или за существо, — въ недоумѣніи, сперва досадномъ, потому, что мы тутъ чувствуемъ свою ограниченность, а впослѣдствіи пріятномъ, потому что явленія рѣдкія все таки подъ конецъ обѣщаютъ намъ расширеніе познаній. Изумленіе сильно дѣйствуетъ и на тѣло, которое имъ въ цѣлости, или въ иныхъ только органахъ, *напр.* голоса приводится въ оцѣпѣненіе. Смотряже потому, что такое насъ изумляетъ, физическое ли, или нравственное совершенство, либо несовершенство, получаетъ и нашъ восторгъ особенные оттѣнки и бываетъ въ послѣднемъ случаѣ непріятнаго, а въ первомъ пріятна-

го рода, подходя здѣсь близко къ чувству выспренняго.

С) Съ *смятеніи* мыслей, въ *испухъ*, въ *переполохъ*, коимъ мы бываемъ поражаемы при видѣ грозящей опасности, человѣкъ вмигъ рѣшается на то, къ чему влечетъ его интересъ чувствъ, но рѣшается безъ всякаго размышленія и дѣлаетъ *напр.* при землетрясеніяхъ, пожарахъ, кораблекрушеніяхъ, многія вещи смѣшно и совершенно *на выворотъ*. Не всякій пугается однихъ и тѣхъ же предметовъ.. Сила испуга всегда зависитъ отъ того, что намъ кажется зломъ; посему предметы переполоха могутъ быть сколько дѣйствительные, столькоже и мечтательные. Каждый тревожится предстоящею утратой *любимаго* своего блага; человѣкъ изнѣженный трепещетъ при одной мысли о внезапной боли, всесвѣтная прелестница при появленіи первой морщины и т. п.—Дѣйствія же сего волненія въ тѣлѣ суть съ одной стороны онѣмѣніе членовъ, съ другой—судорожные припадки, кои видны здѣсь во всѣхъ явленіяхъ — въ смертельной блѣдности, въ повисшемъ лицѣ, въ дрожащемъ голосѣ, въ крайней слабости мышцъ, въ обморокахъ, въ пострѣлѣ, въ помѣшательствѣ головы, въ стѣсненіи груди, въ разстроенномъ обращеніи крови и въ истеченіи оной носомъ, гортанью и пр. Есть, однакожъ, случаи, гдѣ для отвращенія грозящей бѣды испугъ чрезвычайно напрягаетъ органы чувственности и произвола, и пробуждаетъ все без-

разсудное и слѣпое могущество животолюбиваго инстинкта, которое часто творитъ чудеса отваги и проворства и не только не причиняетъ означенныхъ болѣзней, даже — врачуетъ оныя.

Пунктъ 2-й.

Тревоги сердца со стороны воли.

§ 369.

Во *второмъ* порядкѣ восторговъ, въ которомъ покой сердца возмущаемъ бываетъ движеніями воли къ наружнымъ благамъ, — бурнымъ дыханіемъ болѣе общежительныхъ вожделѣній и страстей, мы встрѣчаемся съ тремя фуріями, — *страхомъ, гнѣвомъ* и *ревностію.*

А) *Страхъ.* Скорбное предощущеніе будущаго зла, которое намъ грозитъ возможнымъ или вѣроятнымъ ограниченіемъ нашего состоянія или уничтоженіемъ господствующихъ нашихъ склонностей, называется *боязнью.* Не заставляетъ ли уже инстинктъ *содрагаться* животное при извѣстныхъ опасныхъ обстоятельствахъ? Но собственно боязнь есть ощущеніе человѣческое, потому что мы съ умысломъ убѣгаемъ ненавистнаго предмета и приводимъ себя относительно къ нему въ извѣстное положеніе, — оборонительное. Боязнь переходитъ въ *страхъ,* когда будущее зло представляемо бываетъ великимъ, и въ *ужасъ,* когда представляемо бываетъ не только великимъ, но и близкимъ, не только близкимъ, но и неотразимымъ. Она *содра-*

гается или *трепещетъ*, когда извѣстное представленіе предмета сочетавается съ такими побочными обстоятельствами, которыя *морочатъ* воображеніе картинами предстоящихъ мученій, именно же, когда онѣ содержатъ въ себѣ еще и нѣчто такое, предъ чѣмъ на опытѣ или въ жизни нельзя было-бы не трепетать. Такъ глубокія пропасти, такъ даже росказни могутъ причинять содраганіе, котораго многіе и дѣйствительно ищутъ въ читаемыхъ ими книгахъ, потому что подобное напряженіе и возбужденіе жизненныхъ силъ всеже чѣмъ нибудь, да лучше скуки. Какъ надежда утѣшаетъ себя видами въ будущее; такъ страхъ *предвосхищаетъ* свои мученія. Но онъ и старѣе и сильнѣе надежды, потому что мы непріятныхъ встрѣчъ избѣгаемъ. Страхъ происходитъ уже изъ перваго сознанія ограниченности, изъ первыхъ тягостныхъ впечатлѣній въ чувствахъ. Онъ вкорененъ и въ сердце столь глубоко, что, если и не господствующая трусость, — по крайней мѣрѣ *какая нибудь* боязнь физически или нравственно грозныхъ вещей, хотя бы то была *напр.* боязнь парика, всегда останется насѣдіемъ существа зависимаго. Не она ли дѣйствуетъ въ благоговѣніи предъ Святыней, въ содраганіи предъ величественными мраками и безпредѣльною пустотою? Не она ли дѣйствуетъ въ уваженіи къ нравственному закону,— въ стыдѣ? — Призраки, коими смущаетъ насъ страхъ, сначала бываютъ *неопредѣлительны*; въ

сердце закрадывается какая-то тоска, о которой фантазія такъ любитъ *потолковать.* Но въ послѣдствіи онъ отнимаетъ бодрость духа и оглушаетъ сознаніе. — Позже предметъ установляемъ уже бываетъ въ *остывшихъ* мысляхъ и неуловимый Протей связывается. Одна только есть непреодолимая боязнь, — такая, которой страшно и не бояться; это страхъ совѣсти.

§ 370.

Условія, при коихъ обнаруживается страхъ, суть 1) встрѣча препятствій, 2) смущеніе при видѣ оныхъ, 3) чувство своей немощи въ бореніи съ чуднымъ, непреодолимымъ могуществомъ *напр.* мертвецевъ и пуль и 4) проразумѣніе будущаго, а разныя *степени* страха опредѣляются особеннымъ свойствомъ, возрастомъ, поломъ и темпераментомъ каждаго, именноже зависятъ

1) Отъ чувства мѣры его силъ; по сей причинѣ какъ дѣти и пьяные, еще не знакомые съ своими способами сопротивленія, такъ и люди тупоумные, которые не могутъ составлять себѣ страшныхъ понятій, ничего не трусятъ;

2) Отъ большаго или отъ меньшаго знакомства со счастіемъ, либо злоключеніемъ, и отъ того, *какъ* человѣкъ свое положеніе понималъ. Ибо опасенія *горемыки* не могутъ сходствовать съ опасеніями счастливца. Сей послѣдній слабѣе и потому

малодушнѣе; онъ боится другихъ золъ, а не тѣхъ, коими смущается страдалецъ, — боится утратить, даже ослабить свои теперешнія наслажденія нѣсколькими промежутками скуки. Всего *пуще* боится онъ въ минуты высочайшихъ упоеній, въ тѣ минуты, когда *вкушаетъ небо на землѣ.* Если онъ стремится къ чувственному счастію, то ему всего ненавистнѣе состояніе, которое лишаетъ его способности грѣшить, вообще то, что грозитъ его чувствительнѣйшей сторонѣ. Не таковъ *горемыка*; онъ мятется болѣе страхами, нежели надеждами, боится продолженія и увеличенія золъ, боится приближенія новыхъ бѣдъ. Съ мыслію о смерти онъ свыкся; но, какъ угнетенный рокомъ, можетъ впасть въ уныніе. Тотъ, кто собственною своею виною навлекъ на себя бѣдствія, будетъ болѣе труситъ, такъ какъ страдалецъ невинный укрѣпляется въ напастяхъ духомъ, присутствіе котораго сохраняетъ еще и въ отчаяніи;

3) Отъ степени людскости. Человѣкъ, образованный со стороны и ума и сердца и воли, расчитываетъ свою судьбу и боится менѣе другихъ.— Только мужъ доблестный непоколебимъ среди бурь житейскихъ; ибо спокойно предчувствуетъ то, чему быть должно. Самая смерть не можетъ его ужасать: ибо свободный и божественный духъ его сильнѣе всякой судьбы и посмѣвается слѣпому механизму природы, которую онъ также поглоща-

етъ мыслію и волею, какъ она поглощаетъ его самымъ дѣломъ.

§ 371.

Гдѣ страхъ граничитъ съ уныніемъ, тамъ онъ приводитъ въ совершенное изнеможеніе — господствующею, роковою уже мыслію, что всему конецъ. Въ мучительное безспокойство ввергаетъ боязнь золъ неизбѣжныхъ, неотразимыхъ. Поколику же онъ сходствуетъ съ досадой и негодованіемъ, и бываетъ мятежнѣе; то, подобно испугу, пробуждаетъ силы къ дѣятельности, даже непомѣрной. Рѣшительно его вліяніе и притомъ на характеръ и помыслы; кто предается мятежному страху; тотъ ослабляетъ свою душу и теряетъ мужество для будущихъ случаевъ, — обстоятельство, неслишкомъ выгодное для нравственности: ибо трусъ не уважается. Отъ того-то онъ, при видѣ бѣды, обыкновенно играетъ роль храбреца, —поетъ, насвистываетъ марши, бушуетъ, надѣясь сею жалкою уловкою ободрить себя—*заднимъ числомъ*. Вообще вредная сторона страха не та, что онъ фантазіей преувеличиваетъ опасность и тѣмъ болѣе, чѣмъ предметъ неявственнѣе (ибо тутъ онъ не мѣшалъ бы избирать приличныя средства къ спасенію) но та, что онъ представляетъ свою опасность въ искаженномъ и превратномъ видѣ.—Рѣшителъно вліяніе его и на тѣло. Мозговые органы здѣсь почти въ бездѣйствіи, мускулы нѣмѣютъ, члены дрожатъ, кожа мерт-

вѣетъ, волосы на головѣ подымаются дыбомъ, сердце отъ прилива крови сильно бьется и пр.

§ 372.

Высочайшая степень сего изступленія сердечнаго есть *отчаяніе*, въ которомъ человѣкъ *либо* совершенно и безропотно предаетъ себя въ добычу неизбѣжному злу, *либо* прибѣгаетъ къ насильственнымъ средствамъ, отразить *неотразимое*, (какъ *напр.* въ сраженіи трусливый воинъ, которому пресѣчены всѣ пути къ бѣгству, съ звѣрскою яростію устремляется на непріятеля), *либо* же наконецъ употребляетъ силы не для сопротивленія угрожающимъ опасностямъ, а на собственную свою погибель, дабы избавиться страданій—смертію и терзаніемъ собственной своей утробы, надъ которыми смѣется— *адскимъ хохотомъ*. Оно происходитъ не вдругъ, а мало по малу, именноже отъ сомнѣнія во всякой помощи, отъ потери всякой надежды на лучшую будущность, отъ совершеннаго недовѣрія къ своимъ силамъ и отъ затмѣнія сознанія.

§ 373.

Опасны припадки страха, и кто имъ подверженъ; тотъ пускай ищетъ противоядія то въ *просвѣщеніи ума*, то въ *привычкѣ*, расчищающей, такъ сказать, дорогу и отстраняющей призраки, кои должна созидать фантазія, съ впечатлѣніями незнакомая, то въ проворствѣ соображеній, которое обращаетъ насъ къ собственнымъ нашимъ

силамъ съ твердою надеждою, что мы въ нуждѣ найдемъ изворотъ, то въ представленіи пріятныхъ сторонъ, которое вытѣсняетъ изъ сознанія докучливыя химеры, то наконецъ въ мужественномъ равнодушіи къ смерти, которое можетъ быть слѣдствіемъ обычнаго взгляда на вещи, судьбы, размышленія. Ибо кто не боится смерти, тому въ самомъ дѣлѣ нечего уже бояться.

B) *Гнѣвъ* означаетъ невольную дѣятельность мгновенно возбужденнаго, живаго, сильнаго чувства озлобленія на произвольное дѣяніе другаго, которое намъ кажется обидой и которое мы отразить стараемся. Посему въ составъ гнѣва непосредственно входятъ a) испугъ при видѣ неожиданнаго зла, которымъ наши стремленія задерживаются и ограничиваются, b) досада на обидчика и c) чувство собственной нашей силы. Такимъ образомъ онъ не можетъ быть обнаруживаемъ противъ тѣхъ, которые насъ сильнѣе, ни противъ тѣхъ, коимъ законъ даетъ право причинять намъ заслуженное зло, такъ, какъ и люди утомленные или больные сердятся менѣе. Возможность гнѣваться предполагаетъ способность по крайней мѣрѣ предчувствовать произвольность дѣянія, а слѣдственно и злой умыселъ; сею чертою отличается гнѣвъ отъ досады, которую мы изъявляемъ и на вещи неодушевленныя.

§ 374.

Тѣлесныя явленія гнѣва суть: сверкающіе,

кровяные глаза, искаженныя черты и цѣлыя части лица, скрежетъ зубовъ, дрожаніе губъ, сиповатый голосъ, почти ревъ звѣриный, грозное положеніе тѣла, сжатые кулаки,—явный жаръ въ крови, отдѣленіе ядовитой слюны и желчи, и пр. Правда, онъ часто производитъ и благодѣтельные переломы, возвращаетъ упругость и движеніе оцѣпенѣвшимъ членамъ, изцѣляетъ лихорадки, даже пострѣлы, но гораздо чаще причиняетъ сверхъ двухъ послѣднихъ недуговъ, новые, *напр.* составоломъ, удары, бѣшеное сумасшествіе и вообще легкія болѣзни и раны не только ожесточаетъ, но и дѣлаетъ смертельными. Какъ много онъ зависитъ отъ физіологическаго расположенія — это явствуетъ изъ того, что онъ примѣтно стихаетъ тамъ, гдѣ намъ удается ограничить свободу тѣлесныхъ его движеній, и примѣрно *усадить* разсердившагося. За всѣмъ тѣмъ, источникъ гнѣва не въ крови, а въ побужденіи къ ненарушимому сохраненію пріятнаго состоянія. *Поводъ* подаютъ къ нему: возвышенная раздражительность, высокомѣріе, своенравіе, любовь къ покою, живое воображеніе, избалованность. Но говорить *о разумномъ* гнѣвѣ значитъ тоже самое, что и говорить о сухихъ влагахъ. Есть только благородное *негодованіе,* которое мы оказываемъ къ поступкамъ презрительнымъ, гнуснымъ, непотребнымъ, для сана человѣческаго оскорбительнымъ, —негодованіе, знакомое даже здравомыслящей, маститой старости. Ибо, видѣть и слышать неспра-

ведливости, на небо вопіющія и не чувствовать ни презрѣнія, ни омерзенія,—вотъ истинный *талантъ клейменаго раба*! Гнѣвъ, вообще говоря, есть вспышка души строптивой, одичалой, звѣрской. Всѣ твердятъ о томъ лишъ, что таить гнѣвъ столь же вредно для драгоцѣннаго здравія ихъ тѣла, какъ и *загонять коръ внутрь*; но рѣдкіе соглашаются въ томъ, что *переломить себя* значитъ несравненно болѣе, нежели сокрушить самую крѣпкую стѣну гранитную; никто не хочетъ полюбоваться прекраснымъ поступкомъ того *Архита*, который до крайности огорчась преступнымъ нерадѣніемъ наемниковъ своихъ, *умѣлъ* сказать имъ: *щастье ваше, что я теперь сердитъ, а тобъ вамъ досталось*.

§ 375.

Въ гнѣвѣ господствуютъ жестокія самообольщенія. Сердитый обманывается въ предметѣ, изливая свою желчь и на тѣ существа, кои съ обидчикомъ не состоятъ въ связи, ошибается въ причинѣ и предположеніи умысла, съ которымъ смѣшиваетъ случайное, обманывается и въ преувеличеніи не столько обидъ, сколько наказаній: отъ того первая, единственая добродѣтель *карательнаго судьи вообще* есть хладнокровіе. Но сіи обманы послѣдуютъ тѣмъ болѣе, если гнѣвающійся не въ состояніи излить своихъ чувствованій, или если былъ часто ожесточаемъ поступками непріязненными. Впрочемъ съ внутреннею крѣпостію усиливается (безобразное) выраженіе тамъ только

гдѣ человѣкъ начинаетъ менѣе владѣть собою, гдѣ онъ выходитъ изъ себя.

§ 376.

Но доколѣ гнѣвъ остается первоначальнымъ, естественнымъ противоборствомъ враждебному вліянію и подчиненъ волѣ, онъ охраняетъ ненарушимость лица человѣческаго. Что въ лѣнивомъ дѣлаетъ страхъ; то въ строптивомъ гнѣвъ, т. е. приводитъ его силы въ живую дѣятельность и поддерживаетъ оныя въ постоянномъ движеніи. Это видно изъ быстраго прилива его мыслей, кои сыплются съ ядоточиваго языка въ рѣзкихъ фразахъ, въ жгучихъ ипербола хъ. — Воля *закаляется* въ упорствѣ и уныніе уступаетъ мѣсто мужеству; отъ того люди, кои въ холерическомъ темпераментѣ питаютъ благородный гнѣвъ, способны къ предпріятіямъ отважнымъ и труднымъ. Но это послѣдуетъ тамъ только, гдѣ дѣйствіе равно противодѣйствію; безъ того гнѣвъ обращается въ пожирающее пламя, заглушаетъ разсудокъ и дѣлаетъ эгоистомъ и деспотомъ.

§ 377.

С) *Ревность*, сама по себѣ, есть прекрасное побужденіе души здравой ,крѣпкой, чувствительной къ похвальному. Она происходитъ изъ глубокаго *чувства справедливости*, которое требуетъ, чтобы послѣдствія соотвѣтствовали мѣрѣ трудовъ, чтобы всѣ благонамѣренныя усилія находили достойный пріемъ, особливо со стороны того, для кого

воздавать и легко и пріятно. Но сіе чувство простирается на *двоякое право*, а именно *во первыхъ* на *право* ожидать, чтобы все, присвояемое малѣйшему изъ людей, предоставляемо было и мнѣ, на право ожидать одинаковыхъ отличій, по крайней мѣрѣ, во *внутреннемъ чувствѣ* другаго; *потомъ* и на *право собственности*. Натурально. Что я *одинъ* учредилъ, привелъ въ движеніе, *затѣялъ*; то должно дѣйствовать и обратно на возбужденіе моихъ силъ, на ободреніе моихъ дарованій; успѣхи въ дѣлѣ, коимъ я способствовалъ болѣе другаго, пусть доставятъ и мнѣ либо болѣе отличій, нежели тому, кто менѣе заслужилъ, либо же доставятъ мнѣ рѣшительное предпочтеніе предъ прочими. Это-то ощущеніе естественнымъ образомъ переходитъ въ стремленіе приводить свое право въ *силу*, а съ тѣмъ и давать предъ *другими чувствовать* наше отличіе. Сія ревность можетъ съ жаромъ дѣйствовать въ пользу всѣхъ.

§ 378.

Но ревность *влюбленная*, или *ревнивость*, которая съ холодною расчетливостію трудится только для себя, есть что-то одностороннее, есть слабость сердца не естественная. Она соединяетъ въ себѣ съ одной стороны и все то, что предыдущія волненія, — изумленіе, гнѣвъ и страхъ имѣютъ въ себѣ безобразнаго и презрительнаго, съ другой и все то, что въ страстяхъ общежительныхъ усматриваемъ ненавистнаго, гибельнаго. Ибо

она получаетъ *матерію* или пищу отъ каждой изъ послѣднихъ, а *выраженіе* отъ каждой изъ первыхъ,—совершенная фурія.—Въ томъ, что ревнивость хочетъ одна обладать любимымъ предметомъ, она, конечно, имѣетъ требованіе законное; но обладанію не слѣдовалобъ быть ни слишкомъ заботливымъ, ни деспотическимъ. Любовь гнушается принужденіемъ. Она предлагается отъ всей души, потому и ожидаетъ лестной взаимности. Коль скоро склонность сдѣлалась повелительною, любовь изсыхаетъ въ своемъ корнѣ, и чѣмъ наглѣе одна сторона, тѣмъ холоднѣе бываетъ другая. Ревнивость предполагаетъ *нечистое самочувствіе*, т. е. такое, которое слишкомъ *слабо*, чтобъ быть самодовлительнымъ, но опять и сильно, потому что довѣряетъ другимъ, потому что обходится съ другими, какъ съ *лицемъ* человѣческимъ. Изъ сознанія собственной немощи происходитъ недостатокъ въ довѣріи къ себѣ самому и къ обѣщаніямъ или силѣ другихъ. Въ ревнивости мы стараемся болѣе о поддержаніи физической значительности нашего *Я*, нежели нравственнаго его величія. Отсюда проистекаетъ странная смѣсь *малодушія* и *отчаянной отваги*, дерзость въ высокихъ, непомѣрныхъ *притязаніяхъ тиранна*, который мнимаго друга души своей хочетъ видѣть не въ радости и блаженствѣ, а въ страданіяхъ и мукахъ; отъ того-то скорѣе можетъ быть ревнивымъ человѣкъ любочестивый и властолюбивый, нежели,

прямо самодовольный, гордецъ. Но ревнивецъ съ другой стороны мучится и малодушнымъ *опасеніемъ*, чтобы другіе *не выказали* предъ нимъ преимуществъ, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ того, чьею *любовію* онъ дорожитъ, какъ будто небесная любовь, отдавъ себя во власть одному, можетъ развлекаться земными вожделѣніями.

379

Вообще ревнивецъ — и для себя и для другихъ — загадка. То видимъ здѣсь торжество любви, то отчаяніе; — видимъ зависть, когда любимая особа бросаетъ умильные взгляды на другихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ радость, когда прелести ея производятъ успѣшное дѣйствіе (ибо не *его* ли та пышная роза, которая принимаетъ почести и привѣтствіе отъ всякой порхуньи—бабочки?); — зоркій, бдительный глазъ, чуткое ухо, которое всегда на сторо́жѣ и завсѣмъ тѣмъ предложеніе выѣздовъ и прогулокъ; — согласіе похожее на отказъ, и отказъ, который можно считать за соизволеніе и все это подъ предлогами, самыми ничтожными; — смертельная ненависть къ мнимымъ соперникамъ, коихъ всякій ласковый взглядъ — ударъ кинжала, всякій комплиментъ — ядъ;—упреки и нѣжность ежедневныя, удовольствія и досады ежеминутныя, — и все отъ нелѣпой мысли, будто предметъ, способный къ измѣнѣ, заслуживаетъ любовь. Если склонность только односторонняя; то сердечной преверженности не бывало; еслижъ одна соотвѣт-

ствуетъ другой: то вѣрность служитъ имъ надежнѣйшей порукой взаимнаго счастія; къ чемужъ тутъ муки недовѣрчивости и подозрѣній? Если любовь притворная и сердце лжетъ, то для чего и сокрушаться невѣрностію? Кто можетъ обманывать въ дѣлахъ сердечныхъ, тотъ заслуживаетъ только презрѣніе. Никто не захочетъ быть любымымъ только для вида и любовь истинная ограждаетъ отъ измѣны. Въ ревности сердце возмущается низкими вожделѣніями; здѣсь любимой, избранной особѣ суждено быть собственностію, а сластолюбивому тиранну исключительнымъ предметомъ ея желаній и мыслей. Какъ скупецъ обнимаетъ свой мѣшокъ и съ нимъ терпитъ голодъ, такъ и ревнивый *Кащей* бережетъ свою возлюбленную и въ ея роскошныхъ объятіяхъ обрѣкаетъ себя — на вольное страданіе, — ужасное изступленіе влюбленнаго эгоизма. Въ самомъ дѣлѣ надобно быть ревности слишкомъ трагическою, чтобы не быть крайне смѣшною.

Пунктъ 3-й.

Волненія, которыя сердце причиняетъ само себѣ.

§ 380.

Но — *въ третьихъ* — сердце можетъ, какъ сказано, приходить и *само собою* въ замѣтныя потрясенія, и тутъ-то встрѣчаемъ мы съ одной

стороны *непосредственные* порывы 1) его *радости*, его 2) *печали*, съ другой *посредственныя* или производныя изступленія 3) *безспокойства душевнаго,—довольства и недовольства самимъ собою.*

А.

Непосредственные порывы радости.

§ 381.

Пріятное чувство, производимое въ насъ либо полученіемъ такой вещи, которая сулитъ много вожделѣнныхъ послѣдствій, либо только избѣжаніемъ тяжкаго зла,—*радость* досягаетъ въ глубину сердца, благодѣтельно согрѣвая оное, тогда, какъ *удовольствіе* любитъ холодную, безжизненную наружность; та уготовляема бываетъ мало по малу и плоды ея зрѣютъ медленно; отъ того мы встрѣчаемъ удовольствія едвали не на каждомъ шагу, *напр*, въ разсѣяніяхъ, а сердечная радость такъ рѣдка! *Истинная* радость различается и отъ ложной тѣмъ, что первая тиха и умилительна, что находитъ свое блаженство въ небольшомъ кругѣ избранныхъ, и зависитъ отъ насъ, послѣдняяжъ дика, счастлива въ шумныхъ ликованіяхъ и достается въ удѣлъ случайно.

§ 382.

Прелестенъ *образъ радости*! Она оживляетъ кругъ духовной дѣятельности во всѣхъ его пунктахъ, и непосредственно озаряетъ органы мозговые, откуда потомъ изливается жизнь и легкое движеніе во всѣ нервы, а изъ нервовъ во всѣ час-

ти тѣла. Глаза радующагося свѣтлы; по лицу пробѣгаетъ тонкій румянецъ; черты умильны, онъ смѣется, поетъ, пляшетъ, ликуетъ, шутитъ и суетится: — въ членахъ раздражительность и бодрость; — свободное дыханіе вздымаетъ грудь; сердце бьется *полнымъ тактомъ*, усиленная теплота распространяется по тѣлу, отправленія жизненныя совершаются безпрепятственно, стройно, *благоуспѣшно*; человѣкъ чувствуетъ какую-то льготу, чувствуетъ тѣлесное благосостояніе;—онъ блаженъ. Но крайности и здѣсь опасны; *выдержать* радость внезапную, великую, назаслуженную и нетолько не онѣмѣть, подобно Захарію, но и не умереть отъ *восхищенія* — это для слабыхъ тѣломъ и духомъ труднѣе, чѣмъ устоять противъ жесточайшаго удара судьбы. Справедливо же говорятъ, что и благословеніями и посѣщеніями Божіими умѣютъ пользоваться только — мудрые.

§ 383.

Предоставимъ животнымъ радость пошлую, низкую, которая живетъ въ предметахъ и — рѣзвая — увлекаетъ чувства и побужденія до того, что человѣкъ позабывается. Гораздо благороднѣе *веселіе*, — ясная и спокойная услада, находимая въ чувствѣ совершенствъ теперешняго нашего состоянія безъ опредѣленнаго повода, безъ дальней причины. Здѣсь господствуетъ высшее сознаніе свободы и безопасности со стороны не только скор-

бей, но и препятствій, и не только препятствій, но и приманокъ.

§ 384.

Внутреннее или идеальное свойство радости оказывается въ замысловатыхъ соображеніяхъ и въ присутствіи духа, который умѣетъ отыскивать лучшую сторону въ вещахъ, быстро обозрѣвать затрудненія, и легко обработывать задачи мудреныя. Она располагаетъ къ доброхотству, къ сердечнымъ сближеніямъ, склонна къ снисходительности и примиренію и любитъ дѣлиться, дабы подвигнуть и другихъ къ участію. Такъ бываетъ она обильнѣйшимъ источникомъ общественныхъ добродѣтелей. Но сіе благодатное чувство разновидно и съ лѣтами необходимо измѣняется;—дѣтская радость рѣзва, юношеское веселонравіе *разгульно,* самодовольство старца почтенно.

§ 385.

Такова *добрая* радость; но она имѣетъ и свою карикатуру, — *злородство,* какъ неопредѣленное, поверхностное, кратковременное и безразсудное ощущеніе пріятнаго рода, посѣщающее *ребяческую* нашу душу при видѣ всякой чужой слабости—тѣла, или ума, или навыковъ, — безсилія, неловкости и пр., такъ и опредѣленное, живое удовольствіе, чувствуемое нами тогда, когда другіе, особливо для насъ страшные и наши обидчики претерпѣваютъ какую либо бѣду, несутъ какой либо вредъ. Сіе послѣднее имѣетъ степени и сопровождается

размышленіемъ. Ибо въ немъ видимъ a) либо *благородное* чувство справедливости при видѣ *заслуженныхъ* слѣдствій противоестественнаго поступка, *напр.* при видѣ дурнаго пріема или совершенной неудачи иныхъ замысловъ, либо d) оно составляетъ ощущеніе *менѣе чистое,* коимъ вмѣстѣ ограничиваются склонности симпатическія, и тутъ *лѣнивецъ,* въ чувствѣ *безопасности* благодаритъ боговъ, что *его* покой остался ненарушимымъ ;тутъ *завистливый* съ коварной усмѣшкой досадуетъ на счастіе ближнихъ, тутъ *ненавидящій, ревнивый,* и *мстительный изувѣръ, тираннъ, мизантропъ ищутъ* удовольствія въ томъ, чтобы способствовать страданіямъ существа невиннаго.

§ 386.

Общее и естественное основаніе *злобной радости* есть побужденіе къ самосохраненію. Дитя первоначально слабое, *должно* всякую ненарушимость своего лица, всякую пощаду, ему оказываемую, принимать за положительное умноженіе своей силы и радоваться своему спасенію. Но *особенная* и производная причина есть болѣе сильное самочувствіе въ равныхъ степеняхъ. Отрока живо дѣйствуетъ здравое ощущеніе пробужденнаго бытія и проистекающее оттуда самолюбіе при взглядѣ на чужія опасности, коихъ ему избѣгнуть удается; (отъ того злорадство свойственно и тщеславнымъ женщинамъ); у юноши за чувствомъ затрудненій, кои предстоятъ еще сверстникамъ,

но кои *онъ* преодолѣлъ, слѣдуетъ удовольствіе — видѣть, что онъ чужою бѣдою утвердилъ свое счастіе. Впрочемъ и злородство, подобно всякому другому ощущенію, обращено не столько къ внѣшнимъ явленіямъ, т. е. къ чужому вреду, сколько къ движеніямъ собственнаго нашего сердца. Дикарь, который плѣннаго непріятеля умерщвляетъ медленными муками, любуется не болью его, а только тѣмъ, что *онъ* причинилъ ее, что дѣйствіе сей боли есть достигнутая цѣль мучителя, и слѣдственно торжество его усилій, что, наконецъ, ему *удалось* обезпечить будущее свое благосостояніе.

§ 387.

Радость обогащается представленіями не только настоящаго, но и прошедшаго. Въ несмѣтныхъ случаяхъ человѣкъ счастливъ — сладкими воспоминаніями. Но не менѣе онъ щастливъ и въ ожиданіяхъ. Будущее улыбается *надеждѣ*, которая притягиваетъ сродное изъ дали неизмѣримой. Она освобождаетъ отъ настоящаго зла, хотя не всегда сулитъ *вѣрныя* блага: ибо она не *предвидѣніе*, въ коемъ дѣйствуютъ ясныя представленія, а тѣмъ менѣе *только* предвидѣніе: ибо тутъ участвуютъ и другія силы. Направленіе *всего* сердца обращено вообще къ улучшенію быта, которое, мы, покрайней мѣрѣ, *смутно* представляемъ себѣ, но потребность коего ощущаемъ живо и ясно. Такъ надежда, простирающая пріятныя свои предчувствія въ будущность, рано или поздно возможную, и даже

по расчетамъ сердца, весьма вѣроятную, ожидаетъ того благодѣтельнаго перелома, которому предлежитъ поправить теперешнія наши отношенія. Стремленіе къ будущности вѣрной и лучшей, покрайней мѣрѣ въ глазахъ мечтателя, для котораго худо, что есть, а хорошо, что моглобъ быть,— стремленіе, которое вмѣшивается въ заботливыя чаянія, простираясь, однако, въ даль туманную, дѣлаетъ то, что послѣ всякаго удовлетворенія возникаютъ новыя затѣи, дѣлаетъ то, что надежда ненасытима, но ея будущность возможна и въ семъ смыслѣ она по большей части объемлетъ въ себѣ благо случайное.

§ 388.

Надежда, какъ чаяніе неопредѣленныхъ благъ въ будущемъ, есть *условіе бытія* нашего, поколику послѣднее состоитъ въ *дѣятельности*, т. е. въ произведеніяхъ или слѣдствіяхъ *стремленія*, а стремленіе всегда относится къ тому, чего еще нѣтъ. По сей причинѣ *жизнь* невообразима безъ надежды. Человѣкъ уповаетъ, доколѣ дышетъ его сердце и уповаетъ тѣмъ дерзновеннѣе, чѣмъ чувство бытія живѣе. Мысль, что мы *много сдѣлать можемъ*, даетъ право и надѣяться многаго. Пріятность сего ощущенія по большей части превышаетъ радости настоящія, потому что *неопредѣлительность* онаго дѣлается въ воображеніи *безконечною*. Такъ устройство нашей природы увле-

каетъ насъ всегда отъ данныхъ наслажденій къ другимъ, которыя насъ ожидаютъ.

§ 389.

Условія надежды слѣдующія: *во первыхъ* долженъ существовать предметъ, достиженіе коего вѣроятно, *во вторыхъ* онъ долженъ быть и предвосхищенъ въ мысляхъ, какъ предметъ пріятный и полезный; *въ третьихъ* должна возчувствована быть и сила достаточная на тотъ конецъ, чтобы достигнуть до отдаленнаго блага. Вотъ почему люди *могучіе*, гордые, счастливые и бодрые питаютъ себя безпрестанными надеждами!

§ 390.

Надежда имѣетъ много *степеней* живости, силы и длительности,—начиная отъ смутнаго, робкаго *предощущенія* до тѣхъ буйныхъ *порывовъ*, въ которыхъ человѣкъ безотчетно и слѣпо предается силѣ дерзкихъ, преувеличенныхъ, ненасытныхъ мечтаній, и изнуряетъ себя упоительною мыслію безумца о предстоящемъ безмѣрномъ счастіи, котораго нельзя еще ни *понять*, на *обозрѣть*. Степени сіи *зависятъ* частію отъ чувственности вообще, частію отъ воображенія, рисующаго идеалы блаженства, частію отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, пробуждающихъ надежды и дающихъ имъ пищу, частію же опредѣляются мѣрою всего образованія.

§ 391.

Для ощущенія такого, которое свойственно

всѣмъ возрастамъ, которое не замираетъ даже съ послѣднимъ вздохомъ, должно быть общее основаніе, измѣняемое только особенными формами. За всѣмъ тѣмъ надежда не есть ощущеніе *коренное*, потому что уже страхъ существовалъ прежде ея. Началоже надежды кроется въ *усиленномъ самочувствіи*. Чѣмъ крѣпче уповаетъ человѣкъ на вѣчное могущество божественныхъ даровъ разума, свободы и фантазіи, а слѣдственно и на высшую жизнь для себя и для другихъ; тѣмъ стремленіе его благороднѣе. Чѣмъ болѣе надежда простирается на внутреннюю дѣятельность, тѣмъ она и спокойнѣе.

§ 392.

Первая надежда являетъ собою робкое предчувствіе вторичнаго наслажденія, даже обладанія извѣданными (сперва видѣнными, потомъ воображаемыми) пріятностями, которыя неохотно мы теряемъ. Тутъ *дитя* еще колеблется между страхомъ и надеждой; послѣдняя, даже, *скорѣе* и *долѣе* является въ видѣ *опасеній*, нежели льстивыхъ ожиданій. *Вторая* надежда *юности* проистекаетъ отъ слабаго разсудка, отъ любви къ покою и отъ легкомыслія, полагающагося только на благопріятство счастія и обольщаемаго фантазіей, которая двадцатилѣтнимъ глазамъ *пророчествуетъ* событія предстоящаго вѣка. *Третья* надежда *зрѣлаго мужа* происходитъ изъ стремленія къ безконечному, неизмѣримому, изъ тягостнаго чувства скуки на-

стоящаго, однообразнаго быта, изъ сознанія свободы, возвышенной надъ *судьбою*, которая хочетъ насъ связать; отъ того въ стѣсненномъ положеніи, въ болѣзняхъ дѣйствуетъ надежда такъ сильно; отъ того проистекаетъ та непоколебимая къ ней привязанность изувѣра, который и тогда, когда все уже потеряно, когда онъ даже и не хочетъ и не можетъ ничего сдѣлать для своихъ затѣй, укрѣпляетъ его на подвигъ мученическій. *Послѣднюю* надежду поселяетъ тлѣнность мірскихъ вещей, суета всего, что подъ солнцемъ.

§ 393.

Любовь къ жизни отрадной, безскорбной, вѣра въ человѣчество, многообъятность сердечныхъ потребностей — вотъ источникъ надежды! Но *возбуждаема* она бываетъ *судьбою*. *Страданія, недостатокъ, нужда* подаютъ первый къ тому *поводъ*. Часто человѣкъ *веселый* и *счастливый* надѣется и болѣе и отважнѣе. *Питается* и *поддерживается* она воображеніемъ и пріученіемъ глаза къ лучшимъ сторонамъ предмета. Посему *плоды* надежды, доколѣ она остается въ своихъ границахъ, весьма приманчивы. Она надѣляетъ насъ кроткими радостями, вселяетъ въ грудь довѣренность, примиряетъ даже съ настоящимъ зломъ;— пробуждаетъ дѣятельность, ободряетъ унылаго, возстановляетъ падшаго, облегчаетъ самые тяжкіе труды и подобно Ангелу-хранителю сопровождаетъ человѣка на всѣхъ путяхъ жизни. Отчаяніе есть только

самообольщеніе: ибо совлечься *свободы* можетъ развѣ малодушный, который не знаетъ внутреннихъ силъ. Бытіе безотрадное чуждо человѣку чистому, неиспорченному. Надежда не можетъ *утратиться* совершенно, она можетъ только *ослабѣть* — именно при встрѣчѣ съ частыми обманами и неудачами.

§ 394.

Прежде, нежели сердце дитяти можетъ разстаться съ надеждою, надобно, чтобы открылась *способность* видѣть свое *настоящее состояніе*, хотя неясно; посему должны предшествовать *опыты*, изъ коихъ фантазія можетъ заимствовать матеріялы для картинъ будущаго. Дитя можетъ быть *затѣйливо въ своихъ желаніяхъ*, но потому-то именно и неспособно радоваться въ ожиданіяхъ. Оно надѣется для себя, равно какъ и для другаго, для ближайшаго; но всѣ движенія его сердца быстротечны. *Бодрый* отрокъ имѣетъ уже болѣе дѣла съ надеждой, чѣмъ дитя; онъ строитъ воздушные замки. *Юноша* и *дѣва* въ особенныхъ надеждахъ своихъ порывистѣе, потому что потребности размножились и пора мечтаній настала. Тутъ уже смутная надежда обращается въ склонность, которая обольщеніями раздражается еще болѣе. *Мужъ* и *жена* простираютъ надежду далѣе, на лучшія времена, на лучшее потомство — въ дѣтяхъ. Чтожъ касается до *старца*, который стоитъ въ концѣ земнаго странствова-

нія; то онъ столько же мало надѣется, сколько и боится. Спокойная преданность и равнодушіе къ приманкамъ мірскимъ, — вотъ, что тихо движется еще въ груди, обуреваніямъ недоступной!

В.

Непосредственные порывы печали.

§ 395.

Въ противоположность радости, свѣтлой и румяной, *прискорбіе*, блѣдное и тощее, волнуетъ сердце болѣзненнымъ чувствомъ несовершенныхъ его состояній,— *теперешнихъ* въ *печали*, *прошедшихъ*, касающихся утраты значительнаго блага — въ *грусти*, наконецъ *будущихъ*, неотразимыхъ послѣдствій воображаемаго зла — въ глубокой *горести*. *Первая*, бодрая и раздражаемая сильными впечатлѣніями настоящаго *жалуется* и *вопіетъ*; она прилагаетъ еще и стараніе объ отвращеніи или уменьшеніи порывовъ скорби, и гдѣ ея старанія оказываются успѣшными, она обыкновенно и проходитъ; *вторая* питается тихими *вздохами*, какъ воспоминаніе минувшаго блаженства — кроткой улыбкой; *третья* ломаетъ себѣ руки, бьетъ въ грудь, и безобразитъ черты лица *плачемъ*.

§ 396.

И боль сердечная наблюдаетъ въ ходѣ своего развитія опредѣленный порядокъ. 1) Она питается *одиночествомъ*, контрастомъ и *сравненіемъ* съ чужими радостями. Отъ того для *горемыки* веселыя лица не только скучны,—они даже умножаютъ грусть его. Отъ того-то именно иной несчаст-

ный можетъ сдѣлаться *жестокосердымъ*, такъ какъ съ другой стороны мы всего скорѣе и утѣшаемъ себя чужимъ горемъ; 2) Далѣе — она увеличивается тогда, когда люди съ пренебреженіемъ смотрятъ на униженнаго несчастливца и даже злобно радуются его страданіямъ; 3) увеличивается отъ незнакомства съ такими же или и болѣе жалкими страдальцами, слѣдственно отъ мысли, что хуже ничего не могло уже и приключиться. Отъ того подобный человѣкъ считаетъ себя наконецъ злополучнѣйшимъ, отверженнымъ, особливо когда, прежде бывъ отмѣнно счастливъ, вдругъ впадаетъ теперь въ противоположенную крайность; 4) Важнѣе скорбъ *невиннаго* страдальца, который, однако жъ, умѣетъ еще мужественно и благородно негодовать на причиняемую обиду. Одобреніе, какое даетъ человѣкъ *самъ себѣ*, есть здѣсь убѣдительнѣйшее и сильнѣйшее свидѣтельство. Отъ того *подобный* невинный одобряется; человѣкъ можетъ *радоваться* тому, что претерпѣваетъ зло незаслуженное. Такъ физическія страданія бываютъ въ воспоминаніи утѣшительны, сладки; 5) Горесть возрастаетъ у *невиннаго* страдальца, который чувствуетъ въ себѣ *слабость*; 6) Наконецъ *весьма больно* должно быть *виновному*, когда онъ въ первыя минуты изливаетъ свое сердце въ бѣшеной досадѣ, которая сама уже составляетъ новую вину.

§ 397.

Вообще скорбь отнимаетъ бодрость духа, за-

держиваетъ движенія собственныхъ силъ и потому дѣлаетъ не только монотоннымъ, но и безмолвнымъ; она подавляетъ даже страсти (каковы гордость, честолюбіе) и, болѣе преданная чужой силѣ, наклоняетъ къ суевѣрію; но на высшей степени — неизлечимой болѣзни душевной — меланхоліи — отвергаетъ всякія утѣшенія, какія представляетъ время, терпѣніе и надежда на лучшую будущность и врѣзываясь все глубже въ сердце, медленно его *снѣдаетъ*.

С.

Посредственные или производные порывы безспокойства душевнаго.

§ 398.

Посредственныя или *производныя* движенія сердца направлены вообще къ прочнымъ состояніямъ *мира Божія* въ человѣкѣ, либо раздора его съ самимъ собою и съ порядкомъ вещей, и здѣсь встрѣчаемъ мы прекрасное явленіе гармонической жизни, *довольство*. Это уже болѣе, нежели только пріятное ощущеніе,—это продолжительное отрадное состояніе достаточнаго удовлетворенія *главныхъ* нашихъ склонностей и соразмѣрной намъ великости духовныхъ наслажденій. Слѣдственно оно объемлетъ въ себѣ и размышленіе о предшествующихъ общихъ усиліяхъ и о настоящей мѣрѣ общаго и существеннаго ихъ удовлетворенія. Отношеніе къ внѣшней причинѣ состоитъ въ связи съ пріятностію сего состоянія. — Оно дѣлается *самодоволь-*

ствомъ, когда обращается къ силѣ нашего существа, или къ, возбуждаемымъ сею силою, стремленіямъ, или наконецъ къ проистекающимъ изъ сихъ стремленій дѣйствіямъ или слѣдствіямъ какъ всего того, что мы сами себѣ доставляемъ, такъ и всего того, что *Богъ намъ послалъ*. Заключая миръ не только съ природой и исторіей, но и самимъ собой и вѣчнымъ, оно содержитъ въ себѣ выводы или сумму *благорастворенныхъ* склонностей и совершеннаго соотвѣтствія оныхъ истинной природѣ и существенному назначенію человѣка.

§ 399.

Но спокойствіе сердца возмущаемо бываетъ мятежниками, которыхъ оно воспитываетъ въ собственныхъ своихъ нѣдрахъ и сіи *домашніе* враги его суть *стыдъ*, *раскаяніе* и *мнительность*.

§ 400.

1) Испугомъ начинается *стыдъ* — первое движеніе нравственнаго чувства. Мгновенно, невольно и сильно содрагается дѣвственное сердце при видѣ *внутренняго* зла, но не прошедшаго, и не будущаго, а *настоящаго*: ибо мы здѣсь тревожимся чувствомъ ограниченія свободы своего лица со стороны какой либо, сознанію навязывающейся, слабости, со стороны какой либо зависимости отъ вещей внѣшнихъ, земныхъ, предосудительныхъ. Кто боится не только подмѣтить въ себѣ нечистыя движенія, не только признать свои недостатки, но и выказать или обличить оные; тотъ борется

со стыдомъ; посему въ стыдѣ дѣйствуетъ страхъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сокровеннѣе для насъ самихъ была слабость, чѣмъ тщательнѣе мы таили ее отъ другихъ, и наконецъ чѣмъ неизмѣримѣе бездна, въ которую подобная слабость могла бы ввергнуть. Человѣкъ, крѣпкій духомъ, будетъ стараться слабость свою либо подавить и преодолѣть, либо прикрыть, либо-даже остроумными и хитрыми толками прикрасить и дать ей другое, сносное значеніе. *Румянецъ* (какъ и въ пылающемъ гнѣвѣ) есть знакъ опасенія, чтобы сознаніе собственной немощи не сдѣлалось *видимымъ*. Отъ того стыдливость потупляетъ глаза, закрываетъ лице и убѣгаетъ людей. Что ей до присутствія стороннихъ лицъ? Она такъ глубоко тронута, такъ сильно озабочена сама собой, что не можетъ уже ничего столько страшиться, какъ своей встревоженной совѣсти.

§ 401.

Но стыдъ обнаруживается въ разныхъ формахъ и притомъ a) въ формѣ *стыдливости*, какъ нѣжное чувство опасенія, чтобы не предпринять чего либо *зазорнаго*, дерзскаго и не подать о себѣ дурнаго мнѣнія людямъ благоразумнѣйшимъ; b) въ формѣ *застѣнчивости*, которая, въ чувствѣ недовѣрія къ самой себѣ, робко убѣгаетъ *всякаго* сообщества; c) въ формѣ *цѣломудрія*, которое отстраняетъ сладострастныя картины фантазіи, уважаетъ наружное благонравіе въ поступкахъ и

чинность въ одѣяніи и обуздываетъ буйные порывы *милаго инстинкта.*

§ 402.

Но истинный стыдъ скоро переходитъ 1) въ *ложный* тамъ, гдѣ мы, предполагая въ другихъ лучшее о насъ мнѣніе, нежели какого мы стоимъ, не хотимъ того дѣлать, что требовалось бы на тотъ конецъ, дабы оное выгоднѣйшее мнѣніе заслужить, или что ему противно: ибо именно сговорчивость наша и обнаружила бы, что мы далеко еще не то, чѣмъ кажемся. Сія непомѣрная робость свойственна молодымъ людямъ, да и кабинетнымъ Ученымъ, у коихъ смѣшиваются и немощь и страхъ и смутныя мысли о томъ, что по условіямъ общежитія похвально, или предосудительно. Она не только останавливаетъ успѣхи образованія, но и дѣйствуетъ вредно на самое чувство истины и мѣшаетъ открытому признанію собственныхъ недостатковъ и погрѣшностей. Еще виднѣе ложный стыдъ 2) въ *жеманствѣ,* — вынужденной, притворной робости, дѣлаясь наконецъ безсовѣстнымъ 3) въ *ханженствѣ.* Сей *искуственный педантизмъ поползновеннаго сердца* преувеличиваетъ благопристойность до того, что не позволяетъ называть и вещи невиннѣйшія, бываетъ либо *частнымъ,* ограничивающимся *иными* только явленіями и лицами, либо *повсемѣстнымъ, сплошнымъ,* доходящимъ до суровости, до жестокосердія и дѣйствуетъ либо *болѣе невольно* у людей *глупыхъ,* сла-

быхъ умомъ и сердцемъ, *напр.* у недорослей деревенскихъ, либо *болѣе произвольно* и *умышленно*— у изувѣровъ и хипрецовъ, у кокетокъ и суесвятовъ. Но во всякомъ случаѣ ханженство — явная *уродливость*, потому что человѣкъ сотворенъ *прямодушнымъ*, даже *смѣлымъ*, и что оно отнюдь не составляетъ *существеннаго* достоинства *женщины*, въ коей столько же гнусна суровость, сколько въ мужчинѣ гнусно жеманство.

§ 403.

II) Близко со стыдомъ граничитъ *раскаяніе*, — непріятное чувство презрѣнія къ самому себѣ, посѣщающее нашу душу при сознаніи неприличнаго поступка, учиненнаго нами въ оплошную минуту. Оно является въ разныхъ видахъ, а именно 1) въ видѣ *гнѣвливаго*, гдѣ человѣку хотѣлось бы въ другихъ, даже бездушныхъ предметахъ, найти причину своего неудовольствія, или на нихъ излить свое горе; тутъ изступленный негодуетъ самъ на себя; 2) въ видѣ *досадующаго*, которое управляется самолюбіемъ и усыпляетъ себя льстивыми извиненіями; 3) въ видѣ *сокрушеннаго*, которое возникаетъ вслѣдствіе нравственно - религіозныхъ проступковъ или грѣховъ, — самое горькое и сильное, покрайней мѣрѣ самое строптивое и неутѣшное, исключая только то, что человѣкъ въ горести считаетъ всякое приключеніе за дѣйствіе судьбы; 4) въ видѣ *хладнокровно-негодующаго*. Здѣсь виновный ожесточается самъ противъ

себя; оно благороднѣе прочихъ и готово на всякія умилостивленія, на всякія жертвы. Сверхъ сего раскаяніе разнится смотря потому, болѣе ли, или менѣе преувеличены мысли о важности блага, утраченнаго нашею виною. Оно переходитъ либо въ смертельную тоску, либо въ мгновенную рѣшимость.

§ 404.

Хотя между стыдомъ и раскаяніемъ есть сходство; однакожъ тщательное сравненіе обнаруживаетъ и разницу. Стыдъ есть болѣе испугъ, и граничитъ со страхомъ, раскаяніе болѣе грусть и огорченіе. Въ стыдѣ болѣе смущается сознаніе нашего неразумія, въ раскаяніи болѣе сознаніе нашей недогадливости, когда *напр.* мы сами своею оплошностію лишили себя извѣстныхъ выгодъ. Стыдъ остается болѣе инстинктомъ, раскаяніе болѣе размышленіемъ; со стыдомъ состоитъ въ связи болѣе самоощущеніе или чувство опасности для нашего *Я*, съ раскаяніемъ болѣе чувство предстоящей утраты нашего счастія. Далѣе — стыдъ относится и къ другимъ, раскаяніе къ намъ; ибо мы стыдимся предъ другими, а каемся про себя; отъ того стыдъ есть чувство симпатическое. Стыдъ оказывается въ видѣ скоропреходящаго потрясенія, раскаяніе въ видѣ продолжительной, тягостной, но вмѣстѣ иногда и сладкой скорби, и притомъ мучительной, потому что человѣкъ имѣетъ высокое мнѣніе о свободѣ

собственной своей воли и терзается тою мыслію, что могъ бы поступить иначе; однакожъ и сладкой, потому что человѣкъ вмѣняетъ его себѣ въ заслугу и ожидаетъ отъ него хорошихъ послѣдствій. И стыдъ и раскаяніе суть ощущенія сильныя, часто возвращающіяся; однакожъ первый преодолѣть легче, нежели послѣднее; мы не говоримъ о вѣчномъ стыдѣ, но говоримъ о вѣчномъ сокрушеніи сердца. При томъ же стыдъ можно менѣе скрыть, нежели раскаяніе. Первый предшествуетъ второму, но не наоборотъ; отъ того раскаяніе благороднѣе. Разумный никогда не можетъ сдѣлаться безстыднымъ, но стыдъ никогда не можетъ обратиться и въ страсть, ни въ самомъ даже робкомъ; но весьма легко можетъ раскаяніе перейти въ страсть — отчаянія. — Фантазія только расписываетъ опасенія стыда, истинный же виновникъ онаго есть гласъ разума, предостерегающій насъ отъ рабства или отъ усыпленія.

§ 405.

III) Но если стыдъ относится къ настоящимъ и притомъ дѣйствительнымъ состояніямъ встревоженнаго сердца, а раскаяніе къ былымъ; то *мнительность* состоитъ въ тоскливомъ предчувствіи будущихъ, неопредѣленныхъ золъ, кои человѣкъ представляетъ себѣ возможными слѣдствіями какъ несовершенства своихъ помысловъ и поступковъ вообще, такъ и случайнаго сцѣпленія вещей. Она оказывается въ разныхъ видахъ томительной

боязни, сообразно съ темпераментами и возрастами и тутъ встрѣчаемъ a) мнительность сангвиника и дитяти (ибо дитя, не знающее еще страха, подвержено, однакожъ, тревогамъ мнительности, т. е. бѣглому безспокойству разсѣяннаго, торопливаго, робкаго; b) мнительность холерика и юноши, т. е. смятеніе застѣнчиваго, раздражительность нетерпѣливаго, завистливаго; c) мнительность меланхолика и мужа зрѣлаго, т. е. нѣжную заботливость человѣка съ чувствомъ, замѣшательство человѣка много занятаго, предубѣжденіе боязливаго, раздумье нерѣшительнаго; d) мнительность флегматика и старика, т. е. тщательность человѣка точнаго, медлительность *недоумки*, гнѣвливость недовольнаго, малодушнаго. Особенные виды ея суть щепетильная разборчивость чувства истины, приторная изнѣженность чувства красоты, ипохондрическая совѣстность изувѣра, который хочетъ быть болѣе, нежели добродѣтельнымъ. Сверхъ внѣшнихъ обстоятельствъ воспитанія, жизни и тѣлосложенія она имѣетъ своимъ источникомъ побужденіе къ самосохраненію, которое, однакожъ, не даетъ себѣ простора, — далѣе — трусливость, непомѣрную раздражительность сердца, произвольное ограниченіе довѣрія къ собственнымъ силамъ воли и разсудка, смѣшную отчетливость въ мелочахъ, и фантазію, которая схватываетъ возможное.

§ 406.

Такова картина сердца въ многоразличныхъ его изступленіяхъ! Замѣтимъ же наконецъ, что любить оныя значилобы прямо — любить сумасбродство, но что и не терпѣть никакихъ живыхъ потрясеній и провождать весь вѣкъ въ механизмѣ *холодной* разсудительности значилобы вообще тушить тлетворнымъ, святотатственнымъ дыханіемъ Гномовъ тотъ чистый, Прометеемъ съ неба похищенный, огонь, которымъ согрѣваются наши чувствованія и помыслы, значилобы истреблять всякій *интересъ*, который заставляетъ насъ принимать участіе въ дѣлахъ человѣческихъ. За всѣмъ тѣмъ возмущенія сердца суть несовершенства и слабости человѣческой природы. Ибо къ назначенію сей природы принадлежитъ то, чтобы мы властны были распоряжаться своими силами, духовными и тѣлесными, для общихъ цѣлей людскости. Но въ минуту вспышекъ разумъ оказываетъ свою немощь; здѣсь подчиненная какая-то власть поставляетъ себя въ средоточіе духовной жизни, ограничивая оную однимъ какимъ либо движеніемъ, по большей части, нечистымъ.

§ 407.

Впрочемъ, прежде еще, нежели волненіе овладѣло нами, мы, безъ сомнѣнія, имѣемъ способы преградить ему доступъ къ сердцу, или по крайней мѣрѣ ослабить его силу, опасную для разсудка. Ибо изступленія основываются на такихъ чувст-

вованіяхъ, кои, возникая въ первый разъ, не являютъ собою ничего грознаго, но получили сокрушительную стремительность мало по малу, а именно отъ того, что мы не дѣлали имъ отпора. Къ томуже высшія степени потрясеній, причиняющихъ самые большіе безпорядки въ человѣческой природѣ и для органической жизни опаснѣйшихъ, зависятъ частію отъ природной слабости тѣла, частію отъ особеннаго, привычнаго расположенія сердца къ извѣстнымъ впечатлѣніямъ, частію отъ тѣхъ понятій, какія мы составляемъ себѣ о свойствѣ и цѣнѣ извѣстныхъ вещей. Такимъ образомъ для отвращенія бурь сердечныхъ, Наука совѣтуетъ пещись о здоровьи и укрѣпленіи тѣла, избѣгать обстоятельствъ, въ коихъ легко возникаютъ потрясенія и наконецъ почаще натверживать себѣ въ памяти тѣ мысли, коими всего скорѣе можемъ оградить спокойствіе сердца. Въ особенности одобряется сіе послѣднее средство, свидѣтельствующее о господствѣ разума и воли надъ случайными впечатлѣніями. Кто довѣряетъ нравственному міроправленію; того успокоиваетъ сія святая мысль во всѣхъ превратностяхъ житейскихъ; кто не преувеличиваетъ своихъ совершенствъ, тотъ менѣе будетъ склоненъ и къ сильному гнѣву; наконецъ, кто твердо памятуетъ, что высочайшее изъ благъ не есть жизнь, но высочайшее изъ золъ — виновная совѣсть; тотъ можетъ не страшиться многихъ такихъ вещей, при видѣ ко-

ихъ другіе трепещутъ. Посему воспитаніе *равнодушія*, не дозволяющаго обурѣвать себя сильными ощущеніями, пріятными и скорбными, зависитъ отъ доблестной воли. Завидна участь мудрыхъ, у коихъ миръ души бываетъ только изрѣдка нарушаемъ и коихъ духовная жизнь подобится ясному дню благословенныхъ странъ. Большая часть людей почти безпрестанно плаваетъ по бурному морю и изнуряетъ себя въ бореніи съ порывами сердца, либо неудержимо и безнадежно предаваясь мукамъ унынія, либо бѣснуясь при малѣйшемъ случаѣ; немногіе счастливцы знаютъ цѣну тѣмъ чувствованіямъ, кои тихо колышутъ сердце живительнымъ, благодатнымъ дуновеніемъ.

Статья III.

Энтузіазмъ.

§ 408.

Какъ отъ понятій различаемъ мы идеи, отъ хотѣній (воли) безусловныя начинанія свободы и ея характеръ; такъ и отъ порывовъ сердца, движимаго личными пользами и невыгодами земнаго благосостоянія, должно различать *энтузіазмъ*, — высшую степень силы, какую могутъ получить ощущенія тамъ, гдѣ обращены къ идеальному, горнему порядку жизни. Ибо а) энтузіазмъ есть уже болѣе продолжительное *настроеніе* здраваго, чѣмъ минутная *вспышка* больнаго сердца, и притомъ на-

строеніе b) такое, которое не получается нами отвнѣ, но которое мы умѣемъ давать сами себѣ въ ясномъ сознаніи своихъ силъ и отношеній. c) Онъ по духу своей дѣятельности безкорыстенъ и трудится не столько для себя, сколько для цѣлаго, которому охотно приноситъ въ *жертву* все то, что льститъ чувствамъ и — d) *формы* его дѣятельности опредѣляются формою святыхъ идей истиннаго, добраго и изящнаго. Такимъ образомъ онъ *восхищаетъ* душу благочестивую въ горнія созерцанія божественныхъ вещей, упоеваетъ сладостію *вдохновеній* душу Художника или Поэта, *восторгаетъ* мыслящаго, *одушевляетъ* мудраго видами e) *предметовъ* благородныхъ, священныхъ. —Совершенство Науки, идеалы неземныхъ наслажденій, охраненіе сана человѣческаго въ себѣ и въ другихъ, общественная польза, любовь къ справедливости, патріотизмъ, геройство, мученичество— вотъ въ чемъ ищетъ наслажденій, вотъ, чѣмъ согрѣвается сердце *великое*! f) Далѣе—энтузіазмъ никогда не довольствуется тѣмъ, чтобы только мысленно любоваться идеалами; онъ дышетъ неослабнымъ *рвеніемъ*, онъ наитствуется силами *разума практическаго*; g) наконецъ дѣятельность его рѣшительно благотворна не только для другихъ, но и для самаго его: ибо онъ не имѣетъ того вреднаго вліянія на смыслъ и волю, которое свойственно пошлымъ, земнымъ восторгамъ; онъ не только не ослабляетъ, не разстроиваетъ орга-

нической жизни, но (судя по ясному челу, по огненнымъ глазамъ, по *движимости* мышцъ, по неизмѣняемому веселонравію *восторженниковъ*) укрѣпляетъ здравіе, такъ какъ иные роды духовной жизни возвышаетъ, облагороживаетъ, особливо дѣятельность фантазіи, образуя изъ возвышенныхъ ея движеній особенный языкъ,—поэтическій, который первоначально возвѣщалъ только то, что по причинѣ выспренняго значенія для разума, глубоко трогало душу,—языкъ, который открываетъ ему безпрепятственный доступъ къ сердцу зрителей и слушателей, тогда какъ наибольшая часть земныхъ восторговъ производитъ дѣйствіе противоположенное.

§ 409.

Безъ энтузіазма, по свидѣтельству Исторіи, не производилось ничего великаго, назидательнаго; онъ дѣйствовалъ во всѣхъ важныхъ успѣхахъ рода человѣческаго, во всѣхъ его движеніяхъ на пути отъ грубости въ познаніяхъ и нравахъ къ просвѣщенію. Скажемъ болѣе: зло давно восторжествовалобы надъ добромъ, еслибъ одушевленіе *избранныхъ Божіихъ* не противопоставляло первому началу преградъ непреоборимыхъ. Онъ же всегда посрамлялъ и благоразумные, хитрые расчеты своекорыстія, творилъ дѣла, невозможныя въ глазахъ того, кто съ нимъ незнакомъ и одерживалъ наконецъ верхъ въ бореніи съ самыми буйными и холодными страстями.

§ 410.

Но есть и *поборничество ложное*, искуственое, притворное, ограничивающееся только мишурою велерѣчія, тѣлодвиженіями, словами, восклицаніями при видѣ *напр.* бездѣлокъ на выставкѣ, тогда какъ истинное живетъ въ благонамѣренныхъ начинаніяхъ и предстоящими трудностями еще болѣе воспаляется. Сіе послѣднее далеко и отъ изувѣрства, роскошествующаго только въ смутныхъ ощущеніяхъ и влекущаго къ поступкамъ безразсуднымъ, неистовымъ. То не только выдерживаетъ повѣрку разума, но и образуется и преспѣваетъ не иначе, какъ при вліяніи высшихъ силъ на сердце; даже бываетъ тѣмъ продолжительнѣе и сильнѣе, чѣмъ яснѣе познано отношеніе свойственныхъ ему ощущеній къ разуму, восхищающему человѣка надъ чувственнымъ міромъ.

§ 411.

Энтузіазмъ не только предполагаетъ просвѣщеніе ума, пришедшаго въ самосознаніе, но требуетъ еще и крѣпости тѣлесной, которая поддерживалабы его силы. Отъ того грубый дикарь, коего духовная дѣятельность ограничилась житейскими нуждами, не способенъ къ возвышеннымъ движеніямъ сердца. Но и въ вѣка́ усыпленія душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, разслабленныхъ прихотями и роскошью, въ эпоху повсемѣстнаго изнеможенія, въ слѣдствіе коего человѣкъ чувствуетъ себя злополучнымъ, коль скоро недостаетъ ему

привычнаго наслажденія, хотя и могутъ, при особенныхъ случаяхъ, оказываться припадки священной ревности, однакожъ возбужденная душа скоро опять погрязаетъ въ постыдномъ сластолюбіи.

Грань 4-я.

Перечневая,=самоощущеніе.

§ 412.

Теоретическій умъ, сосредоточиваясь въ самосознаніи, и практическій, сосредоточиваясь въ совѣсти, движутся на собственныхъ осяхъ своихъ. Точно такимъ же образомъ и тамъ, гдѣ сердце совершивъ полное свое развитіе въ отдѣльныхъ и общихъ ощущеніяхъ, въ причудахъ и восторгахъ, удаляется въ собственное свое святилище отъ окружности къ центру и начинаетъ *вращаться около самаго себя,*—происходитъ *перечневое,* опредѣленное и живое, однакожъ безотчетное ощущеніе нашего внутренняго существа, со всѣхъ сторонъ развитаго, т. е. *самоощущеніе.*

§ 413.

Самоощущеніе не имѣетъ дѣла съ внѣшнимъ міромъ въ представленіяхъ и движеніяхъ воли, ни даже съ отдѣльными чувствованіями, кои повременамъ вздымаютъ грудь, а только знакомитъ насъ съ запасомъ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, состоящихъ въ нашемъ распоряженіи,—знакомитъ не съ тѣмъ, что человѣкъ знаетъ или умѣетъ, а съ тѣмъ, что онъ вообще

есть. Довольство самимъ собой входитъ, какъ случайная часть, въ составъ самоощущенія, которое можетъ быть наполнено и состояніями противными. Оно опредѣляетъ мѣру нашей, сколько естественной, столькоже и пріобрѣтенной довѣренности къ самимъ себѣ, какъ для предпріятія дѣлъ великихъ и громкихъ, такъ и для перенесенія страданій или золъ. Самоощущеніе есть источникъ откровеній всякой внутренней дѣятельности. Оно *отважно*, мужественно, даже *дерзко*, гдѣ увлекается избыткомъ своихъ способовъ, *малодушно и уныло*, когда убѣждено въ своей немощи наконецъ *скромно*, гдѣ чувство силы и могущества *умѣряется* то чувствомъ ограниченности, то многоразличными уваженіями.—Немногіе созрѣваютъ до подобнаго величія; натурально: многіе ли приходятъ въ полное самосознаніе? Многіе ли достигаютъ и полнаго развитія совѣсти? Но тотъ, кто уже совершенно овладѣлъ своимъ центральнымъ бытіемъ, есть человѣкъ *благонадежный*: онъ имѣетъ опредѣленный характеръ сердца; чувствованія его не поддѣльны, затѣи рѣшительны; онъ берется только за то, что ему по силамъ; всѣ движенія души его ознаменованы печатію своеобразія, такъ что, если онъ и здѣсь обманывается, то болѣе уже обманывается въ причинахъ и въ толкованіи своихъ ощущеній, нежели въ цѣлости даннаго быта, въ который сердце питаетъ вѣру не только твердую и несомнѣнную, но и *теплую*:

ибо самосознаніе по себѣ холодно, а совѣсть, грозная и взыскательная, не хочетъ и вступать въ короткія сношенія съ нашимъ эгоизмомъ. Но гдѣ самовѣдѣніе разума и свободы встрѣчаются въ перечневомъ ощущеніи сердечной жизни, тамъ помыслы, желанія и чувствованія достигаютъ *точки насыщенія*, тамъ людскость успокоивается, тамъ, вообще, довершается и замыкается вѣдомство личной и свободной самостоятельности опредѣленнаго духа въ соотвѣтственномъ ему тѣлѣ.

Отдѣленіе VI.

Перечневое.

Свободная зиждительность.

§ 414

Что для теоретической жизни значитъ самосознаніе, для практической совѣсть, для сердечной самоощущеніе въ отдѣльномъ видѣ; то для всѣхъ ихъ въ совокупности значитъ свободная зиждительность. Здѣсь душа находитъ центральную точку для движеній, но не въ самой уже въ себѣ, чтобы, примѣрно, убѣдиться въ степени своего развитія и любоваться запасомъ своихъ способовъ, а чтобъ при помощи сего запаса, не мертвыхъ, но дѣятельныхъ силъ, образованыхъ, зрѣлыхъ, укрѣпившихся, творить, согласно съ званіемъ богоподобной ея сущности, цѣлый міръ, для всѣхъ ея и чужихъ нуждъ удовлетворительный,—творить по

начертаніямъ разума, по внушенію свободы, по выбору лучшихъ, живительныхъ ощущеній полнаго, богатаго, разгаданнаго сердца.

§ 415.

Зиждетъ и тотъ уже, кто мыслитъ и *соображаетъ*, кто строитъ даже воздушные замки: ибо представленія наши не суть ли *образы* вещей? Согласимся, однакожъ, что зижденіе сего рода совершается во 1-хъ при обоюдномъ обращеніи духа къ внѣшнему міру и внѣшняго міра къ духу, что оно во 2-хъ совершается по большей части *невольно*, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ 3-хъ *порабощено* видамъ познанія, словомъ связано, нечисто. Но мы образуемъ и свободно, когда родотворныя силы наши проникнуты бываютъ духовными наитіями разумѣнія, воли и опчетливыхъ чувствованій людскости,—образуемъ, слѣдственно, не для того, чтобы насытить свое любовѣдѣніе, а для того единственно, чтобы расширить свое бытіе, чтобы наполнить пустоту, оставляемую пытливымъ умомъ, отвлеченными начинаніями условной воли и бездѣйственнымъ сердцемъ, чтобы находимые въ сознаніи выводы представлять въ такихъ формахъ, въ какихъ и намъ и всякому другому *видѣть* оные *хочется*,—блестящее, завидное преимущество той твари, которая величаетъ себя образомъ и подобіемъ Божіимъ на землѣ, и не только отличіе, а и потребность существеннѣйшая.

§ 416.

Когда духъ вліяніями своими опредѣляетъ производительныя, со всею природой общія намъ, силы и тѣмъ сближаетъ оныя съ собою и облагороживаетъ; тогда и самъ съ своей стороны,—благодатный гость чувственнаго міра—пріемлетъ плоть, внѣдряясь въ вещественную природу, какъ въ свой органъ, дабы найти въ немъ соотвѣтственное выраженіе. Потому свободная зиждительность—миротворная—вступаетъ въ посредничество между природой и духомъ и сочетаваетъ стихіи жизни, сущностію связанныя, хотя судьбою разлученныя. Но по праву *свободной* зиждительности она хочетъ и овладѣть своей матеріей такъ, чтобы послѣдняя служила только проявленіемъ, только сосудомъ духовнаго. Тутъ-то она и самовластна въ строгомъ смыслѣ, тутъ—то она и получаетъ извнутри устройство, а съ нимъ и жизнь—полную, для всѣхъ нашихъ и силъ и нуждъ удовлетворительную.

§ 417.

Долго и много трудиться надобно искуству для достиженія подобныхъ совершенствъ. Зиждительность сначала болѣе или менѣе связана, болѣе или менѣе ограничена чуждыми вліяніями, слѣдственно бываетъ не прямо духовнаго, не прямо свободнаго, а болѣе чувственнаго рода. Что касается до самыхъ ея произведеній, то они весьма далеки еще отъ пріятныхъ. Даже она вовсе не имѣетъ и въ виду—плѣ-

нять зрѣніе или слухъ знатоковъ; на первый разъ для нея достаточно и того, если удалось выразить потребность пластическую; тутъ она доставляетъ непосредственное удовлетвореніе, хотя бы издѣлія были и уродливыя Но вскорѣ и для свободныхъ движеній зиждительнаго могущества исходитъ изъ внутренней необходимости постоянный законъ, однообразное правило, опредѣленная мѣра, вносится устройство, отчетливость и въ самыя издѣлія. Тутъ только послѣднія и получаютъ право—нравиться; тутъ только и возникаютъ прямыя, либо непрямыя притязанія на значительность формъ. Вотъ какъ съ той, либо съ другой стороны могутъ производительныя усилія наши, даже болѣе чувственныя, болѣе отъ обработываемаго вещества зависящія, сближаться достоинствомъ своимъ съ духовными!

Грань 1-я.

Свободная зиждительность въ сношеніяхъ ея съ потребностями чувствъ и воображенія.

§ 418.

Способъ свободной производительности, наиболѣе зависимый отъ внѣшнихъ ограниченій, есть *чувственное подражаніе отдѣльнымъ вещамъ*, заключающее въ себѣ опять разные виды, особливо

1) *Непосредственное подражаніе* настоящимъ предметамъ въ ихъ покоѣ, либо въ движеніи,—под-

ражаніе, которое разнообразитъ то по свойству вещества, имъ обработываемаго, то по способу отдѣлки, то по степени или мѣрѣ совершенства. Здѣсь искусство занимается простыми *сколками* частію по той причинѣ, что счастливецъ, отъ природы получившій и званіе и талантъ и право играть формами жизни, чувствуетъ и внутреннее влеченіе, выказывать производительную свою дѣятельность, частію потому, что Мимикъ, Ваятель и Живописецъ побуждаемы бываютъ запечатлѣвать въ какихъ нибудь памятникахъ особенно пріятную, либо слишкомъ уже рѣзкую и странную наружность предметовъ, а Поэтъ и Музыкантъ 2) *непрямо, косвенно* подражать вещамъ, которыхъ такъ сказать, нѣтъ *на лицѣ*. Тутъ обработываются внутреннія, посредствомъ воображенія внѣдряемыя въ душу созерцанія,—живыя, интересныя, но бѣглыя, быстротечныя, которымъ для того мы и стараемся дать извѣстную прочность бытія.

§ 419.

Но одни *претворенія* не удовлетворяютъ внутренней потребности; они совершенно зависятъ отъ внѣшнихъ формъ, кои снимаемы бываютъ съ однихъ предметовъ и напечатлѣваемы на другомъ веществѣ; они образуютъ только отдѣльное — въ такомъ видѣ, въ какомъ оное находятъ, тогда, какъ жизнь хочетъ производить *сама изъ себя* и притомъ производить призраки или явленія стройныя, *связныя*. — Правда, извѣстная связь

скоро вкрадется сама уже собою, вкрадется извнѣ; здѣсь стóитъ только отдаться во власть чувственнымъ соображеніямъ. Ибо между тѣмъ, какъ представленія въ пространствѣ и во времени сцѣпленныхъ, такъ же сходныхъ, либо и противоположныхъ вещей невольно встрѣчаются другъ съ другомъ, — между тѣмъ, какъ представленія, болѣе неопредѣленныя сами собою развиваются цѣлыми рядами,—между тѣмъ, какъ къ представленіямъ, чувственно живымъ, либо значительнымъ снаружи примыкаютъ другія, — во внутреннемъ чувствѣ, въ сознаніи возникаютъ многосложные, по видимому близкіе между собою образы, которые и можно представить въ одной и тойже картинѣ, на одномъ и томъ же *планѣ*. Однакожъ и нравиться и удовлетворять могутъ подобныя случайныя сочетанія тогда только, когда *единство идеи даетъ имъ необходимую значительность для жизни*.

§ 420.

Вообще духъ нашъ и зиждущій не любитъ долго оставаться въ совершенной зависимости. Образовательная дѣятельность, сознавая внутреннее свое могущество, съ негодованіемъ отвергаетъ формы и связи, ей чуждыя. Но если она тутъ съ другой стороны не находитъ закона въ самомъ духѣ и не заимствуетъ содержанія изъ жизни; то свобода, до которой она достигаетъ, есть только — своевольство. Правда, и сіе послѣднее образуетъ по-

своему; но не образуетъ уже ничего прочнаго. Оно либо не связываетъ себя рѣшительно ни чѣмъ, либо же посвящаетъ себя изображенію вымысловъ, химеръ, причудъ и затѣй ума и сердца,

a) Какъ зиждение *безусловное, отказывающееся отъ всякой значительности* оно есть только игра, которая либо вовсе не предполагаетъ себѣ ни какой цѣли, либо же позволяетъ употреблять себя — на прикрасы. Впрочемъ и созданія игривыя могутъ быть не только пріятными на взглядъ, именно же тамъ, гдѣ отстраняютъ отъ себя все грубое и дикое, но и какъ свободныя движенія внутренняго начала жизни, могутъ къ тому же подвигать и душу зрителя или слушателя. Но это возможно тогда только, когда они послѣдуютъ тайному нѣкоему, внутреннему закону, хотя бы то было издали, безъ сознанія, неумышленно. Въ Арабескахъ, въ *фантазіяхъ* музыкальныхъ, въ поэтическихъ *отрывкахъ, взглядахъ,* въ *нѣчто* воображеніе даетъ себѣ полный просторъ, когда ищетъ отдохновенія отъ другихъ занятій, либо когда хочетъ намѣкнуть на какую либо значительную мысль, точно такъ почти, какъ и образовательная сила природы въ эфемерныхъ созданіяхъ своихъ, по видимому, *шутитъ,* или дѣлаетъ попытку въ затѣяхъ великихъ;

b) Какъ изображеніе *химеръ* или *небылицъ* оно представляетъ вещи, состоянія и отношенія, посмѣвающіяся надъ дѣйствительностію и внѣшнею

и внутреннею,—зиждетъ на удачу, — и слѣдственно сколько хорошо, столькоже и худо, сколько съ расчетомъ, столькоже и нелѣпо, безвкусно, уродливо, — все, однакожъ, не безъ помощи таланта и навыка, все, однакожъ, не безъ помощи и живой и богатой фантазіи и извѣстной связи ея порожденій и продолжительности внутренняго интереса; но дабы созданія сего рода могли и нравиться, дабы мы съ удовольствіемъ могли читать даже сказки *Бабушкины*, *Аріостовы*, *Шехеразадины*, Казака *Луганскаго*, и т. п., необходимо требуется и то, чтобъ онѣ, если и не сами по себѣ, по крайней мѣрѣ для жизни сердца или ума имѣли какое либо значеніе, а слѣдственно и прелесть. Тамъ только вымыслы исхищаютъ человѣка изъ пошлой зависимости, гдѣ они касаются его предчувствій, тайныхъ затѣй, воспоминаній дѣтства. Посему, какъ бы велико ни было *своеобразіе* на сей степени, гдѣ оно заимствуетъ свою матерію изъ воздушной области, зыблющейся между горнею и дольнею, между идеальною и чувственною, — вскорѣ съ той стороны, либо съ другой, оттуда, либо отсюда втекаетъ опредѣлительная значительность въ самыя игры образующей дѣятельности и исхищаетъ оныя изъ рукъ слѣпаго произвола, который никогда не можетъ ни удовлетворять, ни нравиться. Вотъ почему сіи исчадія фантазіи, а съ ними и формы повѣрья раз-

ныхъ временъ и разныхъ народовъ могутъ между собою сходствовать!

§ 421.

Еще же болѣе сходства тамъ, гдѣ темы заимствуются изъ жизни только *сердечной*. Гдѣ она изливаетъ свою радость и печаль, любовь и томленія, страхъ и упованіе въ звукахъ, либо въ словахъ, кои полновѣсное содержаніе ея облекаютъ въ нѣжныя, крайне подвижныя, но опредѣленныя формы и передаютъ сроднымъ душамъ; тамъ живописуются наши внутреннія, прямо человѣческія состоянія. Подобная зиждительность существенно различается отъ той, которая возбуждаема и поддерживаема бываетъ извнѣ,—отъ той подражающей, которая отыскиваетъ себѣ образы или картины въ видимомъ мірѣ, либо въ области представленій. Тутъ внутреннее ощущеніе, дышащее полнотою средостремительной жизни, обнаруживается въ такой формѣ, которую оно, по видимому, само непосредственно образуетъ такъ точно, какъ и душа образуетъ свое тѣло. Тутъ нѣтъ произвола. Что мы ощущаемъ,—что стѣсняетъ, либо вздымаетъ грудь нашу; то не зависитъ отъ нашего благоусмотрѣнія, то рвется само собою, — противъ нашей воли, безъ нашего вѣдома — къ жизни внѣшней и притомъ гласной, дабы въ полувоздушномъ, летучемъ дыханіи устъ *отрыгнуть сердце* и перелить его движенія въ сердце другаго существа сочувствующаго.

§ 422.

И въ сихъ созданіяхъ слишкомъ мало свободы, чтобы они могли быть для жаднаго духа удовлетворительными, слишкомъ мало твердыхъ, опредѣлительныхъ, для всѣхъ и каждаго ясныхъ очерковъ. Правда, тутъ ощущенія, предчувствія и тоска сердца часто представляемы бываютъ его сотрудницей—фантазіей въ чувственыхъ картинахъ; однакожъ все это не суть ли только образы сердца, его мечты, его, даже, обаянія? Пускай и радости и жалобы пѣсни отзываются въ родственныхъ душахъ; но доколѣ она оглашаетъ одно случайное блаженство и горе того, либо другаго отдѣльнаго лица, дотолѣ выраженія сіи, хотя и переходятъ изъ сердца въ сердце, остаются для общихъ, свѣтлыхъ, отчетливыхъ мыслей неуловимыми. Такъ созданные образы всегда опять и разлетаются, не входя въ *среду нашей жизни* общепринятымъ, твердымъ ихъ значеніемъ. А этой-то удовлетворительности, этой-то рѣшительной выдержки, этой-то самостоятельной опоры духъ нашъ явно и требуетъ отъ своихъ свободныхъ созданій.

Грань 2-я.

Свободная зиждительность, руководимая въ своихъ стремленіяхъ смысломъ.

§ 423.

Духъ нашъ можетъ совершенно свободно и

вмѣстѣ съ тѣмъ для всѣхъ удовлетворительно созидать, знаменуя уже свое вещество, знаменуя свои очертанія и цвѣта́, свои звуки и тѣлодвиженія печатію *соображеній умственныхъ* и такимъ способомъ осуществляя свое вещество для созерцанія. Ибо тутъ онъ подчиняетъ матерію формѣ и выражаетъ общій законъ или понятіе для движеній мысли, объемля чувственное многоразличіе обработываемаго вещества въ единствѣ нагляднаго цѣлаго, при чемъ зиждительная его дѣятельность оказывается смысленною либо только со стороны формы, либо же вмѣстѣ и со стороны содержанія, или матеріи.

§ 424.

Творчество перваго рода не имѣетъ дѣла ни съ содержаніемъ, ни съ цѣлію, а только съ самымъ способомъ изображенія, удовлетворительнымъ для смысла, который вездѣ мѣтитъ на порядокъ и соразмѣрность въ частяхъ и въ цѣломъ, которому и въ наружности вещей ненавистно все рѣзкое, все, выходящее изъ границъ правильности, — который любитъ симметрическое размѣщеніе частей сада, дома, точно такъ, какъ требуетъ порядка и лада въ движеніяхъ рѣчи, музыки, пляски. — Правда, сей родъ творчества, состоящій въ согласіи разнообразныхъ частей другъ съ другомъ, нравится намъ потому, что воображеніе, схватывающее и обозрѣвающее оныя, соотвѣтствуетъ сею дѣятельностію требованіямъ духовной жизни. Отъ того согласіе, гармонія, единство есть условіе все

го того, что выходитъ изъ рукъ Художника. Но какъ формальная только гармонія, какъ одна правильность и соразмѣрность, она суха, мертва, бездушна, и потому не можетъ удовлетворять жизни. Ибо какъ самая жизнь не есть только форма; то и требуетъ, чтобы въ формѣ выражалось нѣчто для насъ значащее, занимательное.

§ 425.

Требованіе сіе удовлетворяется смысленною зиждительностію тамъ, гдѣ она беретъ въ счетъ и самое содержаніе. Ибо она воспринимаетъ въ себя цѣли, постановляемыя вмѣшними отношеніями и потребностями житейскаго быта и налагаетъ на вещи, имъ служащія, слѣды умственныхъ соображеній, такъ что сіи вещи тутъ для ея цѣлей остаются пригодными, либо даже самою уже стройностію отдѣлки способствуютъ ея видамъ. Тутъ, слѣдственно, встрѣчаются расчеты логическаго ума съ интересомъ самой темы и условіе такого творчества состоитъ въ томъ, чтобы форма дозволяла сочетавать свою правильность съ данною цѣлію. Но какъ здѣсь цѣль и способъ изображенія встрѣчаются только извнѣ; то во многихъ случаяхъ и не могутъ совмѣщаться иначе, какъ развѣ жертвуя либо формой пользѣ и удобству, либо удобствомъ и пользой требованію логическаго порядка.

§ 426.

Впрочемъ творчество сего рода есть общая

потребность для внѣшней жизни людей, какъ во всенародномъ ихъ бытѣ, такъ и въ частномъ, какъ при заложеніи *напр.* города, такъ и при устроеніи дома. Ибо всему въ жизни человѣческой надлежитъ имѣть форму духовную, слѣдственно покрайней мѣрѣ не безсмысленную. Посему подобная зиждительность принадлежитъ къ *образованной жизни* людей и распространяется равномѣрно съ успѣхами общей людскости на все то, что служитъ къ пользѣ и къ удовольствію, облагороживая и ремесла наши и нравы. Она же не въ такой степени и безжизненна въ своемъ составѣ, чтобъ не допускала извѣстной игривости, чтобъ не умѣла давать своимъ формамъ то прикрасъ и *вычуръ*, то движенія,—чтобъ не могла быть *милою* и въ своемъ родѣ удовлетворительною. Но она не есть совершенство творческихъ силъ. Ибо, завися съ одной стороны отъ внѣшнихъ цѣлей, съ коими должна сообразоваться, она съ другой не имѣетъ собственнаго содержанія, собственной жизни, слѣдовательно и связана еще и бездушна.

Грань 3-я.

Идеальная зиждительность.

§ 427.

Жизнь свѣжая, самостоятельная истекаетъ только изъ творческаго духа нашего тамъ, гдѣ онъ изображаетъ въ ощутительныхъ созданіяхъ

первоначальный смыслъ, первоначальное значеніе самаго быта человѣческаго, его предметовъ и отношеній, словомъ изображаетъ идеи, т. е. гдѣ, во внутренней рабочей храминѣ соглядая мысли существенныя и образуя формы высшаго рода, дышащія сверхчувственною значительностію, внѣдряетъ оныя въ тлѣнное, земное вещество и превращаетъ въ предметы, доступные взору, слуху и осязанію. Потому-то творчество сіе и называется *идеальнымъ*.

§ 428.

Оно не занимается уже подражаніями или претвореніями готоваго, даннаго, наличнаго, а представляетъ существенное бытіе и движеніе жизни въ ея *первообразахъ*. Потому-то оно и отнюдь свободно и даетъ законъ само себѣ и дышетъ высокою выразительностію содержанія. Ибо идеи вообще не суть произвольныя, пустыя мысли, тѣмъ менѣе у Художника одни отвлеченныя понятія; для послѣдняго онѣ имѣютъ значеніе первообразовъ производительной жизни, въ зеркалѣ коихъ всевидящій духъ созерцаетъ собственную свою лѣпоту вѣчно-юную, неизмѣняемую. Но онѣ столькоже входятъ въ сознаніе снаружи, сколько проистекаютъ и изъ собственнаго источника жизни, вмѣщая въ себѣ значеніе бытія дѣйствительнаго. Ибо это не иное что, какъ самые духи вещей существующихъ и движущихъ,—духи, кои умственному оку нашему являются въ живыхъ, свѣтлыхъ ликахъ.

Отъ того всегда глубокая истина въ идеальныхъ вымыслахъ и созданіяхъ. Потому-то и формы ихъ всегда естественны,—всегда проявляютъ сущность и тайныя стремленія природы. Но по сей же самой причинѣ онѣ не могутъ и получить опредѣленнаго, твердаго и четкаго окерка въ удаленіи отъ міра извѣстныхъ намъ формъ, а только изъ природы и изъ духа человѣческаго въ совокупности, —по силѣ единства, общей имъ, божественной жизни.

§ 429.

Идеальная зиждительность вообще предполагаетъ

a) Внутреннее идеальное созерцаніе, зависящее отъ тонкой и глубокой *внятливости*. Лучше, когда идея бываетъ находима, когда глубокое, возбужденное чувство ею уловляется, нежели когда она порождаема бываетъ нами въ видѣ мысли или догадки, или выдумки: ибо въ первомъ случаѣ произведеніе будетъ казаться менѣе умышленнымъ и потому болѣе живымъ. Но идея должна сообщиться душѣ такъ, чтобы послѣдняя оставалась свободною, чтобы мы умѣли не только дѣятельно встрѣчать благодатныя наитствованія, но и, понимая оныя, пересоздавать собственными своими силами. Ибо симъ только образомъ и происходитъ идея;

b) Побужденіе и силу къ осуществленію промелькнувшей *чреватой мысли*,

c) Во время самаго производства — ясность и

свободу духа. Приливъ или натискъ темныхъ идей не составляетъ еще Художника, а и того менѣе благопріятствуютъ ему порывы страстей, въ коихъ вообще человѣкъ не можетъ даже и собственныхъ своихъ состояній внутреннихъ изобразить благородными красками.

§ 430.

Первоначальная самодѣятельность жизни, превращающая мысли наши о существенномъ устройствѣ вещей во внутреннія видѣнія, есть тотъ же самый духъ, который дѣйствуетъ и во всѣхъ другихъ явленіяхъ сознанія. Какъ онъ въ созерцаніяхъ и представленіяхъ проникаетъ чувственную массу и отстраняетъ нечистую примѣсь, дабы овладѣть сущностію и возвести сіе вѣчное единство на степень мысли, и какъ онъ въ хотѣніи водворяетъ законъ первоначальной свободы въ мірѣ связаннаго бытія, и тѣмъ избавляетъ его отъ ограниченій, искупляетъ отъ узъ рабства; такъ здѣсь—напротивъ того—онъ сообщаетъ первоначальной мысли чувственное бытіе, и тѣмъ вноситъ ее въ міръ явленій. Духъ въ семъ направленіи своей дѣятельности называется *фантазіей*,— производительнымъ, творческимъ воображеніемъ, силою вымысловъ, которая не просто уже принимаетъ въ себя образы внѣшнихъ вещей, либо же оные *отрыгаетъ*, т. е. вторично выводитъ на позорище въ такомъ видѣ, въ какомъ они первоначально отлились, а дѣйствуетъ свободно, или

*

сама изъ себя, по собственнымъ своимъ и побужденіямъ и правиламъ и видамъ. Она не поддается и слѣпымъ внушеніямъ игриваго, безусловнаго своенравія, но находитъ себѣ надежное руководство въ свѣтлыхъ, отчетливыхъ первообразахъ. Сей животворящій духъ такъ-же зиждетъ, но уже не снаружи внутрь, а извнутри наружу, слѣдственно образуетъ не списывая, не слагая, хотя во всякомъ случаѣ прибѣгая къ посредничеству внѣшняго созерцанія, въ которомъ нуждается на тотъ конецъ, чтобы отлить идею въ самой опредѣлительной, въ самой живой формѣ.

§ 431.

Когда къ *проницательному духу* присоединяется съ одной стороны *талантъ*, который безпрепятственно и легко движется во внѣшнихъ созданіяхъ, съ другой *навыкъ* въ вѣрномъ употребленіи орудій и въ обработаніи матеріи; тогда происходитъ *искуство въ тѣсномъ смыслѣ*, идеальное, свободное. Оно принимаетъ въ себя всѣ другія степени творчества и многоразлично связывается посредствомъ ихъ съ дѣйствительною жизнію людей. Закономъ и для него служитъ мѣра, служитъ согласіе въ частяхъ формы; но сей законъ не есть внѣшнее, всегда тягостное принужденіе; здѣсь своевластная жизнь извнутри вноситъ мѣру и порядокъ въ свои движенія, проявляя тѣмъ свободное, духовное начало, которое умѣетъ управлять собою. Содержаніемъ и искуству служитъ то,

что живетъ въ Исторіи людей и въ ихъ повѣрьяхъ; однакожъ такъ, что на всѣ явленія сіи духъ нашъ смотритъ, какъ на собственныя свои стремленія, схватывая оныя не въ томъ ограниченномъ, безобразномъ видѣ, въ какомъ они остаются на взглядъ Художника, но обнимая и въ первоначальной ихъ многозначительности и въ отношеніи къ верховнымъ ихъ цѣлямъ. Такъ могутъ и усилія отдѣльнаго лица, такъ могутъ и душевныя его боренія содѣлаться предметомъ искусства, если только сими подвигами труженикъ домогается того, что составляетъ и существенную силу и благороднѣйшую потребность духа. — И ощущенія сердца,— его восторги и тоску, его страданія и радости,— всѣ сіи метеоры, мелькающіе на подвижномъ горизонтѣ жизни, принимаетъ Художникъ въ свое вѣдомство, въ свои соображенія, такъ что и самые порывы страстей и самыя чувствованія, глубоко врѣзывающіяся въ сердце, получаютъ въ его глазахъ цѣну прекраснѣйшихъ явленій людскости. Такъ искусство, и важное и привѣтливое—вступаетъ въ чреду земной жизни и исполняетъ ее предчувствій Духа — жизнодавца.

§ 432.

Понятна и дивная власть идеальныхъ созданій искусства надъ душою,—понятна именно изъ того, что они представляютъ неземное въ ощутительномъ видѣ, либо же представляютъ и земное, но не иначе, какъ въ таинственной связи съ чѣмъ-то

сверхчувственнымъ, высшимъ. Ибо въ волшебномъ зеркалѣ фантазіи отражаются оба міра, между коими она служитъ посредницей, и изъ коихъ даетъ одному глядѣться въ другой. Посему, обличая завѣтные помыслы и чувствованія, оно и движетъ и утѣшаетъ и веселитъ и благодѣтельно согрѣваетъ наше существо со всѣхъ сторонъ его, во всѣхъ тайныхъ его изгибахъ и направленіяхъ. На сей конецъ отнюдь не требуется то, что превышаетъ силы художника, — не требуется, чтобы сверхчувственныя истины воплощались въ непосредственномъ, осязанію доступномъ, вещественномъ бытіи; пускай онѣ являются и подъ туманнымъ покровомъ Изиды; душа сама уже разгадаетъ и пойметъ значеніе символовъ тамъ, гдѣ *наличныя* произведенія идеальнаго искусства возбуждаютъ предчувствіе того, что не могло быть высказано.

§ 433.

Сами собою разрѣшаются и вопросы:

а) Можетъ ли свободная, а особливо идеальная зиждительность назваться *творческой*? Она по истинѣ творческая, за тѣмъ, что даетъ сама себѣ и форму и содержаніе. Но она и не творческая, потому что даетъ своимъ издѣліямъ только *значеніе* — призраковъ, а не пошлую, *матерую* существенность, и слѣдовательно сама есть опять-таки подражаніе въ томъ смыслѣ, что вноситъ образъ первоначальной истины жизни изъ глубины духа въ міръ внѣшній;

b) Въ какомъ смыслѣ идеальное творчество, можетъ, не смотря на то, назваться *подражаніемъ природѣ*? Оно не списываетъ точь въ точь того, что даетъ теперь исторія и природа; тутъ невосхищали бы насъ живые лики херувимскіе, — тутъ пугали бы насъ отвратительныя, безжизненныя личины. За всѣмъ тѣмъ высокая Поэзія есть подражаніе природѣ, коль скоро подъ послѣднею разумѣемъ такую силу и такую сущность, которыя изъ средоточія внутренняго начала стремятся къ порожденію живыхъ формъ, сообразныхъ съ особенною идеей каждой твари. Сію-то, для чувствъ сокрытую, сторону вещей Художникъ подмѣчаетъ, схватываетъ и установляетъ посредствомъ внѣшнихъ *видѣній*.

§ 434.

То, что свободнымъ искусствомъ сотворено при участіи проницательности, таланта и техническаго навыка есть *изящное въ тѣсномъ смыслѣ*, есть прекрасное идеальнаго рода. Въ немъ внутреннее единство значенія одушевляетъ внѣшнія формы, по себѣ безжизненныя; въ немъ занимательная мысль получаетъ стройную, благолѣпную наружность. Съ какой стороны вы ни разсматриваете Аполлона, Мадону, — отовсюду навѣваетъ на васъ *жизнь* и притомъ *первозданная* въ противоположность одной только *гармонической*, или той, которая состоитъ въ согласіи съ самой собою. Сіе согласіе есть общее условіе *всего*

прекраснаго: ибо понятіе послѣдняго не ограничивается одними созданіями искусства, но простирается и на произведенія природы, словомъ на все то, *что само по себѣ и безъ дальнихъ отношеній къ пріятству, къ пользѣ и назиданію нравится на взглядѣ духовнаго существа не только правильностію формы, но и жизнію, которая сама изъ себя заимствуетъ законъ и мѣру для соотвѣтственныхъ проявленій особенной ея сущности.*

§ 435.

Предметы идеальной зиждительности суть:

1) *Человѣкъ и его жизнь*, слѣдственно a) *человѣкъ въ первоначальной полнотѣ его быта.* Такая картина представляла бы намъ предъ глаза первообразъ человѣчества, — высочайшая, но никогда вполнѣ недостижимая цѣль искусства; b) *Человѣкъ въ какой либо опредѣленной формѣ жизни*, слѣдственно въ какомъ либо характерѣ, или состояніи души, человѣкъ, какимъ онъ оказываетъ себя въ цѣломъ рядѣ поступковъ, либо же и въ одномъ дѣяніи, — по разности народовъ, половъ, возрастовъ, — богатый, *золотой пріискъ* для свободной зиждительности, судя по тому, что первоначальная идея человѣчества является живою въ несмѣтномъ разнообразіи *экземпляровъ*; c) *общежитіе людей*, болѣе или менѣе многочисленное, болѣе или менѣе въ своихъ цѣляхъ благородное, — семейственное, дѣловое, *потѣшное*; — пріязненныя

и враждебныя стремленія и вообще историческія событія, поколику въ нихъ обнаруживаются усилія и распри, миръ и радость, тайное желаніе и страданіе; — не менѣе того и позорища какъ единогласія, такъ и борьбы людей съ общею природой. Самыя даже односторонніи формы человѣческаго быта подвѣдомственны еще идеальному творчеству, лишь бы мы видѣли въ нихъ людей. Посему и зло можетъ быть предметомъ эстетическимъ, поколику оно духовнаго рода или, хотя и превратное, искаженное, однакожъ все-таки человѣческое стремленіе; но по той же самой причинѣ другія явленія въ нашемъ бытѣ, — совершенно чувственныя, грубыя, животныя, исключаются изъ числа задачъ, искусствомъ обработываемыхъ;

2) *Природа и ея жизнь*, именно же a) явленія и дѣйствія общаго Мірозданія, въ которыхъ открываются его величіе, либо сила, либо миръ Божій и которыя пробуждаютъ въ душѣ предчувствія безконечнаго, всепроникающаго духа жизни, b) въ особенности частная и общая исторія органическихъ тварей нашей планеты,—растеній и животныхъ—въ необозримомъ ихъ множествѣ. Каждая порода ихъ есть не иное что, какъ особенная попытка, осуществить по—своему первозданныя умоначертанія Творца, осуществить въ образахъ и живыхъ и значительныхъ. Гдѣ фантазія, требуемыя, даже вынуждаемыя идеей формы, *поставляетъ на видъ*; тамъ улыбаются намъ идеалы самыхъ звѣ

рей и злаковъ. Сверхъ того облики послѣднихъ служатъ къ обрисовкѣ человѣческихъ свойствъ и состояній. Такъ *напр.* животныя, особливо млекопитающія не прообразуютъ ли нашихъ характеровъ? Такъ растенія по причинѣ смутныхъ, неясныхъ движеній и безмолвныхъ порывовъ ихъ жизни не служатъ ли эмблемой нашихъ ощущеній сердечныхъ? Такъ и физіономія цѣлой природы не подаетъ ли повода къ составленію картинъ, кои своею наружностію, ясною, либо пасмурною, величественною, либо прелестною, грозною, страшною, либо тихою, умилительною, могутъ выражать многоразличнѣйшія состоянія души?

3) *Существа свыше—человѣческія* и свойства ихъ искусство такъ же покушается изображать, но уже не прямо, а только косвенно, т. е. либо возвышая ликъ человѣческій въ размѣрѣ и въ выраженіи надъ обыкновеннымъ ростомъ нашимъ, либо связывая оный съ такими вещами, кои символически знаменуютъ высшую природу сихъ существъ, либо же вмѣстѣ и тѣмъ и другимъ способомъ. Оно поступаетъ и здѣсь не совсѣмъ по произволу; — большею частію образуются уже сами собою въ душѣ Художника такія предчувствія горняго, которыя должны прибѣгать скорѣе къ показаннымъ картинамъ, нежели ко всякимъ другимъ. Этого мало. Не только существа свышечеловѣческія, но и отвлеченныя свойства, вещи по себѣ *безличныя*, каковы добродѣтели, пороки, истины, состоянія ду-

ши и т. п. подлежатъ поэтической отдѣлкѣ. Онѣ въ 1-хъ *очувствляются* болѣе непосредственно, поколику изображаемое можетъ содѣлаться опредѣленнымъ какимъ либо явленіемъ души и въ семъ качествѣ найти соотвѣтственное, либо приблизительное выраженіе въ образовательномъ звукѣ и словѣ, или въ тѣлоположеніяхъ человѣка, напр. восторгъ, надежда, уныніе, страхъ; во 2-хъ болѣе косвеннымъ образомъ, а именно посредствомъ *Символовъ* и *Миѳовъ*, изъ коихъ тѣ чувственными знаками (вещами, дѣйствіями, лицами) намѣкаютъ на сверхчувственное по силѣ сходства первыхъ съ послѣднимъ, а сіи — *сказаніями* и *притчами* изображаютъ важную истину въ видѣ историческомъ.

§ 336.

Наконецъ, поелику и свободная зиждительность опредѣляется дѣятельнымъ участіемъ ума, воли и сердца; то и первоначальное свойство и образованіе сихъ способностей имѣетъ рѣшительное вліяніе на самое творчество. Ибо

а) Мысли и хотѣнія сплошъ односторонніи, либо вялыя, либо превратныя, отзываются и въ эстетической жизни народа и вѣка. Важное и глубомысленное искуство уступаетъ мѣсто гладкому, чопорному, поверхностному. Такой именно пищи и требуютъ умы, зараженные плоскостію. Тутъ льстятъ суетности праздныхъ душъ и тѣмъ нравятся. Гдѣ же царствуетъ нѣга и грубая чув-

ственность; тамъ униженное искуство обрѣкаетъ себя на рабское служеніе—плотоугодію.

b) Общее господство Науки и добрыхъ нравовъ поддерживаетъ и самое Искусство въ первоначальныхъ его, благородныхъ, истинныхъ и свободныхъ движеніяхъ. Правда, познаніе Истиннаго и хотѣніе Добраго никому не сообщаютъ ни Генія, ни талантовъ, ни умѣнья; однакожъ они открываютъ идеямъ доступъ къ душѣ вездѣ, а слѣдственно и въ искусствѣ. И наоборотъ — свободная, благорожденная Поэзія конечно не *рабыня* сестеръ своихъ—Истины и Нравственности; однакожъ она весьма много способствуетъ общему образованію человѣческому;

c) Въ духѣ, достигнувшемъ всесторонняго образованія, Истинное, Доброе и Изящное проникаютъ другъ друга единствомъ внутренняго, общаго имъ, основанія жизни. Будучи въ существѣ одинаковы, сіи три идеи разнятся только въ явленіи; но такъ, что каждая изъ нихъ, коль скоро бываетъ совершенно тѣмъ, чѣмъ ей быть должно, вмѣщаетъ въ себѣ и прочія. Ибо полная истина всего быта нашего, т. е. *правда*, которою жизнь наша совершенно и одушевляется, есть вмѣстѣ и благость и изящество; полная же доблесть помысловъ и поступковъ заключаетъ въ себѣ неувядаемую красу и вѣчную истину жизни; а что касается до совершенной лѣпоты нашихъ нравовъ и занятій, околичностей и языка, Наукъ и учрежденій; то она проявляетъ небесную истину и доблесть *во плоти*, и тѣмъ сближаетъ оныя съ

земными нуждами и требованіями нашей людскости. Здѣсь духъ выразумѣлъ жизнь, примирился съ нею и горними вліяніями своими облагородилъ даже ея временную, конечную сторону бытія.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Соотношеніе между тѣлесною жизнію и духовною.

§ 437.

Если сличимъ жизнь тѣлесную и духовную, кои до сихъ поръ были разсматриваемы порознь; то съ перваго взгляда не только остроуміе и фантазія, но и самая Наука должны признать *обоюдное соотвѣтствіе* въ устройствѣ каждой изъ нихъ, должны признать родъ *предуставленной гармоніи.* Принятіе и вареніе яствъ, приготовленіе и обращеніе крови, плототвореніе—все это не указываетъ ли символически на производство познаванія, возбуждающее къ дѣятельности разрозненныя стихіи нашей жизни? Тѣлесная движимость не находитъ ли своей параллели въ хотѣніяхъ, въ начинаніяхъ? А жизнь, которая бьется и дышитъ въ груди, не сливается ли и сущностію и понятіемъ и названіемъ съ жизнію внутреннихъ, *сердечныхъ* ощущеній? Чтоже касается до силы образовательной; то не зиждемъ ли мы сколько родотворными органами, столько и мыслію, и сколько мыслію, столь-

же и досужими руками и сколько руками, столько же и словомъ? И на сторонѣ духовной, подобно какъ на тѣлесной, способъ сихъ отправленій, то восходящій, то нисходящій, можетъ въ многоразличныхъ степеняхъ разсматриваемъ быть, какъ *превращеніе* однихъ и тѣхъ же началъ, одной и той же дѣятельности жизненной. Ибо самосознаніе и совѣсть не соотвѣтствуютъ ли общему ощущенію нашего бытія, а своевластіе не значитъ ли тоже самое, что и господство нервной системы въ тѣлѣ?

§ 438.

Нѣтъ ничего естественнѣе, какъ смотрѣть симъ способомъ на *раздвинутыя* формы жизни; но коль скоро послѣдняя возвращается къ своему первоначальному, истинному понятію; то находитъ въ своей тѣлесной и духовной сторонѣ *одно живое цѣлое,* а не двойной рядъ отдѣльныхъ, хотя согласныхъ явленій, подобныхъ двумъ часовымъ машинамъ, изъ коихъ одна точъ въ точъ движется такъ, какъ и другая, хотя наружнымъ механизмомъ съ нею не связанная. Вотъ важный пунктъ, въ которомъ надобно вразумиться! Ибо извѣстно, что временная жизнь человѣка нуждается въ просторѣ для своихъ движеній, что она и дѣйствительно порывается къ свободѣ, дабы привести въ полную силу державныя права удѣльнаго своего домостроительства. Не есть ли сія духовность, можетъ статься, только *возгонка* натуральной жиз-

ни, утонченіе нервной, крайняя степень превращенія общаго эѳира, *разсуществленіе*? Не переходятъ ли чувствованія наши со временемъ—мало по малу—въ наблюденія, въ познанія вѣроятно чрезъ постепенное внутреннее порожденіе тончайшей матеріи нервной, электрической, воздухообразной и т. п. и не бываетъ ли вмѣстѣ съ тѣмъ самая раздражительность мышцъ побуждаема къ движеніямъ извнутри, слѣдственнокъ движеніямъ свободнымъ, къ проявленію силы средобѣжной?

§ 439.

Сія отважная догадка, связывающая жизнь извѣстнымъ единствомъ понятія, хороша на своемъ мѣстѣ и въ своихъ границахъ, но не далѣе. Ибо какова бы ни была масса въ составѣ своемъ или сцѣпленіи—она сама по себѣ неспособна ни жить, ни стремиться, ни сознавать единство своей сущности. Все, что рвется извнутри наружу, должно быть первоначально жизнію, но не такою, которая дѣйствуетъ по естественнымъ, механическимъ побужденіямъ: ибо что жаждетъ свободы, то по идеѣ уже своей должно быть свободнорожденнымъ, должно чувствовать въ себѣ званіе къ сему небесному наслѣдію. Какъ можно иначе и домогаться того, въ чемъ отказываютъ намъ врожденные способы и дары благодати? А первоначальная дѣятельность, врожденное основаніе свободныхъ движеній, есть, какъ извѣстно, духъ. Посему человѣкъ не только первоначально свободенъ, не только по су-

ществу своему есть духъ, но еще стремится къ безпрепятственному выраженію богоподобнаго характера и въ земномъ существованіи своемъ, т. е. стремится и *выказывать себя такимъ, каковымъ онъ устроенъ*. Ибо силу мы и знаемъ въ соотвѣтственныхъ дѣйствіяхъ, сущность въ *однородныхъ* съ нею явленіяхъ. Но порывы къ свободному осуществленію духовной жизни во времени и въ пространствѣ состоятъ не въ такихъ дѣйствіяхъ, кои, примѣрно, были бы однажды навсегда установлены и расчислены, а въ *развитіи*, которое вездѣ имѣетъ ходъ *постепенный, неопредѣлительный*.

§ 440.

Вслѣдствіе врожденнаго стремленія къ бытію, только отъ себя самаго зависящему, человѣкъ, по званію духа единодержавнаго, нераздѣльнаго, какимъ онъ является себѣ въ сознаніи, овладѣваетъ болѣе или менѣе *своею* жизнію тѣлесною, проникаетъ *извнутри* всею своею силой *каждый* ея изгибъ и чрезъ нее *свидѣтельствуетъ о* себѣ предъ глазами внѣшняго міра. Вотъ откуда вкрадывается не только — посредственнымъ образомъ — умыслъ въ наше вниманіе, въ наши поступки, но — непосредственнымъ образомъ — вкрадывается и значительность въ человѣческое тѣло, въ его положенія и движенія, въ рѣчь и во весь наружный видъ. Въ немъ характеръ; но не какъ напечатлѣніе отвнѣ, а какъ выраженіе духовной, внутренней силы,

которая и первоначально уже зиждетъ себѣ по *своей схемѣ* или *идеѣ* соотвѣтственный организмъ, и въ послѣдствіи свободно, съ сознаніемъ сей организмъ, принятый въ собственное распоряженіе, обработываетъ и употребляетъ.

§ 441.

Чтожъ такое значитъ *тѣло*, когда сущность человѣка есть духъ? Внѣшняя жизнь наша включена въ общій чинъ вещей; слѣдственно она, конечно, дѣйствуетъ, движется и преспѣваетъ на своемъ мѣстѣ, какъ самобытность; однакожъ не иначе, какъ въ отношеніи ко всѣмъ тварямъ, такъ сказать, *единоутробнымъ*, ко всѣмъ тварямъ — *сверстницамъ*. По существу своему, она, будучи отъ міра сего, есть живая сила, (которая не можетъ обойтись и безъ ощутительныхъ созданій); но сила уже не общая, *вселенская*, неопредѣленная, а относительная, *удѣльная*, приставленная къ своему мѣсту; тѣло именно и вдвигаетъ ее въ рядъ дѣйствительныхъ существъ нашей планеты. Слѣдственно тѣло само по себѣ не составляетъ прямаго, полнаго, сомкнутаго бытія, т. е. такого, которое вмѣщало бы въ себѣ и могущество самозиждительное; сила жизни беретъ себѣ сію, выработанную ею, форму пластическую въ посредничество при втеченіи своемъ во внѣшній міръ, при многочисленныхъ своихъ *сдѣлкахъ* съ симъ послѣднимъ.

§ 442.

Тѣло отнюдь не призракъ, а существо; однакожъ существо только внѣшнее и въ семъ качествѣ опредѣленное, какъ извнутри, такъ и снаружи, какъ наитствованіями нашего духа, такъ и вліяніями общаго Мірозданія. Ибо жизнь человѣка становится дѣйствительною и для чувствъ не иначе, какъ входя во всесторонніе отношенія къ внѣшнему міру, отношенія же сіи опредѣлены нашею судьбою, т. е. занимаемымъ нами мѣстомъ въ чинѣ творенія. Посему она въ той же самой степени, въ какой осуществляетъ себя наружу, получаетъ опредѣленную мѣру бытія и дѣятельности и являетъ собою одно что-то, а не все возможное. Но какъ она первоначально есть духъ; то имѣетъ потребность быть на своемъ мѣстѣ жизнію свободною и потому чрезъ предстателя своего овладѣвать благопріобрѣтеннымъ своимъ достояніемъ, распоряжаться въ границахъ *своего недѣлимаго быта*. Такимъ образомъ мы въ семъ посредствующемъ созданіи признаемъ опредѣленный кругъ дѣятельности, не столько навязанный духу нашему стороннею силою, сколько имъ самимъ учреждаемый, какъ *необходимое предположеніе* для откровенія небесныхъ даровъ — сознанія и нравственной свободы. Вотъ причина, почему *грѣшно* человѣку умерщвлять, или насильственно подавлять свою плоть, чрезъ которую ему и суждено только утверждать свою свободу; вотъ

почему мы столь же мало можемъ представлять самихъ себя безъ тѣла, сколь мало можемъ и воображать себѣ Творца безъ Вселенной, такъ что всякому взгляду на жизнь за гробомъ невольно навязывается и мысль объ *обновленіи ветхой нашей храмины*; вотъ почему мы опредѣленный только организмъ, а не всякій другой считаемъ за свою собственность; вотъ почему никто въ здравомъ состояніи не можетъ мыслію переносить свое *Я* въ плоть чужую; вотъ почему *побои* принимаются нами за обиду *личную*!

§ 443.

И такъ тѣлу суждено предстательствовать, суждено заступать временное бытіе духа. Сей только взглядъ на отношеніе его къ внутреннему, свободно-зиждущему началу основательно изъясняетъ сущность и силу *волненій сердечныхъ* и вліяніе жизненныхъ дѣйствій духа на пищевареніе, на дыханіе и на другія отправленія органическія. Но сей же только взглядъ объясняетъ намъ опять и свойство человѣческаго тѣла въ двуличневой сплошной его относительности, а именно —наружу — къ внѣшнему міру, и внутрь — къ духу. Ибо какъ оно есть осуществленіе или проявленіе послѣдняго на чредѣ земнаго бытія; то, принадлежа вмѣстѣ и царству необходимости и царству свободы, оно составляетъ такое посредничество между духомъ и природой, чрезъ которое первый втекаетъ во вторую, а сія наитіямъ его предает-

*

ся. Вотъ почему мы видимъ и совершенную соразмѣрность, сплошную правильность въ устройствѣ тѣла; вотъ въ какомъ смыслѣ оно есть *органъ* духа, а не простое, стороннее *орудіе* его!

§ 444.

Но не могло ли бы тѣло служить органомъ духу и завсѣмъ тѣмъ являть собою бытіе отдѣльное, самостоятельное, хотя связанное съ послѣднимъ и ему подвѣдомственное? — именно же такъ, чтобы жизнь человѣка была не *одна* жизнь, а двѣ, существенно разныя и первоначально разлученныя, — чтобы кажущееся единство нашего состава была только обоюдная встрѣча сихъ двухъ родовъ жизни, — чтобы стремленіе къ свободѣ было стремленіемъ одного изъ нихъ являть въ сей связи преобладательство надъ другою половиной или имѣть ея область, если не въ подданствѣ, по крайней мѣрѣ въ сильномъ покровительствѣ? Не спорим, что сіе предположеніе согласно съ нашимъ сознаніемъ: законы духовной жизни и законы тѣлесной не представляются ли намъ дѣйствительно въ видѣ разнородныхъ? Оно соотвѣтствуетъ и потребности смысла, который любитъ раздѣлы; оно и *уютнѣе*. Но

а) Противорѣчитъ полному сознанію жизни, уничтожая возможность человѣковѣдѣнія, потому, что вслѣдствіе сего предположенія многоразличіе формъ являющейся жизни человѣка *необъятное* въ единствѣ, было бы недоступно и *понятію*;

b) А сколько трудностей въ истолкованіи *первоначальной тайны сотворенія,* т. е. въ изъясненіи самаго способа, *какъ* и какими именно путями сообщаются между собою духъ и тѣло! Не прибѣгало ли здѣсь суемудріе къ случайнымъ причинамъ, къ непосредственному содѣйствію Божію, не прибѣгалоли къ фатализму, который отъ начала вѣка извнѣ, такъ сказать, *приноровилъ* одну жизнь къ другой, — попытки нелѣпыя, смѣшныя, безполезныя, но неизбѣжныя тамъ, гдѣ тѣло и духъ представляемы бываютъ другъ для друга *чуждыми, посторонними, механически сдвинутыми* или *сцѣпленными,*—гдѣ одинъ, какъ готовый уже, зрѣлый, совершеннолѣтній хозяинъ и художникъ долженъ употреблять и готовое уже, данное орудіе?

c) Прибавьте еще и то, что при допущеніи двойственности тѣлесная жизнь человѣка, какъ состоящая въ природѣ, долженствовала бы продолжать свое бытіе сама по себѣ, въ отдѣленіи отъ духовной, и продолжать тѣмъ благоуспѣшнѣе, чѣмъ менѣе былабы стѣсняема враждебными вліяніями могучаго союзника, и однакоже тѣло безъ духа — трупъ;

d) Наконецъ при сей двойственности, духъ владычествовалъ бы надъ тѣломъ, не проникая его извнутри, не освобождая, а порабощая, или оказывая внѣшнее насиліе.

§ 445.

А не такова ли въ самомъ дѣлѣ, по свидѣтельству внутренняго опыта, власть духа надъ тѣломъ? Такова, но только *отчасти*, и сей-то именно опытъ породилъ мнѣніе о сугубой жизни нашей и поддерживаетъ истину онаго въ подчиненномъ вѣдомствѣ сознанія. Ибо кто сталъ бы, наперекоръ внутренней увѣренности, утверждать, что произвольное движеніе его мышицъ, что его наблюденіе, внимательность и пр. совершаются тольхо физически, либо же по крайней мѣрѣ такъ, что тѣло служитъ тутъ духовной жизни внѣшнимъ орудіемъ? Кому не говоритъ внутреннее чувство, что дѣйствующая, или образующая рука, разсматривающій глазъ, внемлющее ухо и пр. ожи. влены въ сихъ дѣйствіяхъ изъ внутренней свободы? Но тотъ же самый непосредственный опытъ научаетъ насъ и съ другой стороны, что въ здравомъ состояніи человѣка образующая и питающая дѣятельность тѣлесной жизни съ ея органами во внутреннемъ судилищѣ изъята отъ свободы и управляется духомъ только снаружи, т. е. въ томъ смыслѣ, что онъ удовлетвореніе естественныхъ, невольныхъ побужденій подчиняетъ своему руководству. Откуда сіе разрозненіе, если въ человѣкѣ живетъ *одно* только существо?

§ 446.

Возможность подобной двойственности въ единствѣ явствуетъ изъ того, что тѣло, въ ко-

торомъ духъ изъявляетъ свою сущность не только самъ для себя, во внутреннемъ сознаніи, но и со стороны, для всѣхъ другихъ видимой, открытой, есть созданіе творящихъ силъ дольняго міра нашего, и, имѣя бытіе особенное, принадлежитъ все еще общей Природѣ. Прибавьте и то, что въ нынѣшнее время жизнь человѣческая столь глубоко внѣдрена въ нашу планету, что для выдержки общихъ вліяній послѣдней, нуждается въ возобновленіи своего особеннаго состава безпрерывномъ и слѣдственно недоступномъ произволу, который могъ бы свободныя сообщенія задерживать. Здѣсь-то происходитъ тѣснѣйшее значеніе тѣлесной жизни человѣка, какъ такой, которая сохраняется и поддерживается въ природѣ безпрестанными дополненіями или добавками изъ запасныхъ ея храминъ, и въ семъ смыслѣ идетъ нынѣ тѣлесная жизнь человѣка наровнѣ или об-руку съ его духовной, распоряжаясь сама собою во ввѣренной ей части домостроительства.

§ 447.

Поелику вся внѣшняя жизнь человѣка, природѣ подвѣдомая, нуждается въ безпрестанномъ *отрожденіи* своего существа посредствомъ питанія; то она сплошъ и проникнута силою плодотворною и съ сей стороны совершенно вмѣщается въ тѣсномъ понятіи жизни тѣлесной. Но вотъ важная разница!

а) Тѣло частію состоитъ въ мозгѣ, частію

предано ближайшимъ образомъ въ управленіе мозговымъ, да и становымъ нервамъ и потому можетъ быть разсматриваемо какъ существо, проникнутое духовною дѣятельностію жизни. Тутъ оно есть непосредственный органъ идеальнаго начала, вовлекаемый послѣднимъ въ сочувствіе. Тутъ наше *Я* обработываетъ и употребляетъ свой органъ свободно—для пробудившихся нуждъ и видовъ безконечнаго своего усовершенія; тутъ оно торжествуетъ надъ немощнымъ союзникомъ. Этого мало; тутъ оно и само съ своей стороны, никогда не готовое, некончаемое, переходитъ отъ возможнаго бытія къ дѣйствительному отнюдь не въ томъ смѣслѣ, будто возникало *изъ* тѣла, а въ томъ, что оно и развивается и зрѣетъ и мужаетъ до извѣстной эпохи только съ успѣшнымъ ходомъ органической стороны, которую въ послѣдствіи оставляетъ далеко за собою;

b) Органы и отправленія *средней* части, завѣдывающей раздражительною жизнію мышцъ—въ дыханіи и рѣчи—сколько признаютъ вліяніе произвола на ихъ образованіе, столькоже и посмѣваются оному.

c) Наконецъ части и отправленія тѣла, коими оно постепенно присвоиваетъ себѣ питательное свое вещество, съ господствующею въ нихъ системой нервныхъ сплетеній, предоставлены исключительному вѣдомству тѣлесной жизни въ тѣсномъ смыслѣ. *Сіе* тѣло, чисто земное, растительное, не приводится уже въ движеніе духовное из-

внутри; мы надъ нимъ невластны. Правда, его разстояніе отъ духовной жизни не столь велико и рѣшительно, чтобы сія послѣдняя, въ состояніи будучи извнѣ втекать въ него весьма замѣтно, не могла также и извнутри дѣйствовать на него въ такой степени, которую опредѣлить трудно; однакожъ въ теперешнемъ періодѣ жизни человѣческой подобное состояніе (*напр.* животнаго магнитизма) есть всегда неправильное, болѣзненное.

ГЛАВА 2-я.

Духовная Феноменологія.

§ 448.

Описавъ—въ Дидактикѣ — собственную, свѣтлую, такъ сказать, солнечную жизнь души въ общихъ, необходимыхъ ея откровеніяхъ, представимъ и разительныя явленія, касающіяся не столько до ея *сущности*, сколько до особенныхъ *отношеній* ея къ природѣ вещей. Сіи явленія суть либо чрезвычайныя, инымъ только людямъ свойственныя, состоянія души, какъ вполнѣ развитой, такъ и въ естественномъ ея ходѣ задержанной, либо общія, сколько естественныя, столько же и противоестественныя, случайныя явленія жизни *планетной* т. е. ночной, либо наконецъ противоестественныя уклоненія отъ *нормальныхъ* движеній и откровеній души. Посему *Феноменологія* имѣетъ своею задачей—въ *трехъ Отдѣленіяхъ*—пояснить а) врожден-

ные недостатки и совершенства главнѣйшихъ способностей духа, b) исторію *сонной* нашей жизни, c) такъ называемыя, болѣзни душевныя.

Отдѣленіе 1.

Врожденные недостатки и совершенства въ главнѣйшихъ отправленіяхъ духовной жизни.

§ 449.

Поелику люди a) имѣютъ общимъ между собою то, что входитъ въ составъ тѣлесныхъ и духовныхъ силъ человѣка, поелику d) надлежащее упражненіе сихъ силъ ведетъ къ великому совершенству въ ихъ проявленіи и поелику наконецъ c) одно глубокое впечатлѣніе въ младенческой душѣ часто даетъ направленіе и рѣшительную форму всѣмъ ея способностямъ; то не слѣдовало бы говорить о врожденной разности въ духовныхъ силахъ, а только о такой, которая происходитъ со временемъ отъ случайныхъ вліяній.

§ 450.

Но отъ чего иные весьма скоро и легко пріобрѣтаютъ свѣдѣнія, искусство и навыки, кои другимъ, при всѣхъ усиліяхъ, недоступны? Отъ чего одинаково воспитанные часто отстоятъ такъ далеко другъ отъ друга? Отъ чего иные таланты, а равно и тѣлесныя свойства бываютъ въ фамиліяхъ наслѣдственными? Не заставляютъ ли насъ сіи причины допустить врожденное основаніе ду-

ховной, (всегда, впрочемъ, *количественной*) разности между людьми? Но подобная разность очевидно заключается не въ зародышахъ, вездѣ одинаковыхъ, и не въ мозгѣ, который самъ образуется мало по малу подъ вліяніемъ души, а въ особенныхъ отношеніяхъ духовной стороны къ тѣлесной, по силѣ коихъ развитіе естественныхъ силъ требуетъ сколько внѣшнихъ раздраженій, столько же и внутренняго воздѣйствія.

§ 451.

Разительныя явленія необыкновенныхъ состояній души усматриваются во всѣхъ главнѣйшихъ движеніяхъ ея жизни, — усматриваются въ умѣ и въ волѣ и въ сердцѣ.

Грань 1-я.

Чрезвычайныя явленія въ области умозрительной жизни.

§ 452.

Какъ *жалко* видѣть иногда непомѣрную *ограниченность* умственныхъ силъ, унижающую человѣчество! Но какъ опять и пріятно онѣ *изумляютъ* насъ своимъ *величіемъ* въ другихъ случаяхъ! Раздѣлимъ же явленія сего рода на *отрицательныя* и *положительныя*.

Статья I.

Чрезвычайныя явленія въ области умозрительной жизни отрицательнаго качества.

§ 453.

Отсутствіе извѣстныхъ *штатныхъ* чувствъ—

у слѣпцевъ и глухонѣмыхъ, врожденный безпорядокъ въ движеніяхъ воображенія—у изувѣровъ, слабость смысла — у несмыслей, ограниченность разсудка—у глупцевъ, родимыя пятна неблагоразумія—на челѣ глумливыхъ, жалкая слабость сознанія вообще—у разсѣянныхъ и углубленныхъ,—вотъ разные *пункты*, разсматриваніемъ коихъ занимается предлежащая Статья!

Пунктъ 1-й.

Природный недостатокъ чувствъ,

§ 454.

Жизнь нуждается въ возбужденіяхъ отвнѣ. При здравомъ состояніи органовъ, она, подстрѣкаемая *нуждою*, и умышленно *упражняемая* для интересныхъ цѣлей житейскихъ, производитъ на степени *чувственнаго познанія* чудеса зоркости, досужества, музыкальнаго *чутья*. Но сему усовершенію мѣшаютъ разные *недостатки* и уродливости тѣла, которыя хотя не вовсе подавляютъ, однакожъ значительно ограничиваютъ внѣшнюю дѣятельность духа. Ибо нашимъ первоначальнымъ познаніемъ міра управляютъ три главнѣйшія, космическія чувства, осязаніе, слухъ и зрѣніе. Осязаніе вводитъ насъ первое въ кругъ пространственнаго бытія, глазъ довершаетъ наше познаніе видимаго міра, а слухъ доставляетъ средство духовнаго сожитія; при помощи его мы самымъ опредѣ-

лительнымъ образомъ признаемъ разумъ и человѣчество вокругъ насъ. И такъ, если спрашивается: въ какихъ видахъ является жизнь человѣческая, напитствуемая познаніемъ наружныхъ чувствъ? то, поелику осязаніе пребываетъ всякому вѣрнымъ, отвѣчаетъ на сей вопросъ сравненіе *слѣпыхъ* и *глухонѣмыхъ* съ тѣми, у кого всѣ чувства здравы. Величайшій недостатокъ, здѣсь возможный, была бы *слѣпота глухонѣмаго* Шотландскаго мальчика Джемса *Мичеля*, которому, однакоже, искусство сестринской любви умѣло облегчить и *сію* бѣдственную участь.

§ 455.

Глазъ есть чувство нашихъ внѣшнихъ познаній о мірѣ; посему недостатокъ слѣпорожденнаго есть въ особенности его *неловкое* или безпомощное положеніе наружное; ухо есть чувство духовныхъ сношеній; посему недостатокъ *глухорожденнаго* въ обществѣ слышащихъ непосредственно касается самаго образованія духовнаго. Общество глухихъ на землѣ могло бы управляться или *изворачиваться* само собою, общество слѣпыхъ нѣтъ. Послѣдніе нуждаются въ вожатомъ. Но если уже они бываютъ водимы; то осязаніе вознаграждаетъ имъ большую часть ихъ недостатка, и хотя эстетическое ихъ образованіе много страдаетъ отъ того, что для нихъ закрыто зрѣлище разноцвѣтной природы; за то они могутъ быть наставляемы въ разныхъ искусствахъ и доступны почти

всякой Наукѣ.—Даже *ослѣпнувшіе* легко свыкаются съ своимъ горемъ; но положеніе глухаго гораздо долѣе остается для него тяжкимъ бременемъ. Ибо въ особенности глухорожденные или оглохнувшіе столь рано, что не могли обыкновеннымъ путемъ ни уразумѣть языка, ни говорить, теряютъ въ языкѣ самоважнѣйшее средство общежительнаго и внутренняго образованія духовнаго.

Мы нуждаемся въ языкѣ не только для сообщенія умственнаго запаса, но и для внутренняго производства мысленія; ибо и сіе послѣднее возможно для насъ не иначе, какъ при помощи его знаковъ. Но этого еще мало .Изучаясь языку, мы не только овладѣваемъ орудіемъ умственнаго усовершенія, но еще получаемъ и большую часть самаго сего сокровища. Образованіе, которое въ теченіе цѣлыхъ столѣтій отливалось въ словесности нашего народа, есть такое наслѣдіе, которое всякій на свою долю можетъ себѣ присвоивать при изученіи грамати. Посему, кто не владѣетъ языкомъ; у того отняты способы не только входить въ сношенія съ разумными существами, но и возвышаться надъ духовною ограниченностію дѣтей и дикарей.

Такъ прежде всего и естественнымъ образомъ надобно судить о положеніи глухонѣмыхъ въ обществѣ. Замѣтимъ, однакожъ, что глухонѣмой не вовсе лишенъ способности объясняться; онъ лишенъ только языка звучнаго или словеснаго, какъ удобнѣйшаго для людей. Сей недостатокъ многораз-

лично замѣняется тѣлодвиженіями и письмомъ. Скажемъ болѣе: обращеніе съ людьми доставляетъ такой запасъ, по себѣ вразумительнаго, языка мимическаго, что живущій съ людьми получаетъ и безъ рѣчей извѣстное образованіе для дѣлъ житейскихъ. Это доказывается судьбою тѣхъ, здравыхъ духомъ, глухонѣмыхъ, кои особеннымъ наставленіемъ не пользовались.

Но безсмертную въ потомствѣ заслугу оказали симъ нещастнымъ тѣ мужи, которые изобрѣли искуство особеннаго образованія для глухонѣмыхъ, —искусство *прививать* и имъ нашъ общій языкъ. Ибо, если мы можемъ давать глухонѣмому языкъ, то можемъ совершенно ограждать его отъ грубости и одичанія, такъ что онъ бываетъ жалокъ только на взглядъ, а именно тѣмъ, что по большей части живетъ съ такими людьми, которые его языка не понимаютъ и языку которыхъ онъ съ своей стороны надлежащимъ образомъ научиться не можетъ.

Внимательному наблюдателю глухонѣмые отнюдь не покажутся людьми безъ дарованій. Гдѣ скудоуміе сопряжено съ недостаткомъ слуха, тамъ оно случайная, сторонняя примѣсь. Посему глухонѣмые, мало наученные, естественнымъ образомъ далеко отстанутъ отъ воспитанныхъ, кои при руководствѣ толмача, могутъ *верстаться* со всякимъ образованнымъ.

Сіе наставленіе преимущественно нуждается

въ надлежащемъ образованіи языка для глухихъ. Но для сего языка нашъ способъ говорить и писать сопряженъ съ величайшими трудностями; Мимика для сей цѣли будетъ гораздо легче и естественнѣе. Впрочемъ, какъ изобрѣтеніе годнаго и повсемѣстнаго языка не есть дѣло малаго числа людей; то участіе въ языкѣ цѣлаго народа, по себѣ взимаемомъ, такъ же отмѣнно важно и потому въ особенности похвально усиліе тѣхъ наставниковъ, кои научаютъ своихъ глухорожденныхъ воспитанниковъ читать и писать, даже, если можно, говорить по нашему. Не научась чтенію, они все-таки съ трудомъ достигнутъ до утонченнаго, общаго образованія ума, все-таки будутъ только хорошими учениками своего учителя. — Но здѣсь опять самый опытъ представляетъ достопримѣчательное доказательство тому, какъ языкъ словесный по природѣ своей значителенъ и важенъ вообще для человѣка: ибо всякій почти глухонѣмой самъ изобрѣтаетъ себѣ нѣкоторыя названія, которыя онъ въ рѣчи и употребляетъ, какъ знаки языка.

Пунктъ 2-й.

Природная слабость воображенія.

§ 456.

Естественная скудость *воображенія* состоитъ въ томъ, что иные цѣлый вѣкъ дѣлаютъ, такъ сказать, только безпрестанный *смотръ* старому запасу представленій, будучи не въ состояніи возно-

ситься до *своеобразныхъ* движеній души. Но природное и совершенство воображенія, именно относительно къ нему самому и вмѣстѣ природный недостатокъ онаго, именно въ отношеніи къ другимъ силахъ духа и къ земному назначенію человѣка есть *изувѣрство*, т. е. склонность къ произвольнымъ мнѣніямъ, догадкамъ и вѣрованію, искаженная и въ основаніи своемъ и въ направленіи. Здѣсь — между областію чувственныхъ представленій и между областію понятій и идей живо и своевольно дѣйствуетъ оглушенное воображеніе, сопровождаемое такими — смутными — ощущеніями, которыя, по причинѣ отмѣнной ихъ силы и отмѣннаго *интереса* человѣческаго, при оплошной волѣ и при ограниченіи трезвеннаго самовластія, могутъ вопреки общему, прозаическому разсудку и чувству долга и приличія, принимаемы быть *сознаніемъ* дерзкаго мечтателя за основаніе и за признаки истины того, что внушается *игрою безотчетныхъ мыслей*, или *вымыслами ребяческой пытливости*, предоставленными самимъ себѣ и движущимися въ собственномъ своемъ мірѣ, независимо отъ *формъ времени*. Сія черта отдѣляетъ изувѣра отъ энтузіаста, который только украшаетъ и облагороживаетъ данное, возвышаетъ надежды и доблестныя желанія, но не выдумываетъ новыхъ предметовъ.

§ 457.

Начинаясь легкою и пріятною Поэзіей, позво-

ляющею себѣ извѣстныя посягательства на обыкновенный образъ мыслей и чувствованій толпы, изувѣрство, — въ начальныхъ движеніяхъ своихъ невинное, любезное, радушное, переходитъ на высочайшей степени въ состояніе боговдохновенности, въ которомъ человѣкъ при совершенномъ бездѣйствіи внѣшнихъ чувствъ и воли, мнитъ бесѣдовать съ Силами сверхестественными, съ созданіями идеальными, сохраняя и воспоминанія о подобныхъ внутреннихъ видѣніяхъ, которыя, однако, здѣсь представляются ему въ видѣ дѣйствительныхъ опытовъ: ибо не естественно ли считать за *быль* то, что я при здравыхъ чувствахъ нахожу въ своемъ сознаніи?

§ 458.

Изувѣръ не тотъ, кто даетъ вольный полетъ своему воображенію, признавая сіи движенія его за то, что они есть, — за откровенія возвышенныхъ силъ души, ни тотъ, кто дѣлаетъ изобрѣтенія и открытія, заключающіяся въ границахъ познанія человѣческаго, ни тотъ, кто *отрѣшаетъ себя*, какъ говорится, *отъ узъ земныхъ* (что для человѣка вообще дѣло несбыточное), а только тотъ, кто бродитъ мыслями и тайными влеченіями въ странахъ, хотя по себѣ и возможныхъ, но такихъ, которыя и опытности недоступны и здравымъ разумомъ не приняты во владѣніе, да и для общихъ

потребностей образованной жизни значатъ не иное что, какъ

Острова,
Гдѣ растетъ *трынъ-трава*.

§ 459.

Какъ обширна область изувѣрства, то игриваго, то унылаго! Оно вмѣшивается во всѣ благородныя направленія души, — вмѣшивается въ *любовь*, ограничиваясь тутъ кругомъ особенныхъ обаяній, недоступномъ никому другому, вмѣшивается въ Поэзію — Романтиковъ, которые ни спятъ, ни бодрствуютъ, а любятъ дремать при мерцаніи таинственнаго полусвѣта, — вмѣшивается въ корыстолюбіе и сулитъ лѣнивцамъ *секретъ*, обогащаться златодѣліемъ и кладами, вмѣшивается въ гордость и тщеславіе — чернокнижниковъ, гадателей, колдуновъ и духовидцевъ; вмѣшивается въ самое любовѣдѣніе, и влечетъ за собою метафизическія грѣзы Новоплатониковъ, *Шведенборга*, Якова *Бема*, С. *Мартена* и другихъ; вмѣшивается въ государственную мораль, воздвигая ревнителей вѣчнаго мира, и проч.; вмѣшивается наконецъ въ *религіозныя настроенія сердца*, кои, тревожимыя воображеніемъ, подаютъ поводъ къ изступленію фанатиковъ и притворному жеманству духовныхъ сластолюбцевъ.

§ 460.

Общія знаменія или признаки изувѣрства суть

а) Нечувствительность къ убѣжденіямъ разу-

ма и яснаго опыта. То, что *Юнгъ — Штилингъ* или *Эккартсгаузенъ* противопоставляетъ вашимъ теоріямъ, суть не общія начала Науки, ни ложныя мнѣнія или предразсудки, а только смутныя движенія сердца, кои онъ расположенъ даже принимать за внутреннее благодатное озареніе, превосходящее всякую мудрость человѣческую;

b) Самодовольная гордость, свойственная *избранному Божію* и презрѣніе ко всѣмъ маловѣрнымъ или разномыслящимъ. Онъ видитъ въ своемъ лицѣ средоточіе человѣчества, собирающее вокругъ себя лучи свѣта, истины и любви, хотя съ другой стороны таковое его чувство превосходства можетъ весьма легко сопровождаться смиреніемъ предъ благодатію, призвавшею его на святое служеніе;

c) Напряженная и безспокойная дѣятельность по предмету всѣхъ предначертаній, внушаемыхъ любимымъ ея идеаломъ. Сіи затѣи могутъ и дѣйствительно содержать въ себѣ много полезнаго, благотворнаго; ибо видѣть всѣхъ вокругъ себя столькоже счастливыми, сколько и самъ онъ себя чувствуетъ — вотъ благочестивое желаніе изувѣрнаго мечтателя! Но онъ все же не можетъ дождаться, пока время и благопріятныя обстоятельства приведутъ добрыя его намѣренія въ зрѣлость. На что потребны продолжительныя усилія цѣлыхъ вѣковъ; то берется онъ *одинъ поставить едвали не въ сутки.* Гдѣ же его затѣямъ оказываютъ сопротивленіе, тамъ онъ приходитъ въ гнѣвъ и даже

позволяетъ себѣ, — въ припадкахъ священной ревности — свирѣпствовать противъ непокоривыхъ и *строптивыхъ рабовъ*, если только природа не надѣлила его мягкосердіемъ. Впрочемъ, гдѣ химеры его касаются до вещей отдаленной будущности, тамъ онъ по крайней мѣрѣ отличается непоколебимымъ упованіемъ, твердою вѣрою въ близость *обѣтованной годины*, вопреки всякой теоріи человѣческихъ вѣроятностей;

d) Готовность, жертвовать изувѣрной мечтѣ земнымъ благополучіемъ, даже жизнію. Гоненія, истязанія часто служатъ изувѣру доказательствомъ истины дѣла, *о немъ же свидѣтельствуетъ* и онъ съ радостію *летитъ на пиръ кровавый*;

e) Необыкновенныя выраженія, смѣлый, непонятный и тѣмъ болѣе обольстительный языкъ, протяжный, торжественный *напѣвъ*. Ибо мечты *заоблачныя*, ощущенія неземныя, благодатныя гнушаются пошлымъ, складнымъ языкомъ и разбиваютъ общепринятыя его формы; отъ того у невѣждъ легко происходитъ обольщеніе, будто изувѣрство расширяетъ горизонтъ нашихъ познаній.

§ 461.

Отдаленная, возможная причина изувѣрства заключается съ одной стороны въ естественномъ расположеніи человѣка — *жить внѣ себя* — въ расположеніи, влекущемъ къ безконечному, съ другой въ исключительномъ питаніи вѣроломнаго воображенія на счетъ общаго состава силъ. Но оно

дѣйствительно открывается въ высокой, т. е. заразительной степени при особенныхъ только обстоятельствахъ. Общимъ поводомъ ему преимущественно служатъ, по свидѣтельству Исторіи,

1) Великія и чрезвычайныя событія, дѣлающія какъ кажется, исключеніе изъ общаго хода вещей, и слѣдственно содержащія въ себѣ что-то сверхъестественное;

2) Далѣе —опасности, угрожающія тому, что имѣетъ великую важность и отмѣнный интересъ для человѣка, *напр.* его религіи, свободѣ Государства, извѣстнымъ любимымъ мнѣніямъ и склонностямъ. Ибо сіи опасности весьма легко располагаютъ къ тому, чтобы для отвращенія невзгоды ожидать помощи свыше. Если тутъ

3) Мнительность закрадывается въ суевѣрную душу, преданную вліяніямъ сверхчувственныхъ вещей, которыхъ нѣтъ, если притомъ

4) Дѣятельность ея чувствъ и смысла ослаблена роскошью, нѣгой, причудами, либо постомъ, умерщвленіями плоти, продолжительнымъ бдѣніемъ, насильственными, но неудачными напряженіями ума, отшельничествомъ, а дѣятельность воображенія въ тойже мѣрѣ возвышена; то послѣднее, особливо въ борьбѣ съ полупознаніями, съ темными, но живыми ощущеніями, съ грозными воплями виновной совѣсти *старыхъ грѣховодниковъ и грѣховодницъ* и пр. легко порождаетъ представленія, соразмѣрныя безумнымъ и дерзкимъ

желаніямъ, кои благочестивый мечтатель тайно питалъ въ груди, — представленія, столь живыя, что сердце трогается ими такъ точно, какъ и дѣйствительными чувствованіями. Вообще человѣкъ, сознающій немощь своего ума и воли, ожидаетъ, при всѣхъ чрезвычайныхъ прключеніяхъ, гораздо болѣе отъ сверхъ-естественныхъ средствъ, нежели отъ теченія природы и самъ отъ себя. Впрочемъ изувѣръ обо всѣхъ вещахъ, не имѣющихъ никакого прикосновенія къ любимой его мысли, судитъ здраво и умно, и поелику онъ прежде, нежели увлекся, имѣлъ случай воспользоваться современнымъ образованіемъ своей націи; то сіе обстоятельство получаетъ значительное вліяніе на его мечты, которыя потому и принимаютъ многоразличныя формы. Ибо какъ въ грубомъ бытѣ изувѣрство *морочитъ* насъ лженменными откровеніями свыше, предсказаніями *наобумъ*; такъ въ просвѣщенномъ вѣкѣ оно имѣетъ дѣло съ новыми познаніями тайныхъ, неразгаданныхъ, симпатическихъ силъ Природы, законовъ Исторіи и — милаго, сговорчиваго — Числословія.

§ 462.

Изувѣръ потерянъ для вразумленій; насмѣшки, пытки, содержаніе подъ стражей — все это, по мнѣнію его, происходитъ отъ невѣжества и закоснѣлости враговъ и потому дѣлаетъ его не лучшимъ, а развѣ болѣе осторожнымъ. Но какъ средство *предохранительное* сатира похвальна. Впро-

чемъ она дѣйствуетъ не прямо, дѣйствуетъ даже обидно. Людей, изъ коихъ рѣдкіе бываютъ обманщиками и ханжами, а болѣе обманутыми, всего лучше исправлять духомъ кротости, научая ихъ пещись о здравіи тѣла, тщательно изыскивать законы природы и границы человѣческаго вѣдѣнія, заниматься вещами существенными и практическими и подавлять съ себѣ страсти, особливо высокомѣріе, которое думаетъ, неучась, имѣть ключь къ таинствамъ земли и неба, и — наглое, нечестивое, выдаетъ свои слова и мысли — за Божескія.

Пунктъ 3-й

Слабости смысла.

§ 463.

Порокъ взрослыхъ несмыслей, или юношей и мужей скудоумныхъ, состоитъ въ неспособности, *принимать* и *переработывать* представленія до отчетливаго единства. Скудоумному недостаетъ вниманія и трезвенной осмотрительности; онъ невозбужденъ. На немъ-то оказывается, что внѣшнія впечатлѣнія не довершаютъ еще души. Часто онъ и видитъ и слышитъ тоже самое, что видятъ и слышатъ другіе; но по бездѣйствію своего воображенія и внутренняго чувства не умѣетъ *соображать*, т. е. не умѣетъ *различать* и *сравнивать* своихъ образовъ, посредствомъ коихъ только и входятъ предметы въ живое сношеніе съ

познающею нашею способностію и дѣлаются ея достояніемъ. Даже разительныя впечатлѣнія для несмысля потеряны. Только того, что сильно потрясаетъ чувства, желаетъ онъ или отвращается, именно же раздраженій вкуса, которому онъ порабощенъ. Будучи почти совершенно животнымъ въ своихъ способностяхъ, онъ никогда не интересуется предметами, хотя и глядитъ на нихъ пристально,—никогда не можетъ въ единствѣ сознанія вмѣстить того, что чувствуетъ, т. е. не можетъ *понимать* вещей, о которыхъ, по сей причинѣ, и не вдается въ *толки*. Нерѣшительность едва подымаетъ его и до страстей. Гдѣ грубыя потребности его бываютъ удовлетворяемы; тамъ онъ дѣлаетъ минутную остановку въ механизмѣ своихъ движеній; въ противномъ случаѣ убѣгаетъ людей, потому что не можетъ выдержать впечатлѣній ихъ наружности. Дѣтски радуется онъ игрушкамъ и лакомствамъ; но гдѣ по его желанію не дѣлаютъ; тамъ онъ досадуетъ, изъявляя однакожъ досаду свою только *грозными* словами и минами: ибо по слабости воли не умѣетъ приступить къ дѣянію и для того никогда не можетъ быть опаснымъ злодѣемъ.—Иногда къ сему узнику влетаетъ въ темницу мотылекъ, котораго онъ готовъ отъ радости замучить, т. е. иногда въ душѣ его промелькнетъ одна, или другая мысль, и тутъ онъ охотно бесѣдуетъ съ рѣдкою гостьей, зная, что чрезъ минуту она улетитъ. Вотъ по-

чему скудоумный любитъ *бормотать* про себя, или по крайней мѣрѣ *шевелить* губами, какъ будто говоритъ. Вотъ почему произноситъ невнятныя, отрывистыя слова, которымъ толпа даетъ значеніе гадательное! — Небольшой запасъ тѣлесныхъ силъ, которыя онъ имѣетъ, менѣе и издерживается, потому что душа въ бездѣйствіи; отъ того несмысли могутъ цѣлый вѣкъ проживать въ одинаковомъ состояніи — прочныхъ, многолѣтнихъ, злаковъ.

Пунктъ 4-й

Ограниченность разсудка.

§ 464.

Глупость, совмѣстная съ ясными *представленіями*, съ живыми ощущеніями и желаніями, есть ограниченность *разсудка*, обнаруживающаяся въ кривыхъ и сбивчивыхъ толкахъ, кои однакожъ *дуракъ* даетъ съ твердою увѣреностію въ ихъ истинѣ, и отъ которыхъ несмысель вообще воздерживается. Ближайшее основаніе безпрестанныхъ промаховъ (и извиненій) глупца заключается въ недостаткѣ надлежащаго вниманія и размышленія о предметахъ познанія,—въ крайне тѣсномъ объемѣ внутренняго чувства, влекущемъ за собою *рыхлое* сцѣпленіе мыслей. Съ перваго уже взгляда онъ произноситъ дерзкій приговоръ о вещахъ, въ кои слѣдовалобы для вѣрности логическихъ дѣйствій сло-

женія и разложенія, вникнуть тщательнѣе, дабы въ состояніи быть оныя со всѣхъ сторонъ и въ многоразличныхъ отношеніяхъ изслѣдовать. Быстро возникаютъ у него мысли, но еще быстрѣе опять и изчезаютъ, не впечатлѣваясь въ памяти; отъ того проистекаетъ весьма ограниченный запасъ шаткихъ, смутныхъ созерцаній и одностороннихъ понятій, — проистекаетъ совершенная неспособность пріобрѣтать опыты въ общихъ дѣлахъ житейскихъ, соображая дѣйствіе съ причиной, послѣдующее съ предыдущимъ,—по естественному теченію вещей или по закону вѣроятностей.—Глупцы всегда остаются дѣтьми; толкуя и о томъ и о другомъ, они никакъ не помышляютъ о возможности заблужденія: ибо не берутъ на себя труда испытывать свои мысли съ тѣмъ, чтобы подмѣтить ошибку; отъ того они говорятъ *наобумъ* и дѣйствуютъ *наудачу* — во вредъ и себѣ и другимъ. Они полагаютъ, что все знаютъ, когда умѣютъ играть въ *шахматъ*, шлифовать стекло, проворно вычислять на счетахъ: ибо имъ не можетъ прійдти и въ голову, чтобы внѣ ограниченнаго ихъ горизонта существовали еще какія либо вещи, подлежащія человѣческому познанію.—Глупецъ, какъ и несмысель, лишенъ способности, любоваться чѣмъ либо, но и отличается отъ него необузданностію скотскихъ вожделѣній, коль скоро они пробудились; отъ того онъ грозно мститъ за причиняемыя ему (ис-

тинныя или мнимыя) обиды и бываетъ злымъ и опаснымъ.

Пунктъ 5-й.

Врожденный недостатокъ благорагумія.

§ 465.

Ктобы могъ подумать, что и въ самомъ *солнцѣ разума* есть *родимыя пятна*? И однакожъ намъ безпрестанно напоминаютъ о томъ *глумливые* Алберты Великіе, Жанъ-Поли, *Вернеры*, Гофманы, Байроны, кои на своей степени жизни значатъ то же самое, что мечтатели на степени воображенія. Ибо у глумливыхъ разумъ пробужденъ и дѣйствуетъ замѣтно, неудержимо; но онъ, какъ кажется, въ раздорѣ съ жизнію. Свѣтлыя идеи ярко пробиваются сквозь густыя тучи несообразностей; высокое вмѣщается въ *сосуды скверные*, но и низкое возникаетъ опять въ формахъ значительныхъ, замысловатыхъ. Тутъ плачутъ о томъ, надъ чѣмъ не смѣяться грѣшно, и смѣются надъ приключеніями трогательными, имѣя на то и другое уважительныя причины. Это вѣчная иронія, которая, однакожъ, у Поэта есть причуда, у глумливаго *дѣло*, у Поэта временная, холодная игра фантазіи, у глумливаго постоянное правило, — система, которую онъ и устами исповѣдуетъ и принимаетъ сердцемъ. Онъ любитъ безпрестанно освѣжать формы жизни, *а съ ними* и собственное свое лице. *Свобода* здѣсь не ограничиваетъ

себя ни приличіемъ, ни употребительностію идей, ни цѣлями существованія; она оказывается только въ неусыпной дѣятельности, которая не даетъ отдыха ни себѣ, ни другимъ. Тутъ вѣчно *затѣваютъ* и притомъ что то умное, великое, но рѣдко успѣваютъ отдѣлывать новыя задачи, довольствуясь, по сей причинѣ, разрушеніемъ стараго порядка мыслей и обычаевъ. Видно, что глумливые суть мученики Науки: ибо *бѣснуются* именно отъ тѣхъ идей, кои насъ благодѣтельно согрѣваютъ. Это блудящія, грозныя кометы, какъ кажется, безъ ядра, съ огромнымъ размахомъ, безъ опредѣленнаго порядка движеній,— съ ослѣпительнымъ сіяніемъ; имп всякій любуется въ темную ночь, но всякій и боится, чтобъ онѣ не подошли слишкомъ близко и не разстроили порядка нашей жизни. Замѣчаютъ у глумливыхъ недостатокъ, такъ называемаго, воспитанія; но сіе воспитаніе мало помоглобы имъ. Избытокъ умственныхъ силъ, грозный, соблазнительный — вотъ величайшій ихъ недостатокъ! — Это не Геніи, но моглибъ быть Геніями, еслибъ захотѣли заняться собой и нами;—это не мечтатели: ибо не имѣютъ любимыхъ, неподвижныхъ идей, коимъ всѣмъ равно доступны; еще же менѣе сумасброды: ибо они предоставляютъ себѣ *контроль* всего умственнаго быта нашего. И въ самомъ дѣлѣ *любо* слушать, когда они, снисходя къ намъ, бесѣдуютъ о нуждахъ нашего ума и сердца, про которыя не знаютъ сами, и притомъ бесѣдуютъ на языкѣ, для насъ вразу-

мительномъ; во всѣхъ другихъ случаяхъ даръ ихъ есть

„Вѣроломной волшебницы пагубный даръ„

который сулитъ счастіе разрушеніемъ всего того, что пріятно питаетъ душу, разрушеніемъ всѣхъ сладкихъ привычекъ. Жизнь, по видимому, имъ тѣсна и они рѣдко наслаждаются спокойствіемъ, къ которому не званы и котораго не обязываются доставлять другимъ. *Мудрено* съ ними *ладить*; но имъ жить съ нами — Прозапками — еще *тошнѣе*: они не *отъ міра сего,* который уничтожаютъ въ мысляхъ. Блаженъ, кому суждено пользоваться трезвенною бесѣдой съ однимъ изъ таковыхъ *сверженныхъ духовъ*; но едвали кто захочетъ имѣть его другомъ души своей.

Пунктъ 6-й.

Слабости сознанія.

§ 466.

Больное сознаніе движется между двумя крайностями — *разсѣянія* и *углубленія.* Трезвенность, осмотрительность есть *психологическое* назначеніе человѣка, по силѣ коей онъ властенъ распоряжаться въ способѣ своихъ наблюденій, мыслей и начинаній, т. е. не только (страдательнымъ образомъ) подмѣчать или схватывать то, что представляетъ ему случай, но и свободно устремлять свое вниманіе къ опредѣленному предмету на тотъ

конецъ, чтобы овладѣть имъ исключительно. Сіе устремленіе сознанія есть вмѣстѣ и отклоненіе или отвлеченіе онаго отъ многихъ другихъ явленій внѣшняго, либо внутренняго чувства. Возможный идеалъ подобнаго навыка выражается рѣченіемъ: *собраться съ мыслями*, т. е. сосредоточить силу своего сознанія въ одномъ пунктѣ. Внимательный человѣкъ *не внѣ себя*; онъ при своихъ *чувствахъ*, въ *памяти*, при своемъ *умѣ*, слѣдственно со внутренней стороны не раздѣленъ. Внѣшній міръ не увлекаетъ его, духовный не поглощаетъ лучшей части его существа ни въ буряхъ житейскихъ, ни въ вихрѣ радостей. Но сія средостремительная дѣятельность можетъ быть то *ослаблена* раздѣленіемъ, то непомѣрно *напряжена*, или подавлена нѣсколькократными отчужденіями, насильственнымъ ограниченіемъ, одностороннимъ направленіемъ. Первое бываетъ въ *разсѣяніи*, другое въ *углубленіи*; то въ раннихъ состояніяхъ человѣчества, сіе въ позжихъ. Разсѣянному недостаетъ единства формы, углубленному недостаетъ разнообразія матеріяловъ и предметовъ для многосторонняго стремленія.

§ 467.

А) Внимательность предполагается во всякомъ разумномъ существѣ, сознающемъ самого себя и свои движенія: но она сперва еще не *установлена*, а тѣмъ менѣе *сосредоточена*; она *бродитъ* или *скользитъ* по *разнороднымъ* явленіямъ внѣшняго,

а не менѣе и внутренняго чувства и — какъ во временныхъ, такъ и въ привычныхъ припадкахъ бездумья и задумчивости, то *бываетъ* (страдательно и противъ воли) *развлекаема*, то *сама* охотно *дозволяетъ развлекать себя* гораздо большимъ количествомъ предметовъ, нежели сколько оныхъ можетъ вмѣстить въ *одномъ* актѣ сознанія. Таково состояніе суетливыхъ, много занятыхъ, ученыхъ, которымъ *некогда образумиться*. Вотъ откуда происходитъ непостоянство въ избраніи цѣлей жизни, нерѣшимость въ поступкахъ и мысляхъ, равнодушіе къ вѣрѣ, ненадежность въ обѣщаніяхъ, холодность въ любви и дружбѣ, боязнь умственныхъ напряженій!

§ 468.

Общая отдаленная причина разсѣянной жизни заключается въ естественной ограниченности вниманія, по силѣ коей для него столькоже невозможна совмѣстность разнородныхъ мыслей, сколько въ природѣ невозможна проницаемость тѣлъ. Но *самое* разсѣяніе проистекаетъ изъ побужденія къ расширенію нашего бытія, съ *первыми* движеніями коего сопряжена *не* опредѣлительность, слѣдственно ограниченіе *сознанія* и притомъ сознанія внутренняго нашего быта при раннемъ преобладательствѣ животнаго интереса.

§ 469.

1) Первоначальный родъ разсѣянности есть *раз-*

сѣянность чувствъ, произходящая отъ сильной раздражительности здравой, бодрой, подвижной души при ея вступленіи на шумное позорище міра. Несмѣтное множество впечатлѣній и образовъ, кои вдругъ, или слишкомъ поспѣшно и съ силою тѣснятся въ душу, производитъ уже въ дитяти, равно какъ и въ Сангвиникѣ свойственную обоимъ *вѣтреность*. Такъ же точно и въ послѣдствіи дѣйствуетъ взглядъ на многосоставное смѣшеніе различныхъ цвѣтовъ тамъ, гдѣ они готовы нахлынуть вдругъ цѣлыми массами. Но съ разсѣяніемъ сего рода часто сопряжено столькоже *удовольствія*, сколько и *досады*; отъ того происходитъ могущество оглушающаго и соблазнительнаго вліянія многолюдныхъ сборищъ, въ коихъ *глаза и мысли разбѣгаются*;

2) Затѣмъ, когда впечатлѣнія *улеглись*, разсѣянность находитъ обильную пищу въ несоразмѣрной силѣ сердечныхъ движеній, и въ сопровождающей оныя, внутренней тревогѣ. Душа, отуманенная слишкомъ раздражительными ощущеніями, оглушенная цѣлымъ рядомъ бѣглыхъ, мерцающихъ призраковъ, двойная жизнь и въ ближайшемъ мірѣ, столько для чувствъ занимательномъ и въ отдаленной, сверхчувственной будущности,—быстрый, мгнолетный обзоръ необходимыхъ предметовъ, особливо тѣхъ, кои теперь представляются, *преимущественно все* несоразмѣрное уединеніе сознанія, слѣдственно и жалкое, *щепетительное* тонкоуміе

которое подмѣчаетъ мелочи и разлагаетъ ихъ до того, что превращаетъ въ пары, въ ничто, вотъ обстоятельства, кои *сообразить* трудно! Поколику человѣкъ *охотно* останавливаетъ *здѣсь* свое вниманіе на многихъ предметахъ и пріятныхъ образахъ,—происходитъ разсѣянность *сладкая.*

3) Наконецъ самый *интересъ намѣренія* при сложныхъ или мелкихъ дѣлахъ, которыхъ нельзя обозрѣть совершенно, бываетъ причиной развлеченій, иногда тягостныхъ. Въ семъ смыслѣ человѣкъ дѣйствительно имѣетъ въ извѣстной степени довольно обширную *способность,* заниматься *вмѣстѣ* нѣсколькими вещами, (не вовсе разнородными).

Сіи причины могутъ дѣйствовать и *совокупно,* производя разсѣянность *сложную,* которая отъ *частныхъ* причинъ *напр.* отъ слишкомъ живой раздражительности нервной системы, отъ своевольства фантазіи, отъ мнительности и пр. получаетъ дальнѣйшія измѣненія. Гдѣ приливъ и отливъ въ душѣ, можетъ ли тамъ внутренній взглядъ быть вѣрнымъ, постояннымъ и мѣткимъ?

§ 470.

Поводъ къ разсѣянности подаютъ:

a) Свойство первыхъ, окружающихъ насъ, вещей, смотря потому, доставляютъ ли онѣ надлежащій, соразмѣрный запасъ, или даже тягостный избытокъ;

b) Способъ перваго наставленія, — смотря потому, сколько сообщается мыслей и въ какомъ порядкѣ;

c) *Жизнь внѣ себя,*—въ безпрестанныхъ развлеченіяхъ, и перемѣнахъ мѣстопребыванія и службы, въ разъѣздахъ или во всегдашнемъ чтеніи, можетъ статься, только романовъ или книгъ духовныхъ, равно какъ и въ непомѣрно сильномъ возбужденіи дѣятельности;

d) *Скука*—все, что дѣйствуетъ продолжительно и однообразно, причиняя дремоту и грѣзы.

Но *естественное* разсѣяніе можетъ еще и *освѣжать* думы—средство, благодѣтельное во многихъ страданіяхъ, даже душевныхъ. Этимъ—то развлеченіемъ мы стараемся избыть извѣстныхъ мыслей, чтобы овладѣть своимъ вниманіемъ.

§ 471.

Въ болѣзнь обращается *разсѣянность привычная,* которая *сначала* скоро *проходитъ* съ приливомъ и отливомъ минутныхъ страстей, надеждъ желаній; но въ послѣдствіи *все дѣлается болѣе продолжительною* при слабости сердца, оказывающейся то въ такомъ вниманіи, въ которомъ подавлено всякое произвольное употребленіе силъ, то въ скудоуміи (особливо подъ старость, гдѣ человѣкъ привыкъ отвлекать свое вниманіе отъ впечатлѣній, уже ослабленныхъ).

§ 472.

Разсѣянность (*дѣйствительныхъ силъ,* кои всегда легче обуздывать, нежели замѣнять то, чего не дала природа) отвращается изощреніемъ сперва *вни-*

мательности, а потомъ уже *отвлеченія,* и мы избѣгаемъ здѣсь худыхъ послѣдствій, когда

a) До вступленія еще въ школу подаемъ и другимъ и себѣ самимъ случай къ *соразмѣрному упражненію тѣла и обработанію здравыхъ чувствъ,* кои намъ первоначально даны въ грубомъ видѣ; этимъ ослабляются соблазнительныя раздраженія тѣла; когда

b) Во время наставленія *порядкомъ вслушиваемся и вглядываемся* въ *немногія* интересныя произведенія природы и искусства,—въ картинки, рѣчи, въ лица *отборныя*; когда

c) Изощряемъ *свободную* дѣятельность вниманія, вникаемъ въ *опредѣленныя* цѣли, частію возбуждая какой либо интересъ, особливо сердечный, (когда вникаемъ въ предметы, въ ихъ матерію и форму, въ содержаніе и связь, легкость и трудность производства, въ назначеніе и употребительность), частію воздерживаясь отъ соблазновъ раздражительнаго сердца, частію наконецъ и устраняя отъ лица самыхъ наставниковъ безспокойство въ преподаваніи, въ движеніяхъ, въ выраженіи.

d) Предохранительными средствами служатъ тутъ обузданіе воображенія, пріученіе его къ вѣрнымъ повтореніямъ принятыхъ уроковъ; это упражняетъ память лучше музыки и спектаклей, —далѣе ограниченіе праздныхъ желаній и высокомѣрныхъ надеждъ.

§ 473.

Кто хочетъ овладѣть внѣшнею и внутреннею чувственностію; тотъ пускай установитъ ту и другую,—пускай умѣетъ быть и *дома* и *въ людяхъ*. Благотворна разсѣянность трезвенная и легкая; однакожъ никто не смѣетъ отчуждать себя совершенно. Человѣкъ, предназначенный *для* будущности и *для* другихъ, долженъ за всѣмъ тѣмъ жить и въ настоящемъ, жить и про себя; иначе онъ теряетъ *самаго себя*, совлекается своей *души*, потому, что сознаніе составляетъ сущность всякой духовной жизни, всякаго мысленія, всѣхъ поступковъ. Ему не позволено теряться ни во *времени*, (настоящемъ, прошедшемъ или въ будущемъ) ни въ *предметахъ*, внѣшнихъ, либо внутреннихъ. Онъ тверже всего долженъ памятовать ближайшее, непосредственное свое предопредѣленіе, а именно— что онъ — отъ *міра сего*.

§ 474.

В) *Углубленность, задумчивость* есть другое противоположенное направленіе и уклоненіе внимательности и воспоминанія. Если разсѣянный раздѣлялъ сіи послѣднія силы между предметами, *слишкомъ многими*; то *углубленный* приковываетъ оныя къ гораздо *меньшему числу предметовъ*, нежели обыкновенно всякій обозрѣть можетъ,—даже къ *одному*, не вникая *ни во что прочее*, сколько бы оно интересно ни было, и какъ будто бы весь міръ вмѣщался въ груди его.

§ 475.

Задумчивость составляетъ временное сосредоточеніе вниманія въ тѣсномъ кругѣ предметовъ, или правильнѣе, въ кругѣ своихъ представленій. Она первоначально происходитъ въ слѣдствіе *предпринятаго намѣренія* (гдѣ мы говоримъ: тотъ-то углубился), хотя предполагаетъ врожденную къ тому склонность человѣка и можетъ обращаться во *вторую природу*, получая въ семъ случаѣ обильную пищу отъ страстей, отъ мнительности—до меланхоліи,—до благодатныхъ упоеній. За то уже съ другой стороны она *невольно* теряетъ всѣ прочіе предметы изъ виду, и можетъ сопряжена быть только съ интересомъ удовольствія, но не менѣе питается и самымъ *интересомъ намѣренія*, при чемъ имѣетъ мѣсто болѣе *напряженная* дѣятельность, которая часто *утомляетъ напр.* при продолжительномъ разсматриваніи предмета. Слѣдствіемъ ея бываетъ остановка свободнаго хода ощущеній, т. е. либо спокойныя состоянія души, либо же холодныя, сухія. Логическое отвлеченіе тутъ преимущественно господствуетъ надъ прочими силами косными и притупляетъ наши чувства къ принятію внѣшнихъ впечатлѣній.

§ 476.

Разсѣянность и задумчивость имѣютъ много между собою сходства, однакожъ только для *внѣшняго явленія*. Та и другая не слышитъ, не видитъ,

та и другая отвѣчаетъ не впопадъ. Онѣ могутъ даже сливаться въ *одномъ* состояніи, но разумѣется, только въ разныхъ отношеніяхъ. Ибо что мѣшаетъ вниманію, избравшему себѣ извѣстный кругъ предметовъ, развернуть въ границахъ послѣдняго всю силу средобѣжнаго своего легкомыслія? Такъ извѣстный рядъ дѣлъ часто увлекаетъ вниманіе; но неспособность обозрѣть всю ихъ массу, разсѣваетъ недоумку, который чувствуетъ, что съ своими задачами не *сладитъ*. Вотъ отъ чего происходятъ и великое *смятеніе мыслей*, примѣчаемое при вспышкѣ сильныхъ страстей, и превратныя сужденія, какія здѣсь слышимъ! Вниманіе отвлекаемо бываетъ отъ всего того, что не состоитъ въ близкой связи съ предметами буйныхъ вожделѣній; оно *влается* между всѣми сродными. Тутъ человѣкъ *внѣ* себя; тутъ онъ настоящее состояніе свое теряетъ *изъ виду*,—случай, который бываетъ и въ волненіяхъ сердца. Но отъ разсѣянія къ углубленію переходъ не только *возможенъ* (у молодыхъ людей, вступающихъ въ зрѣлый, степенный возрастъ)—*взаимный*, благотворный сей переходъ совершается даже *непрерывно*, хотя иногда *скорѣе*, иногда *медленнѣе*, *постепеннѣе*, *напр.* при возвращеніи блуднаго сына къ отцу. Есть, впрочемъ, и углубленность необходимая; это сила, которая умѣетъ сосредоточивать себя въ одномъ пунктѣ—самообладанія.

Статья II.

Чрезвычайныя явленія умозрительной жизни положительнаго качества.

§ 477.

Таковы врожденныя слабости и недостатки познавательныхъ силъ духа! Утѣшимся же и картиной противоположенныхъ *совершенствъ*, дѣлающихъ честь уму человѣческому, то стороною *формы*, то стороною *матеріи*.

Пунктъ 1-й.

Совершенства ума формальныя.

§ 478.

Пріятно встрѣчать вмѣсто скудоумія несмыслей—*остроуміе*, вмѣсто глупости *проницательность*, вмѣсто глумленій—*глубокомысліе*.

§ 479.

А) Подъ именемъ *остроумія вообще* разумѣются всѣ рѣзкія и замысловатыя выходки, въ *тѣсномъ* значеніи оно есть мгновенно соображающая, *легкомысленная* сила, которая, не *ища*, находитъ, даже *изобрѣтаетъ* сокровенныя, хотя *одностороннія*, т. е. внѣшнія, *поверхностныя* точки *соприкосновенія* между *ощутительными* вещами, по себѣ, какъ кажется, несравнимыми и другъ другу чуждыми. Оно предполагаетъ съ одной стороны богатство, живость и легкую игру чувственныхъ познаній, съ другой, а именно со

стороны *матеріи*, т. е. сужденій тѣсную связь со смысломъ или *умомъ*, съ третьей, или со стороны *формы*, дѣятельное участіе воображенія. Ибо остроуміе сближаетъ между собою и вещи разнородныя, отдаленныя, подобно смыслу, подводящему разныя частности подъ *единство значенія*, но дѣйствуетъ по закону *сцѣпленія* представленій, подобно воображенію. Его цѣль не поучать высокимъ истинамъ, а только *тѣшить* васъ и самаго себя — съ безчинною холодностію, не уважая, но и не пренебрегая ни чѣмъ, ни священнымъ, ни самымъ низкимъ; отъ того оно обыкновенно и обнаруживается въ краткихъ изрѣченіяхъ, въ бѣглыхъ созданіяхъ мысли, чуждаясь продолжительнаго напряженія. Остроуміе дѣйствуетъ либо по влеченію естественнаго, дѣтскаго простодушія, —безъ дальняго умысла, — въ сферѣ видимыхъ вещей,—для удовольствій общежитія, либо по внушенію рѣзвой, *своевольной* фантазіи въ *затѣяхъ* символовъ, притчъ, иносказаній—для видовъ Изящнаго, то есть, для произведенія интересныхъ впечатлѣній въ душѣ. Оно разширяется съ разширеніемъ круга *опытныхъ познаній* и *языка*; но въ своихъ движеніяхъ, слишкомъ уже живыхъ и быстрыхъ, часто закрываетъ для проницательности и памяти различіе предметовъ, подобно какъ — съ другой стороны—въ усиліяхъ выисканности, особливо *заказныхъ*, *наемныхъ* и само *гибнетъ* и *моритъ* другихъ.

§ 480.

B) Вещи, приведенныя въ соприкосновеніе остроуміемъ, бываютъ снова разлучаемы *проницательностію*, которая направляется по закону *видовъ*, подобно какъ первое по закону *родовъ*. Проницательностію обуздывается остроуміе и отвращается сліяніе; но она и сама получаетъ ограниченія такъ, какъ бываетъ и разнаго объема. Начинаясь уже физическою мѣткостію *зоркаго* глаза и *чуткаго* слуха, она изощряется еще болѣе направленіемъ къ внутреннему и духовному, гдѣ и оказывается въ извѣстныхъ родахъ познанія, болѣе отвлеченнаго, довершаясь навыкомъ, вникать въ самыя подробныя отношенія, подмѣчать самые тонкіе оттѣнки. — Поелику характеръ ея основывается на *раздробительномъ* совершенствѣ зрѣлаго *разсудка*; то она и *осмотрительнѣе*, именно же въ перемѣнѣ привычекъ и занятій, но по сей-то самой причинѣ и дѣлаетъ обыкновенно успѣхи медленные.—Остроуміе простонародно и обращено къ житейскому быту, проницательность есть дѣло школьное; то своевольно, сія скромна; то обозрѣваетъ предметы въ общей сложности, сія порознь: то затѣваетъ, сія приводитъ въ исполненіе.

§ 481.

C) *Глубокомысліе* обращается не къ *сходству*, болѣе или менѣе наружному, а къ *равенству* и *единству*, слѣдственно къ внутреннему порядку жизни, приступному только для разума. Первый

къ нему шагъ есть уже *глубокій взглядъ* Естествоиспытателя, который проникаетъ въ тайную экономію природы и предъ которымъ явленія претворяются въ законы, разгласія въ гармонію, призраки въ существенность. Что остроуміе связало только поверхностно, а проницательность разлучила, то самое сочетаваемо бываетъ глубокомысліемъ и распредѣляемо по указанію верховныхъ, сокровенныхъ началъ бытія и истины. — Законъ его есть законъ логическаго сродства или непрерывности. Оно *открываетъ* необходимыя отношенія въ цѣлой системѣ понятій, обозрѣваетъ оныя въ отдаленнѣйшей связи и дѣлаетъ доступнымъ ясной мысли то, о чемъ думано мало, или и вовсе не думано. Образуемый имъ, талантъ, есть метафизическій, жалкій, однакожъ, тамъ, гдѣ здравый смыслъ поддается козням лжемудрованій. — Очевидно, что проницательность и глубокомысліе не столь далеки другъ отъ друга, сколь далеко отъ нихъ остроуміе, — бѣглое, игривое, пріятное, тогда какъ первыя— основательныя, въ началахъ, въ ходѣ и въ порядкѣ отчетливыя, предоставляютъ себѣ занятія важныя, ученыя.

Пунктъ 2-й.]

Совершенства ума матеріяльныя.

§ 482.

А) Талантъ *наблюдать* и *явленія* и *силы* и *законы* внѣшняго міра и жизни человѣческой, —

точно, безъ примѣси мнѣній, не только подмѣчаетъ то, что ускользаетъ отъ вниманія другихъ, но и ясно познаетъ многоразличныя, запутанныя отношенія, въ какихъ исторія и природа представляютъ намъ свои предметы, вѣрно и скоро различаетъ существенныя принадлежности отъ случайныхъ. Это предполагаетъ и особенную любовь къ дѣлу и необыкновенную способность къ принятію и памятованію впечатлѣній и рѣдкую самодѣятельность духа въ значительномъ соображеніи явленій по правиламъ *Аналогіи* и *Наведенія*. Отъ того мужи, одаренные наблюдательнымъ талантомъ, производили важныя перемѣны во всѣхъ Наукахъ историческихъ и опытныхъ.

§ 483.

В) *Даръ гаданій* — вообще извѣщаетъ человѣка о предстоящихъ, не совсѣмъ отъ него зависящихъ перемѣнахъ, и притомъ либо темнымъ органическимъ *инстинктомъ*, раздражительнымъ *чутьемъ*, общимъ ему съ животными, даже растеніями, либо болѣе яснымъ, но неопредѣленнымъ, симпатическимъ *предощущеніемъ* мелкихъ отношеній близкаго къ намъ міра человѣческаго, либо рѣшительнымъ и вѣрнымъ *предвидѣніемъ* условныхъ дѣйствій помощію умствованій и расчисленій или чрезъ соображеніе опытовъ.

§ 484.

Поелику жизнь выводитъ свои порожденія на позорище исторіи только *во времени*; то и вы-

тѣсняетъ оныя изъ чреды настоящаго, и неудержимо движетъ всѣ живыя силы *впередъ*. Таковою оказывается она уже въ *расположеніи*, которое лелѣетъ въ себѣ зародыши того, что изъ нихъ раскрытыя имѣетъ. Сіе расположеніе *упреждаетъ* самый Геній и притомъ упреждаетъ не только въ собственномъ ощущеніи (въ *предчувствіяхъ*, *предвкушеніяхъ*), но и въ познаніи, (въ *предусмотрительности*, въ *предположеніяхъ*, въ *предразсудкахъ*, въ *предубѣжденіи*, въ *предвѣдѣніи*), и не только въ познаніи, но и въ явленіяхъ воли или поступкахъ, *напр.* въ *предызбраніи*. Симъ образомъ человѣкъ всегда живетъ въ будущности, только или болѣе *ограниченной*, *стѣсненной* природнымъ эгоизмомъ чувственныхъ его побужденій, любимыхъ склонностей и страстей, или болѣе *расширенной* свободными видами общей, многообъятной его людскости. Ибо время *настоящее*, какъ неподвижное и косное, (*стоячее*) было бы для всѣхъ тягостно; оно дѣлается пріятнымъ при содѣйствіи воображенія, которое воскрешаетъ въ душѣ утѣшительныя воспоминанія, либо рисуетъ въ мечтахъ прелестную будущность.

§ 485.

Коль скоро въ человѣкѣ, съ развитіемъ ума, воспрянула мысль о будущемъ; то вмѣстѣ съ тѣмъ пробуждается и желаніе предугадывать, дабы сообразно съ предстоящими перемѣнами учреждать свое поведеніе и по возможности отвращать не-

пріятныя встрѣчи. Важныя и чрезвычайныя событія въ человѣческомъ мірѣ подкрѣпляютъ затѣйливую пытливость. Чтожъ удивительнаго, если на искуство гаданія всегда смотрѣли, какъ на изумительное совершенство ума человѣческаго, которое, по видимому, превышаетъ обыкновенную мѣру силъ, потому, что на будущія событія произволъ имѣетъ сильное вліяніе?

§ 486.

Сердце вѣщунъ; для его *ощущеній* всякая мѣра времени ничтожна; отсюда происходитъ ихъ *таинственное, неизъяснимое*, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *гадательное* значеніе, именно тамъ, гдѣ они *преобладаютъ*, какъ *напр.* у женщинъ и у людей страстныхъ, особливо восторженныхъ. Ибо кто возносится надъ ограниченіями времени; предъ тѣмъ раскрывается идея безпредѣльности, а сія идея всегда сопровождается мятежными предчувствіями, *напр.* въ любви, предъ смертію и во всѣхъ тѣхъ, здравыхъ и болѣзненныхъ состояніяхъ, гдѣ душа погружается въ глубину собственнаго своего безсмертнаго существа и внемлетъ *голоса съ того свѣта.* — Ни безпечное дитя, ни мужъ, крѣпкій умомъ и волей, не обуревается сильными предчувствіями, а только человѣкъ съ душею нѣжною, симпатическою; — и тутъ онъ чаще предугадываетъ чужое, нежели свое собственное, но сіе послѣднее предчувствуетъ тѣмъ живѣе въ положеніяхъ жизни ограниченныхъ и однообразныхъ, —

скорѣе угадываетъ *поступки* человѣка, нежели его *судьбу*, а въ поступкахъ скорѣе то, что по теченію ли природы, либо по требованію нравственнаго долга необходимо.—Въ *самосознаніи* живетъ тайное предвѣстіе того, что мы *можемъ* и чего хотимъ.

§ 487.

Но даръ гаданій не могъ бы обольщать, если-бы составлялъ особенную, самостоятельную и естественную способность души. И однакожъ онъ жестоко обманываетъ насъ собственно такъ называемыми *предчувствіями*, а еще болѣе *предвѣдѣніемъ* безусловнаго въ *опредѣленное* время. Сіе рѣшительное предсказаніе въ *обыкновенномъ* порядкѣ вещей невозможно потому, что въ душѣ человѣческой нѣтъ ни одного такого понятія, которое не вошло бы въ нее *естественнымъ* путемъ, т. е. путемъ чувственныхъ созерцаній. Сверхъ того не трудно изъяснить и всѣ частные случаи, въ которыхъ люди (образованные) посѣщаемы бываютъ предвѣстіями. То примѣтна здѣсь склонность къ мечтательности и причудамъ, то даются явленіямъ произвольные толки, то боязнь превращается въ фурію, которая, помрачая разсудокъ, ввергаетъ человѣка въ несчастіе, то дѣйствуетъ слѣпой случай. Но если-бы даже и оправданъ былъ извѣстный рядъ удачныхъ опытовъ,—принятіе особеннаго дара гаданій нашло бы новое затрудненіе въ томъ, что подобный даръ былъ бы безполезенъ,

— даже пагубенъ: ибо онъ отравлялъ бы радости житейскія и безвременно пробуждалъ бы земнаго странника отъ сладкой дремоты.

§ 488.

Посему мы не нуждаемся ни въ какихъ другихъ предвѣстіяхъ, кромѣ тѣхъ, кои заставляютъ насъ *жить въ довременныхъ идеяхъ* и по нимъ учреждать будущіе свои поступки. Предвосхищеніе сего рода тѣмъ опредѣлительнѣе, чѣмъ ближе кто либо изъ насъ подходитъ къ идеалу человѣка, и здѣсь-то внѣшнее встрѣчается со внутреннимъ; здѣсь-то можетъ дѣйствовать предчувствіе участи, нами и нашимъ отечествомъ, заслуженной,— здѣсь-то могутъ возникать гаданія высшаго міра. Какимъ образомъ все идетъ, такъ сказать, на встрѣчу своей судьбѣ, какимъ образомъ дознанная сущность должна поспѣшать къ цѣли своего развитія въ соотвѣтственныхъ состояніяхъ, какимъ образомъ данному ряду причинъ *имѣютъ* соотвѣтствовать ихъ слѣдствія — это не только Астрономы и Врачи, но и мужи Государственные и Педагоги съ точностію могутъ предвозвѣщать при *глубокомъ*, отъ наблюденія обыкновенныхъ умовъ, сокрытомъ, *познаніи аналогической связи вещей*: ибо настоящее есть отголосокъ прошедшаго и задатокъ будущаго. Но вѣрность внѣшняго событія, особливо такого, которому надлежитъ произойти въ *опредѣленную* эпоху, всегда нуждается въ надежномъ ручательствѣ. Необман-

чтое гаданіе безусловнаго досталось бы въ удѣлъ человѣку тогда только, когда онъ могъ бы расчислять и обнимать цѣлость конечныхъ отношеній, когда бы могъ возноситься превыше всѣхъ временъ къ непосредственному созерцанію божественныхъ откровеній жизни.

§ 489.

С) Наконецъ, *многообъятный умъ*, образующійся изъ счастливаго сочетанія предыдущихъ совершенствъ, обнаруживается въ способности не только присвоивать себѣ, съ помощію наставленій, обширныя, глубокія, даже разнороднѣйшія познанія, но и умножать пріобрѣтенныя запасъ собственнымъ своимъ размышленіемъ, улучшать оный и дѣлать доступнымъ всякому. Это предполагаетъ естественное равновѣсіе разныхъ отраслей познавательной способности касательно силы, съ какою она дѣйствовать можетъ. Ибо у большей части людей совершенство ихъ ума ограничивается только нѣсколькими и притомъ близкими между собою родами дѣятельности. Посему обширный умъ есть блестящій талантъ — наставниковъ.

Грань 2-я.

Чрезвычайныя явленія въ дѣятельности практическихъ силъ души.

§ 490.

Какъ Богъ есть самъ отъ себя; такъ точно

даровалъ онъ и человѣку способность (не быть только бреніемъ въ рукахъ зиждителя, но) дѣлать нѣчто и изъ себя самаго,—творить изъ собственнаго своего лица, соотвѣтственно вложенной въ него идеѣ, *сосудъ въ честь*, или сосудъ въ *безчестіе*. Сія внутренняя, отъ самой только себя зависящая сила, сопряжена съ талантами и съ образованіемъ сердца столь тѣсно, что вездѣ рѣшитъ *средобѣжныя движенія жизни — наружу*; таланты служатъ ей средствами, а разныя потребности сердца указываютъ ей цѣль. Своевластіе здѣсь предаетъ и само себя и несмѣтное полчище желаній и страстей суду нравственному для одобренія, либо для порицанія. Жизнь человѣческая отъ того единственно и получаетъ истинную цѣну внутреннюю, что образованная свобода, по внушеніямъ сердца, обращаетъ и скудныя и богатыя дарованія къ идеаламъ вѣчныхъ, божественныхъ совершенствъ души, — въ дружбѣ и справедливости, въ истинѣ и въ изяществѣ. Только по симъ прекраснымъ цвѣтамъ душевной доблести будемъ мы обсуживать жизнь человѣка, — все равно, прозябаютъ ли они на тонкихъ стебелькахъ, или на стволахъ могучихъ. Потому-то мы въ правѣ будемъ упоминать о *почтенныхъ*, о *важныхъ* характерахъ въ Исторіи тамъ только, гдѣ *многообъятный умъ практическій*, занятый общимъ благомъ настоящаго и грядущаго человѣчества, находитъ въ своемъ самосознаніи довольно свѣтлыхъ идей, а въ

чувствѣ самаго себя достаточный запасъ силъ, чтобы неуклонно слѣдить за однимъ какимъ либо или и за нѣсколькими изъ подобныхъ идеаловъ красоты душевной.

§ 491.

Въ сихъ-то характерахъ довершается истинное *образованіе* человѣческое, т. е, вполнѣ *возстановляется образъ* и подобіе Божіе; ихъ не даемъ мы сами себѣ—по произволу; *расположеніе* къ нимъ есть *дѣло благодати.* Имъ Наука противопоставляетъ разныя карикатуры людей, обиженныхъ *природной—мачихой,* а именно

1) Тѣмъ *убогихъ*, у которыхъ представленія добра и зла, по *недостатку нравственнаго чувства,* слабо, издали, чуть-чуть трогаютъ *невозбужденную* волю,

2) Тѣхъ гнусныхъ изувѣровъ и фанатиковъ, кои въ темномъ и превратномъ чувствѣ нравственнаго долга позволяютъ себѣ всякія средства для своихъ благонамѣренныхъ, но безумныхъ затѣй, кои готовы искоренять цѣлыя поколѣнія для насажденія сѣменъ лучшаго и посѣкать деревья для снятія съ нихъ плодовъ;

3) Тѣхъ *разсѣянныхъ,* коихъ душа, подобно эоловой арфѣ, сотрясается дуновеніемъ всякаго мимолетнаго ветерка,

4) Тѣхъ, которые по *скудоумію безталантной* воли въ рѣшимости своей медленны, косны, въ на-

чинаніяхъ вялы и больше затѣваютъ и грозятъ, нежели дѣлаютъ,

5) Тѣхъ *безумцевъ*, кои по *бездѣйствію практическаго разсудка, проницательности и глубокомыслія* умѣютъ двигаться только въ душной сферѣ низкаго, презрѣннаго своекорыстія;

6) Тѣхъ *одичалыхъ* людей, у коихъ совѣсть совершенно замерла и столько же мало даетъ вразумленія, какъ и принимаетъ оныя,

7) Вообще тѣхъ *сыновъ отверженія и погибели*, которымъ, по видимому, не суждено пользоваться державными правами человѣка надъ чувственною природой.

Грань 3-я.

Природные таланты и недостатки сердца.

§ 492.

Въ сердцѣ, какъ извѣстно, живетъ человѣкъ; оно движетъ волю; оно указываетъ намъ предметы умственныхъ занятій; ощущенія его ранѣе соображеній, ранѣе начинаній. При одинаковой крѣпости ума и воли существенно различается одинъ человѣкъ отъ другаго *настроеніемъ* или *тономъ* своихъ ощущеній, такъ сказать, *эстетическимъ взглядомъ на жизнь*, и здѣсь

1) Первый обыкновенный способъ, какъ сердце смотритъ на жизнь, состоитъ въ томъ, что человѣкъ понимаетъ и принимаетъ ее *слишкомъ*

легко, въ томъ, что онъ любитъ только чувственныя наслажденія, любитъ шутки, даже насмѣшки. Сіе счастливое настроеніе, именно потому, что жизнь для него игрушка, трудно бываетъ возбуждаемо къ напряженію силъ, а слѣдственно и къ отличіямъ. Оно необходимо дѣлаетъ поверхностнымъ, располагаетъ къ веселонравію, отверзаетъ сердце для легкокрылыхъ надеждъ, для игривости и умѣетъ во всемъ находить пріятныя стороны, умѣя, однакожъ, и отставать отъ любимыхъ предметовъ, какъ скоро они начинаютъ терять свою прелесть. Но сей прекрасный даръ сердца имѣетъ весьма дурную *сестру,—ребяческую сентиментальность*, которая принуждаетъ себя забавляться игрою разноцвѣтныхъ картинъ, трогательныхъ до приторности.

2) Другой природный талантъ эстетическій есть тотъ, который *все принимаетъ къ сердцу*, есть *глубокость его ощущеній*, которая ищетъ важной, благородной пищи въ идеалахъ, пренебрегаемыхъ чувственностію,—въ любви, въ дружествѣ, въ благочестіи; отъ того легче находитъ свое наслажденіе въ мечтахъ, нежели въ существенности. Но ему, съ другой стороны, угрожаетъ *уныніе*, которое любитъ въ сумракѣ скитаться по развалинамъ, вглядываться въ тѣни Оссіановы, отзываться на крикъ филиновъ—уныніе, обращающееся либо въ страсть, либо въ болѣзнь душевную,

изъ которыхъ одна такъ же опасна, какъ и другая.

3) И надъ рѣзвостію полувоздушныхъ *Сильфовъ* и надъ глубокомысліемъ тяжеловѣсныхъ *Гномовъ* возвышается *хладнокровіе*,—завиднѣйшій талантъ сердца, который охраняетъ его спокойствіе отъ волненій и назидаетъ его дружество, трезвенность, благоразуміе. Но оно имѣетъ свою соперницу—въ убійственной *безчувственности*.

§ 493.

Во всякомъ случаѣ человѣкъ съ *преобладающимъ чувствомъ*, которое дѣйствуетъ на счетъ ума и воли, прямодушенъ, любезенъ, благочестивъ. Вольнодумство и жестокосердіе скорѣе раздражаютъ его, нежели соблазняютъ. Ясныя познанія, запутанные, многосложные доводы не его дѣло; но онъ ясенъ и отчетливъ во всѣхъ движеніяхъ сердца. Для дѣловой жизни, для службы онъ негодится, потому что живетъ только про себя: за то ему открыта вся область Поэзіи.

Грань 4-я.

Перечневая — сплошныя явленія необыкновенныхъ состояній духовной жизни какъ со стороны отрицательной, такъ и положительной.

§ 494.

Въ трехъ предыдущихъ Граняхъ поименованы врожденные недостатки и совершенства разныхъ

силъ душевныхъ порознь. Но есть и явленія сплошной немощи душевной — это *кретинизмъ*; есть явленіе и сплошнаго величія души — это, Геній.

§ 495.

А) Крайняя немощь души оказывается какъ врожденное зло, какъ наслѣдственная болѣзнь тамъ, гдѣ физическія вліянія *напр.* наросты въ черепной полости, накопленія крови или воды, нагноенія, ушибы въ голову и пр. первоначально затруднили развитіе нервной системы вообще и мозговой въ особенности. Посему она обыкновенно и сопровождается строеніемъ тѣла, весьма недостаточнымъ, сопровождается разными увѣчьями, неподвижностію лица и всѣхъ членовъ. Въ семъ видѣ *бездушіе* встрѣчается, какъ *туземная* болѣзнь, въ глубокихъ и узкихъ долинахъ, пересѣкающихъ высокія Альпы въ *Валежской* землѣ, около *Пьемонта* и *Зальцбурга* — у *Кретиновъ*. Здѣсь совершенное безсмысліе сопряжено съ тупыми чувствами, съ безсловесіемъ, съ рѣшительнымъ равнодушіемъ ко всему, — даже къ другому полу. Здѣсь нѣтъ живыхъ удовольствій и горестей, нѣтъ страстей. Только первыя чувственныя вожделѣнія, именно позывъ на ѣду и на сонъ являютъ кой — какіе слѣды духовной жизни, да и та часто остается далеко позади животной, потому что сіи жалкія карикатуры на высочайшей степени страданія не могутъ быть пріучены и къ чистоплотности, даже къ тому, чтобы умѣли сами ходить и при-

нимать пищу и питье. Подобный кретинизмъ можетъ произходить и позже,—по рожденіи, вслѣдствіе продолжительныхъ дѣйствій жара и стужи, усыпительныхъ зелій, сильныхъ страстей,—вслѣдствіе изнурительныхъ распутствъ, частыхъ судорогъ, головныхъ болей и пр.

§ 496.

В) Но что унизили въ человѣкѣ Кретины; то самое въ торжествѣ и славѣ являетъ *Геній* или даръ

1) Изобрѣтать и творить, а не подражать, слѣдственно свободная, отнюдь доблестная, богоподобная сила, надъ тѣломъ и душею равно возвышенная, и въ плодотворныхъ вліяніяхъ своихъ не истощимая. Въ чреватомъ лонѣ своемъ она зарождаетъ сѣмена новой жизни и сѣетъ сѣмена сіи для будущихъ, вѣковыхъ прозябеній,

2) Творить великое, для разумныхъ потребностей и существенныхъ цѣлей человѣчества *интересное*, назидательное; отъ того истинные Геніи питаются и согрѣваются только священными помыслами,

3) Производить не отрывки, что доступно и счастливому таланту, а *цѣлое* и притомъ стройное, гармоническое, которое дышетъ полнотою идей,

4) Налагать на свои произведенія печать особеннаго, первоначальнаго свойства. Отъ того сіе *своеобразное* начало творящей дѣятельности про-

тивоположено всему тому, что можетъ передаваться въ наставленіяхъ; отъ того оно недостижимо; отъ того ни одинъ Геній не знаетъ себѣ подобнаго: ибо ниодна натура не можетъ переливаться въ другую,

5) Производить по правиламъ, *ему одному извѣстнымъ, образцовыя* издѣлія, плѣняющія всякое здравое чувство человѣческое. Если сіе чувство есть чувство истины, доблести, изящества; то и Геніи бываютъ одни преимущественно въ области Науки (математическіе, наблюдательные, философическіе), другіе въ области Морали и Политики или практическіе (мудрые законодатели, градоправители-патріоты, наставники народные), третьи въ области искуства или поэтическіе, кои всѣ дѣйствуютъ въ одномъ духѣ, но, подобно жизни, въ разныхъ видахъ или степеняхъ, опредѣляемыхъ относительнымъ перевѣсомъ какого либо изъ совершенствъ предъ прочими.

§ 497.

По сему понятію а) *вовсе не Геніи — чудаки,* отличающіеся неестественностію и безпорядкомъ въ мысляхъ и поступкахъ, — *затѣйники,* истощающіеся въ проектахъ и спекуляціяхъ, *тайномурые мечтатели,* думющіе вѣдѣть въ *потьмахъ,* — *вольнодумцы,* довольно строптивые и безразсудные въ поступкахъ, но лишенные прямой свободы и крѣпости умственныхъ силъ, — *шарлатаны,* знающіе всего по немногу, — *мужи вели-*

кіе въ мелочахъ, — наконецъ *хитрецы,* которые вездѣ находятъ извороты и которые, гоняясь за одобреніемъ свѣта, цѣнятъ только умную и тонкую интригу,—такъ, какъ, съ другой стороны, b) къ *Геніямъ лжеименнымъ* принадлежатъ всѣ *дѣти природы,* кои безъ наставленія, безъ дальняго труда, даже почти неумышленно совершенствуютъ извѣстныя части, — всѣ *скороспѣлые ученые,* кои, подобно уродливостямъ, происходящимъ отъ избытка питательныхъ силъ, также скоро умираютъ духовною смертію, какъ быстро и возникаютъ, — всѣ *самоучки,* кои съ усиліемъ находятъ вещи, уже извѣстныя, и слѣдственно хотя безъ наставленія, однакожъ тѣмъ съ большимъ трудомъ дѣлаютъ успѣхи въ тѣсномъ кругѣ занятій.

§ 498.

Геній состоитъ не во *врожденной* какой либо, отъ начала міра предызбранной, *особенности,* готовой уже и непосредственно данной съ полнымъ развитіемъ; но въ какой-то, по рожденіи проявляющейся на человѣкѣ, *общей благодати,* которая однако, особенно за него заступается или предстательствуетъ. Ибо иныхъ ведетъ Геній по пути жизни спящихъ, другихъ во снѣ странно, нескладно грѣзящихъ, третьихъ пробуждаетъ онъ рано къ трудамъ смѣлымъ, исполинскимъ; но ни отъ кого не отступается вовсе *Ангелъ—хранитель,* и что совершаетъ одинъ изъ насъ непонят-

нымъ, но тѣмъ не менѣе естественнымъ образомъ, то самое *можетъ* производить и всякій другой въ *свое* время и въ своей формѣ. Разница здѣсь въ томъ только, что иногда Геній имѣетъ *насъ*, иногда же *мы* его имѣемъ. Тамъ человѣкъ не внемлетъ таинственнаго его вѣянія, не сознаетъ его въ себѣ и ему не довѣряетъ; здѣсь мы убѣждены въ благодатномъ посѣщеніи небеснаго гостя и съ радостнымъ упованіемъ предаемся его вожденію.

§ 499.

Но Геній означаетъ не только *особенное* измѣненіе *общихъ* даровъ человѣчества, а и *опредѣленное* первоначальнымъ развитіемъ жизни расположеніе силъ преимущественно къ духовной дѣятельности, которое потому, являя свое величіе въ извѣстномъ только классѣ умственныхъ произведеній, есть *внѣ* сего круга — *пришлецъ во Израили*, такъ что *Геніи вселенскіе*, равно великіе во всякомъ совершенствѣ человѣческомъ, невозможны потому, что и для одного уже требуется гармоническое содѣйствіе, если не всѣхъ, по крайней мѣрѣ, весьма многихъ способностей. Ибо въ составъ Генія входятъ

a) *Чувство* и *воображеніе*; не они ли снабжаютъ его живыми и богатыми картинами?

b) *Свободная фантазія*; не она ли къ данному понятію пріискиваетъ эстетическія идеи? Отъ того всѣ Геніи болѣе или менѣе Художники,

c) *Вкусъ*; не онъ ли избираетъ въ произведеніяхъ Генія то, что можетъ нравиться общимъ чувствованіямъ образованнаго человѣка?

d) *Мыслящая сила.* Не она ли въ качествѣ *разсудка* обуздываетъ и умѣряетъ своевольство роскошествующихъ Геніевъ правилами, — въ качествѣ *остроты* и *проницательности* подмѣчаетъ все новыя и тонкія сходства въ предметахъ, въ качествѣ собственно *ума* пріятно поражаетъ нашу душу рѣзкими, свѣжими, живительными соображеніями?

e) *Напряженная дѣятельность*; не она ли постигаетъ безчисленное множество вещей и производитъ то, что обыкновенному трудолюбію недоступно?

f) *Постоянное направленіе* сихъ душевныхъ силъ въ теченіе цѣлой жизни къ *главному* какому либо *пункту.* Не отъ сего ли зависитъ богатство, не отъ сего ли зависитъ интересъ мыслей?

§ 500.

Дѣйствіе силъ, входящихъ въ составъ Генія, иногда обнаруживается вдругъ, подобно *вспышкѣ*, изумляющей его самаго; въ большей же части случаевъ, Геній, всегда сильно раздражительный, бываетъ замѣтенъ уже прежде, нежели начинаетъ творить, возвѣщая свое присутствіе a) тѣмъ, что съ любовію и *восторгомъ* объемлетъ все, связанное съ будущею его дѣятельностію, b) тѣмъ, что при видѣ произведеній великихъ умовъ въ его сферѣ,

чувствуетъ недовольство самимъ собой и тайно даетъ себѣ обѣтъ — вступить въ соперничество съ героями, наконецъ c) тѣмъ, что предстоящія трудности еще болѣе воспаляютъ его рвеніе.

§ 501.

И Геній, подобно всякой другой производительной силѣ природы, состоитъ подъ вліяніемъ *стороннихъ* обстоятельствъ, *способствующихъ* его развитію. Сіи *благодѣтельныя раздраженія внѣшнія* суть a) *первыя сильныя впечатлѣнія* въ юной, свѣжей душѣ, кои приводятъ ее въ движеніе съ одной какой либо, прямо человѣческой стороны, болѣе, нежели съ другой, b) *нужда*, заставляющая его прибѣгать къ собственной своей помощи, c) *стремительныя страсти*, каково славолюбіе, старающееся оставить по себѣ въ Исторіи прочные и явственные слѣды существованія, d) *почтительное вниманіе современниковъ*, оправдывающее и подкрѣпляющее его вѣру въ самаго себя, e) блистательныя подвиги и *слава* отечества, успѣхи его оружія, политики, промышленности, f) наконецъ и глубокое чувство *соболѣзнованія къ уничиженію* и бѣдствіямъ рода человѣческаго.

§ 502.

Что касается до *недостатковъ, слабыхъ* и *дурныхъ сторонъ* Генія; то онъ, какъ вѣрный *инстинктъ* едвали *погрѣшаетъ*, какъ сила самодѣйствующая, всегда огражденъ отъ *умоизступленій*, какъ сила великая, никогда *не скудѣетъ, не исто-*

щается, какъ *идеалъ здравія духовнаго*, не подверженъ болѣзнямъ. За всѣмъ тѣмъ въ дикихъ порывахъ роскошной производительности онъ можетъ произращать цвѣты и терны, можетъ въ раннемъ, насильственномъ и одностороннемъ развитіи переживать свой срокъ, можетъ въ богатствѣ идей разсѣваться, можетъ въ уклоненіхяъ отъ обыкновеннаго, пошлаго отступать отъ правилъ и пр. Вотъ причины, почему и Геній нуждается въ руководствѣ, которое, хотя не *возбудитъ* новыхъ силъ, однакожъ *вознаградитъ* то, что упущено: ибо Генію стольже трудно вовсе потерятся, какъ и верховной власти въ Государствѣ умереть. Но и усовершеніемъ своимъ онъ одолжается только себѣ самому, подобно, какъ алмазъ получаетъ брильянтовую полировку только отъ собственнаго своего порошка; и чѣмъ Геній замѣтнѣе и мятежнѣе, тѣмъ болѣе и тѣмъ ранѣе потребны ему правила, для изощренія и укрѣпленія его талантовъ, для приведенія всѣхъ частей въ равновѣсіе и для сообщенія той *разсудительности* и того *вкуса*, которыми онъ свободнее свое владычество обезпечиваетъ на цѣлыя тысящелѣтія.

Отдѣленіе II.

Состояніе сновидѣній.

§ 503.

Спанье тѣла сопровождается *грѣзами* души,

a) въ *естественномъ* снѣ, b) въ *лунатизмѣ*, c) въ состояніи *магнитизма животнаго*.

Грань 1-я

Естественный сонъ.

§ 504.

Какъ въ пылу восторговъ и страстей мы часто *выходимъ изъ себя* или *теряемся*, такъ точно человѣкъ и ночныя мечтанія свои сознаетъ рѣдко; за всѣмъ тѣмъ душа, вѣчно-дѣятельная, самодовлительная и во всякомъ положеніи одинаковая,—душа, коей поручено назираніе и безконечное усовершеніе божественныхъ даровъ, продолжаетъ и въ состояніи сна, даже самаго глубокаго, обычайный свой образъ жизни тѣмъ благоуспѣшнѣе, чѣмъ менѣе развлекаема бываетъ наружными раздраженіями: ибо не часто ли грѣзятся намъ какія-то вещи, о которыхъ, однакожъ, мы порядочно вспомнить не можемъ? Не вспадаютъ ли намъ иногда на мысль опять — случайнымъ образомъ такіе сны, про которые мы и думать забыли? Не продолжаемъ ли своихъ дневныхъ разсужденій во снѣ, особливо послѣ напряженія? Не свѣжѣе ли у насъ въ памяти по утру вещи, заботившія насъ на канунѣ и не легче ли мы тутъ выучиваемъ наизусть? Не просыпаемся ли обыкновенно въ предположенный себѣ часъ? Не испускаемъ ли иногда тоскливыхъ криковъ послѣ перваго глубокаго сна? А что такое наконецъ суть явле-

нія лунатизма, какъ не грѣзы въ *лицахъ*? Такимъ образомъ всѣ мы грѣзимъ много и грѣзимъ всегда, хотя не въ одинаковой степени; и спанье не только не мѣшаетъ *идеальной дѣятельности души*, а еще и благопріятствуетъ ей; но *заботы, тѣснящіяся вокругъ изголовья*, но мятежныя грѣзы пылкаго юношн, страдальца, злодѣя и проч. часто мѣшаютъ спать, такъ что душа и здѣсь торжествуетъ надъ коснымъ тѣломъ.

§ 505.

Поелику душа сама по себѣ непричастна грѣзъ, то поводомъ къ возбужденію оныхъ бываютъ сплошъ физическія перемѣны и состоянія огранизма. Главнѣйшія изъ нихъ суть: a) слишкомъ малая степень усталости во время бдѣнія. Отъ того празднолюбцы грѣзятъ и болѣе и живѣе всѣхъ другихъ; b) неровное напряженіе органовъ чувствительности и движенія днемъ, Сколько такихъ людей, у коихъ чувственные органы одной стороны исправляютъ почти всю должность внѣшней чувственности, тогда какъ органы другой стороны только мало приводимы бываютъ въ движеніе! Отъ того въ послѣднемъ случаѣ начало чувствительности во время бдѣнія менѣе истощается; подобные люди менѣе имѣютъ нужды въ спаньѣ и сохраняютъ болѣе наклонности къ мечтаніямъ; c) сильное волненіе крови и приливъ оной къ головѣ; d) слабость и нѣжность нервной системы, и слѣдственно тѣмъ большее расположеніе къ чувствен-

нымъ играмъ воображенія какъ наяву, такъ и во снѣ; e) внѣшнія впечатлѣнія въ наружныхъ органахъ чувствъ не столь значительныя, чтобы пробуждать спящаго, но довольно сильныя, чтобы возбуждать въ нервахъ аналогическія *представленія*; f) впечатлѣнія въ общемъ чувствѣ, происходящія отъ разныхъ, особливо страждущихъ перемѣнъ въ органахъ плототворенія и дыханія. Подобныя впечатлѣнія, поражая нервы больныхъ частей, причиняютъ во снѣ темныя, живыя, но неопредѣлительныя ощущенія, а чрезъ сіи, по закону сцѣпленія, подложные образы, т. е. тяжкія, страшныя, тоскливыя или сладострастныя грѣзы, къ которымъ потомъ страданія тѣлесныя обыкновенно и бываютъ относимы, и смѣшеніемъ коихъ съ послѣдними начинается порядокъ химеръ; g) наконецъ и страсти душевныя не мало способствуютъ къ возбужденію сновидѣній, коихъ родъ и характеръ всегда почти опредѣляются вечерними сценами, либо состояніями, наяву господствующими, либо душѣ мечтателя вообще знакомыми, и его полу, возрасту, и званію свойственными.

§ 506.

Посему грѣзы не суть совершенно самопроизвольныя порожденія слѣпыхъ силъ, случайно сцѣпляющіяся между собою въ пустомъ пространствѣ, подобно атомамъ Эпикуровымъ. Мы находимъ въ каждой извѣстную связь и притомъ одну съ предметами обаяній, другую съ лицемъ самаго мечтателя. Связь *перваго рода* бываетъ какъ съ

вещами предыдущими, либо настоящими, такъ и съ бдѣніемъ, за мечтами слѣдующимъ,—связь, если не со всѣмъ существомъ нашимъ, по крайней мѣрѣ съ *какимъ либо* направленіемъ его дѣятельности, съ *одною* какою либо мыслію, съ *однимъ* какимъ либо расположеніемъ души. Почему всякая грѣза содержитъ въ себѣ что нибудь такое, чѣмъ сновидецъ занимался наяву, хотя бы то было за нѣсколько дней, даже за нѣсколько лѣтъ; другими словами, каждая имѣетъ ближайшее или отдаленнѣйшее отношеніе къ чему—то *истинному, существенному*: ибо a) въ каждой дѣйствуетъ *человѣкъ*, дѣйствуетъ общая его сила, по общимъ законамъ какъ природы, такъ и фантазіи, которая всегда образуетъ изъ даннаго запаса, а не изъ ничего; b) далѣе въ каждомъ сновидѣніи дѣйствуетъ *этотъ* именно человѣкъ, *его* особенная сила, *его* совѣсть; — отъ того ни одни воздушные замки не похожи на другіе и всякій строитъ оные иначе; отъ того въ каждой ночной картинѣ есть какая нибудь черта личныхъ помысловъ, склонностей, старыхъ воспоминаній спящаго, даже и тамъ, гдѣ сей представляетъ *чужое лице*. Такъ иногда является человѣкъ во снѣ и лучшимъ, иногда и худшимъ, нежели каковъ на самомъ дѣлѣ, въ доказательство, что тѣмъ и другимъ онъ или былъ, или почти былъ или что онъ тѣмъ и другимъ сдѣлаться можетъ. Но c) и дѣйствительно къ грѣзамъ, какъ сказано, подаютъ

первоначальный поводъ разныя впечатлѣнія въ тѣлѣ и его органахъ.

§ 507.

Вмѣстѣ съ сею *дѣльною*, или *существенною* стороною представляютъ грѣзы и сторону противную или *обманчивую*, и если онѣ тамъ, по выраженію Древнихъ, суть *даръ Зевеса*, отца свѣта и истины; то здѣсь онѣ низпосылаются *отцемъ лжей*. Обаянія происходятъ a) вообще отъ вящшей стремительности *невольныхъ* сцѣпленій, отъ живости чувственныхъ представленій, соединенной съ слабымъ воздѣйствіемъ разума, сознанія и свободы; b) — обольщеніе находимъ мы и въ самыхъ лицахъ: ибо если и въ состояніи бдѣнія вырываются вздорныя мысли, если оптическіе обманы могутъ и наяву вести человѣка, даже умнаго, къ превратнымъ сужденіямъ и смѣшнымъ поступкамъ, *напр.* при входѣ въ зеркальный залъ; то какъ не *промахнуться* во снѣ? c) Но сіи обольщенія составляютъ наименѣе *существенную* сторону въ сонной дѣятельности, относясь по большей части къ чувственнымъ формамъ пространства и времени. Отъ того здѣсь можетъ человѣкъ въ данное время протекать бо́льшее или меньшее пространство. Далѣе—они касаются внѣшнихъ чувствъ и подмѣняемыхъ ими образовъ; притомъ же обольщенія не навязываются извнѣ, а мечтатель *самъ* составляетъ себѣ оныя изъ впечатлѣній. Наконецъ d) сіи обольщенія *скоротечны*, и блудящіе огни,

коими духъ ночи соблазняетъ путника, разлетаются уже во снѣ, а еще болѣе, когда сравниваемы бываютъ съ ясною существенностію.

§ 508.

Кромѣ вышеупомянутаго отношенія къ предметамъ мы въ сновидѣніяхъ находимъ во *вторыхъ* и тѣсное отношеніе къ лицу. Ибо въ самомъ механизмѣ грѣзъ не только есть послѣдовательность, но даже и нѣкотораго рода *связь картинъ*, при всей странной ихъ пестротѣ, при всѣхъ искаженіяхъ, пропускахъ, бывающихъ особливо въ полуснѣ, или, такъ сказать, въ сумеркахъ сна; душа и здѣсь послѣдуетъ закону причинъ и дѣйствій, и непремѣнно всегда есть тайная нить, на которую она *нанизываетъ* рядъ своихъ мечтаній. Это тѣмъ вѣрнѣе, что можно изъяснить, почему иныя изъ нихъ нескладны. Ибо, не говоря уже о воображеніи, дѣйствующемъ здѣсь вмѣсто чувства,—не говоря о томъ, что игра представленій задерживаема бываетъ внѣшними помѣхами и *сбиваема* навыками, часто сторонними, неумѣстными образами, мы и наяву слышимъ и читаемъ довольно глупостей и только немногіе умѣютъ мыслить правильно.

§ 509.

Но при всей связи призраковъ мы различаемъ въ дѣятельности спящаго *разные акты*, при коихъ средніе члены легко теряются и часто являютъ чудную архитектуру воздушныхъ замковъ. Такъ иному не только *сдается*, будто онъ грѣзитъ, но

будто и видитъ опять свой прежній, давнишній сонъ; ибо, если наяву могутъ намъ представляться въ мысляхъ ночныя видѣнія, то сія же самая дѣятельность можетъ, по примѣру всѣхъ прочихъ, повторяться и ночью, особливо при одинаковомъ положеніи вещей, внутреннемъ и внѣшнемъ. Такъ —далѣе, — другой *связно грѣзитъ по нѣсколько ночей сряду*, продолжая въ послѣдующія тамъ, гдѣ остановился въ предыдущей. Ибо воздушные замки, строеніемъ коихъ занимается бдящій, съ устраненіемъ препятствій, опять приводятся въ движеніе при первомъ досугѣ и часто работа ночная, подобно дневной, оканчивается не иначе, какъ въ нѣсколько пріемовъ.

§ 510.

Въ сновидѣніяхъ мы *вообще* читаемъ *исторію дня*. Въ ихъ зеркалѣ отсвѣчивается былое. Но гармонія ночныхъ дѣйствій души съ дневными зависитъ отъ особливыхъ условій, опредѣляемыхъ то *лицемъ*, именно же способомъ внутренней его жизни и степенемъ внутренняго его образованія, то *предметами*. a) *Способъ жизни* бываетъ здѣсь либо разсудительный, трезвенный, методическій, свѣтлый, отчетливый, свободный, смѣлый, либо дикій, противорѣчивый, разсѣянный, смутный, вялый, и *кто привыкъ мыслить, чувствовать и поступать наяву тѣмъ или другимъ способомъ; тотъ будетъ и грѣзить складнѣе, либо безпорядочнѣе*. b) *Степени образованія* указываютъ равное на-

правленіе и притомъ касательно всѣхъ силъ. Чувственнымъ созерцаніемъ опредѣляется родъ перваго впечатлѣнія и его живость. Оно зависитъ отъ направленія открытыхъ—внѣшнихъ и внутреннихъ—чувствъ къ явленіямъ. Таковымъ остается свойство памяти (вѣрная повторяетъ легче), таковымъ остается и воображеніе, (*слабое, монотонное, скудное будетъ всегда рисовать картины только былаго.*) Далѣе—повтореніе зависитъ отъ глубокости и силы ощущенія. У трусовъ сновидѣнія страшны; съ сердцемъ дружится фантазія скорѣе, нежели съ мнѣніями и толками. Что механически входитъ въ душу, то она легко и возвращаетъ въ первоначальномъ, не переработанномъ видѣ, тогда какъ люди образованные вездѣ — и наяву и во снѣ — встрѣчаются съ такими только картинами, въ созданіи коихъ сами дѣятельно участвовали. c) *Предметомъ* опредѣляется вѣрное повтореніе дневной жизни по связному и прочному составу, по единству и однородности явленій. *Чѣмъ складнѣе было происшествіе само по себѣ и чѣмъ соразмѣрнѣе оно кажется господствующей дѣятельности сновидца вообще, тѣмъ болѣе вещей отъ прошлаго дня будетъ встрѣчаться опять и ночью.* Но если уже и наяву, при здравой разсудительности, никто вѣрно не расчислитъ сцѣпленія мыслей напередъ; то *полное* повтореніе еще менѣе возможно во снѣ, гдѣ воображеніе менѣе руководимо бываетъ высшими силами и вмѣсто того,

чтобы схватывать сходное, можетъ даже попадать на противоположенное. Спѣяніе духа, который во снѣ продолжаетъ и оканчиваетъ начатое, воспрещаетъ останавливаться съ рабскою мнительностію на данномъ пунктѣ. Полная жизнь внутренняя образуетъ изъ бдѣнія и сновъ все болѣе нѣчто единое и движетъ человѣка на томъ и другомъ пути впередъ — къ великой цѣли равномѣрнаго усовершенія.

§ 511.

Многоразличные *поводы* къ грѣзамъ, всегда для души внѣшніе, не составляютъ еще *дѣятельнаго* оныхъ *начала*, которое можетъ быть только внутреннее: ибо *врата души*, коими она входитъ въ міръ, заперты. Воображеніе, по законамъ коего все здѣсь связывается, есть конечно главная, но не исключительная пружина, приводящая ночныя работы въ движеніе. Спящій употребляетъ болѣе или менѣе всѣ способности свои; онъ пользуется (хотя слабо) *общими* уже ощущеніями жизненными, *напр.* стужи и теплоты и сообразно съ тѣмъ либо закутывается въ покровы, либо оные въ себя сбрасываетъ. Бездѣйствіе *внѣшнихъ чувствъ* выводитъ его, такъ сказать, за черту настоящаго міра; сношенія между внутреннимъ и внѣшнимъ прерваны; нѣтъ зеркала, въ которое душа, глядясь, могла бы узнавать себя. Обоняніе, осязаніе и слухъ наиболѣе еще отверзты для наружныхъ, хотя смутныхъ впечатлѣній; спящій слышитъ еще болѣе то,

что вокругъ него происходитъ, но въ самыхъ грѣзахъ своихъ онъ болѣе *видитъ*, нежели слышитъ, потому что многочисленнѣйшія и живѣйшія чувствованія доставляются зрѣніемъ. Впрочемъ *всѣ* чувства — символически — продолжаютъ дѣйствовать *извнутри* посредствомъ *воображенія*, которое и навязываетъ одинаковымъ чувствованіямъ разныхъ людей разныя грѣзы. Но оно уже наяву дѣйствуетъ въ сумракѣ и въ тишинѣ живѣе и свободнѣе, хотя предоставленное самому себѣ, созидаетъ тѣмъ болѣе уродливостей. Тоже самое бываетъ и во снѣ, гдѣ оно господствуетъ надъ всѣми отправленіями духовными, опредѣляя, либо задерживая ихъ движенія и изъясняя всѣ нелѣпости, и притомъ господствуетъ частію потому, что ослабленныя здѣсь чувствованія, не вразумляются настоящими созерцаніями и потому даютъ ему волю и досугъ воскрешать былое, частію потому, что его игра менѣе бываетъ останавливаема: ибо помраченное самосознаніе не обличаетъ его пріятныхъ и горькихъ обмановъ, смѣшеній, пропусковъ, лгрическихъ безпорядковъ, несообразностей, кои опять *пластическая* его *сила* отливаетъ въ новыя формы.

§ 512.

Даже, такъ называемыя, *высшія* способности души участвуютъ въ занятіяхъ спящаго. *Смыслъ* и здѣсь связываетъ разныя явленія въ пространствѣ и времени съ единствомъ нашего лица. Что

же касается до распорядительной силы ума, т. е. до *разсудка*, который подводитъ случаи подъ развитыя общія понятія и начала; то сія способность всего чаще, какъ и въ жизни вообще, остается позади другихъ. Отъ того тутъ и происходитъ смѣшеніе съ существенными предметами. Впрочемъ мы во снѣ не познаемъ ли *отношеній*, не даемъ ли, не принимаемъ ли совѣтовъ, не *удивляемся ли* — безпорядку и странностямъ, находя оныя *несообразными* съ извѣстнымъ *правиломъ*, наконецъ мы во снѣ не *бесѣдуемъ* ли? Но что здѣсь въ уста стороннихъ лицъ мы влагаемъ рѣчи и мысли, которыхъ не считаемъ своею собственностію — это обыкновенный восторгъ драматическаго Поэта, который забываетъ, что онъ самъ вывелъ на сцену разговаривающія лица, а полагаетъ, что мысли и рѣчи внушены ему героями.

§ 513.

Но разсудокъ *практическій*, которому предоставлено сличать поступки съ *нравственными* предписаніями, обыкновенно во снѣ бездѣйственнѣе, потому что своевольное воображеніе менѣе останавливается на *данномъ законѣ*, потому, что человѣкъ спящій состоитъ подъ *властію инстинкта*, потому наконецъ, что и наяву мы рѣдко встрѣчаемъ людей съ крѣпкимъ разсудкомъ. Вотъ отъ чего нескладица и предосудительность иныхъ сновидѣній упускается изъ виду! Но и тутъ

встрѣчаемъ *чинные* пріемы иного мечтателя, но и тутъ иногда мы сами обсуживаемъ свои сны.

§ 514.

Самый *разумъ* въ прилагательномъ и существительномъ его значеніи не вовсе покидаетъ насъ во снѣ. Это доказывается *единствомъ* иныхъ сонныхъ движеній, правильною связью и порядкомъ мыслей, возможностію рѣшать задачи, обработывать ученые предметы окончательнымъ образомъ, открывать выводы, которые не поддавались усиліямъ бдящаго, вообще же памятованіемъ и уваженіемъ идей Истиннаго, Благаго и Изящняго.

§ 515.

И *память* дѣйствуетъ во снѣ, иногда удачнѣе даже, нежели въ состояніи бдѣнія и часто воскрешаетъ въ душѣ отдаленныя, счастливыя сцены дѣтства, которыя рѣдко посѣщаютъ ее наяву. Что же мы легко забываемъ иныя сновидѣнія,—это происходитъ частію отъ быстрой смѣны картинъ, частію отъ нашей прозаической жизни. Сны *незабвенные* должно приписывать то силѣ памяти человѣка бдящаго, то времени, когда грѣзимъ (съ полуночи ли, или утромъ), то характеру сновидѣнія, болѣе яснаго или разительнаго, то наконецъ и нашему легковѣрію.

§ 516.

Не дремлетъ у спящаго и сердце, не дремлетъ и воля; онъ во снѣ радуется и горюетъ, страшится и уповаетъ; онъ желаетъ и отвращается, какъ

и наяву. Сны *тяжкіе, ужасные* суть не иное что, какъ отголосокъ нашихъ ощущеній. Но они не для того ниспосылаются намъ духомъ ночи, чтобы смущать насъ страхами, а для того только, чтобы *внезапно пробуждать* къ полному *самосознанію,* хотя бы оно и было для насъ не самое лестное и поставлять на видъ, если не наружное зло, угрожающее жизненной силѣ, по крайней мѣрѣ насъ самихъ и принятое нами направленіе. Отъ того спящій только дѣлается часто *предателемъ* бдящаго, хотя измѣну сію открывать и предъ тайнымъ *зерцаломъ совѣсти* судить виновнаго предоставляется отнюдь не другимъ, а только *самому мечтателю,* который, по сей причинѣ, безъ сомнѣнія можетъ узнавать въ себѣ много такого, чего некогда ему было подмѣтить въ суетахъ дневныхъ.

§ 517.

Крикъ во время тоскливыхъ грѣзъ и связныя рѣчи и отвѣты на предлагаемые вопросы во снѣ доказываютъ, что душа въ семъ состояніи мыслитъ и при помощи словъ и можетъ пріобрѣтать вліяніе на орудіе языка, хотя рѣчи и отвѣты спящаго едвали выходятъ когда либо изъ границъ трезвеннаго его вѣдѣнія, такъ какъ и вообще сонныя наши стихотворенія, ораторскія Рѣчи, ученые трактаты, о коихъ мы помнимъ, рѣдко бываютъ такого рода, чтобы можно было ими похвалиться.

§ 518.

Что касается, наконецъ, до дѣйствій *сознанія*; то a) хотя сознаніе *внутренняго* состоянія часто сверкаетъ подобно разрывчатой молніи среди густыхъ тучъ, изумляя насъ мгновеніемъ своимъ пробужденіемъ, часто же находится въ постепенномъ приливѣ и отливѣ; однакожъ, *вообще* говоря, *извѣстная* дѣятельность его, такъ тѣсно связанная съ чувствомъ нашего бытія, *никогда* не можетъ быть *совершенно* подавлена, хотя можетъ укрыться отъ наблюденій; b) *внѣшній*, во время дремоты къ намъ ближайшій міръ, почти вовсе изчезаетъ, потому что чувства закрыты. Но иное бываетъ съ сознаніемъ *грѣзящихся* предметовъ, кои сонный мечтатель принимаетъ за такую же существенность, какъ и наяву. c) Менѣе уже въ *упоенной* душѣ изглаживаются внѣшнія *положенія* наши, собственныя наши *отношенія*; d) еще менѣе, нежели тѣлесныя свои состоянія, находимъ мы тутъ самихъ себя или свое *Я* съ его произведеніями, а всего менѣе человѣкъ сознаетъ *себя* виновникомъ сновидѣній, надъ которыми не властенъ, даже при чувствѣ силъ своихъ, и весьма часто подмѣняетъ историческое свое лице другимъ —*воображаемымъ*, *вымышленнымъ*, *идеальнымъ*, раздѣляя здѣсь, слѣдственно, жизнь души, такъ сказать, на двѣ половины, изъ коихъ одна дѣйствуетъ на позорищѣ, а другая остается праздною, безмол-

вною свидѣтельницей и судьею сценическихъ обаяній.

§ 519.

Если уже дознано, что сновидѣнія суть продолженіе бдящей дѣятельности; то стóитъ изучать только сію послѣднюю, чтобы обсуживать и направлять первыя. Человѣкъ имѣетъ и сонъ въ своей власти. Сіе *искуство прививать сны* самому себѣ и другимъ утверждается

a) *Приготовленіями* души, смотря по темпераменту и нраву. Для сего непосредственно требуется наблюдать особенный механизмъ мыслей человѣка бодрствующаго. Всѣ неровные переходы и пропуски, какіе видны здѣсь, отзовутся и во снѣ. Кто хочетъ мечтаній поэтическихъ, тотъ пускай читаетъ стихотворенія, а для связныхъ сновъ — складную исторію;

b) Далѣе—можно прививать грѣзы, занимая воображеніе *надлежащими* представленіями тотчасъ предъ спаньемъ, равно какъ

c) И подавая поводъ къ раздраженіямъ *во время сна, напр.* нашептывая въ ухо спящему какое либо имя, которое онъ схватываетъ чуткимъ воображеніемъ и изъ котораго составляетъ цѣлую эпопею грѣзъ.

§ 520.

Чѣмъ долѣе живетъ человѣкъ, тѣмъ менѣе спитъ; тѣмъ менѣе, слѣдственно, *надлежалобъ* ему и грѣзить; тѣмъ болѣе надлежалобы бодрой,

полной жизни торжествовать надъ мятежною, дремлющею. Правда, для иныхъ вся жизнь есть не иное что, какъ призракъ; однакожъ нельзяли и въ самомъ дѣлѣ назвать ее вѣчнымъ сновидѣніемъ относительно къ идеалу *безусловнаго*, неограниченнаго сознанія? Не грѣзы ли всѣ наши темныя ощущенія, представленія и желанія, всѣ тайныя вліянія на душу нашу? Въ семъ смыслѣ мы различаемъ троякія грѣзы, 1) *невольныя*, 2) *умышленныя*, съ которыми начинается *слабость* и 3) *слѣпыя* — съ подчиненными формами мечтательнаго бдѣнія людей съ *больною раздражительностію*, людей *разсѣянныхъ*, *углубленныхъ*, *лѣнивыхъ* и т. п.

§ 521.

Мечтательность какъ во снѣ, такъ и наяву, предоставлена самой себѣ, однакожъ не изъята совершенно отъ сознанія, потому что наше мыслящее начало едвали когда обходится безъ всякаго сношенія съ предметами. Тѣмъ и другимъ грѣзамъ недостаетъ *мѣры*, пространства, времени и пр. отъ того и происходитъ неизмѣримость царства сновъ. Тѣ и другія выказываютъ своевольную дѣятельность *производительныхъ* силъ. Это ихъ сходство. Но въ грѣзахъ полубдящаго болѣе единства и продолжительности; отъ того ихъ можно скорѣе растолковать, нежели химеры спящаго. Тѣ носятся болѣе въ будущемъ, сіи въ прошедшемъ; тѣ предаются болѣе произволу, сіи — болѣе ин-

стинкту; полубдящіе мечтатели *не хотятъ* мыслить опредѣлительно, спящіе *не могутъ*; тамъ возможна минутная остановка, здѣсь господствуетъ созданное самимъ мечтателемъ отношеніе, кототорому фантазія даетъ призракъ истины.

§ 522.

Поелику всякій сонъ ограничиваетъ разсудительность и присутствіе духа и навязываетъ намъ за существенную и полную истину туманные образы, ни цѣли, ни плана не имѣющіе и въ составѣ своемъ рыхлые: то грѣзы, вообще говоря, выражаютъ *слабость* души, именно же 1) грѣзы непомѣрно живыя, изступленныя, 2) слишкомъ продолжительныя, преслѣдующія человѣка и по пробужденіи и питающія его лѣнь, романтическую нѣгу и — тупоуміе, 3) грѣзы частыя.

§ 523.

Но что, за всѣмъ тѣмъ, сновидѣнія не составляютъ *болѣзни душевной*, хотя къ оной и располагаютъ, — это доказывается слѣдующими причинами:

а) *Общая* уже и *неотразимая* потребность грѣзъ для всѣхъ, или тѣломъ и душею здравыхъ людей ручается за *натуральность* сего явленія. Ибо не грѣзы ли спящей, т. е. зимней природы тѣ узорчатые и замысловатые арабески, которыми морозъ расписываетъ стекла оконъ нашихъ?

b) Уравнивающая, *очистительная* и слѣдственно *цѣлебная* сила сновидѣній. Ибо сны оживляютъ иныя дремлющія идеи, сообщаютъ разнообразіе мыслямъ и быту житейскому, прогоняютъ грусть, переносятъ обратно въ золотой вѣкъ невиннаго дѣтства, обличаютъ погрѣшности и напоминаніями неусыпающей совѣсти приводятъ въ стыдъ. Посредствомъ ихъ человѣкъ отторгается отъ міра чувственнаго и въ своей неземной родинѣ возвращается самому себѣ; отъ того здѣсь мелькаютъ иногда чувствованія и стремленія, наяву намъ даже чуждыя, каково *напр.* летанье по воздуху;

c) *Трезвенность* иныхъ сновъ, которая часто признаетъ нелѣпость ночныхъ своихъ мечтаній;

d) Ихъ *мимолетное*, эфемерное бытіе, которое, однако, не уноситъ съ собою расположенія къ повѣркѣ призраковъ надежнымъ свидѣтельствомъ внѣшняго чувства;

e) *Знаменательность* грѣзъ. Сны, какъ и прочія явленія въ насъ, имѣютъ свое значеніе. Извѣстно, что въ подобномъ состояніи ученые рѣшали свои задачи, подозрѣвали выводы изъ посылокъ и удачно приготовляли причины къ послѣдующимъ дѣйствіямъ. Сны надѣляли свѣтлыми взглядами на вещи и счастливыми догадками. Сны бывали даже *вѣщими*, и, хотя въ сихъ *естественныхъ пророчествахъ* много участвовалъ случай, много участвовало умышленное приготовленіе; однакожъ сно-

видцы не рѣдко предсказывали органическое состояніе или же и судьбу внѣшней, тѣлесной жизни тамъ, гдѣ она касается сферы опытовъ и чувственныхъ отношеній, *напр.* болѣзнь и смерть собственнаго своего лица, либо родныхъ и друзей, — такъ же внѣшнія событія, о которыхъ можно было заключать изъ данныхъ посылокъ. Ибо извѣстныя чувственныя соображенія здѣсь совершаются тѣмъ легче и вѣрнѣе, чѣмъ менѣе заглушаемы бываютъ другими высшими, чѣмъ менѣе наружныя развлеченія мѣшаютъ естественному сцѣпленію причинъ и чѣмъ безпрепятственнѣе дѣйствуетъ *общее чувство* при дремотѣ его *фигурантовъ*, т. е. *отдѣльныхъ*, периферическихъ чувствъ, изъ него же развивающихся и въ немъ сосредоточенныхъ.

§ 524.

Можно сверхъ того отыскать опредѣленное *мѣрило* для оцѣнки всякихъ сновъ, — можно даже начертить себѣ полный *идеалъ* мечтательнаго состоянія. Въ сихъ *идеальныхъ* грѣзахъ человѣкъ усматриваетъ истинное, чистое, неземное начало жизни, а купно съ тѣмъ и разстояніе отъ онаго благороднѣйшей части своего существа, которая чрезъ связь съ божественнымъ началомъ по утру какбы возраждается въ бытъ новый, свѣжій, бодрый. Но сіе *совершенное* состояніе сна мы находимъ въ свободной, однакожъ стройной игрѣ призраковъ фантазіи и идей разума, — въ игрѣ,

не задерживаемой вредными воздѣйствіями тѣла. Подобное *образцовое состояніе грѣзъ* можетъ только быть въ человѣкѣ, тѣлесно, духовно и нравственно здравомъ.

Грань 2-я.

Лунатизмъ.

§ 525.

Но живыя, мятежныя сновидѣнія могутъ сопровождаться и соразмѣрными движеніями тѣлесныхъ членовъ, болѣе, или даже исключительно свойственными людямъ наяву. Подобный *драматическій* сонъ называется *лунатизмомъ*, который бываетъ a) *правильный, естественный* инымъ здоровымъ юношамъ, особливо холерическаго или меланхолическаго сложенія и обыкновенно случающійся ночью и b) *противоестественный*. Сія вторая форма онаго, слѣпо увлекающая организмъ возвышенною раздражительностію внѣшняго произвола, состоитъ въ связи съ болѣзнію нервовъ, минуется съ излеченіемъ ея припадковъ, послѣдуетъ весьма часто отъ чрезмѣрнаго напряженія силъ, *на пр.* въ вынужденномъ бдѣніи часовыхъ, сидѣлокъ, наборщиковъ, нянекъ, аптекарскихъ учениковъ, дежурныхъ, или въ продолжительныхъ думахъ, — посѣщаетъ даже женщинъ и притомъ приключается не только во время ночнаго сна, но и во время дневнаго. Вотъ общій характеръ лунатизма!

a) Лунатики, подобно всѣмъ спящимъ, вѣруютъ въ истину своихъ мечтаній, но съ пробужденіемъ не знаютъ о томъ, что происходило хотя *съ* ними, однакожъ не *чрезъ* нихъ и не *для* нихъ, или же весьма слабо вспоминаютъ о своихъ ночныхъ *похожденіяхъ*, какъ о смутныхъ грѣзахъ, — по причинѣ *разлада* однихъ чувствъ съ другими, движеніямъ коихъ, по закону естественному, надлежалобы *суѣпляться*;

b) Что касается до ослабленія или бездѣйствія способности внѣшнихъ чувствъ къ принятію впечатлѣній; то не только многіе Лунатики, но одинъ и тотъ же, въ разныхъ припадкахъ, являютъ величайшую разницу. Ибо 1) у всѣхъ *блудныхъ сыновъ ночи* воспрянуло одно, либо другое чувство, тогда, какъ остальныя еще спятъ. Обыкновенно въ семъ *мѣстномъ* снѣ торжествуютъ съ одной стороны осязаніе, посредствомъ коего здѣсь доставляютъ себѣ свѣдѣніе о позорищѣ своихъ дѣяній, съ другой — произвольныя, но механически раздражаемыя мышцы лица, туловища и конечностей. Подобные *автоматы* — на низшей степени — ворочаются во снѣ, дѣлаютъ разныя кривлянья, на высшей — встаютъ съ постели, исправляютъ, съ закрытыми глазами и притупленнымъ слухомъ, разныя, часто запутанныя, дѣла, заходятъ безбоязненно въ отдаленныя мѣста, взбираются чрезвычайно ловко на высоты, опасныя для насъ бдящихъ, да и для нихъ самихъ въ обык-

новенномъ порядкѣ вещей, гдѣ размышленіе о собственной пользѣ и естественное самолюбіе обуздываютъ глупую опрометчивость и *приводятъ удальца въ раздумье.* У другихъ играютъ главную роль органы слуха и голоса; спящій остальными чувствами и слышитъ и самъ произноситъ звуки, *оглашаетъ* свои чувствованія крикомъ, плачемъ, смѣхомъ, пѣніемъ, отрывистою болтовнею юродиваго, а на высшей степени вступаетъ даже въ связный разговоръ съ тѣмъ, кто Импровизатору задаетъ тему. У иныхъ подоздрѣваютъ и дѣятельность зрѣнія; — напрасно. Нашъ глазъ видитъ только предъ собою, видитъ слѣдственно и то, что лежитъ сбоку и сзади, но только тогда, когда мы поворачиваемся; кого же съ околичностями знакомитъ живое воспоминаніе, подкрѣпляемое слухомъ и осязаніемъ; тому легко видѣть вещи во всѣхъ направленіяхъ. — Разности сіи зависятъ частію отъ живости и ясности удѣльныхъ представленій, частію отъ душевнаго расположенія самихъ Лунатиковъ и начинаясь разсѣянностію, довершаются углубленіемъ. 2) Въ *болѣзненномъ* лунатизмѣ не только расположеніе внѣшнихъ чувствъ къ принятію впечатлѣній, а именно къ стужѣ, къ щекотанію *напр.* верхней губы, къ дѣйствіямъ электрической и магнитной силы, но и раздражительность самаго воображенія и вниманія всегда усилены. Ибо между тѣмъ, какъ большая часть чувствъ спитъ, одно, либо другое съ нѣсколькими

произвольными органами, по причинѣ неровнаго и слѣдственно болѣзненнаго раздѣленія жизненной силы въ разныхъ частяхъ мозговой системы, переходитъ ранѣе прочихъ въ состояніе бдѣнія; посредствомъ воспрянувшаго чувства душа, вступая опять въ *сношеніе* съ внѣшнимъ міромъ, заимствуетъ отъ него добавочныя представленія и, сообразно съ тѣмъ, распоряжается въ своихъ поступкахъ. Но поелику она здѣсь пріобрѣтаетъ представленія только *однимъ* чувствомъ; поелику, слѣдственно, все напряженное ея вниманіе устремлено и какъ бы приковано къ тому, что именно теперь ее занимаетъ; то представленія сіи должны получать необыкновенную степень ясности и живости и подавать тѣмъ самымъ поводъ къ правильному и *мѣткому* познанію соотвѣтственныхъ предметовъ внѣшнихъ. Ибо здѣсь тоже самое отношеніе, по силѣ коего *на пр.* у слѣпыхъ осязаніе отмѣнно утончается. Вотъ причина значительной *опредѣлительности въ дѣйствіяхъ* сознаго бродяги и удивительной вѣрности въ его движеніяхъ тамъ, гдѣ имъ не мѣшаютъ! 3) Впрочемъ досужество его всегда подчинено, имѣющимся въ воображеніи, чертежамъ, соотвѣтственно коимъ здѣсь онъ только и видитъ и слышитъ и обоняетъ и вкушаетъ умственное или тѣ вещи, кои ему *вслѣдствіе составленнаго имъ плана* чувствовать и дѣлать должно. Что въ сей планъ не входитъ, то для него дѣло постороннее. Вотъ поче-

му онъ складываетъ вашу салфетку вмѣсто письма, пьетъ вино вмѣсто воды, нюхаетъ молотый кофе вмѣсто табаку, и т. д.! Онъ спокоенъ и при всѣхъ встрѣчахъ чрезвычайныхъ, новыхъ; но гдѣ разстроиваютъ любимыя его ипотезы; тамъ онѣ либо пробуждаютъ его, либо, по крайней мѣрѣ, приводятъ на нѣсколько минутъ въ раздумье;

c) Дѣйствія соннаго бродяги, который *напр.* ходитъ впотьмахъ по знакомымъ мѣстамъ, играетъ на привычныхъ инструментахъ, рисуетъ, шьетъ, вычисляетъ, пишетъ проповѣди, письма, рецепты, прислуживаетъ за столомъ и пр. всегда соотвѣтствуютъ тому только, чѣмъ онъ обыкновенно занимается наяву;

d) Изъ больныхъ Лунатиковъ, сохраняющихъ до извѣстной степени сознаніе, иные предвидятъ будущія перемѣны своего тѣлеснаго состоянія, обыкновенно къ лучшему;

e) Что касается до смысла, разсудка, воли; то сіи высшія способности у Лунатиковъ дѣйствуютъ, по наружности, всегда здравѣе и правильнѣе, чѣмъ у сновидцевъ или просто спящихъ; за то сіи послѣдніе имѣютъ на своей сторонѣ перевѣсъ творческой фантазіи.

Грань 3-я.

Животный магнитизмъ.

§ 526.

Третій, особенный родъ сна есть *магнитный*,

называемый также *магнитизмомъ животнымъ*, *Месмеризмомъ*, *свободнѣніемъ*, *Перкинизмомъ*, *Теллюризмомъ*, *Сидеризмомъ*, *Магизмомъ* и пр. Всѣ сіи рѣченія означаютъ такое стояніе, въ которомъ общее ощущеніе необыкновенно усиливается. *Расположеніе* къ Месмеризму не одинаково; онъ любитъ слабое сложеніе, юношескій возрастъ, нѣжный полъ; но общее условіе, при которомъ онъ можетъ открываться, есть возвышенная чувствительность системы нервныхъ узловъ и сплетеній, слѣдовательно такое состояніе, въ которомъ надлежащее соотношеніе между мозгомъ и системою брюшныхъ нервовъ легко можетъ быть нарушено. Гдѣ имѣется сіе условіе; тамъ состоянія и явленія магнитнаго сна либо послѣдуютъ сами собою, — отъ какихъ нибудь внезапныхъ потрясеній сердца, либо могутъ производимы быть умышленно, — содѣйствіемъ человѣка или другихъ, особливо минеральныхъ, веществъ или же употребленіемъ обоихъ сихъ способовъ.

§ 527.

Пріемы Сотрудника различны и простираются отъ рукодѣйствій до простаго взгляда; но вообще они слѣдуютъ за направленіемъ нервовъ и главныхъ узловъ. Существенная *принадлежность* сихъ пріемовъ есть важность, извѣстный натискъ и спокойствіе. *Успѣхъ* съ другой стороны, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, зависитъ отъ потребности, отъ преданности, отъ

взаимной гармоніи дѣйствующихъ лицъ. *Дѣйствіе* оказывается мало по малу и въ разныхъ степеняхъ.

§ 528.

1) Самое *первое*, обыкновенное и простое дѣйствіе животнаго магнитизма есть только утоленіе болей, усиленіе пульса, животной теплоты, вообще благоуспѣшный и льготный ходъ тѣлесныхъ отправленій, отражающійся уже на свѣтломъ лицѣ больнаго,

2) *Второе* дѣйствіе есть *забытье*, которое, однакожъ, отъ здраваго спанья отличается и судорожно стиснутыми рѣсницами и расширеніемъ зрачка и тѣмъ, что пріятное оглушеніе, хотя бы продолжалось нѣсколько часовъ, имѣетъ все еще нужду въ освѣженіи, которое ему и доставляется сномъ. Въ семъ состояніи жизни съ одной стороны упадаетъ духовная дѣятельность въ мозгѣ, равно какъ и въ системѣ произвольныхъ движеній, съ другой отмѣнно возвышается общее или сплошное ощущеніе, которое дѣлается здѣсь не только гораздо нѣжнѣе, но и гораздо опредѣлительнѣе обыкновеннаго, начиная уже *извнутри* то самое *усматривать*, что прежде смутно ему представлялось или чутилось, именно же начиная какъ бы *осязать* внутренними нервами состояніе собственнаго своего тѣла, видѣть страждущіе его органы, потребность и способы врачеванія, всегда почти удачные и спасительные,

3) *Третье* дѣйствіе и третья степень магнит-

наго сна открываются тамъ, гдѣ внутреннее ясное самоощущеніе обращается наружу, и гдѣ общая способность, непосредственно познавать *удѣльными, периферическими* чувствами, начинаетъ *играть роль духовную*, дѣлая своему запасу *сводъ*, не въ особенномъ, однакожъ, но въ общемъ чувствѣ, а именно (не столько въ ручныхъ и ножныхъ пальцахъ, сколько) въ *брюшной впадинѣ*, у *грудной ложбинки*, гдѣ *сердцевѣдѣцъ* читаетъ закрытыя книги, запечатанныя письма, вкушаетъ яства и слышитъ самый тихій шопотъ чрезъ множество звеньевъ, связывающихъ его съ предметомъ.

§ 529.

Не одинакова опредѣлительность, не одинаковъ объемъ чудодѣйственной силы животнаго магнитизма. Высочайшая степень опредѣлительности называется *провоззрѣніемъ, прозорливостію*, а самый оргомный *размахъ*, самая обширная атмосфера—*дальновидностію*. Сія дальновидность *двуличневаго* сомнамбула—*Януса*

a) Либо обращается назадъ—къ былому и воскрешаетъ въ живой памяти самыя давнія, обветшалыя, едва знакомыя душѣ впечатлѣнія, слова, происшествія,

Либо b) обращается къ предметамъ въ пространствѣ и простираетъ свою зоркость на нѣсколько сотъ миль, переноситъ себя на любое мѣсто и видитъ отсутствующее такъ точно, какъ настоящее, хотя естественнымъ образомъ внемлетъ тѣмъ

смутнѣе и неопредѣлительнѣе, чѣмъ далѣе предметъ и чѣмъ болѣе онъ заслоняется несоотвѣственными промежутками,

Либо c) наконецъ обращается къ будущему и въ мѣткихъ предчувствіяхъ своихъ, смѣло раздвигая границы времени, *пророчествуетъ*. Но именно потому, что здѣсь иныя вещи *проразумѣваетъ* сомнамбулъ не иначе, какъ изъ развитій даннаго уже природою положенія вещей, его даръ гаданій можетъ, какъ и вездѣ, простираться преимущественно на будущее состояніе собственнаго *его* здоровья и *здоровья* близкихъ сердцу, а отнюдь не на то, что совершенно зависитъ отъ свободы.

§ 530.

Не восходитъ ли человѣкъ въ животномъ магнитизмѣ на высшую степень бдѣнія? Правда, та его сторона, которая въ обыкновенномъ здоровомъ состояніи озабочена только отправленіями, для поддержанія бытія нужными, до извѣстной степени тутъ облагороживается; однакожъ не иначе, какъ на счетъ истинной, трезвенной, бодрой духовности, а именно потому, что сія послѣдняя здѣсь погрязаетъ въ естественной жизни, связываетъ себя узами плоти и слѣдственно отчуждаетъ свою свободу. Тутъ духъ человѣка выказываетъ себя въ уничиженномъ званіи духа звѣзднаго, и живетъ жизнію своей планеты. Онъ глубоко проникъ въ бездну своего временнаго, дольняго бытія, но не такъ, чтобы овладѣлъ ею, а такъ, что она

совершенно приняла его въ себя и поглотила, какъ китъ Іону.—Чувственны тутъ всѣ мысли сомнамбула; вотъ почему отъ состояній сего рода нельзя ожидать вразумленій на счетъ будущей жизни, ни на счетъ обитателей другихъ міровъ, ни вообще на счетъ метафизическихъ задачъ. Правда, симпатическая система иногда можетъ извнутри возбуждать дѣятельность мозга, который въ сихъ чрезвычайныхъ случаяхъ изобрѣтаетъ новыя машины, и дѣлаетъ длинныя вычисленія; однакожъ не совершается ли это на пути къ пробужденію? Не есть ли это разсвѣтъ уже здраваго сознанія? Не примѣчаемъ ли подобныхъ явленій и въ обыкноаенномъ снѣ?

§ 531.

Но сколько чувственны всѣ мысли сомнамбула, столькоже глубоки и живы—невольныя—его ощущенія, коихъ волшебная сила оказывается въ припадкахъ симпатіи и антипатіи къ людямъ и вещамъ. Ибо въ разстроенномъ, страждущемъ тѣлѣ жизненная сила крайне слабо защищаетъ свой организмъ отъ внѣшнихъ впечатлѣній. Вотъ почему и происходятъ чувственно—опредѣляемыя, мелочныя причуды и зависимость больнаго отъ другихъ людей, въ которыхъ видитъ свою подпору! Онъ живетъ почти въ одномъ только избранномъ, котораго *вездѣ и имѣетъ въ виду*, и не можетъ терпѣть приближенія лицъ стороннихъ.

§ 532.

Посему, если состоянія Месмеризма не такія,

въ которыхъ жизнь свободная и ясная, т. е. мозговая была бы властна надъ собою; то пускай здѣсь *сознаніе* и переходитъ изъ одного сна въ другой,—какъ будто вслѣдствіе какой-то памяти брюшныхъ нервовъ,—наяву сомнамбулъ обыкновенно не можетъ дать *отчета* въ *мудреныхъ* своихъ *сновидѣніяхъ*. Слѣдственно, симъ способомъ мы никогда не узнаемъ достовѣрно, каково истинное положеніе души, пѣстуемой и стрегомой дольними, планетными силами, которыя впрочемъ, дѣлаютъ ее столь вѣрнымъ хронометромъ, что она изобрѣтаетъ умственные часы, съ точностію опредѣляетъ солнечное время и повѣряетъ не только минуты, но и секунды.

§ 533.

Правда, Вавилонская плѣнница, уловленная въ сѣти животнаго магнитизма, — душа, то по внутренней потребности, то по внѣшнему воззванію, вовлекаемая въ разглагольствія, иногда даетъ непосредственно знать о томъ, что въ ней происходитъ; однакожъ какая осмотрительность требуется отъ одного, кто вопрошаетъ прорицалище, и какое благоразуміе отъ другаго, кто беретъ на себя многогрѣшный трудъ, толковать отвѣты изступленной и глумливой Пиѳіи! Ибо

а) Какъ въ состояніи магнитнаго сна воображеніе совершенно состоитъ подъ опекою природы; то всѣ его представленія становятся сами по себѣ *фигуральными*;

b) Какъ—далѣе—чувственная сія дѣятельность представленій, возбуждаемая распросами, легко приводится въ движеніе игривое; то здѣсь фантазія невольно созидаетъ поэтическіе вымыслы, которые и одѣваетъ въ благородныя формы языка, отъ чего весьма легко могутъ возникать обольщенія, впрочемъ, неумышленныя;

c) А не дѣйствуетъ ли здѣсь отчасти и самодовольное тщеславіе, подобное тому, которое замѣтно у дѣтей, начинающихъ владѣть языкомъ?

d) Наконецъ прибавьте къ сему и сильное вліяніе мыслей и желаній магнитизера на его *жертву*. Ибо въ постепенномъ ходѣ успѣшнаго производства, явно образуется полярное отношеніе между обоими лицами,—образуется въ единствѣ жизненныхъ состояній двойственность, соотвѣтствующая отношенію мозговой системы нервовъ къ брюшной такъ, что сторону жизни, болѣе духовную и свободно дѣятельную представляетъ магнитизеръ, а болѣе страждущую, пріемлющую, естественную —Сомнамбулъ, коего посему всѣ состоянія бдѣнія и сна, всѣ представленія, чувствованія и отзывы *опредѣляются возбужденіями Диктатора*, какъ положительнаго начала въ сихъ магнитныхъ отношеніяхъ.

Отдѣленіе III.

Болѣзни душевныя.

§ 534.

Изъ чуонаго смѣшенія то непомѣрныхъ ограни-

ченій, то отмѣнныхъ напряженій умственной силы съ состояніями планетной, полусонной жизни,—крайностей, изъ коихъ ни надъ одною трезвенная наружу, свободная и разумная душа не властна, происходятъ ея болѣзни, — третій порядокъ явленій т. е. извѣстному сознанію подлежащіе, но самовластію не подверженные, односторонніе и довольно продолжительные порывы души къ конечному, либо безконечному наяву, кои уклоняютъ ее отъ естественнаго назначенія, не сопровождая, однакожъ, первоначальными состояніями лихорадочными. Ибо

§ 535.

a) Если извѣстныя дѣйствія души совершаются вовсе безъ нашего вѣдома, совершаются *въ* насъ, но не *при* насъ, напр. въ обморокахъ; то нельзя говорить и о болѣзняхъ ея, хотя бездѣйствіе силъ ея часто бываетъ слѣдствіемъ разстройства въ ея державной экономіи;

b) Далѣе—по естественному устройству нашего ума мы въ каждой силѣ живаго существа принимаемъ особенную цѣль, которую ей достигнуть предлежитъ и достиженіе коей согласуется съ особеннымъ образомъ жизни, съ особенною идеей твари. Сія-то соразмѣрная дѣятельность и значитъ состояніе здравія, и душа человѣческая есть то, чѣмъ ей быть должно, когда отдѣльныя чувства, по поводу предшествующихъ раздраженій, доставляютъ ясныя и съ общимъ чувствомъ со-

гласующіяся созерцанія, — когда смыслъ порождаетъ изъ нихъ понятія и связываетъ послѣднія по своимъ законамъ,—когда дѣйствія памяти и воображенія различаемы бываютъ какъ другъ отъ друга, такъ и отъ настоящихъ чувствованій, когда сердце влечется къ тому, что пріятно, когда желанія обнаруживаются въ слѣдствіе нашихъ познаній о добрѣ и злѣ, когда наконецъ онъ имѣетъ употребніе различныхъ силъ душевныхъ въ своей власти или можетъ направлять оныя по своимъ видамъ, безъ чего нельзябъ ему было ни совершенствовать самаго себя, ни отвѣтствовать за свои поступки. Посему всѣ состоянія души, въ которыхъ она не можетъ ни прилѣпиться къ предмету, ни отстать отъ него—по произволенію,—суть болѣзненныя;

c) Наконецъ, поелику человѣку суждено достигать цѣлей земнаго его существованія только на яву; то и здравіе и болѣзнь его души ограничиваются только состояніемъ бдѣнія, такъ, что дѣятельность его сонная, ночная, сколько бы ни уклонялась отъ дневной или свѣтлой, есть все еще дѣятельность естественная.

§ 536.

По силѣ сего опредѣленія *не болѣзнь душевная*

a) Тупость чувствъ, состоящая въ бездѣйствіи органовъ или въ недостаткѣ раздражительности, которая можетъ вредить посредственнымъ образомъ;

b) Ни разныя, вышеописанныя, слабости ума,

сердца и воли; иначе мы въ правѣ были бы назвать всякаго сумасшедшимъ и весь свѣтъ—обширнымъ Лазаретомъ;

c) Ни обаянія чувствъ, при коихъ намъ *мерещится* или *чутится* что-то такое, чего нѣтъ, либо *двоятся* предметы одинакіе,

d) Ни собственно *видѣнія* или картины фантазіи, кои въ полуснѣ, при разгоряченіяхъ крови, въ припадкахъ почечуйныхъ и глистныхъ *морочатъ* насъ наяву, представляя предметы видимые и слышимые, далѣе—сверхъ—чувственныя существа, даже собственное наше лице, какъ бы отраженное въ зеркалѣ (*двойникъ*), наконецъ голоса безплотныхъ ликовъ, — и пр:. коль скоро только обаянія и видѣнія (духовъ) различаемы бываютъ трезвеннымъ смысломъ отъ чувствованій и признаваемы за то, что есть,—за игру воображенія,

e) Ни *искуственныя восхищенія* колдуновъ, Пиѳійскихъ Жрецъ, Шамановъ, Дервишей, Персидскихъ *Суфіевъ*, Индостанскихъ *Саніассовъ* и новѣйшихъ *Піетистовъ* — *Кудесниковъ*, кои, приготовленные бдѣніями, постомъ и вращательнымъ движеніемъ тѣла, силятся подавить въ себѣ всякія внѣшнія чувствованія и въ умышленныхъ обморокахъ вынудить на счетъ здоровья разныя святыя упоенія, коими управляютъ по произволу,

f) Ни странныя причуды или *идіосинкрасіи*, примѣрно неестественный аппетитъ беременныхъ женщинъ;

g) Ни уклоненія *отъ обыкновеннаго вообще*; иначе мы всѣ прекрасные порывы Энтузіастовъ, мечтателей и Геніевъ должныбъ были причислить къ помѣшательствамъ ума: ибо высшія способности души никогда не могутъ дѣйствовать слишкомъ сильно;

h) Ни тѣ скоропреходящіе припадки, при которыхъ поводъ къ душевнымъ страданіямъ мы явно и рѣшительно признаемъ въ *тѣлѣ*, каковы круженія головы, пострѣлы, упоенія, горячечный бредъ;

i) Ни наконецъ самыя страсти и минутныя волненія сердца,—постыдныя слабости, коихъ можно избѣгнуть и которыя, однакожъ, постепенно располагаютъ къ болѣзни душевной, именно тамъ, гдѣ буйные порывы ихъ сокрушаютъ владычество разсудка.

§ 537.

И такъ *душа больна, когда роняетъ бразды правленія*. Это можетъ происходить

a) Тамъ, гдѣ самое уже умственное своевластіе весьма ослаблено или совершенно подавлено. Но далѣе—мы знаемъ, что сія сила можетъ обнаруживаться тогда только, когда дѣйствуетъ на низшую свою сферу, чувственно или извнѣ возбуждаемую къ дѣятельности. Посему душа равномѣрно больна, когда не находитъ *ничего здраваго*, чѣмъ моглабы руководствовать;

b) Если ясность сознанія помрачена страданіями внутренняго чувства; то одно уже это—въ

состояніи оглушенія—уничтожитъ всякое здравое явленіе внутренней жизни. И въ низшемъ порядкѣ мыслей душа будетъ дѣйствовать противоестественно, когда память слишкомъ ослаблена или когда сцѣпленіе представленій столь рыхло, вяло и сбивчиво, что не можетъ оказывать услугъ распорядительному ея могуществу;

c) Наконецъ душа больна, когда ея служебныя силы выходятъ изъ-подъ опеки или только предаются собственнымъ своимъ слѣпымъ, безотчетнымъ движеніямъ, либо даже посягаютъ на ея права державныя.

§ 538.

Страненъ, ужасенъ и трогателенъ первый взглядъ на человѣка, въ которомъ угасъ огонь небесный, въ которомъ помрачился образъ Божій. Всякое выступленіе изъ обыкновенныхъ границъ есть уже какое-то для человѣка чуждое, изумительное явленіе, коего смѣлость и загадочное свойство смущаютъ зрителя; еще же печальнѣе, грознѣе и возмутительнѣе *сіи* уклоненія. Они даютъ намъ предчувствовать владычество тѣла надъ душею, столь обидное для высокомѣрія человѣческаго. Далѣе—разстройства душевныя соединяютъ въ высшей степени все то, что страсти, неистовыя и холодныя, имѣютъ въ себѣ разрушительнаго. Кто не содрогнется, видя въ человѣческомъ образѣ существо, чуждое разума и сознанія? Еслибъ мы ни изъ чего иного не умѣли дознать, что разумъ

есть и высокое наше преимущество и собственная сущность жизни;—мы узнали бы то изъ ужаснаго *впечатлѣнія,* какое производятъ въ насъ на сценѣ герои иныхъ трагедій Шекспировыхъ, *Юродивые* Загоскина, Пушкина и т. п. Именно *слѣды* ума, слѣды благородства души, примѣчаемые въ рѣчахъ сумасшедшаго, дѣлаютъ состояніе его еще болѣе разительнымъ, болѣе жалкимъ. Нельзя не подивиться, что и, разстроенная въ механизмѣ своихъ движеній душа, все еще придерживается извѣстной системы и что природа въ самое даже *безуміе* старается *внести* начало связи, дабы мыслящая сила, если не для *истиннаго* или *существеннаго* познанія вещей, то, по крайней мѣрѣ, для видовъ животной экономіи не оставалась *праздною, бездѣйственною.* И если *бореніе* человѣка съ судьбою можетъ назваться зрилищемъ для боговъ; то изнеможеніе тѣмъ грустнѣе и больнѣе для гордыхъ душъ, что въ высокихъ степеняхъ помѣшательства человѣкъ не только равняется съ животнымъ, но и упадаетъ гораздо ниже его,—болѣе еще, чѣмъ въ страсти. Тутъ онъ не только безпомощнѣе, но и лютѣе всякаго звѣря. Ещеже разительнѣе и всякаго бѣшенства и всякаго безпамятства то трогательное состояніе, въ которомъ у страдальца въ свѣтлые *промежутки* его болѣзни, *именно* столько и остается разсудка, что бы *удостовѣриться* въ его помѣшательствѣ, тогда, какъ иной глупецъ по крайней мѣрѣ чувствуетъ себя сча-

стливымъ въ *воображеніи*. Наконецъ, если знаемъ, что расположеніе къ разстройству ума имѣется въ *каждомъ* изъ насъ и что люди, прямо *здоровые*, въ полномъ значеніи сего слова, такаяже рѣдкость и нынѣ, какъ и всегда, но что обыкновенныя средства, употребляемыя нашей Педагогикой для укрѣпленія силъ, сплошъ размножаютъ зло, пріучая къ роскоши, къ нѣгѣ, къ лакомствамъ, что гражданскіе нравы расплодаютъ страсти, не удовлетворяя оныхъ, что въ вслѣдствіе того, хотя больницы наши пустѣютъ, но Бедламы дѣлаются день ото дня многолюднѣе;—то человѣкъ съ трепетомъ отступитъ отъ глубокой бездны, которую разумъ его самъ себѣ роетъ.

§ 539.

Всѣ силы души связаны между собою единствомъ существа; почему и дѣйствія одной всегда имѣютъ болѣе или менѣе замѣтное вліяніе на дѣйствія другой. Поелику же болѣзни душевныя узнаются только изъ безпорядковъ въ дѣйствіи идеальныхъ силъ; то и раздѣляются, по главнымъ способамъ идеальной жизни, на болѣзни *ума*, *воли* и *сердца* т. е. на *сумасшествіе*, *бѣшенство* и *меланхолію*. Но двѣ способности души могутъ почти въ одинаковой степени уклоняться отъ своего естественнаго назначенія,—иногда даже вся душа по видимому разстроена. Для того отъ *простыхъ* болѣзней ея должны быть различаемы *сложныя*.

Грань 1-я.

Разстройство умственныхъ силъ.

§ 540.

Душа, разстроенная въ экономіи своихъ *познаній*,—въ *смыслѣ*, въ *разсудкѣ* и *разумѣ*, являетъ *безсмысліе*, *безразсудство*, *неразуміе* или *безуміе*.

§ 541.

А) Наружный признакъ *безсмыслія* есть недостатокъ *склада* или связи по правиламъ опыта и логическаго сцѣпленія мыслей въ томъ, что больной говоритъ, — недостатокъ, сопровождаемый такою же самою *неурядицей* въ ощущеніяхъ и желаніяхъ. Страждущіе безсмысліемъ непомѣрно болтливы; но безпрестанно, по живости представленій, мѣшаютъ въ своихъ розказняхъ дѣйствительныя чувствованія и вымыслы, настоящее и прошедшее, безъ ложныхъ, впрочемъ, предположеній о своемъ лицѣ, и мгновенно переходятъ отъ одного предмета къ другому, не состоящему съ первымъ въ связи ни по законамъ опыта, ни по законамъ *соображеній*. Такъ же точно несвязны и ихъ ощущенія; радость и печаль быстро смѣняютъ тутъ другъ друга. Наконецъ напрасно вы ищете и постоянства или однообразія въ ихъ поступкахъ, кои, сверхъ того, не имѣютъ, какъ кажется, ни какой цѣли.

§ 542.

В) *Безразсудство,* (не какъ слабость, а какъ болѣзнь), или собственно сумасшествіе состоитъ въ столь невольныхъ и продолжительныхъ, въ столь кривыхъ толкахъ о своемъ лицѣ и объ отношеніяхъ его къ другимъ вещамъ, что сего превратнаго порядка мыслей ни самъ больной употребленіемъ нарочитаго запаса умственныхъ силъ, ни другіе убѣдительнѣйшими доводами отвратить или искоренить не въ состояніи. Къ симъ жалкимъ *оригиналамъ* принадлежатъ всѣ тѣ, кои считаютъ себя совершенно за другое что-то, а не за то, что они есть въ глазахъ всѣхъ и каждаго, на пр. за Царей, Пророковъ, Вельможъ, Папъ, Полководцевъ, за великихъ Ученыхъ и Врачей, за Посланниковъ Божіихъ, либо (какъ будто въ подтвержденіе старинной идеи о *переселеніи душъ*) за животныхъ, напр. за пѣтуховъ, кошекъ, волковъ и т. п.; либо за вещи неодушевленныя, напр. за пшеничныя зерна, глиняные кувшины, за чайники, желѣзные прутья, за колоду картъ, — странная *шутка скрытаго въ насъ Поэта,* который любитъ представлять вещи во снѣ и наяву не только въ *аналогическихъ* сближеніяхъ, но и въ противоположностяхъ, въ намѣкахъ *ироніи.* Дѣятельность наружныхъ чувствъ во время болѣзни сего рода большею частію правильна. Здѣсь не смѣшиваются и химеры о вещахъ постороннихъ съ чувствованіями; прошедшее и настоящее принимаютъ

ложный видъ въ томъ развѣ смыслѣ, что они имѣютъ отношеніе къ заблужденію касательно собственнаго лица. Почему состояніе сихъ людей, которые, такъ сказать, *оцѣпили* свою ветхую храмину, т. е. оградили себя отъ сношеній съ общимъ порядкомъ жизни, походитъ на тѣ грѣзы, въ коихъ спящій считаетъ себя совершенно за другаго человѣка, —въ коихъ нищій, претерпѣвая горькую нужду *дома*, видитъ золотые сны *на сценѣ*.

§ 543.

Обыкновенно сумасшествіе представляетъ собою *частое затмѣніе солнечное*, видимое съ иныхъ только сторонъ, а не со всѣхъ, т. е. помѣшанные въ разсудкѣ сплошъ ограничиваются *одною* ложною мыслію о своемъ лицѣ, которая тутъ и называется *неподвижною, укоренившеюся, заматерѣлою*, хотя иногда смѣняется такою же другою и третьей. Далѣе— безразсудство рѣдко имѣетъ свои опредѣленные періоды, подобно бѣшенству; оно непрерывно и тотчасъ оказывается, какъ скоро только что нибудь трогаетъ *слабую* сторону.

§ 544.

Самое поразительное обстоятельство у сумасшедшихъ то, что одержимые онымъ, при существенномъ разстройствѣ умственныхъ силъ, толкуютъ совершенно правильно о всѣхъ вещахъ постороннихъ; далѣе — что они въ выведеніи слѣдствій изъ любимой химеры поступаютъ по зако-

намъ *своей Логики*; почему и ведутъ себя точно такъ, какъ себя понимаютъ; если же другіе не оказываютъ уваженія къ принятой ими роли, — они обыкновенно толкуютъ это весьма хитро и замысловато, — все, однакожъ, въ силу ложныхъ посылокъ, изъ чего слѣдственно и выходитъ, что безразсудство сумасшедшаго все-таки имѣетъ вредное вліяніе на другія теоретическія силы души. Наконецъ сіи мечтатели по большей части сохраняютъ еще чувство чести и страха наказаній, коими Смотрители угрожаютъ имъ за вредныя, хотя и остроумныя, проказы; почему и стараются — не безуспѣшно — о подавленіи въ себѣ буйныхъ порывовъ.

§ 545.

Касательно впечатлѣній, какія производитъ химера въ душѣ больнаго, можно, смотря по свойству химеры, раздѣлить сумасшествіе сего рода на *игривое* и *унылое*. Безразсудные нелюдимы смотрятъ пристально, неподвижно на извѣстный предметъ; угрюмый видъ ихъ доказываетъ уже, что бури, терзающія ихъ душу, суть тоска и страхъ. Но большая часть героевъ бедлама веселонравна; имъ любо жить въ томъ мірѣ, который они сами себѣ создали; это доказываютъ ихъ самодовольные и безпечные, бѣглые взгляды; они такіе *миролюбивые, такіе добренькіе дурачки*, что совѣстно ихъ разочаровывать. Но кто ихъ дразнитъ, тотъ вы-

зываетъ ихъ на гнѣвъ, которому, впрочемъ, они готовы предаваться и безъ дальняго повода.

§ 546.

С) Тѣ помѣшанные *удальцы*, которые воображаютъ, будто *имъ удалось* то, что *разуму* человѣческому недоступно, заклеймены печатію *неразумія* или *безумія*. Они-то безъ глубокаго познанія Математики опредѣляютъ квадратуру круга, — безъ дальнихъ свѣдѣній въ Механикѣ устроиваютъ машины, кои сами себя приводятъ въ вѣчное движеніе; они-то, не заглядывая въ *Уложеніе Царицы - Природы*, берутся добывать золото изъ булыжника, возвращать старикамъ молодость жизненными элексирами, творить *великихъ мужей*, какихъ угодно—въ *мегалантропогенезіяхъ*;—они-то имѣютъ ключъ къ таинствамъ тѣхъ вещей, кои существовали *до* откровенія оныхъ въ природѣ и въ Исторіи; — они-то истощаются въ замысловатыхъ предначертаніяхъ о счастіи рода человѣческаго, не умѣя, однакожъ, дать окончательнаго сужденія объ удобоисполнимости затѣй, въ которыхъ *соблазняются о своемъ разумѣ*. Сладкая мечта, что они разрѣшили задачи невозможныя,— вотъ что питаетъ кичливость сихъ *верхоглядовъ*! И поелику они полагаютъ, что достигли желаемаго; то чрезвычайно довольны собой, веселы и — незлобивы.

Грань 2-я.

Разстройство воли.

§ 547.

Хотѣнія, по естественному ихъ устройству, направлены, какъ знаемъ, къ достиженію того, что служитъ для нуждъ человѣка, или что составляетъ въ его глазахъ благо; но они касательно сего направленія опредѣляемы бываютъ съ одной стороны его настоящимъ познаніемъ отношенія другихъ вещей къ его потребностямъ, съ другой — свойствомъ и образованіемъ его склонностей, наконецъ — принятыми имъ правилами поведенія. И такъ воля человѣка находится въ состояніи противоестественномъ т. е. больномъ, когда онъ *вопервыхъ,* не движеніями страсти, а неотразимыми внушеніями какого-то враждебнаго Демона увлекаемъ бываетъ — по неволѣ — къ насиліямъ противъ другихъ, противъ самаго себя и противъ неодушевленныхъ вещей, — безъ ясныхъ понятій о цѣли подобнаго буйства, и когда *во вторыхъ* поступки его мгновенно и безъ предшествовавшей перемѣны въ познаніяхъ и правилахъ касательно того, что вожделѣнно и что отвратительно, уклоняются отъ прежняго образа его жизни.

§ 548.

Почему больные сего рода должны быть различаемы частію отъ самоубійцъ, кои посягаютъ на собственное свое лице потому, что оно стало

имъ въ тягость, поступая, однакожъ, притомъ разсудительно и стараясь, сколько можно, сократить страданія, частію отъ тѣхъ *баловней*, кои по причинѣ дурнаго воспитанія, не умѣютъ обуздывать своихъ вожделѣній, а тотчасъ озлобляются всѣмъ тѣмъ, что имъ не по нраву, частію отъ мстительныхъ, частію отъ тѣхъ, кои, руководствуясь представленіями и ощущеніями смутными, неясными, дѣлаютъ худо, тогда, какъ моглибы поступать лучше. Ибо побужденія, по коимъ всѣ сіи и подобные люди дѣйствуютъ, совершенно не то, что припадки больной воли.

§ 549.

Къ здравію души состоитъ буйство въ другомъ отношеніи, нежели сумасшествіе. Человѣкъ можетъ *рехнуться* на *иныхъ* вещахъ, разсуждая о прочихъ свободно и правильно. Но вожделѣнія дѣйствуютъ совокупно въ единствѣ рѣшимости или начинанія, и тутъ извѣстное вожделѣніе можетъ сокрушать своевластіе лишь тѣмъ, что вмѣсто разсудка беретъ на себя управленіе поступками. Слѣдственно и тамъ уже, гдѣ оно возрастаетъ только до страсти, овладѣваетъ оно всею *внутреннею экономіей* и заглушаетъ прочія движенія желательной способности; если же оно — въ буйствѣ — сокрушаетъ даже силу своевластія, то едвали пощадитъ и весь порядокъ силъ, подвѣдомыхъ волѣ.

§ 550.

Касательно важнѣйшихъ различій, какія пред-

ставляетъ воля въ своихъ движеніяхъ противоестественныхъ, отмѣтимъ, какъ особенные ихъ роды, *непреодолимую склонность наносить вредъ другимъ, жажду убійствъ* и *бѣшенство.*

§ 551.

А) Самонижайшая степень *простой* болѣзни, гнѣздящейся въ средоточіи практическихъ силъ души, состоитъ въ томъ, что люди, совершенно во преки прежнему ихъ добродушію, прежней нѣжности къ другимъ, прежнему приличію въ поступкахъ, вдругъ, безъ предшествовавшаго помѣшательства въ умѣ, безъ припадковъ меланхоліи и не бывъ нималѣйше ни кѣмъ разогорчены, дѣлаются въ обращеніи грубыми, наглыми, причиняютъ на словахъ и на дѣлѣ чувствительнѣйшія оскорбленія особамъ уважаемымъ и любимымъ, заводятъ съ ними драки, либо играютъ непростительныя шутки съ людьми, которые ихъ окружаютъ.

§ 552.

В) *Жажда убійствъ* состоитъ въ непреоборимомъ побужденіи — умерщвлять или, покрайней мѣрѣ, кусать всякаго встрѣчнаго и поперечнаго, либо же только нѣкоторыя лица. Одержимые симъ *смертоноснымъ* недугомъ сохраняютъ еще и во время припадковъ правильное употребленіе смысла и не обнаруживаютъ ни какого разстройства мыслящихъ силъ,—въ доказательство, что нервное существо мозга находится въ здравомъ состояніи. Этого мало; они часто имѣютъ и ясное сознаніе своей

болѣзни, даже укоряютъ себя въ порывахъ звѣрства и разсказываютъ то, *что* и *какъ* съ ними было. Большею частію они и знаютъ о приближеніи роковаго времени и потому остерегаютъ другихъ и напередъ совѣтуютъ имъ удалиться, чтобы избѣгнуть погибели. Впрочемъ болѣзнь сія имѣетъ теченіе періодическое.

§ 553.

С) Собственно *бѣшенство* есть ужаснѣйшая изъ всѣхъ болѣзней душевныхъ. Бѣснующійся нападаетъ на всякаго встрѣчнаго, съ тѣмъ, чтобы умертвить его, если только его не боится. Онъ губитъ все, что только достать можетъ; при чемъ кричитъ и хохочетъ и въ ярости катается по землѣ. Часто онъ обращаетъ свое остервѣненіе противъ самаго себя, рветъ на себѣ волосы, терзаетъ свою грудь, свирѣпствуетъ противъ дѣтородныхъ своихъ частей, силится себя умертвить, если ему не мѣшаютъ и пожираетъ безъ вреда и землю и камни,—даже все, что можно вообразить себѣ омерзительнѣйшаго. Изъ прежнихъ добрыхъ его качествъ уже не остается у него никакого. Сердобольнѣйшій отецъ и нѣжнѣйшая мать, въ припадкахъ сего бѣснованія, хладнокровно умерщвляютъ своихъ дѣтей.—Есть причины полагать, что бѣснующіеся по большей части находятся въ нѣкоторомъ родѣ совершеннаго оглушенія и не знаютъ, что дѣлаютъ; такъ они, по прошествіи роковаго времени, едва помнятъ то, что въ продолженіе онаго учинили. Впро-

чемъ нерѣдко у нихъ столько еще остается разсудка, чтобы при нападеніи на свои жертвы приступать къ дѣлу, сообразивъ, какъ должно, средства съ умысломъ. Иногда порывы бѣшенства, по видимому, имѣютъ своимъ основаніемъ гнѣвъ, мщеніе, испугъ, — изступленія сердца, кои могутъ и здравомыслящаго приводить въ совершенное смятеніе, заставляя часто дѣлать то, чегобъ ему дѣлать не хотѣлось.—Большею частію послѣдуетъ оно періодически; но продолжительность сихъ періодовъ весьма различна. У нѣкоторыхъ гибельной вспышкѣ буйства предшествуетъ видимое спокойствіе, похожее на зловѣщую тишину воздуха предъ грозою или землетрясеніемъ,—предшествуетъ задумчивость, которую можно узнать по негодованію на всякаго, кто захотѣлъ бы докучать распросами, равно какъ и отвращеніе отъ пищи; часто же задумчивость слѣдуетъ непосредственно за *пароксизмами связанной воли*.—Если бѣшенство происходитъ отъ тѣлесныхъ причинъ, *напр.* отъ быстраго перехода изъ тепла на стужу, либо наоборотъ, отъ запоя, и т. п.; то оно послѣ первой *вспышки* обыкновенно и минуется; это — благодѣтельная гроза, которая приводитъ опять атмосферу въ надлежащее положеніе. Если же основаніемъ ему служатъ причины внутреннія или духовныя; то провозвѣстниками его бываютъ великія перемѣны въ жизни человѣка, а именно возвышенная чувствительность къ хулѣ, быстрота мыслей,

тѣлодвиженій и рѣчей,—рѣзкихъ, нескромныхъ, либо же углубленіе въ одну какую либо мечту, склонность къ гнѣву, либо къ хохоту при малѣйшемъ поводѣ,—сильное желаніе чувственныхъ удовольствій или *разгулье*, нарушеніе сна посредствомъ живыхъ картинъ воображенія, безспокойныя грѣзы, слышаніе зловѣщихъ голосовъ, безъ всякаго наружнаго повода, преимущественно перемѣны въ тѣлѣ относительно физіономіи, цвѣта, лица и способность выдерживать голодъ, жестокую стужу и продолжительное бодрствованіе,—неутомимая суетливость, безстрашіе и такая сила мышцъ, которая можетъ разрывать кандалы и удушать львовъ, — наконецъ остановка естественныхъ отдѣленій.

Грань 3-я

Разстройство сердечной жизни.

§ 554.

Сущность *болѣзней сердечныхъ* состоитъ въ невозможности, избыть грустныхъ и тоскливыхъ ощущеній отклоненіемъ злопамятной внимательности отъ предметовъ безотрадныхъ къ другимъ развлекающимъ. Ибо человѣкъ такъ устроенъ отъ природы, что скорбь мало по малу притупляется уже сама собою или что онъ при употребленіи извѣстныхъ средствъ все еще можетъ находить усладу жизни. Но что касается до страждущихъ сердцемъ; то они и не *умѣютъ* и не *хотятъ* и

не расположены принимать утѣшенія ни отъ *разсудка*, ни отъ *терпѣнія*, ни отъ *времени*,—трехъ врачей, кои помогаютъ именно тамъ, гдѣ ничто другое не пользуетъ. Состояніе сихъ больныхъ называется *меланхоліей*, которую предуготовляетъ *ипохондрія* или *истерика*.

§ 555.

А) Убійственная тоска и уныніе, суевѣрная боязнь неопредѣленныхъ золъ, особливо же опасеніе, чтобы не открылась тяжкая болѣзнь или не послѣдовала утрата силъ, въ которыхъ мы нуждаемся для исправленія текущихъ дѣлъ, — вотъ съ чего начинается *ипохондрія*,—тиранка мнимо больныхъ, а еще болѣе тиранка ихъ врачей. Гдѣ она усиливается; тамъ возникаетъ увѣренность, что, если здоровье скоро не поправится какимъ либо благодѣтельнымъ переломомъ, смерть неминуема. Еще же тягостнѣе бываетъ ипохондрикъ и для себя и для другихъ, когда, не довѣряя искусству Врачей, роется въ медицинскихъ книгахъ съ тѣмъ, чтобы быть въ состояніи самаго себя пользовать. Ибо тутъ онъ легко открываетъ въ себѣ признаки всѣхъ болѣзней, которымъ читаетъ описаніе. Обыкновенныя дѣла между тѣмъ идутъ *своимъ чередомъ*. Замѣтимъ сверхъ того, что припадки большею частію бываютъ періодическіе, либо открываются по учиненіи какихъ либо погрѣшностей противъ діэты и что при первомъ чувствѣ льготы обыкновенно

за ипохондрическимъ уныніемъ вдругъ слѣдуетъ необузданная радость.

§ 556.

Ипохондрія основывается на дѣйствительномъ чувствѣ внутренней боли. Но отъ сихъ золъ изнѣженный страдалецъ—изувѣръ могъ бы легко избавиться, еслибы не питалъ ими своихъ мыслей, или они бываютъ отнюдь не такого рода, чтобы можно было по всей вѣроятности ожидать тяжкой болѣзни, либо близкой смерти. Но мрачное настроеніе души, состоящее въ связи съ особеннымъ расположеніемъ общаго ощущенія жизненнаго—вотъ собственно причина, почему ипохондрикъ предается всякимъ грустнымъ мыслямъ, почему твердо удерживаетъ оныя въ сознаніи и живостію фантазіи преувеличиваетъ! Такимъ образомъ, если боль его усилилась; то одна уже мысль о зломъ и для него вредномъ поступкѣ, (*напр.* о самоубійствѣ, о дѣтоубійствѣ, о низверженіи себя въ пропасть, надъ которою стоитъ или о грубомъ и весьма опасномъ оскорбленіи другому *заплеваніемъ, заушеніемъ, Богохульствомъ* во время, даже, молитвы и т. п.) можетъ не только причинить большое безспокойство, но еще продолжительнымъ ея дѣйствіемъ въ сознаніи возбудить опасеніе, что онъ долженъ будетъ совершить преступное дѣяніе или по крайней мѣрѣ выдержать неровный бой съ демонскимъ искушеніемъ. Посему онъ все—таки тревожитъ себя муками мнимыхъ золъ; отъ того люди, коимъ надобно много трудиться,—

именно механически и на открытомъ воздухѣ для насущнаго хлѣба и которымъ недосугъ прислушиваться къ движеніямъ соковъ, большею частію свободны отъ того состоянія, въ которомъ человѣкъ *не такъ, чтобъ былъ боленъ, не такъ, чтобъ былъ здоровъ, а такъ—ни то, ни сё,* и которое тѣмъ болѣе усиливается, если присоединяется къ тому другая отдаленная причина, т. е. сознаніе *грѣховъ юности и невѣдѣнія* и даетъ фантазіи направленіе къ докучливымъ мыслямъ.

§ 557.

В) Продолжительная и непреодолимая склонность — упиваться грустными мечтами составляетъ *собственно меланхолію.* Она узнается по особеннымъ чертамъ лица и по мрачному взгляду. Одержимые ею умерли для радостей и разными способами изъявляютъ равнодушіе къ жизни. Отцвѣтшая душа, собственно говоря, распростилась уже со свѣтомъ ,—физическимъ , нравственнымъ и гражданскимъ; она живетъ только въ чувствѣ своего одиночества, исключительно занимаясь тѣмъ, что наводитъ тоску. Иные любятъ всегда быть въ движеніи,—отыскивать уединенныя мѣста, бродить,—безъ цѣли и безъ плана—по полямъ и лѣсамъ, гдѣ ничто не тревожитъ ихъ думъ, либо посѣщать кладбища въ сумерки и въ ночную пору. Другіе, напротивъ того, стоятъ или сидятъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, вовсе не откликаясь на внѣшнія впечатлѣнія и по временамъ произнося отрыви-

стыя слова или испуская глухіе вздохи. Если болѣзнь не достигла еще высочайшей степени; то больной исправляетъ привычныя дѣла, какъ должно. Односторонняя разсудительность руководствуетъ его и во всемъ томъ, что онъ дѣлаетъ для своей любимой мечты и для внушаемыхъ ею намѣреній, *напр.* самоубійства, которое онъ и совершаетъ по зрѣломъ соображеніи и средствъ и мѣста и времени. Но его поступки вообще не происходятъ отъ свободной воли; они навязываются ему силою тоскливыхъ ощущеній, кои овладѣваютъ и мыслями и желаніями, овладѣваютъ средоточіемъ всей духовной жизни. Впрочемъ съ сею простою болѣзнію не сопряжены еще обиды другимъ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что она часто доводитъ меланхолика до той увѣренности, будто всякій встрѣчный и поперечный есть врагъ его, поклявшійся ему вредить, далѣе—до всеобщей почти ненависти къ людямъ и ко всѣмъ тварямъ и наконецъ, если не бываетъ подкрѣпляема правилами Религіи, до посягательства на собственную жизнь.

§ 558.

Меланхолія всегда предполагаетъ

1) Особенную чувствительность сердца: ибо люди страстные, *напр.* скряги и гордецы впадаютъ отъ неудачь скорѣе въ бѣшеное сумасшествіе, нежели въ меланхолію,

2) Мечтательность *юной*, затѣйливой фантазіи. Натурально. Въ человѣкѣ, который начинаетъ

созрѣвать, происходитъ переворотъ и въ тѣлѣ — съ развитіемъ особенныхъ потребностей пола, и въ духѣ,—который воспрянулъ къ разсудку, къ волѣ и самочувствію; понятія тутъ въ первый разъ получаютъ полноту и жаръ; летучія желанія остепеняются въ прочныхъ склонностяхъ; Романтика жизни пробуждается въ новыхъ ощущеніяхъ; тайная сила влечетъ юношу къ идеаламъ любви, дружбы и чести. Въ сравненіи съ сими прекрасными мечтами пошлый свѣтъ кажется пустыней; онъ плаваетъ въ тускломъ мерцаніи,— одѣянный тонкими, зыбучими туманами, — надъ нимъ, — за нимъ

За синимъ Океаномъ,
Вдали—въ мерцаніи багряномъ

Тамъ то лежитъ обѣтованная земля, въ которой солнце незаходимое;

3) Если къ сей милой меланхоліи—мечтательницѣ присоединится недовѣріе къ своимъ сердечнымъ и нравственнымъ качествамъ; то честолюбіе чувствительно уязвляется и жизнь теряетъ свою прелесть.

§ 559.

С) Наконецъ сердцу вездѣ принадлежитъ, какъ извѣстно, жизнь центральная, силу коей простираетъ оно и на жизнь противоположныхъ своихъ крайностей, т. е ума и воли; посему его-то именно болѣзни будутъ необходимо втекать и въ прочія противоестественныя состоянія души и опре-

дѣлять многоразличныя *смѣшенія* оныхъ. Такимъ образомъ

1) Меланхолія внушаетъ особенную какую либо вздорную, неподвижную мысль относительно къ свойству цѣлаго организма или извѣстной части онаго, и здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣми лженменными оригиналами, которымъ *сдается*, будто ихъ тѣло восковое, хрустальное, соломенное, будто какой либо членъ онаго огромной величины, будто въ немъ гнѣздятся демоны, всадники, змѣи, жабы, крысы, — иглы, гвозди и т. п., смотря по роду боли, ощущаемой въ страждущихъ частяхъ;

2) Меланхолія въ связи съ собственнымъ или рѣшительнымъ сумасшествіемъ есть сложная болѣзнь людей, сокрушающихся о томъ, *якобы* они учинили неотмолимый грѣхъ противъ Св. духа, лишены спасенія и должны омыть свои скверны собственною кровію, или кровію дѣтей своихъ, — якобы заражены опасною болѣзнію, отравлены и т. п.

3) Меланхолія *бѣшеная* принуждаетъ больнаго умерщвлять любимыхъ и уважаемыхъ особъ потому, что онѣ, какъ ему чудится, хотятъ его испортить или *сгубить*, — странный юморизмъ природы, столь тѣсно сочетавающей чувствованія противоположныя, что сердечное благорасположеніе есть только звѣрская ненависть, которая прикрываетъ себя личиной любви и наоборотъ.

§ 560.

Что касается до *причинъ* болѣзней душевныхъ; то *общая, возможная, отдаленнѣйшая* есть, безъ сомнѣнія, съ одной стороны способность *каждаго* человѣка,—и безумца и Поэта,—переноситься мыслями въ небылыя, искуственныя, мечтательныя состоянія, съ другой—способность отдѣлять свое бытіе отъ внѣшняго міра. Но поводъ къ дѣйствительнымъ превращеніямъ сего порядка жизни подаютъ *частію* разстройство въ организмѣ, *частію* впечатлѣнія въ душѣ, *частію* погрѣшности въ діетѣ. *Перваго* рода суть поврежденія мозга, давленія на него, врожденные его недостатки, приливъ къ нему крови, накопленіе въ немъ воды, переносы на него другихъ болѣзней, — геморроидальныхъ, простудныхъ, особливо накожныхъ (сыпей и нарывовъ), постепенное ослабленіе его дѣйствіемъ изнурительныхъ лихорадокъ, кровотеченій, судорогъ, распутствъ,—всякое непомѣрное раздраженіе нервовъ, страданія внутренностей, чрезвычайное разгоряченіе, утомительное движеніе тѣла, быстрая смѣна жара и стужи. *Втораго* рода суть *всѣ* сильныя потрясенія души и всѣ страсти, углубленность въ мелочныя разысканія, безъ которыхъ человѣкъ обойтись можетъ, непомѣрное раздраженіе фантазіи и напряженіе умственныхъ силъ. *Третьяго* рода есть злоупотребленіе крѣпкихъ напитковъ и одуряющихъ зелій, противъ ко-

тораго ни самая крѣпкая душа, ни самое здоровое тѣло устоять не можетъ.

§ 561.

Но иногда изъ подобныхъ страданій не дѣйствуетъ правильно на душу. Причины, производящія иногда помѣшательство, оказываются въ другихъ случаяхъ безвредными. Посему должно допустить въ больномъ и неблагопріятное расположеніе, коимъ самая болѣзнь опредѣляется, — расположеніе, которое непосредственно можетъ состоять только въ страданіи нервной системы. Вотъ, что здѣсь открываетъ *аналогія*!

a) Болѣзни, въ коихъ непосредственно страждетъ мыслящая сила и внутреннее чувство, надобно отнести къ погрѣшностямъ *мозга* и *его органовъ*;

b) Бѣшенство принадлежитъ возбужденію наружной дѣятельности и будетъ гнѣздиться *въ спинной системѣ нервовъ*, или лучше сказать, въ *ея мышцахъ*, какъ доказывается то слѣпымъ, безотчетнымъ, неудержимымъ побужденіемъ избавиться, во что бы то ни стало, отъ тягостнаго избытка силъ;

c) А ипохондрія и меланхолія утверждаются своимъ корнемъ въ нервахъ *симпатической брюшной* системы плототворенія и въ отношеніи ея къ мозгу, такъ что она, занятая вареніемъ, питаніемъ и кровообращеніемъ отдѣльнаго организма и сверхъ того еще назиданіемъ своего *рода*,

можетъ страдать частію уже и сама по себѣ, частію принимать страданія другихъ разстроенныхъ отправленій жизненныхъ, частію, непомѣрно раздраженная избыткомъ сидячихъ занятій и удовольствій, упорствовать противъ законной власти мозга, и потому естественнымъ образомъ являть величайшее разнообразіе въ пріятныхъ и непріятныхъ чувствованіяхъ самаго себя, въ неразгаданныхъ причудахъ, инстинктахъ и симпатіяхъ и въ движеніяхъ подвѣдомой ей части — дольняго, планетнаго бытія, — явленіяхъ, кои въ здоровомъ состояніи не доходятъ до сознанія.

§ 562.

Впрочемъ сіи отдаленныя и ближайшія причины *измѣняются* въ особенныхъ случаяхъ *духомъ вѣка, возрастомъ, поломъ, націей* и ея *сословіями.*

а) Если возмемъ въ разсужденіе *вѣкъ*; то окажется, что прежніе вѣка, а также и раннія степени образованія наименѣе подвержены и тѣлеснымъ и душевнымъ болѣзнямъ. Кто едва еще *вошелъ въ смыслъ*, тотъ не можетъ *съ него и сойти*; грубость сердца ограждала дѣтей природы отъ изступленій романтической нѣги; человѣкъ не могъ предаваться роскоши мыслей тамъ, гдѣ потребности животнаго быта едва дозволяли воображенію сберегать кой-какія представленія для *ежедневнаго обихода.* Такъ въ наши времена менѣе тупоумныхъ и *несмыслей*, но болѣе сумасшедшихъ и притомъ не столько отъ физическихъ при-

чинъ сластолюбія, сколько отъ размноженія страстей;

b) Примѣчательны въ семъ случаѣ и *лѣта*: ибо наибольшая часть помѣшанныхъ встрѣчается между 30 и 40 годами. Дѣти тупоумныя, дѣти—кретины все еще не рѣдкость; но они не родятся сумасбродами. Замѣчаемое у иныхъ бѣшенство есть слѣдствіе судорогъ. Но то справедливо, что они отъ избалованныхъ матерей и кормилицъ всасываютъ съ молокомъ безумныя прихоти въ ощущеніяхъ, своенравіе въ желаніяхъ, даже *заматерѣлыя* мысли *напр.* о лакомствахъ, словомъ расположеніе къ разстройству силъ, — талантъ къ сумасшествію. Средній возрастъ есть тотъ, въ которомъ тревожатъ насъ заботы и муки честолюбія, въ которомъ продолжительное безспокойство снѣдаетъ сердце и влечетъ къ будущему; отъ того онъ для изступленій есть время самое благопріятное;

c) Касательно *половъ* можно допустить, что женщины, отъ свойственныхъ имъ болѣзней, гораздо чаще претерпѣваютъ разстройство въ умѣ, нежели мужчины отъ болѣзней своего пола. *Дѣвичья немочь*, задержаніе мѣсячныхъ очищеній, роды, молочница—отзываются въ головѣ опасно. Впрочемъ мужчинъ доводитъ до того болѣе честолюбіе, а женщинъ — *горькое житье*. Гибельная химера мужчины касается болѣе его отношеній и часто ему *сдается*, будто онъ *Юпитеръ — Аммонъ*;

женщина скорѣе увѣряетъ себя въ томъ, что она *избранный сосудъ благодати* и состоитъ въ связи съ горними Силами;

d) Древнѣйшія и грубѣйшія *націи* преданы чувственнымъ неистовствамъ, полупросвѣщенныя — частымъ порывамъ восторга. Націи съ односторонней людскостію *упоены головокруженіемъ* необузданнаго своевольства. За всѣмъ тѣмъ между дикарями менѣе сумасбродовъ, страждущихъ обыкновенно отъ стремительныхъ движеній фантазіи. Да и то уже обстоятельство, что, по причинѣ равнаго образованія, здѣсь одинъ соотечественникъ такойже Энтузіастъ, какъ и другой, дѣлаетъ у дикарей сумасшествіе рѣдкостію. Что же касается до народовъ образованныхъ; то у нихъ дѣйствуютъ особенныя *причины* и тутъ никто *безъ толку не сбивается съ толка*! Такъ *напр.* Англичане (если исключимъ вліяніе климата) по большей части сходятъ съ ума — отъ *приволья*, Швейцарцы отъ набожности, Французы отъ любви;

e) Наконецъ — касательно *гражданскихъ состояній* замѣчаютъ, будто ни въ одномъ изъ нихъ не встрѣчается столько помѣшанныхъ, какъ въ сословіи *Ученыхъ и Художниковъ*. Если это такъ; то надобно признаться, что работающіе преимущественно головою, подвержены симъ опасностямъ болѣе другихъ. Ибо

1) Занятія Ученыхъ и Художниковъ требуютъ

рѣшительно односторонняго образованія въ особенныхъ направленіяхъ фантазіи, либо отвлеченнаго мысленія, и тутъ отчасти сіе уже одностороннее раздраженіе нервовъ влечетъ за собою извѣстныя опасности, отчасти же интересъ, столь ограниченный, вѣрно увлечетъ не многихъ, и безъ того уже отличающихся необыкновенною чувствительностію къ истинному, доблестному, изящному. Другіе, которыхъ благословилъ Богъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, обыкновенно чуждаются подобнаго интереса и въ кругѣ умственныхъ занятій изберутъ такія, которыя полегче, примѣрно въ факультетѣ Словесномъ; — они будутъ Редакторами періодическаго изданія, ихъ *батраками—Кавыкиными*, Сочинителями статеекъ по заказу, всѣмъ, чѣмъ можно слыть члену ученаго цеха, или *граматею*, отверженному Наукой;

2) Работа Ученыхъ и Художниковъ весьма вредна для чувственныхъ органовъ, и по большей части производится въ положеніи принужденнаго покоя тѣлеснаго,—въ положеніи сидячемъ, либо стоячемъ, —часто съ особенною склонностію къ ночнымъ бдѣніямъ, даже, по недостатку тѣлесныхъ напряженій, возбуждающихъ здравый аппетитъ, съ особенною любовію къ яствамъ и напиткамъ—крѣпительнымъ, раздражающимъ. Все это вмѣстѣ располагаетъ къ ипохондрическимъ и почечуйнымъ недугамъ, а напряженіе умственныхъ силъ въ ноч-

ную пору подаетъ поводъ къ насильственному раздраженію нервовъ;

3) Трудъ Ученыхъ есть трудъ умственный, и если они чувствуютъ живое влеченіе къ работѣ особливо по ночамъ; то продолжительное напряженіе, хотя и не утомляетъ вниманія, однакожъ изнуряетъ здоровье, и тутъ Наука совѣтуетъ не предаваться безразсудно отрадному чувству лучшей, можетъ быть, удачи занятій, а прерывать оныя заблаговременно. Слабый умъ, который пренебрегаетъ симъ совѣтомъ, начинаетъ съ щепетильныхъ думъ, а оканчиваетъ сумасшествіемъ.

§ 563.

Здѣсь входитъ въ соображеніе и другое и третье,—именноже положеніе того, кто при множествѣ дѣлъ, не терпящихъ отлагательства, и при усиліяхъ ума принужденъ еще бороться съ заботами житейскими, засыпать надъ бумагами срочными, заказными, претерпѣвать скуку, боль и круженіе головы. Ибо сіи-то боренія и подрываютъ здоровье болѣе, нежели что нибудь другое. Кто счастливъ въ своемъ внѣшнемъ положеніи; тотъ можетъ тутъ много надѣлать добра; но бѣднякъ очень мало, да и то *не безъ накладу* головѣ или сердцу; онъ идетъ прямымъ путемъ къ меланхоліи, —особливо при недостаткѣ таланта.

Другое опять дѣло—Художники, занимающіеся односторонними и сильными возбужденіями фантазіи, особливо же живыми чувственными картинами,

—Музыканты и Живописцы. Имъ служатъ,по праву ихъ искусства, свободные вымыслы, какъ бы грѣзы наяву, и гдѣ сія способность непомѣрно бываетъ напрягаема; тамъ происходитъ такое же самое зло, какъ и въ вышеозначенныхъ случаяхъ и симъ образомъ фантазія, предоставленная самой себѣ, можетъ мало по малу выходить совершенно изъ послушанія трезвенному разсудку.

§ 564.

Впрочемъ сколь ни грозны, сколь ни поразительны болѣзни душевныя,—онѣ подлежатъ врачеванію, какъ и всякія другія. Сія возможность основывается на слѣдующихъ посылкахъ:

a) Расположеніе хотя не къ сверхъ-естественнымъ, однакожъ къ чрезвычайнымъ отступленіямъ отъ *примѣрнаго* порядка жизни, заключается уже въ обширной, многообъятной *природѣ* человѣка, которой столь же мало и безумецъ, какъ и Геній, можетъ совершенно совлечься, такъ, что и въ разстройствѣ внутренняго ихъ существа есть еще не только извѣстное *правило*, но и вѣчные, непреложные *законы*, которымъ помѣшанные *слѣдуютъ*, только *слѣпо*, безъ сознанія, но которые могутъ здравомыслящими быть подмѣчены и обсужены;

b) Зло проистекаетъ даже изъ *чистаго*, *невиннаго* источника,—не изъ враждебнаго *начала*, а только изъ ложнаго, случайнаго *направленія* прекраснѣйшихъ даровъ Божіихъ;

c) Ни одна болѣзнь души не есть *сплошная*, поражающая *одинаково* всѣ ея силы. Въ каждой мелькаютъ и свѣтлыя стороны, *напр.* привычекъ, подражанія и пр.;

d) Вселенскій законъ упругости или самосохраненія помогаетъ уже заблудившейся силѣ, при содѣйствіи остальныхъ здравыхъ и при соотвѣтственомъ вліяніи стороннихъ, войти въ естественное положеніе, такъ что злой Демонъ, который въ роковую пору увлекаетъ насъ неудержимою силою въ пропасть, есть вмѣстѣ и благодѣтельный Духъ, который пособляетъ исправить разстроенный имъ порядокъ вещей, обращая туже самую причину во врачевство или противоядіе.

§ 565.

Въ слѣдствіе сихъ посылокъ человѣколюбивому Врачу—философу предлежитъ троякая забота, а именно:

1) Изучать особенное свойство и прежнее образованіе своего больнаго, читать въ его душѣ, слѣдить за сокровеннѣйшими ея движеніями, не теряя изъ виду божественной искры, тлѣющей во мракѣ,

2) Отвращать всякое дальнѣйшее оскверненіе святыни,—тщательно удалять всякое впечатлѣніе, которое ожесточаетъ припадки, непріятно раздражаетъ вниманіе и вообще питаетъ роковую страсть,

3) Наконецъ положительно, прямо дѣйствовать

на возстановленіе внутренняго порядка, либо пробуждая силы дремлющія, либо утишая буйныя, обуздывая роскошествующія, употребленіемъ средствъ не менѣе идеальныхъ, какъ и физическихъ. Здравая натура Врача, гибкость и вмѣстѣ сила характера, потворство и неуклонное послѣдованіе принятымъ правиламъ, строгость отеческая и судейская и твердая вѣра въ дѣйствіе нравственныхъ возбужденій, уваженіе къ человѣчеству, избѣжаніе насмѣшекъ, порядокъ въ поступкахъ, сердечное участіе въ нуждахъ больнаго, стараніе развить то, что пренебрежено, или что дурными нравами испорчено, пріученіе къ безропотному чувству необходимости или зависимости, къ законамъ природы, къ діетѣ, къ трудамъ правильнымъ, отчетливымъ, гармонически занимающимъ и тѣло и душу, выборъ хорошаго общества, умныхъ забавъ, оживленіе самочувствія и нравственныхъ силъ, — вотъ чего требуютъ Наука и людскость отъ доблестнаго Врача душевнаго, который принимаетъ на себя священную обязанность, возвратить своего заблудившагося брата на путь истинный!

§ 566.

Но самые способы многосложнаго врачеванія будутъ въ частныхъ случаяхъ весьма неравны и относительно къ приложенію и относительно къ успѣхамъ. Ибо

1) Если болѣзнь питается грустью, тоскою, скрытною досадой; то очевидно, что здѣсь цѣли-

тель тотъ только, кто умѣетъ утишать волненія сердечныя;

2) Въ другихъ случаяхъ, гдѣ уныніе, слабости разнаго рода, притупленіе умственныхъ силъ, припадки глупой задумчивости оглушаютъ душу, нужно ощутительное потрясеніе. Здѣсь внезапныя и притомъ насильственныя впечатлѣнія въ чувственномъ побужденіи, или въ чувственномъ представленіи, гнѣвъ, испугъ, и пр. оказываютъ спасительное дѣйствіе. Такъ иной страждущій получилъ бы вѣрное облегченіе, еслибъ можно было удалить его изъ удушливыхъ вертеповъ, примѣрно изъ того *звѣринца*, который часто называется у насъ *домомъ сумасшедшихъ* и окружить другими лицами и предметами, кои бы живо и разнообразно его занимали. Только должно при употребленіи подобныхъ средствъ крайне остерегаться, чтобы въ больномъ не поселить къ нимъ отвращенія, которое можетъ испортить все дѣло;

3) Во всѣхъ почти прочихъ случаяхъ душевное врачеваніе будетъ безъ сомнѣнія весьма важно тамъ, гдѣ требуется утишить страданія и предотвратить ожесточеніе припадковъ; однакожъ рѣшительно будутъ дѣйствовать средства физическія;

4) Въ болѣзняхъ *запальчивости*, именно же тамъ, гдѣ онѣ происходятъ отъ случайныхъ внѣшнихъ причинъ, изцѣленіе вѣроятно. Но если впечатлѣніе въ мозгѣ было весьма насильственно; то

можно легко *угомонить* опять—только скудоумнаго. Напротивъ того, если болѣзнь глубоко гнѣздится въ несчастномъ расположеніи; то мы, устранимъ, можетъ быть, припадки; но едвали помѣшаемъ *отрыжкамъ* или возвратамъ оглушенія;

5) Гдѣ необузданность бѣшенаго сопряжена со слабостію ума, тамъ можно *унять* перваго, какъ унимаютъ упрямое, строптивое дитя,— строгою дисциплиной и сей *угомонъ* будетъ для него благодѣтельнымъ. Но если впадаютъ въ бѣшенство люди чувствительные, люди съ *душею*; то въ семъ случаѣ потребна осмотрительность; иначе мы ожесточимъ больнаго;

6) Ипохондрія или меланхолія обыкновенно имѣетъ причины тѣлесныя; посему и пользованіе будетъ здѣсь только физическое. Если вы укоренившіяся нелѣпыя мысли больнаго изгоняете обманомъ, или чувственно-правильнымъ вразумленіемъ; то вы не изцѣлите недуга, а только прикроете его, или *вгонете внутрь*, такъ что онъ не преминетъ въ скоромъ времени явиться опять въ томъ же самомъ или въ подобномъ видѣ. Доколѣ сіи сумасброды борятся еще съ заматерѣлыми своими нелѣпостями, можно надѣяться, что при удачѣ тѣлеснаго врачеванія и самый духъ ихъ освободится отъ оковъ, его стѣсняющихъ. Если же больной успокоился совершенно на счетъ своей химеры; то и отъ самаго утоленія первыхъ болей нельзя уже ожидать поправленія. Здѣсь пользованіе мо-

жетъ быть удачно развѣ въ томъ только случаѣ, когда есть возможность первыя закоснѣлыя думы вытѣснить другими, болѣе занимательными;

7) Наконецъ среднія степени умственной слабости и легкіе припадки сумасшествія требуютъ отъ душевнаго врача особенныхъ заботъ. Нельзя сказать, чтобъ подобные люди были непремѣнно уже больны; при осторожномъ выборѣ занятій и мѣстопребыванія они могутъ быть приведены въ умѣренную, здравую дѣятельность, хотя бы самая болѣзнь и была даже неизлечима. Ибо если мы умѣемъ таковому слабому, или больному человѣку найти занятіе, которое при умѣренномъ напряженіи содержитъ его въ правильной дѣятельности, и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляетъ ему здравое развлеченіе; то въ семъ случаѣ Демонъ перестанетъ его мучить и душа его будетъ являться здравою. Люди сего рода будутъ довольно хорошо чувствовать себя за рукодѣльемъ, которое требуетъ *присѣста* или механизма въ движеніяхъ, но мало требуетъ размышленія. Напротивъ того, если по несчастію избираютъ трудъ ученый: то рѣшительное помѣшательство неминуемо.

§ 567.

Особенную важность имѣетъ всякое болѣзненное состояніе души тамъ, гдѣ требуется обсудить извѣстный поступокъ и поставить оный на счетъ виновника. Ибо, что человѣкъ дѣлаетъ не по внушенію внутренней свободы жизни; то ему

и не причитается. Но приложеніе сего простаго и общаго правила сопряжено съ большими трудностями: ибо, хотя душевная болѣзнь въ пространномъ смыслѣ являетъ собою сильную наклонность или какой-то роковой инстинктъ; однакожъ и слѣпое могущество сего инстинкта не есть непреодолимое, да и оказывается въ разныхъ степеняхъ. Но въ большей части случаевъ не льзя опредѣлить, больна ли душа въ тѣсномъ смыслѣ или въ пространномъ; да еслибы рѣшенъ былъ первый пунктъ, то все же оставался-бы еще нерѣшеннымъ второй вопросъ касательно вмѣнимости данныхъ случаевъ, потому что въ иныхъ, собственно такъ называемыхъ, душевныхъ болѣзняхъ страждетъ *не вся душа*, а въ другихъ страждетъ она *небезпрерывно*. Къ тому же люди, одержимые душевными недугами, весьма часто, если не всегда, собственною своею виною лишаютъ себя правъ и сана человѣческаго такъ, что при семъ предположеніи и самое роковое ихъ состояніе съ его послѣдствіями не изъемлется отъ отвѣтственности. Но по суду гражданскому такое-то опредѣленное дѣяніе причитается тогда только, когда человѣкъ привелъ себя въ необыкновенное положеніе для того, чтобы сдѣлать зло. Въ семъ уваженіи раздѣляется вмѣненіе на *нравственное* и *юридическое*, и притомъ на *посредственное* и *прямое*, равно какъ на *общее* и *частное*. Гражданскій законъ судитъ только о томъ, умышленно ли и свободно ли было такое-то

дѣяніе, или нѣтъ, а нравственный разсматриваетъ оное въ цѣлости жизни человѣка. Такъ судебный приговоръ можетъ, по юридическимъ понятіямъ, оправдывать человѣка тамъ, гдѣ нравственный гласъ осуждаетъ его потому, что состояніе души, въ которомъ она дѣйствовала наподобіе слѣпой физической силы, по себѣ разсматриваемое, не было безвинно. Въ другихъ случаяхъ—наоборотъ—судья гражданскій можетъ въ полной мѣрѣ причитать такой-то поступокъ, который въ глазахъ нравственнаго суда маловаженъ. Но *совершенно* никогда нельзя извинить дѣянія, юридически виновнаго, потому что оно, какъ явленіе свободной воли, не было необходимо, хотя виновнику и трудно было устоять противъ соблазна.

§ 568.

Изъ сего вытекаютъ слѣдующія общія правила:

1) *Относительно къ душевной болѣзни въ пространномъ* смыслѣ. Что учинено въ *высочайшей степени волненій сердечныхъ*, то надобно причитать не отдѣльно и прямо, но вообще и посредственнымъ образомъ, слѣдовательно отсылать въ судъ нравственный. Ибо человѣку не должно теряться въ своихъ ощущеніяхъ, а потому и отнюдь не должно движеніями оныхъ увлекаться до безразсудныхъ выходокъ. Но сіе вмѣненіе тѣмъ бываетъ легче, чѣмъ сильнѣе было искушеніе.—Что совершилъ человѣкъ въ припадкахъ *страсти*, то равномѣрно причитать должно въ отдѣльности, но судить снисходительнѣе, если въ проступкѣ вмѣстѣ

съ тѣмъ участвовали сильныя волненія сердца. Въ семъ отношеніи различаютъ холодную и пылкую страсть.—*Общая слабость ума и воли*—Кретинизмъ—изъемлетъ отъ вмѣненія; но здѣсь во всякомъ случаѣ надобно брать въ счетъ отношеніе разсудительности къ особенному дѣянію. *Разсѣянность* и *смятеніе мыслей, склонность* къ *изувѣрнымъ мечтамъ, ипохондрія* и *меланхолія* въ пространномъ значеніи—все это смягчаетъ вину—въ разныхъ степеняхъ—до совершеннаго почти прощенія. Но ужасное богохульство—говорить о *званыхъ злодѣяхъ*, заклейменыхъ въ колыбели печатію Каина.

II) *Относительно къ душевной болѣзни въ тѣсномъ смыслѣ.* Тутъ *совершенное разстройство благороднѣйшихъ силъ человѣка уничтожаетъ* всякое непосредственное и частное, а съ тѣмъ и всякое юридическое вмѣненіе, уничтожая, однакожъ, общее и нравственное въ томъ только случаѣ, когда человѣкъ не собственною своею виною впалъ въ роковое состояніе. — *Сумасшествіе сплошное* или рѣшительное изъемлется отъ всякаго вмѣненія; но гдѣ оно либо *частное*, либо *временное*, тамъ и шалости посторонніа, которыя дѣлаетъ хитрецъ *не по своей части*, и умышленная роль юродиваго, которую онъ играетъ въ *свѣтлые промежутки* болѣзни, подлежатъ извѣстной *расправѣ келейной*. — Нельзя вмѣнить рѣшительнаго *бѣшенства*; но позволяется быть уже взы-

скательнѣе тамъ, гдѣ на него могутъ еще дѣйствовать убѣжденія и угрозы.— *Полная меланхолія* непосредственно снимаетъ вину съ дѣянія; но проказы *ипохондриковъ* тогда только освобождаютъ отъ суда, когда болѣзнь ихъ сопряжена была съ укоренившеюся гибельною химерой.

§ 569.

Какого труда часто стóитъ слѣдственному врачу опредѣлить, точно ли извѣстное дѣяніе совершено въ состояніи душевной болѣзни! Но тщательное различеніе между порывами страстей и волненій сердечныхъ и между порывами злонамѣренной воли, естественная связь представляемой причины или разгласіе съ дѣяніемъ, нанесеніе вреда любимымъ особамъ или стороннимъ, можетъ быть врагамъ, раскаяніе виновнаго, либо его спокойствіе и веселіе, увѣреніе съ его стороны, что онъ въ полномъ умѣ, чувствительность его къ истязаніямъ, либо равнодушіе, однообразіе его рѣчей, движеній и поступковъ какъ при людяхъ, такъ и наединѣ, вся прежняя жизнь его свѣтлая, либо такая, въ которой замѣчены уже были извѣстные слѣды разстройства, наконецъ непосредственное, настоящее выраженіе души въ чертахъ его лица и во взглядахъ,— вотъ обстоятельства, которыя помогаютъ судьѣ—Психологу открыть истинное положеніе дѣла тамъ, гдѣ отъ его совѣстнаго приговора зависитъ и жизнь и смерть человѣка!

ГЛАВА 3-я.

Духовная Семіотика.

§ 570.

Выраженіе внутренняго состоянія называется *знакомъ*, а совокупность или система однороднаго означенія предметовъ представляемыхъ и чувствуемыхъ — *языкомъ* вообще, который, будучи опредѣляемъ взаимнымъ дѣйствіемъ многоразличнѣйшихъ частей гибкой природы человѣческой, очевидно доказываетъ не только дивную, таинственную, первоначальную связь между образами и мыслями, между чувствами и побужденіями, между силами и членами ея организма, но и необходимое *тяготѣніе помысловъ* къ тому, что *объ нихъ свидѣтельствовать* можетъ. Ибо, какъ душа доходитъ до чувства и до сознанія самой себя только при содѣйствіи (вещественнаго) органа; такъ точно она и проявляетъ—посредствомъ творческой фантазіи—свою свободную жизнь и связанную, слѣпую дѣятельность свою не иначе, какъ въ созданіяхъ, для нея самой и для другаго *ощутительныхъ, видимыхъ, внятныхъ*, т. е, въ *замаетѣлыхъ очертаніяхъ* — для *осязанія*, въ движеніяхъ тѣла — для *глаза*, въ *языкѣ* не только для обоихъ предыдущихъ чувствъ, но и въ особенности —для *слуха*. Посему составныя части *Семіотики*, занимающейся толкованіемъ знаковъ для всѣхъ— обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ состояній души,

которыя описаны въ двухъ предыдущихъ Книгахъ, суть *Физіономика*, *Мимика* и *Языкъ*, изъ коихъ первая показываетъ намъ сторону *бытія*, вторая сторону *дѣятельности* и *движеній*, а третій — совокупность или *цѣлость* являющейся жизни.

Отдѣленіе I.

Физіономика.

§ 571.

Для идеальной жизни *верховное*, такъ сказать, *сборное мѣсто* есть вообще *голова*, въ особенномъ же, *ощутительномъ* значеніи *передняя*, всѣмъ, и зрячему и *слѣпому* равно открытая площадь оной — лице, въ которомъ сосредоточена наибольшая часть чувственныхъ орудій: ибо боковые органы, т. е. почти неподвижныя уши утверждены на *касательной* линіи головы, а верхняя и задняя стороны ея принадлежатъ прозябенію—волосъ. Правда, и развитіе духовныхъ органовъ, по общему закону возбужденій, опредѣляется раздраженіями снаружи; однакожъ и сіи органы съ своей стороны дѣйствуютъ обратно на внѣшніе, обработываютъ оные упражненіемъ и навыками, возвышаютъ и направляютъ ихъ дѣятельность, чему необходимо соотвѣтствовать должно и самое ихъ строеніе, т. е. *осадка* или *выдержка совершившагося производства*, — явные слѣды духа жизни, опочившаго отъ трудовъ своихъ. Другими словами: внѣшніе и вну-

тренніе органы состоятъ между собою во взаимной зависимости. Каковъ человѣкъ *есть*, такимъ наружность и *являетъ* его намъ и каковымъ онъ является, таковъ и есть—по устройству ли первой своей природы, или по силѣ второй, или вслѣдствіе обѣихъ.

§ 572.

На основаніи сей *аксіомы* Физіономика, предоставляя вѣдѣнію Анатоміи внутреннее строеніе органовъ, предоставляя Мимикѣ разсматриваніе лица *впрямь* (en face) со всею выразительностію жизни, чувствованій и движеній укрѣпляетъ за собою свой *заматерѣлый, классическій*, осязанію открытый *профиль*, и раздѣляетъ его, для своихъ видовъ, на *три* части. Ибо онъ представляетъ 1) переднюю площадь мозговаго вмѣстилища,—*лобъ*, а подо лбомъ 2) *большую часть чувственныхъ орудій*, соединенныхъ въ тѣсномъ пространствѣ и оканчивающихся 3) нижнею *челюстью—кормилицей*. Такъ чувства и на лицѣ помѣщены между горнимъ и дольнимъ организмомъ,—между нижнею челюстью, которая *жуетъ*, и между челомъ, которое *мыслитъ*. Посему *первый моментъ* Физіономики есть слѣдующій: *природа, произволъ и время преимущественно выработали и отлили одну, либо другую крайность лица, — лобъ, либо челюсть—въ формахъ, болѣе уёмистыхъ, указывая тѣмъ самимъ либо на преобладательство животной стороны, либо на преобладательство людскости.* Дюжія орудія жеванія вообще отличаютъ

весь классъ *жвачущихъ*; рыло ихъ *выдвинуто* далѣе всѣхъ прочихъ частей лица. Нѣтъ людей, у которыхъ ротъ *высовывался* бы такъ значительно, какъ у животныхъ; однакожъ толстыя скулы и вмѣстѣ съ носомъ выдвинувшуюся нижнюю часть лица на счетъ лба явственно показываютъ — даже въ большомъ видѣ—Негры и нѣкоторые народы Славянскаго поколѣнія. Другая крайность сего физіономическаго момента есть *выпятившійся, торчащій* лобъ и притомъ округленный и обширный, который означаетъ растяженіе полостей лобной кости, причиняемое мозгомъ и составляетъ противоположность съ *покатыми*. т. е. съ тѣми, кои сдавлены на подобіе кровли. Сія наклоненная плоскость чела есть отличительная черта людей скудоумныхъ, у коихъ масса, либо сила мозга слишкомъ мала и недостаточна, чтобы надлежащимъ образомъ округлить лобныя кости, въ нѣжномъ возрастѣ весьма еще мягкія. Среднія лица, съ челомъ прямо восходящимъ, и въ очертаніяхъ и въ значеніи неважны. Есть еще профили, въ коихъ и лобъ и ротъ равно далеко *вытѣснены*, или *отстали* позади глазъ и носа,—среднихъ частей лица, въ коихъ природа силится *поставить на видъ* смѣтливую чувственность или дать свободный ходъ наблюдательному смыслу.—Лица, въ которыхъ ни площадь мозговая т. е. лобъ, ни чувства (глаза, носъ, а отчасти и ротъ), ни орудія жеванія не *выпятились*—такія лица либо весьма *толстопл*

тны, мясисты и сплошъ встрѣчаются въ бытѣ *мужицкомъ*, либо же, если они вообще обрисованы весьма слабо, нечетко, суть, такъ называемыя, *правильныя*, *форменныя*, т. е. безхарактерныя, пошлыя, дюжинныя.

§ 573.

Вторый моментъ физіономическаго наблюденія есть слѣдующій. Если мы разсматриваемъ профиль, какъ линію круглопродолговатую, а лобъ, носъ и ротъ съ его подбородкомъ, какъ выпуклости; то сіи выпуклости либо входятъ болѣе или менѣе въ оную нормальную линію, либо отъ нея отдаляются, т. е. *всѣ части профиля бываютъ болѣе или менѣе рѣзко обозначены*, и тутъ на лицѣ рѣзкомъ читаемъ мы душу возбужденную, а на тупомъ—дремлющую: ибо гдѣ извѣстная сила даетъ себѣ просторъ; тамъ она ощутительно выдвигаетъ и свои органы за черту порубежную, такъ сказать, *указную*.

§ 574.

Третій моментъ есть *большая или меньшая соразмѣрность отдѣльныхъ частей профиля какъ вразсужденіи ихъ величины, такъ и вразсужденіи кругловатой формы, свойственной созданіямъ органическимъ*,—не главныя, вышеупомянутыя отношенія трехъ частей лица, а мелкія отношенія профиля, именно же *губъ* съ подбородкомъ, *носа* и *глазъ*, кои также имѣютъ свою значительность, сколькобы природа здѣсь ни отступала отъ общаго правила.

§ 575.

А) Подбородокъ и нижняя губа принадлежатъ къ профилю челюсти — кормилицы, какъ жующаго орудія; губа верхняя дѣлаетъ переходъ къ *смышлености*, оканчивающейся верхнею частію глазныхъ впадинъ, гдѣ потомъ чело пріосѣняетъ внутреннее святилище духа. Но обѣ губы принадлежатъ вмѣстѣ къ *органамъ рѣчи*, и тутъ разнообразная ихъ движимость составляетъ совершенство. Въ профилѣ лица сія движимость можетъ опредѣляться не формою, всегда измѣнчивою а только (относительною) величиною губъ, по той простой причинѣ, что меньшую массу легче приводить въ движеніе, нежели большую. Такимъ образомъ *преобладающая толща одной изъ губъ или обѣихъ есть знакъ, что онѣ болѣе осуждены на другое какое либо употребленіе, нежели призваны на святое служеніе человѣческому слову, на которое косно подвигаются.* А какъ рѣчь есть частію органъ общежительныхъ сношеній, частію средство къ образованію; то губы толстыя обличаютъ либо эгоиста и нелюдима, либо *витійствующаго Оранг-утанга.* Сей физіономическій законъ опредѣлится еще точнѣе, когда раздѣлимъ ротъ на двѣ части профиля. Ибо тутъ *толстая, отвислая губа нижняя означаетъ перевѣсъ животной и грубой части, а втянувшаяся нижняя губа, которая тѣмъ самымъ вздымаетъ верхнюю, либо же, по крайней мѣрѣ, увлекаетъ за собою, перевѣсъ или могущество чувствительной, умной,*

благородной части лица. Посему мясистая губа нижняя указываетъ на господство животныхъ расположеній человѣка, а превозмогающая верхняя губа —на нѣжность чувствъ, на утонченіе смышленности. Но первая примѣта органическая, по своему понятію, предполагаетъ силу, послѣдняя гибкость; посему хотя у человѣка съ толстою нижнею губой можетъ образованіе изгладить грубые нравы и помыслы; однакожъ все еще останется суровость въ рѣчахъ, въ письмѣ, въ пріемахъ, такъ что, если даже характеръ человѣка приметъ и тонъ величественный, геройскій, — вы напрасно будете искать въ немъ любезности. Напротивъ того ротъ, прикрываемый толстою верхнею губой, подвергаетъ человѣка опасности сдѣлаться въ характерѣ водянымъ, мягкимъ до бездушнаго жеманства и особливо сладкимъ на рѣчахъ и на письмѣ—до приторности.

§ 576.

В) Труднѣе опредѣлить значеніе неподвижнаго носа; однакожъ, поелику у (четвероногихъ) тварей одна половина средней части лица,—носъ и ротъ совершенно слились съ орудіемъ жеванія, поелику подобное лице имѣетъ не три, а только двѣ части, т. е, носъ съ рыломъ и лобъ со впалыми его оконечностями, т. е. глазами, и поелику у животныхъ морда не отдѣлена даже никакою перемычкою, т. е. *подбородкомъ* отъ твердаго существа жующей челюсти; то всѣ сіи обстоятельства, вмѣстѣ взя-

тыя, намѣкаютъ на тѣснѣйшую связь обонянія и вкуса и на общее ихъ отпаденіе отъ высшаго чувства,—глаза. Физіономія, въ которой встрѣчается подобный раздѣлъ лица, есть физіономія Царя *Ликаона, разжалованнаго въ волки.* Сему выраженію необходимо принадлежитъ и болѣе, или менѣе *горизонтальное* направленіе носа со *вздергнутыми* ноздрями, потому что съ носомъ начинается вторая, далеко высунувшаяся часть профиля и что носу именно и надлежитъ развѣдывать то, чего домогается рыло. Это носы *ищейные.* Но ротъ можетъ въ своемъ стремленіи и *попятиться,* можетъ, слѣдственно, до извѣстной степени облагородить лице; за всѣмъ тѣмъ ищейный носъ остается у животныхъ выраженіемъ *чутья,* а у человѣка выраженіемъ *пытливости. Если* болѣе *горизонтальное положеніе носа предназначено для поисковъ,* для *рекогносцировки; то болѣе отвѣсное, какъ противоположенное оному, значитъ— на степени смысла—любовѣдѣніе.* Въ томъ же и другомъ случаѣ выразительность ищейнаго органа усиливается его длиною, особливо остроконечною, замѣченною у людей *проницательныхъ* и у всѣхъ Софистовъ. Направленіе носа, колеблющееся между обоими первоначальными, указываетъ на таковое же неопредѣленное равновѣсіе духовныхъ силъ. Если корень носа помѣстить тамъ, гдѣ онъ выходитъ изъ-подолба; то и направленіе, взимаемое имъ отсюда, должно считать за первое, которое послѣ-

дующимъ только измѣняется и обуздывается такъ что, слѣдственно, либо при направленіи, сначала горизонтальномъ пытливость встрѣчаетъ ограниченіе со стороны смысла, либо же, наоборотъ, при направленіи, сперва отвѣсномъ, смыслъ обуздываемъ бываетъ любопытствомъ. Носы *тупые*, или такъ называемые, *вздернутые* суть въ сокращенномъ видѣ тѣ, кои, какъ говоримъ попросту, любятъ всюду *соваться*, гдѣ ихъ и не спрашиваютъ.

§ 577.

С) Совершенная организація *глаза*, какъ тѣла шаровиднаго, требуетъ отъ кости, подъ которою скрывается, достаточнаго округленія, коему соотвѣтствуетъ таковое же и въ скулахъ, поддерживающихъ глазъ снизу, — словомъ — требуетъ достаточнаго округленія глазной впадины, сколько она зависитъ отъ строенія костей. Недостатокъ сей двойной параболы стѣсняетъ пространство, въ которомъ надлежитъ глазу двигаться, и есть порокъ органическій. Но важно то, что съ дугою лобной кости состоитъ въ тѣснѣйшей связи кривизна бровей и что округлость углубленія, находящагося подъ нижними вѣждями, зависитъ отъ округлости скуловой кости, составляющей нижнюю часть глазной впадины. Все это вмѣстѣ опредѣляетъ мѣру угла, который образуемъ бываетъ расходящимися вѣждями. *Счастливый глазъ постоянно имѣетъ большой уголъ.*

§ 578.

Глазная впадина зависитъ отъ строенія костей

и гдѣ сіи послѣднія окрѣпли; тамъ ничего нельзя къ ней прибавить, ничего отъ ней и убавить. Но подвижны другіе покровы ея,— рѣсницы и кожа подъ нею и надъ нею; вотъ простая причина, почему иной чудакъ, который отъ природы надѣленъ глазами вялыми, сонливыми, и которому однакожъ припадаетъ иногда охота, завладѣть и воспользоваться преимуществами ума, предоставленными *полноокому*, — всячески усиливается вынудить у себя взглядъ многозначащій, проницательный. Онъ вздергиваетъ брови, опускаетъ кожу подъ глазами, т. е. *пучитъ* глаза; но впадина послѣднихъ все-таки остается узкою по прежнему, и мы видимъ только жалкое и смѣшное усиліе, расширить ея уголъ на зло природѣ. Есть люди, кои въ сихъ мучительныхъ напряженіяхъ сѣдѣютъ и коихъ, потому, брови всегда образуютъ дугу, ни сколько не входящую въ одинъ центръ съ дугою глазной кости. Они имѣютъ о себѣ весьма высокое мнѣніе и съ ними трудно ужиться тому, кто не льститъ ихъ суетности.

§ 579.

Самый глазъ устроенъ для уловленія и сосредоточенія лучей солнечныхъ, и совершенство собственной его организаціи устремляется около его оси какъ бы къ одному пункту. Поелику въ его зеркалѣ отражается образъ и подобіе *всевидящаго ока*; то животворная сила его не можетъ иначе обнаруживаться, какъ отдѣляя около упомянутаго

мѣста и выработывая совершеннѣйшимъ образомъ влаги, преломляющія свѣтъ; въ высокой степени сосредоточенное сверканіе зрачка съ открытымъ, широкимъ угломъ—вотъ *искрометный* взоръ души возбужденной и всѣ другія души возбуждающей! Вотъ органъ той божественной способности, которая содержится къ прочимъ внутреннимъ чувствамъ такъ, какъ глазъ содержится къ прочимъ наружнымъ. Ибо, что для осязанія есть теплота и стужа; то въ химическомъ чувствѣ есть кислое и щелочное качество, а въ ухѣ — чистое движеніе. Но въ глазѣ чистое движеніе становится очертаніемъ или обликомъ, качество цвѣтомъ, слѣдственно онъ соединяетъ въ себѣ то, что прочими чувствами разлучено. Точно такъ же и смыслъ сцѣпляетъ закономъ причинъ и дѣйствій и взаимнообразныхъ отношеній то, что для созерцанія и воображенія значило только неопредѣленное множество вещей въ пространствѣ и времени, а *разумъ* объемлетъ виноcловную связь въ идеѣ цѣлей, подобно какъ взаимность разнообразнѣйшихъ началъ жизни въ идеѣ стройности. Посему разумъ являетъ собою перечневое чувство внутреннее, а глазъ — перечневое чувство внѣшнее, и если признана взаимная зависимость между внутренними органами и наружными; то *глазъ долженъ быть вещественнымъ условіемъ всякаго озаренія.*

Отдѣленіе II.

Мимика.

§ 580.

Заматерѣлыя очертанія Физіономіи приводитъ въ игру *Мимика*, которая открываетъ бытіе для преобладающей дѣятельности, и отдаетъ природу въ распоряженіе духу, кости и хрящи въ распоряженіе произвольнымъ мышцахъ. Предметы осязанія становятся здѣсь предметами зрѣнія; односторонній, отдѣльный профиль пластическій изчезаетъ не только предъ живописью одушевленнаго лица съ его значительными минами, но и предъ музыкальнымъ размѣромъ всѣхъ положеній, всѣхъ извитій тѣла и подвижныхъ его членовъ. Здѣсь видимъ не то, чѣмъ сдѣлалъ себя человѣкъ, или какъ онъ вылился, но то, чѣмъ онъ всякій разъ въ жизни является.

§ 581.

Голова (и сама по себѣ или вообще взимаемая и въ отдѣльныхъ ея частяхъ), — *грудь* и *конечности* — вотъ органы того *нѣмаго* языка, которымъ, неучась, говорятъ всѣ дѣти природы, который въ продолженіе времени измѣняетъ и опредѣляетъ самыя очертанія, который разоблачаетъ предъ нами душу другаго человѣка тамъ, гдѣ мы подражаемъ его чертамъ и минамъ, — языка, который не только всегда сопровождаетъ и слово, но и дополняетъ его недомолвки, — языка, кото-

рый способствуетъ къ живѣйшему выраженію всѣхъ внутреннихъ помысловъ, доставляетъ намъ — на сценѣ—самыя многосложныя, самыя благородныя наслажденія, какихъ напрасно ожидаемъ отъ одной декламаціи, — языка, который никогда не обманываетъ, подобно притворнымъ, коварнымъ рѣчамъ льстеца, — наконецъ языка, который внятно говоритъ и тамъ, гдѣ самое слово замираетъ!

§ 582.

А) Нѣтъ ничего естественнѣе, какъ *утверждая* что либо, кивать *головою*, отрицая — трясти ею, удивляясь — качать, въ *спеси* забрасывать назадъ и *подымать носъ*, въ ужасѣ — вздымать ея волосы дыбомъ, въ *возвышеніи чувствъ* и помысловъ — вытягивать изъ плечъ,—въ *небрежности* склонять на сторону, въ *строптивости* — держать туго, въ *стыдѣ* —поникать ею, въ *задумчивости* — склонять ее на длань, вообще же сопровождать ею всѣ движенія тѣла.

§ 583.

Но не менѣе краснорѣчивы и *отдѣльныя* части головы, — *лобъ, глаза* и *ротъ*.

1) Невольно морщится *лобъ* въ досадѣ, невольно онъ и яснѣетъ въ спокойствіи и веселіи;

2) Кому не знакомъ живой, свѣтлый взоръ радующагося, тусклый — скорбящаго, искрометный восторженнаго и гнѣвливаго, дикій — бѣшенаго, масляный — влюбчиваго, пристальный — изумленнаго, а также и ожидающаго, поднятый къ небу—

*

мудрствующаго горнее, потупленный взоръ — стыда, неопредѣленный, пустой — бездумья, ясный, твердый — самонадѣянія, бѣглый — малодушія, косой — зависти, слезящій — сокрушенія, прищуренный — любопытства?

3) *Рту* и окружнымъ его мышицамъ принадлежитъ *улыбка* и *плаксивая* мина; изумленіе и ожиданіе раздвигаютъ *челюсти*, болѣе или менѣе; площадное и журнальное дурачество *дразнитъ* прохожихъ *языкомъ*, ярость скрежещетъ *зубами*; досада, ревность, жеманство прикусываютъ себѣ *губы*; плавно льется *рѣчь* изъ *устъ* человѣка возбужденнаго, который, однакожъ, долженъ тамъ и *заикаться*, гдѣ языкъ не успѣваетъ слѣдовать за быстрымъ приливомъ чувствованій и мыслей.

§ 584.

B) *Къ средней части тѣла* относятся перемѣны въ дыханіи и кровообращеніи. Сильно бьется *сердце* въ безспокойномъ ожиданіи; злость, горесть стѣсняютъ *орудія голоса* до того, что человѣкъ задыхается; смѣхъ потрясаетъ *грудобрюшную преграду*; увѣренность бьетъ себя въ *грудь*, которую радость вздымаетъ, которую гордое самочувствіе выдвигаетъ впередъ и которая тихо колышется въ пѣніи.

§ 585.

C) *Конечности*, т. е. *руки*, *ноги* и *кожа лица* также въ своихъ движеніяхъ выразительны:

1) Мы маним къ себѣ другаго перстомъ и машемъ ему отвороченною ладонью, желая, чтобъ онъ удалился; мы складываемъ руки крестообразно въ задумчивости, складываемъ оныя надъ головою въ изумленіи, въ отчаяніи; горесть ломитъ себѣ руки, удовольствіе хлопаетъ въ ладоши, гнѣвъ грозитъ кулакомъ; — удивляясь, мы простираемъ руки вверхъ, умоляя — протягиваемъ къ предмету внизъ, какъ бы для принятія отъ него даровъ, изображая суматоху — быстро и безпорядочно вращаемъ одну около другой и пр. — не говоря уже о томъ, что многоразличное сложеніе досужихъ перстовъ удачно замѣняетъ глухонѣмымъ и азбуку и склады.

2) Но и большіе шаги огорченнаго, мелкіе — суетливаго, разрывчатая поступь человѣка разтроганнаго, живая, рѣзвая пляска веселящагося, — заботливая, отчетистая походка униженнаго просителя— льстеца, который на *цыпочкахъ* подкрадывается къ милостивцу, дрожащія колѣна испуганнаго отвѣтчика,—все это относится къ *языку ногъ*, весьма понятному для наблюдателя.

3) Наконецъ самая *кожа лица*, снабженнаго столь богато тончайшими нервами и мышцами и находящагося въ столь близкомъ сосѣдствѣ съ общимъ чувствилищемъ, есть книга, коей листы исписываетъ страхъ чернилами блѣдными, зависть багровыми, любовь розовыми, стыдъ и гнѣвъ — красными.

§ 586.

Но не однѣ подвижныя части, а и совокупная масса тѣла сообразуется въ своихъ положеніяхъ и движеніяхъ съ состояніями души. Весь станъ въ удивленіи вытягивается; въ скорби, въ священнодѣйствіяхъ движенія его бываютъ медленны и торжественны, въ испугѣ быстры, стремительны; оно невольно отворачивается отъ предмета ненавистнаго, нагибается впередъ при видѣ великаго, дивнаго, падаетъ на колѣна, умоляя и уничижаясь предъ грознымъ, повергается на землю — въ чувствѣ совершеннаго изнеможенія.

§ 587.

Таковы главнѣйшія черты Мимики *естественной*! Но она есть и *искуство*, даже *изящное*, потому что зависитъ отъ Поэзіи и либо приводитъ въ исполненіе эстетическую мысль вообще безъ помощи рѣчи — въ пантомимѣ, — либо сопровождаетъ предложеніе стихотворныхъ сочиненій, — спокойнѣе въ повѣствованіяхъ, живѣе въ пѣснопѣніяхъ, но развертывая все богатство своихъ способовъ въ *драмѣ*, гдѣ составляетъ главную часть театральныхъ представленій въ тѣсномъ смыслѣ, такъ какъ въ обширномъ значеніи часто называемо было и сценическимъ искуствомъ потому, что непосредственно занимаетъ глазъ и по большей части показывается на *зрѣлищахъ*. Ибо здѣсь мы отчуждаемъ свое лице и дѣлаемъ его органомъ искуственныхъ обольщеній. На семъ основывается точное понятіе *дѣйствія*. Что слѣдо-

вательно, подобное искуство начинается съ подражанія, отъ котораго получаетъ и свое названіе, — это весьма естественно; но именно способъ изображенія и опредѣляетъ его достоинство Правда, первымъ Мимикомъ слылъ тотъ, кто для забавы черни умѣлъ удачно передразнивать другихъ; однакожъ искусство имѣетъ своей задачей изображать *не отдѣльное*, случайное, но вмѣстѣ и что-то *идеальное*, не механически, по какому-то невольному сочувствію раздражительныхъ мышцъ, какъ бываетъ то въ зѣвотѣ, но свободно и съ сознаніемъ. Слѣдственно изображеніе, которое хочетъ всѣмъ нравиться, должно быть слѣдствіемъ соображеній; каждая часть онаго должна, въ фантазіи артиста, развиваться въ необходимой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ: ибо въ отдѣльной линіи, въ отдѣльномъ звукѣ, въ отдѣльномъ словѣ не можетъ быть ничего прекраснаго. Въ семъ отношеніи по сходству съ Музыкой, которая также изображаетъ въ послѣдовательныхъ сотрясеніяхъ воздуха, Мимика созидаетъ себѣ свой *размѣръ* и имѣетъ свое *удареніе*.

§ 588.

Далѣе, — для того, чтобъ быть *истиннымъ*, языкъ тѣлодвиженій хотя старается походить на естественное и необходимое выраженіе внутреннихъ состояній; но сіе выраженіе подчиняетъ себя еще и видамъ свободнаго искуства и связывается въ поэтическое цѣлое и обнимаемо бываетъ

такъ, какъ оно въ данномъ положеніи отлично бы-лобы лицемъ, развившимся до совершенствъ своего рода безъ примѣси случайныхъ, временныхъ и мѣстныхъ ограниченій и притомъ въ связи и порядкѣ. Вотъ въ чемъ состоитъ *естественность* мимической *игры*, весьма совмѣстная съ *искуствомъ*!

§ 589.

Способы, состоящіе въ распоряженіи у Мимика, суть съ одной стороны самая его фигура, съ другой — ея положеніе и походка, а особливо движеніе рукъ и минъ, съ третьей — съ наружной — драпировка или костюмъ, кои всѣ употребляемы бываютъ въ совокупности, чтобъ опредѣлительно выражать оныя состоянія покоя и движенія т. е. страсти и взаимные ихъ переливы. Но ни въ какомъ случаѣ сценическому Художнику не слѣдуетъ забывать, что онъ имѣетъ дѣло съ искуствомъ, основывающимся на движеніи,—искуствомъ, которое влагаетъ въ пластическія созданія жизнь и душу, и тутъ *первая* неотразимая потребность Мимика есть, отъ низкихъ или пошлыхъ привычекъ свободное, употребленіе благообразованнаго и подвижнаго тѣла, въ чемъ могутъ наставить его какъ правильное механическое упражненіе, такъ и обращеніе съ людьми хорошаго тона; *вторая* и высшая задача есть знакомство съ многоразличными состояніями души и особенными выраженіями каждаго изъ нихъ; *третья*—гибкій талантъ, удачно примѣнять изученіе природы къ представле-

нію извѣстнаго характера, дѣянія, положенія по требованію идеала. Впрочемъ искуство его останется однимъ изъ самыхъ ограниченныхъ, скудныхъ: ибо онъ не можетъ отдѣлить игры отъ собственнаго лица и долженъ душу и тѣло порабощить чуждой власти, тогда какъ виртуозъ играетъ на инструментѣ, а Поэтъ свободно движется въ созданіяхъ слова.

Отдѣленіе III.

Языкъ.

§ 590.

Физіономія и Мимика получаютъ свою значительность отъ *членовъ тѣла*; онѣ *намѣкаютъ осязанію и зрѣнію* на отдѣльныя внутреннія состоянія *нашего* лица и притомъ со стороны только его *чувствованій* и *желаній*. Языкъ, въ ограниченномъ смыслѣ, употребляетъ и другія, болѣе подвижныя, отъ насъ независимыя вещи и явленія, дабы въ возможной ясности и полнотѣ выразить не только то, что *мы* есть и какъ себя чувствуемъ, но и то, *какъ* мы понимаемъ и себя и прочія твари,— дабы дать и въ цѣлости и въ частяхъ отчетъ себѣ и другому во всѣхъ состояніяхъ и движеніяхъ души, сколько посредствомъ вышеозначенныхъ пластическихъ чувствъ, столько— и еще болѣе— посредствомъ того динамическаго, которому суждено быть органомъ сообщеній, — органомъ та-

инственной связи между возбужденными гражданами идеальнаго міра. Посему языкъ, раскрывающійся только съ раскрытіемъ разума, свободы и сознанія, исключительно принадлежитъ человѣку: ибо физіономію и *кривлянья* раздѣляютъ съ нимъ и животныя.

§ 591.

Кто употребляетъ языкъ, тотъ обозначаетъ только вещи, ему уже знакомыя, и чѣмъ богатѣе, чѣмъ полнѣе душа, тѣмъ разнообразнѣе, тѣмъ изобрѣтательнѣе будетъ она въ выраженіи; посему первоначально человѣкъ образуетъ языкъ для имѣющагося уже запаса умственнаго, а не пріобрѣтаетъ посредствомъ онаго существенныхъ познаній, развѣ самыя формы, пустыя и отвлеченныя, приметъ за положительныя истины. Вотъ причина несмѣтнаго множества красивыхъ, *чопорныхъ*, и при всѣмъ томъ, *бездушныхъ* явленій въ области искуствъ, обычаевъ, модъ и литературы!

§ 592.

Означеніе совершенствуется съ успѣхами духовнаго образованія. Оно бываетъ тѣмъ легче и вразумительнѣе, чѣмъ тѣснѣе означаемыя представленія примыкаютъ къ кругу чувственныхъ созерцаній. Отъ того *понятія* труднѣе находятъ свой соотвѣтственный знакъ, нежели отдѣльное чувственное представленіе; отъ того въ самой области первыхъ трудность сія увеличивается по мѣрѣ того, какъ понятія утончаются, такъ что нако-

нецъ чистая *идея* остается болѣе, или менѣе, неизрѣченною, или же человѣкъ силится изобразить ее въ такихъ формахъ, кои доказываютъ тщетное покушеніе, вмѣстить порожденія свободнаго, божественнаго духа въ бреномъ сосудѣ.

§ 593.

Способы внѣшняго откровенія полныхъ мыслей, входящіе въ составъ языка человѣческаго, суть a) *Схема*, b) *Символъ* и c) *Слово*.

§ 594.

A) *Схематизмъ* для извѣстнаго представленія показываетъ внѣшній, соотвѣтственный ему, предметъ. Сей простѣйшій языкъ употребляется въ Математикѣ, въ естественныхъ Наукахъ, и вообще тамъ, гдѣ представленія наши касаются вещей видимыхъ, житейскихъ.

§ 595.

B) *Символика* для означенія мыслей не беретъ прямо соотвѣтственныхъ имъ предметовъ, но расширяетъ, и въ извѣстномъ смыслѣ, возвышаетъ чувственное выраженіе, котораго ищетъ на пути *сходства*. Посему ея сущность состоитъ въ *образахъ* и *подобіяхъ*, въ выраженіи *фигуральномъ*; языкъ ея есть языкъ *знаменательный*. Она не можетъ, подобно *схемѣ*, держаться *непосредственной* наглядности: ибо то, что она хочетъ высказать, суть не житейскія, обыкновенныя, опытныя представленія, или такія, кои находятъ уже свое осуществленіе во внѣшней природѣ, но высшія по-

нятія человѣка, принадлежащія къ идеальному кругу его жизни. Естественнымъ образомъ понятія сіи напрасно ищутъ *непосредственныхъ*, готовыхъ представителей своихъ въ видимомъ твореніи, въ которыхъ являлися бы осуществленными. Обозначеніе должно здѣсь расшириться, должно, по недостатку одинаковаго, схватывать сходное, по недостатку равнаго ограничиваться подобнымъ.

§ 596.

Символически выражается всякая возбужденная жизнь тамъ, гдѣ она въ смутномъ, но мятежномъ чувствѣ ограниченности своего образовательнаго могущества, силится намѣками отрывистыхъ, хотя многозначащихъ созданій, приблизительно представить великую идею, не установившуюся въ ясномъ и полномъ сознаніи, либо въ немъ вообще невмѣстимую. Посему, сколь далеко простираются безмолвныя откровенія; столь же далеко простираются и границы Символики. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ ее, особливо въ періодѣ начальнаго развитія народовъ

a) Въ ихъ *Религіи*, коей и догматы и преданія, и обряды и устроеніе храмовъ и священные облаченія и утвари и таинства дышатъ *знаменіями*, *прообразованіями*;

b) Въ *искусствѣ*, коего идеалы, населяющіе Олимпъ, суть не иное что, какъ воплощенные, ощутительные вымыслы въ самостоятельномъ ихъ бытіи;

c) Въ *природѣ*, которая не только вообще есть первообразъ божественнаго духа, но и запасная хранима всякихъ другихъ Символовъ, употребляемыхъ человѣкомъ. Не она ли порядокъ движенія тѣлъ небесныхъ прообразуетъ чиноположеніе нашей общественной жизни, притягивательными и отталкивательными силами сродства и магнитизма—дружбу и вражду, временами года возрасты, цвѣтами и животными — наши нравственные помыслы и чувствованія, превращеніями насѣкомыхъ —безсмертіе и воскресеніе, бурями—землетрясенія, волканами—движенія буйныхъ страстей, метеорами—призраки и обольщенія? Не къ къ ея ли линіямъ и фигурамъ прибѣгаемъ мы для выраженія мыслей на письмѣ и въ чертежахъ? Не ея ли своевольныя игры и уродливости служатъ основой нашимъ Арабескамъ и карикатурамъ, нашимъ проніямъ и—грѣзамъ?

§ 597.

Сей общій языкъ глубоко пустилъ корни и въ нашу жизнь гражданскую; онъ говоритъ въ регаліяхъ нашихъ Царей и въ орденахъ, въ гербахъ и вывѣскахъ, въ медаляхъ и въ знакахъ властей, придворныхъ и военныхъ. За всѣмъ тѣмъ онъ, сколько натураленъ, столько же и утомительно однообразенъ; не можетъ выразить всѣхъ оттѣнковъ, еще же менѣе можетъ дать отчетъ въ полномъ производствѣ явленія съ его причинами, послѣдствіями и отношеніями. Символы надобно умѣть

и подмѣчать и составлять. Они нуждаются въ толкованіи, въ дополненіяхъ: ибо они недвижимы и бездыханны; имъ недостаетъ окончательнаго откровенія, которое высказывалобы все то, на что они намѣкаютъ,—недостаетъ—волшебнаго дхновенія устъ.

§ 598.

С) Человѣку нельзя не говорить. Возбужденная со всѣхъ сторонъ жизнь его не только требуетъ простора для своихъ порывовъ, но и дѣйствительно обнаруживаетъ оные самымъ непосредственнымъ, самымъ внятнымъ образомъ,—въ стихіѣ, крайне раздражительной для всего того, что чрезъ нее сообщаться можетъ, — въ воздухѣ, посредствомъ *звуковъ*, для чувства, которому именно и суждено принимать и передавать таинственное вѣяніе духа. Такъ звукъ становится непосредственнымъ, и притомъ *гласнымъ* откровеніемъ внутренней жизни. Тутъ-то получаетъ онъ и свое *значеніе*. Но собственно *словомъ* бываетъ звукъ тогда только, когда проявляющаяся въ немъ *духовная* сущность сообщаетъ ему и соотвѣтственный смыслъ, т. е. *духовный*, идеальный. Для вещи же, коей представленіе въ звукѣ знаменуется словомъ, сей звучный знакъ есть *имя*. Мы *называемъ* вещь, какъ скоро находимъ ея слово. Вотъ дѣйствіе, коимъ духъ нашъ укрѣпляетъ за собою то, съ чѣмъ *ознакомился*!

§ 599.

Но къ чему служитъ сіе идеальное завладѣніе? Безспорно для особенныхъ высшихъ нуждъ пробужденнаго ума. Пускай созерцающій или ощущающій обходится и безъ нашего языка, для другихъ внятнаго; пускай душа, проявляясь *внутрь самой себя*, только любуется плодами пластической своей дѣятельности; коль же скоро хочетъ она обсудить явленія, встрѣчаемыя во внутреннемъ чувствѣ и дать въ нихъ отчетъ; то не можетъ достигнуть сей цѣли иначе, какъ подводя свой предметъ подъ извѣстное понятіе; но*и* дабы сіе идеальное единство не утратилось для души и не утекло съ отдѣльнымъ предметомъ, — должно оно ознаменовано быть въ сознаніи какимъ либо *памятникомъ*, который по сей причинѣ и доставляетъ возможность *размышлять* объ установленныхъ понятіяхъ, *сравнивать* съ другими, равно какъ и съ означаемою вещію, *сберегать* для познаній, для разумнаго выбора, для дальнѣйшей передачи. Такъ поддерживается памятью и фантазіей *непрерывная* жизнь души. Посему языкъ словесный есть языкъ отчетливаго наставленія.

§ 600.

Но говорить не значитъ оглашать свое внутреннее отдѣльными звуками; рѣчь есть цѣлая система словъ. Первоначальная сила и форма духовной жизни со всѣмъ разнообразіемъ извитій и направленій, со всею массою мыслей и желаній пере-

ходитъ изъ внутренней, таинственной глубины въ образованіе и сочетаніе словъ, слѣдственно какъ общій людямъ порядокъ духовной жизни, (философическая Грамматика), такъ и особенный образъ мыслей и чувствованій, отъ котораго языкъ и получаетъ всю выразительность, всю силу языка живаго.

§ 601.

Истекая изъ того же самаго родника, изъ котораго истекаетъ жизнь,— языкъ и съ своей стороны обнажаетъ сокровеннѣйшіе изгибы сердца, и въ чувственныхъ образахъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ времени передаетъ неземныя тайны отъ одного человѣка къ другому, — изъ рода въ родъ, связывая душу нашу съ душей перваго, а можетъ быть и послѣдняго человѣка.

§ 602.

И этаго мало. Самый духъ нашъ удостовѣряется въ своемъ существованіи не иначе, какъ при свидѣтельствѣ внутренняго слова, которое между первоначальными, смутными и невольными влеченіями и грѣзами учреждаетъ порядокъ, вразумляетъ насъ въ томъ, что мы такое *значимъ* или въ чемъ *властны*, т. е. доводитъ насъ до опредѣленнаго самосознанія, предаетъ намъ въ полное вѣдѣніе и распоряженіе собственное наше *Я*, которое мы тутъ во множествѣ измѣнчивыхъ предметовъ и состояній и *схватываемъ* то въ пониманіи, то въ рѣшимости. Тутъ-то пробуждается духъ къ временной своей жизни, тутъ-то встрѣ-

чаетъ твердую точку опоры и начинаетъ съ сего пункта овладѣвать все болѣе кругомъ явленій, въ которомъ ему дѣйствовать назначено. Посему слово конечно не старѣе мысли, которая, какъ душа, по идеѣ уже своей, предшествуетъ всякому откровенію; но мысль проявляется, — въ своемъ дѣйствительномъ или внѣшнемъ существованіи—не иначе, какъ посредствомъ слова, въ коемъ находитъ свое воплощеніе.

§ 603.

Рѣчь есть выраженіе духовной жизни; посему и употребленіе рѣчи предоставлено *немногимъ* существамъ нашей планеты. Пускай звуками и тѣлодвиженіями пользуются животныя, какъ естественными и общими знаками ощущеній,—языкъ членосоставный, въ которомъ мысль оглашается, т. е. словесный есть исключительный органъ человѣческихъ познаній: ибо и животное можетъ издавать (монотонные) звуки, подобно человѣку; но говоритъ только послѣдній, управляя по произволу своимъ голосомъ, избирая тоны, приводя оные въ отдѣльные склады, сопровождая искуственные знаки сознаніемъ и приноравливая все это къ высшимъ цѣлямъ усовершенія.

§ 604.

Такимъ образомъ искуство говорить, т. е. произносить слова и связывать оныя съ мыслію, не происходитъ отъ одного подражанія воплямъ бездушныхъ или живыхъ тварей, ни сообщается

вліяніями свыше. Люди, въ состояніи уже дѣтства и дикости, сами изобрѣтаютъ для своихъ нуждъ языкъ, который, потому, вездѣ и носитъ на себѣ слѣды человѣческаго происхожденія. Это доказывается въ особенности его разнообразіемъ, смѣсью духовнаго и чувственнаго знаменованія его словъ, постепенною усовершимостію, и пр.

§ 605.

Но нѣтъ сомнѣнія, что ближайшій *поводъ* къ подобному изобрѣтенію подаютъ здравые органы слуха и рѣчи общежительнаго человѣка,—вопли, исторгаемые сильными ощущеніями, прелесть внѣшнихъ звуковъ для слуха и способность подражать въ такомъ гибкомъ, въ такомъ симпатическомъ организмѣ, каковъ человѣческій, настроенный для принятія и передачи впечатлѣній отъ всего живущаго. Избираются же человѣкомъ на сей конецъ для эѳирныхъ созданій ума, т. е. мыслей, преимущественно и эѳирные образы, т. е. тоны потому, что они и легко составляются и разнообразнѣе другихъ знаковъ и всегда и вездѣ — даже впотьмахъ и вдали — равно употребительны, равно внятны, хотя выражаютъ не самыя вещи, а только отвлеченные признаки оныхъ.

§ 606.

Потребности духовной жизни вынуждаютъ языкъ и, какъ онъ не происходитъ случайно; такъ точно и въ дальнѣйшемъ ходѣ образованія ограждаетъ себя отъ искаженій произвола, живо развиваясь въ первоначальной стройности подъ назидательнымъ

вліяніемъ мыслящей силы. Естественная необходимость и свобода принимаютъ одинаковое участіе въ языкѣ; въ немъ ничего нѣтъ такого, что зависѣлобы отъ твоего или моего благоусмотрѣнія; его выраженія и словосочетанія соотвѣтствуютъ тому, что они означаютъ; самый даже внѣшній предметъ — въ природѣ — косвеннымъ образомъ находитъ въ немъ свое выраженіе, поколику свойство слова есть непосредственное знаменіе какого либо опредѣленнаго состоянія, въ которое приводима бываетъ душа представленіемъ предмета. Такъ внѣшняя природа, — не одна только слышимая — (въ звукоподражаніяхъ) переходитъ въ языкъ, раздѣляя съ нимъ духовное значеніе, именно потому, что онъ заемлетъ отъ ея стихій чувственную одежду,

§ 607.

Если въ словѣ мысль воплощается; то и организмъ нашъ долженъ содѣйствовать къ образованію слова. Посему человѣкъ доходитъ до своего языка не иначе, какъ мало по малу овладѣвая и тѣломъ своимъ вообще и органами рѣчи въ особенности. Ибо въ бытѣ животномъ всѣ движенія нашего языка порабощены чувствованіямъ и вожделѣніямъ у того, у кого сильно дѣйствуетъ и громко вопіетъ природа. Дивное искуство, превращающее цвѣта въ звуки, звуки въ мысли и опять волшебнымъ дуновеніемъ устъ превращающее мысли въ картины, — медленно преспѣваетъ, и перво-

начально a) слова состоятъ болѣе изъ восклицаній, нежели изъ членосоставныхъ звуковъ, болѣе изъ гласныхъ буквъ, нежели изъ согласныхъ, болѣе изъ простыхъ корней, нежели изъ сложныхъ частей рѣчи, b) означаютъ не столько понятія и отвлеченныя мысли, сколько ощутительныя вещи со всѣми ихъ принадлежностями, особливо дѣйствіемъ, c) дополняются тѣлодвиженіями. Но по мѣрѣ того, какъ *вздымается* духовная жизнь человѣка, мы видимъ все болѣе опредѣлительности, всѣ болѣе свободы въ голосѣ, который органы своей рѣчи, губы, гортань, зубы, носъ, грудь и пр. умышленно изгибаетъ, стѣсняетъ, преломляетъ разными способами и тѣмъ производитъ несмѣтное множество опредѣленныхъ тоновъ, полныхъ, половинныхъ, двойныхъ, и т. д. смотря и по устройству органовъ и по расположенію души, болѣе или менѣе свободному отъ враждебныхъ вліяній *напр.* страха, усталости, упоенія.

§ 608.

Слово, изчезающее въ воздухѣ, задерживаемо бываетъ видимымъ постояннымъ знакомъ. Изъ сей потребности схватывать неуловимое созданіе мысли и передавать оное отсутствующимъ и позднему потомству произошли *письмена.* Они доставляютъ знаки либо для цѣлыхъ словъ (Іероглифы), либо для складовъ, либо для простѣйшихъ частей слова, т. е. для буквъ. Для сихъ цѣлей, а равно и для того, чтобы, достигнутую языкомъ, степень

образованія предохранить отъ упадка или, такъ сказать, отъ *попятныхъ* движеній, письмена необходимы; но ихъ дѣйствіе вредно съ одной стороны потому, что они останавливаютъ свободное шествіе живаго языка къ безконечному развитію, частію потому, что ослабляютъ успѣхи памяти.

§ 609.

Гдѣ извѣстнымъ языкомъ говорятъ многіе и говорятъ долго; тамъ онъ получаетъ значеніе самостоятельное, тамъ онъ есть родовое достояніе національнаго ума. Въ происхожденіи подобнаго языка участвуютъ a) особенный характеръ внутренней жизни семейства, которое размножается до поколѣнія, b) одинаковыя отношенія и околичности жизни: ибо каждый языкъ выравнивается и образуется въ общественномъ бытѣ людей, какъ средство взаимныхъ между ими сношеній. Отсюда происходитъ разнообразіе языковъ, опредѣляемое различіемъ впечатлѣній, степенемъ *сближенія* лицъ и народовъ другъ съ другомъ и наконецъ климатомъ и пищей, отъ которыхъ зависитъ грубость и гибкость органовъ, такъ что каждая почти нація имѣетъ свои *родныя*, *завѣтныя* буквы, звуки, восклицанія, примолвки, фразы; языкъ преспѣваетъ съ жизнію народа и принимаетъ въ себя всю исторію послѣдняго;— языкъ— далѣе — въ *нарѣчіяхъ* принимаетъ въ себя всю жизнь поколѣній, сословій, семействъ; наконецъ и всякій изъ насъ объясняется по-своему, такъ что въ

слогѣ Писателей мы ясно видимъ ихъ характеръ, подобно какъ въ физіономіи читаемъ душу, которая извнутри образуетъ свое тѣло.

§ 610.

Идеалы языка суть a) легкое, чистое произношеніе, не стѣсняемое ни носомъ, ни нижнею частію гортани,—брюхомъ (у чревовѣщателей), b) внятность вблизи и вдали, облегчаемая равномѣрнымъ раздѣломъ гласныхъ и согласныхъ буквъ, c) благозвучіе, d) богатство словъ, — безъ роскоши синонимовъ, *аористовъ*, двойственныхъ чиселъ, e) правильностію ограничиваемая многоразличность образованія и связи словъ, чуждающаяся множества исключеній, f) сила или выразительность, составляющая картины для слуха, g) опредѣлительность словоозначенія, устраняющая всякое недоразумѣніе, и наконецъ h) способность усовершенія.

§ 611.

Такой языкъ, имѣющій своею задачей — изобразить развитіе мыслящаго существа въ соразмѣрной многосторонности его движеній есть *словесное искуство* вообще, — окончательное созданіе, торжество слова и непосредственно достигнутая цѣль разумнаго духа, въ языкѣ открывающагося, и тутъ первая и ближайшая рѣчь человѣческая есть вообще *Поэзія*; — болѣе совершенный, изъ Поэзіи образующійся видъ рѣчи, съ опредѣленною *цѣлію*, выражается *Краснорѣчіемъ*, самый же полный, и въ формѣ и въ содержаніи и въ цѣ-

лости и въ частяхъ опредѣленный, для всѣхъ потребностей души удовлетворительный языкъ есть *Наука*,—собственный органъ и явленіе чистой истины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и высочайшее *произведеніе художественное*.

§ 612.

Языки претерпѣваютъ *измѣненія* a) отъ успѣховъ или упадка образованія, b) отъ переселеній, c) отъ продолжительности времени; *утверждаются* же a) классическими писаніями, b) Уложеніями, c) священными книгами.

§ 613.

Заключимъ *рѣчь о словѣ словами* одного изъ *краснорѣчивѣйшихъ* Проповѣдниковъ Германіи. Даръ слова, говоритъ онъ, есть

1) *Преимущество человѣка*. Ибо хотя и животныя умѣютъ сообщать другъ другу свои ощущенія, и хотя средствомъ таковаго сообщенія служатъ и у нихъ тоны; однакожъ *говорить* т. е. образовать внятные и значительные звуки для опредѣленныхъ представленій,—это во всемъ обширномъ царствѣ живыхъ твореній Божіихъ на землѣ можетъ только человѣкъ. Онъ одинъ отличается плѣнительностію голоса; ему одному суждено выражаться явственно и *складно*; онъ одинъ можетъ высказывать все въ разнообразнѣйшихъ оборотахъ, съ чувствомъ и силою и сообщать симъ способомъ свои внутреннія движенія. Но сколь важна способность говорить и въ семъ уже отношеніи! Санъ человѣческій виденъ

въ тебѣ, коль скоро ты отверзаешъ уста для слова: тутъ являешься ты существомъ, которое въ живомъ твореніи Божіемъ на землѣ имѣетъ совершеннѣйшее тѣло; тутъ являешъ ты въ себѣ духа, который можетъ свѣтло мыслить, здраво судить, можетъ свободно хотѣть и поступать; тутъ ты властенъ разоблачать мысли, обнаруживать чувствованія и помыслы, знаменующіе въ тебѣ тварь мудрую, благородную; все, что возвышаетъ тебя надъ животными, все, что ты имѣешъ добраго и великаго, что имѣешъ любезнаго и прекраснаго, дѣлается ощутительнымъ, облекается въ звуки, трогаетъ сердца слушателей, производитъ разныя спасительныя дѣйствія, если употребляешъ рѣчь съ разборчивостію,—не какъ механическій навыкъ подвижнаго языка, не для видовъ смѣтливаго своекорыстія, но для назиданія людскости въ себѣ и въ другихъ. Уже какъ преимущество человѣка, даръ слова имѣетъ неоцѣненное достоинство. Но сколько онъ важенъ.

2) Какъ *узелъ общества*! Только въ нѣдрахъ общества, только въ тѣсной связи съ подобными себѣ мы можемъ и существовать и преспѣвать и выситься. Дабы искра жизни опять не угасла послѣ нашего рожденія, дабы слабое тѣло наше укрѣпилось и образовалось, дабы мы и содѣлались всѣмъ тѣмъ, и выполнили все то, и вкусили все то, къ чему созданы,—для всего этого мы нуждаемся въ собратіяхъ; ихъ рука должна насъ защищать, ихъ ласка

насъ лелѣять, ихъ мудрость насъ руководствовать, ихъ примѣръ воспламенять насъ къ добру; обращеніе съ ними должно доставлять намъ всякія выгоды и радости; мы родились членами гражданскаго тѣла, и слѣдственно состоимъ подъ взаимными вліяніями. Но невозможенъ былъ бы сей прекрасный, благодѣтельный, для насъ необходимый союзъ, еслибъ не поддерживался словомъ. Мы понимаемъ другъ друга; мы можемъ внятными звуками выразить все, что тяготитъ нашу душу; мы въ состояніи совѣщаться, давать одинъ другому обѣты и заключать договоры; власть рѣчи можетъ сообщать нашей дѣятельности соразмѣрное направленіе, облегчать удовлетвореніе нашихъ потребностей, доставлять наслажденію болѣе разнообразія и прелести: вотъ причины, по коимъ мы соединяемся въ семейства, въ общества, въ Государства, сводимъ связи съ всѣми народами и частями свѣта, смотримъ на человѣчество, какъ на цѣлое, въ коемъ все родственно, все влечетъ къ себѣ другое! Союзъ, обьемлющій каждое лице въ отдѣльности, сближающій самые чуждые члены, соединяющій націи между собою и наконецъ сцѣпляющій всѣхъ жителей земнаго шара, есть сила рѣчи.

Но способность сія служитъ еще

и 3) *Средствомъ къ образованію* — неоцѣненнымъ. Пробудить разумъ и довести до познанія истины, облагородить сердце и пріучить его свободно дѣйствовать и повиноваться долгу,—развить всякую

силу нашей природы и удачно устремить ее къ дальнѣйшимъ движеніямъ,—проявить на себѣ—все видимѣе—образъ нашего Творца, и возвысить все существо наше до Богоподобія,—вотъ великая цѣль нашего существованія на землѣ, вотъ торжество людскости! Но все сіе есть дѣло языка. Привѣтливые звуки любви материнской пробуждаютъ нашъ духъ отъ первоначальной дремоты и всѣмъ тѣмъ, въ чемъ мы нуждаемся, одолжены мы благодатному дѣйствію рѣчи, ея силѣ, богатству, ея очарованіямъ. Посредствомъ словъ сообщаютъ намъ первое наставленіе; посредствомъ словъ развиваютъ наши чувствованія; посредствомъ словъ упражняютъ нашъ разсудокъ; посредствомъ словъ отверзаютъ намъ святилище истины; посредствомъ словъ изощряютъ нравственное наше чувство; посредствомъ словъ возвѣщаетъ намъ дружба свои совѣты, Исторія свои опыты, Государство свои законы, Вѣра свои ученія, требованія, утѣшенія. Кто тщательно вникаетъ во все то, что ему сказываютъ, кто охотно послѣдуетъ всему, что умная рѣчь выдаетъ ему за хорошее и справедливое; тотъ легче и вѣрнѣе содѣлывается тѣмъ, чѣмъ ему быть должно. И не наставляетъ ли, сверхъ того, языкъ во всѣхъ Наукахъ, не блюдетъ ли всѣхъ свѣдѣній и изобрѣтеній? Не возвѣщаетъ ли всѣхъ важныхъ событій? Не передаетъ ли всего добраго на землѣ? Не онъ ли проводитъ рѣку познаній—безчисленными рукавами — отъ одного народа къ другому, а мало

по малу и во всѣ страны Свѣта? Не во всѣхъ ли отношеніяхъ справедливо, что способность слова есть великое средство къ воспитанію людей для высшаго, неземнаго ихъ предназначенія?

КОНЕЦЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Картина Человѣка, выставляемая симъ въ Публику, имѣетъ цѣлію не только способствовать успѣхамъ Общей Науки или Философіи съ той стороны, которая для всѣхъ равно занимательна, и, по сей причинѣ, должна быть каждому образованному равно доступна, но и доставить поучительное, *утреннее* чтеніе — именно любознательнымъ юношамъ, дѣловымъ людямъ, Художникамъ, Литераторамъ и наконецъ тому *почтенному* возрасту, который не можетъ уже находить пищи въ Романахъ, Драмахъ и періодическихъ листкахъ, но который любитъ *пріятное* только въ формѣ *полезнаго*.

Наука *вопервыхъ* требовала строгаго порядка въ ходѣ мыслей. Сей строгій порядокъ, надѣюсь, выдержанъ и здѣсь такъ точно, какъ онъ выдержанъ въ *Опытѣ Науки Изящнаго* и *Чертахъ умозрительной философіи*. Наука — далѣе — требовала полноты содержанія; этотъ-то обильный запасъ матеріяловъ и заставилъ меня, вопреки первоначальному

плану, *растянуть* Книгу до 43-хъ печатныхъ листовъ. Но полнота сколько чуждается излишества, столькоже совмѣстна и съ опредѣлительностію. Не можетъ ли быть рѣка

Важна безъ пѣны, безъ порыва,
Полна, велика безъ разлива?

Сія причина поставила мнѣ въ обязанность, съ одной стороны расширивъ внутренній составъ Человѣкоученія *настилкой* многихъ новыхъ и характеровъ и цѣлыхъ статей, съ другой—отнять у него неправедныя присвоенія, т. е. исключить всѣ задачи, принадлежащія другимъ Наукамъ. Такъ *теорія рожденія* находитъ свое мѣсто въ *умозрительной физикѣ*, такъ *нравственные идеалы*, напр. *дружбы*, *скромности*, *патріотизма* и пр. я отослалъ—по принадлежности — въ *Мораль*, такъ описаніе и Исторію *возрастовъ*, *половъ*, *породъ* предоставляю я *Исторіи человѣчества*, которую имѣю не только въ *виду*, но *знатною* частію и въ *запасѣ*. Наконецъ назначеніе Книги и для чтенія требовало—сблизить ея текстъ съ общими понятіями. Вотъ почему я старался, сколько позволяли мнѣ то и силы мои и права школы, выражаться—просто—по Русски!

Вотъ почему *физическая* сторона человѣка, для иныхъ *скучноватая*, обработана короче духовной! Вотъ почему предметы, болѣе близкіе къ *жизни* и къ *сердцу*, расписаны часто— *широкою кистію* — какого нибудь *Каруса*, *Шульце*, (особливо въ изображеніи страждущихъ состояній души),—*Свабедиссена*, *Гейнрота*, *Фриса*, *Нейбига*, *Гиллебрандта*, *Вагнера*, *Стиденрота*, *Тюро* и другихъ. Ибо

Имѣвъ подъ рукою множество иностранныхъ, особливо Нѣмецкихъ, книгъ по части Человѣкоученія, вышедшихъ въ послѣдніе 30 лѣтъ и поименованныхъ въ Исторіи и Литературѣ на страницахъ 27—33, я не преминулъ воспользоваться *дѣльными* ихъ замѣчаніями и статейками, въ той увѣренности, что за подобное *подспорье* въ моемъ, почти трехъ—лѣтнемъ трудѣ философически-литературномъ, не столько *побранитъ* меня Критикъ, всегда *чужой человѣкъ*, сколько *поблагодаритъ бы родной* Читатель *назидательныхъ* Русскихъ книгъ, (каковы *напр. Физики* Д. М. *Велланскаго* и М. Г. *Павлова*) за утайку того, что *удалось* комулибо изъ моихъ заграничныхъ *сотрудниковъ* придумать, можетъ быть, еще и лучше, чѣмъ мнѣ,—еслибъ я, иначе сказать, не нарисовалъ ему поря-

дочной картины и Китайскими красками, которыя могъ достать.

Изъ тщательнаго *соображенія* сихъ *цѣлей* и *пособій* составилась предлежащая Книга по новому *плану*, начертаніе котораго занимало меня почти столькоже, сколько и самая отдѣлка, и который, въ дополненіе Предисловія, при семъ прилагается.

А. Г.

С. Петербургъ,
Мая 10 дня,
1833 года.

BCKIE

Картина Человѣка продается--на простой бумагѣ по 13, на любской по 15 рублей — въ С. Петербургѣ въ Книжномъ Магазинѣ А. Ф. *Смирдина*, а въ Москвѣ въ Университетской Книжной лавкѣ А. С. *Ширяева*, отъ которыхъ можно получать и прежнія, частію сочиненія, частію изданія А. И. *Галича*, а и[illegible]

1) *Исторію Философскихъ [illegible]мъ*, въ двухъ частяхъ . . . . . 10 руб.
2) *Опытъ Науки Изящного* . . . . 6 р. 50 к.
3) *Черты Умозрительной Философіи* 3 —
4) *Теорію Краснорѣчія* . . . . . 5 —
5) *Логику, выбранную изъ Клейна* . 3 —
6) *Герлаха Науку Нравовъ*. . . . . 5 —

LIBRARY OF CONGRESS
0 021 072 517 9